

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ**

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

Выпуск 24

**ГУМАНИТАРНЫЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006**

Выпуск содержит материалы XXXV научной и учебно-методической конференции СПбГУ ИТМО «Достижения ученых, аспирантов и студентов университета в науке и образовании».

Конференция была проведена 31 января – 3 февраля 2006 г. Санкт-Петербургским государственным университетом информационных технологий, механики и оптики в сотрудничестве с

ФГУП ВНИЦ «ГОИ им. С.И. Вавилова»,

Институтом аналитического приборостроения РАН (ИАНП РАН),

Институтом проблем машиноведения РАН (ИПМаш РАН),

Комитетом по науке и высшей школе Санкт-Петербурга (КНВШ),

ВНИИМ им. Д.И. Менделеева,

ОАО «ЛОМО»,

ОАО «Техприбор»,

ФГУП СПб ОКБ «Электроавтоматика»,

ЦНИИ «Электроприбор».

Программный комитет конференции:

Васильев В.Н. (СПбГУ ИТМО) – председатель

Аронов А.М. (ОАО «ЛОМО»)

Алимов Ю.А. (ФГУП ВНИЦ «ГОИ
им. С.И. Вавилова»)

Викторов А.Д. (КНВШ)

Гатчин Ю.А. (СПбГУ ИТМО)

Дукельский К.В. (ФГУП ВНИЦ «ГОИ
им. С.И. Вавилова»)

Карасев В.Б. (ФГУП ВНИЦ «ГОИ
им. С.И. Вавилова»)

Козлов С.А. (СПбГУ ИТМО)

Колесников Ю.Л. (СПбГУ ИТМО)

Курочкин В.Е. (ИАНПРАН)

Маслов Ю.В. (ОАО «Техприбор»)

Максимов А.С. (КНВШ)

Мусалимов В.М. (СПбГУ ИТМО)

Парамонов П.П. (ФГУП СПб ОКБ
«Электроавтоматика»)

Пешехонов В.Г. (ЦНИИ «Электроприбор»)

Путилин Э.С. (СПбГУ ИТМО)

Ткалич В.Л. (СПбГУ ИТМО)

Ханов Н.И. (ВНИИМ им. Д.И. Менделеева)

Храмов В.Ю. (СПбГУ ИТМО)

Шехонин А.А. (СПбГУ ИТМО)

Яковлев Е.Б. (СПбГУ ИТМО)

Организационный комитет конференции:

Никифоров В.О. – председатель

Студеникин Л.М. – зам. председателя

Казар Л.Н. – ученый секретарь

Горкина Н.М.

Гатчин Ю.А.

Гусарова Н.Ф.

Гуров И.П.

Никоноров Н.В.

Ноздрин М.А.

Путилин Э.С.

Савельева Л.П.

Томасов В.С.

ISSN 1819-222X

О ЦЕЛЕВОЙ ПРИЧИНЕ ИЛИ О ТОМ, МОЖЕТ ЛИ «БУДУЩЕЕ» ВЛИЯТЬ НА «НАСТОЯЩЕЕ»

Н.М. Аль-Ани

Своей идеей об «целевой причине» и своим учением об «энтелехии» Аристотель разработал телеологическую концепцию бытия, согласно которой целесообразность (или даже целеустремленность и целеполагание) возводилась в ранг общей характеристики сущего, его атрибута. И тут не важно, что с аристотелевской точки зрения цель объявляется, так сказать, лишь «соучастником» процесса причинения, поскольку она может действовать в качестве причины не самостоятельно, а только совместно с тремя другими причинами – материальной, формальной и производящей. Здесь как раз важно то, что она при этом превращается в активно действующую причину. В связи с этим непременно возникает целый ряд вопросов, большинство из которых Аристотель гениально просто снял путем заключения цели в саму вещь, помещения ее внутрь сущего. Однако этого было недостаточно, чтобы телеология не «обрастала» идеалистическими и теологическими спекуляциями.

Если полагать, что цель изначально «заложена» или находится в самих вещах, то это еще не значит объяснить ее происхождение и ответить на вопрос, откуда она там появляется. Поэтому неудивительно, что в истории философии было немало попыток представить некоего трансцендентного субъекта, абсолюта и предустановленную им гармонию в качестве конечной причины наблюдаемой в природе целесообразности.

Чтобы освободить «рациональное зерно» телеологии от теолого-идеалистической «шелухи» в биологии, где проблема целесообразности оказалась в одном из фокусов научных исследований, была разработана концепция «телеономизма». Термин «телеономия» впервые был введен в научный оборот в конце 50-х годов XX столетия К.С. Питтендраем [1, р.394]. Телеономическим он называет направленный механический процесс. Конечный результат такого процесса, по его мнению, не выступает по отношению к самому процессу в качестве действующей или конечной причины, как это имеет место при телеологическом процессе. Э. Майр полностью принимает данную установку К.С. Питтендрая и использует термин «телеономия» также для обозначения особого рода причинности, которая не связана с «целевой причиной» Аристотеля и с его телеологией [2, р.1505].

Проблема «целевой»¹ или «телеономической» причинности может быть, как мне представляется, более адекватно решена именно на основе диалектической концепции развития. Дело в том, что причинный процесс является важнейшим аспектом развития сущего, и в качестве такового он не может реализоваться иначе, как в результате того активного взаимодействия, в которое непременно вступают между собой причина и следствие (действие) как диалектические противоположности (полярности).

Причинное отношение (взаимодействие) на самом деле есть процесс актуализации причины в следствие и обратно, и поэтому оно снимает с себя в качестве собственных моментов как превращение причины из потенциальной формы своего существования в актуальную, так и переход следствия как актуализированной причины в новую причину, которая сначала может существовать лишь как возможность нового звена в реальной цепи причинения. Отсюда ясно, что причинный процесс непременно должен выражать содержание развития сущего как имманентное взаимопревращение действи-

¹ Под «целью» я понимаю относительно конечное состояние локальной системы.

тельности в возможность и обратно. В непосредственной связи с этим стоит и внутренняя структура процесса причинения (а вместе с ним и процесса развития в качестве его подлинной сущности) как диалектическое взаимодействие необходимости и случайности². Ведь, как показал в свое время О. Курно, необходимость с точки зрения формы причинения не может быть ничем иным, кроме как пересечением зависимых причинных рядов, а случайность с той же самой точки зрения оказывается именно таким отношением, которое возникает «при встрече или комбинации явлений, принадлежащих независимым рядам, получившимся в порядке причинности³» [см.: 3, с.84–86].

С другой стороны, хорошо известно, что переход причины из своего потенциального существования в существование актуальное непременно предполагает наличие соответствующих, внешних (по отношению к данной потенциальной причине) условий, без которых эта последняя не может актуализироваться. Поэтому можно полагать, что процесс актуализации потенциальной причины включает в себя как зависимые причинные ряды, так и независимые. И в самом деле, каждый из системообразующих факторов данного процесса (т.е. причина как реальная возможность, с одной стороны, и условия ее превращения в действительность – с другой) представляет собой необходимое существование, поскольку является пересечением зависимых причинных рядов или, что выступает предельным случаем пересечения этих рядов – звеном единой причинной цепи. Следовательно, и сам указанный процесс, включающий в свою структуру эти факторы, непременно должен снимать в себя момент необходимости или, говоря иначе, иметь необходимую природу. Однако как синтез, а значит, как пересечение указанных факторов, представляющих собой звенья независимых друг от друга цепей причинения, он непременно снимает в себя и момент случайности и тем самым оказывается процессом вероятностным. Точно такое же содержание обнаруживается и в процессе имманентного перехода следствия в новую причину. Таким образом, причинный процесс в обеих его составляющих (т.е. и как превращение причины в следствие, и как обратное обращение следствия в причину), а следовательно, и выражаемый им процесс развития всегда являют собой диалектический синтез необходимости и случайности. Поэтому вряд ли можно признать состоятельной как попытку придавать причинному процессу и процессу развития однозначную predetermined направленность, так и противоположную попытку отрицать объективную закономерную природу этих процессов.

Итак, процесс причинения есть в действительности диалектическое взаимодействие причины и следствия, в пределах которого данные полярности не просто взаимоисключают, но и взаимопологают друг друга, а, следовательно, и взаимопроникают (взаимопереходят) друг в друга. В свете этого можно полагать, что не только причина, определяя собой свое следствие, ведет себя по отношению к нему активно, но и следствие, в свою очередь, может проявлять себя достаточно активно и обратно влиять на свое собственное основание. И вот эта активность или, точнее сказать, самоактивность следствия по отношению к собственной причине, главным образом проявляющаяся как его обратное воздействие на нее, и составляет, на мой взгляд, общую объективную основу так называемой «целевой» причинности или «телеономической» детерминации, при

² Подчеркивая это, следует признать несостоятельной попытку свести возможное к случайному, а действительное к необходимому. На самом деле, каждая из возможности и действительности как абстрактное (одностороннее) определение сущего, точно так же как и их взаимодействие, являют собой диалектическое единство случайности и необходимости.

³ Предлагаемое О. Курно понимание случайности не противоречит, как мне представляется, взгляду Гегеля-Энгельса на случайность как форму проявления необходимости. Как раз наоборот, оно предполагает данный взгляд, поскольку по своей сути является одним из его выражений или конкретизаций. И действительно, определение случайности как пересечения независимых причинных рядов, каждый из которых в отдельности может быть в конечном итоге сведен к единой причинной цели (или же к пересечению зависимых рядов причинения), олицетворяющей собой необходимость и есть, по существу, ее определение как форма проявления этой последней и как дополнение к ней.

которой конечное (будущее) состояние системы может оказать влияние на ее исходное (прошлое) состояние. При этом следует, однако, оговориться и подчеркнуть, что «будущее» (иначе – новое) как нечто сложившееся и актуально существующее, т.е. «будущее», ставшее уже наличным бытием, не может, конечно, прямо и в буквальном смысле влиять на «настоящее» и тем более на прошлое (т.е. на старое) и определять их содержание. И это именно так, хотя бы потому, что по определению нельзя влиять на то, чего уже нет. Ведь то, что раньше представляло собой настоящее, просто перестает существовать в качестве такового, а, значит, и в качестве наличного бытия в тот же самый момент, когда то, что ранее считалось будущим, превратится в актуальное существование. «Бывшее настоящее» становится теперь частью прошлого и в качестве уже старого снимается (в преобразованном виде включается) в содержание «бывшего будущего», превратившегося теперь в реальное настоящее (новое) или, говоря иначе, полностью перешедшее в «новое настоящее».

Однако вместе с тем диалектика учит, что новому (будущему) неоткуда взяться, кроме как из старого (настоящего и прошлого), и поэтому оно не может появляться иначе, как только в недрах этого последнего и на его основе. Это значит, что новое (или будущее) в форме определенных зачатков, ростков, намеков и т.д. непременно должно иметь место в самом старом (или прошлом), включаться элементом в его внутреннюю структуру. Очевидно, что именно в такой форме оно может взаимодействовать с остальными элементами данной структуры и вступать с ними, в том числе и в детерминационные взаимоотношения.

В свете сказанного более или менее точное решение вопроса о возможности и конкретном содержании детерминационного взаимодействия между новым и старым требует четкого различения следующих двух генетически между собой связанных форм существования нового (будущего). Во-первых, новое как исходное, зачаточное, бедное содержанием, существование, т.е. новое как форма существования «своего иного» («старого»). Во-вторых, новое как богатое содержанием, вполне самостоятельное существование, т.е. новое как форма собственного существования.

Очевидно, что как форма собственного существования новое никакого воздействия, в том числе, и детерминационного характера, на старое не оказывает и оказывать не может по той простой причине, что этого последнего как такового уже нет (поскольку оно полностью уже перешло в новое). Однако как зачаточное существование и, стало быть, как форма существования старого, новое непременно включается элементом во внутреннюю структуру старого и поэтому вполне реально может оказывать на него определенное детерминационное воздействие.

Из предыдущего можно заключить, что новое присутствует в собственной структуре старого лишь постольку, поскольку оно в ней отсутствует и не существует в данной структуре лишь в той мере, в какой оно наличествует в ней. Это значит, что новое в составе старого выступает единством бытия и ничто, т.е. является подлинным становлением.

Итак, о так называемой «целевой» причинности можно, как мне представляется, говорить лишь в смысле относительной детерминированности старого (прошлого) зачаточным новым (будущим). Только в таком строго определенном смысле она, наполняясь объективным содержанием, становится всеобщей закономерностью развития сущего. И в самом деле, в таком понимании она обнаруживает себя на всех уровнях структурной организации материи.

Непосредственное содержание «целевой» причинности как относительной детерминированности старого зачаточным новым на биологическом уровне развития материи подтверждается эволюционным учением Ч. Дарвина, которым, как метко заметил К. Маркс, был «впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естествознании, но эмпирически объяснен ее рациональный смысл» [3, с. 475]. Оно, в частно-

сти, раскрывается положением эволюционной теории, согласно которой адаптация эволюционирующих организмов к условиям своей среды никогда не может быть совершенной и абсолютной. Поэтому целесообразность живых систем всегда может носить лишь относительный характер. И это понятно, ибо в противном случае живой организм не мог выйти за пределы уже выработанных адаптивных норм (опыта), и поэтому он неминуемо погиб бы в новых изменившихся условиях. Следовательно, организмы могут свободно эволюционировать только при обладании ими постоянной возможностью выхода за пределы своего адаптивного опыта. В этом плане биологическая эволюция оказывается непрерывным снятием строгого однозначного приспособления организмов. Однако оно может быть постоянным преодолением абсолютной приспособляемости живых систем только в том случае, если эти последние определены и обусловлены (детерминированы) не только обстоятельствами, сугубо относящимися к их прошлым состояниям, но и факторами, в той или иной мере «ориентирующими» их на будущее. Говоря иначе, эволюция может иметь место лишь при постоянной возможности выхода организмов за пределы своего прошлого опыта (состояния) и их «самоориентации» на свое собственное будущее или, точнее, эволюция суть реализация данной возможности. В соответствии с этим любое конкретное звено эволюционного процесса в живой природе оказывается не только продуктом прошлого (старого), но и чем-то, в известном смысле «ориентированным» на будущее (новое). Или, что то же самое, оно является продуктом прошлого лишь в той мере, в какой само это прошлое выступает некоей «самоориентацией» на будущее в силу того, что включает его ростки в своем собственном содержании. Иными словами, оно оказывается таким настоящим, которое непосредственно детерминируется прошлым и в известном смысле «ориентируется» на будущее.

Последнее положение находит свое обоснование и подтверждение и в так называемой «биологии активности». В своих исследованиях этой последней Н.А. Бернштейн, например, приходит к важному обобщающему выводу, согласно которому активные действия и процессы, составляющие основу жизнедеятельности любого организма, определяются помимо всего и заранее формируемым в самом организме «концептом» или «моделью потребного будущего». Данную модель «мы имеем полное методологическое право рассматривать ..., – пишет он, – как реальную причину вызываемого и направляемого его (т.е. организма – Н.А.) действия». Поэтому можно полагать, «что цель, понимаемая как закодированная в мозгу модель потребного организму будущего, обуславливает процессы, которые следует объединить в понятие целеустремленности» [5, с. 68, 69; 6, с. 307–308].

Таким образом, на биологическом уровне структурной организации материи «целевая» причинность как относительная детерминируемость старого зачаточным новым реализуется в форме целесообразной реакции организма на возможное изменение условий среды, выводящей его за пределы прошлого адаптивного опыта и таким образом, в известном смысле «предвосхищающей», т.е. предваряющей, его будущее.

В еще более развитых и, стало быть, более отчетливых формах «целевая» причинность как детерминируемость старого зачаточным новым выступает на высшем уровне процессуальности бытия – в социальном развитии. Приобретая принципиально новые черты, она здесь в основном проявляется как сознательное опережающее отражение, т.е. в виде преднамеренной целеустремленной человеческой деятельности или сознательного целеполагания. При этом она как такое целеполагание имеет место не только на индивидуальном, но и на коллективном уровнях человеческой активности. Более того, ее роль и значение на обоих данных уровнях неуклонно растут вместе с развитием человека и социального целого. Однако это никоим образом не означает, что неосознанный момент или стихийный элемент во внутренней структуре социально-исторического развития может когда-либо сойти на нет, полностью исчезнуть, и, таким

образом, данное развитие превратится в абсолютно осознанный и во всех отношениях и деталях предопределенный самим человеком процесс.

«Целевая» причинность в вышеуказанном понимании довольно отчетливо выступает и в таком важнейшем аспекте человеческой деятельности, как познавательном процессе. В методологической составляющей этого процесса она обнаруживает себя в том диалектико-логическом приеме, который можно обозначить как метод восхождения от абстрактного к конкретному и обратно. Согласно данному методу, «конкретное» фактически объявляется тем «конечным» продуктом или результатом, к которому в известном смысле «должно» стремиться в своем развитии «абстрактное». «... Для понимания низших ступеней, – говорил Гегель, – необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых; так как в нем все дошло до своей развитой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое» [7, с. 545]. Повторяя, по сути дела, и конкретизируя гегелевскую установку, К. Маркс писал: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьян. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [8, с. 42]. В соответствии с формируемым в цитируемых здесь словах Гегеля и Маркса диалектическим познавательным принципом любая, более конкретная, научная теория оказывается не просто продуктом развития соответствующей менее конкретной, а стало быть, и более абстрактной научной теории, но и ключом к ее пониманию, поскольку она непременно должна снимать эту последнюю в себе в качестве своего момента или предельного случая. Поэтому можно сказать, что еще задолго до выдвигания Н. Бором в 1913 году своего «принципа соответствия» в философии была выработана та диалектическая установка, простой конкретизацией которой и явился данный принцип.

Наконец, «целевая» причинность в формируемом в данной статье понимании имеет место и в неживой природе. Правда, она здесь проявляется в предельно простом виде из-за того, что неорганическое тело обладает существенно ограниченным числом «степеней свободы», т.е. возможностей. Очевидно, именно поэтому «целевая» причинность в неорганическом мире, как правило, реализуется отрицательно, в виде определенных запретов. Так, например, данное состояние тех или иных элементарных частиц не может быть определяемо возможностью их превращения в кристалл, в дерево, в человека и т.д.⁴ Оно, наоборот, может быть детерминировано какой-либо из сравнительно небольшого набора возможностей, которым эти частицы реально обладают (например, возможностью их превращения в элементы атомной структуры и т.д.). Это значит, что в неорганическом мире действительно имеют место телеономические процессы, понимаемые согласно вышеприведенному определению К.С. Питтендрая.

Во всяком случае, можно быть уверенным в том, что, например, траектория взметнувшегося вверх от удара футболиста мяча представляет собой «направленный механический процесс». Дело в том, что из тех немногих возможностей, которыми обладает такой мяч, будет реализована именно та, при которой мяч в итоге будет покоиться на поверхности Земли. Исходя из этого, можно заключить, что состояние покоя этого мяча на Земле выступает по отношению к его состоянию «летающего» в воздухе в качестве «конечной причины» (или так называемого «аттрактора»), изначально определяющей собой траекторию отправленного вверх ударом футболиста мяча. Поэтому можно полагать, что реакция неорганических тел (и особенно тех из них, которые об-

⁴ В этой связи представляется весьма упрощенным взгляд некоторых авторов, согласно которому возможность появления человека уже заключена в самих элементарных частицах или в предполагаемом «Большом взрыве» или же в значениях фундаментальных постоянных (антропный принцип в космологии).

ладают более широким набором возможностей) на изменение внешней среды принимает иногда в известном смысле «избирательный» характер.

Таким образом, «целевую» причинность как относительную детерминированность старого зачаточным новым можно обнаружить на всех уровнях структурной организации материи. И в этом ничего удивительного нет, если учесть, что она, на самом деле, выступает лишь одной из конкретных форм проявления и выражения самоактивности материи.

Литература

1. Pittendrigh C.S. Adaption, Natural Selection and Behavior //Behavior and Evolution. New Haven, 1958.
2. Mayer E. Causa and Effect in Biology. // Science. 1961. Vol. 134. № 3489.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 30.
4. Курно О. Основы теории шансов и вероятностей. М., 1970.
5. Бернштейн Н.А. На путях к биологии активности. // Вопросы философии. 1965. № 10.
6. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. М., 1966.
7. Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т.2.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч.1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ИЗ СРЕДСТВА ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФАКТОР ЕГО ПОРАБОЩЕНИЯ

Н.М. Аль-Ани

Грустный пролог

Публикуемый ниже материал представляет собой «тезисы» сообщения, с которым автор намеревался выступить на организованной кафедрой онтологии и теории познания философского факультета СПбГУ конференции «Рациональность и свобода». Однако автору пришлось отказаться от своего намерения после того, как эти «тезисы» были в искаженном виде опубликованы в сборнике «Рациональность и свобода. Тезисы VI международной научной конференции 16-17 ноября 2005 года. СПб., 2005», издание которого было приурочено к началу данной конференции. «Ответственный редактор» этого сборника счел нужным без ведома автора полностью исключить из представленного им текста целый абзац и в таком урезанном виде опубликовать его, совершенно при этом не заботясь о том, как это может отразиться на содержании текста. Данное действие не только нанесло непоправимый урон содержанию, поскольку ликвидировало звено, логически и предметно-содержательно связывающее первый и последний абзацы текста, но и, в известной степени, явилось неоправданным, или, во всяком случае, трудно объяснимым поступком. В указанном сборнике содержатся не менее сорока работ, каждая из которых по своему объему превосходит полный объем текста, представленных автором тезисов, включая сюда и опущенный при их публикации абзац.

В связи с этой историей, которая, к великому сожалению, сплошь повторяется (во всяком случае, автор сталкивается с подобным рода действием не впервые!) и стала сегодня чуть ли не привычной практикой, характеризующей отношение редактора к автору, невольно возникает вопрос: неужели трудно редактору согласовать вносимые им в текст изменения с его автором или же отказать ему в публикации текста, если последний по своему объему действительно выходит за рамки установленных организационным комитетом (конференции, издания и т.д.) «священных» границ. (В скобках заметим, что «священными» эти границы являются далеко не для всех авторов, хотя, казалось бы, все они вносят один и тот же «организационный взнос». И надо же придумать такое: везде в мире платят автору за публикацию его работы, а мы здесь, на постсоветском пространстве, вынуждаем автора платить, чтобы его тексты, нередко в «искаленной» редакцией форме, увидели свет!!!).

В заключение не могу не высказать еще одно замечание: «ответственный редактор» вышеназванного сборника уверяет нас в том, что «тексты печатаются в авторской редакции» (см.: указанный сборник, с. 2.). Не будем придираться к этим словам редактора и доказывать, что текст, из которого выбрасываются целые абзацы, авторским можно назвать лишь с большой натяжкой, а просто примем их к сведению. Однако в таком случае неизбежно возникает следующий вопрос: зачем тогда нужен «ответственный редактор»? Ответ на данный вопрос как бы напрашивается сам собой: по-видимому, он нужен только в качестве «текстомера», насильственно перекраивающего тексты для придания им нужного (стандартного) объема. Такого редактора, естественно, интересует только количество, на качество же он не обращает никакого внимания. К тому же следует добавить, что функцию «перекройщика» текстов нередко он выполняет весьма избирательно. Нелишне заметить здесь, что подобный образ действия может служить неплохой иллюстрацией основного тезиса публикуемого ниже материала. Вместе с тем, все это не может не наводить тоску и не вызывать чувства горечи. Думаю, многие со мной согласятся в том, что описанная в данном вынужденном «прологе» практика является во многих, если не во всех, отношениях порочной и должна быть искоренена. Во всяком случае, можно быть уверен-

ным в одном: такая практика унижает достоинство ученого и является издевательством над наукой, и поэтому она не может и не должна иметь места в научном обществе.

Взаимоотношение или, точнее, взаимодействие человека с природой всегда было и остается важнейшим фактором существования и развития как человека, так и общества в целом. На протяжении долгой человеческой истории оно претерпевало существенные изменения. Так, на самом раннем этапе истории первобытный человек (дикарь) еще не выделял себя из окружающей его действительности, был еще слит с природой в единое нерасчлененное целое. Ввиду этого он мог производить изменения в природе в основном благодаря своему простому присутствию, т.е. самим фактом своего существования, и в данном отношении он, по существу, ничем не отличался от любого другого животного.

Полностью идентифицируя себя с «матерью-природой», дикарь тем самым пребывал в полной зависимости от нее, слепо подчиняясь ее различным силам. Однако в отличие от тождества обычного животного с условиями его существования, которое носит некий абсолютный характер, тождество человека-дикаря с природой с самого начала заключало в себе определенное различие. И в самом деле, еще на заре человеческой истории, когда «первые люди», занимаясь собирательством, не находили больше в преданной природе достаточных средств к существованию, они вынуждены были сами их добывать, а затем и производить через охоту, земледелие, скотоводство и т.д. Именно так человек начинает медленно, но довольно настойчиво создавать искусственную среду своего обитания, так называемую «вторую природу», т.е. свою культуру. И все же, потребовались сотни тысяч лет развития человека, его познавательных способностей, орудий и характера его труда, его культуры в целом, прежде чем его человеческая деятельность приобрела, наконец, рациональный характер. И вот, наконец, наступает эпоха Нового времени, при которой научная рациональность становится мощным орудием познания природы, постижения ее различных закономерностей. Данное обстоятельство позволяло человеку вносить в природу такие существенные изменения и преобразования, которые, в итоге, привели к выведению его из-под власти природы и постепенному его превращению в ее властелина. Поэтому можно с полным основанием полагать, что рациональность выступала тогда действенным средством освобождения человека из-под власти природы, выражением и способом реализации его свободы.

Поразительные успехи рационализации отношения человека к природе воодушевили его настолько, что он решает придавать рациональный характер многим формам своей деятельности и производить рационализацию различных аспектов жизни общества. В результате XX век входит в историю именно как век тотальной рациональности. Все, что не подчиняется разуму и его императивам, отвергается или, в лучшем случае, объявляется сомнительным и бессмысленным. Разум претендует теперь не только на регламентацию научной жизни и технической деятельности, но и на тотальный контроль над экономикой, политикой, духовной культурой и даже личной жизнью человеческого индивида. Научная рациональность снимает с научной деятельности любые ограничения и абсолютизирует право ученого на поиск истины. Вместе с технической рациональностью, выступающей формой существования «инструментального разума», она неизбежно ведет к научно-техническому императиву: «Can implies ought» – «Можешь – значит должен». «Экономический разум» требует полной рационализации производства и всей экономической жизни общества. Экономическая рациональность стремится превратить любую экономическую структуру в слаженный, продуктивно (оптимально) работающий механизм с целью обеспечения наибольшей экономической выгоды (прибыли). Политическая рациональность преследует цель переустройства всей политической структуры общества на началах разума, чтобы эффективнее обеспечить и

реализовать интересы правящей элиты. И, вообще говоря, рациональным в обществе объявляется все то, что отвечает этим интересам. Поэтому неудивительно, что рациональность стремится завладеть также всей духовной жизнью людей, подчинить себе духовную культуру. Она, наконец, «бесцеремонно» вторгается и в личную жизнь человека, пытаясь регламентировать ее таким образом, чтобы эта жизнь лучше (согласованнее) вписалась в общественную систему, построенную в соответствии с принципами разума. Следовательно, рациональность полностью элиминирует человеческую индивидуальность, лишает человека его уникального бытия. И это понятно, поскольку строго рационально организованное общество, скорее, представляет собой сборище роботов, нежели сообщество уникальных, творчески думающих и свободно действующих субъектов. Поэтому в мире, где безраздельно правит разум, где рациональность оказывается единственным (желательным) способом жизнеустройства и где она, тем самым, превращается в самоцель, человек непременно лишается всего богатства своего индивидуального существования и, в итоге, теряет свою свободу и низводится до уровня простого средства. В таком мире «многоцветье» человеческого бытия «увядает», и человек падает жертвой и становится рабом своей собственной рациональности. Так рациональность, некогда возвысившая человека над природой, превращается (в том числе, и благодаря этому) в фактор его отчуждения и порабощения.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИИ ВООБРАЖЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О.А. Антонова, А.А. Брылевская

Существует две версии этимологической интерпретации термина «виртуальный». Первая – латинская, на наш взгляд, более глубокая и интересная, и вторая – английская, от слова «virtual», что значит фактический, действительный. Термин «virtus» у древних римлян означал состояние душевного подъема воина, воинскую доблесть, которую он проявлял в бою. Римская интерпретация понятия имеет истоки в античности. В античности «virtus» означало добродетель, притом присущую только самым мудрым. В средневековье «virtus» обозначало некую таинственную силу, чье присутствие в объекте или в Боге не подлежит сомнению. Данная сила переводит объекты из небытия в бытие. Если же объект еще не существует, с помощью этой силы объект обретает возможность существовать и действовать. Для средневекового человека термин «virtus» имеет однозначный смысл: это то, что порождает мышление, а не наоборот.

Сам же термин «виртуальная реальность» был предложен в 1984 г. Дж. Ланье, который определил ее как некий иллюзорный мир, в который погружается и с которым взаимодействует человек, причем создается этот мир имитационной системой, способной формировать соответственные стимулы в сенсорном поле человека и воспринимать его ответные реакции в моторном поле в реальном времени. Тем не менее, будет большой ошибкой интерпретировать виртуальную реальность просто как технологию моделирования искусственной реальности с помощью компьютеров. Необходимо расширить само понятие виртуальной реальности, и, как только мы это сделаем, станет очевидным, что сама возможность существования виртуальной реальности коренится в нашей структуре сознания, а именно в способности нашего сознания создавать образы – в воображении. Воображение, таким образом, выступает некой формой виртуальной реальности. Прежде чем рассмотреть как воображение «формирует» виртуальную реальность, остановимся на некоторых основных философских интерпретациях данного понятия.

Согласно традиционному пониманию, сложившемуся в психологии и философии, воображение – это способность образования и произвольного воспроизведения образа предмета в отсутствие самого предмета. При этом предмет может существовать реально, а может только в представлении.

Платон впервые рассматривает воображение в диалоге «Филеб» как связанную с памятью способность создания душой «живописных» образов или изображений. Платон отмечает творческий аспект воображения, благодаря которому душа в состоянии изображать или «рисовать» образы вещей, не только копируя, но и произвольно внося разнообразные изменения.

Аристотель определяет воображение как устойчивое состояние или свойство ума порождать образы, отличные как от образов чувственного восприятия, так и от предметов чистого мышления.

«Воображение же есть нечто отличное и от ощущения, и от размышления; оно не возникает без ощущения, а без воображения невозможно никакое составление суждений, а что воображение не есть ни мышление, ни составление суждений – это ясно. Ведь оно есть состояние, которое находится в нашей власти (ибо можно наглядно представить себе нечто, подобно тому, как это делают пользующиеся особыми способами запоминания и умеющие создавать образы), составление же мнений зависит не от нас самих, ибо мнение необходимо бывает или ложным, или истинным» [1].

Очевидно, что в античных теориях воображения, в частности, в теориях Платона и Аристотеля, не делается явного различия между продуктивным воображением – воображением, которое способно произвольно создавать свои образы, и репродуктивным во-

ображением – воображением, которое лишь более или менее точно воспроизводит образы, которые происходят из чувственного восприятия или мышления. Именно Кант впервые проводит различие между репродуктивным (воссоздающим) и продуктивным (творческим) воображением. Он рассматривает воображение как способность, которая находится между чувственностью и рассудком. Лейбниц также рассматривал воображение как способность, которая соприкасается как с чувственностью, так и с рассудком. Становится ясно, что, интерпретируя воображение как способность, которая занимает такое срединное положение, Лейбниц и Кант следовали теории Аристотеля. Продуктивное, чистое или трансцендентальное воображение определяется Кантом как «способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании» [2]. Продуктом чистого воображения является трансцендентальная схема, соприкасающаяся, с одной стороны, с категориями рассудка, а с другой – с явлениями, чувственно постигаемыми в формах пространственно-временных определений.

Несмотря на то, что уже Платон и Аристотель отмечали особый статус образов воображения, в философии, вплоть до XX века, доминирующей стала тенденция, в основе которой лежал тезис о том, что образ есть вещь. Сартр выделяет три основных, как оказывается единственно возможных, исходя из данного положения, концепции, рассматривающих соотношение образа и мысли. Во всех трех концепциях образ является вещью. Первая концепция принадлежит Декарту и предполагает параллелизм соотношения между образами как телесными реалиями и механизмом их продуцирования.

«И тогда этот вид мышления отличается от чистого познания одним лишь тем, что в последнем разум, когда он познает, некоторым образом обращается сам на себя и рассматривает какое-нибудь из своих собственных представлений, в то время как при воображении он обращен на тело и ищет в представлении о нем нечто сходное с той идеей, которую он или познал мысленно, или воспринял от чувств» [3].

Лейбниц сводит образ к идеям, и таким образом, он приобретает сильно «интеллектуальную» окраску. Юм же, наоборот, отказывается от мысли в пользу образов, превращая мир воображения и образов в единственную основу действительного движения человеческого духа.

«Мы узнаем из опыта, что всякое впечатление, будучи воспринято сознанием, снова появляется в нем в качестве идеи; возможно же это двояким образом; впечатление или сохраняет при своем новом появлении значительную степень своей первоначальной живости и оказывается чем-то средним между впечатлением и идеей, или же вполне теряет эту живость и становится совершенной идеей. Способность, при помощи которой мы повторяем свои впечатления первым способом, называется памятью, другая же – воображением. С первого взгляда очевидно, что идеи памяти гораздо живее и сильнее идей воображения, и краски, которыми первая способность рисует свои объекты, более отчетливы, нежели те, которыми пользуется вторая» [4].

Если мы полагаем, что образ есть объект, тогда он необходимо и существует как объект? Таким образом, образ превращается в копию вещи. И тогда логично, что копия сама существует как вещь. Но если только предположить, что человек «видит» свои образы, как объекты или воспринимает их как вещи, то способен ли он отличить образ от объекта? Следовательно, образ нельзя воспринимать как вещь, потому что образ существует не «фактично», а «образно». Образ существует как непосредственная данность внутреннего чувства. Поэтому необходимо отказаться от того, чтобы конструировать все возможные «реальности» по типу реальности физической. Хотя реальная бабочка и бабочка, которую я сейчас себе представляю в качестве образа, имеют одну и ту же сущность, существование у них разное. Единство сущности не ведет к единству существования. Так как единственно только сознание может само себя определять к существованию, то оно не может воздействовать ни на что другое, кроме себя самого.

Мы можем сформировать суждение, которое будет иметь чувственное содержание, но мы не можем непосредственно воздействовать сознанием на чувственность, так же как действительное обладание удовольствием не зависит от того, правильно или неправильно его испытывает человек.

Несомненно, что именно заслугой Гуссерля было освобождение образа от его старой «телесной» оболочки, и определение его – образа – вне рамок сознания. Впервые Беркли выносит «образы» за рамки сознания и пытается «сконструировать» мир из содержаний сознания. Гуссерль же, полагая, что содержание сознания не является его объектом, выступает против теории образа Беркли. Например, в чем различие между сознанием внешнего образа бабочки и сознанием соответствующего восприятия бабочки, если их «материя» или содержание одинаковое? Если материал перцепции и образа один и тот же, то не может быть никакого мотива для их различения. Для Гуссерля остается полагать основу различия в направленности – интенции самого сознания. Однако, очевидно, что этого различия совершенно недостаточно, так как существование образа заключается в его осознании. То, что существование образа вполне реально, особенно видно из образов объектов, которые не существуют в физической реальности. Кентавр не существует ни в душе, ни в сознании, ни где бы то ни было. Он является только фантастическим образом. Но, несмотря на то, что такие существа вообще не существуют, образ этого существа вполне реален. Причем именно благодаря тому, что сам кентавр не существует, его образ в сознании отсутствует. Поэтому становится очевидным, что в акте воображения сознание соотносится с объектом непосредственно, прямо, без помощи посредников. Необходимо еще раз отметить, что образ в воображении не обладает независимым от сознания существованием, и в этом смысле к нему вообще не применимо противопоставление субъекта и объекта.

В связи с этими определениями образа становится интересным вопрос о том, что представляет собой образ в виртуальной реальности? Имеет ли он какие-то особенные черты по сравнению с образами нашего воображения? Необходимо отметить, что, когда говорят о виртуальных реальностях, чаще всего имеют в виду «виртуальные реальности погружения», т.е. то, когда пользователь полностью погружается в виртуальный мир. Таким образом, пользователь оказывается внутри виртуального мира и смотрит изнутри него на окружающую реальность. В виртуальном мире человек получает воздействия на свои органы чувств от субъектов и объектов виртуального мира. Виртуальный мир интерактивен, т.е. в этом мире существует обратная связь, что ведет к тому, что пользователь может взаимодействовать с объектами (и субъектами) виртуального мира. Соответственно, можно говорить о том, что в виртуальном мире может быть своя логика событий, свои закономерности, так же как и в реальном мире.

Познавая окружающий нас чувственный мир через ощущения, можно провести аналогию и заключить, что, чтобы мы могли «почувствовать» виртуальный мир, необходимо, чтобы сама виртуальная реальность могла воздействовать на наши чувства, и не просто воздействовать, а доминировать над нормальной сенсорной информацией. Человек начинает понимать, что его форма ощущений обыкновенно является узкоограниченной, начинает прислушиваться к себе, к миру и понимает, что мы конструируем внешний мир из достаточно фрагментарной информации, понимает, что многое в чувственном мире является иллюзорным.

Оказывая влияние на чувства, виртуальная реальность создает у субъекта внутренние ощущения – ощущения чего-либо, что принадлежит сознанию, и внешние ощущения – ощущения объекта, находящегося за пределами сознания. Если возможно запрограммировать появление определенных внешних ощущений, хотя, как будет видно в дальнейшем, это не всегда просто сделать, то запрограммировать точно определенные внутренние ощущения вообще невозможно. Например, система, порождающая виртуальную реальность, может помочь мне увидеть красивую бабочку, но определить мое

внутреннее ощущение этой бабочки она не сможет. Если предположить, что такое возможно, тогда необходимо будет признать, что виртуальная реальность способна подменять собой не только реальность действительную, но также разум и чувства пользователя. Тогда виртуальная реальность способна бы была заменить пользователя другим – «виртуальным» – человеком. Наравне с внутренними ощущениями существует целый класс ощущений, которые также затруднительно передать искусственно. Прежде всего, к ним относятся ощущения логически невозможные. Среди логически возможных внешних ощущений, существуют ощущения, которые теоретически можно получить, но чувственно не всегда осуществимо.

Рассмотрим подробнее функционирование чувств в виртуальной реальности. Начнем со зрения. В чувственной реальности состояние в каждой данной точке и в каждый данный момент порождается предыдущими. Например, изменив направление взгляда, фокусировку глаза, я воспринимаю свет, который распространялся, отражался от объектов. Компьютер же должен за кратчайшее время приспособиться и вычислить заново данные, которые должны поступать в глаз. Если же качество вычислений будет недостаточным, это можно заметить, и это противоречие создаст дискомфорт. Поэтому часто создатели систем, порождающих виртуальную реальность, пытаются ограничить «реальный» сенсорный опыт пользователей вместо того, чтобы неограниченно повышать качество входной информации. Далее, слух. Звуковая среда наиболее успешно имитируется средствами виртуальной реальности. Возможно, что существуют какие-то ограничения для людей с очень острым слухом, однако в большинстве случаев слуховые ощущения прекрасно моделируются. Имитация звукового поля усложнится, если слух используется не только пассивно, но взаимодействует с собственной речью пользователя, например, когда Вы кричите в глухом лесу и пытаетесь услышать эхо. Вкус, обоняние, осязание также неплохо может имитироваться в случае пассивного использования. Проблемы начинаются, когда Вы хотите, чтобы действия имели в виртуальной реальности те или иные последствия – их надо просчитывать, и ситуация усложняется значительно. Хотя чувство движения не относится к пяти классическим типам чувств, это чувство приобретает особое значение в виртуальной реальности. Важно отметить, что, за исключением самых простых видов ускорения (прямолинейного равномерного), любое ускорение, вызванное движением в неограниченном пространстве, невозможно имитировать в ограниченном пространстве, например, в компьютерном зале. Тем более, пытаться имитировать, не используя при этом движения и не нарушая целостности тела – не воздействуя на внутренние органы. Поэтому пропагандисты виртуальной реальности все ближе подходят к необходимости воздействовать не на чувства, а непосредственно на сознание. Следует понимать, что, так как человек остается в центре виртуальной реальности, она должна быть чувственно непротиворечива. Важно, чтобы наш прошлый чувственный опыт (виртуальный и реальный) не противоречил настоящему. Так как причинные связи, которые определяют нашу чувственную реальность, стоящую за виртуальной, плохо поддерживают ее «виртуальные» связи, то, что было естественным, немедленно становится проблематичным.

Влияние опыта, выносимого человеком из виртуальной реальности, неоднозначно. С одной стороны, в виртуальной реальности можно все переиграть, из компьютерной реальности можно выйти и все начать с начала. Таким образом, ценность жизни снижается, поскольку в виртуальности нет смерти. С другой стороны, в виртуальной реальности можно помогать людям преодолевать их комплексы и страхи. Можно пробовать делать что-то много раз, не боясь ошибок. К тому же, возникает понимание того, что все объекты – это иллюзия, что подталкивает людей к творчеству, к исследованию чего-либо, без боязни испортить то или иное. Перенос чего-либо из одной реальности в другую может играть большую роль в развитии, становлении человека.

Существует заблуждение, что главной целью виртуальной реальности является передача изображений. Однако более важным является не это, а формирование у пользователя ощущения нахождения в определенной реальности. При этом точность определения реальности состоит не в том, что должен ощущать пользователь, а, скорее, в том, как реальность должна реагировать на каждое возможное действие пользователя. Поэтому в виртуальной реальности, так же как и в воображении, важное значение приобретает аспект игры. Можно ли предопределить или запрограммировать ход «игры» в виртуальной реальности, при условии, что он зависит от множества решений, принимаемых пользователем во время игры? Вариантов решений может быть бесконечное множество, что необходимо ведет к различным ответным реакциям виртуальной реальности и, соответственно, к различным вариантам игры.

Мир игры является результатом деятельности воображения, которое творит игровые образы. При этом сама игровая деятельность продуцирует образы для воображения индивидуума. Видно, что роль воображения в игре носит двойной характер – являясь основным средством возникновения и отделения игрового мира как противостоящего миру реальному, она стимулируется этим разделением и создает новые образы. Поэтому необходимым началом игры является удвоение реальности – результат деятельности сознания. Человек сознательно разделяет свою реальность на два мира – игровой («выдуманный») и неигровой («жизненный»). Разделение обычно в полной мере осознается человеком, в этом заключается условный характер игровой деятельности. Два мира, на которые разделена вся реальность, в некоторой степени противостоят друг другу: игра всегда противостоит повседневности, т.е. общепринятому, традиционному порядку вещей.

Первоначально участник игры свободен относительно вступления в игру или выхода из нее в любой момент. Однако в ходе соприкосновения с игровой реальностью игрок может лишиться своей свободы в игре. Хотя воображение является необходимым началом любой игры, которая позволяет создать вторую реальность, игровой процесс наполняет воображение новыми игровыми образами, что, в свою очередь, может приводить к дальнейшему «вживлению» игрока в игру. Не может ли получиться в результате такого развития игры так, что этот процесс будет развиваться неограниченно, игровые образы будут играть все большую роль в сознании, и к каким последствиям это приведет? Возможно, игровая деятельность всегда несет в себе скрытую опасность для нашего сознания. Таким образом, удвоение реальности приводит к активному противостоянию вновь созданной игровой и существовавшей ранее неигровой составляющих реальности сознания. Вначале игра принадлежит реальности сознания, но в ходе игровой деятельности она становится объектом для этой реальности. Игровые установки, существующие в сознании индивида, меняются на то, что формирует виртуальный мир.

Пользователь виртуальной реальности может не только слышать, видеть и осязать объекты виртуальной реальности, но также и взаимодействовать с ними. Человек, погруженный в виртуальный мир, может изучать его, открывать законы этого мира. В связи с этим интересен вопрос: возможно ли отличить виртуальную реальность от действительной реальности, данной нам в ощущениях? Можно ли определить, в какой реальности мы находимся, в какой реальности произошло то или иное событие, поскольку воздействие виртуальной реальности на органы чувств может быть весьма достоверным? Чтобы каким-то образом попытаться ответить на этот вопрос, отметим: так как виртуальная реальность имеет интерактивный характер, достоверность виртуальной реальности зависит не только от ощущений, которые действительно могут возникнуть у пользователей, но и от таких ощущений, которые являются потенциальными, т.е. они возникли бы при определенных действиях пользователя. Это прямое следствие того, что виртуальная реальность, как и сама реальность, интерактивна. Может ли пользователь почувствовать или измерить достоверность виртуальной реальности, аналогично достоверности передачи изображений?

У индивида, находящегося в виртуальности долгое время, меняется восприятие чувственного мира. При этом очевидно, что достоверность какой-либо реальности определяется степенью близости (в пределах восприятия) той реальности, которую воспроизводят, к исходной, оригинальной. В данном случае, виртуальной реальности к реальности, которую мы воспринимаем, чувственной. Однако, определяя достоверность таким образом, мы попадаем в ловушку. Определяя степень близости этой реальности к исходной при каждом возможном варианте своего поведения, пользователь по большому счету не сможет констатировать ее достоверность. Однако именно ощущение всегда сможет показать недостоверность в передаче «реальности». Конечно, мы можем сделать предположение, что, возможно, когда-нибудь мы сможем достичь совершенной достоверности, когда пользователь не способен отличить виртуальное изображение или реальность от действительной. Однако необходимо помнить о том, что критерий «достоверности» реальности зависит также от того, с кем хотят идентифицироваться: с игровым персонажем («некритическое погружение») или с самим собой; в этом случае вопрос различения действительной и виртуальной реальности может стать жизненно важным. Второй вариант необыкновенно интересен, но настолько же и сложен, так как требует углубленного анализа как вопроса о внутренней логической непротиворечивости виртуальной реальности, наблюдаемости этих противоречий, так и ее «чувственной непротиворечивости» в плане возможных противоречий с накопленным чувственным опытом субъекта.

Компьютерные виртуальные реальности меняют наше представление о разных понятиях и явлениях, например, о сознании, о воображении, о пространстве. Человеческое существование все чаще включает «погружение» в виртуальные миры. Общение людей все чаще происходит не на телесном, материальном уровне, а на виртуальном, информационном уровне. Это происходит потому, что в принципе невозможно провести границу между реальностью и ее символическим изображением. Реальности, в которых существует человек, глубоко символичны. В их основе лежат символы, и, возможно, поэтому любая реальность переживается как виртуальная – через символы, значение и смысл которых часто смещается относительно их строгого семантического определения. Наиболее близкой символической реальностью к человеку является язык, в основе которого уже заложено производить двусмысленности и, именно благодаря этому, приобретать многообразие интерпретаций, что, кстати, в корне отличает естественный язык от формальных рассуждений. Однако именно через эту многозначность проявляется все разнообразие наших образов и структур нашего сознания. В частности, литературное творчество, несомненно, можно рассматривать как пример виртуальной реальности – интерактивной. Это «статическая» виртуальная реальность, в которой важную роль играет понятие условности – образ рассказчика, идентифицируемость с персонажами и т.д. Не так категорично, но можно предположить, что в принципе любая реальность передается через символы. Мы отметили, что в языке как наиболее близкой к человеку реальности, очевидно, все символы смещены относительно их исходного семантического значения. Таким образом, в определенном смысле всякая реальность может быть воспринятой как виртуальная.

Литература

1. Аристотель. О душе. Т. 1. Кн. 3. Гл. 3. 427 b (14–22). Стр. 430. М., 1975.
2. Кант. Критика чистого разума. Соч. Т. 3. С. 204. М., 1974.
3. Декарт. Размышления о первой философии // Размышления истины. СПб, 2000. С. 198–199.
4. Юм. Сочинения. Т.1. Трактат о человеческой природе. Книга 1. О познании. С. 68–69. М., 1986.
5. Дойч Д. Структура реальности. М., 2001.
6. Кастельс М.. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

ФИЛОСОФИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ И.И. ЛАПШИНА

И.О. Ломова

В работе «Философия изобретения и изобретение в философии» Иван Иванович Лапшин исследует природу творчества. Его интересует, прежде всего, процесс открытия, который он называет «конструкцией нового понятия». Философское творчество отличается как от религиозного, так и от художественного тем, что имеет своеобразные функции, которые и раскрываются посредством изучения его природы.

Анализируя жизнь великих ученых, философов, Лапшин замечает, что важную роль в формировании личности изобретателя играют такие социальные факторы, как наследственность, среда обитания, школа, окружение. Конечно, с одной стороны, нельзя отрицать само существование наследственности и зависимости от нее неравенства в одаренности отдельных индивидуумов, но в защиту позиции «индивидуализма» можно, перефразируя слова Ницше, сказать, что изобретатель живет в «своем собственном доме и никому никогда не подражал». Сторонники «индивидуализма» подчеркивают момент прерывности в творчестве, для них каждое изобретение совершается подобно вспышке молнии. Со своей стороны, «коллективисты» утрируют идею непрерывной аккумуляции малейших изменений. Но, если признать значительное участие и того и другого фактора, то окажется, что трудно расчлнить их совокупное действие в развитии изобретательности, так как их совокупность дает уже целостное единство. И для обеспечения этого единства в игру вступают такие личностные характеристики, как способность воображения, память, воля. Выявление этих качеств происходит в раннем детстве. Например, Шелинг в 15 лет в совершенстве владел латинским языком, а в 16 лет увлекся философией. Идея написать «Новый Органон» пришла в голову Бэкону, когда ему было 15 лет.

«Гений, – по словам Лапшина, – шедевр случая», и случай здесь понимается именно в стечении обстоятельств – политических, экономических и прочих внешних условий развития. Рассматривая роль наследственности или зависимости от социальной среды философского дарования, Лапшин поднимал такие необычные для академической философии вопросы, как классовая принадлежность ученого. По его словам, аристократический ребенок имеет намного больше шансов выйти в люди, чем пролетарий. Например, Фихте – сына тесемочника – только случайность вывела в высокоинтеллектуальную среду. Интеллигентная среда обеспечивает процесс непрерывного накопления знаний и способствует установлению связей между различными областями науки.

Каждое изобретение через ряд усовершенствований развивается. Но это не резкий переход от одного к совершенно другому изобретению, а комбинация прерывных и непрерывных черт в разных порядках. Это можно рассмотреть на примере смены философских систем. Изобретения философов дают лестницу усовершенствований и эволюцию философских взглядов. Гносеология Канта выросла из чтения трудов Лукреция, Лейбница, Ньютона, Юма, Локка, Беркли и других. Если объединить эти идеи, то окажется, что «Критика чистого разума» являет собой новый синтез предыдущих теорий.

Когда перед нами стоит сформировавшаяся личность, наделенная всеми признаками гениальности, что может побудить ее к творчеству, «заставить», так сказать, выйти за рамки обыденности? Прежде чем человек (впрочем, и природа тоже) сможет создать что-то новое, надо, чтобы его устойчивые реакции претерпели эмоциональный стресс. Без состояния хаоса мы не способны к творчеству. Мышление работает экономно, создавая стереотипы и формируя навыки – это естественный эволюционный процесс, но создать нечто новое, опираясь на эти стереотипы, нельзя. Чтобы уравновесить эмоциональное состояние, человек ищет пути выхода и придумывает устойчивую «реальность». В процессе этого кратковременного ухода ученый, исследователь создает

воображаемый мир образов, из которых формирует основание для изобретения. Частным случаем таких возможных миров являются научные гипотезы. Такая игра воображения является неотъемлемой частью творческого процесса, необходимым для которой, по мнению Лапшина, являются «широта комбинационного поля воображения», тренированная память, подвижность элементов воображения и фантазия. Здесь можно отметить, что фантазия философа, ученого, в отличие от фантазии художника, комбинирует не образы, а мысли посредством образов и символов, «и каждая из этих мыслей входит в упорядоченное логическое единство, направленное к всеобъемлющей цели» [1, с. 92]. Воображаемый мир в сознании ученого хоть и не соответствует действительности, но в гипотетической форме, в грубом приближении схватывает объективные отношения между явлениями или дает представление о таких отношениях, которые могли бы быть в действительности, если бы в мире действовали другие законы природы. В процессе образования воображаемых образов играет роль не только фантазия изобретателя, сколько объективные данные, которые поддаются вполне рациональному расчету. В философии творческое воображение играет роль при построении картины мира. Метафизик дает характеристику истинной сущности мира. Критический философ строит понятие единства мира явлений. Но в обоих случаях используются образные элементы, чтобы дать целостный образ мира. Миф Платона о пещере – тоже образная модель для освещения философской проблемы.

Деятельность ученого представляет собой, с одной стороны, обычную механическую работу по методическому накоплению знаний, а с другой стороны – случай, когда гениальный ученый открывает что-либо, озаряемый внезапной догадкой. Такое сочетание рационального и иррационального моментов покрывают процесс изобретения тайной и делают изобретателя в глазах обывателей магом и волшебником. На самом деле оба указанных момента предполагают друг друга. Внезапные догадки привходят в каждый шаг научной работы, а деятельность, кажущаяся механической, при неожиданном сопоставлении фактов является поворотным моментом в непрерывном процессе работы. Лапшин считает, что когда И. Кант ставил вопрос: как возможны априорные синтетические суждения, то он, в сущности, поставил вопрос: «как возможно изобретение в математике, чистом естествознании, философии» [1, с. 138]. Научное изобретение есть вывод с одной или двумя синтетическими посылками. Большая посылка выражает момент непрерывного накопления знаний. Это то приобретенное знание, которое составляет содержание рассудка. Меньшая посылка выражает деятельность воображения, интуиции, или, как говорил Кант, способность суждения. Заключение есть вывод разума.

Способность суждения – это способность сделать удачную догадку относительно среднего термина силлогизма. «Рассудок, располагающий запасом ранее приобретенных знаний, ставит проблему: «Чего я хочу?» «От чего это зависит?» – спрашивает способность суждения. «Что из этого вытекает? – спрашивает разум» [2, с. 96]. Представители эмпиризма считают, что силлогизм не расширяет нашего знания, а потому не может быть источником изобретения. Лапшин не согласен с такой точкой зрения и считает, что они смешивают языковую форму выражения с формой мысли. Ведь при соединении двух суждений, если, по крайней мере, одно из них синтетично, всегда можно получить новое знание в выводе. Это соединение не механическое, а всегда выражает единый мыслительный акт.

Но можно ли считать аналитическое суждение источником изобретения, если оно не расширяет, а проясняет наше знание? Отрицать познавательное значение аналитических суждений можно, если считать законы мысли существующими самостоятельно и независимо от форм познания. Но такое аналитическое суждение, отдельное от законов познания, реально невозможно. Кроме того, аналитическое суждение, заключает Лапшин, существует рядом с синтетическим, поскольку предполагает синтетическое единство многообразия в апперцепции. Аналитическое суждение не выражает абсолютного

тождества субъекта и предиката суждения, так как даже простое «А есть А» предполагает категориальный синтез. В аналитическом суждении тождество понятий может быть или непосредственным (эксплицитным) или опосредованным (имплицитным). В эксплицитной форме аналитическое суждение резюмирует в определениях и аксиомах содержание нового понятия, добытого синтетическим путем. В процессе образования синтетического силлогизма роль переходного момента играет бесконечное суждение. Для Лапшина кантовское бесконечное суждение выражает момент разрыва с прежде установленной логической связью двух понятий. Например, установлено, что предмет Х не относится к классу А, к которому его прежде относили, а принадлежит другому классу, который требуется найти. Когда искомым класс найден, получается новый синтетический вывод. Не только научные, но и философские изобретения могут быть выражены в форме синтетического силлогизма. Примером может служить силлогизм киников:

Цель жизни – стремиться к уменьшению потребностей.

Но стремление к славе, богатству и т. п. не есть стремление к уменьшению потребностей.

Следовательно, упомянутые стремления не соответствуют цели жизни.

Кант, однако, не объясняет точно понятие догадки. С одной стороны, для него несомненна роль интуиции, с другой стороны догадка описывается им как случайность, а поставить научное творчество в зависимость от иррационального начала для него неприемлемо. Лапшин видит в этом пережиток «интеллектуального доктринерства». Догадка, согласно рассуждениям русского философа, есть «начало размышления» [1, с. 320]. Порядок зарождения счастливых догадок может не соответствовать логическому порядку мысли, но частные догадки следуют еще не ясной цели, которая подчинена единому замыслу. Иногда ученый чувствует, что данная мысль почему-то очень важна для него, но не знает, почему именно. Музыкант, делая наброски своего будущего произведения, собирает различные отрывочные сведения и замечает, что одновременно с набросками единого плана появляются и какие-то, на первый взгляд, совершенно ненужные темы, которые в будущем становятся очень важны. Преподаватель, импровизирующий на лекции, быть может, отступает от продуманного плана, но с воспитательной точки зрения это может оказаться более продуктивным.

Особенно ярко стихийность творчества проявляется в художественной деятельности. Одни полагают, что художник действует согласно намеченной цели, а другие – что он этой цели не осознает. Это сочетание имеет место и в других родах творчества. Чтобы сузить роль случайности при объяснении творчества, Лапшин перечисляет четыре вида факторов, влияющих на креативные процессы: комбинаторика фактов, комбинаторика мыслей, комбинаторика точек зрения и комбинаторика форм выражения. Первый фактор заключается в большом запасе фактических знаний. Чем большим запасом знаний обладает философ или ученый, тем более ему приходится в данной области работы выбирать для экспериментирования различные факты. Сущность второго состоит в том, что одна и та же мысль может служить аргументом в пользу разных точек зрения в различные периоды творчества. Так, Кант в докритический период творчества усматривал в несовпадении симметричных фигур свидетельство в пользу трансцендентной реальности пространства, а в критический период тот же факт приводится им как аргумент в защиту трансцендентной идеальности пространства. Третья «комбинаторика» имеет место, когда ученый или философ становится на другую точку зрения, таким образом, пробует ставить себя в рамки другого мировоззрения, например, когда человек мысленно опровергает сам себя в воображаемом споре. И, наконец, комбинаторика форм выражения – это работа в области слова, стремление выработать отчетливую терминологию для передачи своих мыслей, для которых не существует адекватных терминов.

Хотя взаимодействие этих факторов находится под непрерывным контролем мысли, описать и объяснить, как и в какой последовательности происходит работа тех или иных «комбинаторик», нельзя. В этом Лапшин видит мистическую суть изобретения: она неподвластна разуму, ее можно только принять как «божественное действие». Творчество представлено как сочетание упорного труда и свободной игры ума. Лапшин отрицает существование «творческой интуиции» как особого творческого акта, но признает, что желаемый результат не получился бы без огромной роли чуткости, проницательности и чувства целостной концепции. Под чуткостью Лапшин понимает память о чувстве ценности. Проницательность – это умение пользоваться этим чувством в комбинационной работе воображения, мышления. Чувство целостной концепции – это способность почувствовать родство образов, мыслей, организуемых в направлении конечной цели. Совокупность этой триады и дает такое «мистическое действие ума», которое приводит к внезапному озарению счастливой догадкой. Но в «случайной догадке», как, например сон Д.И. Менделеева, в котором он увидел будущую таблицу химических элементов, огромную роль играет подготовка мыслительного аппарата, а также единство и организованность всего процесса творчества.

Лапшин отмечает еще один важный момент в процессе проверки счастливой догадки. Это стремление верить в объективную значимость своего изобретения, отнестись к догадке с доверием и дать ей развернуть себя.

Итак, мы видим, что, согласно И.И. Лапшину, человеческое творчество и разумно, и случайно. Изобретатель как будто осуществляет цели, к которым неосознанно стремился, с другой стороны, кажется, что это процесс рокового стечения обстоятельств. Теория изобретения может быть научно обоснована только путем гармоничного объединения трех моментов, а именно: момента аподиктического – системы принципов и методов; момента ассерторического – совокупности эмпирических данных, фактов опыта; момента проблематического – «интуиции», догадки, того, чему в логике соответствует термин «гипотеза». Иными словами, комбинационное поле изобретения включает в себя и «социальные факторы», и рациональный и иррациональный моменты.

Литература

1. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М.: «Республика», 1999.
2. Кант И. Антропология. СПб, 1900.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ И НЕМАТЕМАТИЧЕСКОЕ В ИНФОРМАТИКЕ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.С. Милославов

Одним из стимулов к этой работе для автора послужило знакомство с примерной программой аспирантской подготовки по курсу «История и философия науки», а точнее, с разделом, именуемым «Философские проблемы информатики». Взглянув на этот документ, разработанный и утвержденный соответствующими инстанциями, читатель может обнаружить следующее.

В этом разделе программы ни слова не говорится о философских проблемах оснований математики, о фундаментальных результатах, полученных К. Геделем, ничего не сказано о теории алгоритмов, ни единым словом не упоминаются ни А. Черч, ни Д. Гильберт. Более того, в тексте ни разу не указываются термины «математика» и «логика». Встречается, правда, упоминание об Алане Тьюринге, но лишь следующим образом: «Кибернетика Н. Винера, ..., А. Тьюринга...», т.е. всего лишь мельком.

Что же включено в программу? В ней содержится очень многое, например, «синергетический подход к информатике», «психотерапевтические практики», «информационное общество», «конструирование «Я» в Интернете». Количество примеров можно увеличить, но суть останется прежней. В представленном тексте программы встречаются самые разнообразные термины – естественнонаучные и гуманитарные, заимствованные из биологии и социологии, физики и психологии, но отсутствуют термины математические и логические. Таким образом, возникает сразу два вопроса. Первый из них может быть сформулирован так: что является предметом информатики? Второй вопрос непосредственно связан с первым и может быть представлен так: какова роль математики, логики и формальных методов вообще при исследовании информатикой своего предмета? Вспомним слова И. Канта: «В любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» (цит. по [1, с. 295]). Конечно, указанные выше вопросы провоцируются не только известным изречением немецкого философа, они также связаны с вопросом об обучении информатике, а также собственным преподавательским интересом: о чем говорить в рамках курса «Философские проблемы информатики»? И правомерно ли исключать обсуждение философских проблем математики и логики из этого разговора?

Один из возможных ответов можно почерпнуть из текста упомянутой программы, раздел 10.2 которой озаглавлен так: «Информатика как междисциплинарная наука о функционировании и развитии информационно-коммуникативной среды и ее технологизации посредством компьютерной техники».

К величайшему своему огорчению, автор этой статьи не ощущает доверия к термину «междисциплинарная наука» и считает его пустым. Сомнения автора в продуктивности этого термина обусловлены, по крайней мере, следующими обстоятельствами. Во-первых, исторический опыт свидетельствует о том, что периодически появляются «междисциплинарные науки». В качестве примеров приведем: кибернетику, теорию систем, синергетику. При этом некоторые увлекающиеся люди немедленно объявляют, что такие области знания способны решить все проблемы в любой науке или, по крайней мере, большую их часть, а применять новые междисциплинарные понятия, методы и принципы следует во всех областях знания. Однако проходит время, и обнаруживается, что очередная «многообещающая» междисциплинарная наука не способна выполнить все три функции научного знания: описание, объяснение и предсказание. И если описания и объяснения иногда предлагаются в «междисциплинарных» терминах, то с предсказательной функцией дела обстоят чаще всего очень скверно. Объяснение этому факту, на наш взгляд, можно дать достаточно простое. Не составляет особого

труда подобрать для единичных и общих терминов, последовательно связанных между собой, «междисциплинарные» термины, которые либо имеют большую область значения, либо становятся, по сути дела, синонимами. Функция предсказания, в свою очередь, в науке может быть реализована только с учетом конкретных (эмпирических) данных, которые получены и интерпретируются в рамках определенной области знания, поэтому с прогнозами у представителей «междисциплинарных знаний» возникают серьезные проблемы.

Поясним сказанное на примере. «Есть в жизни моменты, когда человек становится перед необходимостью выбора (жизнь теряет устойчивость). Тогда он оценивает возможные последствия выбора на последующем горизонте прогнозирования. Как правило, он это может и должен сделать. Именно в эти, бифуркационные, моменты появляются понятия ответственности за сделанный выбор (т.е. за поступок) и совести» [2, с. 234]. По поводу процитированного текста можно задать такой вопрос. А что, собственно, добавляют использованные в нем синергетические термины («бифуркация», «горизонт прогнозирования») к традиционной, имеющей многовековую традицию этической терминологии? Для любого человека, хоть немного знакомого с историей философии, ответ очевиден: ничего принципиально нового о человеке, находящемся в ситуации выбора, здесь не сказано, и о самом выборе тоже. Здесь осуществляется реализация описательной и объяснительной функции путем замены одних терминов другими, сходными по смыслу.

Но что может спрогнозировать синергетика относительно поведения конкретного человека в конкретных обстоятельствах? И насколько точным будет такое предсказание?

Сама подмена «традиционных» терминов «междисциплинарными» была бы не столь печальным явлением в научной литературе («чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало»), если бы иногда не маскировалась за этим приемом безграмотность, а иногда откровенное невежество. И вот мы с удивлением обнаруживаем, что «в строгом математическом виде неполнота системы формальной логики была доказана Геделем» [там же, с. 217]. Тот же автор пишет иначе: «Выяснилось, что система формальной логики не является полной. ...неполнота системы формальной логики был доказана Геделем» [3, с. 6–7].

Автор этой статьи с полной ответственностью заявляет, что обе цитаты являются ложными и безграмотными. Во-первых, великий австрийский математик К. Гедель никогда не доказывал неполноту системы формальной логики. Во-вторых, сама проблема полноты относительно «формальной логики» в науке никогда не ставилась. А вот что пишет тот же автор на историко-философскую тему: «Кант указал на ограниченность чистого разума, но предложить ему логическую альтернативу в рамках естественных наук того времени не мог, хотя современной ему математикой владел профессионально. Будучи человеком религиозным, Кант предложил естественный для того времени выход: управляет миром Бог, а «чистый разум», хотя и силен, но не всемогущ» [2, с. 229]. Человек, серьезно знакомый с философскими взглядами И. Канта, сразу увидит некорректность приведенных утверждений и заподозрит их автора в отсутствии знаний по истории философии.¹

Итак, определение информатики как междисциплинарной науки не вселяет особых надежд на продуктивное развитие данной области, поскольку замена одних терми-

¹ Здесь, по-видимому, от автора этой статьи требуется объяснить, почему так много внимания уделяет он трудам Д.С. Чернавского. Ответ на вопрос очень простой: работа [2] этого ученого указана в списке основной литературы в упомянутой программе по философским проблемам информатики и является, на наш взгляд, замечательным примером междисциплинарного «исследования». Со своей стороны, автор хотел бы заочно задать вопрос профессору ФИАН Д.С. Чернавскому: «Почему Вы позволяете себе публиковать столь неграмотные утверждения?».

нов другими не увеличивает суммы знаний. Кроме того, «междисциплинарность» может способствовать проникновению в науку невежества и откровенного шарлатанства. Это является следствием смешения в терминологии и в методах исследований, поскольку исследователи в такой ситуации не имеют возможности ни верифицировать какое-либо утверждение, ни фальсифицировать теорию, формируемую из таких утверждений.

В связи со сказанным относительно истории «междисциплинарности» можно указать также на пример кибернетики, которая в свое время также объявлялась междисциплинарной, многообещающей наукой. Однако, как отмечает И.Г. Поспелов, «приходится признать, что как научная дисциплина «кибернетика вообще» так и не сложилась» [4, с. 7]

Наконец, можно вспомнить предостережения, сделанные К. Шенноном и Н. Винером. Первый из них решительно возражал против увлечения теорией информации и стремления бездумно и необоснованно применять эту теорию в любых областях знания.² Второй призывал к осторожности в применении принципов кибернетики к социальным исследованиям и не разделял надежд тех, кто полагал, что на основе новой науки можно не только решить технические проблемы, но и вылечить недуги общества [6, с. 40].

Конечно, возражая против «междисциплинарности», автор этой статьи не отрицает возможность диалога и совместного обсуждения проблем между представителями различных отраслей знания. Такое общение может быть весьма полезным и обогащающим стороны диалога. Но не следует обольщаться – совместное обсуждение и взаимовлияние наукой не являются.

Другой встречающийся подход к определению информатики также неудачен. С его примерами можно познакомиться по работе [7], авторы которой составили небольшую коллекцию из дефиниций, обнаруженных как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Приведем некоторые из них.

«Информатика – это наука о проблемах обработки различных видов информации, создании новых высокоэффективных ЭВМ, позволяющая предоставлять человеку широкий спектр информационных ресурсов» (Якубайтис Э.А.)

«Информатика – это наука, техника и применение машинной обработки, хранения и передачи информации» (М. Брой, Германия).

«Информатика – это наука об осуществленной преимущественно с помощью автоматических средств целесообразной обработке информации, рассматриваемой как представление знаний и сообщений в технических, экономических и социальных областях» (Французская академия).

«Информатика – это некая синтетическая дисциплина, которая включает в себя разработку новой технологии научных исследований и проектирования, основанную на использовании ЭВТ, и нескольких крупных научных дисциплин, связанных с проблемой общения с машиной и, наконец, с созданием машины» (Моисеев Н.Н.)

Все представленные здесь определения обладают, на наш взгляд, тем недостатком, что в них используется простое перечисление, которое, в свою очередь, носит сугубо эмпирический характер³. Конечно, перечисление в определении использовать допустимо. Также допустимо применять в определении указание на объект или несколько

² См. напр.: [5]

³ Здесь имеется в виду незамысловатое правило: «Что вижу, то и указываю в определении». Например, если используются в информатике вычислительные машины, то они должны быть упомянуты в определении. Если говорят специалисты о «базах знаний», тогда надо включить в определение термин «знание», и т.д.

исходных объектов⁴. Но при этом необходимо указать принцип перечисления или установить правило, в соответствии с которым формируется множество объектов на основании исходных. К сожалению, эти простые требования не выполнены в представленных примерах. По сути дела, здесь обнаруживает себя знакомая нам «междисциплинарность», только провозглашаемая не явно, а через перечисление ее составляющих.

Читатель этой статьи может, конечно, задать ее автору вопрос: «А насколько вообще является важным, как мы определим информатику?» В связи с этим я уже обращал внимание на проблему преподавания курса для аспирантов. Действительно, без внятного ответа на вопросы «Что является предметом информатики?» и «Какие методы используются в этой дисциплине?» невозможно вразумительно говорить о философских проблемах этой области знания. Стоит обратить внимание также и на то, что эти проблемы нередко формулируют сами специалисты в сфере информационных технологий. Так, например, Р. Хемминг в своей лекции по поводу вручения ему премии Тьюринга отмечал, что чаще всего не существует ясного, четкого определения отдельной научной области, но далее он приводит слова Дж. Форсайта⁵: «Имеет значение, как информатику определяют в Вашингтоне, округ Колумбия» [8, с.241].

Как же Р. Хемминг, со своей стороны, понимает предмет информатики? Во-первых, он требует признать тот факт, что компьютер, обрабатывающий информацию, лежит в основе данной сферы деятельности [там же, с. 243]. Кроме того, отмечается, что информатику нельзя считать похожей на математику, поскольку основным критерием приемлемости в компьютерных науках должен быть «опыт реального мира», а в чистой математике нередко оказываются существенными эстетические соображения [там же, с. 243–244]. Правда, это замечание делается при обсуждении вопроса о финансировании науки. В общем же, американский специалист предпочитает говорить об информатике как о прикладной математике или даже как о технической дисциплине. В частности, он пишет: «На более высоких уровнях информатики требуется не «черно-белое мышление», характерное для большей части математики, но способность к взвешенным субъективным суждениям, учитывающим противоречия между поставленными целями, что характерно для прикладных технических дисциплин» [там же, с.249].

Важными составляющими научных изысканий в случае интерпретации информатики как прикладной математики являются, во-первых, исследование связи между математической моделью и реальной ситуацией и, во-вторых, связи между результатом, выдаваемым этой моделью, и реальной ситуацией [там же, с. 248]. Таким образом, если принять точку зрения Р. Хемминга на информатику, то к философским проблемам данной области относятся проблемы создания, обоснования и применения различного рода моделей.

Несколько иной точки зрения на информатику придерживается Д. Кнут [9]. Между математикой и информатикой существует глубокая связь, которая заключается в том, что «центральное направление информатики действительно представляет собой часть математики» [9, с. 8]. Но, по мнению этого специалиста, как не следует отождествлять математику и информатику, так и нельзя одну область знания включать в другую,

⁴ Такой прием используется, например, в «индуктивных» определениях математики, когда в начале указывают набор исходных объектов, а затем сообщают принцип построения любого объекта определяемого множества из этих примитивов.

⁵ Джордж Форсайт – президент АСМ в 1964–1972 гг., организатор и первый руководитель отделения информатики Стенфордского университета. Считается, что именно он ввел в научный лексикон термин «computer science», который получил широкое распространение в англоязычных странах. В нашей стране, как и в некоторых других странах Западной Европы, вместо «компьютерных наук» используют термин «информатика» («informatique») - во Франции; «informatik» - в Германии). В Дании используется термин «datalogi». Комментируя это терминологическое различие, Д. Кнут отмечает, что все эти названия, в отличие от «computer science», отталкиваются от «сырья», обрабатываемого с помощью алгоритмов (информации или данных), а не от собственно алгоритмов [9, с. 6].

поскольку между этими дисциплинами имеется различие как в изучаемых предметах, так и в подходах к исследованию. К предмету математики относят теоремы, бесконечные процессы, статистические отношения. Информатика, в свою очередь, исследует алгоритмы, конечные конструкции, динамические соотношения. В математике специалисты оперируют бесконечностью и доказывают, возможно, неконструктивно, существование объектов. В информатике используют конечные процессы и конструктивные объекты.

Из сказанного можно сделать предположение, что «центральным направлением информатики» является изучение проблем, сходных (как в предмете, так и в применяемых методах исследования) с теми, которые привлекают внимание сторонников конструктивного направления в математике. Но здесь, на наш взгляд, имеет место и существенное различие, ибо то, что для математика-конструктивиста является в большей степени инструментом, для специалиста в области информатики оказывается самым предметом изучения. Такая точка зрения согласуется с определением информатики, которое мы находим в статье Д. Кнута: «Лучший, с моей точки зрения, способ определить информатику – это сказать, что она занимается изучением алгоритмов» [9, с.4–5].

Д. Кнут, вслед за Дж. Форсайтом, настаивает на том, что информатика, наряду с естественным языком и математикой, является универсальным инструментом мышления. По-видимому, с этим утверждением можно согласиться, если признать, что алгоритмы относятся к универсальным инструментам мышления.

Рассмотрим еще одну точку зрения на информатику. Она принадлежит двум достаточно известным специалистам в области «искусственного интеллекта» А. Ньюэллу и Г. Саймону. В одном из своих совместных выступлений американские ученые декларируют, что информатика – это изучение явлений, связанных с вычислительными машинами [11, с. 334]. Поскольку речь идет о явлениях, постольку информатика является эмпирическим исследованием, а каждую новую построенную вычислительную машину можно понимать как эксперимент.

Следует обратить внимание на то, что под вычислительной машиной Саймон и Ньюэлл подразумевают не только традиционные ЭВМ, но любую сущность, попадающую под определение физической символьной системы. Физическая символьная система состоит, во-первых, из набора элементов (символов), являющихся определенными физическими конфигурациями. Во-вторых, она включает в себя набор процессов, действующих на выражения и порождающих новые выражения. Понятно, что под выражениями здесь понимаются конечные цепочки символов.

Принципиальным моментом во взгляде американских ученых на информатику является «гипотеза физической символьной системы». Она формулируется так: «Физическая символьная система обладает необходимыми и достаточными средствами для интеллектуального поведения общего характера» [там же, с. 340]. Иначе говоря, физическая символьная система, определенным образом запрограммированная, может решать задачи для достижения некоторых целей и адаптироваться к условиям внешней среды. Приведенное утверждение является так называемым структурным принципом науки, носит эмпирический характер и может быть подтверждено или опровергнуто только на опыте.

Рассматривая этапы формирования гипотезы символьной системы, Саймон и Ньюэлл среди прочего указывают этап исследования формальных символьных манипуляций, подразумевая под ним логические труды Фреге-Рассела и теорию информации К. Шеннона.

Здесь хотелось бы обратить внимание читателя на то, что логические исследования упомянутых ученых в значительной мере связаны с проблемами оснований математики и имели под собой определенные философские взгляды на онтологический статус математических объектов и познавательный процесс в математике. Поэтому, по

мнению автора этой статьи, было бы неправильно говорить о философских проблемах информатики, избегая при этом обсуждения философских аспектов оснований математики. Без знания философских вопросов, обсуждавшихся выдающимися учеными-математиками в конце XIX – первой половине XX вв., на наш взгляд, невозможно корректно представить идейные истоки современных информационных технологий, грамотно определить предмет информатики и выделить собственные философские проблемы данной области знаний.

Однако вернемся к работе американских ученых. Соглашаясь с тем, что труды Г. Фреге и Б. Рассела следует считать важным этапом в развитии логики, а следовательно, и предпосылкой современной информатики, по нашему мнению, гораздо большее влияние на формирование информатики оказало конструктивистское направление в математике, сформировавшееся во многом в противовес логицизму Фреге-Рассела. Другим направлением в основаниях математики, влияние которого на информатику невозможно отрицать, является формализм. Постараемся разъяснить нашу точку зрения.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что понимание важности формализации и алгоритмизации как инструмента мышления не является открытием компьютерных наук 20-го столетия. Если под «алгоритмизацией понимается «точно заданная последовательность правил, указывающая, каким образом можно за конечное число шагов получить выходную информацию определенного вида, используя заданную входную информацию» [9, с. 5], то указания на существование и необходимость применения некоторой совокупности таких правил можно найти уже в диалогах Платона.⁶ Самый известный ученик Платона, Аристотель, как известно, считается основателем логики в европейской научной традиции. В своих сочинениях он описал и обосновал некоторое множество правил, пользуясь которыми, можно из одних суждений (исходной информации) получать суждения-заключения (выходную информацию).

С развитием естествознания в эпоху Нового времени тенденция к выявлению набора правил обработки информации усилилась. В качестве примера упомянем два факта. Во-первых, укажем на труды Р. Декарта. Многие считают французского философа создателем аналитической геометрии. Это достаточно спорная точка зрения. Однако несомненно, что сочинение Р. Декарта «Геометрия» было опубликовано в качестве приложения к «Рассуждению о методе» и, таким образом, рассматривалось Картезием в качестве демонстрации эффективности следования определенному набору правил обработки информации. Более того, французский мыслитель подчеркивал, что отличие его труда от исследований древних математиков состоит именно в применении ясных и понятных правил, позволяющих заменить интуитивные догадки строго определенной последовательностью действий.

Говоря об эпохе Нового времени в контексте тематики нашей работы, невозможно обойти вниманием Г.В. Лейбница. Из богатого интеллектуального наследия этого мыслителя обратим внимание на две важные идеи: универсальный научный язык (*lingua characteristica*) и полный набор логических правил, позволяющих осуществить любой дедуктивный вывод из сформулированных принципов (*calculus ratiocinator*). Оценивая значимость трудов немецкого ученого, Н. Винер замечает: «Если бы мне пришлось выбирать в анналах истории наук святого – покровителя кибернетики, то я выбрал бы Лейбница. ... И как в арифметическом исчислении была заложена возможность его развития от абака и арифмометра до современных сверхбыстрых вычислительных машин, так и в *calculus ratiocinator* – исчислении умозаключений Лейбница – содержится в зародыше *machine ratiocinatrix* – думающая машина» [6, с. 24–25].

В XIX веке усилиями Дж. Буля, Г. Фреге и некоторых других ученых оформился аппарат классической символической логики, которая, как мы видели, может считаться

⁶ По этой причине Х. Дрейфус в своей известной работе [10] называет Платона «протокибернетиком».

одним из этапов в формировании информатики. Тысячелетнюю традицию исследований в области информатики отмечает также Д. Кнут: «Информатика должна была бы существовать задолго до появления вычислительных машин. В сущности, так оно и было, ее корни теряются в глубинах истории. Так, например, недавно мне пришлось обратиться к древним рукописям, для того чтобы понять, были ли информатиками вавилоняне 3500 лет назад» [9, с. 5].

Можно также обратить внимание читателя на следующее. Почти все необходимое для создания компьютера, хотя бы очень простого, было известно ученым и инженерам уже к концу XIX века⁷. Существовала булева алгебра. Были известны способы кодирования информации, например азбука Морзе. Люди пользовались телеграфом, основанным на реле и переключателях. Ч. Бэббидж создал проект аналитической машины. Его ученицу Аду Лавлейс некоторые современные специалисты в области информационных технологий называют «первым программистом». Возникает вопрос: в чем причина того, что первые реально работающие ЭВМ появились гораздо позже?

На наш взгляд, одним из возможных объяснений, хотя далеко не единственным, можно считать следующее. Приблизительно до 20-х годов прошлого столетия преобладающей доктриной в философии математики являлся «платонизм»⁸. Если упрощенно представить этот взгляд на математику, то, согласно ему, ученые имеют дело с нематериальными, вечными сущностями, отличными от того, с чем мы имеем дело в реальности воспринимаемой органами чувств. Законы математики не зависят от человека. Иногда приверженцы «платонизма» математическим законам придавали статус божественных установлений. «Возможность сотворения бесконечного множества есть проявление наивысшего совершенства Господа, исток же этого совершенства в Его безграничной благодати» [13, с. 20]. С точки зрения «платонизма», приемлемой также оказывается идея актуальной бесконечности. Кроме того, данный подход стимулирует ученых-математиков исследовать прежде всего непрерывные объекты. Очевидно, что при такой интерпретации весьма непросто обосновать связь материальных в своей основе физических процессов с математическими понятиями, необходимыми для моделирования процессов обработки информации.

Конструктивизм, возникший в математике не без существенного влияния интуиционизма Брауэра и формализма Гильберта, рассматривает элементарные математические объекты как объекты разума, существующие исключительно в разуме математика, «в нейронах и синапсах математиков, эти объекты порождающих» [13, с.20]. В онтологическом плане объекты математики здесь легко связать с физическими, материальными сущностями. Это и происходит в рассматриваемой доктрине, когда «конструктивисты» доказывают существование объекта через указание на способ его построения или, когда рассматривается некоторая финитная, элементарная модель для интерпретации символических выражений математики и логики. Следовательно, ученые не изучают реальность «божественную», не воспринимаемую нашими органами чувств, но изучают объекты и процессы, которым легко найти аналог в мире физическом, материальном. Так, например, элементам булевой алгебры можно поставить в соответствие релейно-контактные схемы, а идеальную «машину Тьюринга» рассматривать в качестве модели для реально обрабатывающей информацию физической символической системы. В свою очередь, то, что раньше относилось к нематериальному, прежде всего, информация и процессы ее преобразования, благодаря онтологии математического конструктивизма обретает физическую, материальную интерпретацию и становится предметом технической деятельности, подкрепленной исследованиями естественных наук.

⁷ На этот факт обращает внимание Чарльз Петцольд в своей замечательной книге «Код». См.: [12, с. 117 и 295].

⁸ В современной литературе для обозначения этой доктрины иногда используют термин «реализм». См., напр.,: [13].

Таким образом, имеются серьезные основания говорить о существенном влиянии конструктивного подхода к онтологии математических объектов на формирование современной информатики. Поэтому без рассмотрения философских проблем математики и логики любой курс «Философии информатики» будет ущербным.

Литература

1. Философия и методология науки: Учебн. пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. В. И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Чернавский Д.С. Синергетика и информатика (Динамическая теория информации). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Чернавский Д.С. Налиот В.А. Явление неустойчивости и проблемы логики. М.: Изд-во ФИАН, 2002.
4. Поспелов И.Г. О книге Н. Винера «Кибернетика и общество». / Н. Винер. Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002. С. 6–18.
5. Шеннон К. Бандвагон. / К. Шеннон Работы по теории информации и кибернетике. М.: Иностранная лит-ра, 1963. С. 667–668.
6. Винер Н. Кибернетика. М.: Сов. радио, 1958.
7. Кузнецов Н.А., Плотников Р.И., Юсупов Р.М. Состояния, перспективы и проблемы развития информатики. / Теоретические основы и прикладные задачи интеллектуальных информационных технологий. СПб: Изд-во СПИИРАН, 1999. С. 23–31.
8. Хемминг Р. Одна из точек зрения на информатику. / Лекции лауреатов премии Тьюринга / Под ред. Р. Эшенхерста. М.: Мир, 1993. С.240–254.
9. Кнут Д. Информатика и ее связь с математикой. / Современные проблемы математики. Сб. статей. М.: Знание, 1977. С. 4–32.
10. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины? М.: Прогресс, 1978.
11. Ньюэлл А., Саймон Г. Информатика как эмпирическое исследование: символы и поиск. / Лекции лауреатов премии Тьюринга / Под ред. Р. Эшенхерста. М.: Мир, 1993. С. 333– 370.
12. Петцольд Ч. Код. М.: Издательско-торговый дом «Русская Редакция», 2004.
13. Шанже Ж.-П., Конн А. Материя и мышление. М.- Ижевск, Ин-т компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2004.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТАФОРЫ В КАЧЕСТВЕ АРГУМЕНТА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Т.А. Новолодская

В контексте традиционной логики, как известно, в качестве аргументов при любом виде аргументации могут быть использованы следующие виды высказываний: высказывания о фактах (данных опыта), теоремы, законы науки, определения, аксиомы, постулаты, принципы. Метафора не может быть аргументом, так как не является истинным высказыванием.

Сам термин «метафора» (греч. *metaphora* – перенос, образ) в широком смысле есть иносказание, подмена обычного выражения образным. В основе метафоры лежит перенос некоторого свойства или отношения с одного объекта на другой на основе общности существенных свойств сравниваемых объектов. Метафора является поэтому важным звеном в структуре аналогии. Аналогия и основанная на ней метафора связаны с определенным типом рациональности, обеспечивающей вероятностный характер выводов в рассуждениях.

Традиционная бинарная логика с ее методологическим и семантическим императивом опирается на логическую необходимость при выведении следствий из исходных посылок, а вероятностные выводы не считает знанием, логически безупречным и пригодным для научного дискурса. В такой теоретико-познавательной конструкции метафора, безусловно, не может иметь статус логического аргумента.

Современная постнеклассическая эпистемологическая парадигма предлагает иное понимание места, роли и функций метафоры в пространстве научного дискурса. Пересмотр эпистемологической значимости метафоры обусловлен радикальной трансформацией гносеологических и логических установок, обеспечивающих стратегию научного поиска. В смысловом поле научного дискурса формулируются новые и разрушаются старые познавательные каноны и «эпистемологические ценности». Реакция на понимание невозможности найти универсальные рациональные процедуры для понимания и описания мира обеспечивает устойчивый интерес ученых и философов к разным вариантам когнитивных практик.

В результате размывания границ между наукой и иными когнитивными системами и дискурсами происходит изменение не только оснований, на которых строилась классическая наука, но и ее концептуального и методологического аппарата, а также самих критериев научности и рациональности. Признание обусловленности познавательного процесса контекстом коммуникации и нагруженности его экзистенциальными смыслами позволяет рассматривать метафору как важный элемент в структуре научного дискурса, обеспечивающий его основные функции: объяснение, понимание, прогнозирование.

Итальянский ученый Луиджи Аккарди сумел найти такую метафору, которая оказалась вполне достойной быть аргументом в его эристическом дискурсе по принципиальным вопросам квантовой механики.

Известно, что появление квантовой механики оказалось зависимым от языка математики, ряд разделов которой был разработан именно для описания микромира. Процессы, происходящие на микроскопическом уровне, оказались непохожими на процессы, имеющие место на макроскопическом уровне. Объекты микромира можно понять лишь на логическом уровне – им нет аналогов на языке чувственных образов. Язык квантовой механики не мог использовать для адекватной формулировки ее положений слова и выражения естественного языка. В то же время проблемы квантовой механики привлекают людей, интересующихся философией природы, но не владеющих формальным аппаратом языка математики. В ходе обсуждения этих проблем возникали новые концепции, сметающие стереотипы мышления, формирование которых происходи-

ло веками. Для превращения науки в культуру, в самом широком смысле этого слова, следует отделить концептуальную новизну научных открытий от чисто технического ее содержания и сделать первую предметом обсуждения. Именно в этом модусе и предлагает обсудить проблемы квантовой механики Луиджи Аккарди.

Целью аргументации в научных дискуссиях является обоснование истинности той или иной позиции и стремление убедить в этом собеседников. Но эта общая установка оказывается проблематичной, если в дискуссии принимают участие сторонники несовместимых научных концепций с различными системами взглядов на мир. Конечно, и такие научные дебаты не являются бесперспективными. Карл Поппер считал именно такой вид обсуждения научных проблем наиболее перспективным при проявлении желания со стороны его участников разобраться без предвзятости в других подходах к решению данной проблемы и получить более полное понимание своих научных предпочтений.

Рассмотрим одну из возможных таких дискуссий, предложенную профессором Римского университета, создателем ряда фундаментальных работ по квантовой вероятности, стохастическому пределу и др., Луиджи Аккарди. В своей книге «Диалоги о квантовой механике»[1] он предлагает обсуждение принципиальных вопросов квантовой механики в контексте мировой культуры. Научные исследования и открытия происходят в конкретных исторических условиях и социально-культурных нишах и во многом сами определяют содержание тех или иных культурных феноменов. Работа написана в виде диалогов, в которых принимают участие как реальные ученые и философы (Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг, Р. Фейнман, К. Поппер и др.), так и два вымышленных персонажа – Кандидо (символ «простодушного» в европейской традиции) и Академус. Все, что говорят участники дискуссии – это цитаты из их подлинных высказываний. От имени вымышленных персонажей выступает автор. В диалогах фактически рассматривается проблема понимания картины мира, и в ходе дебатов о квантовой теории возникает традиционный философский вопрос: существует ли объективная реальность?

В период классической науки окружающая нас природа понималась как объективная реальность, для познания которой наука предпринимала создание более или менее удачных моделей ее описания и объяснения. Ситуация кардинально изменилась с появлением квантовой теории. Представители Копенгагенской школы физики настаивали на том, что квантовая механика способна дать лишь статистическое описание результатов наблюдений и ничего не говорит о реальных свойствах самих микрочастиц. Такая прагматическая точка зрения присутствует в работах Бора, Гейзенберга, Паули. Других взглядов придерживались Эйнштейн, де Бройль, Шредингер. Они считали необходимым разработать более совершенный физический и методологический инструментарий для анализа основ квантовой механики, чтобы выявить существующие элементы объективной реальности в новой научной парадигме.

В настоящее время, по мнению Л. Аккарди, проблемы, затрагивающие интерпретацию квантовой теории, можно считать решенными, и это является поводом для критического пересмотра ее основных положений. Ученый считает: раз существует различие между научной истиной, установленной путем рационального мышления, и научной истиной, установленной путем договоренности между профессионалами, необходимо принять вызов и противопоставить многочисленному большинству исключительно силу рационального мышления. Для этого надо сделать аргументы ясными на том языке, на котором они были бы понятны даже тем, кто не является специалистом в данной области. Именно эти «эксперты» могут сказать, чьи аргументы являются более разумными и понятными, а чьи напоминают «игру стеклянных бус» или пытаются за весомой формул скрыть недостаток новых идей.

Символом старых представлений о физической реальности является черный ящик. Ящик (природа) содержит шарики, цвет которых (свойства физических объектов) должен установить экспериментатор. Он может быть уверен в результате, или, по крайней мере, ему достаточно приписать некие вероятности разным цветам.

Символом новых представлений о физической реальности в контексте интерпретации Л. Аккарди становится «хамелеон». Эта оригинальная метафора помогает автору найти удачный аналог для понимания природы. Как известно, цвет хамелеона зависит от среды: он становится коричневым, если хамелеона поместить на сук дерева, или зеленым, если хамелеон находится на листе. Экспериментатор знает, что в ящике находится хамелеон и задается вопросом: какого же он цвета? Чтобы ответить на этот вопрос, он кладет немного пищи на сук, расположенный рядом с ящиком, и ждет, когда хамелеон вылезет из ящика. Его вывод будет: хамелеон коричневый. Аналогично он сделает вывод, что хамелеон зеленый, если в процессе эксперимента задаст условия для появления хамелеона на листе. Ученый считает, что интуитивные представления о поведении квантовых объектов в отношении измерительного прибора лучше соответствуют аналогу хамелеона, а не черному ящику. В случае невозможности проверить окраску хамелеона, находящегося в ящике, исчезает и уверенность в отличии модели черного ящика от модели хамелеона.

Возникает здесь еще один вопрос: как соотносятся между собой цвета окраски хамелеона до обследования и в результате его? Ответ на этот вопрос затрагивает, помимо квантовой теории, проблему законов теории вероятностей. Аккарди признает возможность доказать, что статистика окрасок должна быть различной в этих двух случаях, и что во втором случае должны иметь место нарушения некоторых законов, по которым рассчитывается вероятность и которые веками считались не допущениями, зависящими от выбранной модели, а формулировкой, продиктованной здравым смыслом. Сложившаяся ситуация привела ученых к ревизии самих основ теории вероятностей. Одним из первых результатов этого анализа явилась квантовая или, в более широком смысле, алгебраическая вероятность.

При обсуждении реальности окраски хамелеона, находящегося в ящике, мы можем использовать разные модели. Если в качестве модели физической реальности, согласно Эйнштейну, служит цвет шара, находящегося в черном ящике, то, поскольку нашу ситуацию нельзя свести к такой модели, ее нельзя рассматривать как нечто, имеющее независимую физическую реальность. Позиция многих современных физиков отразилась в следующем постулате: хамелеон, которого не наблюдают, не имеет окраски – наблюдатель ее создает непосредственно самой процедурой ее определения. Аккарди полагает, что приверженность этой точке зрения позволяет иррационализму проникнуть в науку и именно в те дисциплины, которые, согласно общепринятым установкам, должны быть оплотом строгого рационализма.

Для предложения своей модели решения этой проблемы он усложняет образ хамелеона, заменяя его парой хамелеонов-близнецов, один из которых – мутантный, т.е. коричневый на листе и зеленый на ветке. Оказывается, что подсчет событий, связанный с хамелеоном, не может следовать тем же правилам, что и подсчет событий, связанных с шарами: шар пассивен, а хамелеон адаптивен. Значит, реализм черного ящика отличается от реализма хамелеона.

Детерминизм черного ящика не ограничен условиями: в момент отделения друг от друга один шар – белый, а второй – красный, и они остаются такими все время. Другой детерминизм у хамелеона: он условный. В момент отделения друг от друга каждый решает: а что будет, если он окажется на ветке или на листе?

Опираясь на принципы неопределенности Гейзенберга, квантовая теория является неполной, в смысле невозможности описать детерминизм в поведении квантовых объектов в отношении природы, и полной в отношении человеческих возможностей по-

знания. Принцип Гейзенберга является, по мнению итальянского ученого, ядром квантовой физики. Этот принцип можно выразить независимо от математической модели, а затем из такой формулировки вывести всю математическую модель теории. Вывод математической модели теории из набора аксиом, значения которых не зависят от самой модели, создает то, что называется аксиоматизацией теории.

Наука только тогда достигает зрелости, когда ее можно аксиоматизировать. Проблема аксиоматизации квантовой теории сливается с проблемой аксиоматизации вероятности настолько, насколько теория относительности объединяет аксиоматизацию гравитации с аксиоматизацией геометрии. Иначе говоря, ни одна теория не требует для своей интерпретации больше, чем необходимо для интерпретации ее аксиом.

Предложенный итальянским ученым дискурс представляет интерес и для логики научного познания, для такого его раздела, как теория аргументации.

Оказывается, метафора вполне может быть использована в качестве аргумента в дискуссии, если она способна выполнить функции модели. Метафора хамелеона является не только оригинальным символом, но и моделью, описывающей сложные вероятностные процессы поведения квантовых объектов. И в этом случае она преодолевает семантическую неконструктивность для логического дискурса обычных метафор, которые не обладают свойствами модели.

Литература

1. Аккарди Л. Диалоги о квантовой механике. Гейзенберг, Фейнман, Академус, Кандидо и хамелеон на ветке. М.-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004.

«МУЖЕСТВО БЕЗВКУСИЦЫ» ИЛИ НЕУМЕНИЕ ЧИТАТЬ

В.Н. Садовников

«Читатель, от которого я чего-либо ожидаю, должен обладать тремя качествами. Он должен оставаться спокойным и читать не торопясь; не припутывать постоянно самого себя и свое «образование»; и, в-третьих, не ожидать в конце, как бы в виде результата, новых таблиц».

Ф. Ницше

О. Шпенглер, высказываясь о философии Ф. Ницше, отметил, что Ницше, используя неопределенные «речевые фигуры», такие как «новые ценности», «сверхчеловек», «смысл земли», остерегается или боится давать им точные формулировки. И вот Шпенглер решает поправить дело, дав точную формулировку «речевой фигуре» «сверхчеловек», так как, по его мнению, ни Заратустре, ни Ницше не хватило «мужества безвкусицы» на окончательный вывод. Окончательный вывод Шпенглера, базирующийся, вероятно, на «мужестве безвкусицы» гласит: «сверхчеловек» – это превращение человека в конский завод. Аргументирует свой вывод он следующим образом. Планомерное разведение «сверхчеловека» базируется на дарвинизме, социализме, материализме и утилитаризме и является вполне демократической идеей. В свете этого заявления логично предположить, что это и есть исходные посыпки, основания идеи сверхчеловека Ницше, о которых он сам, быть может, даже и не подозревал, и именно такова ее суть или окончательный вывод из нее, как и сформулировал Шпенглер. Более того, говоря о воле к жизни и **идентичности** ее с борьбой за существование, Шпенглер заявляет, что у Ницше в работе «Шопенгауэр как воспитатель» развитие означает внутреннее созревание, «сверхчеловек» есть продукт механической эволюции, а разведение «сверхчеловека» вытекает из понятия искусственного отбора [1, с.561, 562].

Прочитав такое, невольно задаешься вопросами: Что это? Откуда? Мужеством даже безвкусицы у самого Шпенглера здесь и не пахнет. Здесь, скорее, нечто совершенно иного рода. Если мы обратимся к указанной работе Ф. Ницше, то всего того, о чем говорит Шпенглер, там нет и в помине, а Заратустра, например, однозначно заявляет, говоря о воле к власти, что «конечно, не попал в истину тот, кто запустил в нее словом о «воле к существованию»: такой воли – не существует! Ибо то, чего нет, не может хотеть; а что существует, как могло бы оно еще хотеть существования! Только там, где есть жизнь, есть и воля; но это не воля к жизни, но – так учу я тебя – воля к власти!» [2, с. 83].

Я приношу свои извинения читателю за множество цитат из Ф. Ницше, которые будут приведены в данной небольшой работе, но это просто необходимо, чтобы разобраться в сути вопроса. О. Шпенглер, как впрочем, и многие другие после него, вплоть до сегодняшнего дня, утверждая нечто по поводу Ницше, не приводит ни одного положения из самого Ницше, подтверждающего его утверждение напрямую или дающего возможность сделать тот же самый вывод, к которому пришел он.

На мой взгляд, в работе «Шопенгауэр как воспитатель» Ницше – еще добропорядочный, мечтательный романтик-метафизик в лучших традициях метафизики. Вместе с тем он здесь активно развивает идеи, ставшие впоследствии базисными для экзистенциальной философии: будь самим собой, найди, определи себя и т.п. И этот поиск он ведет на основе метафизики, приняв за ориентир для себя Шопенгауэра, распевая ему дифирамбы, воздавая должное и Канту, оценивая его пока еще весьма положительно.

Прежде всего, Ницше озабочен здесь тем, что «человек разрывает нить, которая его связывала с его идеалом; он перестает быть плодотворным в той или иной области, перестает созидать себе подобное и в отношении культуры становится вредным или бесполезным. Единственность его существа становится неделимым и необнаружимым атомом, холодной

окаменелостью. И, таким образом, **человека может погубить его единственность и боязнь этой единственности, его собственное я, как и отказ от него, полнота влечений и ожесточение; и жить значит вообще находиться в опасности**» [3, с. 26, выделено мной – В.С.]. А все дело в том, что «теперь все на свете определяется лишь самыми грубыми и злыми силами – эгоизмом приобретателей и военной тиранией» [3, с. 32]. По сути, речь идет об утрате общественного единства, которое прежде обеспечивалось церковью, но «дифференцирование» распространяется все дальше. Человечество находится в большой опасности, полагает Ницше, и в современную эпоху уже никто не хочет быть «стражей и рыцарем человечности». «Кто водрузит образ человека в то время, когда все чувствуют в себе лишь себялюбивые вожделения и собачью трусость и, следовательно, отпали от этого образа, возвратятся назад в животную или даже мертвомеханическую стихию?» [3, с. 33]. Можно ли отсюда сделать вывод, как его делает Шпенглер, о механической эволюции, ведущей к сверхчеловеку? Думаю, что ни коим образом.

Характеризуя современную эпоху, культуру, Ницше отмечает: «Воды религии отливают и оставляют за собой болото и топи; народы снова разделяются, враждуют между собой и хотят растерзать друг друга. Науки, культивируемые без всякой меры в слепом *laisser faire*, раздробляют и подмывают всякую твердую веру; образованные классы и государства захвачены потоком грандиозного и презренного денежного хозяйства. Никогда мир не был в такой степени миром, никогда он не был беднее любовью и благостью. ... Все, включая и современное искусство, и науку, служит грядущему варварству. Культурный человек выродился в величайшего врага культуры, ибо он облыжно отрицает общую болезнь и препятствует врачам» [3, с. 31–32]. И здесь, конечно, хотелось бы, чтобы ясно и четко прозвучало то, что сам Ницше понимает под человеком и человечностью, которые столь быстро начинают деградировать, исчезать и которые нуждаются в защите. Однако он говорит о трех образах человека, которые были созданы в новое время и которые, как он полагает, еще долго будут выступать идеалами для всех, желающих преобразования собственной жизни, а тем самым и себя – это человек Руссо, человек Гёте и человек Шопенгауэра. Ницше, безусловно, отдает предпочтение человеку Шопенгауэра, так как, «говоря совершенно открыто: чтобы стало лучше, необходимо, чтобы мы когда-нибудь сделались порядком злыми. И в этом нам должен помочь образ шопенгауэровского человека. Шопенгауэровский человек берет на себя добровольное страдание правдивости, и это страдание помогает ему убить личную волю и подготовить тот совершенный переворот в его существе, достижение которого и образует собственно смысл жизни ... и тот, кто хотел бы жить по-шопенгауэровски, походил бы, вероятно, более на Мефистофеля, чем на Фауста – именно для современных близоруких глаз, которые в отрицании всегда видят отпечаток зла. Но существует род отрицания и разрушения, который есть именно истечение могущественной жажды освящения и спасения жизни ... и быть правдивым – значит верить лишь в то бытие, которого нельзя отрицать и которое само истинно и правдиво. Поэтому правдивый человек сознает, что его деятельность имеет метафизическое, объяснимое из законов иной и высшей жизни и в глубочайшем смысле утверждающее значение; хотя все, что он делает, кажется разрушением и ломкой законов этой жизни» [3, с. 35]. Более того, Ницше здесь заявляет, что **«вечное становление есть лживая кукольная комедия, из-за которой человек забывает себя самого, развлечение, которое рассеивает личность во все стороны, нескончаемая игра тупоумия, которую большое дитя – время – забавляется перед нами и с нами. Героизм же правдивости состоит в том, чтобы в один прекрасный день перестать быть его игрушкой. В становлении все пусто, обманчиво, плоско и достойно нашего презрения; загадку, которую человек должен разрешить, он должен разрешить лишь в бытии, в бытии таким, а не иным, – лишь в непреходящем. Теперь он начинает испытывать, как глубоко он сросся со становлением, с одной стороны, и с бытием – с другой; чудовищная задача восстает перед его душой: разрушить все становящееся, осветить все ложное в вещах»** [3, с. 37–38, выделено мной – В.С.].

Таким образом, из этих фрагментов хорошо видно, что Ницше здесь весьма добропорядочный метафизик и соединяет в себе множество позиций. Некоторые из них будут им развиты или сохранены в поздних его работах, а иные просто отброшены и даже осуждаемы. Именно из последнего фрагмента, как мне кажется, проистекает вся позиция Хайдеггера с его *Dasein*, аутентичным бытием и приписыванием Ницше создания новой метафизики. Иначе говоря, здесь все истоки экзистенциализма, и не так уж и неправ был Ясперс, делая из Ницше экзистенциалиста. Но что особенно здесь наглядно, так это возмущение становлением, некоторая горечь и печаль от осознания и признания становления, ибо все становящееся, пока еще для Ницше, ложно по своей сути. Здесь присутствует мысль, безусловно, добропорядочного метафизика о том, что разгадку собственного бытия человек может постичь лишь в подлинном бытии и через подлинное бытие, которое есть наряду со становлением, вне становления. Реальный, живущий здесь и сейчас человек предстает перед нами как существо двойственное и трагическое, как нечто принадлежащее становлению и бытию. Вот только становлением он охвачен, захвачен и тем самым утрачивает себя, поддавшись и отдавшись становлению. Это просто вещь среди других вещей, игрушка большого дитяти – времени. И это состояние человека культивируется сегодня, по мнению Ницше, всей культурой: государством, образованием, философией. Подлинное же бытие человека скрыто от него, и к нему еще следует осуществить прорыв, чему, собственно, и должны способствовать подлинный художник и подлинный философ, и таковым философом на данный момент для Ницше является Шопенгауэр. Здесь потребен герой или героический человек Шопенгауэра. Именно идеальный человек Шопенгауэра полагается им как цель, как идеал, который бы «притягивал нас вверх» и одновременно воспитывал, но о сверхчеловеке и речи нет.

Ницше отмечает, что вся деятельность людей, созидание городов и государств, борьба друг с другом – все это только продолжение животного состояния людей. И во всем этом человек как бы сознательно регрессирует и обманывается, надеясь на свои метафизические задатки. Здесь возникает мысль о том, что природа, создававшая человека, теперь отказывается от него и готова вернуться к бессознательности инстинкта. А природе необходимо познание, но одновременно она и страшится этого познания, и потому «широчайшие планы нашей жизни создаются лишь для того, чтобы убежать от нашей истинной задачи» [3, с.41]. Таким образом, человек созидаем природой, преследующей свою цель – познание самое себя. Но человек пребывает в постоянной спешке, созидавая государства, добывая деньги, занимаясь наукой и т.п. и тем самым бежит от самого себя и своего подлинного назначения. Вместе с тем бывают и мгновения просветления, и мы чувствуем, что что-то не так в нашей жизни. Но эти мгновения нас пугают, и мы снова с головой уходим в нашу повседневную суету, отдаем становлению, отвергая бытие. Однако «даже вынырнуть и очнуться на мимолетное мгновение мы не можем собственными силами, нас должен поднять кто-нибудь – кто же именно?»

Это те подлинные люди, которые уже не звери, – философы, художники и святые; при их появлении и в их появлении природа, которая никогда не делает скачков, делает единственный скачок, и притом скачок радости, ибо она чувствует себя впервые у цели, – т.е. там, где она понимает, что должна разучиться иметь цели и что она делала слишком высокие ставки в игре жизни и становления. ... То, что она высказывает теперь с этим преображенным выражением лица, есть великая разгадка бытия; и высшее желание, какое может иметь смертный, это – длительно и с открытыми ушами прислушиваться к этой разгадке» [3, с. 42]. Такую вот романтически-метафизическую песнь распевает Ницше в данной работе. Но если бы природа была всемогуща и ее цели неуклонно реализовывались, то, безусловно и несомненно, реализовалась бы и ее главная цель, и не было бы нужды писать подобные трактаты, как нет необходимости писать трактаты в защиту и утверждение солнечного затмения. Природа, оказывается, нуждается в нашем содействии. «Ибо как природа нуждается в философе, так она нуждается и в художнике – для метафизической цели, именно для своего собственного самоуяснения, для того, чтобы иметь, наконец, чистый и законченный образ того, что ей никогда не удастся отчетливо рассмотреть в беспокойном процессе своего становления, – т.е.

для своего самопознания» [3, с. 43]. Но здесь каждый отдельный из нас, по сути, бессилен. И, отвечая на вопрос о возможности правильной самодеятельности для связи с идеалом шопенгауэровского человека, Ницше подчеркивает, что для одинокого это невозможно, но такая возможность возникает только благодаря сообществу, объединенному некоторой основной мыслью, и это основная мысль культуры, которая ставит перед каждым из нас лишь одну задачу: «содействовать созиданию философа, художника и святого в нас и вне нас и тем трудиться над совершенствованием природы» [3, с. 43]. Таким образом, хорошо видно, что никакого механического движения природы к «сверхчеловеку» здесь нет, тем более что о «сверхчеловеке» и речи не идет, так как «каждый верующий в культуру тем самым утверждает: «я вижу над собой нечто более высокое и человеческое, чем я сам; помогите мне все достигнуть этого, как я хочу помочь каждому ... **чтобы, наконец, возник снова человек**, (выделено мной – В.С.), который чувствовал бы себя завершенным и бесконечным в познании и любви, в созерцании и действовании, и всем своим целостным существом был бы связан с природой, как судья всех вещей и мерило их ценности». Трудно привести человека в это состояние безбоязненного самопознания, потому что невозможно научить его любви; ибо в одной лишь любви душа находит не только ясный, расчленяющий взгляд на самое себя, но и жажду заглянуть за пределы самого себя и всеми силами искать свое скрытое где-то высшее «я» [3, с. 46]. Как видим, здесь пока еще «человеческое, слишком человеческое» и все, по сути своей, очень даже метафизическое, где Ницше выступает еще «потусторонником», которых впоследствии Заратустра безжалостно осудит, а пока еще «люди, среди которых мы живем, походят на нагроможденные обломки драгоценнейших художественных эскизов, где все взывает к нам: придите, помогите, завершите, соедините, что принадлежит к одному целому, – мы беспредельно стремимся стать целыми» [3, с.46].

Если каждый отдельный из нас бессилен, то остается уповать только на сообщество или общество в возможности реализации этой основной и главной цели культуры или задачи человечества. Однако здесь имеется целый ряд препятствий, так как культура сегодня просто эксплуатируется и берется в услужение. Таковыми препятствиями или силами, препятствующими достижению этой цели, по Ницше, являются: эгоизм приобретателей, эгоизм государства, эгоизм всех скрывающихся под внешней формой и эгоизм науки со своеобразной сущностью ее служителей, т.е. ученых. Так можно ли отсюда сделать вывод о том, что сверхчеловек может стать просто результатом искусственного отбора в обществе, все больше и больше утрачивающем главную и основную мысль и цель культуры при наличии и столкновении стольких видов эгоизма?

Может быть, Шпенглер что-нибудь перепутал, и подобные выводы можно сделать на основе другой работы Ницше – «Воля к власти», хотя он такой работы сам и не издавал, а она издана на основе его записей после его смерти? Но записи-то его, и потому книга сия заслуживает внимания. Итак, «Воля к власти». Нет нужды анализировать все содержание этого труда. На мой взгляд, достаточно внимательно почитать четвертую книгу, которая получила название «Порода и возвращение», и мы получим ответы на все вопросы, которые сформулировал Шпенглер, предъявляя претензии к Ницше. А вопросы эти звучат так: «Когда говоришь о планомерном разведении, этом вполне материалистическом и утилитарном понятии, то обязан дать ответ, кто, кого, где и как должен разводить» [1, с. 562], и действительно ли сверхчеловек – это превращение человека в конеферму?

Ответы на вопросы «кто, кого и где», как мне представляется, особой трудности не вызывают у тех, кто хотя бы один раз самостоятельно и внимательно почитал работы Ницше. И если Шпенглер внимательно и самостоятельно читал Ницше, то совершенно непонятно, почему вдруг эти вопросы у него возникают. Более сложным представляется вопрос как, или какими средствами будет осуществлено «возвращение» сверхчеловека, и здесь, пожалуй, возможны интерпретации. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что Ницше очень сложный автор, его мало просто читать, и что существует множество проблем с интерпретацией того, что он написал [4, с. 15]. Однако то, с чем мы сталкиваемся у Шпенглера и продолжаем сталкиваться в современных публикациях, совершенно не касается интерпретации

идей Ницше.¹ Речь, в лучшем случае, может идти о незнании или непонимании, а в худшем – об извращении идей Ницше и их оснований.² Но раз вопросы поставлены, и с подобными вопросами автору приходилось сталкиваться в ходе работы на «Ницше-семинаре», который уже несколько лет проводится на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета, то надо и на них дать ответ.

Ответ на вопрос «кого» мы можем найти в 866 фрагменте «Воли к власти», хотя и до появления этой работы уже достаточно хорошо было известно, чему учил Заратустра, ибо он неоднократно повторял в разных местах и на разные лады: «Я учу вас о сверхчеловеке». А в «Воле к власти» Ницше пишет: «Я обозначу его как *выделение роскошного человеческого излишества*: в нем должен быть явлен более сильный род, более совершенный тип, которому потребны иные условия возникновения и самосохранения, нежели среднему человеку. Мой термин, моя *формула* для такого типа – это, как известно, слово «сверхчеловек» [5, с. 477]. Мне представляется, что только для Шпенглера сверхчеловек выступает «неопределенной речевой фигурой». Так, например, на мой взгляд, по поводу сверхчеловека великолепно высказался В.С. Соловьев: «Все дело в том, как мы понимаем, как мы произносим слово «сверхчеловек». Звучит в нем голос ограниченного и пустого притязания или голос глубокого самосознания, открытого для лучших возможностей и предваряющих бесконечную будущность?» [11, с. 628–629]. Соловьев указывает на тот факт, что «вся история только о том и говорит, как собирательный человек делается лучше и больше самого себя, *перерастает* свою наличную действительность, отодвигая ее в прошедшее, а в настоящее вдвигая то, что еще недавно было чем-то противоположным действительности – мечтою, субъективным идеалом, утопией» [11, с. 629]. Таким образом, здесь речь идет ни о чем ином, как о стремлении человека «стать больше и лучше своей действительности, или сверхчеловеком», и это

¹ См., например: Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М.: Молодая гвардия, 1982. Евлампиев И.И. Достоевский и Ницше: на пути к новой метафизике человека // вопросы философии. 2002. № 2. Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. Изд. Русского христианского университета. 1996.

² Так, например, Ю.Н. Давыдов в своей работе утверждает, что основной постулат ницшеанской философии и главный принцип для «человека воли» в его отношениях к людям – это «падающего толкни, униженного унижь еще больше, оскорбленного оскорби дважды, спровоцируй его на бунт и убей по «праву сильного». Или же по поводу переоценки всех ценностей утверждается, что убийство из-за угла называется героизмом, подлое отравление – доблестью, изнасилование – «волей к жизни» и т.п. Ну откуда это? Разве Ницше призывает толкать падающего? Он говорит о том, что падает все то, что от сегодня, а сегодня падает и распадается все: ценности, смыслы, социальные институты, рушится культура, деградирует человек и т.п. Разве не учит Заратустра о прохождении мимо там, где нельзя любить? Разве желает он быть лютым укротителем? Разве не советует он своим ученикам бежать в одиночество и не быть «махалками от мух», не поднимать руки против жалких и маленьких людей и т.п.? Ведь, как подмечал сам Ницше, речь у него идет не о праве сильнейшего, так как и сильнейшие, и слабейшие стремятся распространить свою власть насколько возможно больше. Или, например, утверждение И.И. Евлампиева о том, что Ницше превозносит Иисуса и превращает его в воплощение того самого высшего типа человека, о котором говорил Заратустра и весьма удачно назвал его сверхчеловеком, что Ницше полностью принимает тот идеал человека и человеческой жизни, который демонстрирует Христос, но свои сокровенные мысли о Христе Ницше пытается скрыть. Но Ницше ничего не скрывает. Характеризуя психологический тип Спасителя в работе «Антихрист», Ницше подчеркивает, что «инстинктивная ненависть против реальности – это есть следствие крайней чувствительности к страданию и раздражению». А страдание от действительности, по мнению Ницше, есть свидетельство того, что сам страдающий есть неудачная действительность. Так возможно ли утверждать, что в Иисусе, в неудачной действительности, Ницше-Заратустра усматривает «высшего человека» или сверхчеловека, которого он ждет и жаждет? Ведь «как раз все противоположное борьбе, противоположное самочувствию борца, является здесь, как инстинкт ... неспособность к противодействию является моралью...». Но этому ли учит Заратустра, и такого ли человека ждет он? Усматривать в словах «идиот» и «decadents» некоторого глубинного, второго или еще какого иного смысла, полагать, что речь идет на самом деле о «высшем человеке», об абсолютном человеке в духе Заратустры, и утверждать превозношение Иисуса у Ницше – не есть ли это то, что Ницше охарактеризовал как «нервное страдание» и «ребячество идиота»? В Иисусе Ницше усматривает смешение возвышенного, больного и детского. Возвышенное и детское – еще куда ни шло, но больное – это очень странная характеристика для сверхчеловека, но именно таков Христос по Ницше.

стремление можно рассматривать как идеал, как утопию (и для этого имеются основания) или как ложь поэта, но не как ни «неопределенную речевую фигуру».

М. Хайдеггер по поводу делаемых в адрес Ницше упреков в связи с тем, что образ сверхчеловека у него неопределенен и неуловим, замечает, что делающие эти упреки просто не понимают того, «что сущность сверхчеловека состоит в выхождении «сверх» прежнего человека» [12, с. 110]. Это означает, по его мнению, что если человек еще ищет «сверх» себя каких-то идеалов и прочее, то сверхчеловек уже не нуждается в этом «сверх», «ибо он единственно человека самого волит, и именно не в каком-то особенном аспекте, но прямо как господина безусловного простирания воли, полностью раскрытыми средствами господства, имеющимися на земле. В существе этого человеческого бытия заключено то, что всякая частная содержательная цель, всякая определенность этого рода оказывается несущественной и всегда – лишь случайным средством» [12, с. 110]. Таким образом, расписывать и вырисовывать те или иные черты характера, те или иные черты его лица и тела, например, нет необходимости, ибо это несущественное и лишь случайное, лишь средство для существования сущностной определенности. «Безусловная же определенность ницшевской идеи сверхчеловека, – пишет Хайдеггер, – заключается как раз в том, что Ницше познал сущностную неопределенность безусловной власти, хотя и не высказал ее таким образом» [12, с. 110]. Здесь хорошо видно, что для Хайдеггера и для тех, кто понимает, что такое метафизика, «портрет», «образ» сверхчеловека есть нечто несущественное, коль скоро схвачена и выявлена суть. А как же быть тем, кто не понимает, что такое метафизика, для кого сверхчеловек лишь «неопределенная речевая фигура»? Можно ли, хотя бы приблизительно, «нарисовать» для себя более или менее полный образ сверхчеловека и выявить некоторые характерные для него качества или черты? Думаю, что да. Но для этого надо внимательно почитать работы Ницше, выявляя различные характеристики того, что нравится Ницше в человеке и что не нравится. Порамышлять над тем, чему учит Заратустра своих слушателей и к чему их призывает. Уяснить, что Ницше считает благородным и аристократичным. Тогда для некоторых, возможно, и исчезнет неопределенность и неуловимость «речевой фигуры» сверхчеловек.

Теперь вопрос «где». Общеизвестно и никогда ни для кого не было тайной, что главным объектом заботы и печалей Ф. Ницше была европейская культура, которая, по его мнению, теперь усиленно деградирует, а вместе с ней и человек, и тем самым теперь вся современная Европа катится к упадку. Причин деградации культуры и человека в современной ему Европе Ницше указывает множество, и я не буду их здесь перечислять, они достаточно общеизвестны. И чтобы уж совсем все было понятно, т.е., где это все происходит и как, Ницше дает первой книге «Воли к власти» название «Европейский нигилизм», причем в разделе «Порода и возвращение» также неоднократно указывается именно на Европу. Более того, речь идет о Европе как едином социально-политическом и культурном пространстве, и подчеркивается перспектива единого экономического пространства, в котором в скором будущем уже предстоит жить Европе, но к которому Ницше относится весьма и весьма настороженно, так как именно с растущей промышленностью, с экономикой Ницше связывает нивелировку человека, лишение его индивидуальности, т.е. умаление человека, против чего он так резко протестует. Выступая против национализма, активно разрастающегося в современной ему Германии и других европейских странах, Ницше писал: «Благодаря болезненному отчуждению, порожденному и еще порождаемому среди народов Европы националистическим безумием, благодаря в равной мере близоруким и быструющим политикам, которые нынче с его помощью всплывают наверх и совершенно не догадываются о том, что политика разъединения, которой они следуют, неизбежно является лишь политикой антракта, – благодаря всему этому и кое-чему другому, в наше время совершенно невыразимому, теперь не замечаются или произвольно и ложно перетолковываются несомненнейшие признаки, свидетельствующие о том, что *Европа стремится к объединению*. У всех глубоких и обширных умов этого столетия в основе их таинственной духовной работы, в сущности, лежало одно общее стремление – подготовить путь для этого нового *синтеза* и в виде опыта утвердить европейца будущего...» [6, с. 375–376]. Существующие национальные различия для Ницше

есть лишь культурные различия, они обусловлены различием культур, и ничего более того. Его идеал – единая Европа и европеец как новый вид жителя Европы, а тем самым и новая раса, складывающаяся, формирующаяся из лучших или удачливейших представителей всех наций Европы. А **«раз дело будет уже идти не о консервации наций, а о создании возможно крепкой смешанной европейской расы, еврей будет столь же пригодным и желательным ингредиентом, как и всякий другой национальный остаток»** [7, с. 448, выделено мной – В.С.]. И в свете сказанного выше не может не вызывать удивления, мягко говоря, высказывание одного из современных авторов, не сделавшего опять же ни одной ссылки на тексты Ницше, о том, что великий самозванец Ницше осуществил бегство от человека, растворив его (человека) в национально-расовой общности крови, проповедуя национализм [8, с. 118]. Таким образом, полагаю, с ответом на вопрос «где?» проблем больше нет.

Так кто же это все будет делать? Ответ на этот вопрос можно найти опять же во многих работах Ницше, если, конечно, их внимательно почитать, но я ограничусь лишь разделом из «Воли к власти», именуемом «Порода и возвращение». В 861 фрагменте Ницше пишет: «Необходимо объявление войны *высших людей* – массе! [и] ...мы проведем репрессии и вытащим все это барахло (которое в Европе завелось вместе с христианством) на свет и на суд» [5, с. 472]. Нравится это кому-то или нет, но сказано – мы, высшие люди. Кто же они такие, эти высшие люди? В работе «Шопенгауэр как воспитатель» речь, как мы помним, шла о философах и художниках, в которых нуждается природа для своего собственного уяснения, и одновременно помогающих человеку прояснить свои цели и задачи. В разделе «Порода и возвращение» остается только философ. Читая различные фрагменты, можно убедиться в том, что Ницше так и остался поэтом, романтиком, мечтателем, если угодно, утопистом, ибо никакая иная характеристика здесь, на мой взгляд, не подходит. В 980 фрагменте мы можем прочесть следующее: «Предположим, мы помыслим себе философа великим воспитателем, достаточно могущественным, чтобы с одинокой высоты притягивать к себе нескончаемые вереницы поколений: тогда следует признать за ним и все зловещие права и привилегии великого воспитателя. ... Он должен владеть добрыми средствами воспитания и наказания: одних гнать вперед кнутом издевки, других, – ленивых, нерешительных, трусливых, тщеславных, – быть может, пряником преувеличенных похвал. Такой воспитатель стоит по ту сторону добра и зла; но никто не должен знать об этом» [5, с. 524]. Более того, высший человек, философ должен быть законодателем будущего и повелевающим, утверждает в 972 фрагменте. Эти философы говорят: «Должно быть так!» Они сперва определяют, «куда» и «зачем», пользу человека и что именно есть эта польза; они распоряжаются подготовительными работами людей науки, и всякое знание есть для них только средство к творчеству» [5, с. 521]. Проблема лишь в том, что такие философы и вообще высшие люди появляются весьма редко, и их очень мало, но именно они, прежде всего, должны способствовать появлению сверхчеловека. Для их возникновения в достаточном количестве, чтобы создать условия возникновения сверхчеловека, также необходимы соответствующие условия, которые уже сейчас следовало бы предусмотреть. Эти же условия, некоторым образом, будут пригодны и для «возвращения» сверхчеловека. И вот здесь Ницше, как мне представляется, с сожалением восклицает: «Если бы нам дано было предусмотреть условия, благоприятные для возникновения существ высочайшей пробы! Это невероятно, тысячекратно сложно, и вероятность ошибки *очень велика*: вот почему подобное стремление несколько не вдохновляет» [5, с. 493–494]. Вооружившись мужеством, нам ничего другого не остается, заявляет Ницше, как надеяться на счастливые случайности. Однако не следует просто сидеть и ждать, что совершенно противоречило бы духу философии Ницше, но «при любых обстоятельствах наиболее желательным вариантом остается суровая дисциплина *в нужное время*, т.е. еще в том возрасте, когда высокий уровень предъявляемых требований вызывает в человеке гордость. ... **Такая выучка необходима во всех отношениях, что в физической сфере, что в умственной, и было бы роковой ошибкой пытаться отделить здесь одно от другого**» [5, с. 495–496, выделено мной – В.С.]. Вместе с тем, одним из благоприятных обстоятельств для формирования высших людей Ницше считает развитие науки, которое предоставит человеку «силу в

избытке», и «тогда человек обретет *досуг*: будет сам себя образовывать к чему-то новому и высшему. *Новая аристократия*» [5, с. 511]. Таким образом, отвечая на вопрос «кто?», мы уже коснулись и ответа на вопрос «как?», т.е. какими средствами, и теперь несколько подробнее о средствах, благодаря которым, как полагает Ницше, может быть достигнута цель – сверхчеловек.

Итак, суровая дисциплина, кнут издевки и пряник похвал, наука, дающая возможность досуга для самообразования и самовоспитания, но самое главное – новая мораль на основе переоценки ценностей. Именно на это указывает Ницше в 957 фрагменте: «Законодательные морали – вот главное средство, с помощью которого человеку можно придать все, что угодно творческой и глубокой воле, при том условии, что эта художественная воля высшего ранга располагает силой и имеет возможность претворять свои творческие замыслы на протяжении длительных промежутков времени – в форме законодательств, религий и нравов» [5, с. 513]. И эта мораль должна быть прямо противоположна той, которая сегодня доминирует в Европе. Доминирующая сегодня в Европе мораль – это мораль стада, озабоченная равенством прав, сочувствием страждущим и слабым, стремящаяся к установлению покоя, безопасности, уюта, легкости жизни или всеобщего счастья стада. И именно этим обеспокоен Ницше, ибо, по его мнению, осуществляется благодаря этому типу морали деградация и уничтожение человечества. Так не пришло ли время, вопрошает он, «по мере того, как в Европе все более развивается тип «стадного животного», предпринять попытку осознанного и основательного *вращения* противоположного типа и его добродетелей?» [5, с. 512]. Если срочно не принять мер, то «заурядность снищет ум, остроумие, гениальность – она станет интересной, соблазнительной...» [5, с. 475]. И именно с этим, как мне кажется, мы сталкиваемся сегодня все чаще и чаще. Именно поэтому и должна быть «мораль таких вот обратных измерений, которая предполагает вывести человека в выси, а не в уют и заурядность, мораль с прицелом взрастить правящую касту, – будущих *хозяев земли*, – такая мораль, чтобы ее можно было усвоить и проповедовать... Подготовить *обратную переоценку ценностей* для грядущего сильного вида людей высшей духовности и силы воли, медленно, осторожно, исподволь высвобождая для этой цели в людях множество прежде обузданных и оболганных инстинктов...» [5, с. 514]. В этой связи мне хочется привести здесь фрагмент беседы Заратустры с одним из его слушателей. И вот что сказал ему Заратустра: «Ты еще не свободен, ты ищешь свободы. Бодрствующим сделало тебя твое искание и лишило сна.

В свободную высь стремишься ты, звезд жаждет твоя душа. Но твои дурные инстинкты также жаждут свободы.

Твои дикие псы хотят на свободу; они лают от радости в своем погребе, пока твой дух стремится отворить темницы.

По-моему, ты еще заключенный в тюрьме, мечтающий о свободе; ах, мудрой становится душа у таких заключенных, но так же лукавой и дурной.

Очиститься должен еще освободившийся дух. В нем еще много от тюрьмы и от затхлости: чистым должен еще стать его взор. ... Можешь ли ты дать себе свое добро и свое зло и навесить на себя свою волю как закон? Можешь ли ты быть сам своим судьей и мстителем своего закона?» [2, с. 31, 45]. Ницше прекрасно понимает, что предстоит очень сложная, трудная и долгая работа, проводимая с величайшей осторожностью, по воспитанию или «вращению» высших людей, а сверхчеловек – это вообще нечто далекое, так как «только вполне облагороженному человеку может быть дарована свобода духа. ... Все еще, по видимому, не настала пора, чтобы над всеми людьми, как над древнейшими пастухами, разверзлись небеса и послышался голос, возвещающий: «на земле мир и в человецех благоволение!» Да, и теперь это еще жребий отдельных, единичных личностей» [9, с. 398]. Такая вот «конеферма» получается или разгул низменных страстей и вседозволенности.

При всем своем настороженном, а порой и негативном отношении к современному государству и обществу, особенно к военно-бюрократической их организации, так как «в государстве неимоверное безумие подминает под себя отдельного человека и вынуждает его *отвергать* свою ответственность за то, что он делает (долг послушания, присяга и т.д.)» [5, с.

395], в 903 фрагменте «Воли к власти» Ницше утверждает, что базисом для воспитания как взращивания можно рассматривать государство и общество. Вероятно, именно на этой основе и следует «создавать обстоятельства, при которых потребны более сильные люди, которым, в свою очередь, понадобится мораль (а точнее, телесно-духовная дисциплина), делающая их сильнее, – и, следовательно, она у них будет!» [5, с. 524.]. Здесь, безусловно, возможны различные измышления по поводу типа государства, общества или обстоятельств. Возможно, пожалуй, порассуждать о резервациях, гетто, концлагерях и конезаводах по мере образования, воспитания или испорченности рассуждающего. Но будет ли это соответствовать духу философии Ницше, и какими высказываниями из работ Ницше могут быть подкреплены подобные измышления? И хорошо ведь известно, что и библейские высказывания, вырванные из контекста, могут звучать устрашающе, и из них можно делать, а порой и делались, весьма нехорошие выводы и давались конкретные рекомендации. Ну, например: «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» [Матф. 7, 19]. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч; Ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» [Матф. 10, 34–37]. Однако вернемся к условиям и средствам воспитания, взращивания, формирования высшего типа, именуемого «сверхчеловек».

Одним из основных средств, как мне представляется, Ницше полагает наличие учения, которое должно действовать как средство отбора, делая еще сильнее сильных, укрепляя крепких и расслабляя и ломая всех слабых, утомленных жизнью или больных [5, с. 472]. В качестве больных и слабых Ницше полагает всех, у кого слабая воля, причем слабость рассматривается здесь как конечный феномен – «уже недостаточно», у кого нет воли к ответственности, нет знания себя и умения полагаться на себя, полагая свои собственные цели, нет осознанного стремления к подъему и формированию себя. Изобретать какие-то особые средства, как считает Ницше, нет необходимости, ибо на них указывает сама история – это «изоляция путем внушения интересов самосохранения, обратных тем, что являются нормой сегодня; внедрение новых ценностей; отстояние, дистанция как пафос; свободная совесть во всем, что сегодня является самым пренебрегаемым и подзапретным» [5, с. 491]. Таким образом, речь идет, прежде всего, об иерархии рангов и условиях, при которых «сильный и благородный вид способен сохраниться (в смысле духовного взрастания)» [5, с. 492, выделено мной – В.С.]. Эти условия непременно должны быть противоположны тем, в которых сегодня существуют «индустриальные массы» и мелкие лавочки. Посредством этого нового учения должна созидаться, как считает Ницше, пропасть между высшим и низшим видом, уничтожая все среднее и промежуточное.

Путь, на который встала Европа, как уже было отмечено выше, Ницше считает гибельным для человека, ибо на этом пути «возникает приспособление, выравнивание, оплощение, высшая китайщина, доведенная до инстинкта скромность, довольство человека в самоумалении – своего рода застой в развитии человека. Если нам и впрямь неизбежно предстоит жить в единой всемирной экономической системе Земли, то на службе ей человечество как машинерия может обрести наилучшее себе применение: а именно, как чудовищный шестереночный механизм из все более мелких, все более тщательно подогнанных друг к другу колесиков» [5, с. 477]. Именно поэтому Ницше и предлагает свой рецепт решения данной проблемы – воспитать, взрастить сверхчеловека как новый, высший тип или вид человека. Однако и для самого Ницше здесь еще очень много неясностей по поводу благоприятных обстоятельств и средств, ибо «большой вопрос: где по сию пору растение «человек» произрастало наироскошнейшим образом? Для этого необходимы сравнительные исторические исследования» [5, с. 522]. Не вызывает сомнения лишь необходимость взращивания, воспитания нового типа.

Многие положения Ницше, безусловно, звучат вызывающе и пугают. Они могут раздражать и возмущать. Они могут кому-то даже очень не нравиться. Вполне естественно, что

они критикуются, опровергаются и т.п. Но совершенно непозволительно, как мне представляется, извращать идеи и основания философии Ницше, приписывая им то, чего в них не содержится, то, против чего сам Ницше выступал неоднократно. Если вернуться к заявлению Шпенглера о том, что сверхчеловек – это вполне демократическая идея, проистекающая из дарвинизма, социализма и утилитаризма, то уже на основе всего изложенного выше становится ясно, что это совершенно не так, да и сам Ницше неоднократно открыто выступал против этих учений. Было бы только желание почитать самого Ницше, правда, и читать еще нужно научиться. Именно с этим призывом обратился Ницше к читающей публике в одной из своих ранних работ: «Выучитесь же хорошенько читать!» [10, с. 392]. Обвинять Шпенглера – создателя морфологии мировой истории – в том, что он не умел читать или вообще не читал Ницше, вроде бы как-то и неудобно. Так в чем же дело? А может, все дело в том, что, почитывая Ницше, создатель морфологии мировой истории вдруг прочел, что «посредством морфологического описания – предполагая, что оно закончено, – ничего не объясняется, а только описывается огромный круг фактов. Каким образом известный орган может быть приноровлен для какой-нибудь цели, это остается неясным» [5, с. 355]. Может, среди почитывавших Ницше Шпенглер был не одинок, и каждый нашел у Ницше про свою «морфологию»?

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1990.
3. Ницше Ф. Шопенгауэр как воспитатель. / Ницше Ф. Странник и его тень. М.: "REFL-book", 1994.
4. Марков Б.В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб: «Владимир Даль», 2005.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1990.
7. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1990.
8. Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. Издание Русского христианского гуманитарного университета. 1996.
9. Ницше Ф. Странник и его тень. М.: «REFL-book», 1994.
10. Ницше Ф. Утренняя заря. / Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни; Сумерки кумиров; Утренняя заря: Сборник. Минск, 1997.
11. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека. / Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т.2. М.: Мысль, 1990.
12. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. / Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРОЦЕССАХ КОММУНИКАЦИИ

Ю.П. Роговой

Аргументация и коммуникация – области пересекающиеся, так же как и теория аргументации с теорией коммуникации. В частности, в теории коммуникации рассматриваются те же виды вопросно-ответных процедур, что анализируются и в теории аргументации: диалог, спор, дискуссия, диспут, прения, полемика. При этом в теории коммуникации хотя и утверждают, что «стратегическими принципами аргументации в коммуникативном процессе выступают законы логики, правила доказательного рассуждения, функции критического мышления», однако не дают этому никакого подтверждения. Это вполне естественно: фактически не дает этому подтверждения реальная практика различных видов социальной коммуникации. Более того, по признанию «теоретиков от коммуникации», сама стратегия коммуникации «определяется коммуникативным намерением, целью – убедить, победить, достичь согласия, найти решение, самоутвердиться и т.д.» [1, с. 206]. Признание весьма красноречивое. В нем совершенно недвусмысленно провозглашается ориентация на «субъективный фактор». Это можно проиллюстрировать также следующим образом. Призыв разработчиков теории коммуникации «соблюдать правила доказательства» обосновывается ими, в частности, так: 1) надо соблюдать правило Гомера, согласно которому наиболее **убедителен** (явная апелляция к субъективности) следующий порядок аргументов: сильные – средние – самый сильный; 2) надо соблюдать правило Паскаля, которое предписывает не стремиться «загнать собеседника в угол», а наоборот, дать ему возможность «сохранить лицо» (здесь также наблюдается акцент на субъективном моменте процесса аргументации).

В работе Ивина А.А. «Основы теории аргументации» отмечается, что «предметом теории аргументации является изучение приемов, которые позволяют ... изменять убеждения аудитории» [2, с. 4]. Здесь сразу же возникает замечание, что убеждения в собственном смысле слова составляют основу мировоззрения **личности**, а не аудитории (тем более массовой). Там же отмечается, что цель аргументации – принятие аудиторией предлагаемых ей положений, утверждений, мнений, причем «оппозиция «истина – ложь», важная для других наук, не является ключевой ни в аргументации, ни в ее теории [2, с. 4]. Думаю, позволительно заметить по этому поводу, что если опираться даже на очень древнее определение истины, данное Аристотелем (истина есть **знание, соответствующее действительности**), то считать в этом случае теорию аргументации **научной**, по крайней мере, «не хочется». Хотя вполне приемлемо считать ее некоторой областью знания, которая «онаучивает» манипулятивные приемы воздействия на аудиторию. Очевидно, поэтому, будучи увлекаемы в область субъективности, некоторые теоретики «теории аргументации» вынуждены констатировать, что «в настоящее время теория аргументации лишена единой парадигмы... и представляет собой едва ли обозримое поле различных **мнений** на предмет этой теории, ее основные проблемы и перспективы развития» [2, с. 4]. Если принять платоновское определение **мнения (doxa)** как «**знания без обоснования**» (опять же очень древнее определение), то можно считать, что некоторое саморазоблачение **теории аргументации** как **науки** налицо.

Многие представители гуманитарного знания испытывают сильную аллергию на научный подход к анализу общественных, социальных проблем, к рассмотрению с научных, теоретических позиций процессов художественной деятельности и т.п. И это находит свое отражение в характере их аргументации. В работе «Литературная критика» можно обнаружить, что «возбужденное» гуманитарное мышление эстетика Ж. Жубера приводит его к весьма спорному тезису (особенно если не упускать из виду, что речь идет о **теории** аргументации, о **науке**,...). Ж. Жубер, имея в виду Аристотеля, пи-

шет: «Он был не прав в своем стремлении сделать все в своих книгах научным, т.е. доказуемым, аргументированным, неопровержимым; он (Аристотель) не учел (!), что существуют истины, доступные одному лишь воображению, и что, быть может, именно эти истины – самые прекрасные» [3, с. 327]. Здесь несколько «утешает» то, что Ж. Жубер использовал слова «быть может», а то было бы совсем уж тягостно и обидно за недогадливость Аристотеля. Осмелюсь заметить также, что Аристотель был совершенно «прав в своем стремлении», и что этого рода устремлений опасаться никак не следует, даже обладая филистерской гипертрофированной боязливостью, ибо «**сделать все научным**» нельзя, как и достигнуть абсолютной истины в полном ее объеме. А вот стремиться к тому, чтобы «было доказано все, что может быть доказано», стремиться к предельно надежным основаниям, безусловно, следует.

Весьма популярный в свое время Пол Фейерабенд, вполне обоснованно получивший второе имя «методологический анархист», с радикальных позиций утверждал, что о научном подходе можно говорить лишь как о фикции. Иначе говоря, научный подход вовсе не является наиболее эффективным средством получения нового знания и его обоснования. Более того, он утверждал, что вообще «такого метода не существует» [4, с. 518]. Наука, с точки зрения Фейерабенда, «...не выделяется и своими результатами: нам известно, чего добилась наука, однако у нас нет ни малейшего представления о том, чего могли бы добиться другие традиции» [там же]. Под «другими традициями» он подразумевает религию, миф, магию, эзотерику и т.п. Большой оригинал, однако! На это «увлечение» Фейерабенда можно было бы и не обращать серьезного внимания, можно было бы «простить» столь некорректное сопоставление, но на аргументацию стоит обратить внимание. Фейерабенду с полным самозабвением удается совершить логическую ошибку, известную под названием «предвосхищение основания». По сути, точка зрения этого яркого «методологического анархиста» такова: ну и что, что **нет оснований** ставить на одну доску **религию и науку** (ибо весь совокупный познавательный опыт человечества противоречит этому); но мы ведь **не знаем**, чего **добилась бы** религия плане, **если бы...** Как говорится, «если бы, да кабы...». И совсем уж неадекватно он «объясняет» авторитет науки, утверждая, что это произошло не в силу **действительных** достоинств науки, не в силу объективной значимости научного знания, а исключительно «благодаря организованному для нее пропагандистским (!) и рекламным (!) акциям» [4, с. 513]. Право слово, Фейерабенду бы в современных средствах массовой коммуникации трудиться, а не в области логики и методологии науки. И здесь опять же совершается явная логическая ошибка. Ведь если совершенно равноправны апелляция **к авторитету** и опора на **факты** (а здесь вполне уместно напомнить высказывание И.П. Павлова о том, что факты – это «воздух ученого»), если нет разницы, на что опираться: на **научный закон** или на **веру**, на научный метод или на «внутренний голос», интуитивное озарение, то наблюдается явное противоречие с фактами, и стирается принципиально важное различие между **объективной истиной** и **субъективным мнением**. А субъективное мнение, как известно, вполне может позволить себе совершенно не опираться на какие-либо объективные основания и разумные доводы: «А я так вижу!», «А мне так кажется!», «А у меня такое мнение!».

Поэтому нетрудно «догадаться», чем вызвана вся эта «вакханалия» с «новой риторикой» и «новейшей теорией аргументации»: современная социальная реальность масштабно оформляется как «видимость», как фикция, как иллюзия. В ней доминируют «эрзацы» различного рода, из которых, пожалуй, самая яркая разновидность – это современная эстрада с ее «ноу-хау»: **видимость** реального пения на фоне «фанеры». В современных условиях в средствах массовой коммуникации аргументация выступает как элемент коммуникативного процесса или как специфический коммуникативный процесс, предназначенный не столько для строго логического обоснования какого-либо положения, сколько для его принятия, одобрения и т.п. Иначе говоря, к аргументации

прибегают в рамках процесса коммуникации тогда, когда появляется необходимость убедить реципиента (зрителя, слушателя, читателя) в приемлемости выдвинутого положения, утверждения. В современном обществе «логосфера» находится под сильнейшим воздействием системы массовой коммуникации, средств массовой информации. Но всем хорошо известно, что в средствах массовой информации, в области массовой культуры, вообще в системе массовой коммуникации культивируются очень низкие стандарты, образцы аргументации. Преобладают призывы, уверения, побуждения, апелляция к эмоциям, чувствам, инстинктам, подсознанию, образному мышлению. Стараются использовать все, что угодно, но только не рационально выстроенную логически корректную аргументацию. Эксплуатируется способность **чувствовать**, воспринимать, эмоционально реагировать и т.п., но не способность аналитически, взвешенно, критически **понимать**. При этом ставится (и часто достигается) цель: создать у реципиента ощущение понимания, **иллюзию понимания**, но не действительное понимание. А **действительное понимание** есть понимание, опирающееся, в конечном счете, на действительность, на реальность.

Аргументация в процессе коммуникации непременно использует внелогические средства. Разумеется, если аргументативный дискурс осуществляется в форме доказательства, то мы имеем как бы «вырожденный случай» аргументации, когда внелогические компоненты аргументации «стремятся к нулю». В свое время А. Черч отмечал, что «желательно, для практических целей даже необходимо, употреблять для логических целей специально созданный язык – **формализованный** ... , который, в противоположность обычному языку, будет следовать за логической формой, и воспроизводить ее даже в ущерб краткости и легкости общения...» [5, с. 14]. В процессах же реальной коммуникации (особенно массовой) требуется, скорее, противоположная ориентация на доступность, легкость, приемлемость и т.п., ибо процесс реальной «прагматической» аргументации как специфической коммуникативной деятельности не может быть ограничен ее логическими формами.

В современных зарубежных исследованиях по теории аргументации основной упор делается именно на коммуникативные аспекты аргументации, осуществляется ориентация на реципиента, на аудиторию, на механизм психологического и эмоционального воздействия на эту аудиторию с целью вынудить ее принять выдвигаемое положение. Соответственно этому и определяется аргументация. Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст в своей фундаментальной монографии по теории аргументации отмечают, что аргументация предназначена «оправдать или опровергнуть выражаемое мнение, ... убедить в (его) приемлемости или неприемлемости» [6, с. 12]. А в «Настольной книге по теории аргументации» (Амстердамский университет) подчеркивается: «Аргументация есть социальная, интеллектуальная, вербальная деятельность, служащая оправданию или опровержению точки зрения, состоящей из системы утверждений и направленной на **достижение одобрения аудитории**» [7, с. 23]. Несколько иной вариант доминирования прагматического, коммуникативного аспекта аргументации характерен для Г. Джонстона (пенсильванская школа теории аргументации). Рассматривая аргументацию как способ управления, он выделяет следующие моменты: 1) аргументация адресуется реципиенту, мнения или действия которого выступают в качестве объекта управления; 2) к аргументации прибегают тогда, когда не могут воспользоваться безусловно эффективными (т.е. жестко детерминирующими результат) средствами управления; 3) субъект, которому адресована аргументация, осознает себя находящимся вне сферы жестко детерминированного управления [7, с. 24].

Таким образом, обнаруживается стремление всячески преувеличить значение субъективных моментов, присущих аргументативному процессу, за счет принижения того, что выводит нас к объективности, к истине, к тому, что соответствует действительности. Разумеется, увлечение это не новое: почти 2,5 тыс. лет тому назад Сократ с

горечью отмечал: «В судах решительно никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность. А она состоит в правдоподобии, на чем и должен сосредоточить свое внимание тот, кто хочет произнести искусную речь. Иной раз ... даже следует умолчать о том, что было в действительности, если это неправдоподобно, и говорить только о правдоподобном: оратор изо всех сил должен гнаться за правдоподобием, зачастую распрощавшись с истиной» [8, с. 84]. Все это приводит к тому, что аргументация в коммуникативном процессе (особенно в процессах массовой коммуникации) характеризуется тем, что: 1) систематически используются бездоказательные утверждения; 2) неумеренно используются гипотетические, вероятностные рассуждения; 3) слишком часто для обоснования какого-либо тезиса прибегают к весьма поверхностной, нестройной аналогии; 4) постоянно игнорируется необходимость уточнения содержания понятий; 5) непрестанно совершаются логические ошибки, причем зачастую такие, обнаружение и устранение которых не требует «необыкновенной» квалификации; 6) беззастенчиво используются софистические приемы; 7) совершенно сознательно пренебрегают такой формой обоснования и принятия утверждений, как доказательство.

В результате возможными оказываются такие, например, рассуждения.

В «Российской газете» от 6 марта 1998 года депутат Г.В. Старовойтова осуществила следующее умозаключение: «Как утверждал еще Аристотель, все люди – существа политические. Женщины – тоже люди. Следовательно, женщины могут быть политиками». Или рассуждения Е. Гайдара, стремившегося соблазнить доверчивую политическую публику идеями той политической партии, к числу лидеров которой он принадлежал, и пугавшему слабонервных граждан «новой» России тем, что неприятие этих идей и недостаточно активное их осуществление гражданами непременно приведут в ближайшем же будущем к социальным катаклизмам (типа «гражданская война») и жутчайшим последствиям для судьбы России. Или рассуждения Б. Ельцина, громко и провозглашавшего себя безоглядным реформатором, а всех несогласных с его действиями – антиреформаторами: «Я выступаю за реформы, а эти вот депутаты выступают против меня, следовательно, они антиреформаторы».

Количество примеров легко можно было бы умножить, но главное все же не в этом. Главное – в том, что пренебрежение истиной, отсутствие стремления к объективности, к выяснению того, «как на самом деле», приводит к безоглядной увлеченности миром «видимости», к самозабвенному конструированию «виртуальной» действительности и создает основы для масштабной манипуляции не только индивидуальным, но и общественным сознанием.

Литература

1. Основы теории коммуникации. М., 2003.
2. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.
3. Эстетика французского романтизма. М., 1988.
4. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1988.
5. Черч А. Введение в математическую логику. М., ИЛ, 1969.
6. Ф. ван Ееремен, Р. Гроотендорст. Аргументация, коммуникация, ошибки. СПб., 1992.
7. Яскевич Я.С. Аргументация в науке. Минск, 1992.
8. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. М., 1986.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Е.П. Баева, Н.М. Иванова

Особенностью функционирования системы социального обеспечения в России было отсутствие государственно-организованной и централизованно финансируемой системы помощи бедным, а в случае бедствий и войн – пострадавшим от них. Это компенсировалось деятельностью особых благотворительных фондов, комитетов и обществ, созданных под эгидой членов императорского дома Романовых, широкой сетью общественных и ведомственных организаций и многочисленных частных учреждений благотворительства. При этом статус «императорских» благотворительных обществ не был четко регламентирован, но они имели огромные преимущества за счет субсидирования от казны и от членов императорского дома, за счет внимания общества, которое обеспечивалось путем регулярного информационного освещения их деятельности в прессе.

Довольно хорошо была развита и ведомственная благотворительность, распределенная между одиннадцатью министерствами и ведомствами (Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Путей сообщения, Военное Ведомство, Ведомство Учреждений Императрицы Марии, Духовное ведомство, Морское министерство, Министерство юстиции, Министерство земледелия и государственного имущества, Министерство Императорского Двора), которые несли ответственность и контролировали деятельность подведомственных им благотворительных учреждений и организаций. Так, в начале XX в. только у МВД было 6835 благотворительных обществ и учреждений, у Российского Общества Красного Креста (РОКК) – 818, у Министерства юстиции – 737¹.

Это была обширная и по-своему действенная система социальной помощи, но обладавшая рядом бросающихся в глаза недостатков: отсутствие положения об источниках государственных средств на социальную сферу, отсутствие единого центра сведений о нуждающихся и единого руководящего органа, координирующего всю социальную работу в стране.

В ряду государственных благотворительных организаций особое место занимал Романовский Комитет, находящийся «под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством». Он был основан в честь 300-летия Дома Романовых «в целях призрения сирот сельского населения без различий сословий и вероисповеданий, а равно для объединения правительственной, общественной и частной деятельности в этом направлении»².

Романовский Комитет выделял периодические и единовременные пособия земским учреждениям, сельским обществам, волостям, гминам, станицам, поселковым обществам, сельским церковно-приходским попечительствам, приходам, братствам, монастырям, благотворительным учреждениям и обществам, а также частным благотворителям на расширение и создание новых учреждений по призрению детей. Размер пособия составлял половину расходов, произведенных учредителями на содержание благотворительного заведения. На строительство же нового заведения Романовский Комитет выделял 1/3 от сметы строительства³.

Под влиянием военных событий рамки деятельности Романовского Комитета значительно расширились и распространились на те учреждения, которые призвали детей нижних чинов, находящихся на службе в действующей армии. Теперь денежная

помощь направлялась не только сельским, но и городским благотворительным учреждениям, если в них призревались сельские сироты и дети воинов. Все же, как подчеркивалось во Всеподданнейшем отчете Романовского Комитета за 1915 г., «главное внимание уделялось поощрению развития призрения сирот крестьян и воинов в условиях сельской жизни»⁴.

С 1 июня 1914 г. по 1 января 1916 г. с участием Романовского Комитета в столичных, губернских и областных городах было учреждено 14 новых приютов на 990 детей, на что Комитетом было отпущено более 154 тыс. руб. В уездных городах, посадах, местечках и сельской местности было учреждено 150 приютов на 4802 ребенка, на что Романовский Комитет выделил около девятистот тысяч руб.⁵

Доход Романовского Комитета за 1915 год составил более 2 млн. руб., причем Николай II пожертвовал 5000 рублей из собственных средств, и от Верховного Совета по призрению семей поступило 300 тыс. руб.⁶

Довольно значительную часть в доходах Романовского Комитета составили добровольные пожертвования, а также средства, полученные в результате церковного сбора. Большая часть средств за 1915 год пошла на единовременные пособия и содержание призреваемых детей.

В Петроградской губернии Романовский Комитет действовал активно и имел 5 отделений: Гдовское, Лужское, Новолодожское, Царскосельское и Шлиссельбургское. В Петрограде Романовский Комитет помогал своими пособиями обществу «Национальное кольцо», содержавшему ясли-приют для детей воинов, и Обществу для распространения практических сельскохозяйственных сведений среди беднейшего населения Петрограда, содержавшему сельскохозяйственный приют и школу домоводства с общежитием, а также обществу «Народная помощь»⁷.

Кроме того, Романовский Комитет выделил 25 тыс. руб. Попечительству Императрицы Марии Федоровны о глухонемых на учреждение 100 стипендий для сирот сельского населения и детей воинов в учебных и ремесленных заведениях Попечительства⁸.

Всего в течение 1914–1916 гг. Романовский Комитет оказал денежную помощь 11 благотворительным заведениям Петрограда и Петроградской губернии. Это были, в основном, заведения частных благотворительных обществ.

Большое значение имела начатая Романовским Комитетом под руководящим надзором Центрального статистического комитета МВД Всероссийская перепись сирот, которая осуществлялась через волостные правления при помощи земских начальников, народных учителей и духовенства. Расходы на это предприятие со стороны Романовского Комитета составляли 50 тыс. руб.⁹

Таким образом, Романовский Комитет в период Первой мировой войны внес свой вклад в дело призрения сирот и детей воинов, но все же его главные усилия были направлены на помощь делу призрения детей сельского населения в целом, поэтому в Петрограде деятельность Комитета не была столь заметной и решающей, по сравнению с деятельностью Императорского Человеколюбивого Общества и Ведомства Учреждений императрицы Марии, хотя в целом по стране к началу 1917 г. Романовский Комитет поддерживал 45 тыс. детей в 777 приютах¹⁰.

Учитывая опыт работы этого Комитета и его вклад в благотворительную деятельность, в марте 1917 г. постановлением Временного правительства он был передан в ведение МВД и реорганизован в Государственный комитет попечения о беспризорных детях¹¹.

Большую роль в деле призрения детей погибших воинов, а также тех, кто потерял на войне трудоспособность, играл также Алексеевский Главный Комитет. Он был учрежден Указом Николая II от 16 июня 1905 г. для призрения детей лиц, погибших в войну с Японией. В 1914 г. на Алексеевский Комитет было возложено и призрение «де-

тей офицерских, классовых и нижних чинов, погибших или утративших трудоспособность в войну с Германией и Австро-Венгрией»¹².

Первым председателем Алексеевского Комитета был П.П. Семенов-Тянь-Шанский, а после его смерти, с февраля 1914 г., Комитет возглавил А.С. Стишинский. Членами Комитета были высокопоставленные чиновники, члены Государственного Совета, сенаторы, а также представители министерств внутренних дел, финансов, военного, морского, народного просвещения, Государственного контроля¹³.

Алексеевский Комитет оказывал денежную помощь детям (до 16 лет) нижних чинов, убитых, пропавших без вести или умерших от ран. Размер пособия составлял 24 рубля в год в сельской местности и 24–42 рубля – в городах. Круглым сиротам эти пособия могли быть увеличены из расчета 40 коп. на 1 рубль основного оклада. Кроме того, детям нижних чинов, поступающим в начальную школу, выдавались пособия на приобретение теплой одежды, обуви и учебных принадлежностей до 15 руб. При этом пособия выдавались независимо от имущественного обеспечения семейств. Алексеевский Комитет сам собирал сведения о таких детях, что избавляло нуждающихся от подачи прошений.

Дети тех нижних чинов, которые лишились трудоспособности в результате участия в военных действиях, наделялись пособиями по особым постановлениям Комитета, в этих случаях нужно было подавать прошения и различные справки о неспособности нижнего чина к труду и недостаточном обеспечении семьи¹⁴.

Для детей офицерских чинов размер пособия составлял от 75 руб. в год до 300 руб., в зависимости от возраста. Для детей офицеров, потерявших трудоспособность, пособия назначались по прошениям в тех случаях, когда семья не могла дать детям соответствующее образование и воспитание¹⁵.

Кроме пособий, Алексеевский Комитет широко применял такую форму призрения, как помещение детей в воспитательные и учебные заведения за счет Комитета.

Средства Алексеевского Комитета складывались из добровольных пожертвований, которые направлялись на создание неприкосновенных капиталов. Так, например, в 1905 г. после перечисления Комитету 50 тыс. руб. от Генерального комиссара историко-художественной выставки русских портретов был создан капитал, получивший название «Капитал Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в память 300-летия царствования Дома Романовых». Вторым источником финансирования были государственные средства¹⁶.

Начало войны сразу выявило недостаточность благотворительных капиталов, и Алексеевский Комитет вынужден был обратиться в Верховный Совет по призрению семей лиц, ушедших на войну, с просьбой выделить часть средств, полученных Верховным Советом от благотворительной лотереи 1914 г., для выдачи единовременных пособий детям жертв войны в случаях, не предусмотренных законом. В результате Комитет получил 300 000 руб.¹⁷

Алексеевский Комитет активно проводил сбор пожертвований от учреждений и частных лиц. В 1915 г., например, наиболее крупными были пожертвования от Департамента Общих Дел МВД – 20 тыс. руб., от вдовы действительного статского советника Бодиско – 4,5 тыс. руб., от Шлиссельбургского мещанского общества – 2 тыс. руб. и др. Всего же сумма пожертвований в 1915 г. составила 42394 руб.¹⁸ А общая сумма благотворительных неприкосновенных капиталов на 1 мая 1915 г. превышала 155 тыс. руб.¹⁹

Всего к 1 мая 1915 г. на попечении Алексеевского Главного Комитета находилось 131603 ребенка. На них было выдано в виде пособий почти 29 млн. руб.²⁰ Школьные пособия в 1914/1915 учебном году составили около 500 тыс. руб., а плата за учебу в различных учебных заведениях равнялась 4 млн. руб.²¹ Таким образом, по подсчетам авторов, общие расходы Алексеевского Комитета за первый год войны составили 32 млн. 824 тыс. 375 руб. Из них пожертвования (включая пособие от Верховного Совета)

и благотворительные капиталы равнялись только 456 тыс. руб., значит, государственные средства составляли основу деятельности Главного Алексеевского Комитета. Это позволяет считать Алексеевский Комитет государственным благотворительным учреждением, имеющим однопрофильную социальную направленность – помощь детям жертв войны.

Огромный опыт благотворительной работы накопил также Александровский Комитет о раненых, который был учрежден Александром I в 1814 г. Средства Комитета создавались от добровольных пожертвований и доходов от разных сборов и вычетов, например, от вычетов с наград и пособий. К 1912 г. Александровский Комитет оказывал покровительство 3423 генералам и офицерам, 108745 нижним чинам и 46812 их семействам²².

Но Законом 1912 г. о призрении нижних чинов и их семейств обеспечение пенсиями указанных категорий было изъято из ведения Комитета и возложено на казну, и в связи с этим из распоряжения этой благотворительной организации были отчуждены все прежние доходные поступления в инвалидный капитал, кроме доходов с капиталов, состоящих в ведении Комитета, и пожертвований. С одной стороны, с Александровского Комитета было снято производство пенсий из сумм инвалидного капитала на 4,5 млн. руб., но при этом Комитет потерял денежных поступлений почти на 7 млн. руб.²³ Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, налицо было замедление темпов прироста инвалидного капитала в период Первой мировой войны по сравнению с предыдущими войнами.²⁴

Одной из причин такого явления было возникновение в этот период множества организаций, оказывающих материальную помощь раненым и увечным воинам, а также их семьям. Действительно, если в войну 1853–1856 гг. инвалидный капитал Александровского Комитета составлял только 5,6 млн. руб., в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. – 21,7 млн. руб., в период русско-японской войны – 46,6 млн. руб., то в 1915 году – только 64 300 000 руб.²⁵

Доход Александровского Комитета по смете 1915 г. – уже 64,3 млн. руб., (они составлялись из процентного инвалидного капитала, поступлений от различных учреждений и оборотных поступлений)²⁶. Расходы же измерялись 6 199 023 рублями.²⁷

В течение первых полутора лет войны Александровский Комитет оказал помощь офицерским чинам на сумму 1766000 руб., семьям офицеров на сумму 708000 руб., нижним чинам – на 2 млн. руб.²⁸ Покрыть свои расходы доходами от инвалидного капитала Александровский Комитет не мог, поэтому ему была оказана помощь со стороны государства установлением на время войны телеграфного сбора, давшего 1 810 000 руб. Кроме того, Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, перечислил Александровскому Комитету из доходов от благотворительной лотереи 750 тыс. руб. Поступления от пожертвований составили 180 000 руб.²⁹

Смета на 1916 г. Александровского Комитета предусматривала доходы в размере 4 182 693 руб., а расходы на пенсии, единовременные пособия, воспитание детей офицеров, содержание инвалидов, призрение Георгиевских кавалеров, содержание Чесменского и Измайловского инвалидных домов императора Николая I и тому подобное предполагались более 5 млн. руб. Пожертвования же поступили в 1916 г. только в размере 150 тыс. руб. Александровский Комитет был вынужден сократить пособия раненым еще в русско-японскую войну, а выделение пособий тем, кто еще не был принят под покровительство Комитета, ставилось в зависимость от того, будут ли предоставлены в его распоряжение средства из сумм государственного казначейства³⁰.

Таким образом, становится очевидным, что благотворительные организации для помощи жертвам войны, которые были созданы ранее, в период Первой мировой войны испытывали большие затруднения, они оказались как бы заслонены новыми аналогичными органами, потеряли часть поддержки общества и государства.

Источники и литература

-
- ¹ Исторический опыт социальной работы в России. М., 1994. С.37.
 - ² Призрение и благотворительность в России. 1914. № 7. С.1236.
 - ³ Справочник по вопросам организации помощи увечным воинам. Пг., 1917. С.15.
 - ⁴ РГИА. Ф.769. Оп.1. Д.41. Л.2.
 - ⁵ Там же. Л.2 об.
 - ⁶ Там же. Л.2.
 - ⁷ РГИА. Ф.769. Оп.1. Д.41. Л.31, 42-43 об.
 - ⁸ Там же. Л.48 об.
 - ⁹ Там же. Д.103. Л.1 об.
 - ¹⁰ Там же. Д.148. Л.1.
 - ¹¹ Там же. Л.2.
 - ¹² Обзор деятельности Алексеевского Главного Комитета за десятилетие 1905-1915 гг. Пг., 1916. С.10.
 - ¹³ Там же. С.12.
 - ¹⁴ Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8-9. С.1228-1230.
 - ¹⁵ Там же. С.1231-1236.
 - ¹⁶ Обзор деятельности Алексеевского Главного Комитета за десятилетие 1905-1915 гг. Пг., 1916. С.121.
 - ¹⁷ Там же. С.127.
 - ¹⁸ РГИА. Ф.1253. Оп.1. Д.66. Л.3-8.
 - ¹⁹ Обзор деятельности Алексеевского Главного Комитета за десятилетие 1905-1915 гг. Пг., 1916. С.129.
 - ²⁰ Там же. С.79.
 - ²¹ Там же. С.104-105.
 - ²² Александровский Комитет о раненых. Военно-народный праздник в честь раненых воинов. Без м.и г. изд. С.4.
 - ²³ Александровский Комитет о раненых. Смета доходов и расходов инвалидного капитала на 1915 г. Пг., 1915. С.2.
 - ²⁴ Форсова В.В. Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России // Вестник Российской Академии наук. Т. 66. М., 1996. № 8. С.758.
 - ²⁵ РГА ВМФ. Ф.479. Оп.2. Д.1027ю Л.44.
 - ²⁶ Александровский Комитет о раненых. Смета доходов и расходов инвалидного капитала на 1915 г. Пг., 1915. С.4.
 - ²⁷ Там же.
 - ²⁸ РГА ВМФ. Ф.479. Оп.2. Д.1027. Л.44 об.
 - ²⁹ Там же. Л.45.
 - ³⁰ Александровский Комитет о раненых. Смета доходов и расходов инвалидного капитала на 1916 г. Пг., 1916. С.2.

МИФ О СВЕРХОРУЖИИ: СОВЕТСКИЕ ТАНКИ 1941 ГОДА

С.В. Бартошевич

Со времен расцвета перестройки и вплоть до настоящего времени история советской науки и техники, как и советская история вообще, является мишенью многочисленных недобросовестных спекуляций. Корни этих спекуляций, впрочем, обычно растут из официальной истории советских времен, представлявшей многие неоднозначные исторические эпизоды исключительно в розовых тонах. Внимание жуликов от истории и недобросовестных пропагандистов в особенности привлекает история военной техники. Практически все псевдоисторики последнего времени, «работающие» в области военной истории СССР, начиная от их духовного отца В. Суворова (Резуна), не упускали случая обратиться и к истории военной техники тех времен. Именно здесь мы можем четче всего увидеть, как на основе неоправданно оптимистических взглядов на свою историю могут вырасти весьма вредоносные и живучие мифы, используемые для очернения этой же самой истории.

Классическим примером такого мифа является миф о советских танках 1941 года. На страницах книг множества авторов, включая и вполне серьезных ученых, танки Т-34 и КВ предстают настолько непобедимым сверхоружием, что даже непонятно, как немцы все-таки ухитрились их уничтожить. Более того, на первый взгляд такое мнение кажется вполне обоснованным. Ведь о превосходных качествах этих танков говорили сами наши противники, причем говорить начали еще в самом 1941 году. Например, Г. Гудериан, командовавший тогда 2-й танковой группой, в мемуарах пишет, что при обороне Москвы «...в бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику... Об этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию группы армий, в котором я подробно обрисовал преимущество танка Т-34 по сравнению с нашим танком Т-IV, указав на необходимость изменения конструкции наших танков в будущее» [1]. И даже утверждает, что «...наши противотанковые средства того времени могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях» [2]. Ну, а уж если для борьбы с Т-34 требовались особенно благоприятные условия, то куда лучше защищенный КВ и вовсе должен был быть неуязвимым. Мысль о подавляющем превосходстве новых советских танков Т-34 и КВ над всем, что вермахт в 1941 году мог им противопоставить, была повторена многими из его коллег в их воспоминаниях и исторических трудах [3], а затем подхвачена многими зарубежными историками, включая достаточно известных авторов, таких как А. Кларк [4] и У. Ширер [5].

Обобщая, можно сказать, что в трудах зарубежных историков эти танки часто описывались как «чудо-оружие, которое сеет ужас и страх, где оно появляется» [6], каковое мнение отчасти перекочевало даже в специальную литературу по военной технике [7], ну, а в советской историографии представление о Т-34 как о лучшем танке Второй Мировой войны было просто штампом.

Миф о «чудо-оружии», как и многие другие мифы советского времени, вернулся к нашим историкам бумерангом и довольно чувствительно ударил по сознанию многих людей, когда его, как уже говорилось выше, взяли на вооружение спекулянты от истории. Прием В. Суворова [8] и его идейных последователей, таких как В. Бешанов [9], здесь весьма незамысловат. Нужно просто задать простой вопрос: а как же получилось, что, имея такие супертанки в достаточно заметных количествах, РККА отступала до Москвы? Фокус состоит в том, что сам вопрос вполне резонен, но ответ на него эти авторы не ищут. Поскольку вопрос-то задается ими не для этого, а для притягивания очередного доказательства к основному тезису их книги, коим и объясняются все наши

поражения, будь это «подготовка СССР к агрессивной войне против Германии в 1941 году», или «бездарность советского руководства».

Какая же картина предстанет перед нами, если заняться поиском ответа на этот вопрос? При взгляде на истоки репутации советских танков как сверхоружия обращает на себя внимание то, что почему-то Гудериан и другие авторы из числа бывших генералов вермахта, расписывающие исключительные качества новых советских танков, упоминают об их появлении лишь во время наступления на Москву. Уже только этого достаточно, чтобы понять, что концы с концами здесь не сходятся. Ведь перед началом войны в приграничных военных округах имелось гораздо больше Т-34 и КВ, чем под Москвой – советских танков всех типов. К началу войны там было аж 1475 Т-34 и КВ [10]. А в начале Московской битвы обороняющиеся советские войска имели только 990 танков, из них Т-34 и КВ насчитывалось лишь около двух сотен [11]. Как же получилось, что, с точки зрения вышеупомянутых авторов, «эти танки не использовались в больших количествах до тех пор, пока наши передовые части не стали приближаться к Москве; здесь Т-34 сыграли большую роль в спасении русской столицы» [12]?

Чтобы ответить на этот вопрос, лучше проследить события по порядку, начиная с создания танков Т-34 и КВ. Во-первых, следует напомнить, что до начала работ над этими машинами советская танковая промышленность занималась почти исключительно копированием и модернизацией зарубежных образцов. Так, наиболее массовый советский довоенный танк Т-26 был создан на основе английского «Виккерс 6-тонный», серия танков БТ имела своим прототипом американский Кристи М1931, и т.д. [13]. Создание новых танков своими силами было, таким образом, выходом на новый качественный рубеж. Новые танки должны были обозначить новый качественный рубеж и еще в одной области – их бронирование должно было обеспечить надежную защиту от огня скорострельных противотанковых орудий калибра 37–47 мм, получивших всеобщее распространение во второй половине 30-х годов. Ради этого на том же Т-34 был применен ряд достаточно свежих для своего времени технических решений, например, использование мощного дизельного двигателя вместо привычного бензинового, что позволяло добиться определенного выигрыша в мощности, и рациональные углы наклона брони, благодаря которым неприятельские снаряды соскальзывали с броневых плит. Однако уже в процессе первых испытаний новых танков выяснилось закономерное обстоятельство: как и большинство революционных для своего времени образцов техники, они страдали от огромного количества «детских болезней», усугубленных общими недостатками советской промышленности того времени. Скажем, создатели Т-34 сочли второстепенными такие, весьма важные на поле боя, вещи, как удобство экипажа и обзор из танка, причем во втором случае пороки самой конструкции были усугублены низким качеством советской оптики, в результате чего теснота и плохая видимость стали постоянными предметами жалоб танкистов на годы вперед [14].

Очень большие проблемы возникли с технической надежностью обоих танков. Например, от дизеля В-2, несколько отличающиеся модификации которого стояли на Т-34 и КВ, долгое время не могли добиться даже его гарантийного ресурса в 100 моточасов, которого и так было крайне недостаточно [15]. Ходовые же части обоих танков поначалу, можно сказать, соревновались в ненадежности и количестве дефектов. Не в последнюю очередь это объяснялось поспешным принятием их на вооружение. КВ был принят к серийному производству буквально на следующий день после эффектной демонстрации своих возможностей на поле боя финской войны, когда опытный образец прошел лишь около 650 км [16]. Т-34 был принят на вооружение не в последнюю очередь благодаря, как бы сейчас выразились, PR-акции его конструкторов и руководства харьковского завода № 183, на котором он создавался. Они смогли эффектно представить новый танк руководству страны и добиться его постановки на вооружение. Даже несмотря на то, что по пути из Харькова в Москву (танки перегоняли своим ходом,

чтобы совместить дорогу с испытаниями, общий пробег машин составил в результате около 2800 км, тогда как гарантийный пробег должен был составлять 3000 км) один из двух опытных образцов пережил серьезную поломку, и на обоих по возвращении обнаружили многочисленные дефекты – при том, что все их узлы и агрегаты тщательно собирались лучшими рабочими завода [17]. Эксплуатация же серийных машин обнаружила множество технических недостатков, вызвавших крайнее недовольство военных. Впрочем, у недовольства была и еще одна причина. Дело в том, что летом 1940 года на полигоне в Кубинке были испытаны два танка Pz.Kpfw. III серии G, купленные в Германии после подписания акта о ненападении. Результаты испытаний оказались очень утешительны для советских конструкторов. Т-34 имел над немецким танком явное превосходство в вооружении и защищенности, но серьезно уступал в скорости: немецкий танк на мерном километре разогнался до скорости 69,7 км/ч, а лучший показатель Т-34 составил 48,2 км/ч [18]. Кроме того, Т-34 намного проигрывал по плавности хода, удобству боевой работы экипажа, обзору (и качеству оптических приборов), надежности двигателя и ходовой части. В свете такого итога испытаний, производство и приемка Т-34 были на время остановлены, а от руководства завода № 183 потребовали переделать машину. Но создатели Т-34 сумели настоять на возобновлении его производства с исправлениями тех недостатков, которые можно было надеяться исправить, и уменьшенным до 1000 км гарантийным пробегом [19]. Причина, по которой руководство наркомата обороны поддержало их аргументы, заключалась в том, что альтернативы Т-34 все равно на тот момент не было. Т-34М, который должен был стать «работой над ошибками» конструкторов (и на проект которого явно повлияло знакомство с немецкими достижениями), так и не был воплощен в металле до начала войны, а потом стало не до него. В то же время работы над Т-34М отвлекли внимание конструкторов от модернизации самого Т-34, в результате чего даже те недостатки, которые, вероятно, можно было бы исправить к началу войны, исправлены не были. Ничуть не меньшим количеством технических проблем и конструкционных недостатков страдал КВ – в его случае сами инженеры Кировского завода, создававшие танк, предлагали приостановить выпуск новой машины до устранения дефектов.

Таким образом, видно, что ни Т-34, ни КВ не были свободны от очень серьезных слабостей. Но, возможно, их мощные для своего времени вооружение и броня могли компенсировать все пороки и оправдать их репутацию сверхоружия? Как видно уже по итогам начального периода войны, это оказалось не так. Эти качества давали им заметное преимущество в прямом столкновении почти с любым немецким танком, однако немецких танкистов в 1941 году и так не тянуло к танковым поединкам – в идеале командиры механизированных соединений вермахта стремились «воевать колесами», используя танки для ударов по слабым местам обороны противника, а танковые контратаки отражая артиллерией. И тогда, и на протяжении всей войны главными истребителями танков всех сторон оставались орудия ПТО. С ними же у немцев дела уже тогда обстояли лучше, чем нас хотели уверить те из бывших генералов вермахта, которые утверждали, что Т-34 «...для пехоты и противотанковой обороны немецкой армии был настоящим кошмаром» [20]. Действительно, немецкое 37-мм противотанковое орудие PaK-35/36 могло вывести Т-34, а тем более КВ, из строя только особо удачным попаданием в уязвимое место или с очень малой дистанции, за что и было прозвано солдатами вермахта «колотушкой». Однако в армии, вторгшейся в СССР, кроме них уже имелись, во-первых, более мощные 47-мм противотанковые орудия чехословацкого производства, а во-вторых – 50-мм длинноствольные орудия PaK-38. Последние и стали основным средством борьбы с Т-34. Как показал анализ повреждений подбитых и эвакуированных в тыл Т-34, проведенный уже позже, осенью 1942 года, советскими специалистами, случаи пробития брони 50-мм калибром были весьма часты: большая часть опасных (с пробитием брони) попаданий приходилась именно на него [21]. Конечно, в июне 1941 года PaK-38 было еще относительно немного – 1047 к 1 июня

[22], да и против КВ они были не слишком эффективны, однако немцы, получившие опыт борьбы с хорошо бронированными танками еще во Франции, постоянно усиливали свою противотанковую оборону еще и тяжелыми орудиями, такими как 88-мм зенитки и 105-мм корпусные пушки, легко уничтожавшими даже КВ. Это (вместе с неудачной организационной структурой советских механизированных корпусов, неосвоенностью новых машин танкистами и длинным рядом других причин) позволило в ходе приграничных сражений отразить все попытки РККА скомпенсировать недостаток пехоты и артиллерии и несогласованность действий родов войск за счет количества танков и толстой брони Т-34 и КВ. Отдельные случаи, когда особенно удачливому экипажу нового танка удавалось воспользоваться сильными сторонами своей машины и причинить противнику большой урон, остались отдельными случаями. В целом же его история пестрит примерами того, как немцы перемалывали воинские соединения, где новых танков хватало, даже не замечая, что столкнулись с неким «сверхоружием» [23].

Почему же они вдруг заметили его под Москвой? На деле, легенда об исключительном качестве советских танков возникла благодаря всего лишь одному, но выдающемуся, эпизоду. В начале октября 1941 года 4-я танковая дивизия вермахта под командованием В. фон Лангемана наступала на тульском направлении по автотрассе Орел – Мценск. По всей видимости, Лангеман находился под впечатлением от только что успешно проведенной операции на окружение под Брянском и предполагал, что более не встретит серьезного сопротивления до самой Москвы. Так или иначе, дивизия двигалась в походных колоннах, без разведки и боевого охранения. В результате, хотя встретившая ее под Мценском 4-я танковая бригада М.Е. Катукова и имела только 49 танков, из них всего лишь 16 Т-34 плюс несколько КВ, ее атаки оказались исключительно успешными: неприятель понес тяжелые потери, лишившись за несколько дней 133 танков [24], в составе же бригады Катукова после ее переброски с тульского направления еще оставалось 33 танка [25]. После этого фиаско Лангеман поспешил принять меры к спасению собственной карьеры и разразился длинным докладом, в котором говорилось, в частности следующее: «В нескольких столкновениях, которые привели к тяжелым танковым боям, *поскольку русские танки больше не позволяли выбивать себя артиллерийским огнем* (курсив мой – С.Б.), в первый раз в восточной кампании обнаружилось абсолютное превосходство русских 26-тонных и 52-тонных танков над нашими Pz.Kpfw III и IV» [26]. А ниже добавляет, что «в дополнение к лучшему вооружению и броне, 26-тонный танк Кристи (Т-34 – С.Б.) быстрее, более маневренный... В ходе продвижения от Глебова к Минску мы не обнаружили ни одного русского танка, вышедшего из строя вследствие поломок» [27]. В свете того, что сравнительные испытания, о которых говорилось выше, показали касательно скорости прямо противоположный результат, а ненадежность Т-34 была в 1941 году настоящим бичом советских танкистов, очевиден уровень соответствия данного доклада реальности. Однако начальник Лангемана, процитированный в начале статьи Г. Гудериан, счел нужным поддержать своего подчиненного, опустив вопрос о том, почему другим командирам дивизий русские танки позволяли «выбивать себя артиллерийским огнем», а Лангеману – нет, и сосредоточив внимание на «абсолютном превосходстве». Причина этого, по-видимому, проста: у высшего руководства вермахта к тому времени накопилось немало претензий к самому Гудериану по поводу действий его танковой группы. Появление же у неприятеля сверхоружия, с которым ничего нельзя было поделаться, было прекрасным оправданием для всех неудач. От них и пошел гулять по страницам мемуарной и исторической литературы миф о страшных русских танках. Бывшие генералы вермахта подхватывали его в качестве одного из объяснений, почему им не удалось выиграть войну, советские же историки обычно предпочитали превозносить качества нашей техники, а поражения в начале войны объясняли недостаточным количеством новых танков и самолетов.

Подводя итог, можно сказать, что в 1941 году, как и в течение всей войны, исход сражений определялся не столько боевыми качествами отдельных образцов вооруже-

ния, сколько соотношением сил, организацией, подготовкой личного состава и мастерством командиров. Т-34 и КВ имели свои сильные стороны, но никоим образом не являлись сверхоружием, способным за счет одних лишь своих характеристик компенсировать недостатки в этих областях. К тому же они, как и большинство радикально новых образцов военной техники, страдали от всевозможных «детских болезней», сильно осложнявших их боевое применение, в первую очередь – плохой работы и ненадежности многих узлов и агрегатов (причем это не было следствием каких-то исключительных ошибок конструкторов, а закономерным явлением – точно так же впоследствии прославились крайней ненадежностью немецкие «Тигры»). Так что, если в итоге танковые войска вермахта не смогли выполнить своей функции главного орудия блицкрига и война закончилась в Берлине, а не в Москве, то причины этого сначала следует искать в вышеперечисленных факторах, а уж затем в соотношении качеств советских и немецких танков.

Литература

1. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. С. 322
2. Там же. Стр. 318
3. Роковые решения. М.: Воениздат, 1958. С. 93.
4. От «Барбароссы» до «Терминала»: взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1988. С. 107.
5. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М.: «Эксмо», 2003. С. 878.
6. От Мюнхена до Токийского залива: взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1992. С. 316.
7. Zaloga S. T-34/76 Medium Tank 1941-1945. Osprey, 1994.
8. Суворов В. Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну. М., 1995.
9. Бешанов В. Танковый погром 1941 года. М.: АСТ, 2003.
10. Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 11.
11. Исаев А.В. Котлы 41-го. М.: Яуза, «Эксмо», 2005. С. 214–216.
12. Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во второй мировой войне. М.: Иностранная литература, 1957. С. 141–142.
13. Барятинский М. Советские танки Второй Мировой войны. // Бронекolleкция. 1995, № 1:
14. Желтов И. Неизвестный Т-34. М.: Экспринт, 2001. С. 13, 15, 35, 52.
15. Там же. С. 19.
16. Быстров А.А. Танки, 1916–1945: Иллюстрированная энциклопедия. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 81.
17. Желтов И. Неизвестный Т-34. М.: Экспринт, 2001. С. 17–18; Барятинский М. Т-34. История танка. // Бронекolleкция. 1999, №3.
18. Барятинский М. Т-34. История танка. // Бронекolleкция. 1999, №3. С. 10.
19. Барятинский М. Советские танки Второй Мировой войны. // Бронекolleкция. 1995, № 1:
20. Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. М.: АСТ, 2000. С. 288.
21. Желтов И. Неизвестный Т-34. М.: Экспринт, 2001. С. 54–55.
22. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. – М.: «Эксмо», 2003. С. 269.
23. Исаев А.В. От Дубно до Ростова. – М.: АСТ, 2004. С. 662-663.
24. Барятинский М. Т-34. История танка. // Бронекolleкция. 1999, №3. С. 56
25. Исаев А.В. Котлы 41-го. – М.: Яуза, «Эксмо», 2005. С. 255.
26. Катуков М.Е. На острие главного удара. – М. АСТ, 2003. С. 522-523.
27. Там же.

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ 1992–1993 ГГ.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Н.Е. Каменская

14 августа 1992 года один из самых острых межэтнических конфликтов на территории Кавказа – грузино-абхазский – вылился в полномасштабную, продолжавшуюся 14 месяцев войну. Формально эта война закончилась осенью 1993 года. В 2005 году в Абхазии праздновалось двенадцатилетие со дня победы в «Великой Отечественной войне абхазского народа». Да, именно так это событие трактуется сегодня в непризнанной республике. Но и после возвращения Сухуми под абхазскую юрисдикцию и военной победы над грузинскими регулярными частями и разного рода партизанскими соединениями стало очевидно, что точка в войне, начавшейся двенадцать лет назад, станет многоточием...

Грузино-абхазская проблема сегодня далека от принципиального разрешения. Не определен правовой статус Абхазии, не решена проблема возвращения беженцев. Правительство Грузии по-прежнему четко выражает свою проамериканскую позицию, а часть грузинского руководства мечтает о помощи со стороны заокеанского союзника в деле «принуждения к миру» строптивых абхазов. В марте 2002 года председатель комитета по обороне и безопасности Парламента Грузии Георгий Барамидзе заявил: «Сегодня главным приоритетом для Вашингтона в Грузии является Панкиси, завтра будет Абхазия, послезавтра – Самачабло (Южная Осетия)»¹. Это значит, что сегодня для России чрезвычайно актуальной задачей является поиск нетривиальных решений в треугольнике, не менее сложном, чем пресловутый Бермудский – Москва–Тбилиси–Сухуми. Иначе бывшая всесоюзная здравница может превратиться в новый «плацдарм войны».

В 1993 году абхазы добились военного успеха. Расчеты грузинского руководства на блицкриг и консолидацию нации на основе борьбы с врагом провалились. Строительство Грузии на основе принципа «одна нация – одно государство» потерпело крах. Но военная победа не принесла процветания и Абхазии. Не будучи признанной мировым сообществом, республика оказалась в экономической изоляции. Фактическое отсутствие системы социальной защиты и элементарных финансовых возможностей для развития местной экономики, максимальный объем пенсионного обеспечения по старости, равный 30–50 рублям, и фактическое господство натурального хозяйства вызвали колоссальную миграцию, что, в свою очередь, привело к серьезному демографическому кризису. Добавим сюда и тот факт, что во время войны абхазы потеряли около трех тысяч человек (по переписи 1989 г. абхазов в республике было 93267 чел.)². Очевидно, что подобные социально-экономические условия отнюдь не способствуют социальной стабильности и снижению межэтнической напряженности.

Какие аргументы может противопоставить Грузия стремлениям Абхазии к самостоятельности? 250-летнее пребывание в едином «царстве картлов и абхазов» и 60 лет совместного сосуществования в рамках советской союзной республики. И что может предложить Грузия Абхазии сегодня, спустя 12 лет де-факто независимого существования последней? Пожалуй, только широкую автономию в составе единого грузинского государства со всеми вытекающими отсюда привлекательными, с точки зрения Тбилиси, последствиями: региональным самоуправлением, участием в управлении государством, сохранением национальной культуры, языка, социальными и прочими гарантиями. Но для Абхазии столь «широкий» жест – пустой звук: не далее как в прошлом году Тбилиси, вопреки обещаниям, лишил «поглощенную» Аджарию практически всех автономных прав.

Абхазия категорически не принимает предложений Грузии, имея в виду не только новейшую историю и незажившие раны грузино-абхазской войны. Абхазия видит себя

независимым государством, надеется и в то же время сомневается, что состояние де-факто в конечном итоге без больших потерь трансформируется в состояние де-юре. Сухуми считает, что для таких надежд у него достаточно оснований. В частности, абхазы утверждают, что они проживают на своей территории несколько тысяч лет, государственность Абхазии насчитывает более 1200 лет (имеется в виду – с момента образования абхазского царства), а также и то, что Грузия и Абхазия в Российскую империю входили по отдельности. Кроме того, уверены в Сухуми, абхазы и грузины вообще принадлежат к разным этносам.

В современной истории Абхазия как автономная республика вошла в состав Грузии в 1931 году по решению Сталина и против воли абхазского народа. Правда, уже тогда грузин в Абхазии было гораздо больше, чем абхазов, но это объясняется как результат массового заселения Абхазии грузинами в XX веке.

Все эти аргументы были бы малоубедительными, если бы не ошибки руководства советской и потом уже независимой Грузии. Для достижения независимости Грузия пошла по пути восстановления исторической преемственности и национальной государственности. В марте 1990 года Верховный Совет Грузинской ССР принял постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии» и дал политико-правовую оценку вводу в 1921 году частей Красной Армии в страну, квалифицировав его как «оккупацию и аннексию». Летом того же года Верховный Совет Грузии признал незаконными все договоры и правовые акты, заключенные после оккупации страны в 1921 году, а в 1991 году был принят «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии». Таким образом, новая Грузия признала себя правопреемницей Грузинской Демократической Республики 1918–1921 годов.

Как показывает время, это был крайне недальновидный, поспешный и почти τυпиковый шаг, поскольку в 1918–1921 годах юрисдикция независимой Грузии на Абхазию не распространялась, и, соответственно, в тогдашней конституции Грузии статус Абхазии как автономной республики зафиксирован не был. Абхазия, которая никак не могла смириться со своим зависимым статусом в составе Советской Грузии, воспользовалась юридической неграмотностью центра и приняла Декларацию о государственном суверенитете Абхазии и Постановление о правовых гарантиях защиты государственности.

Таким образом, с правовой точки зрения Абхазия и Грузия уже не могли рассматриваться как единое государство. Грузия вышла из состава СССР, Абхазия в нем осталась, причем совершенно легитимно, имея в виду соответствующее советское законодательство, гласящее: автономные республики в случае выхода союзной республики из СССР обладают правом самостоятельно решать вопрос о пребывании в Союзе ССР и своем государственно-правовом статусе.

В 30–40-е годы XX в. абхазская элита без энтузиазма восприняла организованное Лаврентием Берия (мингрелом, но уроженцем Абхазии) великое переселение грузинского народа в Абхазию. И как только «земляк» покинул политический пьедестал, накопившееся недовольство стало прорываться. Несколько национальных школ, перевод абхазской письменности с грузинской на кириллическую основу, национальные теле-студия и университет – вот и все победы абхазского общества в этой борьбе. А потом стало ясно, что Советский Союз вполне рушим и национальные республики действительно могут стать свободными. В Грузии идея независимости довольно быстро трансформировалась в формулу «Грузия для грузин». Две трети населения Абхазии стали потенциальными изгоями. Русских, например, вынуждали продавать дома за бесценок, причем – только грузинам. В противном случае можно было ожидать неприятностей.

Лидеры грузинского национального движения в Абхазии организовали серию митингов с требованием упразднить автономию и перевести делопроизводство на грузинский язык. Весьма своевременно была подведена научная и идеологическая база: зад-

ним числом были написаны якобы неизвестные доселе капитальные труды давно почивших грузинских ученых, из этих трудов следовало, что в свое время дикие абхазские племена спустились с гор и просто разогнали гостеприимных грузин. В 1988 году в Абхазии собрался многотысячный сход абхазского народа, на котором была предпринята отчаянная попытка сесть в уходящий поезд общей с Россией государственности: было подписано обращение к руководству СССР с просьбой о вхождении Абхазской АССР в РСФСР. Ответа не последовало. И уже год спустя на сухумских улицах начались стычки.

Говорят, что в войнах новейшей истории победителей не бывает. Но в Абхазии так не считают. Здесь отмечают два Дня Победы. Это 9 мая и еще 30 сентября – день, когда абхазские соединения вышли на границу с Грузией. В Тбилиси же поминают 27 сентября – день падения Сухуми. Эти два сентябрьских дня и стали стеной, разделившей некогда единое общество. Непредсказуемую реакцию на улице Сухуми может вызвать даже случайно оброненное грузинское слово.

До официального и полного распада Советского Союза Абхазия оставалась его субъектом, и ко времени принятия Грузии в Организацию Объединенных Наций уже не имела к Тбилиси никакого юридического отношения. Однако ООН это обстоятельство проигнорировала: Грузия до сих пор является членом этой организации в рамках границ Грузинской Советской Социалистической Республики.

Деятели абхазского движения не раз декларировали лозунги о полном или частичном вхождении своей республики в состав России. В своем обращении к руководству России абхазский лидер Владислав Ардзинба констатировал: «Народ Абхазии считает Россию единственным гарантом безопасности и стабильности в регионе. Именно благодаря российским миротворцам и твердой позиции руководства России удается избегать новой полномасштабной войны. Руководство Абхазии пользуется полной поддержкой народа Абхазии в вопросе установления самых тесных отношений с Россией. И Абхазия имеет на это право. В этой связи я обращаюсь к вам с просьбой рассмотреть вопрос об установлении ассоциированных отношений с Абхазией».³ Для абхазских же историков и политологов Абхазия и вовсе видится форпостом российского влияния на Большом Кавказе. Можно сколько угодно критиковать Россию за поддержку абхазского сепаратизма, но пророссийские настроения подавляющего большинства абхазской общины и их нежелание видеть в роли миротворца никого, кроме российских военных, – факт, который нельзя просто игнорировать.

Заявление МИД Грузии от 11 июня 2002 года с протестом по поводу «беспрецедентной кампании по принятию жителей данного региона Грузии (Абхазия – Н.К.) в гражданство Российской Федерации»⁴ логично и понятно с позиции обеспечения территориальной целостности грузинского государства. Однако столь же очевидно, что выдача российских паспортов жителям Абхазии не есть демонстрация административного ресурса, а реальное волеизъявление несостоявшихся грузинских граждан. Лидеры абхазского движения смогли наладить конструктивное взаимодействие с армянской, русской и греческой общинами Абхазии. Достаточно сказать, что вице-спикером парламента непризнанной Абхазии (и одним из видных идеологов абхазского суверенитета) был лидер русской общины историк Юрий Воронов, а в составе абхазских вооруженных формирований сражался армянский батальон имени генерала И.Х. Баграмяна. Таким образом, грузино-абхазский конфликт был в этническом плане мозаичен. И этот факт всячески подчеркивается в публикациях и заявлениях абхазских политиков и политологов. По словам абхазского историка Станислава Лакобы, «оккупанты (имеются в виду войска Госсвета Грузии – Н.К.) расстреливали мирных граждан, подвергали их пыткам и насилиям, сжигали дома и села, чинили расправу не только над абхазским, но и над армянским, русским, греческим населением».⁵

Увы, на сегодняшний день рецептов, устраивающих обе стороны конфликта, никем не предложено. Абхазы и слышать не хотят о любой форме грузинского суверенитета (даже предполагающего самую широкую форму автономии), но готовы играть роль российского форпоста в регионе. Грузинские же власти главным условием считают возвращение беженцев в мятежную республику. В результате войны 1992–1993 гг. грузинское население республики, бывшее в Абхазии самой большой по численности этнической группой (согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г. – 239 872 чел., что составляло около 45% населения республики), превратилось в беженцев.⁶ И проблема не только в количественных характеристиках. Абхазские грузины в течение долгих лет (с середины 1930-х гг.) занимали ключевые позиции в управленческих, политических и теневых (что чрезвычайно важно для Закавказья) структурах «мятежной республики». При этом нынешнее руководство Грузии в немалой степени лукавит. Значительное количество грузинских беженцев осело не столько на родине, сколько на российском побережье Черного моря от Адлера до Туапсе. По разным оценкам, в России оказалось около 107 тыс. грузинских беженцев из Абхазии.⁷

Оба описанных выше сценария урегулирования конфликта в силу разных причин нереализуемы. Признание Абхазии Россией (даже не включение в свой состав, а просто факт признания) станет толчком к признанию Ичкерии. И даже если последнюю признает только Грузия, наши позиции на Кавказе это никоим образом не укрепит и выполнению главной задачи российской политики – достижению стабильности – не будет ни в коей мере способствовать. Возвращение же беженцев в Абхазию невозможно не только потому, что они коренным образом изменят нынешнюю этнодемографическую ситуацию и превратят абхазов в этническое меньшинство. Именно эта категория населения занимает наиболее радикальную позицию в отношении даже полуавтономной Абхазии, а значит, их возвращение лишь переведет стрелки часов на двенадцать лет назад. Возвращение беженцев будет не просто возвращением больных пенсионеров и малых детей, но и экс-директоров пансионатов, гостиниц, глав администраций, завгаров и криминальных авторитетов. Следствием такого возврата будет не наступление долгожданного мира, а масштабный передел собственности и сфер влияния в бывшей всесоюзной здравнице.

Очевидно, что предложение абхазской стороны принять беженцев при условии их проверки для выяснения факта участия (неучастия) в войне 1992–1993 гг. не может по понятным причинам быть принято грузинской стороной. В этом случае возвращаться будет практически некому. Не будет принято и «компромиссное» предложение грузинских интеллектуалов-националистов – разделить Грузию и Абхазию по границе реки Гумиста (сейчас фактическая граница проходит по реке Ингури). В данном случае (если беженцы все же возвращаются) нерешенной остается проблема анклавов (абхазского в Ткварчели и грузинского в Гагре и Леселидзе).

В данном конфликте роль России не должна сводиться к констатирующей. Значительная часть населения Абхазии приняла российское гражданство, а своих граждан государство должно защищать вне зависимости от территории их проживания. Не стоит сбрасывать со счетов, что по официальным грузинским данным около 650 тыс. граждан Грузии работают в России, а по подсчетам российских экспертов почти 1/3 населения республики живет за счет средств своих соотечественников, зарабатывающих на жизнь в России или имеющих здесь свое дело.⁸ Это обстоятельство делает Россию вовлеченной и в чем-то решающей стороной. Однако, повторюсь, решение проблемы видится отнюдь не в признании Москвой суверенитета Абхазии (которое создало бы весьма опасный прецедент и не способствовало бы стабильности на Большом Кавказе), а в развитии грузинской концепции государственности.

Грузинской стороне необходимо четко представлять, что Грузия – это не страна для этнических грузин. Населяющие ее этнические меньшинства заинтересованы в

полноценном российском присутствии в Грузии, а в российских миротворцах видят залог мирного существования и политической стабильности. В свою очередь, ни США, ни НАТО они не готовы вручить ответственность за мирное разрешение конфликта. Этот факт, на наш взгляд, требует наращивания российского присутствия в Грузии, но не в виде односторонней поддержки сепаратистов, а посредством активизации миротворчества. Более того, российские миротворческие усилия могут быть дополнены кооперацией и с США, и со странами Евросоюза. Вопрос о форматах такой кооперации, конечно, необходимо серьезно проработать с учетом российских интересов. Очевидно, что голое отрицание сотрудничества с международными организациями в достижении стабильности и безопасности в Грузии не является продуктивным шагом.

Используя свои связи, Россия могла бы выступить гарантом неперередела собственности и власти в Абхазии. И вопрос о беженцах в данном случае не является проблемой первого плана. Очевидно, что, только получив гарантии сохранения завоеванных ресурсов (и административных рент), нынешняя абхазская элита, ставшая таковой благодаря военной победе в 1993 году, будет готова к диалогу о статусе Абхазии. На наш взгляд, достижение этого результата при последующем признании в той или иной форме суверенитета Грузии над «мятежной республикой» можно было бы рассматривать как промежуточный результат абхазского урегулирования.

В октябре 2005 года Апостольский нунций Ватикана в странах Южного Кавказа Клаудио Гугеротти впервые посетил Абхазию. «Мы строим независимое демократическое государство со всеми надлежащими государственными институтами. Мы заинтересованы в развитии взаимовыгодных, дружеских отношений с Россией, но это не означает, что мы отвергаем так называемые европейские ценности»,⁹ – сказал спикер парламента Абхазии Нугзар Ашуба на встрече с Гугеротти 20 октября 2005 г.

Спикер рассказал католическим священникам о межконфессиональной стабильности в республике, о древних христианских традициях, о российско-абхазских взаимоотношениях, истории грузино-абхазского конфликта и современном состоянии переговорного процесса.

Спикер категорически не согласен с мнением о том, что «руководство России диктует Абхазии». Он заявил, что Абхазия как независимое государство не ведет речи о вхождении в Россию. По его словам, «у Абхазии сегодня одна проблема – добиться признания международным сообществом независимости».

Нунций сообщил спикеру, что Папа Римский Бенедикт VI желает мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта и продолжения диалога.

Разрешение грузино-абхазского конфликта зависит исключительно от доброй воли России, заявил в ноябре 2005 г. в эксклюзивном интервью радиостанции «Эхо Москвы» бывший президент Грузии, бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе. По его мнению, «если Россия захочет, Абхазия вернется в пределы Грузии». «При этом пусть в Абхазии останется парламент, останется правительство, – отметил Э.Шеварднадзе. – Самое главное – признать границу, а потом жизнь покажет, что хорошо, а что плохо».¹⁰

Ситуация вокруг Абхазии постепенно начала обостряться в 2001 году. Произошла утечка информации о возможном применении Грузией «силового варианта разрешения абхазской проблемы». В Абхазии была объявлена частичная мобилизация, местное телевидение говорило о начале боевых действий. В сентябре 2001 г. в район Кодорского ущелья, которое контролируется грузинской стороной, проникли более 400 чеченских боевиков (утверждалось, что они приехали на грузовиках грузинской армии в сопровождении грузинской полиции). Произошли столкновения, после чего в Кодори были введены регулярные войска Грузии. Это является нарушением Московского соглашения 1994 года. ООН выступает против их присутствия там, потому что это еще один фактор нестабильности в регионе, а Абхазия отказывается от любых переговоров по

урегулированию, требуя безусловного вывода грузинских вооруженных формирований. В настоящее время в Абхазии размещены российские миротворцы и наблюдатели ООН, но обе группы вынуждены ограничивать свою деятельность из-за опасения подорваться на минах или попасть под обстрел партизан. Всего в зоне конфликта находятся 107 военных наблюдателей из 23 стран, которые вместе с миротворцами СНГ пытаются обеспечивать безопасность в Абхазии.

Источники и литература

¹ Дамения О. Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования. // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Сухум. 2002. №8. С.34.

² Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999. С.74.

³ Крылов А.Б. Грузино-абхазский конфликт. // Центральная Азия и Кавказ. 2001. №4. С.204.

⁴ Этингер Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт. // Свободная мысль. 2003. №3. С.86.

⁵ Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999. С.201.

⁶ Тания Л. Коллективная безопасность и урегулирование конфликтов на Кавказе. // Эхо Абхазии. 1998. №13. С.63.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С.131.

⁹ Патриархия. ru / Русская линия. 24.10.2005. www.rusk.ru

¹⁰ ИА «Финмаркет».18.11.2005. www.finmarket.ru.

ПРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ФРАНЦУЗСКИХ ЭМИГРАНТАХ: К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII В. НА ГЕРМАНИЮ¹

С.Н. Коротков

Французская революция конца XVIII в. имела огромное международное значение. Германия испытала влияние революции во Франции едва ли не в большей степени, чем любая другая страна. Для сегодняшней немецкой историографии очень актуальной является проблема культурного взаимодействия («трансфера», как пишут современные историки) Франции и Германии в эпоху Просвещения и революции¹. Если Германия испытала серьезное влияние Французской революции, то значит, резонно полагают историки, немецкая почва была достаточно подготовлена для подобного «трансфера». Поскольку тема взаимодействия России с европейскими странами в эпоху Просвещения (в первую очередь, с Францией и Германией) очень важна для русской общественной мысли², то и исследование франко-германских связей является актуальным для русской историографии.

Исследование истории введения законодательства об эмигрантах Французской революции позволяет узнать много нового об эпохе, ведь в XVIII в., веке космополитизма, запретительное законодательство было практически невозможно. В самой Франции принятие законов об эмигрантах, даже в ходе революции, потребовало времени и было связано со многими моральными, юридическими и политическими проблемами. Изучение прусского законодательства об эмигрантах позволяет узнать много больше об эмиграции (ее социальной структуре, политической программе), таким образом, о Французской революции в целом, а также о Пруссии в XVIII в. и всей Европе в эпоху Просвещения³.

В первые годы революции центрами эмиграции были Пьемонт, в столицу которого – Турин – к тестю приехал младший брат короля Людовика XVI граф д'Артуа, Австрийские Нидерланды, а также Рейнская область, где с 1791 года оказался центр политической жизни эмиграции. В Кобленц – резиденцию трирского архиепископа, также родственника французской королевской семьи – летом 1791 года прибыл граф Прованский, брат короля Людовика XVI. В Кобленце было создано правительство во главе с Ш. Калонном, также в Германии находились армия принцев (братьев короля) и армия принца Конде.

В 1792 году началась война между Францией и коалицией европейских держав, в которую входила и Пруссия. До кампании 1792 года – неудачного похода во Францию армии герцога Брауншвейгского – французских эмигрантов в восточных землях Германии было немного, о наличии таких эмигрантов писал «Journal de Paris» в октябре 1791 года, где была помещена корреспонденция из Франкфурта, отмечавшая разночинный характер, принятый эмиграцией: «Множество французов, особенно фабрикантов и ремесленников, проходят через Империю, чтобы поселиться в Прусском королевстве»⁴.

После победы революционной армии над интервентами при Вальми в сентябре 1792 года началось французское наступление. Были заняты Брюссель, Кобленц и другие города, где была масса эмигрантов – последние начинают перебираться подальше от театра военных действий. Отношение к французским эмигрантам в германском обществе было разным, но в основном настроенным. «Сколько ни приносят выгод деньги французов здесь и вдоль по рекам Рейну, Мозелю и Неккару германцам, однако

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Эмиграция эпохи Французской революции XVIII века. Французы в Германии и России: к истории культурных контактов эпохи Просвещения»), проект № 04-01-00487а

достоверно то, что они немецким нравам, и, могут сказать, немецкому характеру вообще причиняют» неопиcуемый вред, – писал издававшийся по-русски в типографии Московского университета «Гамбургский журнал»⁵. Большое количество французов в прусских землях появилось осенью 1792 г. после поражения армии герцога Брауншвейгского.

Законодательство об эмигрантах в Пруссии – точно так же, как и в других государствах Империи⁶ – было реакцией на переселение первых эмигрантов. Оно было введено в действие в 1792 году. В Пруссии иммиграционная политика основывалась вначале на совместной ответственности кабинета министров, а, значит, Департамента иностранных дел и Генерал-директората, основанного в 1722 году как суперминистерство, объединявшее полномочия министерств финансов, внутренних дел, торговли и ремесел, горного дела и металлургии, государственных земель и лесных угодий. Совместная ответственность этих двух министерств проистекала из двойной проблемы, которую представляло переселение эмигрантов: с точки зрения внешней политики, необходимо было взвешивать последствия, которые могли повлечь за собой принятие беженцев, для отношений с революционной Францией; во внутривластическом аспекте также следовало определить, как же надлежит обходиться с эмигрантами.

Постановления об эмигрантах в различных немецких землях, датируемые концом 1792 года, обнаруживают явные совпадения. Постановления курфюршества Саксонии часто ориентировались на прусские, которые направлялись в Дрезден саксонским посланником в Берлине. С другой стороны, прусские предписания следовали примеру ганноверских, и, прежде всего, относились к провинциям по ту сторону Везера, к западным прусским владениям, поскольку проблемы эмиграции затрагивали их в первую очередь. По-иному, чем ганноверское постановление, первое (как подчеркивалось) временное предписание явно относилось к французским эмигрантам, и не только ко всем лицам французской национальности: «Из армии уволенным французским эмигрантам» в распоряжении требовался «особый надзор, [чтобы] от упомянутых исходящим, внушающим опасения безобразиям, в Нашиx Странах и Провинциях настоятельно препятствовать и таковые предотвращать»⁷. Здесь мы встречаемся с распространенным в Европе представлением об эмигрантах как беспокойных, способных спровоцировать беспорядки. Во-первых, они представлялись опасными потому, что были французами, прибывшими из охваченной безобразиями страны, а, кроме того, в маленьких немецких землях не нужна была не только революционная, но и контрреволюционная политическая агитация.

Это временное распоряжение впоследствии было ратифицировано и вскоре распространилось на все прочие провинции «публикацией» (указом) от 27 ноября 1792 года. Этот указ утвердил распоряжение, ранее носившее лишь временный характер, и распространил его действие на все провинции вплоть до Одера, а также на Померанию и Ноймарк⁸. Из-за притока эмигрантов оно в дальнейшем стало еще жестче⁹, что должно было воспрепятствовать иммиграции в исконно прусские земли.

В целом можно констатировать, что после поражения армии герцога Брауншвейгского при Вальми осенью 1792 года, в Пруссии было введено в действие законодательство для упорядочения или предотвращения неконтролируемого проникновения французских эмигрантов в прусские области. Это законодательство постепенно становилось все строже и распространялось на другие группы эмигрантов (выходцев из Брабанта, Льежа и Нидерландов). Смягчение стало ощутимо лишь после массового возвращения реэмигрантов на родину по амнистиям 1800–1804 годов. В курфюршестве Саксония прусские предписания относительно обращения с эмигрантами отчасти перенимались дословно, но существовало и серьезное различие: саксонские постановления об эмигрантах касались только французов. Бельгийцы, выходцы из Льежа или голландцы были исключены из действия закона. В отличие от Саксонии, в Пруссии французские эмиг-

ранты относительно быстро выделились как особая группа иностранцев. Обширное, специально ориентированное для этого случая законодательство с четкими инструкциями для ведомств низших рангов совершенствовалось в дальнейшем. В курфюршестве Саксония, напротив, строже становились только существовавшие правила для всех иностранцев.

Вместе с тем, в Пруссии в период после 1792 года обнаруживается явное противоречие между изданными, носящими чрезвычайно репрессивный характер, распоряжениями в отношении французских эмигрантов и их фактической реализацией. Существовали многочисленные исключения. Это противоречие вытекало из различия стратегий обхождения с эмигрантами, проводимых министерскими бюрократами в Берлине, администрацией в отдельных прусских землях, королем и населением. Необходимо учитывать то обстоятельство, что Пруссия не была территориально цельной и компактной страной: многие провинции находились далеко от Бранденбурга и имели свои интересы, а также свои традиции отношений с Францией.

В Пруссии получилось так, что вследствие противоречий между практикой высшей и местной администрации, несмотря на все более ограничительный характер находившихся в стадии становления предписаний по вопросам эмигрантов, значительное количество этих беженцев смогло через некоторое время остановиться в отдельных провинциях. Наряду с особыми правилами упорядочивания, под нажимом обстоятельств или вследствие политики, проводимой отдельными председателями палат или министрами провинций, для большого количества привилегированных эмигрантов в некоторых провинциях Пруссии издавались многочисленные специальные постановления. В графстве Марк и в Южной Пруссии (присоединенных в результате разделов Речи Посполитой польских земель) на эмигрантов порой закрывали глаза годами, поскольку не было ни малейшей возможности педантично исполнять существовавшие распоряжения. В маркграфствах Ансбахе и Байрейте К.А.Харденберг (один из крупнейших прусских политических деятелей эпохи, в начале XIX в. министр иностранных дел, канцлер, проводивший крупные реформы), управлявший в качестве прусского министра этими землями в 1791–1798 гг., из соображений сословной солидарности предоставил эмигрантам-дворянам значительные привилегии, которые были отменены только после того, как вместе с большим количеством эмигрантов, прибывших во франконские провинции, стали нарастать проблемы.

В противоположность этому, в Невшателе, прусских владениях на границе Франции и Швейцарии, принципиально следовали внешнеполитическим соображениям и отстаивали политику Государственного совета, что в дальнейшем, начиная с 1795 года, обернулось высылкой из страны всех эмигрантов. Подобные соображения имели вес и в других провинциях, граничивших с Францией (в Восточной Фрисландии и Клеве), где эмигрантам запрещалось пребывание в городах, расположенных в непосредственной близости от границы. Но именно в приграничном Клеве проявились и трудности, с которыми сталкивалась прусская административная система при осуществлении предписаний относительно эмигрантов. К присутствию эмигрантов благосклонно относились в первую очередь городские магистраты графства Марк и герцогства Клеве. Зачастую магистраты подвергались взысканиям из-за своего халатного отношения к эмигрантскому вопросу¹⁰. В графстве Марк председатель палаты фон Штайн добился в 1796 году особой регламентации для эмигрантов, пребывавших там уже давно. Их терпели «*sonni vedo*» (впредь до дальнейших распоряжений). Власти провинций весьма щедро использовали эту регламентацию для дальнейшего приема эмигрантов, что повлекло многочисленные выговоры от государственного правительства в Берлине. И подобных примеров множество. Налоговый советник Ховен сообщал в одном из отчетов по Эммериху, что порой католическое духовенство и граждане города скрывают прибытие эмигрантов, и что горожане и трактирщики не собираются доносить на прибывающих эмигрантов. В городе-крепости Везеле губернатор, ге-

нерал-майор фон Чиршки, неоднократно настаивал на устранении эмигрантов, число которых постоянно возрастало. В первую очередь Чиршки жаловался на обусловленную притоком эмигрантов нехватку квартир для его солдат и рост арендной платы за жилье, который наносил ущерб бюджету его офицеров. В апреле 1799 года на магистраты Динслакена и Дуйсбурга даже были наложены денежные штрафы за халатность в отношении распоряжений об эмигрантах. Постоянное усиление угрозы наказания должно было побуждать магистраты и горожан к соблюдению распоряжений об эмигрантах, а ландратов и налоговых советников – к более жестким мерам по наведению порядка. Таким образом, во многих случаях на местах жители прусских провинций следовали собственным представлениям о возможности пребывания французских эмигрантов, представлениям порой более либеральным, чем действовавшее ограничительно-запретительное законодательство. И это обстоятельство не противоречит множеству свидетельств о сдержанном и даже негативном отношении к эмигрантам, пребывание которых приводило к понятным сложностям.

Эмигранты предпочитали выбирать в качестве мест пребывания пограничные города – за их близость к Франции. Высылаемые эмигранты часто снова возвращались обратно, меняли квартиры и места проживания в пограничной области.

Имеющиеся статистические сведения о переселении эмигрантов по отдельным прусским провинциям показывают, что эмигранты под давлением событий уходили все дальше от французской границы. Так, началось переселение эмигрантов 1793–94 гг. (за исключением непосредственно граничащего с Францией Невшателя) в провинции Рейна – Вестфалии, причем области, расположенные дальше на восток, были охвачены только в 1794 году. Равным образом, начиная с 1794 года, целью переселенцев стали франконские провинции Пруссии. Важным моментом для усиленного притока в эти провинции могла быть и политика Харденберга, протекционистская в отношении эмигрантов. Массовое переселение эмигрантов охватило центральные провинции Пруссии лишь начиная с 1795 года, когда был подписан Базельский мирный договор между Францией и Пруссией. Значимость столичных городов Потсдама и Берлина и определяемая Базельским договором защищенность от атак революционной французской армии также могли быть важными факторами, которые способствовали переселению в центральные провинции. Затем, в 1796 году, появилась еще одна волна беженцев, которая увлекла в курфюршество Саксонию, а также в Силезию и Южную Пруссию множество эмигрантов, находившихся до этого в Южной Германии, где развернулись военные действия между французской и австрийской армиями. Даже если часть этих беженцев вновь покинула эти области после французского отступления, все же некоторые так и остались в новых местах обитания. И наоборот – это почти не затронуло прусские провинции, находившиеся еще дальше к востоку.

Центрами расположения эмигрантов были, в первую очередь, города в провинциях Клеве и Марк, а также в Ансбахе и Байрейте. Наряду с этим, многочисленные эмигранты направлялись в Берлин и Южную Пруссию.

Для курфюршества Саксония, по причине отсутствия источников, исследователями не приведены сравнительные оценки по отдельным городам. Известно лишь, что в Дрездене с 1796 находилось значительное число французских священнослужителей. Зато с 1794 года в списки иностранцев заносились проезжие эмигранты¹¹.

Большинство эмигрантов, бежавших в прусские провинции, было дворянского происхождения (социальный состав эмигрантов, прибывших в Пруссию, см. в Таблице I). В таблице приводятся все эмигранты, зарегистрированные в прусских землях (без Невшателя). При этом следует отметить, что речь идет об абсолютных цифрах, и не все пребывали в прусских землях в одно и то же время. Отдельным цифрам, охватывающим совокупность эмигрантов, зарегистрированных в прусских землях (а), противопоставлялось количество эмигрантов, пребывание которых в прусских землях продолжалось не менее трех месяцев (b). Многим эмигрантам разрешалось находиться

в прусских землях временно (например, до конца зимы). Информация базируется на базе данных, который был разработан Т. Хепелем на основании анкет эмигрантов в Секретном государственном архиве прусского культурного наследия г. Берлина, в Государственных архивах Ансбаха, Мюнстера, Дюссельдорфа, Бамберга.

	Всего		дворяне		духовенство		третье сословие		нет данных	
	a	b	a	b	a	b	a	b	a	b
всего	5539	4969	2346	2106	1118	967	1543	1382	531	513
Из Фран-ции	4308	3978	1930	1796	1003	878	1105	1072	270	262

Таблица 1. Социальный состав французских эмигрантов в Пруссии

Что касается эмигрантов из третьего сословия, речь шла большей частью о слугах, которые бежали в свите эмигрировавших дворян и сопровождали своих господ в изгнании. Лишь в центральных провинциях (т. е. прежде всего в Берлине) слуги не составляли большинство эмигрантов третьего сословия. Причины этого отыскиваются в прусской эмиграционной политике, которая покровительствовала переселению, прежде всего, нужных людей (слуги в эту категорию не попадали) и могла самым энергичным образом осуществляться в центральных провинциях. Таким образом, доля ремесленников была среди эмигрантов относительно невелика. В прусские области иммигрировало лишь достаточно большое число ремесленников, занимавшихся шелковым и льняным промыслом. Фактор регулярного пересечения границы, который имел вес при миграции из Эльзаса в Баден или из Франш-Конте в Швейцарию¹², не играл никакой роли при переселении в прусские земли (помимо особого случая Невшателя, а также Восточной Фрисландии).

В противоположность другим прусским провинциям, в Южную Пруссию (присоединенные к Пруссии в конце XVIII в. польские земли с преобладающим католическим населением) направлялось, прежде всего, эмигрировавшее французское духовенство. Хотя здесь основной приемный пункт также представлял собой город (Варшава), однако вскоре очень многие священнослужители ушли оттуда, потому что нужда заставляла этих беженцев поступать на службу в поместья польских шляхтичей. Гораздо больше эмигрантов собралось в Варшаве лишь после того, как высланному из России графу Прованскому было разрешено пребывание в городе. В свите французского претендента на трон находилось большинство эмигрантов недуховного сословия, которые прибыли из Южной Пруссии.

Прусские административные распоряжения в отношении эмигрантов, в первую очередь, были направлены на то, чтобы воспрепятствовать миграции французского духовенства. В центральных провинциях, где административные постановления соблюдались очень точно, количество священнослужителей было ничтожно мало – не без причины. Там также пытались выдворять лиц духовного сословия, которые уже добились для себя разрешения на пребывание, в Южную Пруссию. Сведения о несомненном отъезде эмигрантов и, в частности, об их возвращении во Францию недостаточны, но в целом 1800 год можно считать для французских эмигрантов началом окончательного возвращения во Францию. В 1802 году волна возвращений достигает максимума, благодаря объявленной Первым консулом генералом Н. Бонапартом амнистии, позволившей большинству эмигрантов вернуться во Францию. Выходцы из Бельгии и Нидерландов, по причине менее строгих административных постановлений, в большинстве своем возвращаются еще раньше. После 1802 года в Пруссии оставались многие дворяне и

представители высшего духовенства. Причины этого носили, прежде всего, политический характер¹³.

После того, как строгие прусские административные постановления в отношении эмигрантов были приняты курфюршеством Саксонией, там их придерживались более строго, чем в прусских землях.

Разница между курфюршеством Саксонией и Пруссией выявляется в различии мотивов и обстоятельств. Во-первых, Пруссия в конце XVIII века располагала намного большей свободой действий. В качестве второй власти в Священной Римской империи и европейской великой державы она обладала совершенно другими возможностями как внутри-, так и внешнеполитического свойства, чем Саксония. Во-вторых, следует упомянуть о географическом факторе: владения прусского короля находились в Западной и Восточной Европе от Невшателя и Восточной Фрисландии до Восточной Пруссии, а также о различии возможностей влияния центральных государственных органов в отдельных прусских провинциях. По причине усиленного переселения эмигрантов в западные провинции Пруссии прусские государственные деятели уже давно были вынуждены искать подходы к решению проблемы. Саксония, благодаря своей относительно компактной территории и географическому положению, удаленному от французских границ, изначально была менее озадачена переселением эмигрантов. Власти курфюршества Саксонии до 1795–96 гг. занимались, главным образом, охотой на нескольких мнимых революционных эмиссаров.

А вот в вопросе подавления революционной пропаганды, напротив, следует констатировать явную гармонию между обоими государствами: распространение идей Французской революции внушало страх и подлежало подавлению.

Эмигранты, которые изначально трактовались как обычные «враги», вскоре после поражения при Вальми были подчинены прусской министерской бюрократией особому законодательству¹⁴. Наряду с традиционными категориями «врагов» и «бродяг», была создана новая категория – политические беженцы. Тем самым эмигранты сдвигались ближе к бродягам и были такими же нежелательными элементами. Это основывалось на том факте, что эмигранты зачастую не располагали финансовыми средствами, достаточными для обеспечения своих жизненных потребностей. Это относилось и к большинству эмигрантов-дворян, которые во время своего пребывания в изгнании не имели достаточно денег для того, чтобы вести образ жизни, подобающий их сословию. Все это неизбежно отодвигало эмигрантов в сторону бродяг, т.е. группы индивидуумов, представлявшей потенциальную опасность для государства: в один прекрасный день эмигранты могли стать обузой, а то и угрозой. Наряду с этим, они считались потенциальными распространителями волнений (как революционного, так и контрреволюционного характера) среди населения. По этой причине прусские государственные министры в Генерал-директории и Кабинете министров пытались получить четкое общее представление о группах беженцев и проводить непрерывное наблюдение за ними: из этого вытекали рескрипты о составлении генеральных списков в отдельных прусских государствах. Эмигранты, которые хотели обосноваться в прусских землях, должны были подвергаться допросам, представлять свидетельства о своей благонадежности и доказывать, что они способны прокормить сами себя.

Одновременно с этим выясняется, что даже эмигранты, которые осели в Пруссии и приобрели гражданские права (соответственно, принесли присягу на верность), рассматривались не на равных с местными подданными. Прусские элиты в рассматриваемом нами промежутке времени уже позаимствовали понятие «подданный государства», которое выводилось из связей с прусским государством и его законодательством, а также из происхождения. Для государственных учреждений и высоких армейских должностей, администрации, а также в сфере образования, наряду с квалификацией, требовалось также быть отечественного происхождения. Приобретения гражданских прав в городе или получения их по месту жительства в поместье в пределах Пруссии,

как правило, было недостаточно в качестве компенсации. Исключениями были только бывшие прусские подданные, которые из-за Французской революции потеряли свои владения во Франции и вернулись в прусские земли. Некоторые эмигранты, жившие при дворах короля или принца Генриха, также были освобождены от этого надзора.

Это свидетельствует об активном осознании различий между прусскими «гражданами государства» и «иностранцами».

Вследствие этой политики, эмигранты преимущественно дворянского происхождения, а также многочисленные эмигрировавшие священнослужители, для которых в Пруссии не имелось никакого иного назначения, попадали в трудные ситуации. Лишь часть эмигрантов из третьего сословия – а именно, та, которая принесла с собой определенные уровни квалификации, в особенности ремесленного, но также и торгового характера – великодушно принималась. При этом власти руководствовались принципами, которые еще при Фридрихе II были разработаны для улучшения дел в прусской экономике. Оттого основные положения, которые бюрократия выработала для приема политических беженцев, аннулировались для этой группы лиц.

В Саксонии отсутствовало столь строгое выделение эмигрантской группы, как это определялось в Пруссии. Несмотря на то, что французы принципиально расценивались как опаснейшая группа лиц, власти пытались ограничить распространение лишь «французского» (т.е. революционного) духа. Еще не имело места противопоставление «иностранцев» и «граждан государства» в современном понимании прусской бюрократии. Министерские бюрократы в курфюршестве Саксония отличались от своих коллег в Пруссии: они не проявляли интереса к сведениям о потоках эмиграции и о реализации административных предписаний как в целом, так и на текущий момент. Не требовалось генеральных табелей, реакция на пребывание отдельных эмигрантов следовала лишь в особых обстоятельствах, постоянный надзор не осуществлялся.

Как и в других странах, в немецких землях многие эмигранты меняли свой социо-профессиональный статус (меняли профессию, начинали служить и, таким образом, приобретали новый статус). Мы имеем множество разнообразных свидетельств социо-профессиональной трансформации эмигрантов, в том числе и в немецких землях. Так, Рощешуар рассказывает, что его семья после многих лет скитаний, когда они с братом эмигрировали в Швейцарию, а их мать жила в Англии, потеряв последние деньги в Германии, в Альтоне, были вынуждены работать: «Мать прекрасно рисовала; она составляла рисунки для вееров, рабочих мешочков, называвшихся «ридикюлями», и ящиков разных величин; брат мой и я занимались склеиванием и работами из картона, кроме того, мы плели соломенные дамские шляпы. На мне в качестве младшего лежала обязанность разносить все производство нашей мастерской»¹⁵. Преподавание французского языка было наиболее широко распространенным, а зачастую и единственно возможным способом заработать себе на жизнь в изгнании. Готовность, зачастую порожденная нуждой, встречалась при этом с явной потребностью определенных слоев прусского населения. К тому же французский был в эту эпоху важнейшим международным языком: языком торговли, дипломатии, науки и высшего общества Европы. Так, не только польское дворянство, перешедшее в 1795 году под прусский суверенитет, рядами рекрутировало французских священников, находившихся в Южной Пруссии в большом количестве, в качестве домашних учителей для своих детей. Чиновники прусской администрации и дворяне из других прусских провинций также не упускали возможности относительно недорого заполучить таким способом носителей языка, которые зачастую преподавали и другие науки.

Священник Сангинэ отмечал в письме от 17 октября 1803 года: «Наиболее замечательное чувство французского духовенства в Германии заключается в том, что его весьма добиваются для образования детей в благородных семействах»¹⁶. Впрочем, эта практика охватила не только депортированное или эмигрировавшее французское духовенство, но и многих эмигрантов-дворян.

Хотя возможность заработать себе на пропитание преподаванием родного языка использовали эмигранты всех сословий, духовенство и дворянство могли обращаться к другим специализациям: для священнослужителей это было, прежде всего, преподавание языков и религии, для дворян – чаще наставления в «придворных искусствах» (фехтовании, танцах, верховой езде, а наряду с этим – рисование и живопись), а для образованных офицеров – математика и военные науки.

Многочисленные петиции от бюргеров, в особенности от жителей городов в провинциях Клеве и Марк, о разрешении, в виде исключения, пребывания там французских учителей иностранных языков свидетельствуют об очевидной потребности в использовании новых возможностей для улучшения качества преподавания французского языка¹⁷. Тот факт, что за прошениями бюргеров часто стояли магистраты, демонстрирует значение, которое придавалось этим прошениям. Создание учебных заведений, в свою очередь, с упором на преподавание французского языка, нередко приветствовалось горожанами и магистратами. Во многих случаях в этих учебных заведениях привлекались к постоянной работе жены и дочери эмигрантов, сочетавшие преподавание французского языка с уроками рукоделия и т.п.

Преподавание французского языка велось эмигрантами также в университетах Дуйсбурга, Эрлангена, Франкфурта-на-Одере и Галле. Университеты часто поддерживали способных преподавателей языка при их ходатайствах в Кабинет министров и Генерал-директорию и из-за поспешного зачисления их на службу порой приходили в столкновение с государственными административными инстанциями. Однако создание постоянных мест для эмигрантов или даже передача им университетских кафедр принципиально запрещалось Кабинетом министров. Так, Альвенслебен отклонил 20 апреля 1799 года просьбу французского эмигранта о кафедре в Галле. Ему было почти разрешено пребывание и учение в Галле, вследствие чего его дела были бы лучше, чем у многих его товарищей по несчастью.

Скорее сдержанная позиция по отношению к эмигрантам, которые часто работали преподавателями, вырисовывается и в областях науки, изящных искусств, а также при вступлении эмигрантов в прусскую армию.

Берлинские Академии пытались в конце XVIII века освободиться от французского влияния, которое было ярко выражено еще при Фридрихе II. Хотя благодаря протекции Фридриха Вильгельма II три эмигранта были приняты в Прусскую академию наук, а четверо других – в Академию художеств, все же для Академий это почти не имело последствий¹⁸. Это не могло остановить спад французского культурного влияния в Берлине, тем более что до 1802 года большинство эмигрантов вновь покинуло Берлин.

Напротив, в экономике и военном деле эмигрантам найти применение своим силам в Пруссии было очень трудно.

Французские дворяне зачислялись в прусскую армию в малом количестве. Армия, подобно бюрократии, была задумана и узаконена как интегрирующий орган монархии. Чтобы соответствовать этой функции, связь между офицерским корпусом и государством должна была обеспечиваться и тем, что ограничивался прием офицеров, которые стремились лишь к военному ремеслу, при этом не ощущая себя связанными в единое целое с Государством.

Впрочем, некоторые эмигранты были приняты в прусскую армию. В первую очередь спросом пользовались конкретные навыки, а именно, знание инженерного дела или других военных наук, которые представляли непосредственную важность для прусского войска (на этом основании были приняты пятеро эмигрантов). Впрочем, прием на службу французских офицеров инженерных войск не был чем-то новым. В свое время еще Фридрих II в 1768 году зачислил графа д'Энза в свой инженерный корпус в звании подполковника. Позже он также повторно приказывал своему посланнику в Париже, барону фон дер Гольцу, нанимать французских военных инженеров на службу в прусскую армию¹⁹. По-

видимому, во второй половине XVIII века французским военным инженерам приписывались особые качества, которые делали их ценными и для прусской армии. В прусских землях инженерная школа была открыта лишь в апреле 1788 года (в Потсдаме), где в течение четырехлетнего обучения подготавливались 18 воспитанников. Наряду с этим, в прусскую армию были приняты немногочисленные протеже короля или королевской семьи (всего 37). Для зачисления последних (зафиксированные, в целом редкие случаи) опять использовался специфический образ действий, который должен был гарантировать интеграцию и лояльную позицию французов в прусской армии: так, в прусскую армию принимались (за редкими исключениями) только молодые эмигранты (в большинстве – сыновья и внуки уважаемых семейств). Они начинали свою служебную карьеру с военных учебных заведений или с низших офицерских чинов. Фридрих Вильгельм II неоднократно указывал, что эти офицеры обязаны в кратчайшие сроки выучить немецкий язык²⁰. Ранняя социализация в прусском войске (сюда входило также изучение немецкого языка) решающим образом способствовала идентификации с прусской армией и прусским государством. Известно о 16 эмигрантах, которые после амнистии 1802 года продолжали оставаться на прусской военной службе.

Экономическая политика, которая нашла применение в отношении французских эмигрантов, походит на ту, которая проводилась прусской стороной на протяжении всего XVIII столетия.

Новое определение статуса иностранцев затрагивало экономическую политику лишь в той мере, в какой эмигранты Революции со своими предприятиями вступали в конкурентную борьбу с местными уроженцами, не предлагая новых методов и технологий.

Прусское хозяйственное стимулирование, в первую очередь, сказалось на (берлинской) шелковой отрасли. И это можно рассматривать как продолжение политики Фридриха II. После гражданской войны во Франции и осады Лиона, когда в эмиграцию отправились многие работники лионских шелковых мануфактур, предпринимались попытки привлечь некоторых из них в берлинскую шелковую индустрию. Несколько раз Пруссия пыталась заполучить подобных специалистов из Швейцарии, где в основном искали убежища лионские шелковых дел мастера. В Берлин призывались и некоторые работники шелковых предприятий, эмигрировавшие на территорию Священной Римской империи германской нации. При этом совершенно целенаправленно разыскивались специалисты, которых не доставало берлинской шелковой отрасли.

В общем и целом, с дотациями и разрешениями в отраслях, за исключением шелковой, были гораздо экономнее. Это было, прежде всего, отражением попытки некоторых эмигрантов, под видом основания выгодного предприятия, добиться разрешения на постоянное проживание. Хотя монарх или его ближайшее окружение покровительствовали эмигрантам, большинство соображений из сферы стимулирования экономики не имело к этому никакого отношения: часто речь шла всего лишь о передаче «теплого местечка» и оказании протекции блестящим представителям французской высшей знати, которые были лично знакомы монарху или имели очень хорошие рекомендации. Вербовка специалистов, несомненно, стимулировала экономическое развитие Пруссии, поскольку они вводили технологические новшества и создавали новые отрасли промышленности.

Итак, в определенных областях охотно прибегали к компетентности французских эмигрантов. Впрочем, социальный состав эмигрантов в отдаленных регионах не отвечал потребностям прусского государства. Большинство эмигрантов были дворянами или священнослужителями с навыками, большей частью, в военной и религиозной сфере. Даже если отдельные дворяне успешно работали в области ремесленничества или торговли, все же это были исключения. Напротив, масса эмигрантов из третьего сословия была прислугой, для которой не находилось применения и которую гораздо больше подозревали в симпатиях к революции.

При рассмотрении вопроса об обращении с эмигрантами становится в целом ясно, что в конце XVIII века государственные элиты в королевстве Пруссия мыслили «государство» уже в более современном понимании, нежели в курфюршестве Саксония. Причины для этого могут отыскаться в разном уровне развития бюрократического аппарата. С его расширением роль сословий в Пруссии стала гораздо более ограниченной, чем это было в курфюршестве Саксония. Там вряд ли могло возникнуть расширение полномочий чиновничьего аппарата за счет постоянного участия в принятии решений. В Пруссии, наряду с бюрократическим аппаратом, армия также была средством интегрирования в единое государство. Иностранцы принимались в обе институции лишь в редких случаях и вследствие определенных причин, в отличие от курфюршества Саксония, где к концу XVIII века около 40% офицерского корпуса составляли дворяне не-саксонского происхождения.

К тому же, прусское государство занималось модернизацией отечественной экономики более активно, нежели это делали правительственные круги Саксонии. Вместе с тем, количественная оценка эмигрантов в Пруссии и Саксонии на основании имеющихся в распоряжении исследователей источников свидетельствует о том, что эмигрантов, представлявших потенциальный интерес для экономики, было меньшинство. Даже если распределение эмигрантов по регионам и отдельных прусских областях варьировалось, все же остается констатировать, что большинство эмигрантов (около 42%) принадлежало к дворянскому сословию, в то время как эмигранты из третьего сословия находились лишь на втором месте (около 28%), а эмигрировавшее духовенство – на третьем месте (около 20%). Прибывшие в Саксонию и вскоре снова высланные оттуда эмигранты вряд ли могли продемонстрировать другой социальный состав. Эти результаты, по мнению Т. Хепеля, явно отклоняются от заключений об эмиграции из Франции, которые вывел известный американский историк Дональд Грир²¹. Следовательно, представление, которое передавали современники Французской революции в Священной Римской империи в отношении эмигрантов, в первую очередь о преобладании среди эмигрантов дворян и духовенства, вполне соответствовало действительности на территориях, удаленных от границ. Добавим, что около двух третей эмигрантов из третьего сословия числились на службе у эмигрировавшего дворянства и лишь подкрепляли представление о многочисленной прислуге дворян-эмигрантов. Лишь в некоторых, непосредственно граничивших с Францией княжествах (в Империи – прежде всего в маркграфстве Баден), ситуация представлялась иной.

Отметим, что в России в 1793 году социальная структура французской колонии в С.-Петербурге была более демократична (см. табл. 2), чем в целом структура эмиграции по данным Д. Грира, и много более демократична, чем в Пруссии – нам удалось восстановить социальную структуру французской колонии в Петербурге 1793 г.²²

Следовательно, можно предположить, что в целом данные Д. Грира получают подтверждение в материалах по социальной структуре французских колоний в России и Пруссии.

Для политики в отношении эмигрантов принадлежность беженцев к другой конфессии не играла в прусских государствах никакой роли.

Сопоставление двух немецких территориальных государств позволило Т. Хепелю прийти к выводу, что государственная практика власти была мощной движущей силой культурной интеграции, которая выражалась не только в стабилизации соблюдения своих и чужих законных интересов, но – и прежде всего – в поэтапном введении парадигмы «гражданин государства / иностранец». Вызовы, брошенные Революцией во Франции, войной и массовой конфронтацией с врагами, не стремившимися к ассимиляции в государствах, куда направлялись беженцы, способствовали этому процессу смены ориентиров.

Ремесленники	21,1
Слуги, камердинеры, приказчики	14,0
Купцы	13,8
Фабриканты	2,2
Учителя (вместе с профессорами, воспитателями)	14,3
Врачи	1,2
Представители творческих профессий (актеры, музыканты, художники и др.)	6,4
Военные	11,6
Государственные служащие	3,3
Придворные служащие (придворные повара, камердинеры и др.)	2,3
Дворяне и священники (без определенной профессии)	0,9
Без определенного социо-профессионального статуса (включая «вдов» и «девушки»)	более 8,0

Таблица 2. Социо-профессиональная структура французской колонии в С-Петербурге в 1793 году (в процентном отношении)

Рубеж XVIII–XIX вв., эпоха Французской революции – важный период становления национального мира. Как видим, становление такого мира проходило разными темпами. Даже при отсутствии единого германского государства в Пруссии национально-государственный момент проявляется сильно уже в эпоху Просвещения. За рамками настоящего исследования остаются оценки французскими эмигрантами (а такие свидетельства существуют) общественной жизни, культуры и быта Пруссии и других немецких земель. Исследование прусского законодательства о французских эмигрантах позволяет узнать больше не только об эмиграции, ее социальной структуре, социальной и культурной адаптации, но и о Пруссии эпохи Просвещения. Дальнейшее изучение законодательства различных государств об эмигрантах и истории культуры периода Французской революции будет содействовать углублению представлений об этой важнейшей эпохе.

Источники и литература

¹ Schönplflug D. / Voss J. Vorwort // *Révolutionnaires et Emigrés: Transfer und Migration zwischen Frankreich und Deutschland 1789-1806* / Hrsg. von Daniel Schönplflug und Jürgen Voss. Stuttgart, 2002; Höpel T. *Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen // Révolutionnaires et Emigrés*.

² См.: Русские и немцы в XVIII в.: Встреча культур. М., 2000; Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: Международный коллоквиум. Саратов, 2001; Русско-французские культурные связи эпохи Просвещения. Материалы и исследования. Памяти Г.С. Кучеренко / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2001; *Konfessionalisierung In West- und Osteuropa In der frühen Neuzeit* / Hrsg. von Andrei J. Prokopjev= Конфессионализация в западной и восточной Европе в раннее новое время. СПб., 2004.

³ Изучение прусского законодательства стало возможно благодаря введению в научный оборот новых архивных документов усилиями многих европейских ученых, и прежде всего – немецкого исследователя Томаса Хепеля.

⁴ Цит. по: Вайнштейн О.Л. *Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789-1796)*. Харьков, 1924. С. 25.

⁵ Политический журнал с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей. 1791, декабрь. С. 132.

⁶ О саксонском законодательстве см. в работах Т. Хепеля, о законодательстве Ганноверского курфюршества см.: Kruse E. *Die Emigranten der Französischen Revolution in Kurhannover*. Hannover, 1990.

⁷ Рескрипт для камер-коллегии по ту сторону Везера. Берлин, 12 ноября 1792 года. – Höpel T. *Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen // Révolutionnaires et Emigrés: Transfer und Migration zwischen Frankreich und Deutschland 1789-1806* / Hrsg. von Daniel Schönplflug und Jürgen Voss. Stuttgart, 2002. S. 197.

⁸ Ibidem.

⁹ Подробнее о прусском законодательстве об эмигрантах см.: Höpel T. *Emigranten der Französischen Revolution von 1789 im Preussischen Geheimen Statsarchiv Berlin-Dalem // Archiv und Gedächtnis* / Hrsg. von Michel Espagne, Katharina und Matthias Middell. Leipzig 2000. S. 223–243.

¹⁰ Höpel T. Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen. S. 198.

¹¹ Ibid. S. 201.

¹² См.: Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978. С. 88; Глаголева-Данини С. Промышленность и торговля Дофинэ в эпоху великой французской революции // Из далекого и близкого прошлого. М.; Пг., 1923. С. 199.

¹³ Höpel T. Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen. S. 203.

¹⁴ До той поры они рассматривались как обычные «враги». Первое административное распоряжение об обращении с французскими эмигрантами было опубликовано 4 февраля 1792 года; оно явно связано с намечавшимся прусско-австрийским оборонительным союзом, оформленным 7 февраля 1792 года. Кабинет министров направил рескрипт правительствам в Клеве и Ансбах-Байрейте и отдал приказ о полном принятии имперских директив, которые были изданы для Австрийских Нидерландов. Это означало, что французским эмигрантам, как и всем прочим путешествующим, предоставлялись право гостеприимства, а также право полного покровительства и полной безопасности. Одновременно с этим, им запрещались любые военные действия и военные упражнения. – Рескрипт для Клевского Правительства, Берлин, 4 февраля 1792 года. – Цит. по: Ibid. S. 204.

¹⁵ Мемуары графа де Рошешуара. Пг., 1914. С. 28.

¹⁶ Höpel T. Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen. S. 208.

¹⁷ См., например, «Прошение граждан Хаттингена (графство Марк) об оставлении бывшего французского лейтенанта Раневилля в качестве учителя языка для детей» от 20 декабря 1796 года. – Ibid. S. 209.

¹⁸ Ср. с ситуацией в России: в «конференцию» Петербургской Академии наук (говоря современным языком, – в действительные члены академии) были приняты астроном М. Анри, литератор Ж.-Ф. Вовилье. Граф Шуазель-Гуфье стал президентом Академии художеств и первым Директор Публичной библиотеки. Безусловно, французы хорошо служили и принесли пользу русской науке и культуре, но также очевидно, что деятели российской науки могли успешно их заменить, как, например, А.С. Строганов заменил Шуазеля-Гуфье. – Коротков С.Н. Французские ученые-эмигранты в Петербургской Академии наук в конце XVIII в. // Россия в XVIII веке: Войны и внешняя политика, внутренняя политика, экономика и культура. СПб., 1996. С.69; Коротков С.Н. И.И. Шувалов и граф Шуазель-Гуфье // Иван Иванович Шувалов (1727–1797): Просвещенная личность в российской истории. СПб, 1998. С. 89.

¹⁹ Höpel T. Diplomatischer Dienst und Kulturtransfer. Die Wirkungen der Tätigkeit von Bernhard Wilhelm von der Golitz in Berlin und Paris // Grenzgänge. 1995. № 4. S.33.

²⁰ Луккезини отметил на прошении маркиза де Буайе д'Эгий о приеме обоих его сыновей во французское войско, что король согласен с просьбой и предлагает направить их в новые полки в Польше, где от них потребуется приступить к изучению немецкого языка. Прошение маркиза де Буайе д'Эгий, Дюссельдорф, 21 марта 1793 года; в деле Антуана Шарля де Табуйо Фридрих Вильгельм II предоставил возможность будущего зачисления в гусарский полк после улучшения познаний в немецком языке. – Höpel T. Emigranten der Französischen Revolution in Preußen und Sachsen. S. 210 (41).

²¹ По данным Д. Грира, к первому сословию (духовенству) принадлежало 24596 человек, что составляло 25% от достоверно принадлежавших к эмигрантам людей. Ко второму сословию (дворянству) относилось 16431 человек (17%), к третьему (разночинцам – всем остальным) – 49667 (51%). Сословная принадлежность 7% эмигрантов не была определена. – Greer D. The incidence of the emigration during the french revolution. Cambridge, 1951. P. 113.

²² Коротков С.Н. Проблема социальной трансформации французской колонии в С.-Петербурге в конце XVIII века (по материалам «Санкт-Петербургских ведомостей») // Петербургские чтения-97. СПб, 1997. С.40–42; Korotkov S. La transformation sociale de la colonie française à Saint-Petersbourg à l'époque de la révolution française // Révolutionnaires et Emigrés: Transfer und migration zwischen Frankreich und Deutschland 1789–1806. S. 236–238.

После казни Людовика XVI своим указом Екатерина II разорвала дипломатические отношения между двумя странами, запретила французам въезд в Россию иначе, как с рекомендательными письмами принцев – лидеров эмигрантов и представителей самой высшей аристократии, что, конечно, делало затруднительным приезд в Россию эмигрантов-ротюрье, а также по указу императрицы французы, находившиеся в России, должны были покинуть страну в течение двух недель, если они не принесут торжественную присягу об отречении от революционной родины. В церкви (католической или реформатской – для гугенотов), в присутствии представителей русских гражданских властей необходимо было осудить происходящее во Франции. В соответствии с указом русские газеты, «Санкт-Петербургские ведомости» и ее немецкий вариант, должны были опубликовать списки пришедших к присяге. В июне 1793 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали списки принесших присягу в Петербурге – всего 811 французов. Петербургский список имеет интересные особенности, он приводит социальную характеристику (профессию или сословное положение).

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВА, ПОМЕЩИКОВ И КРЕСТЬЯН К НАРОДНЫМ ШКОЛАМ)

О.В. Кузьмина

В соответствии с Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (далее – Положение 19 февраля 1861 года), они как свободные сельские обыватели имели право «участвовать на сходах в составлении мирских приговоров и в общественных выборах;... отдавать детей своих в общие учебные заведения и поступать на службу по учебной, ученой и межевой частям...».¹ В ведении сельского схода находились совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте, а также назначение мирских сборов и их раскладка на перечисленные нужды. Причем для того, чтобы сход принял соответствующее решение, за него должно было проголосовать не менее 2/3 участников.

В обязанности бывшим помещичьим крестьянам вменялось несение следующих казенных и земских денежных повинностей: подушная подать; сбор на обеспечение продовольствия; земские сборы – как государственные, так и общие губернские и частные; сбор на заготовление окладных листов по податям и сборам. Кроме того, вводился новый налог на содержание местных учреждений по крестьянским делам в зависимости от количества земли, отведенной в пользование и приобретенной в собственность. С мая 1861 года началось образование сельских обществ и волостей временнообязанных крестьян в соответствии с новым административным делением. До освобождения удельных и государственных крестьян, по данным Министерства внутренних дел, существовало 8 750 волостей, в каждой из которых числилось примерно 1 170 душ. При этом сбор на содержание новых учреждений составлял по разным волостям от 25 копеек до 1 рубля с души.² В соответствии с государственным бюджетом на 1862 год земские сборы составляли 22 875 921 руб. 63 $\frac{3}{4}$ коп., из них 1 335 142 руб. 77 $\frac{1}{4}$ коп. шли на содержание крестьянских учреждений. Уже в 1863 году соответствующие показатели выросли до 24 013 727 руб. 25 $\frac{1}{2}$ коп. и 3 271 305 руб. 18 $\frac{3}{4}$ коп.³ До отмены крепостного права в селениях помещичьих крестьян школы для них открывались по усмотрению владельцев. Теперь же функционирование их зависело от решения, принятого крестьянским сходом. Рассмотрим проблемы, возникшие в связи с изменением ситуации.

О положении, существовавшем в селениях помещичьих крестьян накануне отмены крепостного права, еще в 1860 году писал А.А. Философов, командированный Министерством народного просвещения в Московскую, Тульскую и Пензенскую губернии: «...В помещичьих имениях грамотных крестьян весьма мало, или, вернее, их вовсе нет... А в имеющихся кое-где школах обучаются, большею частью, дети дворовых людей; крестьяне же, в особенности в Тульской губернии, неохотно и редко без принуждения посылают детей своих учиться. Если же при особой заботливости помещиков и случается, что многие из крестьянских мальчиков выучиваются читать и писать, то большею частью они скоро забывают, чему их научили, по совершенному недостатку приложения грамотности в настоящее время в деревнях».⁴ Как правило, помещики были заинтересованы в обучении крестьян постольку, поскольку у них имелась необходимость в писарях, конторщиках, помощниках управляющих. Эти занятия не были связаны с традиционным укладом крестьянской жизни, а удовлетворяли потребности помещика, отрывая работника от семьи и хозяйства.

Для решения вопроса о способности крестьянских обществ содержать школы необходимо было определить, какими средствами реально располагали помещичьи крестьяне после получения личной свободы. Чтобы определить количество земли, оста-

вавшейся в распоряжении общины, а также размер повинностей крестьян в пользу бывших владельцев, до второй половины 1864 года продолжалось составление уставных грамот. При этом в Министерство внутренних дел поступало большое количество сообщений мировых посредников о том, что крестьяне отказываются от подписания грамот.⁵ Без этих документов нельзя было определить, какие суммы сельские общества смогут тратить на свои собственные нужды.

До принятия уставных грамот продолжали свою деятельность традиционно избегавшие государственного учета и контроля крестьянские школы грамотности. Функционирование школ могло основываться также на благотворительности бывших владельцев крепостных. После освобождения крестьян многие помещики потеряли заинтересованность в дальнейшем содержании школ в имениях, и лишь достаточно состоятельные землевладельцы и идейные филантропы продолжали содержать или открывали новые школы для временнообязанных крестьян. Широкою известность приобрела педагогическая деятельность Л.Н. Толстого, который стал издавать и собственный журнал «Ясная Поляна» для того, чтобы знакомить общественность со своим опытом и достижениями.

Одной из общественных организаций, которая была озабочена материальной помощью школам, изданием книг для народного чтения, а также проблемой подготовки учителей, был Санкт-Петербургский комитет грамотности. Его программа действий была утверждена в апреле 1861 года Вольным экономическим обществом.

С одним из проектов ускоренной подготовки народных учителей обратился в Министерство народного просвещения В.А. Золотов, преподаватель Ришельевского лицея, член Санкт-Петербургского комитета грамотности. Золотов предложил до открытия специальных заведений по подготовке сельских учителей повышать квалификацию тех, которые уже занимаются обучением детей, путем практического изучения педагогических приемов. По этому поводу он обратился и в Министерство внутренних дел, считая, что можно использовать проект народных школ, разработанный петергофским мировым посредником Лилиенфельдом. По данному проекту можно было приступить к устройству начальных школ с подготовленными учителями немедленно, используя в качестве школьного помещения здание волостного правления и суда, а в качестве учителей – волостных писарей, которые прошли бы краткосрочную педагогическую подготовку и получали бы дополнительно 200–250 руб. Крестьянский сход избирал бы попечителя, принимавшего на себя часть расходов на учебные пособия, остальные средства складывались из штрафных денег, поступавших в пользу волости.

В соответствии с этим проектом, в конце 1861–начале 1862 гг. по приговорам сходов такие школы были открыты в деревне Губаницы (в 80 верстах от Петербурга), а также в волостях Витино и Бегуницы.

Осенью 1862 года В.А. Золотов выступил в комитете грамотности с изложением первых результатов применения нового метода подготовки учителей и обучения грамоте. «...Если мысль г. Лилиенфельда, по-видимому, крайне простая, но потому-то именно и применимая так удобно к делу, что она проста, будет принята внимательно всеми мировыми посредниками, что особенно важно в настоящее время, когда устраиваются и волости, и дома для волостных правлений, и приискиваются волостные писаря, то в течение одного года, без всяких особенных издержек каждая волость будет иметь свое училище... В людях недостатка не будет за годовой оклад 250 руб. с помещением и отоплением...».⁶ Далее приводились примеры обращения к Лилиенфельду и другим мировым посредникам нескольких домашних наставников, а также молодых людей, закончивших уездные училища, с просьбой о предоставлении учительского места. Но в выступлении Золотова содержалось также несколько мыслей, которые заставляли усомниться в жизнеспособности данного плана.

Во-первых, Золотов признавал, что пример Лиlienфельда – скорее исключение, чем правило, так как здесь явно сказывалась близость столицы, оказывавшей определенное влияние на образ жизни всего Петербургского уезда. Во-вторых, Золотов отдавал себе отчет в том, что многих к учительской должности будет привлекать оклад при отсутствии необходимых способностей. Кроме того, в Губаницах, поместье самого Лиlienфельда, из 2 тысяч крестьян только 1/5 составляли русские, остальное население было финским (в рамках протестантской церкви действовала уже устоявшаяся система начального образования), что накладывало соответствующий отпечаток на результаты деятельности мирового посредника. Распространение же данной системы в масштабах страны во многом зависело от доброй воли землевладельцев. Золотов высказывал предположение, что безразличной к судьбе освобожденных крестьян будет лишь небольшая часть помещиков, остальные же, осознавая свою моральную ответственность, примут участие в организации обучения бывших крепостных.

В действительности участие помещиков в просвещении освобожденных крестьян оставляло желать лучшего. Об этом свидетельствует и письмо в петербургский комитет грамотности его члена Н.Н. Юматова, который преподавал в школе в деревне Белая Дуброва. Юматов апеллировал к английскому опыту, когда для возбуждения в народе интереса к образованию представители школьного общества занимались чтением публичных лекций. По словам Юматова, в России и для образованной публики таких лекций совсем немного, что касается крестьян, то здесь был известен только один пример – практика Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. В своем имении граф Толстой занимался не только обучением детей, но и выступал перед взрослыми крестьянами, у которых вызывал интерес и определенные критические суждения по проблемам, непосредственно касавшимся их жизни.

К подобной практике решил прибегнуть и Юматов вместе с другим членом комитета грамотности Миллером. В качестве тем публичных лекций ими были избраны некоторые эпизоды русской истории, а также рассуждения о пользе образования. В связи с этим был затронут и вопрос об отношении к крестьянской общине землевладельцев, которые должны возбудить в народе потребность в здоровой умственной жизни. Вместо этого помещики, являясь, по мнению Юматова, естественными педагогами народа, занимались мелкими тяжбами с крестьянами из-за повинностей. «Им некогда заниматься воспитанием народа, и бедный народ принужден черпать политическую и специальную мудрость из того грязного и мутного колодца, который ему предлагают жалкие, голодные авантюристы».⁷

Говоря о результатах своей поездки по Московской и Тульской губерниям, В.А. Золотов обращал внимание на низкий культурный уровень помещиков, среди которых была широко распространена, в частности, привычка сквернословить.

Отношение помещиков к обучению крестьян проявлялось также в том, что при отводе зданий или леса на их постройку они стремились в этом случае или получить с крестьян большие суммы денег, или вынудить их к несению дополнительных повинностей. В селе Нестрино Порховского уезда Псковской губернии помещик согласился уступить избу для школы не менее чем за 200 рублей.

Такая ситуация была неудивительна, поскольку большая часть помещичьего дворянства в России владела до 1861 года не более чем 500 крепостными (в европейских губерниях России 56,4% крепостных крестьян принадлежали именно таким помещикам, которые считались мелко- и среднепоместными).⁸ 41,6% всех помещиков владели до реформы 1861 года не более чем 20 душами крепостных.⁹ Для таких землевладельцев определение размера крестьянских повинностей было жизненно важным вопросом. Большинство помещиков оказалось совершенно не готово к новым условиям жизни и хозяйствования.

Известный ученый и общественный деятель Александр Николаевич Энгельгардт, поселившись в конце 60-х годов в своем родовом имении Батищево в Дорогобужском уезде Смоленской губернии и самостоятельно занявшись устройством хозяйства, по соседству видел совершенно противоположную картину. «Я сел на хозяйство два года тому назад. Осмотревшись, сообразив условия своего хозяйства, я увидел, что хозяйничать по-прежнему, хозяйничать так, как хозяйничает большинство наших помещиков, невозможно. После «Положения» (19 февраля 1861 года – Авт.) прошло уже 12 лет, но система хозяйства остается у большинства все та же... Все ведется по-старому, как было до «Положения», при крепостном праве, с тою только разницею, что запашки уменьшены более чем наполовину, обработка земли производится еще хуже, чем прежде, количество кормов уменьшилось, потому что луга не очищаются, не осушаются и зарастают; скотоводство же пришло в совершенный упадок».¹⁰ В более обобщенном виде этот тезис был сформулирован Б.Н. Чичериным: «Если при новых условиях часть помещиков разорилась, то виновато в этом не «Положение 19 февраля», а неподготовленность значительной доли русского дворянства к правильной экономической деятельности вместе с неумением держать свои расходы в должных пределах».¹¹

Помещики по старинке использовали дешевую крестьянскую силу, но их доходы сами по себе от этого не увеличивались. Многие землевладельцы предпочитали собственному кропотливому труду (без чего нельзя было поднять доходность хозяйства) поступление на государственную службу, гарантировавшую постоянный источник средств. Имения приходили в еще больший упадок, и благотворительностью, таким образом, могли заниматься владельцы только достаточно крупных хозяйств, державшихся на плаву в новых условиях.

Но еще острее, чем перед мелко- и среднепоместными дворянами, проблема выживания в новых условиях стояла перед крестьянами. Сбор податей даже с государственных крестьян, положение которых было более благоприятным, был сопряжен с постоянными проблемами и недоимками. Это отмечал, в частности, управляющий самарской палатой государственных имуществ Протопопов: «...В такой губернии, как Самарская, в которой жители обеспечены в средствах своего существования, как в немногих, собрать годовой оклад податей с государственных крестьян, составляющий каких-нибудь 5 рублей 60 копеек с души, необходимо самое напряженное усилие и настояние сельских начальников, местных чиновников и самой палаты в продолжение первых и последних четырех месяцев в году».¹² В пореформенные годы платежеспособность крестьян падала. Это было связано с малоземельем крестьян, низкой урожайностью, а также с увеличением прямых и косвенных налогов. Так, в 60–70-е гг. денежные сборы с крестьян составляли: в Московской губернии – 205,3 % поземельного дохода; в Пензенской – 128, 8%; в Казанской, с более плодородными землями – 58 %.¹³

О положении крестьянских хозяйств в Европейской России в 1861–1870 гг. может дать представление табл. 1, данные для которой взяты из более подробных сводных таблиц в монографии Н.М. Дружинина¹⁴.

Даже в наиболее благоприятных для земледелия районах в некоторых губерниях неурожайными были 8–9 лет из десятилетия, в течение которого складывалась новая система экономических отношений. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что состояние крестьянского хозяйства не только не могло обеспечить исправную уплату многочисленных налогов, но и не гарантировало крестьянину с семьей прожиточного минимума. Некоторый доход крестьяне получали от промыслов, но они были развиты не во всех местностях (в основном промысловыми были Северный, Северо-Западный и Центральный промышленные районы).

Вот интересное свидетельство одного из мировых посредников Слободского уезда Вятской губернии об уровне жизни и состоянии хозяйства крестьян (в Вятской губернии жили в основном государственные крестьяне) в связи с необходимостью обес-

печения сирот: «Общества, к которым принадлежат эти сироты, содержать их не могут как по бедности их самих от неурожаев, от бывших падежей скота и по неимению запасов в хлебных магазинах, а не менее по лености и нерадению крестьян к надлежащей обработке земли, так и по неимению промыслов и отсутствию торговой деятельности, ибо в здешнем крае не только не бывает торжков и базаров ни в какой местности, но даже и простых съездов, то посему вовсе нельзя надеяться, чтобы означенным сиротам общества их дали какое-либо пособие и приучали их к трудолюбию и домохозяйству, тем более что и сами крестьяне не хотят заняться никакой промышленностью, что доказывается тем, что многие из них еще и ныне летом возят вместо телег на санях хлеб и другие хозяйственные потребности, поставляя причину, что они не умеют делать телег и колес...».¹⁵ Даже если посчитать предвзятыми суждения мирового посредника о трудолюбии крестьян, нельзя игнорировать свидетельства о преобладании фактически натурального хозяйства и отсутствии доходов, получаемых от других видов деятельности.

Экономические районы	Урожайность (сам-сколько)	Число неурожаев за 10 лет по разным губерниям
Центральный Промышленный	2,64	5 – 8
Центральный Чернозёмный	3,76	5 – 10
Северо-Западный	2,85	2 – 9
Среднее Поволжье	3,5	2 – 8
Приуралье	3,09	2 – 9
Степной	3,81	4
Северный	3,21	4 – 9

Таблица 1. Положение крестьянских хозяйств в Европейской России в 1861–1870 гг.

На одну из причин крайнего консерватизма крестьян в экономической сфере указывал М.Х. Рейтерн еще до своего назначения на должность министра финансов: «Большинство трудящихся нелегко отказывается от обычных приемов, и оно право. Весьма часто они не доверяют и не могут доверять ни благонамеренности к ним того, кто вводит улучшение, ни способности его судить о применимости одного к их быту. Многие так называемые улучшения упорно отвергаются земледельцами потому, что они приносят пользу не работающему, а другому лицу».¹⁶ Большинство нововведений во всех областях жизни, иногда полезных, но исходивших от государственных структур, рассматривалось крестьянами именно с этой точки зрения. Итак, уровень развития крестьянского хозяйства не обеспечивал минимальных средств для содержания народных школ.

По-прежнему на открытие и содержание школ оказывала влияние ведомственная принадлежность крестьян. В 1862 году В.А. Золотов был командирован министерством просвещения в Московскую и Тверскую губернии. Особенно его поразило количество частных сельских училищ, открытых в удельном тверском имении: их было 278 с 5 тысячами учащихся, тогда как на 68 тыс. душ обоюбого пола приходилось только 8 приказных училищ, открытых удельным ведомством.¹⁷ То есть можно было бы сказать, что крестьяне активно участвовали в открытии школ, независимо от ведомства, к которому относились. Но ближайшее знакомство Золотова с жизнью и взглядами здешних крестьян привело его к другому выводу. «Грамотность для крестьян в настоящее время есть еще, можно сказать, оброчная статья, и если объявить крестьянам, что предоставляется на их полную волю – учить или не учить детей грамоте, то имеющаяся теперь

огромная цифра крестьянских школ в тверском удельном имении тотчас значительно уменьшится».¹⁸ Наблюдения В.А. Золотова показали также, что у большинства крестьян отсутствует представление о грамотности как о средстве не только повышения образовательного уровня, но и улучшения своего быта. По инерции сохранялось представление о том, что учить детей нужно только по указанию начальства.

Иллюстрации подобного отношения крестьян к школе можно найти и применительно к более поздним годам (70-е гг. XIX в.). А.Н. Энгельгардт описывал случай, когда крестьянин пришел просить у него защиты от волостной администрации, которая определила его сына для отправки в школу. «Васькин сын еще ни разу не ходил. Нынче Васькину сыну черед в школу, а Васька спорит – у меня, говорит, старший сын в солдатах, сам я в ратниках был, за что я три службы буду нести! Мало ли что в солдатах! – у Васьки четверо, а у меня один. Мой прошлую зиму ходил, нынче опять моего – закон ли это?»¹⁹ Приведенная Энгельгардтом тирада свидетельствует не только об особенностях отношения крестьян к школе, но и об отношении к делу волостных властей: главное – отчитаться о наборе в народную школу, и неважно, что среди учеников будут те, кто уже учился в прошлом году, проходя один и тот же курс обучения.

Священник Н. Мураховский, открывший школу в селе Адрианополе Славяно-сербского уезда Екатеринославской губернии, на страницах «Православного обозрения» также приводил примеры отправки детей в школу лишь по указанию начальства. Крестьяне отказывались отпускать детей в школу, выдвигая требование платы за ее посещение. В их представлении посещение школы должно было быть предписано специальным царским указом, и они были уверены в том, что школа священника не пустовала бы, если бы существовал запрет венчать неграмотных (как тут не вспомнить Петра I)! Но такому представлению сопутствовала еще и масса предрассудков, в соответствии с которыми крестьяне смотрели на школы не просто как на чуждые, а как на враждебные их жизни заведения. Об этих причудливых крестьянских взглядах свидетельствовали и другие авторы, занимавшиеся проблемой народного образования. Н.Ф. Щербина описывал случай в одном из имений Московской губернии, где в школе преподавала сама помещица. При наборе детей в эту школу крестьянки совершали полужызыческие-полухристианские обряды, близкие к похоронным. Некоторые выпускники школы после ее окончания поступали в Москве на службу к купцам, получая до 200 руб. серебром в год, главы семейств выражали за это помещице признательность. Однако, когда в школе начался пожар, женщины отказались участвовать в его тушении, несмотря на приказ сельского старосты, говоря: «Пусть горит, проклятая, она мучила наших ребят».²⁰

Тем не менее, в европейских губерниях России продолжали существовать крестьянские школы грамоты, которые не фигурировали в отчетах правительственных ведомств. Об этих школах мы можем узнать из отчетов чиновников Министерства народного просвещения о поездках по различным губерниям, но чаще – педагогов-энтузиастов, членов комитетов грамотности, известных публицистов. Эти материалы публиковались в толстых журналах разных направлений. В таких крестьянских школах было обычно не более 10 учеников, а в качестве учителей выступали «грамотники» из крестьян или отставных солдат. В их собственных избах обычно и проходили занятия за символическую плату в зимнее время, чтобы не отвлекать от хозяйства рабочие руки. «Большая часть грамотных людей... обязана знанием грамотности собственной любознательности, проявившейся уже в зрелом возрасте, и научилась читать и писать случайно».²¹

Конечно, не все грамотники могли научить и читать, и писать (в России даже в начале XX века грамотным считался человек, умеющий только читать), но именно к этим учителям крестьяне испытывали большее доверие, чем к присланным Министер-

ством просвещения или пришедшим в народ энтузиастам, не знавшим реальной крестьянской жизни.

Уже по прошествии определенного времени после освобождения крестьян их взгляд на необходимость образования был выражен, в частности, в беседе с земским учителем П.Е. Третьяковым (Тамбовская губерния): «А грамота разве не нужна в вашем обиходе?» – «Оно как не нужна, грамотный человек не то, что мы, да только до большой грамоты мы не доведем, чтобы эдак куды подальше, а эта грамота – что она? Да она в нашем быту и забывается скоро, потому сами мы неграмотные... Бывало, хоть обходилось все это дешево: отдашь, бывало, Яфанычу, дьячку, 20 рублей, он и учит в своей избе, а ведь ныне-то, что вот она (школа – Авт.) стоит? А там протопить ее надо, сторожу, учителю жалованье. А все равно: что Яфаныч учил, что тут».²² Эти умозаключения ярко иллюстрируют взгляд крестьян на то, что без дальнейшего образования у них нет возможности вырваться из условий привычной жизни, но при этом они не видят разницы в уровне и качестве нового способа обучения по сравнению с традиционным. Собственно же крестьянская жизнь и работа не требовали, как правило, даже элементарной грамоты при отсутствии книг, необходимых для улучшения хозяйства. Исследования земских деятелей, проводившиеся в 80–90-е годы XIX в., показали, что часть учившихся в школе крестьян через 3–4 года после ее окончания полностью или частично утрачивала полученные знания и навыки за ненадобностью.²³

Для всех наблюдений за крестьянской жизнью в первые пореформенные годы характерно одно: авторы, отмечая нерасположенность крестьянства к образованию в массовом порядке, сходятся на том, что некоторые его представители здраво судили о пользе грамотности не только в формальном, механическом смысле, но и рассматривали ее как основу для последующего образования. Таких крестьян было меньшинство: другого трудно ожидать при традиционном укладе жизни, мало изменившемся за века существования государства в России.

Государство же и в период реформ Александра II, значительно изменивших жизнь страны, не спешило с расходами на систему образования, развитие которой могло бы придать дополнительный импульс модернизации России. Даже самые либеральные государственные чиновники (например, А.В. Головнин, занимавший пост министра народного просвещения в 1861–1866 гг.) придерживались мнения, что сельская школа должна воспитывать культурных крестьян, а не способствовать их переходу в другие сословия, ибо разрыв с традиционным укладом жизни неизбежно приводит к усилению вредных влияний в любом сословии, а тем более – в крестьянском.²⁴ В правительственных кругах преобладала точка зрения, сводившаяся к тому, что и просвещенное дворянство, и освобожденные крестьяне должны сами немедленно осознать необходимость общественных затрат на открытие и содержание народных школ. Но экономическое положение и менталитет большинства представителей обоих вышеуказанных сословий не способствовали такому сознательному поведению.

Для сравнения: Япония, архаичная страна, проводившая политику сознательной самоизоляции и более значительно, чем Россия, отстававшая от стран классического капитализма ко второй половине XIX в., начала процесс модернизации практически одновременно с Россией (1867–1868 гг. – революция «Мэйдзи исин»). При этом государство огромное внимание уделяло не только созданию армии, технически оснащенной не хуже западных, но и развитию системы национального образования, в первую очередь начального, что создавало основу для военно-технического противостояния с великими державами. К началу XX века Япония стала страной почти поголовной грамотности (это при японской системе письменности!).²⁵ Государственные вложения в систему образования с лихвой окупались, что показала, в частности, русско-японская война (1904–1905 гг.).

Источники и литература

- ¹ ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской Империи). Собр. 2-е, Т. XXXVI, отд. 1. СПб, 1863. С. 145.
- ² Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855–1880 гг. СПб, 1880. С. 30.
- ³ Статистический временник Российской Империи. Вып. 1. СПб, 1866. С. 84–87.
- ⁴ Странник. 1860. № 12. С. 148.
- ⁵ РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 733, оп. 170, д. 20, л. 309.
- ⁶ РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 20, л. 314.
- ⁷ Там же, л. 314.
- ⁸ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. С. 58.
- ⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Т. 1. С. 89.
- ¹⁰ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887 гг. М., 1960. С. 123.
- ¹¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 13.
- ¹² Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ. Ч. VI. С. 379.
- ¹³ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 127–129
- ¹⁴ Там же. С. 174–175.
- ¹⁵ Народное образование в Вятской губернии за последние 10 лет (1864–1874). Вятка, 1875. С. 106–107.
- ¹⁶ Рейтерн М. Х. Влияние экономического характера народа на образование капиталов. // Морской сборник. 1860. № 5. С. 64.
- ¹⁷ Золотов В. А. Исследование крестьянской грамотности по деревням Тверской губернии и частью Московской. СПб, 1863. С. 7. О ведомственной принадлежности начальных школ см.: Кузьмина О. В. Особенности материально-финансового обеспечения начального образования в России в середине XIX в. // Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. Вып. 17. СПб, 2005.)
- ¹⁸ Золотов В. А. Указ. соч. С. 15.
- ¹⁹ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 141.
- ²⁰ Щербина Н. О народной грамотности и устройстве возможного просвещения в народе. СПб, 1863. С. 13.
- ²¹ Отечественные записки. 1863. № 11. С. 495.
- ²² Устои. 1882. № 11. С. 72–74.
- ²³ Корф Н. А. Образовательный уровень взрослых грамотных крестьян. // Русская мысль. 1881. № 10, 12.
- ²⁴ Головин А. В. Записки для немногих. // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 93.
- ²⁵ Рубакин Н. А. Россия в цифрах. СПб, 1912.

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» Н.М. КАРАМЗИНА О ПОЛИТИКЕ ПЕРВОГО КОНСУЛА ФРАНЦИИ (1802–1803 ГГ.)

М. Г. Лобачкова

Наполеоновская эпоха изучалась и продолжает изучаться в самых разных ее аспектах: внутренняя и внешняя политика Бонапарта, его роль в революции, военная эпопея. Среди исследований немалое место занимают и труды, посвященные восприятию Наполеона и его политики современниками. Впервые проблема была поднята еще в XIX веке и нашла свое отражение не только в исторических работах, но и в большом количестве литературных произведений. Русская общественность также была охвачена феноменом Наполеона. Этому способствовали и его военные успехи и политика, влияние которой на ситуацию в Европе было определяющим, и общность тенденций историко-культурного пространства России и Европы – идеи эпохи Просвещения, либеральные планы Александра I, распространение «античного мифа» в культуре, фокусом которого и стал Наполеон Бонапарт.¹ Кроме того, русское общество начала XIX века в значительной степени было сориентировано на традиции французской культуры.

Среди множества источников, позволяющих исследовать отношение русской общественности к деяниям Наполеона, большой интерес представляет периодическая печать. Реакция периодической печати России на изменение международной обстановки рассматривалась в ряде работ², но, тем не менее, изучена недостаточно. Российская журналистика того периода находилась в непосредственной связи с правительственным курсом Александра I, и яркого проявления общественного мнения в ней быть не могло. Но в интересующий нас период – эпоху Консульства – произошел поворот российской политики к примирению с Францией, что позволило редакторам изданий относительно свободно высказывать свое мнение о Наполеоне, если оно не шло вразрез с настроениями правительства.

А оно в большинстве случаев и не противоречило этим настроениям. У Первого консула была репутация умеренного правителя и миротворца. Либеральная часть русского общества видела в Консульстве время положительных реформ, активной законодательной политики, стабилизации французского общества, закрепления завоеваний нового строя. Консерваторы, напротив, справедливо увидели в Бонапарте будущего диктатора, возможно, монарха. Именно в период Консульства в России появляется новый журнал, на страницах которого отчетливо прослеживается постепенное изменение отношения большей части русского общества к личности и политике Наполеона – от представления о нем как о воплощении античного героя до разочарования при усилении авторитарных тенденций его власти. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина с января 1802 г. по декабрь 1803 г. уделял огромное внимание политике консула Бонапарта, влиявшего на судьбы миллионов людей.

Инициатива создания журнала принадлежала арендаторам московской университетской типографии и, в первую очередь, Ивану Васильевичу Попову. Он обратился к Карамзину с просьбой составить программу совершенно нового, по европейскому образцу, журнала и стать его редактором.³ «Вестник Европы» выходил дважды в месяц. За каждый год он насчитывал 24 номера. За два года Карамзин, таким образом, издал 48 выпусков. Журнал содержал два основных отдела: «Литература и смесь» и «Политика». Последний, в свою очередь, делился на «Всеобщее обозрение» и «Известия и замечания». Карамзин первым из отечественных публицистов поставил политический раздел в равные условия с литературным. По сути, «Вестник Европы» был первым настоящим политическим журналом России.

Практически все статьи в «Вестнике» написаны самим Карамзиным⁴ – это либо его собственные сочинения и политические обозрения, либо статьи из иностранных периодических изданий, также переведенные редактором. Расширение контактов русских

журналистов с зарубежными позволяло активно и более своевременно использовать публицистический материал европейских изданий. В немалой степени этому процессу способствовало широкое распространение французского языка. В «Вестнике Европы» подобные материалы стали регулярными. Информацию для публикаций Карамзин извлекал из французских официальных изданий «Le Moniteur Universel», «Gazette de France», немецкого «Minerva» (издатель Архенгольц), английских «Morning Chronicle», «Лондонского журнала», «Аргуса» (английский журнал бонапартистской ориентации, издававшийся в Париже) и др.

«Вестник Европы» чаще и рассматривался как журнал, вобравший в себя переводные статьи из европейских изданий и преследующий чисто информационную цель. На проблему пересмотра устоявшейся точки зрения на журнал Карамзина впервые указал В.В. Гиппиус в статье «Вестник Европы». 1802–1830 гг.»⁵, а затем к ней неоднократно обращался в своих исследованиях Ю.М. Лотман⁶. Действительно, все статьи издания, в том числе и посвященные Наполеону, написаны с точки зрения единой политической концепции.

Рассматривать статьи «Вестника», посвященные Наполеону, не учитывая фактор личностного развития Карамзина как публициста, историка и просто гражданина, не представляется возможным. Масонские утопические воззрения, почерпнутые Карамзиным в кружке Н.И. Новикова, в котором он провел четыре года, стали претерпевать серьезные изменения уже в его путешествии по Европе, совпавшем с началом Французской революции. Результатом мировоззренческого кризиса, который пережил Карамзин во второй половине 1790-х годов, стала его новая политическая концепция – принципат, соединяющий республиканские институты и сильную власть, держащий равновесие между тиранией и анархией.⁷ Приступив к выпуску журнала, Карамзин развил на его страницах свою политическую программу.

Публикации «Вестника» затрагивают две важные для издателя смысловые опоры его политических и гражданских убеждений: образ государственного деятеля – реалиста, который строит систему управления не на утопических теориях, а на реальном уровне нравственности людей, и образ слабого монарха, обманываемого собственными вельможами и находящегося в плену либеральных идей.⁸ В первом образе явно просматривается консул Франции Наполеон Бонапарт, второй отсылает нас к личности Александра I, которого Карамзин считал слабым и недальновидным политиком, не одобряя либеральных планов молодого царя.

В 48 номерах «Вестника Европы» помещено более 100 статей, по содержанию и смыслу полностью посвященных личности Наполеона, событиям во Франции и влиянию ее политики на ситуацию в Европе. 52 статьи в разделе «Политика» – откровенно апологетического характера, прославляющие деятельность Наполеона, его миротворческий гений и законодательную политику. 45 публикаций можно обозначить как нейтральные. Они включают в себя биографические сведения о Первом консуле и заметки событийного характера: упоминания о его борьбе с лондонскими журналистами, некоторые отклики парижской общественности на политику Бонапарта, краткий обзор франко-английских отношений. И всего 17 статей, в которых содержатся предупреждения (а чаще лишь намеки на них) о возможности усиления агрессивной политики Наполеона по отношению к другим странам, нестабильности политического равновесия в Европе, о недолговечности новой французской Конституции X года, о неоднозначности мнения французского общества и девальвации его нравственных ценностей. Эти заметки, как правило, перепечатаны из немецкого журнала «Минерва» и английской газеты «Morning Chronicle».

Таким образом, на каждый номер журнала приходится несколько статей, подробно освещающих политику Консула. По информативности и методу подачи материала их можно разделить на четыре группы:

- обзорные статьи, в которых издатель, перечисляя главные европейские события, оставляет за собой право собственной оценки происходящего. В них содержится наибольшее количество ассоциативных ссылок на античную историю;
- событийные заметки в разделе «Известия и замечания». Как правило, они перепечатаны из иностранных изданий;
- биографические сведения о жизни Наполеона Бонапарта в разделах «Литература и смесь» и «Известия и замечания»;
- переведенные сочинения французских авторов, содержащие рассуждения аналитического характера о сути происходящего во Франции (разделы «Литература и смесь» и «Всеобщее обозрение»).⁹

«...Теперь тридцать миллионов повинуются законам и Гению одного человека... служат одной рукой для правления, и новый Цезарь, новый Кловис не страшен для новых Галлов...» – пишет Карамзин в первом номере «Вестника Европы» в январе 1802 года.¹⁰ Образ Наполеона, рисуемый Карамзиным на страницах своего журнала – одновременно и идеал политического деятеля, пропагандируемый самим издателем, и отображение «античного мифа», тесно переплетавшегося с мифом наполеоновским в европейской и русской культуре.

К этому времени во Франции уже произошли значительные изменения в государственном устройстве. 22 февраля VIII года (13 декабря 1799 года) была утверждена новая Конституция, введенная в действие 3 нивоза VIII года (24 декабря 1799 года). Экономическая политика Бонапарта заслужила восторженные отзывы большинства современников и историков всех направлений. В 1802 году впервые за 70 лет бюджет Франции был сведен без дефицита, экономическая ситуация вполне стала подходить под определение процветания и благополучия.

Преобразования Бонапарта, воспринимавшиеся тогда внутри Франции еще как продолжение революционных лет, позволили общественности других стран Европы прийти к выводу о появлении новой монархии ненаследственного характера. «Усмирение революции» вскоре позволило Наполеону возобновить дипломатические отношения с монархической Россией: политика «свободы рук», обеспечивающая нейтралитет Российского государства в англо-французских отношениях, привела к заключению первого после революционных событий договора между двумя странами в октябре 1801 года. Русское правительство фактически признало Консулат законной властью Франции.

Курс правительства, а также настроения русской общественности отразились и на страницах «Вестника Европы»: Франция, «несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь, в самом деле, ничто иное, как истинная монархия». ¹¹ Уничтожив «вредную для Франции демократию»¹², Первый консул примирил Францию с Европой: «Война не могла уже иметь прежней цели своей: опасные и безрассудные якобинские правила, которые вооружили против Республики всю Европу, исчезли в своем отечестве...»¹³ Карамзин идет в своих рассуждениях и дальше: для него не имеет значения происхождение политика, если он способен вывести страну из разрухи и укрепить ее на прочном основании закона и общественного согласия.¹⁴ Образ не легитимного, но мудрого правителя противопоставляется образу законного монарха, не способного к управлению государством.

Еще одним шагом к объединению французской нации стал возврат общества к католицизму. Как и в других странах, религия во Франции являлась нравственным стержнем для большинства населения. Десять революционных лет смогли поставить католическую церковь в отверженное положение, но искоренить посредством правительственных указов в сердцах людей веру в Бога было невозможно. Восстановление культа католической церкви давало Бонапарту широкую поддержку среди крестьянства, прежде всего. С другой стороны, заключив «мирный договор» с папой, он имел воз-

возможность поставить церковь на службу государству. Религия и государственная власть в его представлении были тесно связаны друг с другом.

26 мессидора IX года (15 июля 1801 года) уполномоченные папы и французского правительства подписали в Париже конкордат, определивший положение и права католической церкви во Франции. Католическая религия объявлялась «религией огромного большинства французских граждан». Полностью восстанавливалось свободное отправление католического культа, отменялось отделение церкви от государства.

«Вестник» помещает свой отклик на примирение католической церкви и Франции в майском номере 1802 года. Статья перепечатана из подконтрольной консулу Бонапарту «Gazette de France» и, разумеется, полна апологетики: «Религия сияла во всей своей пышности, во всем великолепии, в первый день Пасхи, во храме Богоматери. Никогда радость не была искреннее, и восторг живее; никогда Первый Консул не казался величественнее...»¹⁵

Необходимо отметить, что Наполеону посвящены заметки не только политического свойства. Большое количество публикаций, описывающих внешность консула, его распорядок дня, воинские парады и даже состояние здоровья Бонапарта, говорят сами за себя. Карамзин, как и многие русские дворяне, очарован молодым французским политиком.

«Вестник Европы» весьма лоялен и по отношению к внешней политике Бонапарта. Наполеон предстает миротворцем, главная задача которого – вернуть спокойствие и стабильность народам, истощенным войной. Глава государства, ищущий дружбы других держав, не может осмелиться нарушить с трудом обретенный Европой мир, – вот основная мысль статей Карамзина, посвященных обзору международной ситуации и роли в ней Франции.

После капитуляции Австрии 9 февраля 1801 года между ней и Францией был подписан Люневильский мирный договор. Франция получила все владения Священной Римской империи на левом берегу Рейна, Бельгию и Люксембург. Австрия была вынуждена признать вассальные по отношению к Франции республики – Батавскую, Гельветическую, Цизальпинскую и Лигурийскую.

В январе 1802 года одна из этих республик – Цизальпинская – была преобразована в Итальянскую, в ней вводилась конституция, которая повторяла большинство положений Французской Конституции. Наполеон Бонапарт объявил себя президентом Итальянской республики. Событие было неоднозначно воспринято европейской общественностью, некоторые периодические издания высказали сомнения в безопасности расширения влияния Франции. «Минерва» во втором томе за 1802 год помещает статью «О Республике Итальянской и политическом равновесии Европы»¹⁶. В статье, наряду с указанием на тот факт, что Лионская Консульства ни произвела в Италии решительных перемен, так как и до нее, Республика находилась под влиянием Франции, помещено рассуждение о нарушении равновесия политической системы в Европе.

Напечатав на своих страницах перевод немецкой статьи, русский «Вестник Европы» все же оказался менее проникновенен в отношении внешнеполитических намерений Первого консула Франции. Лионская Консульства и политика Бонапарта в Итальянской Республике удостоились в «Вестнике» 8 хвалебных статей в 1802 году. Это не просто обзорные статьи политического характера – они наполнены восторженной сентиментальностью. Не расчетливый завоеватель, использующий все средства и военного, и дипломатического характера для усиления своего влияния, а все тот же кумир, талантливый политик, трудящийся на благо европейских народов, предстал перед русским читателем. «Он уже так славен, что ему мало думать только о славе своей, которая перелилась из одного века в другой: сир и благоденствие человечества должны быть всего прелестнее для истинно великой души...»¹⁷ Действительно, как верно подметил

Н.Ф. Дубровин, «...своеволие первого Консула вызвало протест всей Европы, но на защиту его явилась русская печать».¹⁸

Международная обстановка принесла вскоре очередные лавры Бонапарту: истощенная длительной войной Англия пошла на мирные переговоры с Францией. 27 марта 1802 года был подписан знаменитый Амьенский договор между Францией и ее союзниками Испанией и Батавской республикой, с одной стороны, и Англией – с другой. Вторая антифранцузская коалиция распалась. «Вестник Европы» следил за развитием событий Амьенского конгресса и в апреле опубликовал отзывы об очередном успехе французского правительства.¹⁹ Однако мир оказался недолговечным. Продолжающаяся французская экспансия и нежелание Англии оставить Мальту привели к новым осложнениям международной ситуации. В решение вопроса о Мальте оказалась втянутой и Россия. Русская общественность выразила поддержку Франции, – агрессия со стороны Англии казалась более реальной: «Можно полагать, что Англия, а не Франция начнет войну и даст ответ человечеству за новые бедствия людей».²⁰

Новую войну в мае 1803 года действительно начала Англия: в лучших пиратских традициях она захватила 1200 французских и голландских торговых кораблей, стоявших в разных портах мира. Действия Наполеона были ответными (он наложил эмбарго на английские суда и товары в портах Франции и ее вассальных республик), но тесная взаимосвязь российской и английской экономики стала перевешивать в русской дипломатии. Еще до изменения курса правительства переменялось и настроение общественности. Ряд мер Первого консула, направленных на укрепление собственной власти, рассеяли туман над его романтическим образом.

Первые нотки нарождающегося разочарования промелькнули в «Вестнике» еще в 1802 году. Недоумение у общественности вызвало учреждение Почетного Легиона – это был шаг человека, стремящегося к неограниченной власти и осознающего ее близость, создающего свою собственную элиту, пусть и на республиканских началах.²¹

После заключения мира в Амьене президент Трибуната предложил своим коллегам выразить желание, чтобы генералу Бонапарту был дан «блестящий залог национальной благодарности».²² В результате недолгих споров и тонкой политической игры Первого консула было предложено обратиться к народу с вопросом: не должен ли Бонапарт быть утвержден в своем звании пожизненно? Наполеон Бонапарт от имени французского народа был провозглашен пожизненным Первым консулом. В тот момент Карамзин нашел еще возможность оправдать действия Наполеона: «Бонапарте имеет право быть властолюбивым, а мы не имеем права укорять его властолюбием. Не народ французский, а Провидение поставило сего удивительного человека на степень такого величия...»²³

Приняв из рук народа новую власть, Наполеон выразил пожелание, чтобы соответственно с этой переменой были произведены необходимые изменения в конституции. 16 термидора X года (4 августа 1802 года) был принят Органический сенатус-консульт, известный как конституция X года. По этой конституции власть Бонапарта делалась не только пожизненной, но и наследственной: он получал право представить Сенату своего преемника.

Но сильная консульская власть не противоречит политической доктрине Карамзина, и в январе 1803 года он еще находится под властью обаяния Бонапарта: «... Он, умертвив чудовище Революции, заслужил вечную благодарность Франции и даже Европы. В сем отношении будем всегда хвалить его, как великого Медика, излечившего головы от опасного кружения...»²⁴

Активная дипломатия Наполеона вскоре усилила угрозу изменения положения на Балканах и в Германии, что вызвало среди окружения Александра I активизацию сторонников заключения союза с Англией. Тем не менее, окончательного поворота в курсе русского правительства в 1803 году еще не произошло. Александр выбрал тактику, ко-

торая на тот момент позволяла уклоняться от вступления в войну, вмешиваясь в европейские дела лишь тогда, когда они затрагивали непосредственные интересы России. Но тон публикаций в прессе сменился – даже в «Вестнике Европы». Связано это с политикой самого Бонапарта, все более расширяющего экспансию за пределами Франции и авторитарную власть – внутри страны.

Уже в октябрьском номере 1803 года появляются отзвуки правительственных сомнений: «Страшные приготовления французов уверили Европу, что Консул действительно и непременно хочет завоевать Великобританию...»²⁵. «Мы, частные люди, не знаем тайн кабинетов, но холодность между одной сильной Державой и Францией обнаруживается весьма явно и должна иметь важные следствия».²⁶

В «Вестнике Европы» 1802–1803 гг., сквозь последовательное изложение позиции по отношению к Наполеону Бонапарту, проступает политический идеал государственного устройства, каким его видел Н.М. Карамзин. Во главе Франции стоит политик, умело использующий внутреннюю ситуацию в стране для обеспечения ее процветания и упрочения собственной власти. Наполеон использует дарования и деловые качества членов правительства для достижения всеобщей цели, играет на личных недостатках министров, сталкивает их интересы, и в конечном итоге – возрождает экономику, примиряет различные слои общества и добивается признания Консульской Франции другими державами. Первый консул имеет неограниченную власть и решает фактически все государственные вопросы. Демократия уничтожается как недопустимая для общественного блага. Вырисовывается система президентского правления с неограниченными прерогативами президента в исполнительной и законодательной сфере.

Карамзин издавал «Вестник Европы» в период весьма благожелательных политических отношений между Россией и Францией. Хотя Александру не приходилось контролировать отечественную печать так, как это делал Наполеон, считавший типографию своего рода оружейным арсеналом, все же анализ периодических изданий России начала XIX века показывает, что тон публикаций о Наполеоне всегда зависел от того, в каких отношениях находились Франция и Россия. В этом отношении «Вестник Европы» Карамзина – интереснейшая веха в развитии отечественной журналистики: он наглядно демонстрирует случай удачного совпадения правительственного курса и мнения издателя. Кроме того, Карамзин не только анализирует происходящее в Европе (оправдывая название журнала), он словно использует личность и политику Наполеона как показательный пример для Александра I. Пропаганде консульского режима русский издатель уделяет гораздо больше внимания, чем поддержке курса либеральных намерений собственного государя.

Статьи Карамзина иллюстрируют изменение взглядов на Наполеона значительной части образованного дворянства. Вскоре после принятия Наполеоном титула императора Карамзин сообщит брату Василию Михайловичу в письме: «Политические новости вам известны по газетам. Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы».²⁷ Но политика Консульства, отраженная на страницах «Вестника», удостоилась высокой оценки издателя, более того – она отражала его идеал государственного управления.

Источники и литература

¹ Подробнее о наполеоновском мифе см.: Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России. / Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. М., 2003. С. 174–194.

² Дубровин Н.Ф. Наполеон в современном обществе и в русской литературе. // Русский Вестник. 1895. № 2–6; Дубровин Н.Ф. Попытки борьбы с Наполеоном при помощи периодической печати. // Русская старина. 1903. Т. 113. № 3; Сироткин В.Г. Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник. // История СССР. 1976. № 4. С. 77–97; Наринский М.М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе. // История СССР. 1990. № 1. С. 126–138.

³ Неустроев А.Н. Исторические разыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб, 1875. С. 855.

-
- ⁴ Карамзин Н.М. К читателям Вестника. // Вестник Европы. 1803. Часть XII. № 23–24. С. 281.
- ⁵ Гиппиус В.В. Вестник Европы. 1802–1830 гг. // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 43. Вып. 3. Серия филологических наук. С. 210–229.
- ⁶ Подробнее см.: Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803). // Ученые записки Тартуского университета. 1957. Выпуск 51. С. 122–162; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.
- ⁷ Лотман Ю.М. Колумб русской истории. // Н.М. Карамзин. История государства Российского. М., 1988. Книга IV. С. 9.
- ⁸ Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803). // Ученые записки Тартуского университета...; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 281–287.
- ⁹ Жоффруа Ж.Л. Новая политика: насмешка над французской политикой. // Вестник Европы, 1802. Часть I. № 3. С. 1–7; Жордан К. Истинный смысл народного согласия на вечное Консульство Наполеона Бонапарте. // Вестник Европы, 1802. № 22, 23.
- ¹⁰ Вестник Европы, 1802. Часть I. № 1. С. 77
- ¹¹ Вестник Европы, 1802. Часть I. № 1. С. 77.
- ¹² Там же. С. 77.
- ¹³ Там же. С. 72.
- ¹⁴ Вестник Европы, 1803. Часть XI. № 17. С. 79.
- ¹⁵ Вестник Европы, 1802. Часть III. № 10. С. 155–159.
- ¹⁶ Вестник Европы, 1802, Часть III. № 11. С. 245–253.
- ¹⁷ Вестник Европы, 1802. Часть I. № 3. С. 98.
- ¹⁸ Дубровин Н.Ф. Наполеон в современном обществе и в русской литературе. // Русский Вестник, 1895. № 2. С. 201.
- ¹⁹ Вестник Европы, 1802. Часть II. № 8. С. 371–378.
- ²⁰ Вестник Европы, 1803. Часть VIII. № 8. С. 344.
- ²¹ Вестник Европы, 1802. Часть IV. № 15. С. 242–243.
- ²² Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время: в 7 т. СПб, 1894. Т. IV: Консульство, Империя и Реставрация. С. 95.
- ²³ Вестник Европы, 1802. Часть III. № 11. С. 270.
- ²⁴ Вестник Европы, 1803. Часть VII. № 1. С. 78.
- ²⁵ Вестник Европы, 1803. Часть XI. № 19. С. 254.
- ²⁶ Вестник Европы, 1803. Часть XI. № 20. С. 318.
- ²⁷ Из писем к В.М. Карамзину. 1795–1826 гг. // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 223.

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В 1905-1907 ГГ.

А.В. Ошарин

С началом революции 1905–1907 гг. в России так называемый рабочий вопрос занял центральное место в политической борьбе не только партий и правительства, но и в промышленности. Для правительства он стал головной болью. Для промышленников рабочий вопрос был старой проблемой. Но теперь, получивший политическое выражение, он потребовал «политики» и от самих предпринимателей.

В эти годы петербургских предпринимателей представляло их главное объединение – Петербургское общество содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности (далее – ПОСУ). С октября 1906 года правопреемником ПОСУ становится Петербургское общество заводчиков и фабрикантов (ПОЗиФ).

Обстановку того времени передает отчет ПОСУ за 1905 год: «Возникшее в самом начале января месяца рабочее движение быстро охватило все петербургские заводы и фабрики. Уже 11 января в Собрании заводчиков и фабрикантов (такие собрания происходили ежедневно) было выяснено, что, кроме Экспедиции заготовления государственных бумаг, все заводы и фабрики, как частные, так и казенные, остановлены... почти повсюду рабочими представлены категорические требования по разным вопросам фабричной жизни, причем требования эти отличаются своей крайностью, стереотипной однородностью, искусственностью. ...Выяснилось также, что в рабочем движении активное участие принимала небольшая часть, большинство же вовлекалось пассивно или даже понуждалось к участию насильем и угрозами. Эти обстоятельства, вместе с удивительной одновременностью и внезапностью возникшего движения, указывали ясно, что движение возникло не в среде рабочих отдельных заведений на экономической почве, а организовано руководится извне мотивами политическими».¹ Еще 6 января 1905 года в Министерстве финансов обсуждалось положение на Путиловском заводе в связи с последними требованиями рабочих. В проекте записки петербургских заводчиков, составленной А. Е. Винтергальтером на имя министра финансов В. Н. Коковцова 15 января, авторы просили исходатайствовать у царя «о доставлении рабочим законных способов заявлять о своих нуждах», для чего учредить при правительстве комиссию, в которой были бы представлены «сведущие люди как от заводчиков, так и от рабочих». Действительными причинами движения рабочих, согласно записке, являлись «не одни экономические основания».² Уже 16 января 1905 года В.Н. Коковцов советовал Николаю II пойти на известные уступки рабочим требованиям, чтобы тем продемонстрировать «попечительное отношение» к ним правительства.³ В частной промышленности такие уступки были возможны только с согласия самих промышленников. Другой путь, законодательный, требовал времени и стоил бы власти престижа. Поэтому для самодержавия было выгодней «обоюдное примирение» сторон: хозяев и рабочих, чем принудительное регулирование их отношений при взаимном недовольстве тех и других.

7 ноября 1905 года последовала нижеследующая декларация, подписанная владельцами 72 металлообрабатывающих заводов петербургского промышленного района.

«Собрание единодушно высказалось против 8-ми часового дня, как ведущего к полному разорению частных заводов, а вследствие этого и к лишению заработка самих же рабочих.

1. На заграничных заводах Западной Европы вполне выяснилось, что производительность труда рабочего при сокращении рабочего дня может удержаться только тогда, если одновременно с этим улучшаются и заводские машины, а на замену машин нужны большие капиталы. Вот почему в европейских странах рабочий день уменьшался лишь весьма постепенно, когда этому благоприятствовали выгодные торговые обороты. Однако же теперь за границей, кроме Англии, на механических заводах достигли

лишь 10 и 10,5-часового рабочего дня; на металлургических же заводах, где работа, прежде всего, зависит от выпуска печей, работают повсеместно на 2 смены по 12 часов в каждой.

2. Производительность русского рабочего значительно ниже иностранного, как показывают цифры сравнительной стоимости изделий, изготовляемых на одного рабочего в год. Продолжительность рабочего дня в России несколько не больше, чем в Западной Европе. С учетом же праздничных дней и более раннего окончания работ в кануны праздников получается: в России на огромном большинстве петербургских механических заводов в год приходится от 2 700 до 2 800 рабочих часов, а за границей – от 2 800 до 3 050 часов. По доходности русские заводы в положении гораздо худшем, чем за границей: в России механические и металлургические заводы дают на круг только 3% дохода. При такой малой доходности уменьшение рабочего дня приведет многие заводы к полному разорению ... в результате многие рабочие совсем останутся без работ.

3. Почти все заводские материалы у нас стоят много дороже, чем за границей».

4. Быт рабочих, «несомненно, много улучшат законопроекты государственного страхования рабочих на случай старости и болезни, но в то же время значительная доля денежных взносов ляжет на заводчиков и тем самым обременит заводы новым налогом, который не несет большинство иностранных заводов.

5. В настоящее время преобладающий класс населения в России – крестьянство – испытывает большую нужду, а удорожание заводских товаров, которое, несомненно, наступит при сокращении рабочего дня, еще более увеличит тяжесть положения нашего крестьянства».⁴

Эта чисто экономическая декларация, носившая узкоотраслевой отпечаток, послужила примером для предпринимателей в других отраслях. «Фабриканты и заводчики – сообщала «Торгово-промышленная газета», – тесно сплотившиеся вокруг СПб общества для развития фабрично-заводской промышленности («Общество фабрикантов»), проявляют в настоящем вопросе небывалую до сего времени стойкость и согласованность в действиях, причем наиболее организованной является группа машиностроительных и металлургических заводов. Эта группа и самая многочисленная по числу заводов и задолженных рабочих, которой предстояло принять на себя первый натиск рабочего движения за 8-часовой рабочий день».⁵ За металлистами последовали писчебумажные фабрики петербургского округа Союза писчебумажных фабрикантов, заявившие, что «если к такому сокращению будут вынуждать сами рабочие, то решено фабрики закрывать», а также владельцы зеркальных, стеклянных и лесопильных заводов.

Борьба с рабочим социализмом в октябрьско-ноябрьские дни была выиграна ценой единства предпринимателей. Однако этот отпор давал промышленникам лишь временную передышку, не обещая стабильности. В связи с Манифестом 17 октября для предпринимателей возникал целый ряд проблем:

- политическое самоопределение;
- выборы в Государственную Думу;
- необходимость организации на профессиональном, региональном и, наконец, всероссийском уровне;
- подготовка к обсуждению министерских законопроектов и выработка контрпроектов;
- развитие представительства в правительственных совещаниях, комиссиях и учреждениях.

Рабочий вопрос занимал во всех областях, кроме представительства, центральное место. Рабочее законодательство являлось одинаково важным для всех отраслей петербургской промышленности и в этом смысле побуждало промышленников к объединен-

ной работе. Эта работа была достаточно сложной и напряженной, так как проходила в обстановке непрерывного политического кризиса, слабости верховной власти и, кроме того, изоляции предпринимателей в общественной среде.

Одним из первых в ПОСУ был рассмотрен законопроект «Об изменении карательных статей закона, касающихся стачек и досрочных расторжений договоров о найме». В записке (ноябрь 1905 года), составленной на этот счет и направленной министру юстиции, заявлялось, что «промышленность нисколько не заинтересована в применении уголовных кар, в случаях нарушения рабочим гражданских прав работодателя, но лишь заинтересована в ограждении этих прав». Согласно циркуляру МВД от 12 августа 1897 года, стачки были запрещены, а их участники преследовались как уголовные преступники. Авторы записки предлагали отменить «все запрещения и карательные постановления против промышленников и рабочих, касающиеся стачек и соглашений с целью добиваться выгодных условий рабочей платы и обстановки труда, в особенности путем прекращения работ или расчета рабочих». Уголовные меры они предлагали лишь в случаях, когда стачки сопровождались насилием над личностью и имуществом.⁶ Вообще же, добиваясь получения прав на досрочное расторжение договора о найме и удержание денежных залогов с рабочих в случае нарушения ими договора, предприниматели, тем не менее, стремились оставить широким поле свободных соглашений с рабочими на основе доброй воли сторон и без участия властей. Эта общая для всех частнопромышленных ходатайств тенденция видна на многих примерах.

В замечаниях Совета ПОЗиФ на проект Министерства торговли и промышленности «Правил о найме» (декабрь 1906 года) «красной нитью проводится необходимость перехода от подробной регламентации отношений промышленников и рабочих и административной над ними опеки на новый путь, открывающий рабочим и нанимателям возможность свободной самостоятельности». В ответ на министерский проект страхования рабочих, для чего предусматривалось учреждение Главного страхового управления, в другой записке говорилось: «Для успеха дела желательно, чтобы правительственное вмешательство ... было как можно тесней ограничено и не выходило из пределов контроля, необходимого в целях государственных, все же остальное могло бы быть возложено на центральный объединяющий страховые товарищества орган, который должен состоять исключительно из представителей товариществ и действовать на основании устава, как общественное учреждение».⁷

14 декабря 1906 года открылись работы Особого совещания по рабочему законодательству под председательством министра торговли и промышленности Д.А. Философова. От ПОЗиФ в нем приняли участие С.П. Глезмер, Э.Л. Нобель, И.А. Дурдин, А.А. Вежбицкий (Вержбицкий), Б.А. Эфрон, от Петербургского общества взаимного страхования рабочих от несчастных случаев М.Н. Триполитов, А.А. Жуков, А.Д. Лебедев, Н.П. Шапкин. Вопросы совещания обсуждались следующие: о больничных кассах в связи с врачебной помощью; о страховании рабочих от несчастных случаев; о найме рабочих; об ограничении труда малолетних и подростков; о запрещении женского труда в ночное время; о сверхурочных работах. Принципы, которыми руководились петербургские предприниматели, становятся понятными из тех коротких пометок, которые делал М.Н. Триполитов в ходе совещания.

Об организации больничной помощи рабочим: «Почему хотят возложить все на фабриканта. Раз навсегда решить вопрос честно и ясно без ... [неразборчиво]. Идеальное решение вопроса – На ком общественное врачевание [то есть, не на одних промышленниках, а на всех общественных организациях, в этом случае земских и городских]. Участие промышленников в общих налогах [они и без того платят земские налоги]. Все может быть переложено на общественные органы, именно все [подчеркнуто в тексте] и лишь в виде исключения оставить приемные пункты (Германия) [т.е. приемные медицинские пункты при заводах и фабриках за счет промышленников, как в Гер-

мании]. Дополнительная помощь в виде денежной повинности. Фабрикант же возвращает эти расходы в больничные кассы (1/3). Не все ли равно». Из этой записи можно понять, что промышленники считали необходимым такое распределение налогов, при котором расходы равномерно несли и органы местного самоуправления, и фабриканты, и рабочие.

По вопросу нормировки рабочего дня. «Постепенность подкупает и ... принцип. [видимо, имея в виду постепенность ограничения рабочего дня] Критериум для суждения о границах. [в России по сравнению с Западом]

Наши неблагоприятные условия.

Холодный климат.

Дорогое оборудование.

Дорогие деньги.

Нельзя себе связывать руки нормами дня. Не законодательно должен регулируемый день, а условия работы [так в тексте]. Министерство [ограничивает], а потом? Мы уступаем напору событий, но регламентировать уступки нельзя. ... Мы имеем разнообразие производств и нам надо свободу. И мы думаем, что это выгодно. Но не надо связывать себе рук. Самосознание очень хорошо. Регламентировать уступки. Возврата нет».⁸

На первом же заседании С.П. Глезмер предложил провести различие в обсуждении между вопросами, «которые имеют под собой экономический фундамент и ... теми, которые диктуются политической агитацией». К последним он относил, например, страхование от старости. «Необходима осторожность». Положение промышленности «представляет печальную картину».⁹

Участники совещания единодушно сошлись на необходимости страхования рабочих от несчастных случаев. Разногласия возникали в отношении организации (формы) страхования и сроков его введения для всех отраслей промышленности. Наиболее приемлемой формой страхования промышленники считали организацию страховых товариществ, в которых объединялись сами владельцы. Меньшинство из них находило выгодным производить страхование в страховых компаниях на коммерческих началах. Сроки введения страхования обнаружили большие расхождения. Московский биржевой комитет (Г.А. Крестовников) и ПОЗиФ высказались за пятилетний для всей России срок, другие, как, например, горнопромышленники Юга России, – с момента опубликования закона и без всяких ограничений для отдельных мест, третьи – сначала в важнейших районах, а в остальных постепенно.¹⁰ В этих расхождениях сказывалась серьезная разница в положении отраслей промышленности, местных условиях труда и величине предприятий.

В отношении к вопросам об условиях расторжения договора о найме и сокращения рабочего дня петербургские представители оказались самыми требовательными на совещании. Министерский проект предполагал предупреждение владельцем рабочих о расторжении договора о найме в двухнедельный срок, который мог быть сокращен до трех дней. Но и 3-х дневному сроку предупреждения ПОЗиФ резко воспротивилось, считая эти три дня «премией для неисправного рабочего» (А.А. Вежбицкий), которую наниматель оплатит рабочему, вместо немедленного избавления от него. Предупрежденный об увольнении рабочий может бросить работу с момента предупреждения, а работодатель, несмотря на это, обязан будет оплатить ему прогульное до увольнения время. По словам М.Н. Триполитова, «свобода взаимного договора нарушается введением *minimuma* в три дня ... оговорка о «трех днях» ставит рабочих в привилегированное положение». Рабочий и так не несет никакой материальной ответственности за нарушение договора о найме. Совет ПОЗиФ считал необходимым ввести в закон неустойку из зарплаты рабочего за самовольно брошенную им работу.¹¹ Вежбицкий разъяснял, что «очевидно, что в некоторых производствах и рабочие должны быть ограниче-

ны условиями найма в праве досрочного самовольного ухода с работ. Например, при пивоварении внезапное прекращение работ ведет к тому, что пропадет солод и испарится затор пива. Доменные печи при сталелитейном деле, покинутые рабочим, дают убытки в десятки тысяч рублей, ибо вся расплавленная масса превращается в стальную грудку. Что с нею делать, как спасти печь?»¹²

«Гвоздем», по выражению газеты «Страна», настоящий петербургских представителей явился вопрос о праве хозяина рассчитывать всех рабочих при остановке работ в одной части предприятия, вследствие действия непреодолимой силы или вследствие забастовки. Профессор И.Х. Озеров возражал против такого права: «Фабриканты, конечно, не пожелают платить рабочим за прогульные дни, ссылаясь на убыточность». Не объясняя, почему фабриканты должны были за нерабочее время все-таки платить, Озеров предлагал решать дело через суд. Представитель польских горнопромышленников В.В. Жуковский упрекал Озерова в незнании порядков на фабрике: «Действительность такова, что в продолжение двух лет повсеместно происходили организованные стачки. Значительная часть их возникла на почве намерений получать плату за ничегонеделание. Промышленники готовы идти на жертвы в пользу рабочих, но несправедливым требованиям их все же нельзя потакать. Фабриканты отстаивают принцип промысловой дисциплины [так в тексте], которая является залогом дисциплины труда». Это замечание было совершенно в духе петербургских заводчиков. Отвечая Озерову, А.А. Вежбицкий называл его защитником забастовок: «С точки зрения государственной стачки допустимы лишь в крайних случаях, но не в любой момент. Рабочие перед забастовкой должны своих хозяев предупреждать; в противном случае дело сведется к самоуправству».

Настроения предпринимателей хорошо передает такое заявление М.Н. Триполитова об оплате работ пассивно бастующим рабочим: «Честные работники не станут получать платы за прогульные дни. Этих честных рабочих со времени Зубатова и Гапона побуждают к ряду хищений. Мы все трудимся, и никто из нас не думает быть вознагражденным за ничегонеделание».¹³ Выступавшие Э.Л. Нобель, Б.А. Эфрон, М.Н. Триполитов, «из принципа поддержания дисциплины», вносили поправку к закону о предоставлении фабрикантам возможности закрывать заведение при самом начале возникновения каких-либо беспорядков, не платя в то же время рабочим за время остановки завода. Такая угроза, по их мнению, неминуемо послужит побудительной причиной для рабочих по возможности не нарушать порядка на фабрике.¹⁴ Дополняя министерский законопроект, они предлагали внести в него указание случаев насилия одних рабочих над другими. В проекте ПОЗиФ такие «элементы насилия» приводились подробно: угроза или употребление насилия к рабочему, его жене или детям, а также ущерб его имуществу; настойчивое преследование его повсюду; хищение орудий (инструмента), одежды или иной собственности рабочего или лишение его таковых; осада дома или пути к нему рабочего; преследование его по улицам и дорогам. «Пора, – говорил А.А. Вежбицкий, – дать рабочему гражданское равноправие. А равноправный должен быть равноответственным. Тогда русский рабочий не будет парием! Только на этом пути можно основать светлое будущее России! ...Скажите, пожалуйста: ведь русский крестьянин еще беднее русского рабочего. Однако какую он несет гражданскую ответственность? Надо во что бы то ни стало установить нормы этой ответственности. Этим, и только этим, мы сослужим хорошую службу русскому государству!»¹⁵

Ограничение труда малолетних возрастом от 12 до 15 лет, по проекту министерства, не нашло полной поддержки заводчиков. Ю.П. Гужон добивался понижения возрастной планки малолетних до 14 лет, а для подростков до 16 лет, при министерском ограничении до 17 лет. Э.Л. Нобель отвечал относительно сокращения детского труда: «К нам люди обращаются взять их детей на работу; мы их берем, а возраст для нас безразличен». По его утверждению, такое сокращение вызовет понижение заработка

взрослых и, следовательно, слабую обеспеченность рабочих семей. «14-летний возраст – самый впечатлительный и, лодырничая в этом возрасте, малолетние затем превращаются в хулиганов», каковых среди русских рабочих абсолютное большинство.¹⁶ За разрешение ночных работ женщинам и подросткам высказались Лодзинский комитет торговли и мануфактур, представители Риги, Иваново-Вознесенска и Москвы.

Профессора И.Х. Озеров и В.Г. Яроцкий отстаивали необходимость нормирования труда и уменьшения продолжительности рабочего дня, потому что «у нас при отсутствии организаций и союзов необходимо вмешательство в этом вопросе правительства, которое должно стать на сторону более слабой стороны, то есть рабочего, мы должны следовать примеру Франции и нормировать время». Озеров упрекал фабрикантов за то, что они пользуются западноевропейской практикой постольку, поскольку это для них полезно. Лейб-медик профессор Л.Б. Бертенсон выяснял, что «если нормировать даже только вредные по своим условиям и обстановке производства, что делается везде, то у нас к ним подойдут 80% заведений».¹⁷ Э.Л. Нобель «всцело присоединился» к заявлению Ю.П. Гужона, который доказывал, что «русские рабочие в свободное время все равно ничем, кроме пьянства, не занимаются. Профессора напрасно пекутся о рабочих; последние сами великолепно отстаивают свои интересы при помощи профессиональных союзов, мощь которых служит лучшим показателем их значения».¹⁸

Критика министерского проекта коснулась и вопроса страхования рабочих. По выражению М.Н. Триполитова, «...министерство интересовалось, вероятно, не столько вопросом, как организовать дело выдачи пособий, а за чей счет выдавать их». Пособия на случай болезни, проектируемые министерством торговли и промышленности, он определял приблизительно в сумме до 50 миллионов рублей, называя это «новым налогом на промышленность».¹⁹ На это же обращали внимание И.И. Ясюкович и Глезмер, предлагая заменить пособия оказанием врачебной помощи: «Раз выбыл и заболел, какое же ему давать пособие? Это – бессмысленная благотворительность. Да, может быть, он заболел от пьянства ...».²⁰ Практика закона от 2 июня 1903 года о страховании рабочих от несчастных случаев вызвала потоки жалоб промышленников. «Помогите нам избавиться от ежедневных тысячами возбуждаемых мелких пререканий, – взывал С.П. Глезмер. – Мы изнемогли от последних, они раздражают и нас и наших рабочих и нарушают те добрые отношения, которых мы добиваемся. Мы спорим теперь с рабочими, принципиально желая положить предел беззастенчивой эксплуатации наших карманов; входим в суды по искам в сумме каких-либо 4 руб., и эти мелкие дела, которых набирается свыше 85 % всей процедуры по вознаграждению пострадавших, ежедневно растут и растут. Снимите с нас эту обузу!»

Выход промышленники находили в том, чтобы выдачи пособий рабочим возложить на страховые кассы с их участием и управлением. Тогда «рабочие сами прекратят злостные симуляции болезней своих товарищей, строже будут разбирать каждый незначительный несчастный случай, да и самые случаи уменьшатся в числе».²¹

Вопрос о нормировании рабочего дня вызвал новые прения и прежние аргументы. Министерство предлагало узаконить 10,5 часовой рабочий день на том простом основании, что он фактически сложился за время революции. М.Н. Триполитов повторял, что «путь уступок, притом нужде не назревшей, есть путь опасный и скользкий ... все это отразится на потребителе». Так же и «едва ли рабочие останутся довольны и 10, 5 часами, так как желания их сводятся к 9-часовому рабочему дню». Он допускал понижение продолжительности рабочего дня в случае международного соглашения, а не отдельно для России. На совещании при совете съездов представителей промышленности и торговли 12–20 декабря представители ПОЗиФ, несмотря на различия региональных объединений в этом вопросе, остались при своем мнении, «находя проведение в законодательном порядке 10,5 рабочего часового дня самоуничтожением». Солидарности в этом кардинально важном вопросе промышленникам разных регионов достигнуть не

удалось. Голоса разделились примерно поровну. В пользу правительственного 10,5-часового рабочего дня высказались горнопромышленники Царства Польского и Юга России (Авдаков), не возражали в принципе горнопромышленники Урала. Против – представители ПОЗиФ (С.П. Глезмер), Московского биржевого комитета (Ю.П. Гужон), но с оговоркой о постепенном ограничении в течение 5 лет. Однако многие в этом вопросе воздержались, а те, кто соглашались, заявляли, что делают это по причине неизбежности. Неожиданностью стало заявление председателя совета съездов представителей промышленности и торговли В.И. Тимирязева на заседании особого совещания 22 декабря 1906 года: «Максимум в 10,5 часов, проектируемый министерством, это, конечно, уступка, но уступка необходимая. Правительство должно считаться с обстоятельствами. Рабочий наш сбит совершенно с толку агитацией, с одной стороны, и непоследовательностью действий промышленников, с другой. Вот почему правительство поступает хорошо и мудро, выступая на путь улучшения наемного труда, и руководствуется здесь не только существом дела, но и политикой». Свое личное мнение, высказанное им по просьбе самого Д.А. Философова, Тимирязев отдал в пользу 10-часового дня. При этом он заметил, что «вследствие того, что произошло за последние два года, делом государственной мудрости было бы дать рабочим уступку. Это нужно в целях успокоения страны».²² М.Н. Триполитов отреагировал на это заявлением, что «промышленность будет протестовать против положений В.И. Тимирязева, а не одобрять», и заодно заметил для министра, что из 26 совещательных учреждений 25 высказались против нормировки.

Совещание обнаружило резкое расхождение взглядов либеральной профессуры в лице В.Г. Яроцкого, И.Х. Озерова, видных в то время экономистов, с предпринимателями по большинству вопросов. Подобно чиновникам и представителям медицины, деятели науки выражали свое сочувствие положению «рабочего люда», считая предпринимателей настроенными слишком враждебно к его нуждам. Возражая промышленникам, Озеров заявлял, что «фабрика не дисциплинарное, исправительное учреждение, а огромный фактор культуры», и что «всякая оттяжка [вопроса о признании 10,5 часового рабочего дня] поведет к худшим последствиям, и уступить все равно придется, и чем позднее, тем еще больше».²³ Это попечительское вообще отношение к рабочим лишало оппонентов промышленников какой-либо требовательности при оценке положения как промышленности, так и ее представителей.

В ходе революции 1905–1907 гг. рабочий вопрос приобрел непрерывное влияние на ход политической борьбы в стране и на экономические отношения между предпринимателями и рабочими. В этом смысле его значение стало универсальным. Для правительства он был, прежде всего, вопросом политическим. Для общественности, или так называемого общественного мнения, рабочий вопрос выглядел как нравственная проблема. Для предпринимателей он представлялся гораздо сложнее.

Промышленники ясно отдавали себе отчет, что рабочий вопрос не возник сам по себе, вдруг или по злому стечению обстоятельств. Такое понимание у них возникало из того, что они, во-первых, оценивали рабочее движение не отдельно в России, а как процесс всемирной индустриализации, как процесс экономический и всеобщий. Во-вторых, предприниматели не менее ясно представляли последствия проводимой в прежние годы политики самодержавия в рабочем вопросе. Они и сами были свидетелями ее.

Для предпринимателей была несомненной связь рабочего вопроса с общеполитическими причинами, что для правительства совсем не было очевидным, по крайней мере, в первые недели революции. Когда от промышленников ждали все новых уступок, им раньше других приходилось оценивать экономические потери такого согласия. Раньше многих им становилась понятной не только ошибочность такого поведения в отношениях с рабочими, которых они знали лучше других, но и опасность уступок в

такое время, как «смута». Экономическое решение рабочего вопроса предприниматели видели лишь в отдаленном будущем. В этом была основа их «реального консерватизма», их здравомыслия и, очень часто, – молчания.

По-разному смотрели правительство и предприниматели на рабочего. Правительство видело в рабочем движении угрозу для всего политического режима, предприниматели – во многом естественный результат действий самого правительства, но не только в прошлом, но и в настоящем. Политически бесправный рабочий гораздо больше не устраивал предпринимателя, чем самодержавие. Правительство, по мнению промышленников, спешило на уступки, которые с готовностью демонстрировало и на казенных заводах, и в законодательстве. Такая политика, однако, только усложняла положение предпринимателей в их отношениях с рабочими.

Понять позицию предпринимателей в рабочем вопросе очень не просто. С их стороны многое оставалось невысказанным, недоговоренным. Невозможно было, например, выступать против рабочего законодательства. Однако в условиях революции им приходилось подчеркивать снова и снова, что принимать решения в обстановке шантажа, угроз и насилия со стороны рабочих нельзя. Для внимательных и опытных деятелей было очевидно, что требования рабочих не просто внушаются им, а не имеют позитивного содержания. В таком измерении становилось очевидным и то, что рабочие, быстрее всего, не удовлетворятся ни данными им даже широкими уступками, ни отдельным для них законодательством. Борьба рабочих с политическим режимом, который олицетворяло собой самодержавие, велась не для диалога с властью, а до полного отрицания его институтов и, следовательно, законов. Но предприниматели не теряли надежды, что изменить умонастроения рабочих можно будет, если власть проявит твердость и решимость в деле правовых и культурных реформ в рабочем вопросе, но при этом оставит опасную политику заигрывания с рабочими, потакая их представлениям о справедливости. Отсюда постоянные напоминания об осторожности и последовательности.

Предприниматели не могли открыто заявлять, что нужна сильная, а не уступчивая власть, так как рисковали оказаться обвиненными в поддержке того бюрократического режима, который привел страну к «смуте». Декларировать свои политические взгляды предпринимателям всегда было проблематично, но в периоды политических кризисов и борьбы даже рискованно. В их адрес всегда находилось достаточно обвинений и подозрений. На промышленников смотрели в обществе как на скрытых реакционеров, классово ограниченных людей, не желавших признавать большего, чем интересы капитала и сиюминутной выгоды. Промышленникам, со своей стороны, бессмысленно было пытаться опровергать такое отношение к ним. Заинтересованность и предвзятость их в рабочем вопросе невозможно было отрицать. Категоричность предпринимателей в рабочем вопросе только подтверждала бытовавшие на них взгляды. Предприниматели и не считались опорой правительству в проведении рабочих реформ. Скорее, наоборот, они являлись, и по общему мнению, и на деле, противниками правительства в их проведении. Следуя логике некоторых органов печати, обвинявших фабрикантов в спекулировании фактом отсутствия рабочих союзов в совещании Д.А. Философова, владельцы должны были бы протестовать, а не сетовать, или же и вовсе покинуть бюрократическое совещание. Оппозиционность предпринимателей была, конечно, далека от солидарности с рабочим социализмом.

Если комиссия Н.В. Шидловского в феврале 1905 года была провалена политическими требованиями рабочих, то комиссия В.Н. Коковцова (май 1905 года) – стремлением промышленников не предрешать рабочего вопроса до начала работ ожидавшейся Государственной Думы. Только в апреле 1906 года в совещании под председательством М.М. Федорова началось обсуждение рабочих реформ с участием промышленников. Промышленникам приходилось пережидать события и вместе с тем искать общую платформу для общеимперского объединения.

Однако, как бы то ни было, никто, как промышленники, не мог оценить общее состояние их предприятий и промышленности в целом. Их компетентность, а не только заинтересованность, не вызывали сомнений. Нельзя было и не считаться с их отношением к рабочим. Невозможно было отрицать, что рабочие мало восприимчивы к своим обязанностям, что отсутствие всякой культуры, безграмотность и готовность следовать чисто эмоциональной агитации будут препятствием к решению вопроса при любом «ограждении прав рабочего». Аргументы промышленников исходили из практики, они не были теоретическими. Однако правительство не могло позволить себе солидаризоваться с мнениями предпринимателей, так как играло роль арбитра между хозяевами и рабочими. Если промышленники стремились к сохранению свободы соглашений с рабочими, то для правительства этот путь едва ли казался возможным. Улучшить положение рабочих, и главным образом материальное обеспечение их, чиновники предполагали на первое время за счет промышленников. В этом смысле Министерство финансов, а затем и Министерство торговли и промышленности явно форсировали весьма одностороннее решение вопроса. Для промышленников такая постановка дела оказалась принципиально недопустимой.

Свои взгляды петербургские промышленники обосновывали законом спроса и предложения. Для них не было сомнения в том, что в промышленном отношении Россия давно уже следует путем всего западного мира. Они были уверены в очередности этого пути, считая за образец Германию. Покровительство, которое оказывалось промышленности в России столько лет, теперь, как они считали, ставится под удар законами, которые потребуют огромных расходов от предпринимателей. В международной конкурентной борьбе такие требования еще больше ослабят позиции отечественной промышленности. Страховые и больничные расходы они считали скрытой формой налогообложения, которое всецело ляжет на отечественную индустрию. Опасения предпринимателей не стоит воспринимать только буквально. Для них был важен прецедент и та тенденция, которые создавались действиями правительства. Одним из главных тезисов промышленников оставался тот, что рабочие не готовы выражать свои подлинные нужды в обстановке насилия и политической борьбы. Для предпринимателей это означало постепенность в реформах, обязательную выборность от рабочих и легализацию таких прав, как свобода стачек, профсоюзов и объединений. Но, помимо этого, они считали невозможным проводить рабочие реформы изолированно от других сословий. Собственно рабочие представляли собой в большинстве своем крестьян, устройство которых в городе было только частью их быта. Выделение рабочих из жизни всего неустроенного крестьянства в целом не решало вопроса их гражданского бытия. Деревня была не менее взрывоопасной. Отсюда вытекало, что оба вопроса, аграрный и рабочий, взаимосвязаны и должны решаться не по отдельности. Промышленники предлагали ввести страхование как для городских, так и для сельскохозяйственных рабочих.

Однако 1906–1907 гг. принесли новые разочарования. Деятельность I-й и II-й Государственных Дум оказалась наполнена обструкциями и экстремизмом. Возникшие было рабочие союзы продолжали политическую деятельность и не признавались правительством. Политическое противостояние и взаимное отрицание сторон исключали диалог рабочих и промышленников. Рабочие не имели собственного представительства в отношениях с предпринимателями. Воздействовать на рабочих последним не удавалось, подтверждением чему служит полная неудача с распространением среди рабочих газеты «Новый путь», субсидируемой самими промышленниками. Таким образом, и в 1905, и в 1907 году, решая рабочий вопрос, предприниматели решали его один на один с правительством.

Неуступчивость предпринимателей в ряде вопросов, но особенно в вопросе дальнейшего ограничения рабочего дня, становится более понятной, если принять во внимание общую атмосферу в промышленности Петербурга. Столичная промышленность

переживала длительный кризис. С окончанием войны с Японией, в обстановке бесконечных забастовок и политической анархии, у предпринимателей было достаточно сомнений и пессимизма для самых мрачных прогнозов. Тем более, что петербургская промышленность была наиболее тесно связана с обслуживанием государственных нужд. Среди всех промышленных центров империи Петербург выделялся и величиной, и многообразием заводов и фабрик, их теснотой и соседством. В 1906–1907 гг. ни состояние государственных финансов, ни цена ожидаемых расходов на реформы не внушали уверенности. Петербург с его тяжелой индустрией, как никто другой, зависел от политики будущего. Эта перспектива не просматривалась в годы первой революции. Едва ли случайным выглядит тот факт, что промышленники Петербурга, представлявшие очень разные и многочисленные отрасли, встали на путь объединения немногим раньше большинства промышленных городов Империи, но одними из первых организовались в составе крупнейшей межотраслевой организации. При всей неотложности такого объединения оно должно было иметь прочную основу.

Организованное в своих требованиях рабочее движение скоро заставило предпринимателей заняться собственной организацией. При этом, разумеется, промышленники не могли, подобно рабочим, прибегать к насилию и шантажу друг друга ради единства. Им понадобился сравнительно долгий период, чтобы закончить консолидацию на общей тактической платформе в рабочем вопросе. Тем не менее, объединение это было достигнуто. ПОЗиФ отличалось от ПОСУ не столько своим составом или задачами, сколько стремлением промышленников к солидарности и возросшим авторитетом самого объединения. Рабочее движение явилось одной из важнейших причин, которые привели к завершению формирования этого объединения, и придало ему особый характер.

Источники и литература

¹ РГИА. Ф. 150. ОП. 1. Д. 51. Л. 35.

² РГИА. Ф. 150. ОП. 1. Д. 646. Л. 12, 51.

³ Революция 1905 – 1907 гг. в России. М., 1975. С. 60.

⁴ РГИА. Ф. 150. ОП. 1. Д. 51. ЛЛ. 35 – 47.

⁵ Торгово-промышленная газета. 1905. 8 ноября. № 240. С. 2. Рабочий вопрос. Биржевые ведомости. 1905. 8 ноября. № 9096. С.3. Извещение заводчиков.

⁶ РГИА. Ф. 150. ОП. 1. Д. 483. ЛЛ. 55 – 63. Слово. 1905 г. 25 ноября. № 311. С. 3.

⁷ РГИА. Ф. 150. ОП. 1. Д. 494. ЛЛ. 73 – 81, 415.

⁸ РГИА. Ф. 150. ОП. 1. Д. 496. ЛЛ. 121, 130 – 131.

⁹ Слово. 1906. 16 декабря. № 24. С. 3.

¹⁰ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1907. 26 февраля. № 9767. С.3. Страна. 1907 г. 17 декабря. № 241. С.3

¹¹ Страна. 1906. 20 декабря. № 244. С. 3. 22 декабря. № 245. С. 4.

¹² Биржевые известия. 1906. 22 декабря. № 11. С. 4.

¹³ Страна. 1906. 23 декабря. № 246. С. 4.

¹⁴ Торгово-промышленная газета. 1907. 11 марта. № 57. С. 1.

¹⁵ Биржевые ведомости. 1906. 22 декабря. № 9658. С. 1 – 2.

¹⁶ Товарищ. 1906. 24 декабря. № 148. С. 4.

¹⁷ Новое время. 1906. 23 декабря. № 11057. С. 4.

¹⁸ Товарищ. 1906. 23 декабря. № 147. С. 4 – 5.

¹⁹ Торгово-промышленная газета. 1907. 27 февраля. № 47. С.2.

²⁰ Биржевые ведомости. 1907. 27 февраля. № 9768. С. 1.

²¹ Торгово-промышленная газета. 1907. 27 февраля. № 47. С. 2.

²² Новое время. 1906. 23 декабря. № 11057. С. 4. Страна. 1906 г. 23 декабря. № 246. С. 4.

²³ Страна. 1906. 23 декабря. № 246. С. 4.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ. В ТРУДАХ КОНСЕРВАТОРОВ

А.С. Солоусов

Национальный вопрос следует признать одним из самых актуальных для полиэтнического российского государства за все время его существования. Не имея возможности в рамках одной небольшой по объему работы проанализировать весь комплекс проблем, связанных с этой темой, остановимся лишь на некоторых аспектах. Выбрав объектом исследования так называемые «польский» и «еврейский» вопросы в указанный период, проследим правительственную политику в данной области и, главное, выявим позиции видных представителей консервативного направления – журналистов, государственных чиновников, повлиявших на формирование общественного мнения по данным проблемам.

Согласимся с исследователями, выделяющими три типа национальных окраин в XIX веке.

1) Западные национальные окраины (Прибалтика, Белоруссия, Украина, Польша, Финляндия). По своему социально-экономическому развитию они не уступали центральным губерниям, а частично даже превосходили их.

2) Степной Юг и Сибирь – неразвитые в экономическом плане аграрно-сырьевые окраины. При незначительной плотности местного населения они были объектом сравнительно мирной русской колонизации.

3) Центральный Кавказ, Закавказье, Казахстан, Средняя Азия. Эти регионы со значительным процентом проживавшего местного населения постепенно превращались в сырьевую базу и рынок сбыта русских товаров.

К середине XIX в. численность населения империи достигла 61,799 млн. человек, при крайне неравномерной плотности. В 30–40-е гг. наблюдалось увеличение удельного веса русского населения и снижение – украинского и белорусского. Стабильным оставался удельный вес финнов. При этом отмечается резкий рост доли еврейского населения, к концу правления Александра II вышедшего на 5-ое место после славянских народов¹. К началу XX в. ситуация выглядела следующим образом: общая численность населения – 128,924 млн. человек. Первое место по численности занимали славяне, второе - тюркоязычные народы, затем шли поляки, финны, евреи.

Национальная политика в абсолютистском государстве во многом зависела от личной позиции монарха. Царствование Николая I, хотя и с некоторыми оговорками, принято называть «золотым веком русского национализма». При Александре II проведение курса на создание единой и неделимой России сопровождалось некоторыми либеральными уступками. При Александре III, по свидетельству современника, «смещение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства... Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповеданием человека измерялась его политическая благонадежность»². Национализм и русификация окраин стали одними из ведущих принципов политики самодержавия. С их помощью власти пытались сплотить страну перед лицом грозящих социальных и политических потрясений.

В этом же направлении действовали и некоторые представители консервативной журналистики. Лозунгом «Гражданина» князя В.П. Мещерского и «Московских ведомостей» М.Н. Каткова, а позже В.А. Грингмута, стали слова «Россия для русских», подхваченные и другими газетами.

Однако далеко не все консерваторы были согласны с подобными идеями. К.Н. Леонтьев считал национализм и русификацию антигосударственной идеей, ведущей к стиранию различий, а, значит, к демократизации и революционизации окраин.

Не разделяя взглядов К.Н. Леонтьева, многие видные государственные чиновники – И.И. Воронцов-Дашков, П.А. Валуев, А.А. Половцов – критиковали способы решения национальных проблем и в дневниках и воспоминаниях излагали свое видение вопроса.

Известный публицист Л.А. Тихомиров в полемике с религиозным философом В.С. Соловьевым считал нелепым принцип равноправия для народов, принимавших разное участие в создании государства. По мнению публициста, он давал полякам, финнам, немцам легче сплотиться против правительства, которое не нашло бы поддержки и у русской части населения, переставшего считать его своим. С призывом о сплочении против национальных партий обращался к «Русской партии» В.П. Мещерский³.

Как указывалось выше, «польский вопрос» в середине XIX в. был одним из сложнейших в российской национальной политике. После подавления восстания 1830–1831 гг., лишив поляков всякой автономии, в 1835 году Николай I заявил их депутатам: «Принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье». Эта фраза стала своеобразным девизом в отношении польской политики не только николаевского, но и последующих царствований.

Амнистировав, наряду с другими политическими ссыльными, и польских повстанцев, Александр II, тем не менее, в варшавском выступлении 1856 года фразой «Никаких мечтаний» подтвердил неизменность политического курса в этой области.

Е.М. Феоктистов в своих воспоминаниях приводит интересный эпизод. Известный государственный деятель князь А.И. Барятинский в начале 60-х гг. XIX в., опасаясь «страшного бунта в Польше», считал необходимым совсем отказаться от нее, предоставив полную автономию.

Судя по воспоминаниям современников, подобные идеи высказывал не он один. Именно поэтому с таким одобрением пишет Е.М. Феоктистов о твердой позиции царя в данном вопросе. Утверждая, что Польша – это печальное наследство, доставшееся ему от дяди, император заявил о своем твердом намерении не отказываться от него⁴.

При сопоставлении с другими источниками представляется несколько преувеличенной мемуаристом решительность императора, но в целом позиция Александра II в «польском» вопросе отражена верно. Несмотря на ряд вынужденных уступок – указ от 14(26) марта 1861 года о реформе, направленной на восстановление «автономной администрации» в Польше, назначение известного своими либеральными взглядами великого князя Константина Николаевича наместником – царь не остановился перед проведением суровых репрессий и подавил восстание 1863–1864 гг.

Именно либеральные уступки многие консервативные публицисты считали причиной повстанческого движения в Польше. Издатель «Гражданина» князь В.П. Мещерский в своих воспоминаниях утверждал: «Мятеж 1863 года подготовили мы, а воспользовались им для своих глупых бредней поляки... Культ либерализма... ободрял и ...брал под свою протекцию идею национального сепаратизма... Польский мятеж зажгли своею политикой непротivления и непротivодействия, в центре управления – Валуев, а в Вильне, Киеве и в Варшаве – представители русской власти»⁵.

Подобной позиции придерживались и некоторые либеральные деятели. Д.А. Милютин, говоря о настроениях Александра II в 1862 году, писал о борьбе двух начал – консервативного и либерального – и считал, что император склонялся к мысли о предоставлении Польше тех же прав, что и Финляндии. Осуждая при этом отсутствие

здорового смысла у польских лидеров, он порицал и ближайшее окружение царя за «полное отсутствие определенных взглядов на решение польского вопроса». Особенно досталось министру внутренних дел Валуеву и великому князю Константину Николаевичу за симпатии к полякам и увлечение либеральными проектами⁶. Взгляды братьев Николая и Дмитрия Алексеевича Милютиных по данной проблеме заслужили одобрение и Е.М. Феокистова.

Единства во взглядах не было в тот момент и в польском обществе. Сторонники восстания получили название «красных». «Белые» – землевладельцы и крупная буржуазия – рассчитывали добиться восстановления польской независимости дипломатическими методами.

Центральный национальный комитет – центр подготовки восстания (Я. Домбровский, З. Падлевский, З. Сераковский) – заключил соглашение с «Землей и волей» о совместных действиях. Программа ЦК включала ликвидацию сословий, передачу крестьянам обрабатываемой ими земли, восстановление независимой Польши в границах 1772 года, с предоставлением населению Литвы, Белоруссии и Украины права самому решать свою судьбу.

В ходе начавшегося в январе 1863 года восстания пришедшие к руководству «белые» сделали ставку на поддержку западноевропейских держав. Англия и Франция подали царскому правительству ноты с требованием прекратить кровопролитие. Русские войска под командованием генерала Ф.Ф. Берга в Польше продолжали вести бои с повстанцами. В Литве и Белоруссии войсками командовал прославившийся жесткими мерами виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев.

Консервативная печать в это время выступала в поддержку самых решительных мер по отношению к повстанцам. Рупором этих сил стали «Московские ведомости» М.Н. Каткова. Деятельность редактора издания в данный период достаточно изучена, ограничимся лишь рядом замечаний, важных для нашей темы.

Поддержка Польши крупными европейскими державами навела Каткова на мысль о «польской опасности». В мае 1863 года, обращаясь к Валуеву, он утверждал, что «польская, или, лучше сказать, европейская организованная против нас революция не ограничится Польшей и западными губерниями; ее замыслы простираются далее; все употребляется, чтобы расшевелить наш материк, и все оказалось непрочным». «Польские революционные агенты разосланы по всей России: мудрено ли, что они, местами смешавшись с народом, поведут его на помещиков».

В поддержку позиции Каткова в своих исторических этюдах «Польша после 1815 года» и «Польские интриги в первой четверти нынешнего века», написанных в 60е годы XIX в., выступал и Е.М. Феокистов.

«Гражданин» князя Мещерского ратовал за усиление позиций русской православной церкви в крае. Единодушны были консервативные журналисты в негативной оценке деятельности великого князя Константина Николаевича в качестве наместника в Польше. Его обвиняли в отсутствии твердого курса, направленного на укрепление престижа русских властей в крае, заигрывании с поляками в целях приобретения популярности, плохом знании местных условий и легкомыслии, граничащем с мальчишеством, в серьезных вещах⁷.

Сколь велики были нарекания в адрес великого князя, столь же восторженны были на страницах воспоминаний консерваторов отзывы по адресу репрессивной политики М.Н. Муравьева.

Постепенно определилась позиция императора. Отказавшись восстановить сейм, он встал на путь аграрных реформ. В 1864 году крестьянам в Польше за минимальный выкуп была предоставлена земля. В правительственной реформе отчасти нашли от-

ражение аграрные проекты повстанцев. С помощью этих мер центральным властям удалось оторвать крестьян от движения и подавить его.

Последствия восстания 1863–1864 гг. для России в целом, его влияние на усиление конфронтации общественно-политических сил внутри страны, изменение внешнеполитического курса были весьма серьезны. Повлияло оно и на формирование взглядов значительной части консервативно настроенного общества.

Известный журналист и государственный чиновник К.Ф. Головин, как и ряд других государственных деятелей, полагал, что исключительно насильственными методами проблему не решить. В своих воспоминаниях он пришел к выводу о необходимости более взвешенного подхода, призывал к «мирному сосуществованию» с поляками. Публицист указывал на желательность создания таких условий, которые были бы «лучше, выгодней, разумней их прежней самостоятельной жизни». В то же время он считал необходимым «всякую попытку к измене обставить такими грозными трудностями, которые заставили бы призадуматься любого охотника до восстановления отчизны путем восстания». Говоря о невозможности установления полного единства из-за живучести исторических традиций, он критикует М.Н. Муравьева за практику натравливания крестьян на помещиков с целью умиротворения края. Одобрения мемуариста удостоился преемник Муравьева – А.Л. Потапов, доказавший, по мнению К.Ф. Головина, что «русификация – безнадежное дело».

Весьма важными представляются те фрагменты воспоминаний публициста, где речь идет о продолжении дискуссии по поводу задач национальной политики в консервативных кружках и политических салонах в 80-е годы. Вновь говорилось о борьбе двух точек зрения: умеренно-взвешенной и крайне реакционной.

Не возражая против политики русификации как таковой, автор мемуаров считал, что проводится она крайне неумело – чрезвычайно активно в Польше, неуместно пассивно в Остзейском крае. Критикуя сторонников реакционного подхода в решении национальных проблем за средства проведения политики – «подкуп и запугивание», К.Ф. Головин полагал, что таким образом они лишь готовят русскую революцию.

Анализируя борьбу мнений по данной проблеме в конце правления Александра II и в период царствования Александра III, мемуарист утверждал, что позиции сторонников жесткого курса лишь усиливались. Основной их идеей стало «самодержавие чисто русского большинства». Лидером группировки назван К.П. Победоносцев, «человек огромных способностей». Головин считал, что под благонамеренностью в данном случае скрывалось преклонение перед толпой, след которой в истории всегда разрушителен. Подавление же национальных особенностей не сможет привить патриотизма. В своих воспоминаниях он настаивал на необходимости создания единого гармоничного целого с учетом национальных особенностей, при этом опираясь на культурное меньшинство, а не гоняясь за популярностью у народных масс. Он считал, что Александр III ошибся в одном – Россия оказалась сильнее как государство, чем как нация. Неверную политику механического слияния он называл «противоречащей натуре государя»⁸. С подобной оценкой взглядов царя едва ли можно согласиться. В целом позиция К.Ф. Головина по национальным проблемам весьма примечательна, тем более что борьба обозначенных им группировок продолжалась и в начале XX века, о чем свидетельствовало обсуждение столыпинского «пакета реформ» в части, касавшейся введения земств в западных губерниях страны.

Весьма остро стоял в Российской империи в указанный период и «еврейский» вопрос. После реформ 1860-х годов евреям было разрешено проживание вне черты оседлости, хотя и далеко не всем. Повсеместно имели право проживать только купцы I гильдии, лица с высшим образованием, ремесленники. В случае смерти главы се-

мейства вся семья немедленно выдворялась в зону оседлости. В 1891 году, по распоряжению нового генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, из Москвы было выселено около 17 тыс. евреев-ремесленников. Евреям запрещалась аренда и покупка земли, жизнь вне городов. Они не могли быть избраны городскими головами, в городские думы они не избирались, а назначались. Существовал ценз при приеме в образовательные учреждения.

Вместе с тем интересны данные о приросте численности еврейской диаспоры в столице. В 1900 году она находилась на 5-ом месте (после эстонцев) и составляла 12539 человек (по родному языку), по вероисповеданию 20385. В 1910 году в Петербурге проживало уже 35 тыс. евреев. В конце XIX в. в городе была построена первая хоральная синагога.

Антисемитизм был фактически возведен в ранг государственной политики и соответствовал личным взглядам последних русских императоров. Довольно частым явлением стали еврейские погромы, первый из которых произошел еще в 1821 году в Одессе. Причиной его была торговая конкуренция между греками и евреями. Число погромов резко возросло в начале XX века, в ходе первой русской революции, с созданием черносотенных политических партий. В обществе настойчиво насаждался образ еврея-революционера, виновника всех бед. По мнению С.Ю. Витте, ни одна национальность не дала такого процента революционеров, как евреи. Министр внутренних дел В.К. Плеве в ответ на требования еврейской общественности прекратить погромы потребовал прекратить революцию.

Консервативные издания активно поддерживали правительственный курс. В данном случае характерна позиция владельца «Нового времени» А.С. Суворина. Его взгляды в области национальной политики были достаточно противоречивы. В своем дневнике он утверждал, что «не сочувствует порывам консерватизма, направленным против инородцев» и «никогда против них ничего не писал и ни к одной народности не питал вражды». Подобные заявления явно противоречат общему тону публикаций в его газете. Ответственность за подобные несоответствия издатель стремился переложить на А.В. Никольского, отвечавшего в издании за раздел внутренней жизни. Сам А.С. Суворин мог выступить на страницах «Нового времени» со статьей, осуждавшей убийство черносотенцами известного деятеля кадетской партии профессора М.Я. Герценштейна, мог в дневнике с похвалой отзываться о М.М. Антокольском (ругая его в газетных публикациях). Мог упрекать общество в забвении памяти А.Г. Рубинштейна. Нельзя не вспомнить и о том, что суворинское издание первым в России оценило популярную в среде черносотенцев рукопись «Протоколы сионских мудрецов» как явную фальшивку⁹. В то же время, признавая за еврейством наличие «деятельной крови» и «экономической стороны», он обвинял его в бездушии, а трагическое величие этого народа видел в том, что «он разрушает собственное отечество» (подразумевая под Отечеством Россию). Самым страшным, по мнению издателя газеты, обвинением для неугодного государственного деятеля было обвинение в связях с «жидами» или отстаивание их интересов. Пример тому – полемика по поводу обсуждения кутлеровского проекта решения аграрного вопроса, в ходе которой А.С. Суворин занял антикутлеровскую позицию.

По утверждению исследователей, анализ суворинского справочника «Весь Петербург» демонстрирует серьезное преувеличение роли еврейского капитала. В переписке издателя выражаются глубокие опасения по тому же поводу. Мысль о «жидомасонском» заговоре была не нова, выдвинута не Сувориным, и характерна не только для России. Ярким примером может служить печально известное «дело Дрейфуса», получившее мировую огласку. Суворин активно включился в кампанию на стороне

антидрейфусаров. В своих заметках в 1897 году он пытался доказать, что А. Дрейфус виновен если не как шпион, то как участник заговора против Европы. Не изменил он своих взглядов и позже, о чем свидетельствует дневниковая запись за 18 июля 1907 года. Ранее в газетных статьях он не только обличал А. Дрейфуса, но и обвинял его одесского родственника. Предвзятое суворинское мнение в этом деле не смогли поколебать даже заметки лучше разбиравшегося в ситуации парижского корреспондента газеты И.Я. Павловского.

С согласия А.С. Суворина в 1900 году его сын Алексей настоял на постановке в их театре антисемитской пьесы «Контрабандисты» С.К. Литвина (Эфрона) и В.А. Крылова. Сыгранная на сцене, пьеса вызвала скандал в обществе. В первую очередь негодовала либерально настроенная интеллигенция и студенческая молодежь. Ссылаясь на просьбу министра внутренних дел Сипягина, А.С. Суворин пытался оправдаться тем, что они затевали постановку в целях, если так можно выразиться, «национальной критики». Логика издателя и министра была такова: если на сцене шел «Ревизор», то почему не быть «Контрабандистам»? В письме к Л.Н. Толстому владелец театра сформулировал ту же мысль значительно грубее: «Надо сказать господам этим, что они, по меньшей мере, такие же свиньи, как и мы»¹⁰. К чести русского общества надо признать, что далеко не все разделяли подобные взгляды. Поддержка Сувориным антидрейфусарской кампании нанесла удар по популярности издания как ведущего политического органа печати. Скандал вокруг «Контрабандистов», хотя и стал своеобразной рекламой, нанес ущерб репутации А.С. Суворина как театрального деятеля.

Наиболее интересно в смысле оценки настроений общества «дело Бейлиса» 1911–1913 гг., по обвинению еврея в ритуальном убийстве 12 летнего Андрея Ющинского. Процесс имел международную огласку. Русское общество, как и французское в «деле Дрейфуса», оказалось расколото на два лагеря. Оправдательный приговор мог бы стать добрым знаком изменения ситуации в стране, если бы спустя полгода после его вынесения, в июне 1914 года, в окружном суде Санкт-Петербурга не начался процесс над 25 членами коллегии адвокатов (среди них был А.Ф. Керенский), подписавших в октябре 1913 года воззвание против фальсификации «дела Бейлиса». Несмотря на то, что в последнем слове никто из них не признал себя виновным, суд вынес обвинительный приговор. Адвокаты были приговорены к различным срокам тюремного заключения и лишению избирательных прав.

В том же самом 1913 году, что и «дело Бейлиса», проходили выборы петербургского городского головы. Им стал И.И. Толстой. Его кандидатура вызвала сомнения у министра внутренних дел Маклакова, видевшего в претенденте «лицо, заведомо покровительствующее евреям». Толстой был утвержден на должность Советом Министров.

Подведем некоторые итоги.

- 1) В целом к началу XX века национальный вопрос продолжал оставаться нерешенной проблемой российской действительности. При этом у значительной части общества, в том числе и консервативно настроенного, сформировалось представление о нем как о важнейшем вопросе внутренней политики, зачастую имеющем международный резонанс.
- 2) В консервативной среде не существовало единства во взглядах на способы решения национальных проблем, и диапазон мнений в данном случае был достаточно широк – от умеренных до крайне реакционных. По ряду позиций наблюдалось совпадение во взглядах либерально и консервативно настроенных деятелей.
- 3) Консервативная печать активно участвовала в обсуждении проблем национальной политики, стремясь сформировать необходимое для правящих кругов общественное

мнение в данной области. Иногда отсутствие четко обозначенного правительственного курса вызывало критику на страницах консервативных изданий.

4) Национальный вопрос может быть признан не только сугубо российской, но глобальной проблемой, не решенной до сих пор. В связи с этим ряд соображений, высказанных на страницах периодических изданий, в дневниках и воспоминаниях различных по взглядам государственных деятелей и журналистов, не потерял актуальности и сегодня.

Источники и литература

¹ Выскочков Л.В. Николай I. М., Молодая гвардия. 2003. С.249-250.

² Корелин А.П. Российские самодержцы. 1801-1917. М., Молодая гвардия. С.302.

³ Гросул В.Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., Прогресс-Традиция. 2000. С.339-340.

⁴ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Воспоминания М., Новости. 1991. С.323.

⁵ Мещерский В.П. Воспоминания. М., Захаров. 2001. С.122-124.

⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860-1862. М., Редакция альманаха «Российский архив». 1999. С.322-324.

⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. С.325-326.; Феоктистов Е.М. Указ. соч. С.146,156.

⁸ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. I-II. СПб. Колокол.1908. Т.I. С.100-101. Т.II. С.117-124, 41-43.

⁹ Динерштейн Е.А. А.С.Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., РОССПЭН.1998.С.129-132.

¹⁰ Суворин А.С. Дневник. London: The Garnett Press; М., Издательство Независимая Газета. 2000. С.407, 589.

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВОЛОСТНЫХ ЗЕМСТВ В РОССИИ В 1917 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

И.А. Тропов

Одна из важнейших задач, намеченных в Декларации Временного правительства от 3 марта 1917 года, заключалась в организации и проведении выборов «в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». При этом Временное правительство заявляло, что «оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами» с целью затягивания процесса реализации намеченных мероприятий¹.

Демократизация избирательной системы, учреждение волостных земств были давно назревшей задачей². Существовавшее в дореволюционной России участие крестьян в общественном управлении на уровне сельского общества и волости было стеснено сословными рамками и строгим надзором со стороны царской администрации, особенно усилившимся при Александре III. По сути, волостное управление в тот период едва ли можно отнести к самоуправлению, это было не что иное, как низовое бесплатное звено огромной российской полицейско-бюрократической системы. После победы Февральской революции 1917 года в стране сложилась новая политическая обстановка, которая, по словам лидера меньшевиков И.Г. Церетели, «была проникнута идеалами свободы и народовластия»³. Осуществлять управление на низовом, волостном уровне прежними методами и с опорой на дискредитировавших себя должностных лиц было попросту невозможно. Понимая это, Временное правительство вскоре после прихода к власти приняло решение об упразднении должности земских начальников и о создании волостных комитетов. К реорганизации системы местного самоуправления правительство подталкивало постепенное нарастание политического кризиса в стране. Его яркими проявлениями стали антиправительственные выступления в период апрельского кризиса власти, формирование в начале мая нового, коалиционного Временного правительства, растущая популярность в народных «низах» лозунга «Вся власть Советам!».

Таким образом, развитие системы местного самоуправления в России после Февраля 1917 года было обусловлено двумя главными факторами: во-первых, слабостью Временного правительства, нуждавшегося в укреплении своей социально-политической опоры в условиях развала царского государственного аппарата и усилившихся социально-политических противоречий в обществе; во-вторых, приверженностью новой власти ценностям политической модернизации страны, предполагавшей допуск граждан как к решению местных задач (в земствах и городских думах), так и к осуществлению законодательной деятельности (в Учредительном собрании).

26 марта 1917 года начались заседания Особого совещания по реформе местного самоуправления при МВД под председательством товарища министра С.М. Леонтьева. Меньше чем за два месяца были подготовлены и 21 мая 1917 года утверждены Временным правительством нормативно-правовые акты, которые стали основой формирования волостных земств в России. Согласно Постановлению и Временному положению о волостном земском управлении⁴ в 43-х губерниях России создавались волостные земства. Им поручалось заведование земскими повинностями в пределах своих волостей, содержание местных дорог и мостов, образовательных и лечебных учреждений, «попечение» о местном продовольственном деле, о земледелии, торговли и промышленности, об охране общественного порядка и многое другое.

Волостные земства учреждались как бессловные органы местного самоуправления. Согласно ст. 11 и 15 «Временного положения о волостном земском управлении», правом участия в выборах волостных земских гласных пользовались «российские граждане обоюбого пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени

составления избирательных списков двадцати лет», как проживавшие, так и не проживавшие в данной местности. В каждой волости избиралось в зависимости от численности местного населения от 20 до 50 гласных⁵ сроком на три года. В выборах не могли участвовать «лица монашествующие», «лица, признанные в установленном законом порядке безумными, сумасшедшими и глухонемыми», а также осужденные за некоторые виды преступлений (например, за кражу, мошенничество и др.), если после отбытия наказания не прошло трех лет.

Задачи организации и проведения выборов возлагались законом на волостные избирательные комиссии, наполовину формировавшиеся уездными земскими управами, наполовину волостными управами. Но, поскольку волостных управ еще не существовало, на первых выборах в волостное земство в августе 1917 года часть членов волибиркома была выбрана самим населением на волостных сходах⁶.

Назначенные уездной управой на определенный день выборы волостных гласных проводились по заранее определенным сельским округам (т.е. по мажоритарной системе) и были прямыми и тайными. Они осуществлялись путем заполнения специальных записок, в которые каждый избиратель должен был вносить фамилию (прозвище), имя и отчество того человека, за которого он отдает свой голос. После этого записки опускались в урну для голосования. Избранными считались лица, получившие более половины голосов от числа всех тех, кто принимал участие в выборах.

Работа волостных и сельских избирательных комиссий не всегда проходила гладко. Так, по одному из округов Городенской волости Лужского уезда Петроградской губернии уездный комиссар 1 сентября 1917 года заявил протест в связи с тем, что «избирательная комиссия препятствовала свободе выборов, – председатель развешивал записки и заставлял избирателей вносить указываемых им лиц»⁷. Впрочем, судя по имеющимся архивным данным, такие случаи в Петроградской губернии были редкими.

Наиболее распространенными видами нарушений были признание комиссией избранными тех лиц, которые не набрали большинства голосов, и ошибки в оформлении отчетности или даже полное ее отсутствие. Например, по одному из округов Красногорской волости Лужского уезда власти опротестовали избрание некоего Н. Фомина, получившего «112 записок из общего числа 255»⁸. В Запольской волости были опротестованы выборы по Записенскому избирательному округу, так как «комиссией не составлено протокола о производстве выборов», и по Лъзенскому округу, поскольку там, в частности, «не все избиратели были оповещены о дне выборов»⁹. Не претендуя на репрезентативность приводимых данных, укажем, что из сделанной нами выборки (15 волостей Лужского уезда Петроградской губернии) в шести волостях были обнаружены принципиальные нарушения действовавшего законодательства о выборах в волостное земство, причем в пяти случаях состоялся протест уездного комиссара и соответствующее определение суда, признававшие результаты выборов (как по отдельным кандидатам, так и по целым избирательным округам) недействительными¹⁰.

В этом случае, согласно ст. 35 «Временного положения о волостном земском управлении», уездной земской управой назначались дополнительные выборы по соответствующим сельским избирательным округам. Существовали также и другие обстоятельства, требовавшие проведения дополнительных выборов. Речь идет о тех случаях, когда в результате голосования количество избранных гласных оказывалось меньше, чем было предусмотрено по данному округу. Изученные нами материалы показывают, что по тем или иным причинам в большинстве (до 80%) случаев требовалось проведение дополнительных выборов (перевыборов). Промежуток между ними составлял в разных местностях от двух дней до одной недели.

Избранные гласные составляли распорядительные органы земства – волостные собрания. Начало их работы в различных уголках губернии относится к разному времени. Так, первое заседание собрания гласных Лудонской волости Лужского уезда со-

стоялось 27 августа 1917 года, а открытие собрания гласных Ново-Сергиевской волости Петергофского уезда произошло лишь 8 октября 1917 года¹¹.

В отношении социального состава гласных волостных земств Петроградской губернии сложившиеся комплексы архивных материалов дают лишь фрагментарные сведения, так как фиксирование этих сведений не являлось обязательным для волизбиркомов. По-видимому, во многом типичным можно считать состав земского собрания Городецкой волости Лужского уезда. Из 36 мест подавляющее большинство принадлежало крестьянам (30 гласных, т.е. 83,3%). Оставшиеся места получили агрономы (3 чел., т.е. 8,3%), учителя (2 чел., т.е. 5,6%) и один служащий местного телеграфного ведомства¹². В некоторых волостях в состав гласных избирались также священники, но и их доля в земских собраниях была невелика: 1–2 чел. В волостных земских собраниях практически не было женщин, что, безусловно, отражало традиционализм крестьянской культуры. Последним обстоятельством объясняется и преобладание среди гласных мужчин старшего возраста. Так, в земском собрании Передольской волости Лужского уезда лица старше 40 лет составляли около 80%¹³.

Итак, летом–осенью 1917 года по инициативе Временного правительства в России была учреждена мелкая единица самоуправления, формируемая на широких демократических началах. Создание волостного земства в сложных условиях революционной России представляло собой попытку правительства направить энергию крестьян в неполитическое русло решения местных хозяйственных и культурно-бытовых задач.

Источники и литература

¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 419–420.

² Так, например, в марте 1908 г. при МВД работала Комиссия по земской избирательной реформе, разрабатывавшая проект учреждения бессословной волости и расширения земского представительства, ключевая роль в котором отводилась крестьянину-собственнику. Однако это начинание П.А. Столыпина так и осталось нереализованным. См.: Высшие и центральные учреждения России. 1801 – 1917. Т. 2. СПб., 2001. С.59.

³ Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 163.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 122. Отдел первый. Ст. 655.

⁵ Л.В. Гильченко неточно указывает, что количество «гласных определялось по 29 – 50 на волость». Гильченко Л.В. Местное самоуправление: долгое возвращение. М., 1998. С. 28.

⁶ См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8309. Оп. 1. Д. 31. Л. 1а; Д. 34. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 29. Л.3.

⁸ Там же. Д. 34. Л. 8, 9 об.

⁹ Там же. Д. 31. Л. 8, 11 – 11 об.

¹⁰ Рассчитано по: ЦГА СПб. Ф. 8309. Оп. 1. Д. 25 – 39.

¹¹ Там же. Д. 37. Л. 3; Д. 14. Л. 21.

¹² Там же. Д. 30. Л. 1а – 1а об.

¹³ Там же. Д. 39. Л. 2 – 3 об.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Г.В. Алексеев

Отличительной чертой информационного постиндустриального общества со всей очевидностью следует признать процессы глобализации. При этом изменения, связанные с глобализацией, касаются всех основ социального строя, эти изменения вызваны интенсификацией социального коммуникативного взаимодействия и получили достаточное отражение в современной социальной науке. Следует согласиться с тем, что в экономической сфере глобализация означает, прежде всего, развитие финансовых рынков и учреждений до уровня транснационализации, когда политические границы между государствами становятся «прозрачными» и уже не могут рассматриваться в качестве препятствий для финансово-экономических операций.¹

Еще в 1962 году Г.М. Маклюэн вводит понятие «электронное общество», отсюда его стремление изучать развитие современной культуры прежде всего по отношению к месту в ней электронных средств коммуникации. Посредством телекоммуникаций, масс-медиа и компьютеров, по мнению Маклюэна, электричество как бы продолжает центральную нервную систему до образования «глобального объятия», где все оказывается тем самым взаимосвязано, и в результате формируется «глобальная деревня». «Земной шар, связанный электричеством, – пишет Маклюэн, – оказывается не больше деревни».²

Существенный вклад в развитие идей постиндустриализма внесла концепция Элвина Тоффлера, изложенная в его книге «Третья волна». Тоффлер предлагает свою схему феноменологии исторического процесса. Он выделяет в истории цивилизации три волны: первая волна – аграрная (до XVIII века), вторая – индустриальная (до 50-х годов XX века) и третья – пост- или супериндустриальная (начиная с 50-х годов). Тоффлер описывает процесс отмирания индустриальной цивилизации в терминах «техносферы», «социосферы», «информационной» и «властной сферы», показывает, какие революционные изменения в сегодняшнем мире претерпевает каждая из этих сфер.³ Однако и Маклюэн, и Тоффлер упускают из вида экономику, что в целом представляется не очень оправданным.

Фундаментальное исследование Кастельса «Информационная эра: экономика, общество и культура» (1996–1998 гг.)⁴ посвящено развернутому анализу современных тенденций, приводящих к формированию основ общества, которое он называет «сетевым». Исходя из постулата, что информация по своей природе является таким ресурсом, который легче других проникает через всяческие преграды и границы, Кастельс рассматривает информационную эру как эпоху глобализации. При этом сетевые структуры являются одновременно и средством, и результатом глобализации общества.⁵ М. Кастельс в качестве отправной точки своих построений использует глобальную экономику и международные финансовые рынки как основные признаки формирующегося нового миропорядка. В его работах отмечается, что в современном мире меняется роль денег и структура международных валютных отношений.

Международные валютные отношения – необходимый элемент мировой экономики. Это отношения, посредством которых осуществляются все расчетные, кредитные и денежные сделки между различными странами. Субъектами международных валют-

ных отношений выступают правительства государств, предприятия, физические лица, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность. Валютные отношения разрабатываются специальными межгосударственными органами, согласовываются, должным образом оформляются и принимают обязательный характер для всех участников международных экономических сделок.⁶ Соответственно, вследствие глобализации, международные валютные отношения являются предметом правового регулирования международного публичного права.

М.Н. Грачев полагает, что «глобализация политико-коммуникационного пространства выступает одновременно в качестве проявления, отражения и средства распространения особого типа культуры и образа жизни, присущих развитым государствам Запада, включая соответствующие нормы, образцы и стереотипы политического поведения».⁷

Переход к информационному обществу ознаменовался тем, что в основу экономики были положены Ямайские соглашения, т.е. договоренности об основных принципах формирования новой мировой валютной системы взамен Бреттон-Вудской системы золотовалютного стандарта, достигнутые на совещании стран-участниц МВФ в Кингстоне (Ямайка) в 1976 году. Ямайское соглашение провозгласило «специальные права заимствования» базой новой валютной системы, юридически закрепило демонетизацию золота, узаконило режим «плавающих» валютных курсов.⁸

Понимание базиса современной экономики должно быть основано на знании системы, существовавшей до принятия Ямайских соглашений. В период Второй мировой войны США накопили огромные запасы золота, возросло доверие к доллару и к устойчивости американской экономической валютной политики. Благодаря этому удалось стабилизировать цену золота на уровне 35 долл. за тройскую унцию и практически ликвидировать инфляцию.

Доверие к доллару подкреплялось также и тем, что иностранные девизные банки могли в любое время обменять имеющиеся у них доллары на золото. В результате курсы валют могли свободно колебаться в пределах 0,75% в ту или другую сторону от их паритета к доллару и, следовательно, к золоту. Если колебания курса достигали этой точки, государственные девизные банки обязаны были покупать на валютном рынке собственную валюту, или, иначе говоря, продавать доллары из своих резервов с целью создать искусственный спрос на свою валюту, повысить ее курс. В результате такой операции предложение денег внутри страны уменьшалось, процентные ставки на кредиты повышались, создавались благоприятные условия для притока иностранного капитала, значительно расширялся экспорт. Через определенное время курс данной национальной валюты вновь укреплялся. Этот механизм не имел резкого отличия от прежнего золотого стандарта, но в нем имелось два вида резервов: золото и доллар. Доллар в соответствии с Бреттон-Вудской валютной системой превратился в конвертируемую валюту, т.е. национальную валюту США, свободно обмениваемую на национальные валюты других стран. Валюты, не способные к такому обмену, получили название неконвертируемых. Доллар был единственной конвертируемой в золото валютой: американский золотой запас (20–25 млрд долл.) составлял три четверти официальных резервов. Введение Бреттон-Вудской валютной системы способствовало оздоровлению международных экономических отношений: мировая экономика и торговля увеличивались быстрыми темпами, индекс инфляции оставался устойчивым на относительно низком уровне (3% в год). Высокие темпы роста производительности труда, национального дохода и мировой торговли определили решение проблемы безработицы. В этот период особенно заметно влияние устойчивости эффективной валютной системы на экономическое развитие мировой экономики и обратное влияние последней на первую.

Вместе с тем лидирующее положение доллара в мировой валютной системе послужило причиной ее развала. Привилегированное положение доллара позволяло США проводить экономическую политику независимо от динамики курса доллара и финансировать свои заграничные расходы за счет дополнительного выпуска национальной валюты, которая предъявлялась к обмену на золото. С 1969 года положительный баланс американского бюджета стал отрицательным, увеличивался долг другим странам, в 1970 году США снизили процентную ставку на казначейские бумаги с 8 до 3,3%. США отказались от дальнейшего обмена доллара на золото по официальной цене. Это означало развал Бреттон-Вудской валютной системы.

Действующая система мировых валютных отношений была заложена в 1976 году на совещании представителей стран МВФ в Кингстоне (Ямайка) и получила название Ямайского соглашения, которое вступило в силу в 1978 году. Новым в нем, в сравнении с ранее действовавшей Бреттон-Вудской системой, является следующее:

- отказ от функции золота в качестве меры стоимости валютных единиц и, следовательно, ликвидация твердой цены на золото. Эти решения означали завершение процесса демонетизации золота и утраты им роли мировых денег, монопольного всеобщего средства платежа. Золото превращается в обычный товар, рыночная цена которого определяется условиями производства, а также спросом и предложением на него;
- банкам была предоставлена возможность свободно покупать и продавать золото на частных рынках по складывающимся ценам. Однако и сегодня государства и международные валютно-финансовые организации сохраняют накопленные ими золотые запасы. Иначе говоря, утратив роль мировых денег, золото остается особым товарным ликвидным средством. В случае необходимости золото может быть продано за любую конвертируемую валюту и использовано как платежное средство;
- валютные отношения между странами стали основываться на плавающих курсах их денежных единиц. Колебания курсов определяются реальными стоимостными соотношениями покупательной способности валют на внутренних рынках и соотношением спроса и предложения национальных валют на международных рынках.

Основным наднациональным валютно-финансовым институтом, обеспечивающим стабильность мировой валютной системы, является Международный валютный фонд (МВФ). В его задачу входит противодействие валютным ограничениям, создание многонациональной системы платежей по валютным операциям и т.д. Международный валютный фонд – международная валютно-финансовая организация, созданная в 1944 году для содействия развитию международной торговли и валютного сотрудничества путем:

- регулирования валютных курсов и контроля за их соблюдением;
- контроля многосторонней системы платежей и устранения валютных ограничений;
- предоставления кредитных ресурсов странам-членам при валютных затруднениях, связанных с неуравновешенностью платежных балансов.

Капитал МВФ образуется из взносов стран-членов в соответствии с устанавливаемой для каждой страны квотой. Руководящие органы МВФ – Совет управляющих и директорат. МВФ имеет статус специализированного учреждения ООН.⁹

На международно-правовых основаниях МВФ ведет жесткий контроль над политикой валютных курсов. МВФ сохранил за собой функции по контролю над соблюдением трех принципов, которыми должны руководствоваться страны в своей валютной политике.

1. Запрет на манипуляции валютным курсом или международной валютной системой для уклонения от урегулирования.

2. Обязательство проведения в случае необходимости интервенций на валютных рынках для прекращения беспорядка, который может быть вызван, в числе прочего, краткосрочными колебаниями курса одной из валют.

3. Обязательство каждой страны учитывать в своей политике интервенции интересы своих партнеров, в особенности тех, в чьей валюте она осуществляет свои интервенции.¹⁰

В этих условиях «валютная система – это форма организации и регулирования валютных отношений, закрепленных национальным законодательством и международными соглашениями».¹¹ Мировая валютная система является функциональной формой организации валютных отношений на уровне межгосударственных связей. Ее развитие регулируется соответствующими межгосударственными валютными соглашениями, осуществление которых обеспечивается созданием на коллективных началах межгосударственных валютно-финансовых банковских учреждений и организаций.¹²

Обобщение данных об изменении динамики валютных курсов в условиях плавающих валютных курсов позволило сделать выводы о неожиданно высоких размерах колебаний, наличии существенных и продолжительных отклонений валютных курсов от их равновесного уровня, об отсутствии явно выраженных долгосрочных тенденций в динамике плавающих курсов валют.¹³

Важную роль играют специальные права заимствования – СДР. В рамках Ямайской валютной системы они являются одним из официальных резервных активов. Вторая поправка к Уставу МВФ закрепила замену золота СДР в качестве масштаба стоимости. СДР стали мерой международной стоимости, важным резервным авуаром, одним из средств международных официальных расчетов.¹⁴

Нельзя не признать, что глобализация политико-коммуникационного пространства во многом сопрягается с расширением сферы деятельности транснациональных корпораций вообще и мировых информационных кампаний и агентств, в частности.¹⁵ Роль информационных услуг в экономике стремительно возрастает. Однако информатизацией нельзя перечеркивать прежние достижения человечества, многое из того, что окружает человека, не может быть достигнуто за счет информационных механизмов.

Идеи глобализации и современная экономическая система обязана своим существованием закономерностям, выявленным в конце 60-х годов М. Фридменом. Он реформировал количественную теорию денег, основываясь на существующих разработках (транзакционном варианте И. Фишера, кембриджской версии наличных остатков, доходном варианте И. Фишера и К. Снайдера). Ее основная идея состоит в признании непосредственного влияния изменений денежной массы на уровень цен. По мнению Фридмена, «деньги имеют значение для динамики цен», и, что важно, «именно количество денег, а не процентные ставки, влияют на состояние денежного рынка или условия выдачи кредитов».¹⁶ В комплексе неоконсервативных экономических концепций центральное место занимает монетаризм. Эта школа продолжает давние исторические традиции количественной теории денег. Выдвинув ключевой принцип «деньги имеют значение», монетаристы трактуют деньги не просто как важный экономический фактор, а как главный, центральный элемент экономики, определяющий общее состояние экономической системы и весь ход экономического роста.¹⁷

В этой связи следует отметить, что неоконсервативные экономические теории (монетаризм, экономическая теория предложения, новая классическая теория), а также современные попытки монетаристско-кейнсианского синтеза, оригинальное течение западной экономической науки – неоинституционализм – и примыкающие к нему концепции «экономического империализма», теории «общественного выбора», развитие современной экономической теории в странах Запада, отраженное, в частности, в трудах У. Баумоля, не дают ответа на вопрос о гарантиях содержания реального значения денег для отдельно взятого участника рынка, т.е., говоря проще, человека. Современ-

ные коммунисты в целом, и Н.В. Кравчук, в частности, понимают под феноменом «глобализации» попытку установления контроля одной «цивилизации» над несколькими остальными, (почти) заполняющими «ойкумену».¹⁸ И. Валлерстайн, в свою очередь, видит в глобализации попытку США установить глобальную государственную монополию над мировыми рынками.¹⁹

Таким образом, обозначается первая проблема, связанная с отсутствием реального эквивалента стоимости труда отдельно взятого человека. Выраженная экономическими показателями заработная плата не может выразить конкретный результат труда, что влечет за собой перманентный экономический кризис, который сдерживается от разрастания за счет государственных дотаций, не решающих проблему принципиально. В литературе отмечается, что «тенденция обесценивания труда замалчивается в России как демократами-монетаристами, так и коммунистами, вкупе со всем спектром промежуточных идеологов. Монетаристам невыгодно признавать, что никакие реформы с приватизацией не сделают наше сельское хозяйство или шахтерский промысел окупаемым – даже в Соединенных Штатах, с их богатейшими черноземами и великолепным климатом, на агрикультуру уходит больше дотаций, чем на всех безработных, вместе взятых».²⁰ Постоянное целевое дотирование сфер народного хозяйства создает опасную тенденцию недоверия к деньгам, которые фактически производит публичная власть государства. В предисловии к книге «Избранные труды М. Фридмана» К. Лейбре отмечает, что М. Фридман является «одним из самых влиятельных экономистов нашего времени, непревзойденным воспитателем ученых, оказывающим глубокое воздействие на публику, советчиком по вопросам экономической политики, идущим нетрадиционным путем учителем и ученым. Его научная репутация основывается прежде всего на теории перманентного подхода и потребительской функции, на том вкладе, который он внес в теорию денег (особенно в возрождение количественной теории денег), на его гипотезе о естественной норме безработицы»²¹. Эта безработица обеспечивает эксплуатацию трудовых ресурсов.

Монетаристский подход в макроэкономике утверждает, что рынки конкурентны и благодаря этому имеют высокую степень стабильности. Утверждается, что государственное вмешательство в рынок подрывает эту способность. Делается вывод, что государственный сектор надо максимально уменьшать. Однако ничего не говорится о неизбежных государственных дотациях в агрикультуру.

В околонуучной литературе и сети Интернет высказывается суждение о том, что при вхождении в информационное общество по каналам связи идет интенсивный обмен «сведениями-ценностями»: об избытке продуктов, о рабочей силе, о продающейся недвижимости, о вариантах обмена жилплощади. Бартерный обмен, безналичные расчеты, электронные деньги, вексельные схемы все больше приобретают информационный оттенок, и делается вывод, что с дальнейшим вхождением в информационную эру определение ценности (оценка) того или иного субъекта, явления, изделия, произведения искусства и т.п. будет иметь некое информационное выражение. Такое положение возможно только при перепроизводстве продукции, но отдельные товары являются ограниченными в производстве. Ситуация ведет к полному обесцениванию человеческого труда за счет дефицита высоколиквидных товаров и, прежде всего, недвижимого имущества, количество которого по определению ограничено.

Вторая проблема состоит в том, что «дискуссия о содержании процессов глобализации высвечивает и другую ее ипостась, которую условно можно назвать парадигмальной».²² В современных условиях происходят процессы изменения «системы универсальных определений реальности». Отдельные исследователи говорят о глобализации как о сети координат, своего рода матрице становления современного миропорядка. Временные и пространственные оси этой сети координат находятся в отношениях взаимозависимости (ускорение времени – расширение пространства, сокращение расстояний и их вир-

туализация). Результирующая этих отношений – разрушение традиционной модели сжатия временных и пространственных связей (time-space compression).²³ В такой ситуации человеку приходится непросто, он испытывает постоянную психическую и моральную перегрузку, под угрозу попадает здоровье людей.

В этих условия основной политико-правовой задачей государства должна являться защита населения от последствий глобализации, таких, как обесценивание реального ручного труда и возрастание суммарной нагрузки на человека за стандартный промежуток времени. Решение этой задачи должно осуществляться, в том числе, политико-правовыми мерами, связанными с предоставлением населению не только денег, но и определенных социальных гарантий реального содержания, принудительного снижения стоимости услуг непроизводящего сектора, введения нормативных запретов на некоторые банковские операции, стимулирующие инфляционные процессы. Информационное общество необходимо понимать только как культурное явление, обеспечивающее жизнь в реальном мире, и все попытки создание сюрреалистической цивилизации, которая полагается на информационный обмен во всех сферах собственной жизнедеятельности, должна находить противодействие со стороны органов государственной власти, в функции которых входит обеспечение информационной безопасности. В противном случае неизбежен жесточайший экономический кризис, связанный с перепроизводством денег и усилением эксплуатации человека.

Источники и литература

-
- ¹ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ. Автореф. дис. д.п.н. Российский университет дружбы народов. М., 2005. С. 42.
 - ² Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
 - ³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI в. М.: АСТ, 2003. 669 с.
 - ⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Государственный университет. Высшая школа экономики, 2000. 606 с.
 - ⁵ Там же. С. 76.
 - ⁶ Пebro Мишель. Международные экономические, валютные и финансовые отношения. М. 1996. С. 183.
 - ⁷ Грачев М.Н. Политическая коммуникация . . . М., 2005. С. 43.
 - ⁸ Большой энциклопедический словарь. М. 1991.
 - ⁹ Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. / Под ред. Красавиной Л.Н. М., 1994. С. 55.
 - ¹⁰ Пebro Мишель. Международные экономические, валютные и финансовые отношения. М. С. 200.
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² Гальчинский А. Теория денег: Учебное пособие. Киев: Основы, 1998. 415 с.
 - ¹³ Цимайло А.В. Платежный баланс и валютный курс в современных международных экономических отношениях: Автореф. дис. д. э. н. М., 1992.. С. 20–21.
 - ¹⁴ Основы международных валютно-финансовых и кредитных отношений. / Под редакцией Круглова В.В. М.: «Инфра-М», 1998. С. 322.
 - ¹⁵ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ. Автореф. дисс. д.п.н. Российский университет дружбы народов. М., 2005. С. 45.
 - ¹⁶ Friedman M. Money and Economic Development. N.Y., 1973.
 - ¹⁷ Friedman M. Quantity theory of money and other essays. Chicago, 1958. P.3
 - ¹⁸ Кравчук Н.В. Истоки и смысл явления глобализации. Киев, 2003. С. 46.
 - ¹⁹ Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир – экономика. // Свободная мысль. 1996. №5.
 - ²⁰ Вербитский, М. Экономика нового тысячелетия. М., 2003. С. 122.
 - ²¹ The Essence of Friedman/Ed. by Leubre K. R. Forew. by Campbell W. G.; Introd. by Schwartz A.T. Stanford/Cal.; Hoover institution press, 1987. P. XVII.
 - ²² Загладин Н. Глобализация: вызовы структуре миропорядка. / Глобализация и Россия (круглый стол). М., 2002. С. 47.
 - ²³ Там же. С. 48.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОТЧУЖДЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В ГЕРМАНИИ, США И ДРУГИХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Г.Н. Морозов, Г.В. Алексеев

Как свидетельствует опыт стран с развитой рыночной экономикой, основой участия государства в экономике являются экономические, в частности, фискальные, меры. При этом государства стремятся уменьшить свое непосредственное участие в производственном процессе. В этой связи одним из основных способов управления государственной собственностью становится приватизация предприятий. В настоящей статье нами будет рассмотрен опыт ряда зарубежных стран в проведении приватизации. В ряде данных стран деятельность в области приватизации государственного имущества имеет давние традиции. Некоторые страны Восточной Европы, в частности, Венгрия, Польша, Чехословакия, напротив, столкнулись с проблемами приватизации только в начале 1990-х годов, при переходе к рыночной экономике. Интересным является опыт приватизации в объединенной Германии после 1990 года, где в бывшей Восточной Германии в короткие сроки прошла беспрецедентная в мировой практике приватизация самых различных видов собственности и в самых разных отраслях хозяйства. Положительным моментом в приватизации в Германии, вместе с тем, была определенность политического выбора направления реформ - возврат к капиталистическому варианту развития, решительная приватизация. Также преимуществом бывшей Восточной Германии по сравнению с приватизацией в России являлась возможность опереться на сформированную правовую базу и институциональные структуры (в виде налоговых служб и системы социального обеспечения, для содействия занятости работников реорганизуемых предприятий).

Российская Федерация начала переход к рыночной экономике, рыночному хозяйственному механизму относительно недавно. Многие экономические проблемы приходится решать впервые. Учитывая, что Российский фонд федерального имущества функционирует лишь с 1991 года, использование иностранного опыта может оказаться полезным и способствовать повышению эффективности осуществления Фондом возложенных на него функций. Следует отметить, что зарубежные консультанты привлекались Правительством РФ для решения задач приватизации и ранее [1], но ряда ошибок в ходе проведения приватизации все равно избежать не удалось. Во многом сложность задачи состояла и состоит в том, что до сих пор никто в мире не переводил на рыночные рельсы такой большой хозяйственный комплекс, каким является экономика России. В связи с этим особенно важно не допустить совершения новых ошибок при приватизации.

В большинстве развитых капиталистических стран в рамках государственной собственности выделяется так называемая публичная собственность. Тем не менее, в развитых капиталистических странах ведется и процесс приватизации. Так, в Великобритании приватизация началась в 1979 году и продолжается до сих пор. Большую часть общей суммы в 97 миллиардов долларов, поступившей от приватизации в период с 1979 по 1995 гг., правительство Великобритании получило от приватизации крупнейших компаний, таких как British Telecom, British Airways и British Petroleum [2].

Основными чертами британской приватизации являются ее постепенность, акцент на получении прибыли, тщательная подготовка законных и нормативных рамок для каждого отдельного случая продажи.

Представляет интерес механизм приватизации государственных корпораций, используемый в Великобритании. Можно выделить три принципиально различных способа приватизации государственных корпораций и компаний, а также общую схему приватизации публичных корпораций: 1) выпуск и продажа акций через фондовую

биржу; 2) прямая продажа компании или ее части функционирующей частной компании; 3) выкуп компании ее коллективом [3]. Продажа акций через фондовую биржу применялась при приватизации наиболее крупных компаний, главным образом, публичных корпораций, для выкупа которых требовались миллиардные суммы. Прямые продажи применяются при приватизации относительно крупных компаний.

Выкуп компании ее коллективом, как правило, производится при приватизации относительно небольших компаний. Условно процесс приватизации крупных государственных корпораций можно разделить на следующие этапы:

- изучение положения в отрасли, в которую входит корпорация, степени ее монополизации и возможности развития в ней конкуренции, состояния самой корпорации;
- подготовка корпорации к приватизации – рассмотрение новой структуры отрасли, назначение руководящего персонала корпорации, подготовка соответствующего законодательства;
- урегулирование финансового состояния корпорации, в том числе выплата ее задолженности, подготовка к выпуску и продаже акций;
- принятие решений относительно количества продаваемых акций и их цены, сроков и места продажи; их продажа [4].

Великобритания при приватизации государственных предприятий стимулировала широкое владение акциями посредством особого внимания к их розничному распределению, установления скидок на предлагаемую цену, доступности акций через посредничество банков и широкомасштабных рекламных кампаний в средствах массовой информации. Этот положительный опыт еще нашел достаточного применения в Российской Федерации. Информация о приватизации федерального имущества в России подлежит обязательному опубликованию только в бюллетене Российского фонда федерального имущества «Реформа» [5], публикации в иных средствах массовой информации достаточно редки. Доля государственного имущества в экономике России, как указывалось выше, по-прежнему велика, в связи с этим вовлечение возможно большего числа потенциальных покупателей в процесс приватизации является необходимым. Ключевым моментом здесь могут стать именно масштабные рекламные кампании.

Программа приватизации государственного имущества в Испании действует с 1982 года. Преобладающей формой приватизации является предложение акций в широкую продажу через Испанскую фондовую биржу и на международных рынках капитала. С 1985 года правительство получило более 8 млрд. долларов в виде поступлений от приватизации и надеется получить в два раза больше в ближайшие годы [6].

Правительство заявило, что оно ускорит темпы приватизации, но его сдерживает относительная незрелость местных рынков капитала и небольшое число держателей акций среди широких слоев населения. Еще в 1996 году Правительством была одобрена программа массовой распродажи государственных предприятий, чтобы погасить госдолг Испании. Также Правительством Испании была инициирована программа проведения всеобъемлющей реструктуризации убыточных предприятий. Полномочия государственных органов по продаже имущества предприятий-банкротов имеют много общего с полномочиями по продаже государственного имущества в порядке приватизации и реализации с торгов арестованного имущества [7]. В данной части опыт Испании может быть использован путем включения этой функции в перечень предметов ведения Российского фонда федерального имущества.

Необходимо отметить, что стратегия правительства Испании заключается в том, чтобы приватизировать крупные государственные активы через выпуск акций, а более мелкие предприятия, нуждающиеся в реструктуризации и специальной технологии, – методом прямых частных продаж. Данная черта подтверждает высказанный ранее тезис о том, что низколиквидные государственные пакеты акций акционерных обществ в России следует продавать по упрощенной процедуре.

Следует также отметить, что в Испании развита и программа приватизации земельных участков, подкрепляемая наличием достаточно свободного рынка земель. Имущественно-земельная политика в Испании основывается на привлечении инвестиций в недвижимость [8].

Французская программа приватизации, начатая в 1986 году, была приостановлена в 1988 году и возобновлена в 1993 году.

Одной из отличительных черт французской программы приватизации является сохранение правительством страны существенного контроля за приватизированными компаниями. Так, в соответствии с принятой в 2004 году программой, французское правительство намерено приватизировать два главных парижских аэропорта и начать полную приватизацию нескольких региональных аэропортов. Министр транспорта Франции предложил превратить государственную компанию Aéroports de Paris, являющуюся оператором парижских аэропортов Орли и Шарль де Голль, в открытую компанию, прошедшую листинг на фондовой бирже. Согласно плану, правительство останется основным акционером компании [9].

Правительство Франции также начало частичную приватизацию авиакомпании «Эр Франс», предложив для открытой продажи более 17% капитала этого перевозчика в 1999 году. Существенным моментом в приватизации авиакомпании явилось то, что приватизацию осуществляло не Правительство Франции самостоятельно, а так называемый Реализационный Консорциум – поддерживаемая государством организация, которая была первоначально создана для продажи активов, устраненных из балансовой ведомости банка «Креди Лионнэ». Правительство получило от продажи акций 716 млн. долларов [10].

В ходе приватизации во Франции был опробован ряд методов, которые позднее были использованы в других странах, в частности, во франкоговорящих странах Африки. К таким методам, в частности, относятся автоматическое распределение акций между сотрудниками приватизированных компаний [11]. Этот метод – закрытая подписка на акции акционерных обществ – был использован и в начале приватизации в Российской Федерации. Но российская практика показала, что подобное распределение акций в большинстве случаев не приводило к сколько-нибудь заметному участию работников в управлении делами общества, поскольку многие работники продали свои акции менеджменту предприятия или третьим лицам – скупщикам акций [12]. Также одной из характерных черт французской приватизации является размещение крупных блоков акций у «стабильного ядра» (*noyau dur*) институциональных инвесторов, которые не будут использовать эти акции в спекулятивных целях, способствуя таким образом их будущему твердому положению на фондовом рынке. Данный метод представляется достаточно полезным для приватизируемых предприятий и экономики в целом. Но в условиях Российской Федерации его применение может столкнуться с определенными сложностями – в том случае, если акции будут переданы инвестору в собственность. Более приближенным к французской модели (из предоставленных Гражданским кодексом РФ способов) является передача пакета акций в доверительное управление [13].

Еще одним из методов, используемых при приватизации во Франции и соответствующим значительному государственному контролю за приватизацией, является использование «золотой акции». Подобный институт существует, к примеру, и в законодательстве Новой Зеландии. Это так называемая золотая правительственная акция («акция Киви»), которая устанавливает директивы по перебалансировке тарифов и общих положений о предоставлении услуг. Например, приватизированная телекоммуникационная компания «Телеком», являющаяся монополистом на рынке услуг связи в Новой Зеландии, согласно договоренности в рамках «акции Киви» не может увеличивать свои тарифы быстрее, чем идет рост инфляции цен на товары народного потребления [14].

Аналогичный правовой механизм применяется и в Российской Федерации – специальное право на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотая акция») [15].

Как мы видим, в рассмотренных зарубежных странах нет разделения государственных органов в сфере приватизации на органы по распоряжению имуществом и на органы по реализации государственного имущества. Как правило, данные функции в зарубежных странах передаются в ведение одного органа. Так, в Венгрии для этих целей было создано Государственное имущественное агентство. На агентство, первоначально подчиненное парламенту, а с сентября 1990 года – правительству, были возложены функции по приватизации крупнейших, а позднее и прочих предприятий [16].

В Соединенных Штатах Америки государственная собственность возникла и развивается в основном путем аккумуляции денежных средств в государственном бюджете и их использования для государственного стимулирования экономики, в том числе и для создания отдельных государственных предприятий. В США в собственности государства находятся такие отрасли, как земля, почтовая служба, ирригационные сооружения, дороги, порты, электростанции, научные и исследовательские центры [17]. Данное обстоятельство отличает американскую систему приватизации от российской, поскольку, например, подавляющее число морских портов и прикладных научных институтов в России уже приватизированы.

В США значительной является роль государства как собственника на землю. На его долю приходится 39,5% земельной площади США, в том числе федеральному правительству принадлежит 33,7%, штатам – 5%, муниципалитетам – 0,8%. Имущественно-земельная политика США является не такой либеральной, как в Испании, но и не характеризуется полным доминированием государственной и муниципальной собственности на землю. Национальная политика поощряет индивидуальное землепользование и приобретение недвижимости путем сокращения федеральных налогов для землевладельца [18]. По нашему мнению, подобное стимулирование явилось бы целесообразным и в Российской Федерации.

Правительство США также может приобрести землю у штатов, у частных лиц и корпораций за ту цену, которую получил бы продавец, если бы торг состоялся на земельном рынке. Также следует отметить, что в столице США Вашингтоне только 25 процентов территории принадлежит частным лицам, остальная земля в Вашингтоне принадлежит федеральным органам власти (для сравнения, в Москве приватизация земель является фактически замороженной, передача необходимой части земель в федеральную собственность также не осуществляется) [19].

Преобладающая часть государственной собственности сдается в аренду частным монополиям. После Второй мировой войны были сданы в аренду государственные заводы по производству алюминия, предприятия атомной промышленности, сталелитейные заводы [20].

В последнее время в Соединенных Штатах активно дискутируется вопрос о целесообразности приватизации аэропортов и передачи их в частное управление. Вместе с тем, скорее всего в частные руки будут переданы по контракту отдельные функции и службы аэропортов при сохранении общей государственной собственности [21]. Несмотря на потребность в новом капитале, наложение правительственных ограничений на иностранные инвестиции в авиакомпании является в США широко распространенной тенденцией, которая смягчила правила иностранных инвестиций (иностранец все еще не вправе владеть более чем 49% акций американской авиакомпании). Программа Правительства США по приватизации аэропортов в части оставления большей части имущественных комплексов аэропортов в государственной собственности может быть использована и в России, так как практика российской приватизации

показывает, что, в отличие от авиакомпаний, аэропорты нередко являются убыточными [22].

После Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки как одно из государств-победителей во Второй мировой войне также столкнулись с вопросом реализации высвобождаемого военного имущества. Задача перехода от военной к мирной экономике была довольно сложной: во время второй мировой войны производство для военных целей дошло до двух третей всей промышленной продукции и составило почти половину валового национального продукта США. Однако решение проблем реконверсии охватывало значительно более широкий круг вопросов – производственных, финансовых, внутри- и внешнеполитических, таких, как безработица, заработная плата, цены и тарифы, железнодорожные фрахты и внешняя торговля, неиспользованная военная продукция и государственные военные заводы.

Через три недели после капитуляции Японии президент Трумэн направил конгрессу США пространное послание о переходе от военной к мирной экономике.

Вокруг программы реконверсии развернулась борьба в конгрессе и в стране. Борьба, по существу, сводилась к тому, на кого возлагалась основное бремя последствий войны и издержек перехода от военной экономики к мирной, и велась между организациями рабочих и Национальной Ассоциацией Промышленников (НАП). НАП высказывалась против вмешательства государства в экономику, против больших государственных расходов, за содействие расширению экспорта США и в то же время – за ограждение внутреннего рынка США от иностранной конкуренции. В таком духе выступал и Комитет экономического развития, и Торговая палата США, создавшая комиссию по послевоенной экономической политике еще в 1942 году.

Трумэн в своем послании конгрессу о реконверсии указывал на необходимость реализации накопившегося за время войны государственного имущества. Он остановился на административной стороне вопроса, на том, кто и какие органы должны заниматься реализацией, продажей государственного имущества [23]. Реализацию такого имущества осуществляла Торговая палата США на основании соответствующего решения Правительства США. Таким образом, проблема реализации высвобождаемого военного имущества не является новой и специфичной только для Российской Федерации, получившей «в наследство» от бывшей Советской Армии значительные запасы военного имущества.

В Федеративной Республике Германия также существовал специальный орган, отвечавший за приватизацию государственного имущества – Попечительское ведомство по приватизации и управлению государственным имуществом, учрежденное Договором о создании валютного, экономического и социального союза 18 мая 1990 года между Федеративной Республикой Германия и Германской Демократической Республикой. Основная задача, поставленная перед этим ведомством, заключалась в том, чтобы не допустить деиндустриализацию и обеспечить необходимые структурные сдвиги на территории новых земель [24].

Вместе с тем, в зарубежных странах не являются редкостью и случаи, когда реализацию государственного имущества поручают осуществить частным компаниям. В Федеративной Республике Германия таким путем проходила приватизация авиакомпании «Люфтганза». «Люфтганза» стала акционерным обществом 13 октября 1997 года, когда весь ее выпущенный акционерный капитал был выставлен на открытые торги на фондовых рынках. Однако путь к такой полной приватизации авиакомпании состоял из серии открытых предложений, первое из которых было сделано в 1993 году [25].

«Люфтганза» первоначально привлекла 1,2 млрд. немецких марок, предложив акционерам по одной новой акции за каждые четыре находившихся у них акции. К продаже акций, не принятых правительством (3,9 млн.), отечественным и зарубежным инвесторам был привлечен синдикат международных банков во главе с «Дрезднер Бан-

ком». Правительство Германии стремилось к тому, чтобы сделать продажу своих акций «Люфтганзы» международным событием, а «Дрезднер Банк», который координировал внутренние и международные предложения, назначил большую группу международных банков для обеспечения широкого распределения акций [26].

Источники и литература

1. Малая приватизация в России – нижегородская модель. Сборник нормативных актов. / Издание правительства РФ, подготовлено Международной финансовой корпорацией по делам республик бывшего СССР (Вашингтон). 1992 г.
2. Шлихтер С. Б. Мировая экономика. М., 2001. С. 101.
3. Ракитов А. И. Современный цивилизованный рынок. М., 2003. С. 48.
4. Там же, С. 49..
5. Распоряжение Правительства РФ от 26 апреля 2002 г. N 605-р. / Собрание законодательства Российской Федерации, 20 мая 2002, № 20, С. 1878.
6. Ракитов А.И. Современный цивилизованный рынок. М., 2003. С. 48.
7. Шеломенцев А.Г. Второй передел собственности: Применение законодательства о несостоятельности (банкротстве). // ЭКО. 1999. № 12.. С. 3–14.
8. Воробьев С.В. Обзор зарубежного опыта регулирования имущественно-земельных отношений // Имущественные отношения в РФ.. 2004. № 2. С. 11.
9. Григорьев А.М. Распродажа аэропортов. // Финанс. №37 (78). 4–10 октября 2004.
10. Ангеловская Н.А., Елисеев Б.П. Опыт приватизации иностранных авиакомпаний: юридические и экономические аспекты. // Законодательство и экономика. № 2. Февраль 2005 г. С. 16.
11. Увалич М. Собственность работников: сравнение опыта Запада и Востока. // Политэконом. 1996. № 3. С. 81–87.
12. Максимов И.А. О совершенствовании управления государственной собственностью. // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С.121–129.
13. Глазкова О. Доверительная собственность или доверительное управление? // Бизнес. 1996. № 1. С. 17.
14. Лукашенко О. Государственная собственность в странах развитой рыночной экономики: анализ опыта управления. // Вопр. экономики. 1993. № 10. С.45.
15. Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2004 г. № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении открытыми акционерными обществами («золотой акции»»). // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 декабря 2004 г. № 50. С. 5073.
16. Бюллетень иностранной коммерческой информации. № 84. 23 июля 1996 г. С. 4.
17. Супян В.Б. Эволюция форм собственности в США: современные особенности. // США–Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 1. С.3–26.
18. Воробьев С.В. Обзор зарубежного опыта регулирования имущественно-земельных отношений. // Имущественные отношения в РФ. 2004. № 2. С. 13.
19. Ковалева В. Из-под Юрия Лужкова выбивают площадь. // Коммерсантъ. 2005. № 139.
20. Хубиев К. Государственная собственность и условия ее эффективности (методологический аспект). // Экономист. 2003. № 1. С.45.
21. Соболев И.С. Америка – некоммерческие аэропорты. // Российская газета. 24.11.2003. № 288.
22. Рыжкин С. Аэропорты манят полосой. // Коммерсантъ Business Guide «Авиация», приложение к газете Коммерсантъ. № 151. 16.08.05.
23. Пороховский А.А. Роль государственной собственности в экономическом развитии США. // США–Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 3. С.10.
24. Актуальные проблемы российской экономики. /Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 7 (163) . С. 38
25. Ангеловская Н.А., Елисеев Б.П. Опыт приватизации иностранных авиакомпаний: юридические и экономические аспекты. // Законодательство и экономика. №2. Февраль 2005. С. 22.
26. Ангеловская Н.А., Елисеев Б.П. Опыт приватизации иностранных авиакомпаний: юридические и экономические аспекты. // Законодательство и экономика. №2. Февраль 2005. С. 23.

СОВРЕМЕННАЯ СЕТЬ РОССИЙСКИХ КИНОТЕАТРОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ И ПРОГНОЗЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

С.А. Бойко

В советский период доходы от функционирования киносети покрывали расходы на кинопроизводство, содержание фильмофонда, а также финансировали почти всю социально-культурную сферу. Тенденция к спаду кинопосещаемости обозначилась еще в 70-х годах. На протяжении примерно 20 лет темпы снижения кинопосещаемости были довольно низкими. В 1990 году посещаемость снизилась по сравнению с 1971 годом примерно на 30%. Изменение экономической ситуации в стране (снижение доходов населения, увеличение уровня безработицы), бурное развитие телевидения и видео, а также резкое снижение уровня национального производства фильмов отрицательным образом сказались на посещаемости кинотеатров. В результате рентабельными смогли стать лишь немногие кинотеатры.

В этот период кинотеатры могли удержаться на плаву только в тех случаях, когда они либо получали дотацию от местных органов власти, либо имели другие источники доходов – чаще всего от сдачи в аренду помещений, либо использовали и то, и другое. Доходы, которые кинотеатры получали от показа, чаще всего оказывались недостаточными только для оплаты эксплуатационных расходов. Резкое сокращение доходов кинотеатров и государственных дотаций привело к ухудшению качества киноуслуг.

В последние несколько лет посещение кинотеатров существенно возросло. В России стали появляться современные кинотеатры, которые отвечают запросам зрителей.

Если в 2001 году доходы от продажи билетов в кинотеатрах составили 50 миллионов долларов, то в 2004-ом – уже 270 миллионов долларов. Только за 2004 год количество современных кинотеатров в России выросло на 64 единицы (174 кинозала). На 31 декабря 2004 года в России действовало 457 современных кинотеатра, имеющих 783 кинозала.

Москва – основной рынок киноуслуг России. Здесь в 1996 году были открыты первые современные кинотеатры. Развитость киносети Москвы по сравнению с другими городами России определяется более высоким уровнем доходов населения. С 2000 года в Москве наметилась тенденция строительства многозальных кинотеатров в гипермаркетах и торговых комплексах. Первым таким кинотеатром стал «Каро-Фильм 1», открытый в гипермаркете «Рамстор». Это 4-зальный кинотеатр высшей категории, оснащенный акустическим оборудованием «Dolby Digital EX». Торговый комплекс расположен на границе спального района и промышленной зоны, состоит из большого количества различных магазинов (в основном известных фирм), что привлекло большое количество посетителей как самого комплекса, так и кинотеатра. Такого рода кинотеатры стали появляться во всех спальных районах Москвы. Они пользуются большой популярностью у жителей этих районов.

Самыми большими кинотеатрами, имеющими значительное количество залов, в Москве являются «Формула Кино» и комплекс «Мега», которые также расположены в торговых комплексах, впечатляющих площадями, как и сами кинотеатры. «Формула кино» – это 9-зальный кинотеатр, расположенный в большом торговом комплексе «Атриум», в состав которого также входят развлекательный центр, большое количество ресторанов и кафе. Сам кинотеатр обладает VIP-залом, залом игровых автоматов и магазином.

Комплекс «Мега» является действительно огромным, состоит из гипермаркетов «ИКЕА», «Auchan», супермаркета электроники «Техносила», мега-автомаркета и магазинов практически всех известных марок одежды, обуви и т.д. Под крышей комплекса также находятся ледовый каток, много ресторанов и кафе. Кинотеатр в этом гигантском

заведении состоит из 11 залов и полностью соответствует масштабам всего комплекса. Даже в будние дни, днем во всем комплексе присутствует большое количество посетителей.

Название сети	Кол-во к/театров	Кол-во залов	Кол-во мест	Доля рынка
Формула кино	22	65	18 722	34%
Rising Star Media	2	23	6 700	12%
КиноМакс	5	13	2 871	5%
ЦентрФильм	5	10	2 858	5%
Люксор	3	9	2 622	5%
Вулкан (Пирамида)	3	4	2 179	4%
Синема Парк	2	15	2 068	4%
Парадиз	3	11	1976	4%

Таблица 1. Крупнейшие операторы московских кинотеатров в 2004 году

Строительство в столице, кроме многозальных кинотеатров, VIP-кинотеатров, цены на билеты в которых доходят до 50 долларов, является доказательством развитости киносети Москвы. В общем, кино-инфраструктура Москвы впечатляет своей степенью развития и наличием многозальных кинотеатров (табл. 1).

В настоящее время в Москве наметилась новая тенденция развития сферы киноуслуг. Это строительство кинотеатров в бизнес-центрах. За 2004 год были открыты два таких кинотеатра. На данный момент рынок Москвы уже подошел к порогу «первичного насыщения». Вместе с тем в 2005 году в Москве открылись такие мультиплексы, как 16-зальный кинотеатр компании «Екатеринбург-Арт» и кинотеатры компаний «Формула кино», «Люксор». «Парадиз».

Рынок Санкт-Петербурга, второй по масштабам в России, примерно в 3 раза меньше рынка Москвы. В городе более низкий уровень доходов населения по сравнению с Москвой, несмотря на это, темпы роста новых кинотеатров очень высоки. Открытие 14 кинозалов в 2003 году обеспечило удвоение рынка, а открытие в 2004 году еще 31 кинозала дало рост еще в 111% за год (табл. 2). Практически все новые кинотеатры Петербурга открыты в торговых центрах. Самым значимым событием 2004 года стало открытие 4 мультиплексов сети «Кронверк Синема», таких как «Норд», «Академический», «Меркурий» и «Балканский». Также к концу 2004 года в ТЦ «Гулливёр» был открыт второй кинотеатр сети «Мираж Синема».

Название сети	Кол-во к/театров	Кол-во залов	Кол-во мест	Доля рынка
Кронверк Синема	6	33	5 258	48%
Мираж Синема	2	6	1 314	12%
Джем Холл	2	2	366	3%

Таблица 2. Крупнейшие операторы кинотеатров Санкт-Петербурга в 2004 году

Многозальные кинотеатры – неперенный атрибут огромных торгово-развлекательных комплексов ООО «Макромир». Согласно идеологии компании, под кинозрелища отводится около 10% площади комплексов. Например, в ТК «Телецентр» совсем недавно открыт шестизальный мультиплекс, оператором которого стала московская сеть «Каро Фильм» (рядом со станцией метро «Пионерская» на месте незавер-

шенного и брошенного студийного комплекса ГТРК «Петербург – 5 канал»). В другом проекте «Макромира» – «Европа Центр» на проспекте Стачек – предусмотрен мультиплекс на девять залов, что, по расчетам руководства компании, сделает комплекс площадью 100 000 кв. м центром привлечения потенциальных посетителей из многих районов города.

Громким открытием 2005 года является созданный компанией «Роскинопрокат» в торговом комплексе «Пик» 8-зальный кинотеатр. В 2006 году закончится строительство самого долгожданного проекта сети «Кронверк Синема» – первого кинотеатра, оснащенного системой IMAX (система объемного изображения), расположенного в Александровском парке Санкт-Петербурга.

Место	Регион	Кол-во к/театров	Кол-во залов	Доля рынка
1	Москва	79	216	27.6%
2	Санкт-Петербург	20	59	7.5%
3	Екатеринбург	10	21	2.7%
4	Новосибирск	13	18	2.3%
5	Нижний Новгород	10	17	2.2.%
6	Волгоград	7	16	2.0%
7	Казань	7	13	1.7%
8	Челябинск	7	12	1.5%
9	Владивосток	6	10	1.3%
10	Уфа	4	10	1.3%

Таблица 3. Рейтинг городов по количеству кинозалов в 2004 году.

№	Оператор сети	Кол-во к/театров	Кол-во залов	Кол-во мест в сети	Центральный офис
1	Формула Кино	26	78	21736	Москва
2	Киномакс	16	33	9233	Москва
3	Кронверк Синема	6	33	5258	Санкт-Петербург
4	Rising Star Media	2	23	6700	Москва
5	Центрфильм	8	16	4619	Москва
6	Синема Парк	2	15	2068	Москва
7	Парадиз	3	11	1976	Москва
8	Арт Сайнс Синема	5	10	3115	Новосибирск
9	Люксор	3	9	2622	Москва
10	Премьер Зал	5	8	3302	Екатеринбург

Таблица 4. Крупнейшие операторы сетей кинотеатров России. 2004 год

За 2004 год рынок кинотеатров российских регионов вырос на 19%. Так же, как и в столицах, именно строительство кинотеатров в торговых центрах играет значительную роль в развитии рынка киноуслуг. Такое расположение кинотеатров в комплексе с торговыми площадями выгодно как самому кинотеатру, так и магазинам, так как и те, и другие стараются привлечь как можно больше посетителей. В 2004 году было открыто 5 кинотеатров в торговых центрах Волгограда, Нижнего Новгорода, Хабаровска, Подольска и Казани (табл. 3). Практически все операторы киносетей планируют в 2005-

2006 годах открывать региональные кинотеатры, расположенные именно в торговых центрах (табл. 4). В 2005 году тенденция открытия многозальных кинотеатров в торговых центрах уже стала доминирующей по всей России.

Основной причиной расширения сферы влияния московских операторов кинотеатров на регионы является постепенное насыщение московского рынка киноуслуг. При этом лидерами такого развития становятся девелоперы торговых центров. В их числе «Рамстор», «КЕА», «Парк хауз», «Адамант» и др. Вторая причина развития киноуслуг в регионах – это желание «застолбить» региональные рынки до прихода туда других операторов-конкурентов.

Рынки кинотеатров даже крупных городов (с населением более 1 миллиона человек) несравнимы по емкости с московским либо петербургским рынками, строительство 2–3 крупных мультиплексов может полностью «закрыть» город для новых компаний. Стратегической причиной развития в регионах является смена статуса «московских операторов кинотеатров» на «федеральных операторов кинотеатров». Такими операторами являются «Киномакс», «ИнвестКиноПроект», «Синема Парк».

Одним из путей регионального развития рынка киноуслуг может стать распространение системы продажи франшизы местным компаниям. Пионером на этом рынке может стать сеть «Формулы кино», которая заключила первый договор на передачу франшизы с будущим кинотеатром в Красноярске. Основную картину развития рынка современных кинотеатров в 2005–2006 годах будут формировать уже существующие сети кинотеатров. Характерно, что в планах на 2005 года у некоторых компаний нет Москвы и Петербурга. Основной стратегией развития киносети становится строительство новых и переоборудование старых кинотеатров в регионах. В 2006 году в регионах России планируется открыть около 60 новых кинотеатров с общим количеством залов 260.

Источники и литература

¹ Карахан А. Кто как масскультура: дефицитное кино. // Коммерсантъ деньги. 2002. № 43. С. 96–97.

² Кокарев И. Кинематограф в России. М., 2000. 487 с. С. 142.

³ Березин О.С. Открытие новых кинотеатров в 2004 году. // Синемаскоп. «Нева-фильм». Санкт-Петербург. 2005. № 1. С. 2–3.

ПОНЯТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК АНАЛОГ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Л. Борисенко

Вопрос организационной культуры является относительно новым и мало изученным в нашей стране и за рубежом. Даже в США исследованием этой проблемы начали заниматься лишь в 80–90-х годах, а в России и того позже. Поэтому пришло время серьезно заняться изучением деятельности организации с позиции организационной культуры. Об интересе к этой проблеме свидетельствуют запросы руководителей и специалистов, а также реальные заказы организаций на выполнение исследовательских проектов.

В целом *культура* выступает как качественное состояние социальных явлений (духовных и материальных), возникающих в обществе и не встречающихся в природе. Она является способом духовно-практического освоения действительности на устойчивой ценностно-нормативной основе и регуляции взаимодействий, интеграции индивидов в общество. При этом культура общности складывается из отдельных фактов поведения на основе характерных для нее образов мыслей и образцов действий.

То, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни – белые рубашки и синие костюмы сотрудников IBM и джинсы их основных конкурентов Apple; исполнение гимна компании перед началом каждого рабочего дня сотрудниками TOYOTA; таблички с именем на груди персонала McDonalds – это лишь верхний слой организационной культуры, который основан на поведенческих нормах, вытекающих из базисных ценностей организации. Некоторые компании излагают свои базисные ценности в виде кредо; для большинства организаций ценности являются чем-то нематериальным, воспринимаемым сотрудниками через весь комплекс их взаимодействия с организацией: работу, общение с руководителями, коллегами и подчиненными, чтение внутренних изданий и т.д.

Культура фирмы – не синоним понятия «климат». Культура сама предполагает климат, ценности, стиль, взаимоотношения в данной организации. В ее понятие входят некие постоянно повторяющиеся характеристики поведения людей, например, ритуалы, формы проявления почтительности, манера поведения, нормы производственных групп; философия, которая определяет политику организации по отношению к работникам или заказчикам; «правила игры», которые надо соблюдать, чтобы преуспеть в организации.

Феномен организационной культуры уже завоевал признание ученых и практиков во всем мире. Она не только отличает одну организацию от другой, но и предопределяет успех функционирования компании в долгосрочной перспективе. Если можно говорить о том, что организация имеет «душу», то этой «душой» является именно организационная культура.

В современной литературе существует довольно много определений понятия организационной культуры. Как и многие другие понятия организационно-управленческих дисциплин, концепция организационной культуры не имеет универсального определения. Возможны лишь разнообразные функциональные описания культурной области, которые всякий раз формулируются в зависимости от конкретных целей исследования, но целостного сущностного определения культуры, получившего общепризнанное распространение, нет. Термин «культура» у всех на слуху, однако эта известность слова очень обманчива. Безусловно, дать грамотное краткое определение любому широкому понятию (даже давно устоявшемуся) очень трудно. Такие определения и характеристики легко даются «со стороны», т.е. теми, кто не является профессионалами в соответствующей сфере. Специалисты же всегда дискутируют, спорят между собой. Вместе с тем трудности определения для них обусловлены, конечно, не ог-

раниченностью их взглядов, а хорошо осознаваемой сложностью понятия, исторической эволюцией его содержания, пересечением с другими концепциями и т.д. Культура группы может быть определена как отношение коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем.

Проблема социализации. На наш взгляд, культура, прежде всего, – то, что передается новым поколениям членов группы (Louis, 1980, 1990; Schein, 1968; Van Maanen, 1976; Van Maanen and Schein, 1979). Изучение того, чему обучают новых членов группы, на деле является неплохим средством нахождения определенных элементов культуры, однако следует помнить, что средство это позволяет выявить только поверхностные ее аспекты. Это верно еще и потому, что многое из того, что составляет суть культуры, невозможно выразить в наборе правил внешнего поведения, к которым приучают новичков. Они могут сообщаться членам группы только при обретении ими постоянного статуса и вхождении во внутренние круги группы, которым могут быть доверены секреты. С другой стороны, способ научения и процессы социализации, в которые вовлекаются члены группы, содержат в себе куда более глубокие представления. Проникновение на эти глубинные уровни предполагает понимание представлений и чувств, возникающих в критических ситуациях, а также наблюдение и беседы с постоянными членами или ветеранами организации, которые дают возможность достаточно точно воспроизвести смысл этих глубинных коллективных представлений. Можно ли усвоить культуру посредством ускоренной социализации или самосоциализации? Смогут ли новые члены группы открыть для себя базовые представления? И да, и нет. Мы знаем определенно, что деятельность любого нового члена группы во многом состоит в дешифровке характерных для этой организации норм и представлений. Однако успех названной дешифровки зависит от реализуемой старожилками политики поощрений и наказаний, сопровождающих различные варианты поведения новичков. В этом смысле обучение происходит постоянно, пусть процесс этот и не носит систематического характера.

Если группа не имеет коллективных представлений, то взаимодействие новых членов группы со старыми представляет собой творческий процесс создания культуры. При наличии же таких представлений культура сохраняется путем передачи их новичкам. В этом смысле культура является механизмом социального контроля, благодаря которому могут быть заданы определенные модели восприятия, мышления и самоощущения (Van Maanen and Kunda, 1989; Kunda, 1992). Вопрос об отношении к культуре как к средству социального контроля будет рассмотрен нами позднее.

Проблема «поведения». В наше определение культуры не включены в явном виде паттерны поведения, хотя некоторые формы поведения, и особенно его формальные ритуалы, являются отражением культурных представлений. Вместо этого здесь делается акцент на ключевых представлениях, связанных с нашим восприятием и оценкой предметов и явлений. Демонстрируемое поведение всегда детерминировано как культурной предрасположенностью (паттерны ощущений, мыслей и чувств), так и ситуационными факторами, связанными с непосредственным внешним окружением. Таким образом, закономерности поведения являются как отражением индивидуального, сугубо личного опыта, так и реакцией на ситуационные стимулы общего характера, связанные с внешним окружением. Скажем, мы замечаем, что все члены организации пытаются скрываться от рослого голосистого руководителя. Подобное поведение может быть следствием как чисто биологической реакции на внушительные размеры и громкий голос этого человека, так и отражением индивидуального или коллективного опыта. Такая поведенческая закономерность не может рассматриваться в качестве основы для

определения культуры, хотя в дальнейшем мы можем прийти к тому, что для данной группы подобная тактика является результатом коллективного опыта и, соответственно, манифестацией глубинных коллективных представлений. Иными словами, выявленные нами поведенческие закономерности совсем не обязательно являются проявлением культуры. Мы можем судить о том, является или не является данное конкретное явление отражением культуры, лишь после рассмотрения глубинных уровней, определяемых автором в качестве сущности культуры.

Может ли крупная организация иметь единую культуру? Определение, данное выше, ничего не говорит о размерах социальной единицы, к которой оно может быть приложено. Опыт знакомства с большими организациями свидетельствует о том, что при достижении ими определенных размеров различия между их подразделениями становятся существенными, вследствие чего мы вряд ли можем говорить о «культуре» IBM, General Motors или Shell Oil. На мой взгляд, эта проблема каждый раз должна решаться эмпирически. Если определенные представления являются общими для всех подразделений организации, значит, мы вправе говорить о ее культуре, пусть в то же время мы можем выделить в ней ряд различных субкультур, обладающих собственной цельностью. На деле, как мы увидим в дальнейшем, со временем любая социальная единица в результате процесса естественной эволюции производит подуровни, продуцирующие субкультуры. Некоторые из этих субкультур обычно находятся в конфликте друг с другом, характерным примером чего может быть высшее руководство и входящие в различные профсоюзы производственные группы. Несмотря на наличие подобных конфликтов, организации обладают и общими представлениями, проявляющимися в кризисных ситуациях и при появлении у них общего неприятеля.

Следует отметить, что если в признании наличия феномена организационной культуры академические и деловые круги практически единодушны, то в содержательной трактовке ее определений такого единодушия не было и нет. Вообще, как считает П. Фрост, организационная культура – концептуально «скользкое» понятие. К тому же научное осмысление этого явления находится еще на стадии первичного обобщения, которой также присущ широкий плюрализм подходов, иногда, к сожалению, переходящих даже в анархизм (как, например, категоричные утверждения некоторых ученых – Гэласа, Мейера, Гэша и др. – о «тупиковости» исследований в этой области). Отсюда и приводящая в замешательство «пестрота», разнородность литературы по организационной культуре.

Большинство авторов сходится на том, что культура организации представляет собой сложную композицию важных предположений (часто не поддающихся формулированию), бездоказательно принимаемых и разделяемых членами коллектива. Часто организационная культура трактуется как принимаемые большей частью организации философия и идеология управления, предположения, ценностные ориентации, верования, ожидания, расположения и нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействий как внутри организации, так и за ее пределами. Вот несколько примеров определения понятия внутриорганизационной культуры.

Э. Джакус (1952 г.): «Культура предприятия – это вошедший в привычку, ставший традицией образ мышления и способ действия, который в большей или меньшей степени разделяют все работники предприятия и который должен быть усвоен и хотя бы частично принят новичками, чтобы новые члены коллектива стали «своими»».

Д. Элдридж и А. Кромби (1974 г.): «Под культурой организации следует понимать уникальную совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения и т.п., которые определяют способ объединения групп и отдельных личностей в организацию для достижения поставленных перед ней целей».

Х. Шварц и С. Дэвис (1981 г.): «Культура... представляет собой комплекс убеждений и ожиданий, разделяемый членами организации. Эти убеждения и ожидания

формируют нормы, которые в значительной степени определяют поведение в организации отдельных личностей и групп».

К. Голд (1982 г.): «Корпоративная культура – это уникальные характеристики воспринимаемых особенностей организации, того, что отличает ее от всех других в отрасли».

М. Пакановский и Н. О’Доннел-Тружиллио (1982 г.): «Организационная культура – это не просто одна из составляющих проблемы, это сама проблема в целом. На наш взгляд, культура – это не то, что организация имеет, а то, чем она является».

В. Сате (1982 г.): «Культура представляет собой набор важных установок (часто не формулируемых), разделяемых членами того или иного общества».

Э. Шайн (1985 г.): «Организационная культура – это комплекс базовых предположений, изобретенный, обнаруженный или разработанный группой для того, чтобы научиться справляться с проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции. Необходимо, чтобы этот комплекс функционировал достаточно долго, подтвердил свою состоятельность, и потому он должен передаваться новым членам организации как правильный образ мышления и чувств в отношении упомянутых проблем».

Г. Морган (1986 г.): «Культура в метафорическом смысле – это один из способов осуществления организационной деятельности посредством использования языка, фольклора, традиций и других средств передачи основных ценностей, убеждений, идеологии, которые направляют деятельность предприятия в нужное русло».

К. Шольц (1987 г.): «Корпоративная культура представляет собой неявное, невидимое и неформальное сознание организации, которое управляет поведением людей и, в свою очередь, само формируется под воздействием их поведения».

Д. Дреннан (1992 г.): «Культура организации – это все то, что для последней типично: ее характерные черты, преобладающие отношения, сформировавшиеся образцы принятых норм поведения».

П. Добсон, А. Уильямс, М. Уолтерс (1993 г.): «Культура – это общие для всех и относительно устойчивые убеждения, отношения и ценности, существующие внутри организации».

Э. Браун (1995 г.): «Организационная культура – это набор убеждений, ценностей и усвоенных способов решения реальных проблем, сформировавшийся за время жизни организации и имеющей тенденцию проявления в различных материальных формах и в поведении членов организации».

Д. Олдхэм (ЛИНК): «Чтобы понять, что такое культура организации, необходимо рассмотреть методы выполнения работы и то, как обращаются с людьми в этой организации».

М.Х. Мескон: «Атмосфера или климат в организации называется ее культурой. Культура отражает преобладающие обычаи, нравы и отражения в организации».

С. Мишон и П. Штерн: «Организационная культура есть совокупность поведения, символов, ритуалов и мифов, которые соответствуют разделяемым ценностям, присущим предприятию, и передаются каждому члену из уст в уста в качестве жизненного опыта».

П.Б. Вейлл: «Культура – это система отношений, действий и артефактов, которая выдерживает испытание временем и формирует у членов данного культурного общества довольно уникальную общую для них психологию».

Е.Н. Штейн: «Организационная культура есть набор приемов и правил решения проблем внешней адаптации и внутренней интеграции работников, правил, оправдавших себя в прошлом и подтвердивших свою актуальность».

Н. Лемэтр: «Культура предприятия – это система представлений, символов, ценностей и образцов поведения, разделяемая всеми его членами».

Несмотря на очевидное разнообразие определений и толкований организационной культуры, в них есть общие моменты.

Так, в большинстве определений авторы ссылаются на образцы базовых предположений, которых придерживаются члены организации в своем поведении и действиях. Эти предположения часто связаны с видением окружающей среды (группы, организации, общества, мира) и регулирующих ее переменных (природа, пространство, время, работа, отношения и т.д.). Нередко бывает трудно сформулировать это видение применительно к организации.

Ценности (или ценностные ориентации), которых может придерживаться индивид, являются второй общей категорией, включаемой авторами в определение организационной культуры. Ценности ориентируют индивида на то, какое поведение следует считать допустимым или недопустимым. Так, в некоторых организациях считается, что «клиент всегда прав», поэтому в них недопустимо обвинять клиента за неудачу в работе членов организации. В других может быть все наоборот. Однако и в том, и в другом случае принятая ценность помогает индивиду понять то, как он должен действовать в конкретной ситуации.

И, наконец, третьим общим атрибутом понятия организационной культуры считается «символика», посредством которой ценностные ориентации «передаются» членам организации. Многие фирмы имеют специальные, предназначенные для всех документы, в которых они детально описывают свои ценностные ориентации. Однако содержание и значение последних наиболее полно раскрываются работникам через «ходячие» истории, легенды и мифы. Их рассказывают, пересказывают, толкуют. В результате этого они иногда оказывают большее влияние на индивидов, чем те ценности, которые записаны в рекламном буклете компании.

Используя то общее, что присуще многим определениям, можно понимать организационную культуру следующим образом.

Организационная культура – это набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий. Эти ценностные ориентации передаются индивидом через «символические» средства духовного и материального внутриорганизационного окружения.

В последнее время практики-управленцы и ученые все чаще говорят о культурной революции в менеджменте. Все большее количество организаций ощущает нарастание зависимости результатов от того, насколько адекватна культура организации сложившимся требованиям.

Многие виды бизнеса сегодня не могут быть успешными, если не удастся сформировать соответствующую организационную культуру. Это относится, в первую очередь, к сфере обслуживания (гостиничный бизнес, банковское обслуживание, общественное питание) и к массовому производству технически и технологически сложных изделий (бытовая электроника, автомобили). Многие виды производства не поддаются технологическому переносу на новое место без соответствующего переноса ключевых элементов организационной культуры.

Особенно восприимчивы к культурным факторам эффективности международные корпорации. Формирование, сохранение и развитие корпоративной культуры в них осложняется необходимостью сопряжения культурных традиций представителей разных стран и сообществ с разными историческими и культурными традициями.

Многие последние исследования в области менеджмента указывают на то, что компании-лидеры характеризуются общими элементами их корпоративной культуры, что позволяет их считать факторами высокой эффективности.

Т. Питерс и Р. Уотермен обнаружили тесную связь между культурой и успехом в работе организации. Взяв за образец успешные американские фирмы и описав управленческую практику, они выявили ряд ценностей организационной культуры, приведших эти компании к успеху:

- вера в действия (решения принимаются даже в условиях недостатка информации; откладывание решений равносильно их непринятию);
- связь с потребителем (информация, поступающая от потребителя, так называемый фокус на потребителя, – ценность для всех работников);
- поощрение автономии и предприимчивости (крупные и средние компании зачастую делятся на филиалы, которым предоставляется определенная самостоятельность, необходимая для творчества и разумного риска);
- рассмотрение людей как главного источника производительности и эффективности (человек – наиболее важный актив компании, поэтому он – центр внимания и объект инвестиций);
- знание того, чем управляешь (руководители управляют не из закрытых кабинетов, а постоянно бывая на объектах);
- концентрация вокруг основного вида деятельности (слишком сильная диверсификация в стороне от основного бизнеса неприемлема);
- простая структура и немногочисленный штат управления (в высшем эшелоне управления поддерживается минимальный штат сотрудников);
- одновременное сочетание гибкости и жесткости в организации (гибкость и адаптивность в конкретных действиях достигается при достаточно инерционной и жесткой системе разделяемых культурных ценностей).

Многие понимают качественные характеристики корпоративной культуры как отражение успеха компании. При позитивных изменениях, происходящих в организации, так и происходит. А если возникающие проблемы с объемом продаж, рентабельностью, с дебиторской задолженностью не дают возможности задуматься об улучшении благосостояния работников, их настроениях, ожиданиях? Тогда задача существенно усложняется. Среди причин, которые приводят различные проекты к провалу, очень часто называется человеческий фактор.

В развитии организации люди играют ключевую роль. Они являются главной составляющей конкурентного преимущества. Можно копировать продукт или услугу, добиваясь более низкой себестоимости или более высокого качества, можно фокусироваться на определенных рыночных сегментах, но невозможно копировать поведение людей. Однако именно к этому стремятся консультанты по развитию личности в бизнесе, используя НЛП-практику. Если сравнивать людей с организацией, то получается, что коллектив в организации может представлять собой некий триумвират из коллективного духа, души и тела. Дух является проявлением коллективной воли нацеленной на достижение определенных целей. Душа – это имя, это репутация, это то, что мы ценим, гордимся и бережем. Последнее мы делаем согласно Святому Писанию: «... не будет пользы человеку, если он приобретет весь мир, но при этом потеряет душу». И тело – это дисциплина, с одной стороны, и творчество или искушение нарушить ее, с другой. Это следование необходимости подчиняться корпоративным законам и правилам. Это обязательства и требования, предъявляемые коллективом к внешней среде. Самоуважение рождается в коллективе, когда удается достигать поставленных целей, следовать шкале приоритетов и ценностей.

Если рассматривать вопрос «Почему процветающее предприятие является таковым?» с точки зрения культуры предпринимательства, то здесь можно прийти к выводу о том, что, кроме стратегии четких организационных структур, высококвалифицированных сотрудников, процветающие предприятия располагают сильной культурой и особым стилем, четко выработанным имиджем и корпоративным духом. Все это вместе способствует достижению ведущих позиций на мировом рынке и сохранению конкурентных преимуществ.

Наши фирмы и предприятия еще не осознают, что проблемы настоящего и будущего больше не могут решаться с помощью рецептов прошлого. Представления о цен-

ностях пришли в движение. Неясно осознают наши предприниматели и то, что на смену прошлым общепризнанным ценностям, таким как дисциплина, послушание, иерархия, власть; приходят другие: участие, самовыражение, коллектив, раскрытие личности, творчество.

Литература

1. Капитонов Э.А. Капитонов А.Э Корпоративная культура и Р.Р. // Издательский центр «МарТ». М. – Ростов-на-Дону. 2003
2. Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения. с точки зрения культуры предпринимательства .М: Дело, 2001.
3. Мишурова И.В. Жуков Д.В. Туманова Е.В и др. Технологии корпоративного менеджмента. М.– Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2004.

«ТОРГОВАЯ МАРКА», «БРЭНД» И «ТОВАРНЫЙ ЗНАК»

О.М. Веприк

В настоящее время в литературе существует множество трактовок понятий «торговая марка», «бренд» («брендинг») и их взаимосвязи между собой и понятием «товарный знак». В переводной литературе по маркетингу термины «trade mark» и «brand» зачастую трактуются по-разному. Чаще всего «brand» определяется как торговая марка, под которой понимается имя, знак, символ или их сочетание, используемые для того, чтобы отличить товары или услуги, производимые одной фирмой, от аналогичных товаров других фирм.

Вообще, термин «branding» или «brand management» происходит от латинского слова «brand» – клеймо. Как академическая концепция он начал формироваться в 30-е годы XX века в США, в компаниях «Procter&Gamble» и «General Foods».

Дословно «brand» переводится как марка, знак, символ, и чаще всего именно этот термин («brand name») в оригинале используют зарубежные специалисты по маркетингу для определения марки товара. В специализированных словарях английское слово «brand» в сочетании с другими терминами также переводится как марка.

Американская ассоциация маркетинга считает, что «бренд — это название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для отличия их от товаров или услуг конкурентов»¹.

Известный американский специалист в области брендинга и экономики Айен Эллууд определяет бренд как «набор характеристик, которые придают товару или услуге добавленную стоимость помимо ее основных качеств»².

По мнению другого специалиста, Скотта М. Дэвиса, «...торговая марка – это нематериальный актив, олицетворяющий собой все, что делает фирма, и то, чем она является»³. Английский маркетолог Пол Фелдвик дает бренду несколько определений: «Бренд – это узнаваемый и надежный символ происхождения и одновременно гарантия хорошей работы», «бренд – это обещание удовлетворения потребностей клиента в той же степени и объеме, что и всегда»⁴.

Определение Генри Чармэссона гласит, что «торговые марки – это названия, под которыми фирма рекламирует и продает свою продукцию»⁵. Директор компании Brand Solutions Чарльз Р. Петтис называет брендом «запатентованный визуальный, эмоциональный, рациональный и культурный образ, который ассоциируется с компанией или продуктом»⁵. Дэвид М. Огилви, известный деятель рекламной индустрии, дал такое определение: «Бренд – это неосязаемая сумма свойств продукта: его имени, упаковки, цены, его истории, репутации, и способа рекламирования. Бренд также является сочетанием впечатления, которое он производит на потребителей, и результатом их опыта в использовании бренда»⁵.

Теперь обратимся к определению понятий «бренд», «торговая марка» и «товарный знак» среди российских исследователей. Известный отечественный маркетолог П.С. Завьялов дает следующее определение: «Товарный знак (торговая марка) – зарегистрированное в установленном порядке обозначение, присвоенное товару для его отличия от других и указания на его производителя. Он представляет собой рисунок, символ, знак, определенное сочетание букв, цифр. Понимаемый как средство индивидуализации производителя товарный знак рассматривается как торговая марка или фирменный знак»⁶.

Е. П. Голубков дает такое определение: «Марка – это название, термин, знак, символ, рисунок или их комбинация, предназначенные для того, чтобы идентифицировать продукт и дифференцировать его от продукта конкурентов. Марка включает в свой состав марочное имя, марочный знак и товарный знак. Марочное имя представляет собой

часть марки в виде букв, слов и их комбинаций, которые могут быть произнесены. Марочный знак – часть марки, которая является узнаваемой, но не произносимой. Он представляет собой символ, рисунок, отличительный цвет или шрифтовое оформление. Под товарным знаком понимается марка или ее часть, защищенные юридически»⁷. Аналогичные определения даны в работе Г.Л. Багиева, В.М. Тарасевич, Х.Анн⁸.

Российский специалист в области рекламы и брэндинга А. Филюрин под торговой маркой подразумевает «тот образ, который появляется в сознании потребителей как реакция на товарный знак. Следовательно, торговая марка – это товарный знак, дополненный всем тем, что потребители думают, знают о товаре, теми ожиданиями, которые они связывают с ним»⁹.

Однако другой специалист в области рекламы, И.В. Крылов, считает, что точный эквивалент этого понятия в русском языке отсутствует. Наиболее близкое понятие – образ марки товара в сознании покупателя, выделяющий его среди конкурирующих товаров. Структурно брэнд подразделяется на «brand-name» (словесную часть марки) и «brand-image» (визуальный образ марки, формируемый рекламой в восприятии покупателя)¹⁰.

В отечественном законодательстве можно найти определение только для товарного знака. В соответствии с Законом Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» товарный знак – обозначение, способное отличать товары и услуги одних юридических или физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц. В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные или другие обозначения и их комбинации. Для обозначения комбинированного словесно-графического товарного знака часто используется термин «логотип». Зарегистрированный в установленном порядке товарный знак (логотип) становится законодательно защищенным активом, а его владелец застрахован от подделок или недобросовестного использования обозначений, отличающих его товар или услугу. Товарный знак может быть и не зарегистрирован в силу различных обстоятельств, но выполнять при этом все функции товарного знака.

Источники и литература

¹ American Marketing Association. <http://www.ama.org>

² Эллууд А. Основы брэндинга: 100 приемов повышения ценности товарной марки/ Айен Эллууд. / Пер. с англ. Т. Новиковой./ М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. С. 39.

³ Дэвис С.М. Управление активами торговой марки / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб: Питер, 2001. С. 17.

⁴ Создание торговой марки: опыт десяти наиболее успешных британских практиков. / Под ред. Дона Коули: Пер. с англ. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт: ИНФРА-М, 2002. С. 82.

⁵ Чармэссон Г. Торговая марка: как создать имя, которое принесет миллионы. СПб: Питер, 2000. С. 56.

⁶ Маркетинг (под ред. А. Н. Романова). М: ЮНИТИ, 1995. С. 68.

⁷ Голубков Е. П. Основы маркетинга. М.: Финпресс, 1999. С. 46.

⁸ Багиев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х. Маркетинг. М.: Экономика, 1999. С. 34.

⁹ Маркетинг. / Под ред. А. Н. Романова. М: ЮНИТИ, 1995. С. 81.

¹⁰ Голубков Е.П. Основы маркетинга. М.: Финпресс, 1999. С. 25.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭЛИТА»

О.С. Дивисенко

Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* – выбирать; в современной литературе получил широкое хождение от французского *elite* – лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века, он употреблялся (купцами, в частности) для обозначения товаров наивысшего качества. В XVIII веке его употребление расширилось, он начинает употребляться для наименования «избранных людей», прежде всего высшей знати, а также отборных («элитных») воинских частей. С XIX века понятие это стали использовать также в генетике, селекции, семеноводстве для обозначения лучших семян, растений, животных для их дальнейшего разведения.

В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь 1823 года, этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. Тем не менее, отметим, что понятие элиты не применялось широко в общественных науках вплоть до начала XX века (т.е. до появления работ В. Парето), а в США – даже до 30-х годов нашего столетия. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что этимология может иметь сугубо вспомогательное значение при определении содержания понятия, которое выступает как момент, узловой пункт, а отчасти и результат определенной социальной концепции.

Что же такое элита? При ответе на этот вопрос в построениях элитаристов мы не только не обнаружим единодушия, но, напротив, натолкнемся на суждения, порой опровергающие друг друга. Похоже на то, что элитаристы сходятся только в одном – в постулировании необходимости элиты для общества. Во всех других аспектах между ними больше разногласий, чем согласия.

Если суммировать основные значения, в которых этот термин употребляется социологами и политологами, то получится весьма пестрая картина. Начнем с определения Парето, который, собственно, и ввел это понятие: это лица, получившие наивысший индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности («Трактат о всеобщей социологии»¹). В другой своей работе Парето пишет, что «...люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества, так называемые «высшие классы», и составляют элиту, аристократию (в этимологическом значении слова: *aristos* – лучший), большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами – неважно, хорошими или дурными, – которые обеспечивают власть».

Многие лингвистические словари дают следующее определение слова элита: в первом значении «элита» (от фр. *elite* – отборный, избранный) – это «лучшие, отборные экземпляры селекции», во втором, переносном значении – «лучшие представители (общества, страны, народа и т.д.)» или «лучшие представители какой-либо части общества, общественной группы и т.п., например, научная элита».² В словаре С.И. Ожегова и Н.И. Шведовой уточняется, что во втором значении (с пометой «книжн.») элита – это не только «лучшие представители какой-нибудь части общества, группировки», но и «люди, относящиеся к верхушке какой-нибудь организации, группировки».

Авторы Большого толкового словаря так определяют слово «элита»: «лучшие представители общества или какой-либо его части (писательская элита, рабочая элита)» и сопровождают пометой «ирон.» значение «привилегированный слой общества, избранные».³

В последнее десятилетие данное понятие активно употребляется учеными-политологами, социологами, философами как термин для обозначения представителей тех социальных слоев, которые участвуют в выработке и принятии важнейших властно-

управленческих решений и оказывают реальное влияние на социально-политическую ситуацию в стране.

Несмотря на то, что термин «элита» не раз становился предметом дискуссий о корректности его употребления в сфере общественных наук, надо констатировать, что он вошел в научный обиход. Подтверждением этому могут служить названия десятков брошюр, публикаций, учебных пособий. Понятие «элита» рассматривается в философских, социологических, политологических словарях. Существует Центр изучения элиты РАН.

Для обозначения советского правящего класса раньше употреблялся термин «номенклатура» (от лат. *nomenclatura* – роспись имен), одно из значений которого, отмеченное в современных словарях, – «круг должностных лиц, персонально утверждаемых вышестоящим органом».⁴

Существует лексема «элита», которая активно используется в последнее десятилетие в научном дискурсе в качестве термина и отвечает многим требованиям, предъявляемым к научному термину⁵: у него есть дефиниция, он образует словообразовательное гнездо (элитный, элитарный, элитология, элитолог и т.д.), имеет грамматические особенности (форму множественного числа: региональные, административные и др. элиты) и обладает огромными возможностями лексической сочетаемости (этническая, постсоветская, периферийная и т.д. элита). По этим параметрам его функционирование в качестве термина политической социологии отличается от разговорно-обиходного использования и употребления в сфере массовых коммуникаций.

Специфика употребления понятия «элита» как термина политической социологии дает основания предположить, что это не строго научный термин, он весьма уязвим. Научные термины, как правило, однозначны, они характеризуются отсутствием экспрессии, стилистической нейтральностью, чего нельзя сказать о термине «элита». С лингвистической точки зрения и с точки зрения наивного носителя языка, функционирование термина «элита» в научной литературе отражает разрыв «между должным и сущим», выдает желаемое за действительное.

Следовательно, элита в политической социологии – это, конечно, не просто ярлык, но это и не научный термин в полном смысле этого слова. Можно сказать, что это условная номинация, которая претендует на роль научного термина, преодолевая сопротивление языка.

Анализ структуры языковой личности государственного служащего показывает, что среди единиц, формирующих ее когнитивный уровень, важное место занимает концепт «власть». Одно из ключевых понятий этого концепта – «элита» или высший политический и административно-управленческий слой общества, руководящее звено в системе управления.

Среди других определений отметим следующие: наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством; люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс; «высший господствующий класс», лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, лица, обладающие наибольшей властью; люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу, наивысшим чувством ответственности; лица, обладающие позициями власти, формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь; меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние.

В XX веке понятие элиты прочно вошло в социологические и политологические словари. Вошло, несмотря на многочисленные возражения со стороны целого ряда социологов, целого ряда направлений социально-политической и социологической мыс-

ли. Мнение о том, что термин «элита», введенный в социологию В. Парето, неудачен, что элитаристы, считая элиту субъектом политического процесса, принижают роль народных масс, что он противоречит идеалам демократии, неоднократно высказывалось в литературе, причем авторами, придерживающимися самых различных политических ориентации – от коммунистов до либералов.

Один из основоположников современных концепций элиты Г. Моска⁶ в большинстве своих работ старался обходиться без этого термина. Против него возражает и ряд сторонников теории политического плюрализма, полагающих, что термин «элита», годный для характеристики примитивных политических систем, неприменим при анализе современных демократических структур.

В отличие от множественных терминов «элиты», муниципальные органы власти имеют четкое определение, прописанное в законе: местное самоуправление – это деятельность, осуществляемая гражданами под свою ответственность и по их волеизъявлению по решению вопросов местного значения. К органам местного самоуправления относятся:

- выборные органы, образуемые в соответствии с федеральными законами, региональными законами, уставами муниципальных образований;
- другие органы, образуемые в соответствии с уставами муниципальных образований.

Учитывая то, что органы местного самоуправления являются выборными, и основываясь на следующем определении элиты: «Элита - это часть общества, наиболее способная к духовной деятельности, одаренная высокими нравственными и эстетическими задатками», можно сделать выводы о том, что термин «муниципальная элита» имеет право на свое существование.

Исходя из этого, можно предложить следующее определение муниципальной элиты: это избираемая часть общества, осуществляющая деятельность, связанную с решением вопросов местного значения, самостоятельно и под свою ответственность, в соответствии с законами Российской Федерации.

Источники и литература

¹ Голенкова З.Т. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. www.kultreferat.popal.ru

² Новый иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 1998.

³ Большой толковый словарь русского языка. СПб, 2000.

⁴ Большой Толковый Словарь, СПб, 2000.

⁵ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2001.

⁶ Моска Г. Концепции элиты. М., 2000. / www.kultreferat.popal.ru

ТЕАТР КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

С.Н. Исакова

В наше время встречи с представителями различных культур в самых разнообразных областях жизни становятся просто неизбежными, будь то сотрудничество в экономической и научной сферах, в сфере технологий или просто туристические контакты. В связи с этим обязательной составной частью нашей компетенции в области интернационального взаимодействия, межкультурной коммуникации становится знание иностранных языков и владение информацией о других мировых культурах. Потребность в такой компетенции с каждым годом становится все выше, однако до сих пор в рамках различных исследований так и не удается точно сформулировать, какова содержательная сторона данной компетенции, возможно ли ее формировать, и если возможно, то как это делать, потому что оценка всех проведенных до недавнего времени исследований в этой области констатирует факт нехватки знаний по этой теме.

Если говорить о «межкультурности», то это понятие стало особенно распространено в сфере общественных и гуманитарных наук, и все больше дисциплин рассматриваются как межкультурно-ориентированные, однако при всей широте использования этого понятия до сих пор исследовательские труды недостаточно отражают его значение.¹ В частности, не освещен психолого-эстетический аспект этого понятия.²

Под межкультурной коммуникацией, к примеру, часто понимают коммуникацию между двумя культурами³, рассматривая при этом данные культуры как фон дополнительной области анализа употребления иностранного языка.⁴

Однако если точнее проанализировать практику межкультурной коммуникации во всей ее многослойности и многообразии, то станет понятно, что речь на самом деле идет о полноценной ситуации языкового общения, в которой встречаются два партнера по коммуникации разного культурного происхождения. И каждый раз в ходе такого языкового общения правила языкового поведения и правила общения одного партнера по коммуникации пересекаются с такого же рода правилами другого партнера, представителя иной культуры. В ситуации такого языкового пересечения речь идет не просто о двух независимых друг от друга языковых поведении, но также о взаимном влиянии партнеров по общению друг на друга, об их влиянии на общее формирование коммуникативного процесса.⁵

Такая межкультурная коммуникация может иметь место в окружении культуры, родной либо для одного, либо для другого партнера, что довольно часто и происходит. Более интересный вариант – когда партнеры, принадлежащие к различным культурам, общаются в рамках третьей культуры, чуждой им обоим. В зависимости от окружения, от условий происхождения каждая такая коммуникация будет иметь свои особенности, характерные черты и будет вызывать определенные проблемы у партнеров по коммуникации.

Хотелось бы рассмотреть ситуацию межкультурной коммуникации, абсолютно нетипичную для повседневной жизни. Интересна она своими условиями прохождения.

Известно, что театр – это одно из самых важных средств коммуникации, мы же сделаем одно дополнение: в нашем случае театр – это важный элемент межкультурной коммуникации.⁶ В рамках театра представителями русской культуры на основе изучаемого иностранного языка и полученных знаний о немецкой культуре искусственно создается ситуация коммуникации. Причем в данном случае имеет место развитие коммуникации в двух направлениях: во-первых, мы имеем в виду немецкоязычную коммуникацию, возникающую не только между актерами на сцене, но и между актерами и теми зрителями, которые владеют немецким языком. Но если мы говорим о зрителе, владеющем немецким языком, то, значит, автоматически подразумеваем, чт.е. и другая ка-

тегория зрителей, которые не только не знают данного иностранного языка, но и имеют очень скудные представления о немецкой культуре – в этом случае мы имеем дело с межкультурной коммуникацией если не в настоящем ее виде, то опять же в виде имитации.

Следовательно, театр – это действительно особое коммуникативное средство, значение которого, в том числе, заключается и в выражении посредством языка (иностранного) и тела культурного кодирования. Если мы будем говорить о задачах актеров в данном контексте, то они, как люди, непосредственно соприкасающиеся с чужой культурой, на которых она в некоторых случаях даже оставляет свой отпечаток, где-то в большей, где-то в меньшей степени, должны поделиться своим опытом существования в этой культуре с русскоязычным зрителем. На передачу этого опыта нужно смотреть не как на простой технический процесс, нужно обратить внимание на сосуществование в личности одного актера двух культур, на их взаимодействие и противоречие внутри него. Благодаря умению переключаться с одной культуры на другую актер достигает главной цели: становится для русскоязычного зрителя воплощением представителя немецкой культуры, оживляет ее в представлении русскоязычного зрителя.

Однако хотелось бы посмотреть на проблему и немножко под другим углом зрения: как игра в театре влияет на коммуникативную компетенцию самих актеров.

Нужно сказать, что театр предоставляет уникальную возможность практиковать иностранный язык, используя все четыре языковых умения: чтение, письмо, разговор и восприятие на слух.

Навык письма совершенствуется, когда участники театральной труппы получают задание написать собственную небольшую сцену или описать свои впечатления от репетиций или постановки спектакля, когда в ходе работы над материалом заносят комментарии режиссера в виде заметок на поля текста роли. Тренировка чтения осуществляется при прочтении сценария, оригинала произведения или дополнительной литературы, ознакомление с которой в некоторых случаях требуется для более глубокого понимания проблематики текста с целью его дальнейшего анализа. Восприятие иностранной речи на слух тренируется в процессе работы постоянно. Театр дает возможность экспериментировать на базе таких языковых умений в иностранном языке, как письмо, чтение, восприятие на слух. Мы же сосредоточим наше внимание на последнем, четвертом аспекте языковых умений – на речи, т.е. на коммуникативной способности.

В контексте обучения иностранному языку коммуникативный подход в рамках театральной игры имеет особое значение. В целом предполагается, что любое обучение должно строиться, в том числе, на контакте (общении), должно развивать коммуникативность. Театр очень эффективно воплощает этот подход в жизнь и, кроме того, способствует улучшению коммуникативных навыков.

Почему аспект коммуникации имеет такое большое значение при изучении иностранного языка и культуры? Потому что людям нужно общаться!

Ульрих Штайнмюллер⁷ в своей теории коммуникации выделил несколько причин, по которым коммуникация является необходимой.

1. Коммуникация является главным условием выживания индивидов: без успешной коммуникации между представителями разных народов, т.е. без понимания между индивидами невозможно не только какое-либо скоординированное ведение дел, но и сосуществование вообще. Без организации индивидов в системе общества посредством коммуникации невозможно выживание отдельно взятого человека, нельзя гарантировать продолжение его рода и стабильную жизнь его потомков.
2. Коммуникация является некой базой для создания и поддержания межкультурных отношений: всякий обмен мыслями, каждое достижение договоренности и взаимопонимание базируется на способности к общению.

3. Коммуникация является основой для мирного сосуществования представителей различных культур: она способствует уменьшению социальной незащищенности, которая может возникать из-за непредсказуемости некоторых реакций и как результат проявления беспокойства, страха и агрессии со стороны представителя другой культуры.

Следовательно, коммуникация является необходимым, обязательным требованием не только для жизни в человеческом обществе, но также для развития человеческой защищенности индивидов. Язык – это важнейшее, но не единственное средство коммуникации. Невербальная коммуникация тоже очень важна, особенно если речь идет о понимании иностранного языка и культуры.

Важным аспектом коммуникативного изучения языка является то, что актеры, которые играют в театре на иностранном языке, обладают знанием о компонентах речевого акта и о их функционировании, что позволяет им высказывать мнения и суждения в связи с любой происходящей ситуацией и тем самым приобретать все большую коммуникативную компетенцию. Коммуникативный аспект обучения иностранному языку, которому уделяется большое внимание в театре, помогает актерам не только на сцене, но и в жизни не механически воспроизводить язык, а развивать коммуникативные способности на иностранном языке, т.е. не просто выражать мысли, но и менять стилистику речи в зависимости от установок акта коммуникации и в зависимости от партнеров по данной коммуникации.

Театр рассматривает компонент речи как особо важный, так как для актера абсолютно необходимо ухватить «что, где, когда, почему и как» из речи и перенести это на сцену, сыграть это настолько реалистично, чтобы поверил зритель и понял смысл, который привнес в ситуацию актер.

Часто в театре в качестве тренировочных заданий педагоги-репетиторы предлагают актерам задание – разыграть небольшую ролевую сценку. Задание может звучать следующим образом. Вы находитесь в гостинице, стоите на ресепшене, вам нужен номер на двоих. Нужно разыграть небольшой диалог – гость и метрдотель.

В результате такой формулировки задания, актеры часто не очень хорошо представляют, как нужно представить данную ситуацию. Почему? Потому что в задании не оговариваются эмоциональные характеристики, нет предыстории. И получается, что актер имеет дело с «голой рыбой». После нескольких таких тренировок актер постепенно начинает понимать их цель: он не должен ограничиваться заданной ситуацией, а должен «развернуть» ее настолько интересно, насколько хватит его воображения для того, чтобы заданный акт коммуникации представлял собой не просто произнесение текста. Прежде чем играть, нужно проговорить про себя или вслух все вопросы, связанные с коммуникацией в данной сцене, в результате этого родится правдоподобная, полная смысла, оправданная коммуникация на иностранном языке.

Например, сформулированное выше задание мы можем «развернуть» следующим образом:

Вы купили тур под названием «Дорога романтики» и путешествуете по Германии. Зима. Вы пытаетесь найти шикарный номер в отеле, вам нужен шик, комфорт. Вы стоите у стойки, чтобы узнать, есть ли свободная комната, выбрать, какая подойдет больше всего. У вас романтическое настроение, вы настроены доброжелательно. Так как вы путешествуете в рождественский период, то отель забит, и за вами выстроилась очередь из желающих остановиться в этом отеле. Девушка на ресепшене раздражена, осталось пять минут до конца смены, она сердится, потому что ваша регистрация в отеле займет куда больше, чем пять минут...

Совершенно ясно, что, когда актер придумает историю, то он создаст более реалистическую сцену коммуникации, потому что он будет учитывать и эмоциональный аспект. И если актер справится с данной ситуацией на сцене, то значит, что он посте-

ленно улучшает свою коммуникативную компетенцию, которая облегчит его общение с представителями немецкой культуры в жизни.

Другой важный компонент, который способствует приобретению коммуникативной компетентности, пониманию иностранного языка и культуры – это использование невербальной коммуникации, т.е. жестов, интонации и эмоции. Leontiew⁸ считает: чтобы в полной мере овладеть иностранным языком, нужно хорошо улавливать жестикуляцию. Иногда об этом важном компоненте забывают, потому что концентрируются на речевой деятельности. Игра в театре не только делает палитру невербального языка богатой, но и дает практику в использовании этого богатства.

Другой ключевой аспект в приобретении коммуникативной компетенции – интеракция. Если у людей возникнет потребность во взаимодействии, то за этим обязательно последует коммуникация.

Если нам есть чем поделиться с партнером по возможной коммуникации, то обязательно возникнет потребность направить сообщение этому человеку. В зависимости от желания и уровня понимания на призыв к коммуникации предполагаемый партнер может откликнуться или нет. Т.е. интеракция включает в себя понимание идей других людей, а не только своих собственных. Это взаимодействие слушания и реагирования. Чтобы добиться естественной и желательной коммуникации, нужно стимулировать интерес и понимание изучающего иностранный язык глубже и на большее время, нежели это возможно в рамках занятий по языку. Показателем хорошего уровня коммуникативности является способность выражаться на иностранном языке без постоянного контроля грамматической правильности речи. Для хорошего результата при обычной методике преподавания на приобретение хорошей способности к коммуникации требуется довольно много времени.

Театр порождает высокую степень интеракции между педагогами-репетиторами, режиссером и актерами. Репетиции создают реальную потребность в интенсивной и длительной интеракции.

Иностраный язык доступен нам как живой в довольно ограниченном количестве – чаще всего в записи или в виде случайного общения с немецкими гражданами (туристами и преподавателями). В условиях ограниченных возможностей контакта с носителями языка невозможно удовлетворить потребность ежедневного общения на языке в сфере семьи, магазине и т.д. Поэтому степень получения коммуникативных навыков на иностранном языке напрямую зависит от учебного материала, который предлагает преподаватель, от того, какую технику обучения использует. По одной из теорий, овладение иностранным языком совершенствуется почти подсознательно в контекстных ситуациях, аутентичных настолько, насколько это возможно, напоминающих жизнь в стране изучаемого языка. Следовательно, для изучения иностранного языка полезно существовать в так называемых ситуациях «as if»⁹. Театр в полном объеме предоставляет такую возможность: можно практиковать разговорные навыки, преодолевать при этом присущие многим такие психологические реакции, как страх и закомплексованность, постепенно приобретать уверенность в собственных способностях создать удачный акт коммуникации на иностранном языке.

В рамках этого ситуативного театрального контекста можно экспериментировать, учиться говорить, становиться коммуникабельным. Где еще можно найти столь неподдельную атмосферу для споров (обсуждений), убеждений, объяснений, как в театре?

Главной задачей педагогов-репетиторов, режиссера – мотивировать, стимулировать, содействовать процессу коммуникации на иностранном языке, предоставлять актерам-студентам множество возможностей коммуницировать в контекстах и ситуациях, которые являются не только аутентичными, но и интересными, полными смысла и полезными для них.

Итак, мы позволим себе согласиться с другими сторонниками наличия театрального аспекта в процессе изучения иностранных языков: обучение иностранному языку должно включать в себя различные формы воссоздания реальной коммуникации: материалы и методы обучения не должны быть представлены исключительно в виде тестов, списков слов, блоков упражнений, грамматических правил; не нужно навязывать то, что без языковой рефлексии тренирует подходящее по ситуации поведение, нужно развивать творческий подход в изучении иностранного языка, чтобы каждый мог найти свой путь обучения и усвоения материала. Важно поощрять креативность и воображение, что будет способствовать хорошей мотивации в общении на иностранном языке, готовности воспринимать чужую культуру и повышению коммуникативной компетентности.

Источники и литература

¹ Предмет межкультурной коммуникации сохраняет исследовательский интерес не только для филологии, общественных наук, актуально его рассмотрение также в связи с экономикой, медициной, правом.

² Wierlacher, A. (Hg.). Kulturthema Fremdheit – Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdeitsforschung. München.: 1993. S.54; Winter, G. Was eigentlich ist eine kulturelle Überschneidungssituation? / Thomas A. (Hg.). Psychologie und multikulturelle Gesellschaft. Göttingen.: 1994. S. 221–227.

³ Часто и сегодня межкультурную коммуникацию понимают так, как ее еще в 1978 году дифинировал Поссен: «Межкультурную коммуникацию можно определить как межличностную коммуникацию представителей разных культурных групп на частном уровне». Hinnenkamp, V. Interkulturelle Kommunikation. / LiLi 93–1994. S. 46–74.

⁴ Rehbein, J. (Hg) Interkulturelle Kommunikation./ Tübingen, 1985./ S.8

⁵ Многослойность и комплексность этого предмета исследования проявляется, среди прочего, и в том, что ситуации языкового пересечения проявляются не всегда и не должны автоматически рассматриваться как единственно возникающие причины непонимания. Коммуникативные проблемы могут быть обусловлены также ограниченным запасом знаний иностранного языка или различием в интересах партнеров по коммуникации. Сверх того неудачная коммуникация может быть функциональной с точки зрения языка. Knapp, K. Interpersonale und interkulturelle Kommunikation. / Bergemann W. (Hg.) Interkulturelles Management. Heidelberg.: 1992.. S. 59–79; Kotthoff, H. Zur Rolle Konversationsanalyse in der interkulturellen Kommunikationsforschung. / LiLi 93. 1994. S. 75–96.

⁶ В данном случае речь идет о немецкоязычном студенческом театре СПбГУ, существующем в рамках русской культуры.

⁷ Steinmüller U. Theorie des kommunikativen Handelns. 1 Bd. Frankfurt, 1977. S. 129.

⁸ Leontiew E. Sprecherziehung. Frankfurt a.M., 1998. S. 13.

⁹ Термин Мартины Пост-Пот. Rost-Roth M. Verständigungsprobleme in der interkulturellen Kommunikation. / LiLi 93. 1994. S. 9–45. S. 30. В пер. с англ. «as if» – как будто бы.

8

9

МАГАЗИННАЯ ВИТРИНА КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.А. Игнатенко

Сегодня, в связи активным с развитием таких средств коммуникаций, как печатные СМИ, радио, телевидение и Интернет, в нашей стране стали меньше уделять внимания такому давно используемому средству коммуникации, как оконная витрина. Многие специалисты в области рекламы и маркетинга вообще не упоминают о таком носителе, давая классификацию рекламных средств [1]. И напрасно, ведь по эффективности воздействия на человека витрину можно сравнить с газетной рекламой. Согласно подсчету, проведенному одним из универмагов в Нью-Йорке, среднее число людей, проходящих мимо его витрин в обычные дни, превышает тираж большой городской газеты. Подсчет также показал, что в среднем один из двадцати прохожих остановился, чтобы посмотреть на витрину. Такое соотношение, несомненно, сопоставимо с соотношением количества читателей газеты к числу покупателей, привлеченных газетной рекламой"[2].

Однако показ товаров в витрине имеет явные преимущества перед печатной рекламой[3]:

- он производится на месте продажи;
- витрина позволяет с максимальной эффективностью использовать возможности натурального цвета продукта;
- витрина показывает товар в натуральную величину.

Поэтому оконные витрины называют «лицом» магазина. По витринам покупатель или прохожий может составить первое впечатление о магазине, в этом и заключается их важность для любого торгового предприятия. Они знакомят покупателя с магазином, оказывая прямое и значительное влияние на его товарооборот.

Это понимали владельцы магазинов еще сто с лишним лет назад. Вот как писали газеты о витрине в 1901 году: «В выставке магазинного окна отражается характер и тенденции не только главы самого магазина, хозяина, но и всего его служебного персонала, отражающего в этом окне степень своего коммерческого чутья, высоту понимания вкуса публики, ее привычек и стремлений, ее покупательской психики...»[4].

Поэтому необходимо знать, как сделать витрину эффективным средством для привлечения внимания прохожих к выставленным в ней товарам и, соответственно, для увеличения объема продаж в магазине. Вот как предлагали решать эту проблему специалисты еще сто лет назад: «Никто, конечно, не станет оспаривать, что изящно и красиво составленная оконная выставка может скорее и виднее многих других способов обратить на магазин внимание случайного покупателя»[5].

Привлечь внимание к витрине можно с помощью занимательного сюжета или оригинально поданного оформления, что должно выгодно отличать данную конкретную витрину от витрин конкурентов: «Хорошо и со вкусом убранное окно производит на покупателя иногда такое впечатление, что человек, вовсе не собирающийся купить ту или иную вещь, почти безотчетно заходит в магазин и готов истратить даже крупную сумму за предмет ему, в сущности, совсем не нужный. И, наоборот, разыскивая ту или иную вещь, покупатель зачастую не берет ее именно в том магазине, где видел эту вещь в окне, потому что она показалась ему невзрачной и некрасивой, только потому, что все окно убрано неумело, и в результате выглядит некрасиво, неизящно и непривлекательно. В результате покупатель уходит и ищет ту же вещь в другом месте, где она обставлена красивее, где она выигрывает как от соседства рядом стоящих предметов, так и от сущности своего собственного положения, дающегося ей искусством и умелостью художника – устроителя этой оконной выставки»[6].

Витрины принято подразделять на «продающие» и «имиджевые»[7]. Первые рассчитаны на незамедлительный эффект, их задача – мотивировать покупателя на совершение покупки. Задача имиджевых витрин – прежде всего создание благоприятного впечатления о магазине, ознакомление прохожих с торговым предприятием и его ассортиментом, создание мотивации, рассчитанной на желание посетить торговое заведение.

В принципе, технологии воздействия «продающей» витрины были разработаны довольно давно и описаны в литературе: «Всякая вообще выставка служит как бы посредником между продавцом и покупателем. Коммерсант пользуется ею как средством привлечь к своему товару покупателя, умышленно стараясь путем эффективной группировки предлагаемых последнему предметов торговли, так сказать, прямо насильственно подействовать на его волю и непременно заставить его в конце концов приобрести себе ту или иную из красиво разложенных и выигрышно освещенных вещей»[8].

Задачи «имиджевой» витрины, как мы уже понимаем, более многоплановы, а потому и гораздо сложнее. В связи с этим и рекомендации, даваемые авторами различных публикаций по оформлению витрин, более расплывчаты. Действительно, как сделать витрину «имиджевой», привлекающей внимание и к магазину, и к его ассортименту? Сегодня опыт оформления подобных витрин у нас в стране слегка утерян, поэтому обратимся к опыту специалистов XIX века, когда искусство «имиджевых» витрин достигло своего расцвета.

Вот как описывали оформление витрин в те годы: «В больших городах все более и более признают важность оконных выставок для торговли. Выставки эти делаются все блестяще и великолепнее. В главных центрах, у некоторых больших магазинов, весь фасад делается из зеркального стекла, и целое море электрического света разливается по выставленным в окне предметам, количество которых, благодаря боковым зеркалам, делается неисчислимым. И чего только не выставляется в окнах! Торговцы мехами выставляют целые группы зверей; рыбные торговцы превращают свои окна в настоящие аквариумы; в Лейпциге один торговец зверями сделал из своего окна клетку, в которой прыгали и играли с полдюжины маленьких львят. В американских же городах оконные выставки чрезвычайно оригинальны. Один ресторан на Бродвее, в Нью-Йорке, выложил свое окно свежим мягким мхом, и на этом живом ковре прыгали десятки живых лягушек. На окне же золотыми буквами написано, что здесь во всякое время можно получить «жареные лягушачьи ляжки». Несколько шагов далее, перед другим окном, собралась толпа зрителей и смотрит, как в этом окне качается в новой патентованной качалке (baby-walker) живой, толстый и румяный ребенок. В следующем окне игрушечный магазин превратил свое окно в настоящее озеро, по которому весело снуют со свистом крошечные паровоидики. Далее в самом окне сидит прелестная молодая девушка и как будто играет на фортепьяно – на самом деле это живая реклама для новоизобретенной писательской машины»[9].

Однако Америка Америкой, а Европа в то время служила эталоном не только фасонов женских платьев, но и оформления магазинных витрин, чаще называемых в то время не витринами, а рамами: «Возьмем новые берлинские торговые помещения, с их грандиозными и удобно приспособленными для этой цели выставочными окнами. Нужно непременно самому увидеть эти прекрасные окна, чтобы вполне понять, какое неотразимо-чарующее впечатление производят они на каждого наблюдателя, и притом не только благодаря лишь своей красивой внешности, но, пожалуй, еще в большей степени по замечательно богатой компоновке и художественному вкусу выставленных в оконных нишах всевозможных предметов торговли. ... Они привлекают к себе особенностью и оригинальностью манеры выставлять свой товар на показ публике; а равно простотой и естественностью; все это заставляет наблюдателя совсем иными глазами смотреть на обычное окно магазина.

Вообще надо сказать, что теперь выставочные окна уже не загромождают сплошь в порядке или беспорядке разбросанными предметами торговли. Напротив, продавцу предоставляется задача сгруппировать вещи при соблюдении по возможности именно той обстановки, в которой они употребляются обыкновенно в общезитии.

Возьмем хотя бы, например, выставку мужских вещей. Окно магазина представляет собой в данном случае просто, но со вкусом убранную гардеробную комнату, устланную ковром, на котором небрежно брошен полуоткрытый желтый кожаный чемодан, наполненный батистовыми сорочками, башмаками и шапочкой. Все это показывает, что только что вышедший из своей гардеробной господин собирается в путь; тут же, на отделанной серебром трости, лежат перчатки и шляпа; прочие трости и зонтики не развешаны здесь, как бывало это обыкновенно, на медных крючках, а прислонены к стене в таком порядке, как мы привыкли видеть их у себя в обыденном употреблении.

В больших дамских магазинах выставляются преимущественно изящные вещи и по возможности в таком порядке, который напоминал бы, что все они только что сняты с дамы. В выставочном окне взорам публики представляется, например, миниатюрная комната или будуар, в стиле рококо, с позолоченными стульями и гобеленами; на стул брошено изящное кружевное платье, а на ковре оставлен флакончик одеколона; разбросанные повсюду роскошные аксессуары будуара заставляют думать, что ими только что пользовались»[10].

Российские продавцы в тот период времени не отставали в умении грамотно использовать витринное пространство для достижения необходимого воздействия на прохожих. Вот как описывали в прессе в 1901 году один из московских магазинов: «По нашему мнению, оконная выставка в магазине «City», на Кузнецком мосту, по простоте и изяществу лучшая в Москве. В этом новом магазине, выдержанном в декадентском стиле, или как теперь принято называть этот стиль, «Style moderne», все красиво, изящно и ново, начиная от входной двери и кончая последним арабеском мебели.

Что же тут такое, особенное?

Ничего! ... Все просто, не хитро, но красиво и изящно. Ни разнообразия, ни пестроты вы здесь не найдете. Здесь ставят, например, группу из однородных коробок, скажем, с лиловыми рисунками... Завтра вы уже видите новое. Вы видите соломенные корзиночки с красными бантиками – все одинаковые, все однородные. Но расположены они красиво, их общий тон дает цельность, определенность впечатлений, и вы непременно остановитесь и залобуетесь этой удивительной простотой, этим поистине французским изяществом»[11].

По конструкции витрины можно разделить на закрытые, сквозные и комбинированные. Классическими с точки зрения оформления можно считать закрытые витрины. При такой конструкции витрина имеет заднюю стенку – так называемый задник, который служит фоном для композиции. Раньше подобную витрину рассматривали как сцену, роль артистов на которой выполняют выставленные на ней товары. Этот подход был связан с тем, что, «...подобно последней, окно магазина точно так же ограничено лишь тремя стенами, а благодаря известному удобству, доставляемому электричеством, его можно освещать особо эффективным боковым светом, т.е. почти так же, как принято это и на театральных сценах. В дополнение иллюзий, мы отыщем здесь даже и актеров: в роли таковых выступают сами предметы торговли, картинно разместившиеся перед зрителями – случайными прохожими. Вот разве только самое представление на этой своеобразной сцене длится не один лишь вечер, а в течение целого дня»[12].

Поэтому к заднику витрины предъявляют особые требования, он ни в коем случае не должен отвлекать внимание от выставленного в витрине товара, а наоборот, создавать для него выигрышное окружение, делая его более привлекательным для потенциальных покупателей. Как правило, задник окрашивают в нейтральные или ослабленные тона, тем самым выделяя товары. Различают два основных типа задников: декоратив-

ные и сюжетные. Декоративные задники служат фоном для демонстрируемых товаров. В них могут использоваться различные панели, драпировки и решетки. Сюжетный задник должен способствовать зарождению у покупателя желания зайти в магазин, ознакомиться с товаром и совершить покупку. Таким задником, к примеру, может служить рисованная картина, которую можно часто менять, усиливая воздействие на прохожих.

Отношение к оформлению закрытых витрин претерпевало с течением времени определенные изменения. Вот как происходили эти изменения в период с начала по конец XIX века: «...в сравнительно еще недавнее время устроители оконных выставок обращали больше внимания не столько на самый подбор и способ размещения выставляемых для приманки публики предметов торговли, сколько именно на обязательное их замаскирование. Так, например, предназначенные для этих выставок вещи, после их группирования в нише окна, нарочно чем-либо прикрашивались, так что, благодаря неестественной внешности, затруднительно было даже точно определить, каков именно в действительности их натуральный вид. И публика, как говорят, была в восторге от подобного искажения природы, – по крайней мере, жрецы коммерции того времени всячески изощрялись друг пред другом в этом смешном для нас маскараде выставляемых на показ продажных вещей.

Что касается собственно оконных выставок, то и здесь можно отметить немало курьезов. Заполнить нишу окна целыми пирамидами, сложенными из исполинской колбасы в несколько метров длиной, считалось, например, настоящим триумфом. Мы видим отсюда, что даже и колбасный товар, вместо того, чтобы просто разложить его на окне для возбуждения аппетита у покупателя, употреблялся тогда как материал для разных архитектурных украшений, соорудившихся на прежних оконных выставках.

Не менее грандиозные башни воздвигались также и из сахарных печений и т.п. продуктов, так неестественно рекламировавшихся лишь для того, чтобы затем занять скромное место в человеческом желудке.

К этому же периоду общей безвкусицы, каковая, к сожалению, еще не устранена окончательно, относится также и система так называемой «массовой декорации». Вся суть ее состоит в том, что окно магазина чуть ли не битком заполняется самыми разнообразными товарами, следующими однообразными рядами один за другим в самой скучнейшей симметрии"[13].

Сквозная витрина – это более новый тип витрины, и сегодня он, пожалуй, наиболее популярен. Подобные витрины используются в различных торговых учреждениях – от магазинов до ресторанов быстрого питания. Они позволяют легко просматривать весь торговый зал магазина, который теперь и играет роль витрины.

Можно выделить два основных достоинства этого типа витрин, делающие их сегодня столь распространенными. Во-первых, они открывают прохожим внутреннее убранство торгового зала. Во-вторых, происходящие в торговом зале процессы, тем самым мотивируя их зайти внутрь.

Комбинированная витрина представляет собой нечто среднее между ранее рассмотренными типами витрин. У этих витрин нет задней стенки, роль которой исполняет интерьер магазина, но, в то же время, на самой витрине присутствует какой-то привлекающий внимание образец продукции или изображение товара.

Особенно удачны, с точки зрения привлечения внимания, динамические витрины подобного типа. В этом случае на витрине выставляются какие-либо движущиеся механические куклы, картинки и т.д. В России подобных витрин пока еще не так много, как в Европе или Америке, но они постепенно завоевывают свое место под солнцем. Чаще всего наши покупатели сталкиваются с подобным типом витрин в новогодние праздники, когда в витрины выставляют танцующих Дедов Морозов. Однако подобные динамические витрины торговцы использовали уже в XIX веке. Вот какие примеры можно найти в старой прессе того времени: «Мистер Тольтон, английский коммерсант,

выписал из Бразилии 400 попугаев, научил их фразе «Пейте виски Тольтона» и затем вывесил этих глашатаев в открытых окнах своих магазинов»[14].

Часто коммерсанты, убедившиеся в силе оконной рекламы, прибегали к весьма странным приемам, чтобы обратить на свой магазин внимание публики. Вот до чего додумался один владелец магазина в 1903 году: «Так, нынешней осенью, на праздник «Всех святых», в Бриксейде произошел следующий курьез с оконной рамой одного торговца шерстяными и шелковыми материями. Для предстоящего торжественного шествия многие владельцы магазинов очистили выставочные окна, предоставив их, за известное вознаграждение, в распоряжение публики. Перед одним магазином на главной улице, в окне которого сидели три дамы далеко не первой молодости и незавидной красоты, толпа вдруг остановилась, и раздался оглушительный взрыв хохота. Так как толпа все росла и смех становился все громче и громче, то естественно, что перезрелые дамы начали чувствовать себя весьма неловко. А когда толпа запрудила почти всю улицу, и дамы заметили, что публика смотрит куда-то, выше этих сидящих старых дам, то одна из них решила, наконец, выйти на улицу и посмотреть. Что за причина в этом необъяснимо игривом и веселом настроении публики?

О, ужас!

Она была готова упасть в обморок от негодования. Над головою этих дам, на наружной стороне поднятой занавески окна значилась такая надпись: «Товары, вышедшие из моды, продаются со скидкой 20%».

Картина!

Конечно, дамы исчезли из окна... Но дело было сделано, и о магазине толковали целые недели после этого «дамского события», и уж, конечно весь город знал, что тут продаются товары, вышедшие из моды, со скидкой 20%.

Все, что и требовалось торговцу. Не пощадившему для своих коммерческих целей – самые деликатные чувства «молодой» дамской души»[15].

К середине XX века эти оригинальные варианты оформления витрин были слегка подзабыты, но сегодня они все чаще используются для привлечения внимания к торговым точкам. Проведенные в Америке сравнительные исследования статичных и динамических витрин показали, что в течение одного часа динамические витрины привлекают почти в десять раз больше прохожих, чем статичные[16].

Рассмотрев типы используемых сегодня в торговле витрин, нельзя не коснуться столь важного вопроса, влияющего на эффективность их воздействия, как частота смены оформления. Причем, как мы уже понимаем, это представляет важность только для «закрытых» витрин. Согласно сложившейся российской практике, принято считать, что переоформление интерьера витрины надо проводить не чаще одного раза в год, а то и реже. Однако большинство специалистов в области рекламы в США и Европе считают, что менять оформление витрин надо гораздо чаще[17]. При этом необходимо учитывать размер населенного пункта: в больших городах витрину меняют один раз в месяц, а в небольших – один раз в две недели, а иногда и чаще.

Сегодня в России владельцы и директора магазинов, желающие оригинально оформить свои витрины, по крайней мере, в крупных городах, имеют возможность обратиться к профессионалам в этой области. Благодаря этому торговые точки получают весьма привлекательное оформление. Возрастает количество витрин с использованием движущихся экспонатов. К примеру, в Петербурге на Невском проспекте можно любоваться в витрине чайного магазина английским джентльменом, который крутит педали велосипеда и одновременно пьет чай из чашки. А на Загородном проспекте внимание прохожих привлекает витрина кондитерского магазина с двумя кондитерами, один из которых спокойно спит у стола, а другой в это время раскатывает тесто. К этой витрине явно не хватает небольшого звукового добавления в виде храпа, в этом случае никто не сумел бы пройти мимо витрины, не обратив на нее внимания.

Появление интересно оформленных витрин свидетельствует о росте профессиональной подготовки оформителей. Однако требования к ее представителям очень высоки, они должны великолепно разбираться в человеческой психологии, иметь художественное чутье и хорошее объемно-композиционное видение.

Методики обучения специалистов по данному профилю существовали еще в XIX веке. Вот что писали об этой профессии в 1901 в российской прессе: «... в Вене, например, появилась совершенно новая профессия «аранжеров» (arranger – устраивать), содержимых крупными фирмами, специально занимающихся устройством оконных выставок. Оклады этих аранжеров растут из года в год, и в настоящее время они получают в перерасчете на российские рубли 8 000–10 000 рублей в год» [18].

Остается надеяться, что и в современной России появятся свои «аранжеры», способные поднять искусство продажи товаров с помощью магазинной витрины на ранее ими достигнутые и на сегодня сданные высоты.

Литература

1. Багиев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х. Маркетинг. М.: Экономика. 2001. С.486–492.
2. Эдвардс Ч., Браун Р. Реклама в розничной торговле США. К.: Фирма «Сфера» – «Слово», 1993. С. 191.
3. Там же.
4. О рекламе. // Рождественский указатель. Приложение к столичным газетам и журналам. 1901. №22.
5. Там же.
6. Там же.
7. Эдвардс Ч., Браун Р. Реклама в розничной торговле США. К.: Фирма «Сфера» – «Слово», 1993. С. 193.
8. О рекламе. // Рождественский указатель. Приложение к столичным газетам и журналам. 1901. №22.
9. Кронау Р. Из «Книги о рекламе». // Санкт-Петербургские ведомости. №358. 30 декабря 1887.
10. О рекламе. // Рождественский указатель. Приложение к столичным газетам и журналам. 1901. №22.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Эдвардс Ч., Браун Р. Реклама в розничной торговле США. К.: Фирма «Сфера» – «Слово», 1993. С.204.
17. Там же, С.209.
18. О рекламе. // Рождественский указатель. Приложение к столичным газетам и журналам. 1901. №22.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

В.В. Кузнецова

В начале двадцать первого века в поле зрения социологии включается понятие «социальная экстремология». Известно, что в области научных исследований поиск экстремальных принципов, осмысление экстремальных законов, экстремальных значений ведется на протяжении многих столетий. «Социальная экстремология должна помочь достроить то, что начато общей экстремологией, и тем самым обеспечить целостный, системный взгляд на мир с учетом экстремальных факторов воздействия природы на человека и человека на природу (включая ноосферный подход)».¹

Одной из тенденций развития современного общества является то, что, несмотря на все усилия международных и национальных организаций, существующие социальные программы, меры, принимаемые правительствами отдельных государств, противоречия в сфере производства и потребления и состояние окружающей среды приобретают экстремальный характер. В связи с этим возникает необходимость исследования экстремальных состояний социальных систем, социальных общностей и социальных групп, а также личности в условиях экстремальных ситуаций и экстремальных состояний социальной системы.

Экстремальное состояние развивается по своим законам, в соответствии со своими закономерностями, действие которых связано с максимальным отклонением от социальной нормы. Максимальные отклонения требуют от социальной группы, индивида особых усилий, позволяющих адаптироваться к сложившейся ситуации и изменить свое поведение в соответствии с той необходимостью, которая диктуется экстремальной ситуацией.

Обращаясь к анализу коммуникации в экстремальной ситуации, следует определиться с понятиями «экстремальность», «экстремальная ситуация». «Понятием «экстремальность» обозначают наличие наибольшего и наименьшего в объектах и процессах самой разной природы, т.е. отображают им определенное объективное свойство или состояние. Если это свойство процессов или явлений материальной или духовной сферы, а также их идеальных отображений, носит регулярный, устойчиво повторяющийся характер, то говорят об экстремальных закономерностях»². Extremus (лат.) – наиболее удаленный от центра или середины. Extreme (англ.): 1. находящийся в состоянии высокой или очень высокой степени напряжения; 2. находящийся за пределами обычного или разумного (чрезмерный). Экстремальная ситуация, таким образом, с одной стороны, связана с напряжением духовных и физических сил как человека, так и социальной общности, с другой стороны, в экстремальной ситуации появляется потребность в поиске новых решений, новых ответов на необычную, зачастую грозящую опасностью ситуацию. В экстремальном состоянии резко возрастает потребность в информации, позволяющей принять правильное решение, и, соответственно, возникает потребность в поиске новых, нестандартных каналов коммуникации.

Якоб Морено, автор социометрии, социодрамы и психодрамы, исследуя поведение индивида в социальной группе, обратил внимание на то, что, «...сталкиваясь с непривычной ситуацией, он не имеет другой альтернативы, кроме использования s-фактора как путеводаителя или советчика, подсказывающего наиболее подходящие эмоции, мысли и действия. Иногда он испытывает большую необходимость обращения к этой, как мы ее называем, спонтанности, иногда меньшую – в зависимости от требований ситуации или задачи»³. Именно спонтанность позволяет, с точки зрения Я. Морено, индивиду адаптироваться в экстремальной ситуации. Он исследует следующие формы спонтанности:

- драматическое свойство реагирования, которое не содержит ничего нового, оригинального, творческого, ограничивается лишь повторением того, что имеется в опыте индивида;
- креативность, которая связана с ломкой существующих, привычных стереотипов поведения и вызовом к жизни новых форм, новых идей и новых изобретений; это спонтанность, связанная с созданием новых социальных сред, в нашем случае новых каналов коммуникации;
- оригинальность как форма спонтанности является уникальным выражением или отходом от культурного образца;

Адекватность реакции, даже при наличии драматичности, креативности и оригинальности, не всегда может быть достигнута. Человек может либо отказаться от прежнего типа реагирования без продуцирования нового, либо продемонстрировать старую реакцию на новую ситуацию. В случае адекватной реакции необходимо говорить о новой реакции на новую ситуацию. Вместе с тем, эта новая реакция должна быть релевантной, поскольку реакция может быть новой, но неуместной для данной ситуации.

Таким образом, коммуникация в экстремальных ситуациях зависит от наличия фактора спонтанности, позволяющего вызвать к жизни новую релевантную реакцию на новую ситуацию, стремящуюся к пределу и требующую максимального напряжения.

Источники и литература

¹ Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию. СПбУ, 2005. С. 4.

² Разумовский О.С. Экстремальные закономерности: Категории наибольшего и наименьшего. Новосибирск, 1998. С. 30.

³ Морено Якоб. Психодрама. М., 2001. С. 127.

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Л.А. Татаркина

Региональная экономическая политика – это специализированная часть общей региональной политики и одновременно ядро системы государственного регулирования регионального и территориального экономического развития.

Наиболее общие долгосрочные цели развития страны и пути их достижения вырабатываются в рамках стратегии развития России. Они отражаются в таких действующих государственных документах, как Концепция национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия устойчивого развития Российской Федерации, Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Далее стратегия страны должна конкретизироваться в целях, задачах, механизмах, мероприятиях внутренней и внешней политики, главной частью которых является социально-экономическая политика (внутренняя и внешняя). В свою очередь, социально-экономическая политика имеет ряд специализированных направлений: макроэкономическая политика, структурная политика, промышленная политика и т.д.

Государственная региональная экономическая политика имеет два уровня: федеральный и субфедеральный (региональный).

Предмет субфедеральной региональной политики – это пространственная организация внутри региона (например, улучшение транспортной доступности, обеспечение всех поселений продовольствием и энергией, преодоление депрессивного состояния малых городов и т.п.), регулирование отношений субъекта федерации с муниципальными образованиями.

Цели и задачи региональной экономической политики отражают приоритеты государственного регулирования, вытекающие из диагностики региональных (территориальных) проблем, требований стратегии территориального развития, политической и социально-экономической конъюнктуры. При внешнем разнообразии формулировок целей в разных странах они всегда представляют собой некий компромисс между стремлением к большей экономической эффективности и поддержанием социальной справедливости в территориальном развитии. Нередко также эти цели формируются в терминах уменьшения неравенства в уровнях экономического и социального развития регионов.

Средства реализации региональной экономической политики в Российской Федерации совпадают с теми, которые в той или иной мере применяются в других странах. Это разнообразные прямые и косвенные; административные, правовые и экономические регуляторы (инструменты), применяемые на макро- и микроуровнях. Однако комбинации этих средств, интенсивности и формы их применения в России, разумеется, не могут быть простым подобием практики отдельных стран.

Анализ средств реализации региональной экономической политики в современной России проводится в следующей последовательности:

- прогнозирование территориального и регионального социально-экономического развития;
- прямое государственное участие в развитии объектов экономики и социальной сферы в регионах;
- размещение государственных заказов;
- организационная, правовая, информационная поддержка регионов в тех областях деятельности, где компетенция и возможности региональных властей недостаточны или ограничены;
- применение экономических механизмов и регуляторов;
- создание особых экономических зон.

Прогнозирование является важной частью научных обоснований стратегии территориального развития и региональной политики.

Принятые ранее планы и прогнозы потеряли свой правовой статус и средства реализации. Министерство экономики (бывший Госплан) перешло на составление годовых прогнозов национальной экономики, имеющих региональный разрез (по субъектам федерации), а также среднесрочных федеральных целевых программ по отдельным направлениям. Единственный документ о перспективах территориального развития страны, принятый после 1991 года – это Генеральная схема расселения на период до 2000 года. Сейчас Россия, являвшаяся ранее лидером в планировании национальной и региональной экономики, отстает в этой сфере от большинства развитых стран. Причины такой «отсталости» заключаются в коренных изменениях экономических отношений (массовая приватизация, расширение рыночной сферы), экономическом кризисе, политической нестабильности, идеологических и организационных издержках реформаторства. Сказывается также недостаточная подготовленность кадров по планированию и прогнозированию к работе в новых экономических и политических условиях.

Однако в последнее время наблюдаются симптомы возрождения народнохозяйственного и регионального прогнозирования. Так, было принято решение о разработке Стратегии экономического и социального развития. Министерством экономики были подготовлены новые методические положения по системе прогнозирования, включающие и региональный разрез. Научные организации активизировали исследования по долгосрочным перспективам территориального и регионального развития. В стадии рассмотрения находится законопроект о новой системе прогнозирования и планирования в России.

Главное назначение прогнозов – оценка развития происходящих и ожидаемых процессов, последствий вариантов политики и используемых средств их реализации, тех или иных управленческих решений. Иначе говоря, активный прогноз – это попытка получить ответы на вопрос «что будет, если ...» или что необходимо сделать для получения определенного результата.

Главное отличие прогнозов нового поколения – акцент на финансовых отношениях центра и регионов, а внутри регионов – на отношениях между общественным и частным секторами, группами хозяйствующих субъектов.

Специальным разделом прогнозов являются более детальные и адресные проективки развития государственного сектора экономики, включающие показатели развития государственных унитарных предприятий, государственных учреждений, хозяйственных обществ с долей государственной собственности, превышающей 50 % уставного капитала. В этом секторе прогнозы доводятся до уровня плана, имеющего обязательный характер.

Методы территориального и регионального прогнозирования весьма разнообразны. Наиболее продвинутой методологией прогнозирования включает использование математических моделей.

Методология прогнозирования в субъектах федерации еще далека от стандартизации вследствие слишком больших различий в информационном обеспечении и квалификации кадров. В ряде регионов создаются свои оригинальные технологии прогнозирования, активно используемые субфедеральной региональной экономической политике.

Прямое участие государства в развитии объектов экономики и социальной сферы в регионах – это один из способов адресного регулирования (микроинструмент). Наиболее типичный пример такой деятельности государства в регионах – осуществление инвестиционных проектов, имеющих федеральную значимость: строительство и реконструкция за счет федерального бюджета железных дорог, автомагистралей, научных, образовательных и медицинских центров. Государство также финансирует проекты,

оказывающие сильное позитивное влияние на рост занятости, увеличение налоговой базы, качество социального обслуживания в конкретных регионах.

Государство оказывает селективную поддержку действующим предприятиям в форме дотирования производимой ими продукции. Финансовая поддержка особенно целесообразна, когда она предотвращает более значительные экономические и социальные издержки в регионе от снижения производства, занятости или банкротства предприятия.

Еще один способ адресного регулирования – размещение государственных заказов на поставку продукции для общегосударственных нужд. Государство как крупнейший покупатель может сильно влиять на загрузку производственных мощностей, занятость и доходы в разных регионах, реализуя отдельные задачи региональной экономической политики. В условиях экономического спада особенно важно обеспечивать заказами градообразующие предприятия, чтобы снизить безработицу и другие негативные социально-экономические последствия. Размещение госзаказа может стимулировать экономический подъем в соответствующих регионах и городах.

Организационная, правовая, информационная поддержка регионов в особых областях деятельности наиболее важна в тех видах деятельности, где возможности и компетенция региональных властей ограничены или недостаточны. Прежде всего, это внешнеэкономическая деятельность. Государство оказывает помощь регионам в установлении контактов с внешнеэкономическими партнерами и иностранными инвесторами, в получении международных кредитов и займов, в распространении региональных ценных бумаг на мировых финансовых рынках, во включении в международные программы и проекты технического содействия. Как правило, эти формы международного участия регионов реализуются на основе соглашений, заключаемых Правительством Российской Федерации; оно же выступает гарантом возврата кредитов и завершения проектов.

Государство осуществляет ряд специальных организационно-хозяйственных функций там, где они выходят за рамки возможностей отдельного региона. Например, такими функциями являются централизованный завоз жизненно необходимых грузов на Север, организация переселения людей с Севера и вахтового метода работы, содействие трудоустройству бывших военнослужащих и переселенцев из республик бывшего СССР. Государство приходит на помощь регионам при ликвидации последствий чрезвычайных экологических и техногенных ситуаций (землетрясения, наводнения, радиоактивное заражение территорий и т.п.).

О МЕХАНИЗМАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Л.Я. Орлова

Одной из важнейших проблем взаимодействия государственных органов управления и органов местного самоуправления в субъекте Российской Федерации является действенный механизм взаимодействия этих органов. Создание и совершенствование такого механизма позволяет решать основную цель государственной власти – улучшать качество жизни граждан и обеспечивать их права наряду с контролем исполнения их обязанностей.

В области организации взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления в Санкт-Петербурге можно выделить федеральный уровень и региональный уровень, который, в свою очередь, предполагает выделение двух подуровней: городской (Администрация Санкт-Петербурга и Законодательное Собрание Санкт-Петербурга); районный (территориальные управления административных районов, районные территориальные финансовые управления). Зафиксировав в Указе Президента Российской Федерации от 15.10.1999 № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области местного самоуправления в Российской Федерации» [1] систему целей, принципов и задач государственных органов по дальнейшему развитию местного самоуправления, государство еще раз подтвердило приоритетность и гарантированность этой формы самоорганизации граждан и необходимость комплексного подхода к обеспечению государственной поддержки реформирования местного самоуправления.

В мае 1997 года был образован Совет по местному самоуправлению в Российской Федерации – совещательный коллегиальный орган, обеспечивающий общую координацию процессов, происходящих в этой сфере, рассмотрение актуальных и важных вопросов местного самоуправления и внесение соответствующих предложений Президенту Российской Федерации. Положение о Совете по местному самоуправлению в Российской Федерации было утверждено Указом Президента Российской Федерации от 13.11.1998 № 1373 «Вопросы Совета по местному самоуправлению в Российской Федерации» [2]. Состав Совета по местному самоуправлению в Российской Федерации был утвержден Указом Президента Российской Федерации от 25.09.1999 № 1271 [3].

Представляется, что деятельность Совета по местному самоуправлению в Российской Федерации нельзя охарактеризовать как активную. Уже неоднократно проблема реформирования системы местного самоуправления в Российской Федерации являлась объектом пристального внимания на обсуждениях в Государственном Совете при Президенте Российской Федерации и в его рабочих органах. Городской подуровень в Санкт-Петербурге представлен постоянной комиссией по устройству государственной власти, местному самоуправлению и административно-территориальному устройству Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Как следует из постановления Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 14.04.1999 № 78 «О структуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» [4], в ведении этой комиссии находятся вопросы, касающиеся системы органов государственной власти, основ местного самоуправления, административного, территориального деления, межрегиональные и международные связи по основным направлениям деятельности. Для выработки согласованной политики Комиссией обеспечивается взаимодействие с органами Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Администрацией Санкт-Петербурга, а также с соответствующей Комиссией Законодательного Собрания Ленинградской области и комитетами Северо-Западной Межпарламентской Ассамблеи. Функциями указанной Комиссии являются разработка и участие в подготовке проектов

законодательных и иных правовых актов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга; дача заключений по проектам правовых актов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга; рассмотрение на заседании проектов уставов муниципальных образований, а также вносимых в них изменений; организация экспертизы и общественного обсуждения проектов законодательных актов, проведение публичных слушаний по вопросам, касающимся становления и функционирования системы местного самоуправления в Санкт-Петербурге; контроль за выполнением решений законодательного Собрания Санкт-Петербурга в пределах компетенции; осуществление приема представителей муниципальных образований Санкт-Петербурга; консультирование выборных лиц местного самоуправления по вопросам законотворческой и нормативной деятельности; содействие в реализации представительными органами местного самоуправления права законодательной инициативы.

Таким образом, Постоянная Комиссия по устройству государственной власти, местному самоуправлению и административно-территориальному устройству Законодательного Собрания Санкт-Петербурга действует в направлении создания надлежащих правовых условий для развития местного самоуправления и в направлении оказания муниципальным органам власти организационно-методической помощи.

Взаимодействие депутатов муниципальных советов муниципальных образований Санкт-Петербурга с Постоянной Комиссией носит регламентированный характер (на заседания приглашаются представители тех органов местного самоуправления муниципальных образований Санкт-Петербурга, чьи вопросы рассматриваются).

Название органа	Количество заседаний	Рассмотрение вопросов	Количество внесенных законопроектов	Проведено депутатских слушаний	Получено писем граждан
Постоянная Комиссия по устройству государственной власти, местному самоуправлению и административно-территориальному устройству Законодательного Собрания Санкт-Петербурга	35	227	30	3	36

Таблица 1. Практическая работа Постоянной Комиссии за сентябрь 2001 – июль 2002 года

Анализ работы Постоянной Комиссии по устройству государственной власти, местному самоуправлению и административно-территориальному устройству в последние годы показывает, что сузился круг рассматриваемых вопросов. В подавляющем большинстве в поле зрения Комиссии находились вопросы внесения изменений и дополнений в Уставы муниципальных образований Санкт-Петербурга и вопросы передачи объектов государственной собственности Санкт-Петербурга в собственность муниципальных образований Санкт-Петербурга. Это связано с рядом причин: приоритетами в законодательном решении вопросов местного самоуправления (на сегодняшний день в качестве таковых выступают, как правило, вопросы формирования муниципальной собственности); попытка органов местного самоуправления муниципальных образований Санкт-Петербурга спрогнозировать последствия проведения реформирования системы местного самоуправления в Российской Федерации и Санкт-Петербурге; объективно существующая необходимость устранить противоречия действующему законодательству, существующие в уставах муниципальных образований (в этом отношении весьма велико значение более пристального внимания к актам, издаваемым орга-

нами местного самоуправления, со стороны прокуратуры Санкт-Петербурга). В 2000 году в составе Постоянной Комиссии по устройству государственной власти, местному самоуправлению и административно-территориальному устройству Законодательного Собрания Санкт-Петербурга была образована профильная комиссия по оказанию содействия органам местного самоуправления в Санкт-Петербурге в решении вопросов здравоохранения, социального благополучия и охраны окружающей среды на территории муниципального образования. Профильная комиссия осуществляет взаимодействие с должностными лицами, отраслевыми и территориальными органами администрации Санкт-Петербурга; межрегиональные и международные связи.

Имеются инициативы по формированию рабочего органа, осуществляющего деятельность в области отслеживания целевого использования объектов государственной собственности Санкт-Петербурга, переданных в соответствии с законами Санкт-Петербурга в собственность муниципальных образований. На сегодняшний день таким органом призван стать Общественный совет. Однако в городских масштабах деятельность этого совета не принесла пока каких-либо явных результатов.

В 2003 году изменилась практика участия органов местного самоуправления в формировании муниципальной составляющей бюджета Санкт-Петербурга на соответствующий финансовый год. Если ранее (на протяжении нескольких лет) эта работа велась в рабочей группе, сформированной при Комитете финансов Санкт-Петербурга, то теперь деятельность рабочей группы осуществляется при Бюджетно-финансовом Комитете Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

В целях выявления и решения наиболее актуальных проблем, связанных со становлением и развитием местного самоуправления в Санкт-Петербурге распоряжением губернатора Санкт-Петербурга от 15.07.1998 был создан Совет по местному самоуправлению. Этим же распоряжением губернатора Санкт-Петербурга определены основные задачи Совета по местному самоуправлению, ключевой из которых является обеспечение мер по государственной поддержке местного самоуправления в Санкт-Петербурге структурными подразделениями Администрации Санкт-Петербурга [5].

В рамках единой государственной политики, направленной на создание условий для формирования работоспособной и эффективной системы местного самоуправления, Совет по местному самоуправлению в Санкт-Петербурге призван проводить разработку программ по вопросам становления системы местного самоуправления, содействовать процедуре разработки проектов законов Санкт-Петербурга, касающихся функционирования муниципальной ветви власти, обеспечивать общегородской стратегический подход к путям, методам и механизмам осуществления государственной поддержки. Кроме того, при содействии этого органа немаловажное значение отводилось роли Совета по местному самоуправлению как проводнику и распорядителю накопленного муниципальными образованиями положительного опыта работы в различных сферах, в том числе через создаваемые для отработки отдельных позиций, реформы системы местного самоуправления в Санкт-Петербурге.

Перспективной для развития муниципального самоуправления в целом видится реализация Советом по местному самоуправлению основной своей задачи – содействия в развитии территориального самоуправления, формы самоорганизации граждан по месту жительства. Проведенное по данной проблематике заседание показало, что утверждение о полной пассивности граждан в отношении реализации потенциала местного самоуправления нельзя назвать верным. Поступательному движению идеи местного самоуправления и привлечению населения к реальному участию в управлении на местном уровне во многом препятствует явная недостаточность правовой базы, проявившаяся, в том числе, в отсутствии возможности приобретения органами территориального общественного самоуправления статуса юридических лиц, в неясности их правового положения.

Совет по местному самоуправлению возглавляет губернатор Санкт-Петербурга. Персональный состав Совета утверждается губернатором. Состав Совета отличается широким представительством: руководители структурных подразделений Администрации Санкт-Петербурга, депутаты Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, представители органов местного самоуправления, федеральных органов государственной власти, ведущих вузов города, общественных объединений.

Совет по местному самоуправлению в Санкт-Петербурге сформирован как коллегиальный орган, способный влиять на принятие решений по целому комплексу вопросов жизнеобеспечения горожан. Хотя его решения и имеют рекомендательный характер, практика деятельности Совета показала, что достигнутые в ходе заседаний договоренности в дальнейшем, как правило, облекаются в обязательные для исполнения нормативные правовые акты. Так, итогами рассмотрения на Совете по местному самоуправлению в Санкт-Петербурге стали приказ губернатора Санкт-Петербурга «О взаимодействии территориальных и отраслевых органов Администрации Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления» [6], постановление Правительства Санкт-Петербурга «О программе государственной поддержки местного самоуправления в Санкт-Петербурге в 1999–2000 годах» [7].

Но очевидно, что оптимальным способом практического воплощения выработанного решения все же является незамедлительное оформление его в виде правового акта, что могло бы существенно повысить оперативность предпринимаемых действий, обеспечить контроль за исполнением решения.

В составе Совета по местному самоуправлению созданы четыре комиссии по особо актуальным направлениям.

- Комиссия по правовому и информационному обеспечению деятельности органов местного самоуправления. Из названия указанной Комиссии вытекает круг ее полномочий: содействие в совершенствовании законодательной базы местного самоуправления, повышение кадрового потенциала муниципальных органов власти. В компетенцию этой Комиссии входит также разработка положений по созданию координационных, консультационных, совещательных и иных рабочих органов как временных, так и постоянно действующих при Администрации Санкт-Петербурга.
- Комиссия по вопросам финансов и имущества органов местного самоуправления, задачами которой являются разработка предложений по формированию местных бюджетов, совершенствованию межбюджетных отношений и механизма обеспечения реализации органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, решение вопросов инвестиционной политики в муниципальных образованиях, создание и приобретение муниципальной собственности.
- Комиссия по социально-экономическим вопросам местного самоуправления. Функции этой Комиссии предусматривают подготовку предложений по реализации различных мероприятий в области социального обеспечения населения, созданию муниципальных унитарных предприятий и муниципальных учреждений, деятельность которых направлена на осуществление социальной защиты населения, обеспечение скоординированности действий по проведению молодежной политики, военно-патриотическому воспитанию.
- Комиссия по взаимодействию с органами государственной власти в вопросах благоустройства, охраны окружающей среды и общественной безопасности. В ее ведение включены вопросы разработки рекомендаций по участию органов местного самоуправления в охране общественного порядка, осуществления совместных программ по благоустройству территорий, охране окружающей среды.

До июля 1998 года в составе канцелярии губернатора Санкт-Петербурга существовал отдел по взаимодействию с органами местного самоуправления, впоследствии преобразованный в Комитет. Именно этим структурным подразделением на этапе пер-

воначального становления системы местного самоуправления в Санкт-Петербурге оказывалось содействие в создании организационных условий для нормального функционирования сформированных после проведения выборов в муниципальные советы в 1997–1998 годах органов местного самоуправления. В дальнейшем направления работы комитета были во многом определены общегосударственным подходом к формированию на муниципальном уровне работоспособной и эффективной власти. Комитет занялся формированием и дальнейшим совершенствованием правовой базы местного самоуправления, финансово-экономическими основаниями местной власти; информационно-аналитической поддержкой органов местного самоуправления.

16 ноября 2000 года приказом губернатора Санкт-Петербурга №51-п было утверждено Положение о Комитете по взаимодействию с органами местного самоуправления. В соответствии с данным положением одной из задач Комитета является обеспечение условий для согласованного функционирования территориальных и отраслевых органов Администрации Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления [8].

Кроме того, Комитет участвует в разработке проектов законодательных и иных нормативных правовых актов. Комитетом были подготовлены: утвержденный 29 декабря 1998 года приказ губернатора Санкт-Петербурга «О взаимодействии территориальных и отраслевых органов администрации Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления» № 96-п, определяющий основные формы и методы взаимодействия, проекты законов Санкт-Петербурга «О статусе выборного лица местного самоуправления в Санкт-Петербурге», «О порядке государственной регистрации органов территориального общественного самоуправления в Санкт-Петербурге» [9].

Что касается деятельности отраслевых органов государственной исполнительной власти Санкт-Петербурга по оказанию государственной поддержки местному самоуправлению, то в этом аспекте необходимо отметить, что на протяжении трехлетнего существования муниципальной власти в городе ряд комитетов и управлений были задействованы в процессе передачи отдельных полномочий с регионального уровня на местный. Со стороны отраслевых организаций Администрации Санкт-Петербурга, как правило, следовало желание поделиться накопленным за длительное время опытом. Так, к примеру, только в 1999 году ими было проведено более 50 обучающих тематических семинаров. А в отдельных областях органы государственной исполнительной власти фактически стали поставщиком кадров для муниципальной службы. При передаче в соответствии с требованиями Гражданского кодекса Российской Федерации [10], Семейного кодекса Российской Федерации [11] и статьи 8 Закона Санкт-Петербурга «О местном самоуправлении в Санкт-Петербурге» [12] функции органов опеки и попечительства органам местного самоуправления большинство из инспекторов по охране прав детей, ранее занимавшихся этой проблематикой в соответствующих отделах территориальных управлений административных районов, перешли на работу в штат муниципалитетов.

Еще раз останавливаясь на недопустимости противопоставления муниципальной власти государственной, прежде всего в сфере их общих интересов, отметим попытки в условиях существующего законодательства наладить конструктивное взаимодействие посредством заключения договоров и соглашений. Особая активность в этом вопросе была проявлена при решении острых проблем, касающихся управления торговой деятельностью на территории Санкт-Петербурга. Инициаторами их договорного решения стали Комитет по потребительскому рынку, территориальное управление Пушкинского административного района и муниципальное образование город Пушкин.

Теперь кратко остановимся на районном подуровне взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Выделение данного подуровня справедливо хотя бы потому, что большинство из повседневных проблем горожан решались и решаются на уровне района. Именно в территориальные управле-

ния, в первую очередь, люди обращались со своими нуждами. Часть функций и полномочий именно этих территориальных органов государственной исполнительной власти в основном перешли на муниципальный уровень. Появление новой ветви власти привело к необходимости разграничения полномочий, проводимого таким образом, чтобы максимально нивелировать возможные неудобства для граждан, не вызвать реакцию неприятия нового властного аппарата, де бюрократизировать процедуру принятия решений.

Хорошо зарекомендовала себя такая форма взаимодействия, как координационные советы территориальных органов Администрации Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления, находящихся в границах соответствующих административных округов, изначально строившаяся на принципах оказания государственной поддержки органам муниципальной ветви власти и постепенно, по мере развития местного самоуправления в Санкт-Петербурге, перешедшая на иной качественный уровень – органа, объединяющего усилия органов государственной исполнительной власти и местного самоуправления в направлении решения вопросов жизнедеятельности населения каждого муниципального образования и административного района в целом.

Координационный совет – это постоянно действующий коллегиальный совещательный орган, сформированный на паритетной основе из должностных лиц территориального управления, глав муниципальных образований и иных выборных должностных лиц местного самоуправления. Председателем Координационного совета является глава территориального управления, заместителем председателя – один из руководителей органов местного самоуправления, секретарем – заместителем главы территориального управления или начальник административно-организационного отдела территориального органа Администрации Санкт-Петербурга.

Деятельность координационных советов позволяет учитывать мнение населения, депутатов представительных органов местного самоуправления при выработке решений по наиболее важным проблемам жизнеобеспечения населения районов и находящихся на их территории муниципальных образований, концентрировать силы и средства всех органов государственной власти и самоуправления на наиболее актуальных направлениях.

Решения, принимаемые на заседаниях координационных советов, носят рекомендательный характер, но на основе их принимаются решения муниципальных советов, распоряжения глав территориальных управлений, утверждаются совместные планы и программы по реализации городских программ, в частности, «Чистый город», «Светлый город», «Наш двор», «Безопасность жилища», программ в области социальной защиты, культуры, образования, здравоохранения, занятости населения, охраны общественного порядка, организации работы с детьми и подростками по месту жительства, их отдыха в летний период.

Такая практика имеется в Курортном, Колпинском, Петроградском, Центральном и других районах. Так, например, 25.06.2003 на заседании координационного совета в Невском административном районе Санкт-Петербурга до сведения присутствующих была доведена информация органов прокуратуры Санкт-Петербурга о нарушениях бюджетного законодательства органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления. По результатам ее обсуждения приняты решения о подготовке протоколов разногласий по замечаниям территориального финансового управления об исполнении местных бюджетов и о проведении совместного с прокурором Невского административного района и депутатским корпусом заседания по обсуждению вопросов выплаты компенсаций за осуществление депутатской деятельности.

Ежегодно, начиная с 2001 года, координационными советами на основе Положения, разработанного Комитетом по взаимодействию с органами местного самоуправления и утвержденного Городским штабом благоустройства, проводится смотр-конкурс

муниципальных образований по трем номинациям: «Лучший двор», «Лучшее озеленение территории», «Лучшая спортивная площадка».

Наряду с описанными формами взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления, в Адмиралтейском, Фрунзенском, Курортном административных районах Санкт-Петербурга сложилась практика проведения совместных приемов граждан работниками территориальных управлений и депутатами муниципальных советов, что позволяет эффективно решать вопросы комплексного благоустройства, реализации адресных программ, непосредственно от жителей получать информацию о наиболее острых проблемах, оценку деятельности районных служб, органов местного самоуправления по их решению

Таким образом, можно утверждать, что в городе существует значительное число структурных подразделений органов государственной власти, осуществляющих в том или ином виде мероприятия в области государственной поддержки развитию местного самоуправления. Вместе с тем прослеживаются также и перспективы совершенствования их деятельности, необходимости более системного подхода, упорядоченности их взаимодействия, устранения отдельных недостатков в работе, повышения заинтересованности.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.1999 № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Указ Президента Российской Федерации от 13.11.1998 № 1373 «Вопросы Совета по местному самоуправлению в Российской Федерации».
3. Указ Президента Российской Федерации. Состав Совета по местному самоуправлению в Российской Федерации был утвержден Указом президента Российской Федерации от 25.09.1999 № 1271.
4. Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 14.04.1999 №78 «О структуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга».
5. Распоряжение губернатора Санкт-Петербурга от 15.07.1998 № 659-р. // Вестник администрации Санкт-Петербурга. 1998.
6. Приказ губернатора Санкт-Петербурга № 96-п от 29.12.1998 № 96-п «О взаимодействии территориальных и отраслевых органов администрации Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления».
7. Постановление Правительства Санкт-Петербурга «О Программе государственной поддержки местного самоуправления в Санкт-Петербурге в 1999–2000 годах».
8. Приказ губернатора Санкт-Петербурга от 16.11.2000 №51-п «Положение о Комитете по взаимодействию с органами местного самоуправления».
9. Приказ губернатора Санкт-Петербурга № 96-п от 29.12.1998 № 96-п «О взаимодействии территориальных и отраслевых органов администрации Санкт-Петербурга и органов местного самоуправления».
10. Гражданский кодекс Российской Федерации.
11. Семейный кодекс Российской Федерации.
12. Ст. 8 Закона Санкт-Петербурга «О местном самоуправлении в Санкт-Петербурге».

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

О.И. Орлов

Как известно, любая деятельность строится в соответствии с определенными правилами, основополагающими идеями и тенденциями развития. Традиционно под принципом понимают руководящие начала, объективно сложившиеся закономерности развития общества.¹

В теории права понятие «принцип» – руководящая идея, основание системы.² Принцип обобщает и распространяет какое-либо положение на всю группу правоотношений, из которой он выделен, абстрагирован. Более того, можно с уверенностью заявить, что какова принципиальная основа, такова и сущность системы. В силу этого законодатель всегда в первую очередь устанавливает принципиальную основу функционирования той или иной системы отношений.

В общей теории права различают три уровня правовых принципов: общеправовые, межотраслевые и отраслевые, где, как правило, общеправовые принципы преломляются в отраслевые и реализуются через нормы отрасли.³

В принципах муниципальной службы нашли отражение общие принципы организации деятельности государства, включая как властные структуры государства, так и структуры управления, формируемые органами местного самоуправления. Прежде всего, к ним относятся принципы, закрепленные в Конституции Российской Федерации, а также вытекающие из ее положений.

В статье 5 Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» установлены основные принципы муниципальной службы.⁴ Поскольку указанный закон является базовым, регулирующим основы муниципальной службы, следовательно, его нормы выступают исходным началом для иных законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации.

Принципы, закрепленные в основной части Федерального закона «Об основных принципах муниципальной службы в Российской Федерации», не только раскрывают смысл и содержание муниципальной службы, но также образуют исходные начала ее организации в субъектах Российской Федерации. Указанные положения учитываются законодателями субъектов Российской Федерации при принятии нормативных правовых актов, регулирующих отношения, складывающиеся в процессе деятельности муниципальной службы на своих территориях. Муниципальные служащие обязаны руководствоваться ими в своей работе.

Муниципальная служба в Российской Федерации основывается на принципе верховенства Конституции Российской Федерации, федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации над иными нормативными правовыми актами, должностными инструкциями при исполнении муниципальными служащими должностных обязанностей и обеспечении прав муниципальных служащих.⁵

Данный принцип является всеобщим, и поэтому каких-либо исключений из него быть не может. Все органы местного самоуправления должны соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации. Неукоснительное следование данному принципу является необходимым условием сохранения целостности государства и строгого соблюдения законности.

Не допускаются, какие бы то ни было прямые или косвенные ограничения действия федеральных законов на территории действия отдельных муниципальных образований субъектов Российской Федерации. Верховенство Конституции Российской Федерации, федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации не может быть предметом договоренности между муниципальным образованием и субъектом

Российской Федерации, а равно между ними и федеральными органами власти. Попытки муниципальных образований поставить предварительные условия либо иным образом ограничить действие федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации на своей территории ведут к ущемлению суверенитета Российской Федерации. Данные тенденции были особенно характерны для начального периода становления местного самоуправления в Российской Федерации.

Решения органов местного самоуправления, противоречащие Конституции Российской Федерации, федеральным законам и законам субъектов Российской Федерации, не имеют юридической силы и признаются недействительными с момента их принятия, равно и как акты федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации, нарушающие права и законные интересы муниципальных служащих.

Неисполнение муниципальными служащими предписаний федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации в процессе своей деятельности влечет наступление установленной законом ответственности, вплоть до отстранения от должности.

Принцип верховенства Конституции РФ, федеральных законов и законов субъектов Федерации требует, чтобы организация всей муниципальной службы осуществлялась на основе и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации. Исходя из требований Конституции Российской Федерации, каждый муниципальный служащий, реализуя возложенные на него обязанности по должности, обязан строго следовать таким конституционным принципам, как демократизм, законность, равноправие и полноправие граждан, гуманизм, государственное единство, равноправие и самоопределение народов, разделение властей, идеологическое многообразие и многопартийность.

Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие⁶ определяет главный смысл деятельности муниципальных служащих. Человек, его права и свободы признаются Конституцией Российской Федерации высшей ценностью. В ней также устанавливается, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.⁷

Как верно отмечает В.И. Фадеев, права и свободы и гражданина реализуются, прежде всего, на местном уровне,⁸ там, где он живет, осуществляет трудовую, политическую и иную деятельность. В этой связи встает вопрос о кадровом составе муниципальной службы, способном и готовом учитывать в своей работе интересы граждан. Недопустимо, когда сами муниципальные служащие не соблюдают права человека, защита которых является сущностью их деятельности.

В условиях, когда доверие граждан к институтам государственной власти снижено, очень важным является укрепление муниципальной службы как наиболее приближенной к ним системе управления. Это поможет избавиться от существующих предрассудков к власти в целом, как местной, так и государственной.

Принцип самостоятельности органов местного самоуправления в пределах их полномочий⁹ предполагает наличие юридической материально-финансовой самостоятельности местного самоуправления, что также является конституционным принципом организации и деятельности местного самоуправления. Местное население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления, решает вопросы местного значения путем прямого волеизъявления либо через представительные органы местного самоуправления. Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет. Данное правомочие выступает основой финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления. Уже говорилось о том, что на органы местного самоуправления возложено решение задач в различных сферах жизнедеятельности местного

населения. Это накладывает большую ответственность на соответствующие органы местного самоуправления. Однако финансовых и материальных ресурсов, которыми реально располагает муниципальное образование, не всегда достаточно, чтобы в полной мере обеспечить решение этих задач. Преодоление указанных негативных моментов видится в быстрейшем решении вопросов четкого разграничения полномочий государственных и муниципальных органов управления и передаче последним соответствующих финансово-материальных ресурсов, необходимых для решения ими общегосударственных задач.

Принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих⁹ предполагает, что муниципальный служащий должен обладать определенным мастерством, приобретаемым и поддерживаемым систематическим и непрерывным образованием. Соблюдение данного принципа требует от муниципальных служащих знания законов, умения их правильно применять и стремления действовать только в соответствии с законодательными актами. Муниципальные служащие должны владеть процедурой деятельности органов местного самоуправления, знать свои права и обязанности. Муниципальный служащий, не знающий своих прав и обязанностей, вряд способен в полной мере обеспечить соблюдение прав населения муниципальной территории.

Однако пассивное знание мало способствует достижению целей муниципальной службы, необходима еще и активная позиция муниципальных служащих, которая позволит в полной мере осуществить функции и полномочия, предусмотренные законодательством, должностными положениями и инструкциями.

Важным в организации деятельности муниципальной службы представляется принцип ответственности муниципальных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей¹⁰. Действенность местного самоуправления во многом зависит от четкого исполнения муниципальными служащими своих должностных обязанностей. Неисполнение или ненадлежащее исполнение муниципальным служащим своих должностных обязанностей образует состав должностного проступка и влечет применение к нему дисциплинарного взыскания¹¹ в установленном действующим законодательством порядке. Трудовое законодательство определяет дисциплинарное взыскание как предусмотренную законом меру принудительного воздействия, применяемую уполномоченным должностным лицом к работнику, совершившему дисциплинарный проступок¹².

Перечень дисциплинарных взысканий, порядок их применения и обжалования определяется положением о муниципальной службе, которое утверждает представительный орган местного самоуправления в соответствии с действующим федеральным законодательством и законодательством субъекта Российской Федерации.¹³

Должностным проступком признается не всякое неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, а только то, которое допущено в результате противоправных и виновных действий или бездействия муниципального служащего. Противоправность действия или бездействия означает, что они не соответствуют законам, иным нормативно-правовым актам, в том числе и должностным инструкциям. Ущерб, причиненный в результате противоправных действий муниципальных служащих физическим либо юридическим лицам при исполнении ими своих должностных обязанностей, возмещается органом местного самоуправления в порядке, установленном действующим гражданским законодательством Российской Федерации¹⁴. В этом случае муниципальные служащие могут быть привлечены к материальной ответственности в порядке, определяемом трудовым законодательством. Муниципальный служащий несет установленную законом ответственность не только за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей, но также за дачу своим подчиненным указаний на совершение противоправных действий, а также непринятие мер по обеспечению правовых норм, контроль за соблюдением которых входит в его служебные обязанности.

Принцип равного доступа граждан к муниципальной службе в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой¹⁵ предполагает, что при поступлении на службу и при прохождении муниципальной службы недопустима какая-либо дискриминация по признакам пола, социальной, расовой, национальной или религиозной принадлежности.

Способность к муниципальной службе предполагает наличие у кандидата соответствующих физических и моральных качеств. Из сказанного следует, что специфика муниципальной службы предъявляет достаточно высокие требования к кандидату на должность муниципальной службы. Муниципальным служащим может быть лишь гражданин, способный по состоянию здоровья и своим деловым качествам профессионально обеспечивать выполнение функций, возложенных на соответствующий орган местного самоуправления. Законодательством субъектов Российской Федерации о муниципальной службе устанавливаются критерии, согласно которым осуществляется отбор кандидатов на замещение должностей.

Профессиональная подготовленность кандидата на муниципальную должность муниципальной службы предполагает наличие у него необходимых образования и подготовки, соответствующих содержанию и объему полномочий по этой должности. В подтверждение такого соответствия кандидаты либо предоставляют документы, удостоверяющие их квалификацию, либо сдают квалификационный экзамен, порядок проведения которого определяется нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в соответствии с требованиями законов субъектов Российской Федерации.

Принцип равного доступа к муниципальной службе на практике реализуется посредством участия граждан в конкурсе на замещение вакантных должностей муниципальной службы.

Правоограничения, предусматриваемые законами субъектов Российской Федерации к кандидатам на должности муниципальной службы, не ослабляют действие принципа равного доступа граждан к муниципальной службе и не означают исключений из него. Они естественно вытекают из факта осуществления муниципальными служащими специфических властных полномочий.

Важным представляется принцип единства основных требований, предъявляемых к муниципальной службе в Российской Федерации, а также учета исторических и иных местных традиций¹⁶. Смысл данного принципа заключается в том, что основные требования, предъявляемые к муниципальной службе и муниципальным служащим, являются едиными для всех муниципальных образований. При этом необходимо учитывать исторические особенности определенных территорий. Российская Федерация является многонациональным государством, что предполагает необходимость сохранения национальных традиций, существующих в тех или иных муниципальных образованиях.

Единство требований к муниципальной службе обеспечивается закреплением в Федеральном законе основ муниципальной службы в Российской Федерации. В обеспечение этого принципа субъекты Российской Федерации, принимая соответствующие законы, закрепляют общие требования к муниципальным служащим, устанавливают гарантии, определяют порядок прохождения муниципальной службы, устанавливают классификацию муниципальных должностей муниципальной службы и квалификационные требования, регламентируют иные вопросы, связанные с осуществлением муниципальными служащими деятельности по исполнению полномочий органов местного самоуправления. Разграничение полномочий между лицами, замещающими должности муниципальной службы в конкретных муниципальных образованиях, осуществляется органами местного самоуправления самостоятельно. Соблюдение данного принципа обеспечивает независимость муниципальной службы от структурных и иных перестроек в системе органов местного самоуправления.

Принцип правовой и социальной защищенности муниципальных служащих¹⁷ реализуется в закрепленных законодательством мерах, обеспечивающих юридические и социальные права муниципального служащего как гражданина Российской Федерации. Не допускается ограничение в какой бы то ни было форме указанных прав в связи с осуществлением гражданином обязанностей муниципальной службы.

В этой связи муниципальному служащему в процессе осуществления деятельности по должности муниципальной службы гарантируются:

- условия работы, обеспечивающие выполнение им должностных обязанностей;
- денежное содержание и иные выплаты;
- ежегодный оплачиваемый отпуск (не менее 30 календарных дней);
- медицинское обслуживание его и членов его семьи, в том числе после выхода на пенсию;
- пенсионное обеспечение за выслугу лет и пенсионное обеспечение членов семьи муниципального служащего в случае его смерти, наступившей в связи с выполнением им должностных обязанностей;
- обязательное государственное страхование на случай причинения вреда здоровью и имуществу в связи с исполнением им должностных обязанностей;
- обязательное государственное социальное страхование на случай заболевания или потери трудоспособности в период прохождения им муниципальной службы или после ее прекращения, но наступивших в связи с исполнением им должностных обязанностей;
- защита его и членов его семьи в порядке, установленном законами, от насилия, угроз, других неправомерных действий в связи с исполнением им должностных обязанностей¹⁸.

В законах субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актах органов местного самоуправления могут устанавливаться дополнительные гарантии для муниципальных служащих. Так, в законе Краснодарского края от 27 марта 1997 года «О муниципальной службе Краснодарского края» предусматриваются: дополнительные отпуска за выслугу лет и особые условия работы; гарантии для муниципальных служащих в случае ликвидации или реорганизации органов местного самоуправления¹⁹.

Правовая и социальная защищенность предполагает, наряду с закреплением социальных и юридических прав, наличие реальной возможности их защиты в административном или судебном порядке.

Принцип внепартийности муниципальной службы²⁰ призван оградить муниципальных служащих от влияния и контроля со стороны политических партий так, чтобы они могли работать эффективно, независимо от того, какая политическая партия приходит к власти в результате очередных выборов. Этот принцип также защищает муниципальных служащих от потери своих должностей по политическим мотивам. Данный принцип не ограничивает конституционные права муниципального служащего как гражданина Российской Федерации на свободу убеждений. Муниципальный служащий свободен принадлежать к любой политической партии в зависимости от своих убеждений, обладает правом выдвигать свою кандидатуру на выборах от любой политической партии. Вместе с тем не допускается создание в системе муниципальной службы первичных организаций каких бы то ни было политических партий.

Муниципальные служащие независимы от политических партий, движений и иных общественных объединений и организаций. При исполнении служебных обязанностей они не вправе руководствоваться решениями каких-либо партий, политических общественных движений и иных общественных объединений, преследующих политические цели. Муниципальные служащие не вправе официально или публично демонстрировать свою приверженность или принадлежность к указанным партиям или дви-

жениям. К сожалению, данное положение не всегда в полной мере соблюдается на местах.

Таковы основные принципы муниципальной службы, закрепленные Федеральным законом «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».

Вместе с тем, субъекты Российской Федерации в своем законодательстве о муниципальной службе могут устанавливать свои специальные принципы. Так, закон Краснодарского края от 27 марта 1997 года «О муниципальной службе в Краснодарском крае» в статье 7 закрепляет, наряду с основными, и специальные принципы муниципальной службы; принцип ответственности перед населением муниципального образования и государством; обязательности для муниципального служащего нормативных правовых актов органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, принятых в пределах их полномочий и в соответствии с законодательством Российской Федерации и Краснодарского края; недопустимости подчиненности муниципальных служащих одного муниципального образования органам местного самоуправления другого муниципального образования, а также органам государственной власти и государственным должностным лицам в решении вопросов, не отнесенных к ведению органов государственной власти, если иное не предусмотрено уставом муниципального образования; гласности в осуществлении муниципальной службы; соотнесенности и последовательности прохождения муниципальной службы на должностях в органах местного самоуправления и на государственных должностях в краевых и федеральных государственных органах; стабильности кадров муниципальных служащих в муниципальных образованиях.

Наверное, следует обратить внимание на тот факт, что указанный закон Краснодарского края о муниципальной службе в основном повторяет положения Федерального закона «Об основах государственной службы в Российской Федерации» от 31 июля 1995 года²¹, что не представляется целесообразным. Копирование норм Федерального закона в законах субъекта Российской Федерации приводит к тому, что указанные нормы теряют способность в полной мере регулировать специфические общественные отношения, складывающиеся на территории конкретного субъекта.

Источники и литература

1. Краткая философская энциклопедия. М., 1994. 363 с.
2. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Учебное пособие для высших учебных заведений. / Под ред. Профессора В.Г. Стрекозова. М., 1998. 215 с.
3. Глушенко П.П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан(теория и практика). Монография. / Под ред. проф. В.П.Сальникова. Изд-во Михайлова В.
4. Сборник законодательства Российской Федерации, 1998, №2, ст. 224; 199, №16, ст. 1933.
5. П. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».
6. П. 2 ст. 5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации». // Сборник законодательства Российской Федерации, 1998, №2, ст.224, 1999, №16, ст.1933.
7. Ст. 2 и ст. 18 Конституции Российской Федерации.
8. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. Учебник. М.: Юристъ, 1997. С.101.
9. П. 3 ст. 5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».
10. П. 4 ст. 5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».
11. П. 5 ст. 5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».
12. Ст. 14 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».

13. Трудовое право России: Учебник. / Т.И.Ивакин, С.П. Маврин, Е.В. Магницкая и др. Под ред. А.С.Пашкова. СПб: Издательство СПбГУ, 1993 . С. 225–226.
14. Например, ст. 17 «Положения о муниципальной службе в органах местного самоуправления города Новороссийска», утвержденного решением Городской Думы г. Новороссийска №99 от 5 декабря 1997 года, регулирует вопросы ответственности муниципальных служащих.
15. Ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации.
16. П. 6 ст.5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».
17. П. 7 ст. 5 Федерального закона от 8 января 1998г. «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».
18. П. 8 ст.5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».
19. Ст. 7 закона Красноярского края от 27 марта 1997 года «О муниципальной службе в Красноярском крае»
20. Ст. 15 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» «Гарантии для муниципального служащего».
21. П. 9 ст. 5 Федерального закона от 8 января 1998 года «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации».

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.В. Сергеева

Public Relations стали неотъемлемой частью эффективного управления. PR как подсистема менеджмента направлена на поддержание благоприятной внешней среды организации, а также на создание внутренней корпоративной атмосферы.

PR – это управленческая функция, которая оценивает общественное мнение, определяет политику и процедуру отдельных лиц или организации в целом на основе общественных интересов, планирует и выполняет ту или иную программу действий с целью добиться понимания и признания со стороны общества¹.

С понятием PR в современном мире знакомы многие, а с определением термина «социальная психология» не каждый. Для тех, кто не знаком с трактовкой термина «социальная психология», для примера приводится определение, которое дал этой науке один из самых значительных ученых в этой области, Дэвид Майерс. Определение носит неформальный характер, поэтому легко запоминается. Итак: «Социальная психология – это наука, изучающая, как люди думают друг о друге, как они влияют друг на друга и как относятся друг к другу»². При этом важно различать предмет социальной психологии, с одной стороны, и предмет социологии и психологии личности. Социология и социальная психология действительно имеют общие интересы, изучая, как ведут себя люди в группах. Однако каждая наука делает свой акцент в изучении поведения людей в группах. Социология изучает группы (от малых до очень больших – обществ). Социальная психология изучает индивидов, людей, составляющих эти группы.

Как PR, так и реклама основаны на коммуникации. А цель социальной психологии состоит в изучении межличностной и межгрупповой коммуникации. Существует достаточно большое количество определений коммуникации. В зависимости от точки зрения, занимаемой тем или иным ученым, коммуникация – это:

- передача информации с целью получить ответ;
- координация значений между индивидом и аудиторией;
- обмен информацией об идеях или переживаниях;
- обмен элементами поведения, образа жизни посредством набора правил;
- достижение единства в перечне символов в умах людей – проще говоря, достижение взаимопонимания;
- чисто индивидуальное, внутренне переживаемое событие, разделяемое с кем-либо;
- передача информации от одного человека или группы другому человеку или другой группе.

Писатель Герман Мелвилл как-то сказал: «Наши жизни связаны тысячей незримых нитей». Так вот, цель социальной психологии – науки, изучающей связи между людьми, – сделать эти нити видимыми для всех.

Бесспорно, специалисты, работающие в сфере PR и рекламы, могут сделать одно уточнение: не всегда эти нити видны обоим участникам коммуникации. Потребители продуктов из сферы PR и рекламы видят только поверхностное значение коммуникативного послания. Задача специалистов в этом случае заключается в том, чтобы как можно эффективнее использовать методы и приемы социальной психологии для нахождения наиболее быстрого установления контакта с клиентом, потребителем или группой потребителей. Стоит заметить, что в любой ситуации нельзя забывать о профессиональной этике³.

Итак, существуют такие направления социальной психологии, как самоопределение человеческого «Я» в социальном мире, проблема самопрезентации, интерпретация поведения других участников социальной коммуникации – это одна из важнейших со-

ставляющих любой профессии, занимающейся установлением и изучением коммуникативных процессов; поведение индивидуума и вопрос социального влияния, изучение установок, характерных для поведения, а также гендерные стереотипы, социальное доминирование, проблема коллективного «Я», психология групп, воздействие авторитета и проблема лидерства. В круг рассматриваемых вопросов социальной психологией можно включить изучение влияния как неотъемлемой части коммуникативного процесса, изучение межличностных конфликтов.

Одним из важнейших ключевых понятий социальной психологии является понятие «социальная ситуация». Ситуация может рассматриваться как нечто созданное самим индивидом в процессе взаимодействия с другими людьми. С другой стороны, к ней можно относиться как к существующей независимо от ее участника или участников. Подходом к классификации ситуаций является попытка использовать типичные для большинства людей характеристики их восприятия, такие как⁴:

- включенность – невключенность;
- простая – сложная;
- проявляется активность – проявляется пассивность;
- приятная – неприятная;
- интимная – публичная;
- чувство комфорта – чувство неловкости;
- известно, как себя вести – неизвестно, как себя вести;
- дружеская – враждебная»
- случайная – регулярная»
- организованная – спонтанная»
- сотрудничество – конкуренция»
- формальная – неформальная.

Всем нам известно, что для того, чтобы начать работать, необходимо определить ситуацию и видеть перед собой четко поставленную цель. Цель любой PR-кампании сложно сформулировать без ясного представления социального состава целевой аудитории, с которой планируется вести работу. Причем речь может идти не только о проведении пресс-конференции или размещении статьи в журнале. В данном случае мы можем говорить о проведении переговоров, наборе персонала, о конфликте с начальником и решении этого конфликта. Во всех этих ситуациях не стоит забывать о репутации и простых истинах коммуникации и социального поведения⁵.

Для проведения любого исследования в рамках маркетинговой стратегии или корпоративной политики необходимо изучение социальной психологии. Психологические тесты, анкетирование, проведение интервью основывается на психологических знаниях, способных дать четкий ответ о состоянии аудитории, о требованиях потребителей, о зарождении конфликтной ситуации в корпоративной среде и т.д.

В последнее время очень часто стал использоваться метод фокус-групп для проведения исследований в рамках дискуссионных программ. Фокус-группы рассматривают как способ проверки и тестирования вариантов воздействия на аудиторию и как способ нахождения новых путей такого воздействия. Участники являются представителями различных целевых аудиторий. Участники групп отвечают на вопросы ведущего или сами рассуждают на заданные темы. В этом методе очень важна роль ведущего, который направляет дискуссию в нужное русло и помогает участникам найти контакт между собой⁶.

От исследования деятельности PR перейдем к созданию имиджа. PR ориентируется, прежде всего, на действие, на создание вполне определенных имиджей, впечатлений, мнений, а вслед за ними – социальных установок и ценностных ориентаций.

Создание имиджа или имиджелогия совмещает в себе большое количество методов и концепций. Важную роль играет психологическое влияние создаваемого имиджа

на целевую аудиторию. Необходимо отметить, что социальная ситуация для создания имиджа может быть взята из любой сферы жизни: от конструирования образа президента, лидера кампании до вашего собственно имиджа при поступлении на работу.

Предвзятое мнение человека руководит тем, как он воспринимает и интерпретирует информацию. Люди будут признавать, что предубеждение влияет на социальную оценку, и все же не смогут до конца осознать, сколь велико это влияние. Мы реагируем не на действительность как таковую, а на свою интерпретацию этой действительности.

Социальное восприятие в большей степени полагается на зрительный образ, но в тоже время даже простой факт может восприниматься двумя людьми по-разному. Если о Владимире Путине говорят, что он – «не вызывающий возражений президент», для кого-то из его горячих поклонников это будет звучать как оскорбление, а для тех, кто относится к нему с презрением, – как позитивное предубеждение.

Очень часто можно слышать высказывание «Я такой, поэтому я так вижу». Поэтому так важно учитывать и изучать возможные интерпретации, классифицировать их и использовать в своих целях.

Вопрос интерпретации необходимо использовать при работе над имиджем руководителя компании и при создании корпоративной культуры. Изучение индивидуума в ситуации влияния группового сознания и проблема лидерства тоже включены в обширные исследования, проводимые социальными психологами⁷.

Сегодня в практике любого руководителя имеются трудности, не определяемые его субъективными качествами или конкретной ситуацией, а носящие принципиальный характер. Эти трудности универсальны и характерны для сложившейся в современном мире парадигмы управления. Для изменения такого положения недостаточно отдельных улучшений в области менеджмента, необходим поиск новых подходов.

Одной из важнейших проблем на сегодняшний день является отчуждение руководителя от производственного процесса. У руководителя предприятия как руководителя работ (в самом широком смысле, вплоть до государства) действия не всегда адекватны ситуации, компетентны и своевременны. Причем отчуждение тем больше, чем более высокое положение занимает руководитель.

Хотя общепризнано, что коммуникации имеют огромное значение для успеха организаций, опросы показали, что 73 % американских, 63% английских, и 85% японских руководителей считают коммуникации главным препятствием на пути достижения эффективности их организаций. Согласно еще одному опросу, примерно для 250000 работников из 2000 самых разных компаний обмен информацией представляет одну из самых сложных проблем в организациях.

Задача специалиста, занимающего должность пресс-секретаря или руководителя PR-отдела, – играть роль посредника между руководителем и персоналом. При этом необходимо учитывать демографические, культурологические и иные характеристики работников.

Никогда не стоит забывать, что в основе каждой организации лежит человеческий фактор. И задача социальной психологии – выделить индивидуальные характеристики личности из общегруппового поведения, подобрать наиболее подходящие методы для эффективной коммуникации.

Далее хотелось бы остановиться на проблеме самопрезентации личности как составляющей коммуникативного процесса. Человек изначально владеет определенным набором приемов самопрезентации, позволяющих ему участвовать (с той или иной долей успеха) в общении с другими людьми. Для специалиста, работающего с общественным мнением, формирующего базовые понятия общества о продаваемом продукте или услуге, занимающегося вопросами корпоративной политики, безусловно, необходимо владеть усовершенствованными методиками коммуникации. И, конечно же, иметь достаточно полное представление о системе общения и способах влияния. Дэвид

Майерс в «Социальной психологии» пишет: «Мы, люди, склонны не только воспринимать себя благоприятным образом, но и преподносить себя другим в желаемом свете»⁸.

Самопрезентация – это акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать благоприятное впечатление или впечатление, соответствующее чьим-либо идеалам. Шаг за шагом мы учимся управлять впечатлениями, которые производим.

Предвидится чье-либо возмущение: многим из нас кажется, что мы ведем себя так, как хочется только нам и не пытаемся никому понравиться: «Я такой, какой есть». Но в этом мнении кроется ошибка. Уже подсознательно в человеке заложены принципы самопрезентации. Если можно так выразиться, это способы самосохранения, выживания в условиях эволюционной конкуренции.

В работе над имиджем президента компании специалисты «навязывают» (в кавычках) ему чужое мнение, поскольку, по мнению большинства, а именно участников рынка, персонала, СМИ, президент данной компании должен выглядеть именно так, а не иначе. Этот вывод могут подтвердить исследования. Николо Макиавелли писал в своем известном произведении: «Государю необязательно обладать всеми желаемыми качествами, ...но крайне необходимо производить впечатление, что обладаешь ими»⁹.

Что же касается социальной ситуации, когда профессиональная деятельность специалиста требует от него выработки определенного имиджа, здесь он решает сам, что, по его мнению, будет действовать более эффективно.

Ситуации бывают самые разные. Для примера возьмем первый шаг в создании карьеры – поступление на работу. Так называемый «self-PR» здесь просто необходим. Этот вопрос наверняка занимает многих, поскольку ежегодная практика по специальности, возможность заработать деньги – это актуальные для всех студентов вопросы. Дипломированные специалисты ищут постоянную работу и сталкиваются лицом к лицу с теми же профессионалами, которые вырабатывают корпоративную политику и следят за подбором персонала. Психология влияния – влияния в более широком смысле этого слова – помогает в данном случае держать себя на высоте.

Многочисленные издания, переполненные советами, как правильно вести переговорный процесс, в том числе и при поступлении на работу, зачастую изобилуют информацией, касающейся внешнего облика. Безусловно, правильно подобранный костюм вселяет уверенность и подсознательно подыгрывает в создании социального облика. Но не стоит забывать о коммуникативном процессе. Внешний антураж только помогает вам произвести нужное впечатление. Вы должны продать себя, и пускай это не покажется обидным, потому что этим методом «продать себя» т.е. преподнесения себя в «лучшем качестве», пользуются многие специалисты.

Все понятия, которые упоминались выше (профессиональная этика, самопрезентация, интерпретация поведения участников, использование метода фокус-группы, создание имиджа, психология влияния), играют важную роль в достижении желаемого результата. Социальная психология помогает просчитать те ходы, которые использует против вас человек, проводящий интервью. Естественно, в большинстве случаев он не имеет ничего против того, чтобы взять вас на работу, но его задача – получить самое лучшее и за разумную цену. Не к этому ли стремится каждый потребитель?

У каждого работодателя свои методы подбора персонала, и поэтому никогда нельзя точно предугадать, по какому сценарию будет проходить ваше общение. Возможны разные повороты событий, но их правильная трактовка (интерпретация) поможет вам сориентироваться и не сойти с нужного пути. Никогда не помешает проиграть ситуацию с друзьями. Может быть, именно их мнение и замечания помогут вам в выборе правильного решения.

Изучив анатомию диалога, межличностные реакции, научившись не только слышать, но и слушать, овладев техникой правильной постановки вопросов, нейтрализации

замечаний, вы не только без проблем получите желаемое место, но и в дальнейшей работе будете общаться с людьми на более высоком уровне.

Все вышесказанное позволяет сделать следующее заключение: не всегда существует возможность обратиться к специалисту-психологу, необходимо иметь набор знаний, помогающий выбрать правильные действия в любой ситуации. Использование социальной психологии в любой PR-деятельности – от самопрезентации до подготовки образа будущего президента, продвижения нового продукта или управления корпоративной политикой – готовит для специалиста более высокий профессиональный уровень знаний, который поможет выбрать наиболее оптимальное решение поставленных задач.

Источники и литература

¹ Кетлер Д. Теория и практика PR. М., 2003. 21 с.

² Майерс Д. Социальная психология. СПб: Питер, 2000. 266 с.

³ Чумиков А.Н. Связи с общественностью. М.: Академия народного хозяйства, 2000. 35 с.

⁴ Лавренко В.Н. Социальная психология. СПб: Питер, 2000. 23 с.

⁵ Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR.. М.: Академия, 2000.

⁶ Морозов А. Хрестоматия психология влияния. М.: Инфра-М, 1998. 44 с.

⁷ Базаров Т.Ю. Управление персоналом М., 2000

⁸ Майерс Д. Социальная психология. СПб: Питер. 2000. 300 с.

⁹ Макиавелли Н. Избранные сочинения. Калининград: Янтарный сказ. 2000. 80 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В.В. Скопцов

Любой проект, в том числе имеющий статус национального, в процессе реализации существенно взаимодействует с множеством субъектов права. Возникают права, обязанности, создаются факты, имеющие юридическое значение. Иными словами, проект реализуется в правовой среде, которая может быть как благоприятна, так и неблагоприятна для данного конкретного проекта. В данной статье не рассматриваются юридические проблемы, возникающие в рамках традиционных схем реализации национальных проектов.

Традиционные схемы реализации содержат преимущественно традиционные объекты, которые можно считать пассивными, поскольку они ожидают команды прежде, чем выполнить операцию. После того, как объекты инициированы, они выполняют свои действия. В противоположность традиционным объектам, для реализации проекта вместо пассивных создаются активные объекты – агенты, которые реагируют на события правовой среды по определенным правилам. Даже небольшого набора правил оказывается достаточно для вполне продуктивной деятельности и агента и возникающей структуре, основанной на множестве таких агентов.

Являясь организацией, социальной структурой, копирующей живой организм, государство, по определению, предназначено для преодоления последствий от воздействия внешних и/или внутренних факторов, имеющих, как правило, либо случайную природу, либо являющихся результатом преднамеренных действий лиц. Речь идет о таких негативных воздействиях, которые влекут за собой локальное или массовое нарушение прав субъектов социума, защищаемых системой права и системой законодательства государства. Результатом реализации вышеуказанной институциональной цели государства является, во-первых, поддержание «status quo», во-вторых, неуклонное снижение рисков причинения вреда имуществу, жизни и здоровью членов социума. В более общей постановке уровень неопределенности в социуме пропорционален отношению числа неблагоприятных исходов при реализации замыслов членов социума (индивидуальных и коллективных) к общему числу реализаций замыслов. Такое определение уровня неопределенности в социуме, безусловно, носит качественный характер, однако оно дает наглядное представление о рассматриваемом множестве событий, число которых за любой отчетный период велико. Очевидно, например, что, путешествие из Пскова в Москву за последние четыреста лет стало значительно менее рискованным. Следовательно, исходя из такого рода примеров, можно говорить о том, что рассматриваемая институциональная цель государства в основном выполняется.

Главной причиной, по которой государство должно быть озабочено снижением вышеуказанных уровней рисков, является создание условий, при которых все большее и большее число членов социума начинают вступать во все большее и большее число отношений имущественного, интеллектуального, информационного и иных обменов, являющихся, как известно, целью и способом существования человека. В результате каждого из указанных обменов, помимо взаимной компенсации произведенных сторонами затрат, у каждой из сторон дополнительно возникает так называемое «богатство народов», термин, впервые введенный в научно-практический обиход А. Смитом. Это и есть энергия, которой питается наша человеческая цивилизация.

Другими словами, целое оказывается больше суммы частей, а это, в свою очередь, фундаментальное свойство так называемых больших систем. Человечество интуитивно воспользовалось вышеуказанным свойством больших систем, что и предопределило успех Замысла Цивилизации.

Говоря об институциональной цели государства, связанной со снижением уровня неопределенности в социуме, понятно, что простого достижения некоторых минимальных значений вышеуказанных уровней рисков недостаточно. Поскольку государство преследует своей целью увеличение объема отношений обмена между членами социума, по факту реализации неблагоприятного застрахованного исхода замысла члена (членов) социума в кратчайший срок должна происходить выплата компенсации за причиненный ущерб. Последствия указанного неблагоприятного исхода не должны негативно повлиять на его бизнес и на бизнес его ближайших партнеров по отношениям обмена. Такими свойствами обладает институт страхования.

Современный облик страхования не позволяет оптимистично надеяться, что оперативное возмещение ущерба окажется возможным, но главное, ни сами договоры страхования, ни их последствия никак не завязаны на государственный механизм снижения уровня соответствующих рисков. Имеется в виду, что средства, получаемые страховыми компаниями от страхователей, за вычетом затрат, а это не более 20% от собранных у страхователей средств, поступают в собственность страховых компаний, которые ни при каких обстоятельствах не будут, да и не обязаны вкладывать деньги в проекты по снижению соответствующих страховых рисков. Более того, при ближайшем рассмотрении страховым компаниям просто невыгодно снижение рисков, поскольку это влечет за собой снижение ставок страхования, а в случаях с добровольным страхованием – и массовые отказы от страхования рисков от наступления событий, представляющихся страхователям практически невозможными.

Итак, обратная связь в цепи системы государственного управления уровнем страхуемых рисков оказалась разорвана, а, следовательно, государство как организация, копирующая живой организм, не в полной мере его копирует, не в полной мере реализует заложенные в его конструкции возможности по снижению неопределенности в социуме.

Рассматривая явление снижения уровней рисков в социуме за последние несколько сотен лет, мы получили практическое подтверждение тому, что снижение уровня рисков (вероятности реализации неблагоприятных событий) для членов социума и общества в целом на протяжении столетий являлось и должно являться институциональной целью государства.

Возникает вопрос: почему важнейшая цель государства – систематическое снижение уровня рисков в социуме, очевидным образом вытекающая как из теоретических основ учения о государстве и праве, так и из результатов практической деятельности государств – до сих пор нормативно не закреплена в системе права и системе законодательства? Как следствие, оказались не задействованы возможные механизмы реализации этой цели. В первую очередь, речь идет об обязательном государственном страховании соответствующих рисков. Трудно представить себе риски, значимые для членов социума, за исключением отдельных сделок-пари, которые в соответствии с вышеизложенной концепцией не должно было бы в обязательном порядке страховать государство.

Очевидно, что любые задачи, решаемые государством, включая задачи по проектированию и реализации национальных проектов, должны быть подчинены институциональной цели по снижению уровня рисков (вероятности реализации неблагоприятных событий) для членов социума и общества в целом.

Собственно целью любого национального проекта является создание такой среды функционирования (соответствующей проекту социальных отношений), которая бы способствовала имущественной безопасности участников отношений, участвующих в реализации проекта. Для достижения этого положения необходимым условием является создание правового поля, в рамках которого в принципе возможно возмещение ущерба в полном объеме, а достаточным условием является такое возмещение ущерба,

при котором минимизируются потери, связанные с событием причинения вреда. Наиболее адекватным способом минимизации указанных потерь является обязательное государственное страхование рисков, присущих проекту, сопровождающееся максимально оперативной страховой выплатой.

Правдоподобные рассуждения, а тем более выводы по вопросам проектирования и реализации национальных проектов невозможны без построения адекватной модели социума и государства, в ткани которых эти проекты предполагается реализовывать.

Повторяясь, следует признать, что и сам социум, и созданное им государство представляют собой такой нетрадиционный объект для государственного строительства, как сложная система. В настоящее время отдельные структуры в органах исполнительной власти, наделенные правом нормотворчества, реагируют на события своей среды, предпринимают определенные действия, не дожидаясь прямого обращения к себе со стороны вышестоящих уровней власти. Фактически, вследствие делегирования властных полномочий, система органов государственной власти превратилась в совокупность активных объектов или, как их иногда называют, агентов. Это фактически превратило органы государственной власти РФ из традиционного объекта с традиционными органами управления в сложную систему. Теория и практика управления такими системами на настоящий момент не разработаны. Более того, не могут быть созданы в будущем методы управления, которые бы позволяли достичь любого наперед заданного результата за определенное время. Предполагается, что управление сложной системой позволит экономить ресурсы, в том числе и временные ресурсы, но система параметров управления претерпит коренные изменения, в первую очередь – количественные. Поскольку свойства человеческого мозга, как правило, не позволяют ему оперировать более, чем 7–9 объектами, число объектов управления, скорее всего, должно быть уменьшено до 5–6, и при этом у каждого из них, возможно, появится физический смысл.

Как уже было сказано, в теории сложных систем главной идеей является идея агентов – автономных объектов, способных взаимодействовать в реальной среде друг с другом для выполнения своих задач. В частности, в социуме такими агентами являются производители товаров и услуг. Формируя цепочки-сети производителей конкретного товара (услуги), производители образуют процесс под названием социальный фрактал. В теории сложных систем такие объекты называют возникающими структурами. К таким структурам, к примеру, может быть отнесен муравейник. Несмотря на простоту правил поведения каждого агента (муравья), внешнее впечатление от муравейника не оставляет сомнений в сложности этой системы.

Поскольку в дальнейшем мы попытаемся наделить каждого члена социума минимальным набором простых правил поведения, достаточным для того, чтобы успешно трудиться на ниве производителей товаров и услуг, рассмотрим три простых правила, которыми руководствуются муравьи колонии StarLogo. Вот эти правила.

1. Выйдя из колонии, перемещайся случайным образом.
2. Найдя пищу, отнеси ее часть обратно в колонию, оставив по пути след феромона (испаряющееся пахучее вещество, выделяемое муравьями), а затем перейди к правилу 1.
3. Если найден след феромона, двигайся по нему к пище, а затем перейди к правилу 2.

Колония муравьев – возникающая структура или социальный фрактал – возникли из указанного выше простого правила из 3-х пунктов. Эта структура не была спроектирована «сверху». Колония представляет собой социальный проект, построенный «снизу». Этот проект, не имея никакого центрального аппарата управления, решает важнейшую для колонии муравьев задачу поиска и накопления продуктов питания в широчайшем классе условий обитания.

Те, кто имеет представление о реальном механизме предпринимательства (ограничимся мелким предпринимательством), знают, что правила, которыми руководствуются предприниматели – производители товаров и услуг – мало отличаются от вышеприведенных правил для муравьиной колонии. Однако никто не станет отрицать, что процессы – социальные фракталы по производству товаров и услуг, или как их называют специалисты по сложным системам, возникающие структуры – реально существуют; товары и услуги реально производятся, а их производители получают прибыль, кормятся этим и даже платят налоги.

Возникает вопрос, можно ли правила, по которым действуют предприниматели, «улучшить» таким образом, чтобы эффективность производства товаров и услуг, по критерию объема их производства, возросла. Такого рода улучшения возможны как в части сокращения «лишних» для целей производства товаров и услуг правил, так и в части усиления мотивации к совершению отношений обмена, обусловленных производством товаров и услуг.

Как бы не обременительны были правила, связанные с налогообложением, государственной регистрацией и т.п., фундаментальной проблемой бизнеса для любого члена социума является его имущественная безопасность, связанная с бизнес-рисками. Член социума, не имеющий кредитной и страховой истории, связанной, скажем, с производством товаров и услуг, либо вообще не может получить кредит, либо получит его под залог собственного имущества, рискуя в случае неудачи в бизнесе потерять его. Для большинства членов социума такой исход абсолютно неприемлем, и они предпочитают вообще не вступать в отношения обмена. А между тем, так называемые IT-технологии уже теперь позволяют совершать не только отдельные сделки, не выходя из дома, но и обеспечивать с использованием специального программного обеспечения комплексные поставки оборудования, партий товаров и т.п. Интересно и другое. По свидетельству организаторов торговли валютами на так называемом рынке FOREX¹, успешность такой торговли, где приходится учитывать тенденции и риски, связанные со стоимостью валют, в значительной степени не зависит не только от уровня образованности трейдера, но и от его коэффициента IQ. Это ставит под сомнение так называемую аксиому, что бизнесу надо долго и много учиться. А вдруг способность «делать деньги» есть врожденный талант или даже гениальность, тогда очень многие «малограмотные» не только слезут с шеи государства, но и начнут активно участвовать в создании ВВП.

В любом случае каждый член социума, вне зависимости от своего социального статуса и имущественного положения, должен получить свой шанс на неотъемлемое право, которое только и делает нас людьми, совершать отношения обмена имуществом, интеллектом, информацией, эмоциями, извлекая из этих отношений свою часть «богатства народов».

Возвращаясь к правилам для предпринимателей, следует заметить, что для реализации принципа «каждый имеет неотъемлемое право участвовать в отношениях коммерческого обмена» к правилам следует добавить правило кредита и страхования. Оно заключается в следующем: для получения государственного кредита на совершение сделки коммерческого обмена риски по данной сделке должны быть застрахованы в системе обязательного государственного страхования кредитов. Размер кредита, процентная ставка кредитования, условия страхования формируются на основании кредитной и страховой истории заемщика.

Поскольку государство содержит правоохранительные органы, призванные, в том числе, исключить мошенничество при получении и возврате кредита, очевидно, что и государственные кредитные учреждения, и государственные органы страхования, и, наконец, правоохранительные органы, действуя в одной связке, в максимальной степени будут способствовать исключению случаев вышеуказанного мошенничества или иного хищения.

Можно подумать, что автор призывает вернуться к государственной экономике. Совсем нет. Поскольку только государство имеет право печатать деньги, и только у государства постоянно находится значительно более половины всех денег, бессмысленно дополнительно создавать рынок заемных средств. Это не только не облегчает процесс получения ссуд, но значительно удорожает его, замедляется оборот, снижая эффективность реального и общественного производства.

Грубо говоря, «рынок заемных средств» создан самим государством – монополистом в этой области. Участники же этого рынка просто делятся с властью прибылью.

В чем же состоят юридические аспекты проектирования и реализации национальных проектов?

Во-первых, необходимо определить, является ли указанный проект сложной системой; во-вторых, в его реализации будут участвовать члены социума и их объединения, входящие в так называемую зону автономной от государства активности, образуя возникающие структуры или, что то же, социальные фракталы для производства товаров и услуг, востребованных в данном проекте, иные социальные фракталы. Или указанный проект, хотя и чрезвычайно масштабен, однако может быть выполнен в рамках традиционного подхода, включая руководство из единого центра и не взаимодействующие между собой части проекта. В этих условиях свойства большой системы никогда не проявятся, и за проект в целом можно не беспокоиться. Он будет реализован или не реализован, однако всегда останется возможность выяснить причины этого события. Однако и от результатов проекта не следует ждать никаких кумулятивных эффектов. Эффект «целое больше суммы» здесь не проявится. Очевидно, что и никаких юридических аспектов, дополнительно к тем, которые существовали во времена строительства Беломор-канала, не возникнет.

Другое дело, когда национальный проект проектируется и реализуется как сложная система. Тут необходимо определиться с агентами, которые только и будут формировать возникающие структуры – самоорганизующиеся схемы, производящие конкретные операции по реализации проекта. Немалое значение имеет и число таких агентов: при малом числе агентов критическая масса, определяющая проект как большую систему, может не возникнуть. Очевидно, что самоорганизующиеся части проекта должны не только существовать параллельно, но и активно взаимодействовать между собой, а не через центральный аппарат. Наличие центрального аппарата не противоречит идее сложной системы, однако функции его существенно иные. Напрямую он управляет теперь только детерминированной (традиционной) частью проекта, возникающие структуры управляются только через изменения параметров, задаваемых правилами поведения агентов. Очевидно, что в реальных национальных проектах вряд ли будет иметь место гомогенное (однотипное) множество агентов, скорее всего оно будет гетерогенным (различающимся как по структуре, так и по поведению).

Следует понимать, что возникающие структуры, состоящие из агентов, могут действовать не только на пользу проекта, но и во вред ему. Все зависит от правил, которыми снабжаются агенты. Эти правила могут задаваться агентам в виде юридического или иного статуса, имеющего форму договора, спецификации и т.п. Иначе говоря, проектируя «снизу» возникающую структуру, необходимо задаваться некоторой концепцией возникновения, которая, безусловно, должна пройти стадию моделирования.

Дело не в том, чтобы отказаться от централизованного подхода в пользу децентрализованного. И тот, и другой подход полезны в адекватных условиях. Очевидно, что будущее за их симбиозом, однако человечество находит все больше и больше подтверждений того, что природа гораздо шире использует децентрализованный подход, чем централизованный, начиная от колонии муравьев и до иммунной системы человека.

Применительно к целям и задачам государства сверхзадачей или институциональной целью, которую ставит перед государством социум, следует считать неуклонное снижение уровня неопределенности в социуме.

Сложные системы также характеризуются своими возникающими структурами. Возникающая структура – это логически связанная схема, которая формируется в результате взаимодействия между агентами. Например, процесс формирования всей колонии муравьев не был запрограммирован. Он возник из некоторого простого правила, запрограммированного для каждого муравья. Другими словами, возникающая структура – продукт деятельности индивидуальностей, а не срежиссированный результат. Результаты функционирования возникающей структуры могут быть как положительными, так и отрицательными, в силу чего их необходимо анализировать при разработке систем на базе агентов.

Успешные системы с возникающими структурами часто существуют на грани порядка и хаоса. Если любой организм или организация все время упорядочены или всегда находятся в состоянии хаоса, это предвестник гибели. Однако для существования объекта промежуточное состояние необходимо.

Если бы человечество организовало мир для себя только теми силами и средствами, которыми обладает от природы, оно не имело бы преимущества перед другими живыми существами, которые тоже борются за себя с остальной природой. В своем труде оно пользуется орудиями, которые берет из той же внешней природы. Это – основа его побед, то, что давало и дает ему возрастающее превосходство над самыми сильными и грозными гигантами стихийной жизни, что выделяет его из ее царства.²

Источники и литература

¹ FOREX – международный рынок валют

² Оделл Джеймс. Агенты и сложные системы. // Открытые системы. 2002. № 10. / <http://www.osp.ru/>

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Е.А. Быстрова

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип социальности государства:

«1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». Однако пока Россию можно назвать лишь страной, находящейся на переходной стадии к социальному государству, а приведенное выше положение Конституции расценивать как программную, декларационную установку.¹

На региональном уровне при правительстве в большинстве случаев существует Комитет по социальной политике и связям с общественностью. Занимается этот комитет, в основном, курированием проектов, направленных на поддержку незащищенных слоев населения. Федеральное же правительство на общегосударственном уровне, особенно в связи с «монетизацией», по мнению большинства социологов и просто граждан, отказывается от своих социальных обязательств, лишает граждан социальных гарантий, предлагая им самостоятельно решать свои проблемы.²

Социальная сфера является наиболее важной для всего человечества. Человек трудится, учится, укрепляет здоровье для того, чтобы жить. И государство, общество, сам человек должны сделать все возможное, чтобы эта жизнь была счастливой и достаточно обеспеченной.

Социальное государство представляет собой закономерное явление в развитии человеческой цивилизации. Представляя собой сознательно-конструируемое политико-правовое и социальное образование, оно позволяет обеспечить более равномерное распределение материальных благ, до определенной степени выровнять стартовые условия граждан, способствуя тем самым сохранению социальной стабильности в обществе. Конкретное воплощение идеи «социального государства» определяется как уровнем экономического развития, так и характером сложившихся в данной стране взаимоотношений между государством и обществом, конкретными социальными группами и отдельными гражданами, идеологическими воззрениями правящей элиты и стереотипами общественного сознания, спецификой психологического настроения основной массы населения, а также историческими традициями. Различия в оценке социального государства, его возможностей, пределов функционирования, конкретных механизмов реализации поставленных перед ним задач связаны с коренными отличиями в представлении о том, каким должно быть идеальное общество, в частности, о том, какой философией оно должно руководствоваться.

Российское государство может действительно стать социальным, только если три его составные части – эффективная экономика, сильная власть (законодательная, исполнительная и судебная) и общественные институты (система партнерства, согласования интересов главных субъектов трудовых отношений) – находятся в постоянном взаимодействии.

Реализация принципов социальной справедливости и социального равенства рассматривается как наиболее существенная основа легитимации социального государства. Вместе с принципом обеспечения социальных гарантий они составляют триединство, в котором заключены исторические корни, все социально-этические императивы, а

также государственно-правовые и конституционно-правовые основы (и проблемы) социального государства.

Перед социальным государством и социальной политикой, в рамках которой осуществляются его принципы, не стоит задача достижения абсолютной социальной справедливости, они призваны обеспечить социальную компенсацию в такой степени, чтобы вследствие неравномерного распределения ресурсов не возникали социальные конфликты, лишения, чтобы не происходила правовая, социальная и культурная изоляция определенных социальных групп.

Ключевым элементом социального государства выступают социальные гарантии, являющиеся принципиально важными для отношения каждого конкретного человека к его работе, к экономической, общественной, государственной системе, в конечном счете – к собственному будущему.³

В целом же необходимо отметить, что социальное государство оказывается основанным на определенном парадоксе: задачи, которые это государство призвано решать, всегда носят индивидуальный характер, тогда как инструменты всегда являются общественными.

Развитие социального государства с самого начала характеризовалось наличием ряда неразрешимых конфликтов.

- Конфликт между правовым и социальным государством. Оба они призваны обеспечить благо индивида: первый – индивидуальную свободу и основополагающие, главным образом негативные права личности с помощью установления четких границ государственного вмешательства и гарантий против тирании, второй – материальные условия свободы, достойные условия существования каждого. Однако правовое государство по своему изначальному замыслу не должно вмешиваться в вопросы распределения общественного богатства, обеспечения материального и культурного благосостояния граждан. Социальное же государство непосредственно занимается этим, хотя и стремится не подрывать такие основы рыночного хозяйства, как частная собственность, конкуренция, предприимчивость, индивидуальная ответственность и тому подобное, не порождать массовое социальное иждивенчество.
- Конфликт между государственной властью и местным самоуправлением. Государство вынуждено навязывать сверху единые социальные стандарты, требуя от органов местного самоуправления их строгого соблюдения, и тем самым в определенной степени ущемлять автономию последнего.
- Конфликт между государственными и так называемыми свободными исполнителями тех или иных функций, постоянно порождающий проблемы в согласовании действий между различными организациями, предоставляющими гражданам социальные услуги.
- Конфликт между расширением социальных выплат и, соответственно, усиливающейся жесткостью правовых норм и бюрократизацией.

Наряду с отмеченными выше принципиальными противоречиями социального государства ситуация усложняется и рядом так называемых конструктивных недостатков, которые в принципе могут быть устранены, однако требуют затраты значительных усилий и средств. Реформирование социальной политики на современном этапе должно было проводиться на диаметрально противоположных принципах. Всеобщей бесплатности, за которой нередко скрывалась недоступность на практике ряда социальных благ, противопоставлялась ориентация на доступность этих благ, реализуемая на основе сочетания частичной бесплатности и приемлемого для большинства населения уровня оплаты, который должен был бы быть достигнут благодаря повышению доходов населения при одновременной ликвидации дефицита социальных благ, таких, например, как лекарства, рекреационные услуги и т.п. Льготы должны были заменить льготы-привилегии. Ставилась задача сконцентрировать внимание на удовлетворении нужд

наиболее социально уязвимых слоев населения, а не на стремлении декларировать массовый охват социальными услугами населения, включая тех, кто способен оплатить получение этих услуг за счет собственных доходов. Таким образом «усредненности» социальной политики противопоставлялся избирательный, адресный подход, гарантирующий целенаправленное использование социальных затрат, жесткому государственному лимитированию и распределению социальных благ – создание возможностей зарабатывания и беспрепятственного получения этих благ (прежде всего жилья) самими людьми, имеющими для этого предпосылки при ограничении бесплатного или льготного предоставления благ только социально слабым слоям населения. Различные механизмы использования рыночных отношений между государством, его бюджетом и учреждениями социальной сферы при сохранении вне рыночного или льготного предоставления различных социальных благ и услуг непосредственно населению противопоставлялись недооценке эффективности социальных затрат.

Однако говорить о правильной реализации этих принципов и подходов на данном этапе представляется явно преждевременным.

Источники и литература

¹ Афанасьев Е.П. Здоровоохранение и образование. / <http://gorbatin.Kaluga.ru>

² Зайцева Ю. Просветительский журнал по социальным вопросам. // Социальная защита. 2005. 3. С.3.

³ Калашников В.С. Функциональная теория социального государства. М.: 2002. С. 12–13

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Т.Е. Сиволап

В последнее время чрезвычайно остро стоят вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Отношение к культурному наследию приобретает идеологический, общественно-политический характер. Острота постановки проблемы обусловлена тем, что развитие культуры рассматривается в контексте тех изменений, которые происходят в политической жизни государства. Накоплен существенный опыт по возрождению и сохранению культурно-исторического наследия. Расширен диапазон работ различных учреждений и организаций по выявлению, восстановлению и использованию памятников истории и культуры. Все большее значение приобретает включение в эту деятельность широких слоев населения.

Памятники культуры, отражающие материальную и духовную жизнь прошлых поколений, многовековую историю страны, являются действенным источником нравственного становления личности, эстетического воспитания, способствуют возрождению исторической памяти народа, его культуры.

Памятники – ориентиры формирования нашей исторической памяти. Особенно велика их роль в формировании и сохранении наших ценностных представлений о прошлом. Память – основа не только культуры, но и мировосприятия. Сбереженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений. Исторический опыт всегда интегрируется в современность, в современную живую культуру как составная сфера ее, обуславливающая общие представления о связи времен, настоящего с прошлым и будущим. Отношение к реликтам прошлого – всегда показатель уровня современной культуры. Каково общество, таковы и его памятники, т.е. то, что признается достойным сохранения в памяти, а также защиты и охраны государством.

Отношение к памятникам как к культурному наследию предопределяется, прежде всего, характером исторических представлений. Что знают о прошлом? Как оценивают те или иные явления прошлого – и в области культуры, и деятельность отдельных лиц или сообществ? Что считают важным сохранить или, напротив, видоизменить?

Понятие о культурном наследи, о памятниках – категория историческая, ценностная шкала ее подвижна. Лишь в сравнительно недавнее время стали акцентировать внимание и на научной ценности памятников, т.е. значении их для развития научных исследований и распространения научных знаний. Это существенно расширило само представление о круге памятников и об охранительных функциях общества и государства. Памятники воспринимаются и как исторические источники, т.е. источающие информацию исторического характера, нужную для познания прошлого. Из многообразных исторических источников немногие были созданы с целью сохранения в будущем памяти о чем-то или о ком-то: надгробия, дарственные надписи и посвящения, устные предания, песни; сочинения, специально написанные для сохранения в памяти потомков – летописи, мемуары, ученые труды историков, учебные пособия. Такие источники выполняли определенные функции и в каждодневной жизни, имели государственно-политические, социально-экономические, воспитательные, культурные и другие функции.

Большинство же источников информации о прошлом, как отмечает С.О. Шмидт¹ возникло в силу необходимости естественного функционирования общества и развития личностных отношений в условиях повседневной жизни. О возможности сохранения их надолго для удовлетворения познавательных, в том числе научных, потребностей никто не думал. Они стали восприниматься как исторические источники и памятники, подлежащие охране, по мере развития научных, исторических, искусствоведческих знаний, усложнения структуры «информационного поля» науки, повышения информационной отдачи исторических источников.

С осознанием того, что происходящее все с большей быстротой перед нашими глазами завтра тоже станет историей, оформляются и новые критерии оценки культурного наследия: ценным кажется уже не только созданное в более или менее далеком прошлом, но и следы совсем недавней жизни.

Представления о том, что достойно сохранять в памяти и следует сберечь для потомков, о памятниках как источниках исторической информации или эстетического воздействия, не оставались неизменными. С углублением исторических, социологических, искусствоведческих, филологических знаний, совершенствованием исследовательской методики изменялись и представления об источниковой базе и возможностях науки, об объектах их изучения, о порядке выявления и хранения источников, способах их использования.

Сохраненные памятники обеспечивают культурную преемственность, дают возможность, опираясь на непреходящие ценности прошлого, их творческое освоение, лучше понять современность. В переломные моменты обостряется не только интерес к культурно-историческому наследию, но и переживание за те ошибки, которые привели к невосполнимым потерям национальных ценностей.

Сегодняшнее отношение людей к вопросам сохранения национальных ценностей есть признак обновления общественного сознания, глубоких изменений, происходящих во всей социокультурной ситуации. В то же время следует отметить, что процесс формирования ценностного отношения к памятникам истории и культуры нельзя считать завершенным; предпринимаемые усилия далеко не в полной мере соответствуют масштабам существующих в этой сфере разрушительных тенденций. Д.С.Лихачев писал: «Преднамеренное уничтожение памятников, их физическое разрушение из-за отсутствия элементарного ухода или вследствие недопустимого использования, и деградация, и утрата веками складывавшегося своеобразия исторических городов, селений в результате современной градостроительной и хозяйственной деятельности – знаки явного неблагополучия в этой области, ставшего общенациональной болью, до сих пор не отошли в прошлое»². Во многом причина такого положения зависела от характера применения законодательства. Юридическая безнаказанность виновников разрушения культурного наследия приводит к безнравственности, к потере исторической памяти, к забвению традиций, культуры. Сохраняется также принципиальное несоответствие масштабам проблемы тех средств и рычагов воздействия, которые имеются в распоряжении организаций и учреждений, занимающихся вопросами охраны и реставрации памятников истории и культуры.

Памятники истории и культуры подвержены многим опасностям, и самые долговечные из них те, которые труднее изменить или уничтожить – разговорная речь, быт, традиции народного искусства. Большинство же памятников сравнительно недолговечно; многие подновляются, т.е. претерпевают более или менее существенные изменения по сравнению с первоначальным их образом. Прогресс науки – не только в открытии, включении в научный обиход новых памятников, но не в меньшей мере и в том, что постепенно приобретаются навыки более глубокого прочтения и ранее уже известных источников и умения по фрагментам восстанавливать образ целого.

Культурному наследию угрожают силы природы и поведение человека. Бедствие для памятников – пожары. Они – спутники разрушительных войн и народных волнений, но возникают и в обычных условиях жизни. Гибель многим памятникам несут войны.

Памятники утрачиваются и искажаются по воле людей и при, казалось бы, обычном течении жизни. При этом следует иметь в виду и особенности подхода к ценностной категории «памятник». Зачастую статус «памятника», интересного и ценного для историка или историка культуры то или иное явление обретает тогда, когда утрачиваются его первоначальные утилитарные функции. Постоянно заменяются предметы бы-

тового обихода; памятники архитектурной старины уничтожаются ради нового строительства; некоторые здания, фрески и иконы, миниатюры рукописей поновляются, первоначальный облик их существенно меняется, даже искажается.

Вредной для памятников оказывается и неквалифицированная реставрация. Как отмечает в своей работе «Профессиональная этика консерватора» Ю.П. Нюкша, морально-нравственные принципы реставратора, консерватора, хранителя культурных ценностей должны строиться на философском учении об этике как науке. Исходя из общих морально-нравственных позиций, в работе с культурно-историческими ценностями надлежит делать добро. Нравственная основа консерватора строится на общей эрудированности и обязательствах перед обществом. Чтобы справиться с задачей, нужны совокупность знаний и смелость, а также необходимо соблюдать осторожность. Неизбежно приходится исходить из того непреложного факта, что ничто, ни один предмет не может существовать вечно. Поэтому часть культурных ценностей постепенно исчезает в силу разных причин: в силу естественного срока их существования; по причине очень плохих материалов и способов изготовления; из-за неблагоприятных условий хранения и пользования; разрушения в аварийных ситуациях; из-за непригодных или неправильно примененных способов консервации. Чтобы такого не случилось, в профессиональной среде принимаются нравственные кодексы, разрабатываются социальные нормы и принципы морального сознания. Осмысление собственных поступков и обязательств за их последствия создает обратную связь и целостное единство духовного и материального начал.

В деятельности реставратора и консерватора присутствует высоконравственная осознанность своего долга в соответствии с глубоким пониманием процессов. В настоящее время остро ощущается надобность определения правового статуса реставратора и консерватора, предела и степени их влияния с позиции своей осведомленности, не считаясь с временными, сиюминутными желаниями других людей.

Особенно много памятников истории и культуры погибает из-за пренебрежения официальных представителей власти, не уделяющих должного внимания их охране и воспитанию у населения уважения к культурному наследию, а также вследствие невежества и непонимания их ценности и места в нашей жизни.

Постепенно в обществе вызревает уважительное отношение к культурному наследию, потребность сохранения и реставрации, использования в современных условиях памятников прошлого. Утверждается представление о том, что памятник – объект, охраняемый законом. Д.С.Лихачев отмечает: «Любой памятник – архитектуры, живописи, литературы, прикладного искусства, садово-паркового и т.д. – есть памятник культуры, прежде всего»³. Памятником считается всякий остаток прошлого, все, что напоминает о прошлом, по научной терминологии – всякий источник исторического происхождения (памятники материальной и духовной культуры), в правовом аспекте – это те культурные ценности, которые признаны достойными государственной охраны, т.е. хранения в государственных хранилищах или учета государственными органами охраны памятников.

Степень понимания того, какое место занимает культура в нашем бытии, а культурное наследие в нашей современной жизни, является показателем развития общественного сознания в целом. Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Основ законодательства Российской Федерации о культуре⁴ и осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁵ и принимаемыми в соответствии с ним другими федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними в пределах

компетенции субъектов Российской Федерации законами субъектов РФ в области государственной охраны объектов культурного наследия.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры. Принятие этого документа стало большим событием в сфере охраны культурного наследия. Закон создан с учетом новейшего европейского опыта и реальной экономической и социокультурной ситуации в стране. В нем подчеркивается ценность объектов культурного наследия России как символа национально-культурной самобытности, важнейших элементов историко-культурной среды обитания и информативных исторических источников.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа РФ и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Объекты культурного наследия определяются в законе как объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия, согласно закону, подразделяются на следующие виды: памятники, ансамбли, достопримечательные места.

Памятники – отдельные постройки, здания, сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни и др.; мемориальные квартиры; мавзолеи; отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники и пр.).

Ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи.

Достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Россий-

ской Федерации, историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов.

Данная классификация кажется, на первый взгляд, излишне громоздкой и детальной, но такая подробность позволяет более точно определить круг объектов, включаемых в государственную охрану. Все ранее принимаемые законодательные документы предлагали более краткие, но не более четкие определения и классификацию, что вызвало определенные трудности при выявлении, паспортизации и присвоении памятникам категорий⁶. Приведенные выше определения и классификации являются результатом многолетней работы отечественных ученых и специалистов, занимающихся в сфере сохранения культурного и природного наследия.

Закон определяет государственную охрану наследия как систему правовых, организационных, финансовых, материальных и иных мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации, направленных на учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием⁷. В законе определены задачи государственных органов охраны памятников: контроль за соблюдением законодательства в области охраны, установление ответственности за повреждение или разрушение памятников, разработка проектов зон охраны объектов наследия, выдача разрешений на проведение землеустроительных и хозяйственных работ на их территории, контроль за состоянием объектов культурного наследия.

Важное место в законе отведено решению проблемы учета культурного наследия. Закон определяет задачу подготовки Государственного реестра объектов культурного наследия как государственной информационной системы, включающей в себя банк данных об объектах культурного наследия России, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения реестра. В новом действующем законе подробно определяется механизм правового регулирования права собственности по отношению к объектам культурного наследия.

В законе получили отражение вопросы, посвященные воссозданию памятников и проблеме новодела. В статье закона подчеркнуто, что воссоздание утраченного объекта культурного наследия осуществляется посредством его реставрации в исключительных случаях при особой исторической, архитектурной, научной, художественной, градостроительной, эстетической или иной значимости объекта и при наличии достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания. Решение о воссоздании утраченного памятника истории и культуры за счет средств федерального бюджета принимается Правительством Российской Федерации на основании историко-культурной экспертизы по официальному заключению федерального органа охраны, согласованному с органом государственной власти, а также с учетом общественного мнения или мнения религиозных организаций, в случае воссоздания памятника или ансамбля религиозного назначения.

Закон отразил наиболее актуальные проблемы сохранения культурного наследия в новых экономических и социально-политических условиях. Вместе с тем для реализации закона необходимы четкие, конкретные подзаконные акты, в которых были более детально разработаны вопросы сохранения и использования памятников истории и культуры, более четко регламентированы отношения новых владельцев памятников и государственных учреждений охраны. В принятии нового закона велика заслуга научной общественности: в частности, историки, архитекторы, реставраторы принимали деятельное участие в подготовке и разработке законодательных актов по охране культурного наследия.

Осознание общественного и государственного значения охраны культурного наследия оформилось не сразу. И в утверждении такого представления велика заслуга на-

учных сил, в том числе историков. Это и внесенные ими в общество исторические и культурологические познания, обеспечивающие понимание проблемы, и личный вклад историков, археологов, этнографов, историков искусства, литературы и языка, науки в дело охраны памятников истории и культуры, а также пропаганды памятников. Историки были инициаторами создания многих хранилищ памятников и обеспечивали своим трудом и знаниями деятельность этих учреждений. Их усилиями выработаны и опробованы на практике методы выявления, собирания, атрибутирования, реставрации, описания, публикации памятников истории и культуры во всем их многообразии.

В настоящее время назрела необходимость реорганизации деятельности по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры. В связи с этим является целесообразным проведение анализа современного состояния проблемы сохранения культурного наследия, разработки путей решения.

Источники и литература

¹ Шмидт С.О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания. / Музееведение. Музеи мира. Отв. ред. д. ист. наук Е.Е. Кузьмина. М., 1991. С.98–110.

² Лихачев Д., Платонов Ю., Васнецов А. Памятникам – свой хозяин. // Сов. Культура. 1988. 17 нояб.

³ Музейное дело и охрана памятников. Музеефикация памятников архитектуры: теория и практика (80-е годы). М., 1989. С.7.

⁴ Закон РФ от 9 октября 1992 года № 3612-1.

⁵ Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (с изменениями от 27 февраля 2003 года)

⁶ Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. М., 2005. С.107–111.

⁷ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон. // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 1. С.38,39, 51,52.

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА КАФЕДРЕ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Л.В. Брыкин

В настоящее время большое внимание уделяется качеству преподавания в высших учебных заведениях. Одним из главных элементов этого показателя является оптимальное распределение учебной нагрузки между преподавателями. При разнообразии учебных дисциплин и видов учебной нагрузки у заведующего кафедрой возникает вопрос: как распределить учебную нагрузку, чтобы общая эффективность преподавания была максимальной?

В соответствии с учебными планами на кафедру на текущий учебный год отводится m видов $A_i, (i = \overline{1, m})$ учебной нагрузки, а по штатному расписанию предусмотрено n преподавателей $B_j, (j = \overline{1, n})$, причем объем учебной нагрузки определен соответствующей должностью. Каждый вид учебной нагрузки за семестр или учебный год в часах определяется величиной $a_i, (i = \overline{1, m})$, а каждый преподаватель за тот же период должен выполнить b_j часов. Соответствующий вид учебной нагрузки $a_i, (i = \overline{1, m})$ может выполняться различными преподавателями $B_j, (j = \overline{1, n})$, но с различными коэффициентами эффективности C_{ij} .

Чтобы кафедра вела учебный процесс в оптимальном режиме, необходимо выполнить следующие условия:

- вся запланированная учебная нагрузка должна быть выполнена:

$$\sum_{j=1}^n x_{ij} = a_i, (i = \overline{1, m}), \quad (1)$$

где x_{ij} – количество часов i -ого вида учебной нагрузки, выполняемой j -ым преподавателем;

- каждый преподаватель кафедры должен выполнить за отчетный период запланированную нагрузку:

$$\sum_{i=1}^m x_{ij} = b_j, (j = \overline{1, n}). \quad (2)$$

Кроме того, необходимо ввести дополнительное ограничение:

$$x_{ij} \geq 0, (i = \overline{1, m}; j = \overline{1, n}), \quad (3)$$

причем $x_{ij} > 0$ означает, что j -ый преподаватель назначается с данной нагрузкой на i -ую работу; а $x_{ij} = 0$ – j -ый преподаватель не назначается на i -ую работу, хотя эта нагрузка может выполняться, но в этом случае общая эффективность работы кафедры будет уменьшаться.

Для определения максимальной эффективности работы кафедры вводится функция цели (целевая функция) Z , которая исследуется на максимум:

$$\max Z = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n C_{ij} \cdot x_{ij}. \quad (4)$$

Тогда зависимости (1)–(4) образуют математическую модель задачи, которая может быть решена методами линейного программирования [1].

Чтобы задача имела оптимальное решение, необходимо выполнить условие:

$$\sum_{i=1}^m a_i = \sum_{j=1}^n b_j, \quad (5)$$

т.е. математическая модель должна быть приведена к закрытому виду. Однако в реальной жизни условие (5) выполняется крайне редко. В связи с этим может возникнуть две ситуации:

$$\sum_{i=1}^m a_i > \sum_{j=1}^n b_j$$

или

$$\sum_{i=1}^m a_i < \sum_{j=1}^n b_j.$$

В первом случае кафедре необходимо изменять штатное расписание, т.е. принять в штат нового преподавателя B_{n+1} с нагрузкой $b_{n+1} = \sum_{i=1}^m a_i - \sum_{j=1}^n b_j$ или эти часы переводить в почасовую нагрузку. Во втором случае необходимо сократить нагрузку у некоторых преподавателей в объеме $a_{m+1} = \sum_{j=1}^n b_j - \sum_{i=1}^m a_i$ часов.

Результаты данной работы позволяют:

- распределить все виды учебной нагрузки между преподавателями с целью получения максимальной эффективности Z работы кафедры;
- оценить эффективность работы каждого преподавателя кафедры по показателям $b_j = \sum_{i=1}^m x_{ij}, (j = 1, \bar{n})$ для любого вида учебной нагрузки;
- оптимальным образом составить штатное расписание кафедры;
- определить направления, по которым следует составлять план повышения квалификации преподавателей;
- оценить качество работы кафедры с точки зрения оптимального управления учебным процессом.

Литература

1. Фомин Г.П. Математические методы и модели в коммерческой деятельности. М.: финансы и статистика, 2001.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Н.Н.Фомина

Обращение к данной проблеме вызвано желанием автора привлечь внимание к представлению о русской культуре в отечественной культурологической мысли. Это связано с тем, что в современной отечественной культурологии, особенно в учебной литературе, история развития культурологической мысли в России не получили должного освещения. Даже в научных трудах нет достаточно полного систематизированного изложения истории культурологических воззрений в России. Подобное состояние можно объяснить разными причинами. Во-первых, к культурологической мысли традиционно относят работы, созданные в рамках философских исследований. Отечественная культурологическая мысль развивалась как в рамках философских мысли, так и литературоведческих, исторических и т.п. исследований. Во-вторых, родоначальниками основных культурологических школ являются зарубежные исследователи. И, в-третьих, у ученых отсутствует желание или потребность выйти за рамки привычных представлений.

Начало формирования культурологических школ в европейской научной мысли обычно относят к эпохе Просвещения, особенно быстро этот процесс происходит во второй половине XIX века. Это связано с формированием новых тенденций в культуре, которые получили адекватное теоретическое осмысление. Не составляет исключение и Россия. Во второй половине XIX в. у нас также начал проявляться интерес к осмыслению культурных процессов. Становление науки о культуре начало складываться в среде русских антропологов, лингвистов и социологов, историков, философов, которые преподавали в отечественных университетах Москвы, Петербурга, Казани, Харькова и других академических городов. Эти исследования культурологических проблем проводились в соответствии с пониманием и анализом общественной жизни России и учетом развития культурологической мысли в западноевропейской науке. Русские ученые были достаточно осведомлены о достижениях философско-культурологических течений своих коллег. Знакомство с трудами О. Конта, Г. Спенсера позволили отойти от строгого следования идеям немецкой классической философии и перейти к реальному позитивному знанию. Начиная со второй половины XIX века, именно позитивизм стал определяющим течением философской и культурологической мысли. Большое влияние на развитие теоретических представлений о культуре в России в первую половину XIX века оказали «Философические письма» П.Я. Чаадаева (1794–1856).

Вторая половина XIX века в русской общественной и гуманитарной мысли характеризуется большим идейным многообразием. Между различными направлениями происходила достаточно острая конфронтация. Формирование культурологической мысли в России шло в нескольких направлениях. Среди них – русская религиозная философия, очень близкая к славянофильству. Это духовное течение ориентировалось на обращение внутрь русской жизни. Антиподом славянофильства считалось идеология демократического либерализма – западничество, течение, ориентированное на поиски путей обновления России вовне, т.е. в Западной Европе. Эти два основных течения в философской и общественной мысли зачастую служили водоразделом в русской духовной жизни.

Имена представителей обоих течений и их идеи достаточно хорошо известны. Они оказали большое влияние и на развитие русской культурологической мысли в це-

лом, и на подходы к изучению собственно русской культуры. Теоретические положения и, особенно, обоснование направлений культурного развития России как славянофилов, так и западников в видоизмененном состоянии, соответствующем современному состоянию культурологической мысли, сохранили свое значение и сегодня. Духовную и нравственную позицию славянофилов очень хорошо выразил представитель западнической позиции А.И. Герцен, который отмечал у славянофилов «оскорбленное народное чувство». В некрологе «К.С. Аксаков» он писал: «У них и у нас запало с ранних лет одно сильное безотчетное чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума... У нас была одна любовь, но не одинаковая» [1]. Действительно, несмотря на явные расхождения во взглядах, и славянофилов и западников объединяла любовь к России и желание предложить наилучший путь ее развития. Борение идей в среде русской мыслящей интеллигенции выдвигало на первый план то одни, то другие позиции. Так, обращение в 60-е годы XIX в. к идее «русского социализма» усилило неославянофильство, которое отчасти проявляется в философии «почвенников» (Н.Я. Данилевского, И.И. Страхова, Ф.М. Достоевского и других). Формирование русской культурологической мысли в академической среде не могло не отразить идейно-политических воззрений, однако было достаточно самостоятельным явлением. В 40–50-е годы XIX в. сложилась русская мифологическая школа, которая сыграла значительную роль в становлении академической науки. В основе новой методологии был положен сравнительно-исторический метод, устанавливающий органическую связь культуры и языка с народной поэзией и мифологией на базе единого принципа коллективной природы творчества. Признавая идейно-методологическую близость немецкой и русской мифологической школ, М.К. Азадовский отметил решительное отличие русской школы своими общественными позициями [2].

Основоположником мифологической школы в России был крупнейший русский ученый Ф.И. Буслаев (1818–1897). Именно ему принадлежит видная роль в постановке научного изучения народной культуры и народной поэзии. Его труды составили основу рассмотрения основных проблем культуры через изучение народной культуры и ее мифологического основания. Буслаев и его единомышленники исходили из отождествления понятия культуры с понятием народной культуры. Так, культурный прогресс, в рамках которого происходит создание и функционирование культурных ценностей, воплощается в народной культуре, народном мифологическом и художественном творчестве. К периоду второй половины XIX века относится серьезный интерес русских ученых к исследованию русской народности и ее мифологии, собирание сказок и легенд, их публикация. Среди основных положений мифологической школы следует отметить, во-первых, идею о единстве культуры вообще и народной культуры, в частности, во-вторых, органическую связь языка как выразителя культуры с глубинами «духа народа» и народного предания, в котором он само реализуется и развивается. Мифологическая школа Буслаева и его единомышленников оказала определенное влияние на психолого-лингвистическую школу А.А. Потебни и сравнительно-историческую школу А.Н. Веселовского. Поднятая представителями русской культурологической мысли проблема народности в культуре, которая была в центре идейных исканий той эпохи, до сих пор не решена в науке. Уже в своей первой крупной работе «О преподавании отечественного языка» (1844) Буслаев впервые в отечественной науке рассматривает историю русского языка в неразрывной связи с историей русской культуры и народной поэзии. Он подходит к определению характерных особенностей древнейшего мировоззрения людей на основе лингвистического анализа языка и показывает, как в языке выражается вся жизнь народа [3]. Именно язык как способ постижения различных сторон народной культуры становится предметом изучения представителями культурологической мысли первой половины XIX в. Обращается Буслаев и к проблеме заимствований

в культуре, считая, что усвоенный и переработанный чужой культурный опыт включается в собственную национальную традицию. Заимствование элементов иной культуры происходит по особым законам. В книге «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861) Ф.И. Буслаев отмечал, что «национальность каждого народа», которому предназначена великая будущность, обладает «особой силой претворять в свою собственность все, что ни входит в него извне», но усваивает из чужого только то, что «согласно с ее существом». Под «ее существом» понимались «дух народа», его мировоззрение, народные идеалы красоты. В русле исследований ученых мифологической школы были развиты идеи тесной взаимосвязи культуры, мифа, языка и искусства в народном сознании. Они получили развитие в работах А.Н. Афанасьева, О.Ф. Миллера, А.А. Котляревского. Так, А.Н. Афанасьев впервые в русской науке поставил вопрос о происхождении древних мифических представлений в тесной связи с историческим развитием языка и культуры, создав стройную теорию происхождения мифа [4]. Важным вкладом в развитие русской культуры стала деятельность Афанасьева по собиранию и изданию русских народных сказок и легенд. Впервые «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева увидели свет (в восьми выпусках) в 1855–1863 гг., «Народные русские легенды» – в 1859 г. Такое плодотворное соединение исследовательской и пропагандистской деятельности вызвало желание продолжить эту работу и у других языковедов и собирателей устного народного творчества. Вообще интерес к исследованию роли языка, текста в русской культурологической мысли получил серьезное развитие в работах ученых XX века.

Очередным шагом в развитии культурологической мысли в России стало формирование культурно-исторической школы, создателем которой стал А.Н. Пыпин. Он и его последователи использовали методологию французского исследователя И. Тэна, который ввел в мировую историю культуры, литературы и искусства позитивистскую методологию. Он считал, что произведения искусства следует использовать как памятники культуры, которые отражают «мировоззрение и нравы эпохи», к которой принадлежат мыслители и художники. В этой связи теория культуры рассматривалась как возможность связать воедино исторический и художественный прогресс, а художественные произведения – как источник по изучению культуры. В этом проявилась некоторая односторонность методологии Тэна. Русская культурно-историческая школа развивалась в русле позитивизма. Однако он получил свою интерпретацию и понимание на отечественной почве. А.Н. Пыпин считал, что история культуры детерминирована историческими условиями развивающегося общества. Особенно важное значение уделялось литературе. Это привело к тому, что понятия «общество», «культура» и «литература» стали синонимами. В четырехтомном труде «История русской литературы», Пыпин последовательно рассматривает развитие литературы и культуры, обосновывает связь русской и европейской культур, отрицает пренебрежительную оценку славянофилами культуры XVIII века как подражательной, считая, что «вся история человеческого просвещения, и с ним литература, есть история постоянных заимствований и взаимодействий». Это приведет в будущем к возникновению равноправных взаимодействий между европейскими культурами и распространению русской литературы на Западе [5]. Придание Пыпиным и его последователями определяющего значения литературы в культуре России предопределило дальнейшее развитие культурологической мысли. Литература в значительной степени подменила четкую научно-философскую мысль художественными образами. Следует отметить, что в русской культурологической мысли этого периода центральное место занимали исследования в области языка, мифологии, природы искусства, художественного образа и особенностей национальной культуры. Это характерно для А.А. Потебни, А.Н. Веселовского и ряда других исследователей.

Традиции исследования культуры, которые сложились в русской культурологической мысли XIX в. были продолжены в работах ученых XX в. В отечественном литературоведении после второй мировой войны начали возрождаться структурно-семиотические подходы к сущности культуры и ее различных форм. Можно проследить их связь с методологией французского структурализма Р. Барта, М. Фуко, К. Леви-Стросса и, одновременно, рассматривать как развитие семиотических и структуралистских подходов, заложенных А.А. Потебней. Так, методологию структурно-семиотической школы использовал в исследовании фольклора В.Я. Пропп [6]. Одним из ведущих представителей семиотического подхода в русской культуре стал Ю.М. Лотман [7].

Отечественная культурологическая мысль проявила себя достаточно плодотворно и в других направлениях: одно можно условно обозначить как цивилизационный подход, другое – как социологический. Основоположником исторической культурологии или теории локальных цивилизаций стал Н.Я. Данилевский (1822–1885). Его идеи о развитии мировой культуры как культурно-исторических типов, представленные в книге «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому», изданной в 1871 г., предвосхитили идеи О.Шпенглера о локальных цивилизациях и их характеристике. Говоря о перспективах развития русской культуры, Данилевский писал, что Россия после отмены крепостного права может взять на себя роль предводителя славянства, творца новой культурно-исторической традиции [8]. Достаточно актуальной представляются сегодня некоторые идеи другого представителя русской философско-культурологической мысли – К.Н. Леонтьева (1831–1891), который также предложил свою типологию культуры. Относительно будущего России он считал, что она, безусловно, способна к культурно-историческому творчеству, более того – к созданию самобытной цивилизации. Но эта цивилизация должна была быть уже не славянской, а русско-азиатской, ибо Россия «давно уже не чисто славянская держава». Обширное население азиатских провинций, подвластных русской короне, имеет в ее судьбах не меньшее значение, чем славяне. «...Это целый мир особой жизни, – писал Леонтьев, – особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности» [9]. Социологическое направление в российской культурологии было представлено, в основном, историками, которые обратились к исследованию не государства, а общества. Среди них можно выделить Н.И. Кареева (1850–1931), С.М. Соловьева (1820–1879), В.С. Ключевского (1841–1911) и, конечно же, П.Н. Милюкова (1859–1943). Его блестящий труд «Очерки русской культуры» еще не оценен по достоинству. Милюков предлагает собственную схему развития русской культуры и доводит ее рассмотрение до 30-х гг. XX в., т.е. советского периода. П.Н. Милюков определил свою позицию в понимании культуры как синтез двух противоположных конструкций русской истории, «из которых одна выдвигала вперед сходство русского процесса с европейским, доводя это сходство до тождества, а другая доказывала русское своеобразие, до полной несравнимости и исключительности». В этом споре Милюков занимал примирительное положение и строил русский исторический процесс на синтезе обеих черт, сходства и своеобразия, подчеркивая черты своеобразия «несколько более резко, нежели черты сходства» [10].

Предложенный взгляд на развитие русской культурологической мысли не претендует на полноту и законченность изложения. Здесь представлены лишь основные направления ее развития в начальный период – во второй половине XIX в. Представляется, что данная проблематика должна в большей степени привлекать исследователей и, что является, безусловно, важным, найти отражение в учебной литературе, так как зачастую, особенно у студентов, создается впечатление, что исследования в области культуры проводились исключительно в рамках западноевропейской философской и культурологической мысли. Действительно, как уже отмечалось, исследование культу-

ры на Западе началось гораздо раньше, чем в России, и наши соотечественники активно использовали достижения своих коллег. Однако русская культурологическая мысль имеет и свое неповторимое лицо, и важные достижения, которые должны быть достойно представлены.

Литература

1. Герцен А.И. Собр. соч. М., 1958. Т. XV. С. 9–10.
2. См.: Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. II. С. 47.
3. Подробнее см.: Трофимова Р.П. История русской культурологии. М., 2003. С. 20–21.
4. См.: Афанасьев А.Н. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1982; Он же. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. М., 1994.
5. Подробнее см.: Трофимова Р.П. История русской культурологии. М., 2003. С. 32–35.
6. Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955; Он же. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1974; Он же. Фольклор и действительность. М., 1976.
7. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Труды по знаковым системам. // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 160. Тарту, 1964. Он же. Статьи по семиотике искусства. СПб, 2002; и др.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М., 1991.
9. Цит. по кн.: Замалеев А.С. Курс истории русской философии. Изд. 2-е. М., 1996. С. 227.
10. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х тт. Т. 1. М., 1993. С. 61.

АРХИТЕКТУРНАЯ КУЛЬТУРОГРАФИЯ КОНЦА XX ВЕКА

И.И. Толстикова

Новые течения в архитектуре, которые возникли в XX веке, представляют собой важную поворотную точку в истории архитектуры. Проекты Салливана, Ле Корбюзье, Миса Ван дер Роэ предлагали новый эстетический ответ научным и этическим движениям времени. Вместе с этими эстетическими принципами шла определенная социальная заинтересованность (получить гуманитарную жилую среду) и возможность выразить определенные демократические идеалы, способствовать более свободному и эгалитарному обществу. Наибольшее внимание уделялось развитию городской архитектуры, одновременная решались вопросы социального плана (здесь вспоминается мысль великого Ле Корбюзье «...если не архитектура, то революция») и новой эстетики.

Одна из наибольших помех для городского развития – монотонный план, антигуманный масштаб которого, как и неспособность обеспечить разнообразие функций, не позволяет развиваться привлекательной городской среде. Новый стандарт, новая энергия городской жизни может быть придана многофункционализмом. Именно таким подходом, подразумевающим не столько проектирование объекта, сколько поиск методов оживления городской ткани, и объясняется поиск архитекторов-новаторов.

Как рассматриваются проблемы функциональности в современной нам архитектурной науке? Можно выделить несколько аспектов этой проблемы. Если рассматривать функцию как некую деятельность, для целей которой и создается объект архитектуры, то возможность этой функции воплощается, вопреки мечивается в архитектурном пространстве. А какими же методами формируется пространство в современной архитектуре? Размеры и взаимосвязи проектируемых пространств определяются размерами и характером движений «действующих лиц» – антропометрией, физиологией в случае человека, механикой или технологией, если функционируют машины. А набор, состав пространств – архитектурной типологией, наукой по своей сути социальной, своего рода одним из вариантов прикладной социологии. И только после того, как архитектурное пространство сформировано этими методами как возможность некоторой функции, проектировщик обращается к эстетическим проблемам – пространство осмысливается художественно, из функционального объекта «делается» произведение архитектуры. Таким образом, функциональность – это не только технологическая или социальная, но и, в первую очередь, эстетическая проблема, поскольку узкая функциональность антигуманна, строгое функциональное зонирование делает среду застывшей, неживой, а значит – непривлекательной, неэстетичной.

В плане архитектурной формы многофункциональности традиционно соответствует открытое свободное пространство. Однако даже эта, казалось бы, простая формальная категория, может быть по-разному истолкована, по-разному и создается такое пространство. В технологическом аспекте свободное пространство – это, скорее всего, пространство не столько реально открытое, сколько трансформируемое, поскольку действительная открытость (неизолированность) пространства делает невозможным в его пределах как полноценную деловую активность, так и полноценный отдых, рекреацию человека. Эстетически же свободное пространство – это пространство, во-первых, именно визуально-открытое, и, во-вторых, ненаправленное, не имеющее явной тенденции указывать находящемуся в нем человеку, что ему тут делать и куда идти.

Еще раз вспоминая Корбюзье с его печально знаменитой фразой: «Дом – это машина для жилья», попытаемся понять, кто будет жить в этом доме, каков Он, этот современный человек, для которого предназначена вся современная архитектура. Это человек, свободный от многих проблем современной городской жизни – «умный» дом защищает его от непогоды и промышленного загрязнения, просторное жилье – от назойливости соседей, грамотно решенная транспортная система – от тесноты запружен-

ных автомобилями улиц, достаточные доходы – от разъедающей душу зависти. С самого начала современная архитектура была озабочена внедрением новых технологий в проекты. Показательно, что все чаще мы встречаем использование термина из области информатики «user» – «пользователь здания» – в характеристике изменяющихся требований потребителей и заказчиков современных построек. Но функционально, и, главное, с эстетической точки зрения идея пространства мультифункционального, динамичного, интеллектуального пока в большинстве своем ничего конкретного архитектуре дать не может – не даром и предложенные архитекторами формы так живо напоминают что-то уже в XX столетии виденное.

Одним из устаревающих, но все еще повторяющихся упреков в адрес современной архитектуры можно указать европоцентризм или короткую историческую память. Но эта тенденция, характерная для XX века, постепенно преодолевается в проектах, которые можно назвать прорывом XXI века.

Рассмотрим несколько проектов, выделив три основные группы: реализованные проекты; лидеры последнего венецианского бьеннале (проекты находятся в процессе реализации или завершены); перспективные проекты (в силу характера издания иллюстрации не приводятся, адреса веб-сайтов указываются). Поскольку в век высоких технологий и технически сложных проектов персональное авторство все чаще сменяется названием архитектурного бюро, в нашем перечислении они указываются на равных основаниях.

Самый амбициозный инженер-строитель мира Сантьяго Калатрава, претендующий на звание конструктора номер один, готов поставить возведение жилых башен на поток. Летом 2005 года он закончил свой новый опус – Вращающийся торс, потрясающую воображение башню в Шведском Мальмё, с верхних этажей которой виден соединяющий Данию со Швецией мост Оресунд. Башня закручивается на 90 градусов, в ней 54 этажа, 146 квартир и несколько помещений, которые будут использованы под коммерческие проекты. А началось все с того, что в 1999 году управляющий шведской строительной компанией HSB Джонни Орбак увидел в какой-то брошюре абстрактную скульптуру Калатравы с тем же названием – Вращающийся торс. Он предложил испанцу сделать увеличенную копию, и в 2001 году проект Turning Torso Tower был представлен на первой выставке жилищного строительства «VoO1, город будущего» в Мальмё. Башня взвивается в небо на 176 метров и состоит из девяти функциональных блоков по пять этажей с квартирами. Блоки, словно суставы, крепятся к центральной оси – позвоночнику здания. Снаружи здание поддерживает специальная стальная колонна, соединенная с каждым из блоков двумя горизонтальными и двумя диагональными «сигарами», как их называет Калатрава. Благодаря солнечным батареям, высокой звукоизоляции и собственной теплоцентрали башня не зависит от погодных условий [1].

Одним из противоречивых гениев эпохи был бесконечно смелый Филип Джонсон, ушедший от нас в конце января 2005 года, *enfant terrible*, городской аристократ и крупнейший представитель американской архитектуры. Его здание AT&T в Нью-Йорке стало символом постмодернизма. Знаменитый Стекланный дом, галерея Шелдона, Линкольн-центр – эти здания, построенные в «международном стиле», известны практически каждому современному человеку. А известнейший ресторан Four Seasons, построенный Джонсоном в 1959 году, по-прежнему остается образцом современной архитектуры [2].

Новый филиал Художественного музея в Штутгарте демонстрирует искусство в кубе – 30-метровый куб из стекла и стали претендует на нечто большее, чем быть просто галереей для знатоков. Берлинское бюро Hascher Jehle Architektur окружило стеклянной поверхностью основной фасад здания, облицованный желтоватым камнем. Особенно эффектно куб смотрится ночью, когда освещает Шлосс-плац золотистым

светом. Штутгартский музей давно экспериментирует с размещением своих коллекций – к примеру, использует под свои эксперименты закрытые автомобильные туннели в пешеходной зоне города [3, 4].

Приведем теперь результаты Венецианского бьеннале. В 2004 году 9-я архитектурное бьеннале в Венеции, в которой приняли участие практически все ведущие зодчие мира, стало самым крупным смотром достижений новейшей архитектуры. Десять лучших проектов бьеннале стали лучшими проектами XXI века, продемонстрировав всю гамму разнообразия ведущих направлений [5].

10-е место – бюро Behnish, Behnish & Partner, Северогерманский банк, Ганновер. Строительство завершено в 2002 году. Огромная 80-метровая башня выглядит очень неустойчивой, она с трудом балансирует, кажется, вот-вот накренится и рухнет. Современная архитектура отказывается от традиционных образов и стереотипов: раз платежи осуществляются через компьютер, то и банковская архитектура должна быть скорее техногенной, нежели солидной. Функционально здание очень удобно, все оно разбито на кубики, каждый из которых сомасштабен человеку. Здесь работает около полутора тысяч служащих. Кроме того, геометрические объемы банка соответствуют геометрии окружающей его городской застройки XIX века. Так современная архитектура вживается в ткань старого города, показывая свое уважение к его древности и одновременно демонстрируя достижения новейших технологий. Город постоянно развивается и меняется, говорят архитекторы, и наша задача – сохранить хотя бы некоторые черты его классического облика.

9-е место – деконструктивизм Микеле Сае, аптека, Париж. Строительство завершено в 2004 году. Аптека Микеле Сае не столь радикальна, как «большие проекты» Миттерана (арка Дефанса, пирамида Лувра и т.д.). Ее стеклянный фасад лишь намекает на вторжение современной архитектуры в престижный район Елисейских Полей. Введение деконструктивизма в эклектику XIX века – деконструктивизма мягкого, пластичного, не агрессивного – достаточно, чтобы оживить, обновить старое место и заново обратить на него внимание горожан.

8-е место – Тойо Ито, магазин Tod's, Токио. Проект. Великолепный образец «рекламной архитектуры». Магазин знаменитой итальянской обуви виден издали не потому, что на нем красуется огромная вывеска, а потому, что само здание светится на фоне рядовой застройки.

7-е место – Даниель Либекинд. Театр Гранд-Каналь. Дублин. Проект 2004 года. Даниель Либекинд – один из изобретателей деконструктивизма, самого агрессивного направления в современной архитектуре. Деконструктивистские постройки своими острыми гранями нагло врезаются в ткань города, нарушая сложившуюся веками гармонию и создавая беспокойную, нервную атмосферу. Такие здания не строят в центре города – слишком сильно они диссонируют с исторической застройкой. Но зато они прекрасно смотрятся в спальных районах. Здесь, в окружении тусклой архитектуры 60–70-х годов, они выглядят настоящими шедеврами. Они больше не кажутся агрессивными, напротив, они привлекают публику своими странными и интересными формами.

6-е место – Арата Исодзаки, вокзал во Флоренции. Конкурсный проект 2002 года. Бионика – самое модное направление в современной архитектуре. Едва ли не половина всех проектов, представленных на архитектурном бьеннале в Венеции, выполнена именно в этой стилистике: какие-то космические ландшафты и структуры, в которых человек ощущает себя героем марсианских хроник. Это архитектура из будущего: сегодня пассажиры едут из Флоренции в Рим, завтра – полетят в космос. Органические формы должны смягчить ощущение грубой и техногенной атмосферы вокзала.

5-е место – Питер Айзенман, музыкальный театр, Сантьяго де Компостела. Проект 1999 года. Питер Айзенман получил на Венецианском бьеннале «Золотого льва» за

вклад в современную архитектуру. Он – один из крупнейших мастеров современности, автор десятков построек в разных стилях. Сегодня Айзенман увлекся модной бионикой. Его Музыкальный театр – это тактильная, пластичная и мобильная структура, созданная на основе органических форм. При этом театр наделен всеми необходимыми функциями: два зала на 1 500 и 450 мест предназначены как для оперных и балетных постановок, так и для камерной музыки и даже конференций.

4-е место – Жан Нувель, концертный зал. Копенгаген. Проект 2002 года. Жан Нувель решил проблему аскетичного северного пейзажа цветом, превратив все внешние и внутренние стены концертного зала в цветные стеклянные плоскости: Снаружи – синий, внутри – красный. Самое интересное – фойе: как место встречи интерьерера и экстерьера, оно раскрашено в разные цвета. По ночам в фойе будет включаться специальная подсветка, превращая его в мистическое пространство, наполненное игрой света и тени на цветных поверхностях стен. Так сугубо функциональное здание становится само по себе зрелищным шоу.

3-е место – Массимилиано Фуксас, здание Миланской ярмарки. Проект 2003 года. Это самое крупное ярмарочное здание в Европе, а, возможно, и в мире: сотни метров в длину, более двух миллионов квадратных метров площадей. Строго говоря, это дорога, перекрытая стеклянной крышей. Посещение ярмарки превратится в настоящее путешествие, к которому зовет не только необходимость посмотреть экспонаты, но и сама архитектура здания: в простые геометрические объемы постоянно вторгаются какие-то органические, выпуклые или вогнутые, элементы.

2-е место – бюро Соор Himmelb(l)au, Опера, Кванджу. Проект 2002–2003 годов. Это настоящий шедевр бионики. В отличие от грубого, топорного колпака, придуманного Домиником Перро для нового Мариинского театра в Петербурге, австрийское бюро сделало очень изящную, изысканную стеклянную крышу-раковину, нежно покрывающую основной объем здания. Архитекторы вспоминают здесь традицию больших оперных театров XIX века, которые становились настоящей иконой города (Гранд-Опера в Париже, Большой в Москве). Опера в Кванджу – это не просто сугубо функциональный музыкальный театр, но общественный центр, «народная плаза».

1-е место – Заха Хадид, научный центр, Вольфсбург. Проект 1999 года. Заха Хадид – лауреат Притцкеровской премии 2002 года и главный герой Венецианского бьеннале, на котором представлено сразу три ее проекта. Научный центр в Вольфсбурге, строительство которого завершилось, – самый крупный и важный из них. Особенно интересна внутренняя структура этого гигантского здания. В нем нет этажей, нет и традиционного членения на комнаты. Внутренний объем разбит огромными «воронками», в некоторых из которых расположены рабочие помещения (главный вход, конференц-зал и т.д.), а некоторые используются лишь для освещения интерьеров. Сама Заха Хадид говорит, что мотив «воронок» заимствован из окружающего урбанистического пейзажа. Вместе с тем снаружи здание выглядит как классический образец деконструктивизма: своими острыми углами оно буквально врезается в мягкий и округлый пейзаж. Это сочетание двух главных трендов современной архитектуры – бионики внутри и деконструктивизма снаружи – кажется исключительно удачным.

Как выглядят сегодня перспективные архитектурные проекты? Одним из лидеров современной архитектуры является команда Захи Хадид (офис фирмы находится в Лондоне). В 2006 году в Лондоне откроется новое здание Британского фонда архитектуры, а в Марселе через три года завершится еще три дома, разработанного бюро Хадид.[6]

Еще один интересный проект, привлечший внимание на стадии разработки, принадлежит датскому бюро Schmidt, Hammer & Arkitekter. Это культовое сооружение, которое будет находиться в 400 км севернее Полярного круга – собор для христиан комму-

ны Алта в северной Норвегии. Это здание архитекторы попытались сделать похожими на *auroga borealis*, или норвежские огни, которые у нас называют северным сиянием [7].

Деконструктивист Даниель Либескинд спроектировал здание для Гонконгского университета, которое будет находиться в университетском городке. Строительство здания Creative Media Centre закончится в 2008 году [8].

Группа Ten Arquitectos, имеющая штаб-квартиры в Мехико и Нью-Йорке, приступает к масштабному строительству, которое станет поворотным пунктом в истории Гарлема. 42-этажное здание высотой в 165 метров будет обозначать въезд в Гарлем. Это мультифункциональная постройка, столь характерная для современной архитектуры мегаполиса. Нижние этажи будут отданы под отель Marriott Courtyard, на верхних расположатся жилые пентхаузы, а в соседней башне будут магазины и офисы, спа-центры и рестораны. Строительство планируется закончить к концу 2006 г. [9].

Еще одно перспективное направление в архитектуре – это реконструкция старых промышленных зданий и их «перепрофилирование» в музеи. Таких примеров уже много: лондонская галерея Tate Modern находится в реконструированной Херцогом и Де Мероном электростанции, Венский музей дизайна расположился в башне ПВО времен III рейха, в Москве, в воссозданной по проекту Михаила Хазанова фабрике софитов, недавно открылся Государственный центр современного искусства «Завод».

В Петербурге на Шпалерной улице, напротив Таврического дворца, стоит здание водоподъемной башни, построенной инженером Мерцем и архитектором Шуберским в 1863 году. В нем открылся музей «Мир воды Санкт-Петербурга». Реконструкцию башни провело бюро «Интерколумникум» во главе с Евгением Подгорным. Здание очистили от позднейших наслоений и приспособили к новой функции: современные конструкции были имплантированы в восьмигранник красного кирпича XIX века с максимальной деликатностью. Со стороны Невы к башне пристроен цилиндр лифтовой шахты из стали и стекла. Легкая конструкция лифта выражает сущность башни – стремление вверх. Осенью 2005 года этот проект вошел в коллекцию Музея архитектуры имени А.В. Щусева.

Сегодня мы переживаем период огромного научного и технического прогресса, возможно, вторую индустриальную революцию, которая предлагает архитекторам необычные возможности в плане материалов и формообразования. Несмотря на достижения прошлых десятилетий и потенциал будущего, современная архитектура наталкивается на стену критики. Критики современной архитектуры формируют многоликую толпу, хотя мало чем объединенную внутри себя, но очень хорошо связанную вокруг одной точки – все они клянутся, что говорят от имени человека с улицы. В архитектуре, как и везде, только через развитие наиболее современных идей мы можем решить проблемы, с которыми сталкиваемся. Мы значительно продвинулись вперед как в науке, так и в искусстве. В результате впервые у нас есть власть изменить общество.

Литература

1. www.turningtorso.com, 14.05.2005
2. www.wallpaper.com, 14.05.2005
3. www.kunstmuseum-stuttgart.de, 25.06.2005
4. www.harscherjehle.de, 25.06.2005
5. Молок Н. Венецианская биеннале: 10 хитов современной архитектуры. // «Известия». 20 сентября 2004 г.
6. www.zaha-hadid.com, 01.12.2005
7. www.shl.dk, 01.12.2005
8. www.daniel-libeskind.com, 01.12.2005
9. www.ten-arquitectos.com, 01.12.2005

**ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
(ФРАГМЕНТЫ МОНОГРАФИИ «РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ»)
О.С. Борисов**

Согласно психоаналитической концепции религии Э. Фромма, существует два типа религии: авторитарная и гуманистическая. Сущность первой заключается в «признании человеком некой высшей невидимой силы, управляющей его судьбой и требующей послушания, почитания и поклонения» [1, 166]. Вторая избирает центром человека и его силы. Человек должен развить свой разум, понять себя, отношение к другим и свое место во вселенной. Он должен постигнуть истину, сообразуясь со своей ограниченностью и возможностями. Развить способность любви к другим и к себе, почувствовать единство всех живых существ. Должен обладать принципами и нормами, которые вели бы его к этой цели. «Религиозный опыт в таком типе религии – переживание единства со всеми, основанное на родстве человека с миром, постигаемым мыслью и любовью» [1, 168]. А поскольку корень религии, по Фромму, лежит в потребности в системе ориентации и объекте для служения, то «любую систему взглядов и действий, которой придерживается какая-то группа людей и которая дает индивиду системе ориентации и объект поклонения» [2, 236], можно назвать религией. Нет такой потребности в системе ориентации и объекте для служения, которая не была бы религиозной. Человек, по сути, может поклоняться всему: камням, деревьям, светилам, животным, идолам, предкам, племени, роду, вождю, невидимому богу и дьяволу, святому человеку и нации, классу и партии, деньгам или успеху...

От идеи Бога к ее смерти и смерти Автора

Пожалуй, самая фундаментальная идея всемирной истории идей – это идея Бога. В ком первом возникла она? Намеренно не ставится вопрос: кто первый ее *придумал*?...

Придумать идею невозможно по определению. Придумать можно систему идей: сопоставляя, сравнивая, складывая, вычитая и вычитывая, – распределяя, выстроить, а значит рационально организовать и обосновать. Следующий шаг, который необходимо довершит процедуру и будет в той же степени логичным, в какой иррациональным, – систему идей нужно эмоционально оправдать. Это проекция активности, которая всегда требует воплощения. Хотя в таком порядке это непростая задача. Из истории мы знаем множество попыток идею как систему идей увековечить, а, значит, воплотить. Но это еще не факт, что она тут же не умрет. По-другому, идеи, раз возникнув, если не получают подкрепления, тут же забываются, а когда о них вспоминают, говорят – старо как мир. Проще, возникшая идея должна жить, вернее, живя, она неизменно превращается в систему идей – только так она может выжить. Итак, сама идея возникает. Она возникает будто бы самопроизвольно, всем ходом исторического развития операционных процедур сознания.

От перцепции титанических природных сил-потенций как всех закрепленных в символе богов и тварей, заключенных в безразличии Хаоса, до выделения из него первых пар: Гея-Земля выходит из Хаоса и силой внутреннего любовного влечения (Эрос) рождает из себя Уран-Небо, который погружал рожденных от их союза детей во чрево матери, пока один из них – Кронос – не оскотил отца. За царством Урана следует царство Кроноса и Титанов. Их царь от своей супруги Реи рождает трех дочерей и трех сыновей: Аида, Посейдона и Зевса. Кронос же поглощает детей в свое чрево. Утаенный Реей в пещере на острове Крит Зевс, возросши, ввергает Кроноса в Тартар, заставив его изрыгнуть поглощенных отпрысков. Начинается борьба Титанов – старых богов – с но-

выми. Победой Зевса открывается царство олимпийских богов. «...Когда под влиянием религиозного развития божественное, сосредоточенное в солнце, достигает конечного своего напряжения – разражается теогоническая гроза, освобождающая стесненное божество. [...] Отделенный от неба и солнца, третий, младший бог подчиняет себе и то и другое, получая атрибуты верховных богов обоих предшествовавших царств: универсальность неба и царственные лучи солнца. Один и тот же бог неба *Djaus pitar* (Юпитер, Зевс-отец) сосредоточивается, сжимается в солнечном боге (Кронос, критский Зевс Астериос, пеласгический Ликеос), чтобы затем отделиться от солнца и под атрибутами атмосферического, грозового, бога подчинить себе его, как и все стихийные силы, – явиться Зевсом-громовержцем, свободным царем богов. [...] Зевс освободил, таким образом, не только младшее поколение богов, но и старшее, т.е. богов вообще, основав свободный политеизм, божественный полис» [3, 60–61]. Если Уран погружал своих детей в чрево матери (инерция бессознательного, удвоение), а Кронос – в собственное (ego-формирование, деление), то Зевс поглощает в себя беременную супругу – Метис – «всеобщий теогонический разум» [3, 64]. Результатом этого акта является Афина Паллада (дева), богиня греческого разума и культуры, рожденная из его собственной головы, в ней соединилась мудрость материнского и отцовского начал (ego-продуцирование, отделение). Если «теогонический хаос есть состояние религиозного сознания до теогонии» [3, 56 – 57], безразличное бессознательное, то богоявление Афины есть результат становления сознания, прошедшего в своем развитии, и каждый раз – объективируя, четыре стадии, в последней из которых явственно представлено переживание смерти и возрождения. Такую историю сознания можно назвать историей возникновения идей. Все дело в том, что это есть универсальная история в своих внутренних перцептивных связях, а конкретное символическое наполнение она получает в развертывании гештальта, например, у О. Шпенглера, или в создании сложных символических систем, которые, так или иначе, можно деконструировать, сводя к тем же четырем принципам. Заслуга С.Н. Трубецкого заключается в том, что он сумел разглядеть в греческой религии истоки ее метафизики, поскольку первоначальная метафизика каждого народа включает в себе его религиозные понятия и представления [3, 49]. Хотя *как* этого развертывания есть универсальный механизм функционирования сознания, и здесь «то, что есть эмпирическое состояние моего сознания и что я принимаю за настоящее, – есть на самом деле уже прошедшее состояние; настоящее же я осознаю только в будущем» [3, 20].

Гегелевская схема – лишь формальное отвлечение, выпускающее важные психофизические моменты развития, которые необходимо дополнить. Абстрагируясь от критических точек перехода, точек-переходов, в религии – это ритуалы перехода, подвергается исследованию поле, или состояние, между этими критическими точками, собственно, результат разрешающихся пиковых переживаний или момент, предшествующий им. Первый исходный момент как непосредственное единство, неопределенное безразличие, неосознанный статус-фактор сменяется моментом разложения, раздвоения, анализа. Но прежде чем произойдет раздвоение (деление в наших терминах), должен начаться и быть процесс удвоения как процесс, проходящий в условиях тотальной поглощенности, препятствующий удвоению. Тотальная поглощенность и нечто, высвобождающееся при отсутствии выхода – вот это поле-переживание, в котором противодействующие силы достигают критического предела, требующего в своем разрешении перехода в принципиально иное состояние (на языке интерпретации греческой мифологии – Уран, погружающий детей в чрево матери и оскотенный одним из них). Это принципиально новое состояние есть состояние борьбы. Здесь явно организуются противоположности, и то, что раньше было в неопределенном единстве, начинает существовать для себя, обособляться, и при обнаружении выхода осуществляется взаимообусловленная необходимость преодолеть противоречия в снятии этой борьбы как борьбы

смерти и возрождения в самом себе. Здесь противоположности в своем стремлении оборачиваются друг в друга, являясь отражением этого процесса в его анализе, уничтожающем все непосредственное и подготавливающим переход к последующему выходу. Само отрицание непосредственности и поглощенности на языке интерпретации греческой мифологии предстает в Кроносе, пожирающем своих детей, пока один из них низверг его, освободив остальных. Следует прекращение симбиотического союза в выходе из него, формируется принципиально иная психическая интеграция. Это момент высшего объединения, по сравнению с первым единством, обособившихся различий и противоположностей – это момент органического девственного синтеза, подготовленного кульминацией борьбы, «который осуществляет живое нераздельное единство в органическом, неслиянном различии и многообразии». На языке интерпретации греческой мифологии – это рождение Афины Паллады из головы поглотившего свою супругу Зевса. «Здесь развивающееся вновь возвращается к себе из своего другого, отрицая свое отрицание. То, что было в самой вещи, что обособилось в момент анализа и существовало для себя, то теперь живет в себе и для себя в конкретном, живом многообразии». Теперь мир становится органическим живым синтезом, сублимированным от материнского «безразличия», даже несмотря на то, что в него входят, как «изгнанные из рая».

Но все дело в том, что у этой идее нет автора.

Когда римляне, предводительствуемые Помпеем, вошли в Иерусалимский храм в надежде увидеть там хваленого еврейского бога, то их удивлению не было границ. Отодвинув завесу Святая Святых, места, куда только раз в год мог входить иудейский первосвященник, и ожидавшие увидеть нечто необыкновенное, они ужаснулись: перед ними открылась... Пустота. Если бы они увидели нечто... Но их потрясло более всего то, что там, за завесой, обитало Ничто. Правда, это ничто было наполнено их ожиданиями, которые пред ними предстали как несказуемое, Тайна: усиленное состоянием, приведшим к превышению эмоционального порога, и предъявленное как отсутствие, оно наполнилось действенным их присутствием, в котором было уединенное Отрешенное; пусть на миг, произошло отпадение от космического порядка вещей, выведение из того, что богословы называют тварностью мира.

Этот космический раскол сознания символически predeterminedил новый онтологический порядок, формализованный имперским христианством и предуготованный библейским рассказом Падения. В иудаизме этот акт реконструкции через воспоминание осуществлялся раз в год избранными, христианство открыло дорогу каждому через Бога-Сына, через таинство пресуществления восстанавливая прежнюю связь с Богом-Отцом, поруганную нарушением Завета: «Я пришел не изменить закон, а исполнить» (Мат. 5, 17). Новая догматика открывала доступ к идее каждому, так казалось, но не так было, иначе не потребовалось Реформации. В ней же благая весть открывалась силой веры. Каждый мог быть священником наедине с Богом и с самим собой.

Итак, идея Бога не имела автора, но кодифицирована в таких именах, как Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммад, Лютер.

Другая фундаментальная идея, которая лишь аспект первой – это идея смерти Бога. Но у нее уже есть автор.

Точнее, она кодифицирована Ф. Ницше, хотя также изначальна. Миф об умирающем и возрождающемся Осирисе, античный дионисизм как круговорот природных сил или индо-буддийская сансара как круговорот смерти-возрождения, предуготовывали идею Сверхчеловека. Нужен «семикратный опыт одиночества. И новые уши для новой музыки. И новые глаза – способные разглядеть наиотдаленнейшее. Новая совесть, чтобы слышать истины, прежде немотствовавшие. И готовность вести свое дело в монументальном стиле – держать в узде энергию вдохновения... Почитать себя самого; любить себя самого; быть безусловно свободным в отношении себя самого» [4, 17–18].

Ницше обосновывает критику христианского понятия Бога: «Народ, который еще верит в самого себя, имеет также и своего собственного Бога. В нем он чтит условия, благодаря которым он поднялся, – свои добродетели. Его самоудовлетворенность, его чувство власти отражается для него в существе, которое можно за это благодарить. Кто богат – хочет давать; гордый народ нуждается в божестве, чтобы жертвовать...» [5, 642]. «В таких условиях религия – форма благодарения. Народ благодарен самому себе: ему нужен бог, чтобы благодарить...» [4, 30]. «Такое божество должно иметь силу приносить пользу или вред, быть другом или врагом; ему удивляются как в добре, так и во зле. Протиестественная кастрация божества в божество только добра была бы здесь совершенно нежелательна. [...] Если из понятия о божестве удалены все предпосылки возрастающей жизни, все сильное, смелое, повелевающее, гордое, если оно опускается шаг за шагом до символа посоха для уставших, якоря спасения для всех утопающих, если оно становится Богом бедных людей, Богом грешников, Богом больных раг excellence и предикат «Спаситель», «Избавитель» делается как бы божеским предикатом вообще, – то о чем говорит подобное превращение, подобная редукция божественного?» [5, 642–644]. Нет, Ницше убивает догматического Бога, но не Бога как психологический фактор (К. Юнг). По Ницше, смерть содержания такого наисильнейшего психологического фактора, как добродетель покорности и подчинения, предрешена: «Маленькая община именно не поняла главного, символического в таком способе смерти, свободу, превосходство над всяким чувством ressentiment:¹ признак того, как мало вообще они его понимали! Сам Иисус ничего не мог пожелать в своей смерти, как только открыто дать сильнейший опыт, доказательство своего учения. [...] Иисус уничтожил даже самое понятие «вины», он совершенно отрицал пропасть между Богом и человеком, он жизнью своей представил это единство Бога и человека как свое «благовестие»... А не как преимущество!» [5, 664–665]. Смерть Иисуса поставила учеников перед опровержением их дела, – говорит Ницше. Их любовь нашла виновника – господствующее иудейство, и вслед за тем они поняли Иисуса как возмущение против порядка, хотя до сих пор этой черты недоставало в его образе. Ученики были далеки от того, чтобы простить эту смерть и отдать себя такой же смерти со спокойствием души, и «всплыло наверх как раз в высшей степени неевангельское чувство, чувство мести» [5, 665]. Появилась необходимость «возмездия», «суда», опять вышло на первый план ожидание Мессии, возникло обещание Царства Божьего, которое будет судить его врагов. «Теперь только включили в тип учителя все презрение и горечь к фарисеям и теологам и этим сделали из него фарисея и теолога». Со своим необузданным поклонением они больше не могли сносить евангельское равенство всех людей как детей Божьих, чему учил Иисус: «Местью их было неумеренно поднять Иисуса, отделить его от себя: совершенно так, как некогда иудеи из мести к своим врагам отделились от своего Бога и подняли его на высоту. Один Бог и один Сын Божий: оба порождение ressentiment» [5, 665]. Учение Ницше – это, прежде всего, «воля к власти» над собой, «воля к жизни», к вечному ее утверждению. Его апелляция к буддизму вместе с ним вооружается против чувства мести: «не путем вражды кончается вражда», против страдания, которое есть результат иллюзии Я, детерминированного желанием, искажающими ясность духа в своем спокойствии, т.е. сознания, не провозгласившего отсутствие желаний как высшую цель, и против власти Бога, сковывающего человеческую продуктивность: «словом «Сын» выражается вступление в чувство общего просветления (блаженство); словом «Отец» – само это чувство, чувство вечности, чувство совершенства» [5, 660]. Здесь Иисус, сыновство не есть вечно женственное начало, но такое, в котором концентрируются и материнское, и отцовское как реальное действенное Возрождение, истин-

¹ Злоба, злопамятство.

но девственное, поскольку преодолевает титанический инстинкт. – Если ты знаешь, что делать – делай, если не знаешь, – будь проклят, ибо не соблюдаешь закон.

«Ницше – предтеча новой религиозной антропологии» [6, 106], – говорит Н. Бердяев и констатирует, что Ницше в своем дерзновении высказал творческое призвание человека, его творческую активность, не сдерживаемую «религией закона» и «религией искупления», а обогащенную в неразрывном их единстве «религией творчества», хотя он «возненавидел Бога, потому что одержим был той несчастной идеей, что творчество человека невозможно, если есть Бог» [6, 119]. Бердяев ставит вопрос, который никогда еще не был поставлен, о религиозном смысле творчества, и отвечает на него так: творчество есть религия, поскольку человеческая природа – творческая по образу и подобию Бога-Творца, и она в полной мере раскрывается в новую религиозную эпоху мира – Христа Грядущего. Но это откровение не будет голосом свыше, его совершит сам человек, свободным творческим актом живущий в Духе. Говоря о смысле творчества, Бердяев утверждает вместе с Ницше, что тайна Возрождения в том, что оно не удалось, поскольку было отравлено христианским сознанием греховности этого мира, а также жаждой искупления, которая задерживает свободный творческий акт в мире. Провозглашая христианское Возрождение в теургии, которая уже разворачивается как сверхкультура и есть совместное с Богом действие человека, богочеловеческое творчество, Бердяев говорит о теургии как искусстве, творящем новое бытие, когда искусство становится властью, а слово – плотью. В теургическом творчестве снимается трагическое несоответствие расколотого между «задачей» в своей глубине свободного творческого акта религии, т.е. прорыва в «мир иной» сквозь «сей мир», и «достижением» лишь культурной ценности, исхода в мир этой культуры, которая по своему религиозному смыслу есть великая неудача человека и человечества. Мы стоим перед неизбежностью оправдать себя творчеством, а не оправдывать свое творчество: «ложно и безбожно то ветхое сознание, по которому человек не смеет дерзать творить до мирового окончания искупления, до конца этого мира» [6, 121].

Творчество человека, – говорит Н. Бердяев, – связано с оргийно-экстатической стихией человека, стихия находится в падшем состоянии, но искуплением очищается и просветляется, не уничтожаясь. Очищение есть один из моментов религиозного опыта, за которым должен неминуемо следовать другой, ни в чем не задерживаясь: свободная творческая жизнь вне необходимости, разыгрывающая Третий акт «Царство Духа» великой мистерии всемирной истории человечества, которая называется «Святая Троица», а она есть не догмат, а проект. «Мировой процесс – восьмой день творения, продолжающееся творение» [6, 146], ведь Бог творил мир и человека шесть дней, а на седьмой отдыхал... В Слове было дано откровение, которое воплощается в человеке самим человеком в его свободном творческом порыве, уже предуготовленном, но еще не совершенном окончательно.

У этой идее есть еще один автор – М. Лютер. В трактате «Свобода христианина» он, рассматривая две предпосылки о свободе и рабстве духа (1. Христианин является совершенно свободным господином всего сущего и не подвластен никому. 2. Христианин является покорнейшим слугой всего сущего, и подвластен всем [7, 25]), предлагает доктрину «оправдания верой», а не делами, которая есть теургический метод, проект, а не догмат. Дела проистекают из веры, оправдываются верой, в вере коренятся. С М. Лютера начинается эпоха Богочеловека. Лютер рассматривает «внутреннего человека, чтобы увидеть, насколько праведным, свободным и благочестивым становится христианин, когда духовный внутренний человек становится его сущностью» [7, 26]. Но отказ от всевозможных дел, даже от таких, как созерцание и размышление, не возвращают праведности и свободы; одно только необходимо – это Слово Божье, Евангелие Христа. «Слово – это Благовестие Божье о Сыне Его, явившемся во плоти, пострадавшем, воскресшем из мертвых и прославленном освящающем Духом [Святым]. [...] Од-

на лишь вера является спасительным и действующем применением Слова Божьего, согласно Посланию к Римлянам 10 [9]: «Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься». Более того: «Конец закона – Христос, к праведности всякого верующего» (Рим. 10, 4). И опять в Послании к Римлянам 1 [17]: «Праведный верою жив будет» [7, 27]. Лютер говорит о том, что верующие во Христа являются священниками и царями во Христе, приводя в подтверждение тому 1-ое Послание Петра, где возвещается, что христиане – «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (2, 9). Отсюда лишь одна вера может исполнить закон и оправдать без дел, поскольку христианин верит, что «ему принадлежит праведность Христова, и что его грех не его, но Христов, и что весь грех праведностью Христовой поглощен», «что все, чтобы мы не сделали, угодно и приемлемо перед лицом Божиим» – а это есть следствие веры, и поскольку «жало смерти – грех, а сила греха – закон», то «смерть поглощена не только победой Христа, но также и нашей победой, потому что верой [в Него] Его победа стала нашей, и в этой вере мы также являемся победителями» [7, 37].

Лютер вместе с апостолом приводит пример Христа: «...в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничтожил *Себя Самого* (курсив – О.Б.), приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек...» (Филип. 2, 5–8). Бог посредством Христа снизошел до нас в облике Человека, чтобы мы, возвысившись до Него через Сына, достигли ипостаси Отца – такой вывод должен следовать, он и следует в христологии сознания человека: «В откровении христианском истина о божественности человека есть лишь обратная сторона истины о человечности Христа» [6, 98]. Но христианство, выделяет курсивом Бердяев, еще не раскрыло полностью тайны о божественной природе человека, догмата о человеке, подобного догмату о Христе, которую должно дерзнуть назвать христологией человека. Перед лицом антихристового духа самочувствие и самосознание человека должно достигнуть высшего и окончательно напряжения, мы накануне, говорит Бердяев, антропологического откровения: «Новая христологическая антропология должна открыть тайну о творческом призвании человека и тем дать высший религиозный смысл творческим порывам человека» [6, 108].

В своих «дерзновениях» и «покорностях» «На весах Иова» Л. Шестов приводит слова вдохновителя Реформации Лютера: «Богохульство... иной раз приятнее звучит в ушах Господа, чем само Аллилуйя, либо какая угодно божественная хвала. И чем страшнее и отвратительнее богохульство – тем приятнее Господу» [8, 537], сопоставляя с правилом «духовных упражнений» вдохновенного борца Контрреформации И. Лойолы: «Чем больше отрывается душа (от мира) и уходит в уединение, тем более становится она способной искать и постигать Творца своего и Господа», и делает вывод: «Непримиримые враги, основатель иезуитского ордена Лойола и расстрига-монах Лютер, оба учат, что только человек, затерявшийся в вечности и предоставленный самому себе и своему безмерному отчаянию, способен направить свой взор к последней истине» [8, 238]. Попутно мы можем указать на технику «парадоксальных диалогов» в чань-буддизме, направленную на пробуждение сознания учеников, а заодно, осуществив экскурс в классический буддизм, напомним, что там нет бога-«творца», но он возникает тогда, когда сам Будда «обожествляется» (буддийские иконы, статуи) как Человек, достигший просветления, буддовости, как человек, достигший состояния нирваны, остановивший поток сознания, преодолевший кармический закон, или как бодхисаттва, готовый уйти в нирвану, но не делающий этого ради помощи остальным.

У Лютера «Христос, подобно предтече Иоанну Крестителю, сказал не только «Покайся» (Мф. 3, 2; 4, 17), но добавил слово веры: «Приблизилось Царство Небесное». Мы не должны останавливаться на одном из этих слов Божьих, но проповедовать

их оба; мы должны провозглашать и то старое и то новое, что имеется в нашей сокровищнице: как голос закона, так и слово благодати (Мф. 13, 52). Мы должны провозглашать голос закона для того, чтобы люди могли исполниться страха и прийти к осознанию своих грехов,² и, таким образом, обратиться к покаянию и лучшей жизни. Но мы не должны останавливаться на этом, ибо в противном случае это будет подобным ранению без перевязки раны, поражению без исцеления, убийству без воскрешения, схождению в преисподнюю без обратного восхождения, уничтожению без превознесения» [7, 42–43]. Текст говорит сам за себя и сопоставим с трактовкой религии Бердяева: цикл должен быть завершен, за религией закона и религией искупления должна последовать религия творчества. «Наша вера во Христа освобождает нас не от дел, но от ложного отношения к делам – от глупой предпосылки о том, что оправдание достигается делами. Вера избавляет, исправляет и сохраняет наше сознание, так что мы знаем, что праведность не состоит в делах, хотя дела не могут и не должны отсутствовать...». Лютер продолжает: ««Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36), – говорит Христос. Но он не говорит, однако, что «Царство Мое не здесь, то есть не в этом мире»» [7, 50]. Рассматривая две крайности: с одной стороны, то, что мы делаем, вся наша жизнь, дела, обряды (культура), с другой – вера в Сына Божьего, по которой одной мы праведны (религия), Лютер сталкивает их «лицом к лицу»: «В присутствии таких людей (люди обряда – О.Б.) даже полезно есть мясо, нарушая посты, и, ради свободы веры, совершать то, что они считают великими грехами», подобно тому, как Христос совершал, который оправдывал Своих учеников, срывавших и евших колосья в субботу. Обличая «учителей обряда» и апеллируя к Посланию: «Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто» (Рим. 14, 14), Лютер говорит, что надо шадить робкое множество людей, которых держат в рабстве подобными законами, до тех пор, пока они не освободятся: «Усердно сражайтесь против волков, но за стадо, а не против него» [7, 52], а если вы хотите использовать свою свободу, делайте это в тайне: «Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом» (Рим. 14, 22), но не используй ее перед слабыми: «Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, от чего брат твой претыкается...» (Рим. 14, 21). Слабые, немощные в вере не могут осмыслить свободу веры, даже если б хотели, для них нужно «рабство обрядов» – культура – до тех пор, пока они не укрепятся в своей вере.

Клаустросрыв культуры

Душа культуры никогда не является только лишь тем, что она есть в данный момент, но всегда есть нечто большее, говорит Г. Зиммель: «В ней уже заранее задана ее собственная, более высокая и совершенная в сравнении с нею же самой форма» [9, 446]. Но что происходит с культурой, когда исчерпаны ее собственные потенции, когда уже проявилось все то, что было заложено в качестве дремлющих в ней сил?

Массовость и элитарность – насколько далеко современная культурная ситуация разводит эти понятия? Насколько здесь стерлась граница между ними, или насколько одно понятие наложилось на другое, и сквозь первое проступают смутные разводы последнего, как лик, которого с трудом узнаешь смутные черты? Нет, они не забыты – они, как некий «гештальт», возобновляются в рекламных листах и растиражированных перформансах игрой форм, требующих не души, их наполняющей, а комбинаторики и навыка моделирования – литературы, изобразительного искусства, театра, музыки, моды, философии, науки, экономики, права, даже морали и религии как средств массовой

² Ранее Лютер говорит, что невозможность исполнения заповедей, ибо они «показывают, что нам следует делать, но не дают нам сил делать это», со всей очевидностью выявляет действительную греховность человека-раба, и они предназначены для того, чтобы полностью разочароваться в своих способностях. Вот почему они названы Ветхим Заветом [8, 29].

информации. И все это есть техника, доступная любому виртуальному подростку, который освоил ментальность современной культуры – штамп. Вернее, он усвоил ее, вынужденный всякий раз вписываться в ту из форм, которую предлагает контекст. Его стиль – вовремя определиться в стиле ситуации, которая складывается в конкретный момент, вовремя сменить стиль. Этот стиль нужно назвать по сути вещей, а именно фишкой, но не прятаться за ничего не значащее и пустое слово – постмодернизм. Фишка каждый раз падает той стороной, которая сама начинает организовывать пространство при помощи тех, кто успевает схватить комбинацию чисел как то, что есть форма этого дня. Фишку надо понять, т.е. увидеть. Это не развитие стиля и не стиль в своем определении – это больше, чем стиль, – это фишка. Может быть, так было всегда («социальные атомы» культуры, феномены-монады религии), но так увидели впервые.

Массовость и элитарность почти слились в едином творческом порыве. Массовость была всегда – она была религией (душой), и элитарность была всегда – она была высокой культурой (саморазвитием души в своем времени), выражающей религиозную интенцию (в воспроизводящемся жесте-ритуале или в произведении), но не утопающей в ней, т.е. выходящей в самом-себе-собой за пределы. Сейчас нет ни того, ни другого, ни третьего: ни массовости, ни элитарности, ни времени между ними. С элитарностью почти покончено, с массовостью идет последний бой. Остались только средства массовой информации.

Но информация глохнет, не достигнув пункта назначения, превратившись в идеологию фишки. Не то, чтобы она была примитивной идеологией политтехнолога, та достигает кажущихся целей, – нет, так повернулась фишка, и этим все сказано. Информация подкармливает (подкрепляет) ее, комбинируется вокруг подобно тому, как в коперниканской модели тяготеют к центру космические тела. Так происходит потому, что иначе она не будет услышана, не будет «светить». То есть вне фишки информация не слышится, она пустой звук, не своевременный стиль, хотя присутствует рядом, есть... Где-то на периферии смысла она всякий раз готова проявиться, но никогда не проявляется, потому что становится фишкой, утопает в ней. Нет искусства, философии, морали, уже нет религии, теоретической науки. Нет и мифа, потому что миф – породнение, сопричастность, сродство. Не надо в старые понятия вкладывать то содержание, которое туда не вмещается полностью в силу **необнаруженности** себя.

Но, кажется, может быть найдено слово, которое становится понятием современной ситуации вещей: и это слово должно быть – ниша. В нише можно себя потерять, спрятаться, но не обрести. Здесь Я экстерьеруется, но не в мифе, потому что в мифе душа является пространством мира – мировой душой, но не знает об этом: и ландшафт наполняет ее. В религии душа узнает себя в своей элите. Но здесь, в нише, Я **прячется** за Мы, оставаясь потерянным, закрытым. Оно лишь играет в Мы их формой (мы-формой), оно «успокаивается» в нише чужого, отвоеванного кем-то мира, ставшего мирком и меркой, оно резвится в этой форме, зная о других, возможно, лучших местах, и зная это, лишь в силу этого знания, не находит себя, беспокоится: эта форма потому что знак(ома), в архетипах, во снах, в сознании. – Все пути исхожены, все изведено. Можно только попасть на «хорошую» или «плохую» игру. От тебя зависит лишь, какую нишу предпочесть; правда, ты никогда не знаешь истинную ценность своего выбора, потому что это не в твоей власти, твоя нетворческая заброшенность все, что может – это перемешать карты в порыве страсти или овладеть искусством манипуляции. Ничто не успокаивается полностью...

Итак, «фишка» и «ниша» – ключевые понятия новой теории вещей, выражающей новые формы/бесформенность отношений.

Одним из первых, кто помыслил об этом, был Г. Зиммель. Но тогда не хватило новых слов, они где-то застряли между «свободой» и «необходимостью» в перевернутой Г. Зиммелем формуле францисканцев: все имеющие, ничем не обладающие. Но уже

были слова **массовость** и **независимость**. Довлеющая сверхмощь природы сменилась подавляющей сверхмощью культуры/цивилизации. Между двумя этими плитами раздавлено Я. Оно, раз возникнув, испытывает это давление с двух сторон, по причине того, что, выделившись, сделав усилие в культуре, теперь уже противопоставило себя двум стихиям: природе и цивилизации. Протест Я выливается в непреднамеренно/непредсказуемые техногенные катастрофы, в преднамеренно/непредсказуемо-предсказуемую ненависть к цивилизации, в исподтишка нескончаемую истерию радости конструирования смеха смерти (детская шалость превратить дамскую пудру в «порошок» по «отмыванию» собственной замусоренной не ассимилированными и навязанными формами, ищущей покоя жизни – защитная реакция Я, отправляющего в конверте псевдосмертельное послание к конкретному никому, как смертельное неконкретному самому себе, или, что то же, смех шахидической смерти в своем исступлении уносящей жизни тех, кто не знал искупления). Все это есть магия нового времени, т.е. вполне реальная виртуальная потребность стереть последнюю черту, отделяющую смерть от жизни: смерти больше нет, поскольку граница размыта – граница виртуальна. Сбылась мечта философа (!): смерти больше нет, как впрочем, нет и жизни. Вместе со смертью Бога, не иудео-христианско-мусульманского (авраамической традиции), а Бога поэтов и философов, постепенно, но перманентно вымирает история **вместе** с автором. Ниша – это почти, или больше, чем мир-пещера магического типа культуры: это **гештальт современного порядка вещей – Интернет**. Здесь, почти как в античности, нет истории, и это лучшее, что может быть. «Новая хронология» – это новая наука. Точка сингулярности и коллапс – это новое богословие. Нейро-лингвистическое программирование – это новая мораль. Техника – это новая магия. Идеология – это новая религия. Интернет – это новое искусство. Независимость и право – это новая литература. Терроризм – это новая экономика. А фишка есть новая философия культуры, надлом жизни.

Гуманитарная формула культуры/личности Г. Зиммеля гласит: культура есть путь от замкнутого единства через раскрытое множество к раскрытому единству [9, 447]. Это путь творчества, продуцирующего новые формы, это религия творчества. Современное состояние вещей ограничивается тем, что усваивает прежние формы, обретая нишу, но не ту единственно возможную форму, в которой дух может найти покой. Пристанище или убежище не могут удовлетворить дух в силу отсутствия полноты. Это временные ристалища. Здесь нет ощущения вечности в духе формы, того незыблемого должностования, несомненной необходимости, которое в ощущении только и может себя раскрыть. Раскрытое множество требует сегодня прибежища, т.е. закрытой индивидуальности, сокрытой в нише и играющей в фишки. Рассмотрим внимательнее формулу Г. Зиммеля.

Субъект должен пройти путь через объект к самому себе, не умирая в объекте. Только так он обретает культуру, заполняя сосуд живительной жизненной влагой, вылившись в объект с тем, чтобы его самостоятельная жизнь оставалась жизнью субъекта: чтобы замкнутый круг субъекта всякий раз размыкался в новую форму, отдавая себя миру и отпуская себя/его в культурном обмене свободного творческого мироположения. Застывший в объекте дух в лучшем случае обретает навык, умение, воспроизводит самого себя, и, истощившись, умирает в своей форме: живительная влага «зацветает», потом плесневеет, в конце концов испаряется, и на дне сосуда остается лишь грязная истлевшая пелена-майя. Правда, там, на каком-то этапе, может возникнуть примитивная жизнь, но это будет понижение ее духовного уровня, а не возвышение на более высшую ступень. Застывший в объекте дух не разворачивает сокрытые творческие потенции, коренящиеся в глубине и всякий раз пополняемые и подпитанные новым соприкосновением с неизведанным материалом, который необходимо организовать по образу и подобию «самого себя», т.е. на основе того, что уже есть. Того себя, в котором прежние формы становятся «почвенным удобрением», вскармливающим рост. Эта морфоло-

гия духа и истории настолько неразрывна в своем движении, что стоит духу устать от своего движения, наступает конец истории. Она пробуксовывает в росте, и тогда грязь отмирающих форм налипает на колеса истории, и выживший из ума мотор движущих/творческих потенциалов глохнет от переизбытка собственных вращательных движений, направленных на самого себя. И еще есть горючее/энергия, но уже нет и не может быть сил, поскольку они не получают своего истинного разрешения и развития в начале брожения, из которого развивается следующая, высшая жизнь, следующий шаг движения, им негде и не в чем приложить себя, силы обращаются вспять, свертываются, и брожение начинает все сначала. Необходимо отметить, что начало – это не есть одна точка развертывания, их множество, которые, сосуществуя каждая в своем времени, разворачиваются и свертываются по неведомым законам их судеб. Таким образом, начало задается условиями, которые не поддаются рациональному осмыслению. Линия судьбы и линия каузальности не существуют и не могут существовать параллельно, они пересекаются всякий раз в том смысле и в тот момент времени, когда останавливается движение. Лишь только совершается эта редукция, останавливается жизнь. Начало движения по беспрепятственному продуцированию жизни, развертыванию ее габитуса/формы, задается условиями, которые не приемлют рационального осмысления, поскольку последнее выхватывает из контекста морфологического поля отрезок лабораторного пути, граничащего в своем возвеличивании с космическим разломом, грозящем взорвать само морфологическое поле изнутри с помощью стимуляции побочного действия («естественный разум», продуцирующий техногенные формы). Это – отсыхающая ветвь. Здесь разум оказывается таким же стопором на пути движения, каким оказывается «чувство», утратившее соки жизни в своем переживании объекта, который должен быть ассимилирован субъектом как целостным организмом. Так, в нашем примере, «дорогу осилит идущий», стряхивающий прах со своих сапог, или соскребающий грязь с колес истории, и, может быть, подталкивая собою ее машину, человек – Человек, в своих творческих силах придающий машине-истории новое движение, новый бросок, а не тот, кто будет испытывать ее, подливая горючее до тех пор, пока оно не закончится, или модернизируя механизм, остановившись на полпути... Так рационализм и каузальность коррелируются с переизбытком и «утонченностью» (Г. Зиммель) форм, с одной стороны, а с другой – с невозможностью быть в форме духа, поскольку последняя становится нишей, где утопают все силы, не получая дальнейшего его развития.

Но беспокойство духа, связанное с его неудовлетворенностью формами, пожалуй, залог того, что может дать выход.

Все имеющие, но ни чем не обладающие виртуальные «подростки» современной фишки-культуры не в состоянии ассимилировать конгломерат ненужных вещей, но они будут вынуждены это сделать. Формула францисканцев: ничего не имеющие, но всем обладающие – снятая форма духа. Обе они вскрывают в себе парадигму универсального целого Л. Дешана: – **все** и **ничто** одно и то же [10]. Возможен новый алгоритм: нечто имеющие и всем обладающие.

Н. Федоров в статье «Музей, его смысл и назначение» говорит, что религия всегда обладала способом сохранения и восстановления мира [11].

Но что есть религиозный способ сохранения и восстановления мира?

Р. Барт констатировал десакрализацию Автора: «Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочтаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников». Писатель уподобляется переписчику, «он может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; в его власти только смешивать разные виды

письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них; если бы он захотел выразить себя, ему все равно следовало бы знать, что внутренняя «сущность», которую он намерен «передать», есть не что иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов, и так до бесконечности» [12, 388–389]. Присвоить тексту и Миру-как-Тексту Автора в современной социокультурной ситуации – это значит наделить его окончательным значением, замкнуть письмо, «как бы застопорить текст», – пишет Р. Барт, который отныне называет автора скриптером. В многомерном современном письме «все приходится распутывать, но не расшифровывать; структуру можно проследить [...] во всех ее повторях и на всех ее уровнях, однако невозможно достичь дна; пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улечивается, происходит систематическое высвобождение смысла. Тем самым литература (отныне правильнее было бы говорить – письмо), отказываясь признавать за текстом (и за всем миром как текстом) какую-либо «тайну», т.е. окончательный смысл, открывает свободу контртеологической, революционной по сути своей деятельности, так как не останавливать течение смысла – значит, в конечном счете, отвергнуть самого бога и все его ипостаси – рациональный порядок, науку, закон» [12, 389–390].

Поскольку «текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора», то вся эта множественность должна фокусироваться «в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель». Таким образом, Р. Барт добавляя недостающее звено в логическую цепочку развития идеи Бога: от ее смерти к смерти Автора, который, узурпировав право личности говорить от «самого себя», не учитывая того обстоятельства, что сама личность есть текст, включает в себя конгломерат языков, пластов смысла и уровней понимания, тем самым возродил читателя: «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [12, 391]. Читатель – это такая открытая система, которая предстает непосредственности текста и мира-как-Текста в непосредственности чувства бесконечного и вечного как «некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст» – «текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении» [12, 390]. Такой Читатель должен иметь нечто, чтобы всем обладать: это нечто – видеть бесконечное в границах конечного [12, 78].³

Перепроизводство культурных форм должно быть ассимилировано через их воспроизводство: оно происходит сейчас через комбинаторику форм, например, в искусстве.⁴ Оно происходит в реорганизации мирознания путем его клиповой организации: целостность, достигнутая таким путем, требует новой формы, но реальная форма состоит из рационально связанных осколков мертвых форм, мертвых в силу их рациональной связанности. Здесь используется творческая энергия форм, но не потенциальная энергия творца, ее и нет: она либо утопает в нише потребности и ждет своей смерти, либо разбрасывается бисером, собирая который, человек не собирает себя. Разомкнутого единства не получается, есть только разомкнутое множество, среди которого можно только найти прибежище, но не найти себя. Эта отчужденность должна привести к ограничению форм: насыщенный раствор жизни перешагнул порог насыщения, а, значит, требует выплеснуть излишки. Сегодня они выплескиваются в противостоянии культур. Нет, точнее, с одной стороны, религии, принявшей форму реактивной защиты

³ Не вдаваясь в детали, необходимо привести сентенцию из С.Л. Франка: «В религии интересен не объект, отрешенный от сознающего и чувствующего субъекта, а неразрывная связь того и другого в самом переживании; и потому ее догматы суть описания содержания самого переживания, а не теоретические истины о вещах вне эмоционального отношения к ним» [14, 26].

⁴ Но религия требует восстановления [11]. Ср.: «Высшим восстановленным единством знания [всегда] была религия» [13, 74].

(фундаментализм) от ошеломляющего давления цивилизации и культуры, с другой, принявшей форму шпенглеровского срыва и ставшей цивилизацией, ищущей религии (экуменизм). Фундаментализм есть рациональный способ сохранить культуру. Экуменизм – рациональный способ сохранить цивилизацию. И то и другое – идеология. Но всем нужна новая религия в том окончательном и сущностном смысле, который за ней только и можно закрепить: должно из несвязанного возникнуть нечто одно, а для этого все имеющееся должно окончательно рациональным образом не связаться, чтобы свернуться, чтобы в «чувстве» восстал наисильнейший психологический фактор, тот гештальт-эмбрион, в котором будет вызревать новая культура. Так было всегда и так будет. Этот психологический фактор должен собрать вокруг себя атомизирующее человечество на основе не принципа, не идеи, а состояния, которое единственное, что может сказать о себе – это то, что оно состоялось. Должен запуститься обратный процесс – от атомизирующей в своем бытии рациональности к сродству, но уже не избирательному, а нашедшему себя у последней черты спонтанно сущему.

И здесь и там столкнулись иррациональные интересы, направленные на преодоление противоречий, разрешить которые может только глобальная катастрофа нового рождения, в своих позывах уже проявившая суть проблемы, но еще не достигшая того апогея, после которого должна разрешиться от бремени новая картина мира.

Литература

1. Фромм Э. Психоанализ и религия. / Сумерки богов. М.: Политиздат. 1990.
2. Фромм Э. Психоанализ и религия. / Фромм Э. Иметь или быть? М.: 1990.
3. Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. М.: Мысль. 2003.
4. Ницше Ф. Антихристианин. / Сумерки богов. М.: Политиздат. 1990.
5. Ницше Ф. Антихрист. / Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1990.
6. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство. 1994.
7. Лютер М. Избранные произведения. СПб: Андреев и согласие. 1994.
8. Шестов Л. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Наука. 1993.
9. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: «Юрист». 1996.
10. Дешан Л. Истина, или истинная система. М.: «Мысль». 1973.
11. Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: «Мысль». 1982.
12. Барт Р. Смерть автора. / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: 1994.
13. Шлейермахер Ф. Речи о религии. / Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб.: «Алетейя». 1994.
14. Франк С. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера. / Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб.: «Алетейя». 1994.

НАРОД УСОБИЦЫ РЫСА

А.В. Репин

Иван, родство вспоминающий

Осмелимся вынести на суд просвещенного читателя статью студента II курса ИФФ А.В. Репина, содержащую в себе оригинальное обоснование тотемистической гипотезы происхождения названия Руси, России, русского народа.

Дерзость данной публикации оправдана целым рядом обстоятельств. Прежде всего, этимология топонимов и этнонимов «Русь», «Россия», «русский» до сих пор составляет проблему, не нашедшую в науке однозначного и безапелляционного решения. Эти слова восходят к глубокой древности, и если, не будучи еще именами собственными, они имели и какие-то иные трактовки, то уже в эпоху образования Киевской Руси их первоначальные смысл и значение были забыты.

С незапамятных времен вопрос о происхождении названия нашего государства и народа не носил чисто умозрительного характера. Он был связан с политической и этнической самоидентификацией русских и неизменно интересовал отечественных исследователей. Предполагались славянские, древнерусские, тюркские, финно-угорские, шведские и прочие варианты возникновения имени, традиционно связываемого с древнейшими восточнославянскими государствами и этносами. Летописцы, ученые, государственные и общественные деятели высказывали и высказывают в связи с этим многочисленные и разнообразные точки зрения, которые можно сгруппировать в несколько подходов, не поддающихся дальнейшей интеграции.

Исследователи, настаивающие на славянских корнях происхождения слова «Русь», как правило, привязывают его к известным топонимам, чаще всего, – к названию правого притока Днепра Рось (Ръсь). Иногда они апеллируют к праславянскому слову «руса» (река), вспоминая, что восточные славяне всегда ставили свои города на реках и делая вывод о том, что этноним «русы» или «руссы» издревле означал «живущие на реках», «речной народ». Ф. Кнауэр, обращаясь к древнему имени Волги («Ра»), считает, что имя народа «Русь» означает не что иное, как «приволжский народ». Не исключают общего происхождения слова «русь» и с другими топонимами (например, Старая Русса).

Некоторые авторы указывают на цепочку: «улус» – «урус» – «рус», поднимая вопрос о происхождении названия «Русь» от слова «рус», или тюркского «улус», означавшего часть Монгольской империи. Исследователи, полагающие, что название «Русь» стало результатом славяно-финно-скандинавских языковых взаимодействий, настаивают, что первоначально оно являлось социальным обозначением, связанным с понятиями «войско», «дружина», «вооруженное ополчение», и лишь к началу XI в. приобрело этническое и государственно-территориальное толкование.

Историк и географ В. Паранин обратил внимание на древнюю восточно-европейскую систему ориентации в пространстве, в которой юг обозначался красным цветом. В карельском эпосе «Калевала» повествуется о том, как южная часть древней Карельской земли обособилась от северной и взяла себе новое имя, связанное с ее географическим положением, т.е. «южная», «красная», «ruskej»-«русь». Это территория нынешнего Карельского перешейка.

Мы привели лишь некоторые, наиболее известные, гипотезы происхождения названий «Русь», «Россия», «русский». В научной, научно-популярной, публицистической литературе их гораздо больше, и каждая из предлагаемых версий в той или иной степени вероятна, однако истинность ни одной из них научно не доказана. Решение означенной проблемы может осуществляться как по пути выстраивания строгой аргументации имеющихся уже подходов (в том числе, за счет поиска и приведения вновь от-

крытых исторических фактов), так и посредством выдвижения и обоснования новых версий. В связи с этим публикация проведенного А. Репиным в рамках тотемистического подхода исследования становится вполне оправданной.

Несомненным достоинством автора является самостоятельность его позиции, кропотливое изучение значительного числа научных и научно-популярных источников (лишь часть из них указана в списке использованной литературы), стремление сформулировать свою гипотезу в рамках междисциплинарного подхода, на стыке языкознания, истории, географии и даже зоологии.

Является ли аргументация исследователя логически безупречной? Сказать по правде, в этом отношении она едва ли выгодно отличается от рассуждений его предшественников. Большинство выводов статьи делается на основании неполной индукции или по аналогии, что, как известно, не гарантирует достоверности заключений. Автор юн и потому дерзок, азартен и рьян. Он решительно ниспровергает с насиженных мест авторитеты, безоглядно бранит историков и лингвистов за леность и нелюбопытность, смело выдвигает собственную гипотезу, которую... столь же легковесно, с точки зрения формальной логики, обосновывает.

И все же будем великодушны к нашему дебютанту. Молодость – это тот «недостаток», который, к сожалению, естественным образом проходит у всех. А вот глубокий интерес автора к истории своего народа, страны, государства, трудоемкий поиск собственного ответа на «вековечный» вопрос о происхождении их названия, стремление решить эту проблему в широком историко-культурном контексте не могут не вызвать уважения к нему.

Результаты проделанного А. Репиным исследования не являются истиной в последней инстанции; они дискуссионны и публикуются здесь, чтобы привлечь внимание читателя к одной из не написанных еще набело страниц истории русского народа и России, а может быть, и пригласить его, читателя, принять участие в обсуждении затронутой автором темы.

Верно ли, что Иван родства не помнит? Иван стремится его вспомнить. Иван его ищет.

Итак, осмелимся представить...

Н. Свечникова

Прав был Пушкин: мы, русские, ленивы и нелюбопытны. Иначе как объяснить тот факт, что вот уже три века историки, этнографы, лингвисты неспешно переругиваются о происхождении слова «Русь», а ясности в этом вопросе до сих пор нет?

Сторонники норманнской гипотезы ссылаются на «Повесть временных лет», прямо указывающую на призвание варягов-русов. Но последние не были чужаками. Новгородцы звали именно родича, чтобы передать власть по прервавшейся линии Гостомысла. Недаром же «реша **руси** чудь и словени и кривичи и вси...». Русы и словене решили призвать на княжение соплеменника, породнившегося с их князем.

Гораздо раньше, еще до появления Рюрика, на юге, в Причерноморье, русы уже были известны как коренное население. Правда, южная гипотеза тоже не устраивает лингвистов. Они считают, что слово «Русь» не имеет восточного, тюркского, происхождения, поскольку у тюрков буква «р» не может стоять в начале слова. В связи с этим перед ней добавляется гласная буква, например, «урус» – русский. Однако такая логика не учитывает возможности исчезновения начальной гласной.

Одни ссылаются на топоним – речку Рось в Поднепровье; другие возражают, что в ранних летописях река называется «Рьсь», а окрестные жители – «порьшане», а не «русы». Выходит, и эта гипотеза беспочвенна.

Попробуем внести свою скромную лепту в затянувшийся спор.

Имя восточных славян звучит различно у разных народов: русы, россы, расены... Почему? Возможно, это объясняется тем, что в языках, на которых писались древние греческие, византийские, германские, скандинавские и арабские тексты, не нашлось нужной буквы. Но вот какой? У, Ё, Ю, Я не подходят – они легко передаются двумя буквами: YE, YO, YU, YA, а вот Ы...

Возможно, не Русь, не Рось, а Рысь? Племя Рыси. Народ тотема (или, по-славянски – усобицы) Рыси. Это название не сохранил сам народ. Быть может, потому, что никто из иноязычных соседей не мог повторить, кто ты, если назваться Рысью? А может быть, это просто результат чередования гласных: ведь в русском языке есть чередование Ы-У: был – буду, слышать – слух, дыхание – дух. Возможно, Рысь исчезла потому, что языческие летописи у нас не сохранились, а первые церковные летописцы начало русской истории переписывали с византийских источников, и Ы не вошла в эти тексты. Не исключено (и наиболее вероятно), что всякое упоминание о языческом прошлом монахами-переписчиками просто удалялось.

Такое предположение звучит вроде бы убедительно. Название должно быть очень древним, ведь даже в античное время греческие историки уже называли племена по месту проживания, например, Спарта – спартанцы, Иллирия – иллирийцы. Однако есть в этом предположении и очевидная неувязка: народ Рось (у арабов Русь) впервые упоминается в византийских и арабских источниках как жители причерноморских степей; да и туда эти племена пришли, скорее всего, из степей Азии. Трудно представить, что лесные жители вдруг откочевали в степи, под удары конных степных народов. А рысь, как известно, кошка лесная, в степях она не водится.

Однако в царском указе Алексея Михайловича об учреждении герба Пскова упоминается рысь, хотя почти в то же время в других документах этот же зверь зовется барсом. Не мог имевший свой зверинец, охотничьи угодья и заповедники царь всея Руси перепутать коротколапую и почти бесхвостую кошку северных лесов с изображенным на гербе длиннохвостым барсом. Может быть, раньше рысью звали и барса, и любую другую крупную кошку? Например, поляки тигра называют «тигрыс». Тогда и барс – это барыс, или большой, великий, может быть, даже священный рыс. Что же за зверь скрывался тогда за названием «рыс»? Очевидно, он должен был жить там же, где формировалось племя Рысов.

Кошка, очень похожая на барса, но меньшая по размерам – гепард. Он отличается от барса более высокой скоростью бега, преследованием добычи гоном, а не из засады. Гепарда очень легко приручить. Брэм пишет, что не знает случаев нападения гепарда на людей. Дикая гепарды когда-то жили по всей Юго-Западной и Центральной Азии – от пустынь Аравии до Ганга и от степей Центральной Азии до Иранского нагорья. С прирученными гепардами охотились индийские раджи, иранские шахи, армянские государи и киевские князья.

Гепард - рыс? Весьма возможно. И не просто рыс, а барыс («большой рыс»), великий не своими размерами, а святостью, сакральностью. Сохранились сведения о почитании этой кошки в период проживания русов в Причерноморье. Мы с детских лет знаем, как выглядели языческие святилища Руси:

«У Лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...»

Вероятно, именно о таком капище Священного Рыса сообщают путешественники первого тысячелетия н.э., описывая священный дуб русов на острове в устье Днепра (т.е. у Лукоморья). Возможно, в честь боруся названа высочайшая вершина Кавказа, Эльбрус (Эль-Борус), так же, как соседняя вершина носит имя другого древнего тотема

– Гуся-Каза (Каз-бек), которого почитали некоторые племена древних тюрков (каз-ак у казахов, например – «гусь белый»).

Подобные свидетельства возможны не только в гениальных переработках русских былин и сказок, но и в повседневной речи. В древней Руси существовал звательный падеж, сохранившийся сегодня только в церковной службе, например, в обращении «Господи!». Он предписывал обращаться к барысу-тотему: «Барысе!» Со временем слова стираются от постоянного употребления, забывается их первоначальный смысл. И вот к своей домашней кошке мы обращаемся уже с укороченным повседневным «брысь!», не задумываясь о происхождении и высоком начальном значении этого слова.

Поскольку русы и казахи с незапамятных времен тесно соседствовали, логично было бы поискать в казахском языке древнее обозначение русских. Оно и сейчас осталось прежним: «орыс». Вспомним, что у тюрков «р» не может быть первой буквой слова. Значит, «рыс»?

Однако одно слово может быть просто совпадением. Но «жолбарыс» у казахов – тигр, «орыстан» – лев. Если казахи хорошо знали русов, может быть, память о последних хранится в тюркских топонимах. Поиск в Интернете сразу же привел к реке Арысь, притоку Сыр-Дарьи. Там же, чуть севернее, находится соленое озеро Арысь. Карты средневековой Центральной Азии, Семиречья, оказались еще интереснее: напротив устья Арыси располагалось государство Уструшана. Возможно, Усть-Рушана или Усть-Русана?

Вдоль Арыси – цепь курганов. Недавно начатые там раскопки сенсационны: в могилах с труположением европейского типа – светловолосые двухметровые воины с двумя косами – как у средневековых викингов, с мощными сложносоставными луками.

Итак, поиск привел нас из Восточной Европы в Центральную Азию. Поищем другие слова, связывающие Русь и Уструшану, Уструшану и соседние государства – Шаш (по течению Арыси) и Согдею (на западе). Есть у донских, кубанских и терских казаков интересный обычай: заимствованные в казачью амуницию вещи называть по имени того народа, у которого они увидели ее впервые. Ногайская плеть – нагайка, черкесский кафтан – черкеска... Похоже, у своих древних соседей они позаимствовали шашку – главное оружие казака. Но – долгий путь от Центральной Азии до Дона и Днепра. И где-то там, в глубине веков, расположено легендарное Беловодье русских былин. Каспийское море имеет множество названий, и одно из них – Ак-Дениз, или Белое море (у народов Востока Западу соответствует белый цвет). Не на этом ли пути через Персию почерпнул наш народ удивительные сказки о царе Салтане и Шамаханской царице? Правда, местность эта в Персии называлась Шемаха, но в те времена правил написания слов не существовало, и они писались так, как слышались.

Как слышится, так и пишется – по этому принципу и сейчас построено правописание одной из восточнославянских стран – Беларуси. Интернет захлебывается в поиске после набора слов «барыс Белоруссия»: у белорусов Барыс – до сих пор одно из любимых личных имен (как и Борис у русских, хотя лингвисты до сих пор почему-то считают, что имя Борис – неясного происхождения).

Если считать, что чередование гласных у тюрков подчиняется какому-то правилу, то паре «батыр-боотур» (богатырь) должна соответствовать пара «барыс-борус». Недалеко от Беларуси, на побережье Балтики, существовала Боруссия, рядом с ней и Белоруссией – Пруссия (Поруссия?). Русы жили и дальше: Рюрик родом из Ютландии (современная Дания). Дальше: Брюссель или Борусль? Ла-Рошель? Руссильон? Барыселона?

Критики могут осудить подобные предположения. Но фантазировать – так до конца: король Артур может быть искаженным Яр-Тур (сравним: наш Буй-Тур Всеволод). Если написать прозвище другого короля – Ричарда Львиное Сердце – как Рысье Сердце, латиницей и слитно, получится RicHeart. Такое непонятное англичанам имя

пришлось бы еще раз перевести на староанглийский и перевод добавить к имени как прозвище. А имя его любимого рыцаря на староанглийском раньше писалось Ivango-Айвенго или Ivanko-Иванко? (Или все же рысаря – героя, способного выйти на поединок с рысом?). Итак, русские рысари в Англии, Франции, Испании... Фантастика?

Но во всех этих местностях на гербах изображены барсы – барысы, у всех барсов одинаково поднята правая лапа, у всех поднят и одинаково изогнут хвост – в точности так же, как на древних монетах государства Устрашана и соседних Согдеи и Шаша, древней Персии и современного Ирана. Как на старых монетах Москвы, Твери, Пскова, современной Чехии, Болгарии с ее еще недавними царями Борисами... Ак-барс – белый барс – изображен на гербе Татарии, жители которой еще в XIX в. называли себя волжскими булгарами; барс – на гербе Осетии.

Монеты Пскова и Твери XIV в.

Барс или гепард? Зоологи со знанием дела критикуют изображения этих барсов на современных гербах: у барса – короткая шея, он просто не может так высоко поднимать голову; так призывно задранный хвост означает одно из двух: либо барсу нужна подружка, или ему срочно нужно в туалет. При этом они забывают, что герб построен на основе древних изображений, когда мужская сила считалась одним из основных достоинств любого индивидуума, а гепард, в отличие от барса, имеет длинную шею, которую он может высоко поднимать, разглядывая в высокой траве дальнюю добычу. Да и на гербах Европы, пестрящих львами, те из них, морды которых повернуты в фас (например, датские, голштинские, шведские, древнеанглийские короля Артура, нормандские и многие другие) зовутся в геральдике не львами, а львиными пардусами. Пардус – это барс, львиным он называется потому, что у самцов гепардов, в отличие от барсов, есть небольшая гривка, делающая его силуэт немного похожим на львиный.

Гербы Дании, Нормандии, Бельгии

Значит, и Западная Европа была населена когда-то людьми усобицы Рыса-гепарда. Давно. Еще на этрусских мозаиках найдено изображение гепарда, причем перевозимого на коне – видимо, до места охоты. Выходит, охоту с рысом можно от времен индийских раджей, персидских царей и киевских князей отнести еще на тысячелетия назад.

Первые же упоминания о почитании гепарда найдены при раскопках древнейшего известного на Земле крупного поселения – Чатал-Гуюка (Малая Азия), развалины которого датируются 6–7 тыс. до н.э. В раскопах обнаружили лепные изображения богини-матери, по сторонам кресла которой расположились два гепарда. Известно, что живые гепарды охраняли гораздо позже трон персидских царей, а последние известные автору львиные пардусы их бронзы украшали парный трон русских царевичей Ивана и Петра Алексеевичей.

Как гепард мог стать священным животным, покровителем рода? Гепард – прекрасный охотник, развивающий невероятную скорость, легко догоняющий и задирающий антилопу, козу, других некрупных животных. Но утащить их он не может – все-таки не барс. Отстоять добычу в открытой схватке с человеком, вооруженным хотя бы палкой, тоже не может. Так гепард стал снабжать род мясной пищей. А животные белки – это сильные воины, здоровые женщины, крепкое потомство, это огромное преимущество перед соседними племенами. Есть отчего молиться на такого покровителя рода, беречь его детенышей, поддерживать в период бескормицы и даже доставлять к месту охоты.

Известно, что у хаттов, проживавших в Малой Азии, гепард назывался КАПРАС. Корень КАП сохранился в русском языке в слове КАПИЩЕ – священное место. Священный рыс? Полная аналогия русского БО-РУС, БА-РЫС, где первый слог означает ВЫСШИЙ (бо-ярин, бо-гатырь, бо-г). Значит, гепард был священным животным, тотемом жителей Малой Азии, по крайней мере, 8 тыс. лет назад. Неизвестно, называли ли они себя русами. Но государство Русена на территории Малой Азии позже существовало. А вот самоназвание этрусков – расены – уже прямо говорит об их принадлежности к общности рысов. Известно, что этруски пришли на Апеннинский полуостров после падения Трои.

Здесь следует отметить, что многие сохранившиеся названия исторических народов не совпадают с их самоназваниями. Например, что может обозначать название ХАТТЫ? В латинском существовало слово КАТТА – крупная хищная кошка, например, катта-пардус – барс. Сейчас в Италии произносят ГАТТА, но подразумевают то же. Никакая другая буква не видоизменяется так просто, как К-Г-Х и даже (Х), просто как придыхание перед словом (так от Каз – Хаз остался Ас). Возможно, Хатты – это те же Коты – Рысы. А Готы? Тогда знаменитое «Майн Готт!» - «Боже мой!» - может просто означать «Мой Тотем, мой Кот!». А в русском появился «Кот ученый» - дрессированный гепард. И знаменитые катафрактары (бронированная конница гуннов, как нож сквозь масло, прошедшая Европу до Рима) – это катта-фрактары, рысы-разрушители.

Историки считают, что после поражения Трои потоков миграции (руссов?) было несколько: в частности, называют Англию, район Темзы, племя триноватов (Новая Троя). И монеты периода начала нашей эры, найденные в этой части Англии, подтверждают то же – на некоторых из них изображен рыс. Троя контролировала Босфор и международную торговлю через пролив; этруски контролировали узкий проход между Ардиатикой и непроходимыми Альпами; пришедшие в Англию оседлали Ла-Манш; те, чьим именем названы Бар(ы)селона и Руссильон, контролировали Гибралтар; вплоть до завоевания Испании маврами местные военачальники нередко носили чисто русские или немного латинизированные имена – например, Теомир (от русско-славянского Богумир). Русы контролировали Керченский пролив Черного моря, которое не зря, видимо, называлось Русским. Последние сведения о русо-славянах Боспора – княжество Тмутаракань (Тму-Тархан – Десятитысячная Вольница?). Это – на «Острове Русов». Проливы Каттегат, Скагеррак, устья практически всех крупных рек, использовавшиеся как торговые пути: Днепр, низовья Дуная, Дон, Кубань, Терек, Лаба, Одра, Прегель. Позже – Западная и Северная Двина, Нева, Ока, Волга. Значит, основной промысел русов-рысов – лоцманские услуги в сложных для прохождения узких местах, портовое

обслуживание купцов, включая принудительное покровительство. Правда, к этому времени они – уже не племя, а социальная общность, многонациональный и многоязычный союз, всегда (от Трои до России!) открытый для других племен. И везде – монеты, гербы, географические названия с упоминанием гепарда (львиного пардуса).

По крайней мере, в первой половине первого тысячелетия н.э. на территории степей и предгорий Северного Кавказа существовало государство Русколань (Рус-алань – Русское поле, или, возможно, Рус-кала – русская крепость /тюрк./).

Одни из самых массовых находок скифского периода (а скифов древние авторы размещают на этой же территории, хотя жили они, по современным данным, в том числе археологическим находкам, от Дуная до Алтая) – изображения крупной кошки, которую историки считают пантерой. Изделия скифского звериного стиля – это, возможно, родовые знаки усобиц. Кроме рыса, часто изображен горный козел – тур (тюрки?), и змея – наг (нагайцы, позже переименовавшиеся в ногайцев (тотем собаки), но сохранившие в обрусевших фамилиях «а» в корне самоназвания – Нагие, служившие Ивану Грозному), и сокол-рарог (Рюриковичи). Так что рыс не был единственным тотемом на территории Евразии. Но он, похоже, был самым древним, возможно, восходящим к временам легендарной Атлантиды. Как иначе объяснить, что именем тотема назывались горные пики не только в Евразии (хребет Борус на Алтае, гора Эльбрус /Эль-Борус/ на Кавказе, хребет Эльбурс в Персии, гора Рысы в Польских Татрах), но и в лежащей на другой стороне Атлантики Мексике (вулканы Орисаба: Арыс-аба – Рыс-отец или Арыс-апа – Рысоматерь)? Напомним, что в Латинской Америке распространен культ ягуара, а гепард не водится.

Где можно найти упоминания о тотемном прошлом наших предков? В первую очередь, в эпосе, в былинах и сказках. Барсовая шкура Ясона, парная упряжка гепардов, носившая колесницу бога виноделия Диониса (известно, что именно фракийцы-скифы-русы всегда славились невоздержанностью к вину). Власть троянцев в Древней Греции называлась АРЫСтократия. Вспомним «Витязя в тигровой шкуре» (барсовой, в иных переводах), древнюю русскую народную сказку о диковинном быстроногом звере по имени Арысь-поле, в которого превращалась героиня сказки. Есть и другие свидетельства, не столь прямые: например, греческий миф о царе скифов Линхе (Linx – рысь во многих западноевропейских языках).

В одной из версий «Задонщины» русские князья названы «кнѣзи рысские», и эта строка могла бы поставить точку в вековом споре историков: «Откуда есть пошла Русская земля».

Культ гепарда оставил неоднозначные следы в православной культуре. На Царских вратах в одном из храмов Суздаля, в самом центре – изображение морды гепарда (а не льва!), о чем однозначно свидетельствуют точки-пятнышки, изображенные на шкуре. «Львы» на Дмитровском храме Владимира больше похожи на добродушных собак: резчик уже не знал, как выглядит гепард, но что похож сразу на льва и на собаку – слышал. А вот в построенной раньше киевской Софии на фресках изображены гепарды на охоте за дикими конями. Позже, в XV–XVIII вв., когда церковь стала решительнее бороться с пережитками язычества, гепард с украшений – церковной резьбы и фресок – перекочевал на иконы, изображающие страшный суд: верхом на гепардах нередко писали грешников, ожидающих геенны огненной.

Вместо монет с рысом-победителем великие князья начали чеканить монеты с человеком, оседлавшим рыса и раздирающим пасть зверя. Но кое-что, к счастью, не было уничтожено Церковью и дошло до наших дней. Официальной религии не удалось окончательно справиться с тотемизмом. Его отголосками были и бронзовые гепарды на троне Петра и Ивана, и уцелевшие до наших дней изображения барсов на стенах палат Кремля, и барсовые вальтрапы конногвардейцев Екатерины II.

Вот как далеко может завести простой, казалось бы, вопрос: почему нас называли по-разному и что все-таки на самом деле означает слово «Русь»?

Литература

1. Денисон Д. История конницы. Кн. 1: Пер. с нем. / Денисон Д.; Ред. Сухомлинов В.А.- М.: АСТ, 2001. 480 с. (Воен.-ист.б-ка).
2. Задонщина. Древнерусская песня: Повесть о Куликовской битве. Тула: Приок. кн. изд-во, 1980. 125 с.
3. Малый атлас мира. / Федеральная служба геодезии и картографии России. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. 351 с.
4. Малый атлас России. / Ред. Г. Миллиньш, Я. Турлайс. М.: РОСМЭН, 1999. 152 с.
5. Матюшин Г.Н. Археологический словарь.. М.: Просвещение, 1996. 303 с.
6. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.: Текст и перевод / Подгот. текста и перев. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова.
7. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Свыше 5000 единиц. / Ред. Р.А. Агеева. М.: Рус. словари, 1998. 503 с.
8. Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М.: Мысль, 1971. 256 с.
9. Пушкин А.С. Поэмы. М.: Детская литература, 1975. 190 с.
10. Шакарим Кудайберды–Улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. / Перевод Бахыта Каирбекова. Алма-Ата: СП Дастан. 1990.
11. Штолль Г.В. Герои Греции в войне и мире: Ист. Греция в биогр.. М.: Алетейа, 2000. 453 с.
12. Энциклопедический словарь: Т.3 / Ред. Введенский Б.А. М.: Сов. энцикл., 1955. 744 с.

ОБРАЗ И СТИЛЬ. МОДА АРТ ДЕКО

Н.В. Филичева

Так бывало уже, что каждая новая мода в XX в. «примерялась» аналитиками на стиль, каждое течение рассматривалось как начало новой стилиевой эпохи. Вспомним модерн или любой другой большой стиль, который «проникал» во все сферы жизни. Пример тому – творчество бельгийского архитектора, одного из лидеров модерна, Анри Ван де Вельде, его собственный дом в Уккле «Блюменверф». Все в этом доме достойно внимания – мебель, содержащая классический набор необходимых предметов (стулья, кресла, столы, буфет), различные резные украшения, светильники, детали, сделанные из меди, картины, повешенные на стены, платье жены, созданное по эскизам художника. Наверное, это один из первых примеров решения проблемы синтеза в модерне, когда оценивать стали не моды и стили, а стиль жизни человека.

Таким образом, то, что раньше историки считали явлением эпохальным, в XX в. приобрело характер «непродолжительного господства», «случайного фактора», присущего модам и подчиняющегося законам формирования, свойственным большому стилю... Мода может зародиться в дизайне интерьеров или орнаментации тканей, затем непременно приобретет характер всеобщей тенденции, охватывающей все стороны жизни человека. Таковы современные законы создания моды и стиля – всеобщность в рамках жизни людей определенного социального слоя. Например, стиль жизни делового человека предполагает набор атрибутов, присущих специфике занятия бизнесом. «Реальное совокупное предложение моды и ее продолжительность заключаются именно в распространенности идеи на все сферы, окружающие человека, т.е. в способности моды стать **стилем жизни**. Мода конца столетия состояла из калейдоскопа образов разных десятилетий XX в.». [6, 27]. Итак, несколько лет понадобилось рожденному в Париже стилю, чтобы «приобрести популярность и превратиться из чисто французского явления во всемирно признанный «символ эффектности» [5, 4].

Арт Деко достиг расцвета между 1925 и 1935 годами. Стиль формировал образ, как ранее уже отмечалось, стиль жизни людей, их манеру одеваться и разговаривать, путешествовать, работать и отдыхать. В его власти находились индустрия развлечений и сферы искусства – его дух чувствовался в кинотеатрах, доходных домах, небоскребах, интерьерах, в узорах драгоценных украшений, в дизайне автомобилей, радио, кухонной посуды, в скульптурах, плакатах, книжных иллюстрациях, в тканях, картинах и, конечно, в моде – все создавалось в стиле, сочетавшем одновременно геометризм, жесткость, ясность, чистый насыщенный свет, с одной стороны, и обтекаемость, грациозность, игривость, простоту и элегантность, с другой.

Дело в том, что мода вообще, ее ведущие художники, такие, как Ж. Дусе, Ж. Ланвэн и прежде всего П. Пуаре и круг связанных с ним мастеров, сыграли большую роль в создании Арт Деко. В 1908 году выходит иллюстрированный тогда еще молодым П. Ирибом альбом «Платья Поля Пуаре», а в 1911 году – еще более впечатляющее издание «Произведения Поля Пуаре» с рисунками Ж. Лепапа (оба мастера станут затем ведущими дизайнерами Арт Деко). Яркие рисунки П. Ириба и Ж. Лепапа вводили новые линии; их стиль, использование сочных красок оказали прямое влияние на декоративное искусство того времени. Сам П. Пуаре «революционным» образом изменил моду: он уничтожил корсет, и тем самым силуэт его моделей сделался прямым и более естественным. Женщина перестала ходить на песочные часы, готовые вот-вот переломиться посередине: линия талии опустилась и значительно расширилась. Это было первое, еще робкое по сравнению с тем, что произойдет после первой мировой войны, но уже явное ее освобождение. Одев прямые и свободные платья-туники, с ярким декоративным рисунком, женщина и в поведении стала более прямой и естественной, менее жеманной и вычурной. Но П. Пуаре не успокоился одним лишь изменением костюма. В

поисках новых идей он объездил Германию и Австрию, посещал школы, выставки, театры, студии и вернулся во Францию, полный решимости открыть свою школу. И в 1911 году П. Пуаре открывает ателье «Мартин», в котором совсем необученные молодые девушки создавали рисунки для тканей, мебели, обоев. Такой необычный метод дал рождение произведениям, полным свежести и живости восприятия, а недостаток технических знаний компенсировался хорошо обученными мастерами, переводившими рисунки девушек на ткани, лишь слегка подправляя их. Из ателье «Мартин» выходили обои, стенные панно, ткани, сплошь покрытые огромными яркими цветами. Так цветы (особенно розы, георгины, маргаритки, цинии), очень декоративные и бесконечно далекие от природных (настоящих), становятся любимой темой складывающегося Арт Деко.

«Роза» Ириба – декоративно-условная версия цветка, далекая от несколько болезненного, с изогнутыми линиями увядающего цветка Art Nouveau. Сам стиль Арт Деко с его сочными красками, россыпями цветов, жемчужин, связками лент, стилизованными изображениями животных и птиц – оленей, голубей, павлинов с гигантскими роскошными хвостами – был, в отличие от томно-изысканного, облаченного в бледно-серые и лиловые тона модерна, жизнеутверждающим и радостным. Недаром во время первой мировой войны «роза» Ириба стала более чем просто декоративным мотивом; она символизировала дух Франции, и это, пожалуй, был единственный символ такого вообще далекого от символов и аллегорий стиля Арт Деко.

И, наконец, 20-е годы выдвигают целую плеяду женщин-кутюрье; их произведения на Выставке 1925 года демонстрировались в Павильоне «Элеганс». Это Мадлен Вьонне, мадам Пакин, сестры Калло, Жанна Ланвен, Эльза Скьяпарелли (сейчас это имена самых престижных фирм в мире моды), в России Надежда Ламанова, которая впоследствии создала методологическую базу всего советского моделирования и, конечно, Габриэль Шанель, рассказом о которой мы начнем наш экскурс в мир «сумасшедших» 20-х годов.

Рис. 1. Габриэль Шанель

Одним из самых значительных образов в моде XX века, создателем нового стиля свободной, независимой женщины стала легендарная Габриэль Шанель. «Маленькая ху-

денькая брюнетка, с глазами цыганки, с видом девочки», она была идеалом женщины того времени. *Femme d'entreprise*, всю свою жизнь она упорно работала как «ремесленник и предприниматель», распространяя собственную манеру одеваться на свою постоянно возрастающую клиентуру. На этом пути ей пришлось скрестить шпаги с самыми знаменитыми кутюрье тех лет, прежде всего с Полем Пуаре. Отнимая одну за другой его клиенток, она «заставляла» их отказываться от неудобных узких юбок, длинных волос и плюмажей. Она упростила флакон духов так же, как сделала это с линией костюма.

Имя Шанель стало легендой, синонимом элегантности и шика, она стала самым ярким модельером стиля Арт Деко. В чем секрет успеха знаменитой француженки, ведь XX век богат именами создателей моды? Ответ на этот вопрос дала она сама: «Я не люблю, когда говорят о моде Шанель. Шанель – это прежде всего стиль. Мода выходит из моды, стиль – никогда». [4, 112]

Жизнь Габриэль Шанель была захватывающей и увлекательной.

Шанель создала моду, которая и сегодня является воплощением современности и элегантности. Под ее влиянием до сих пор находятся все современные французские модельеры. Ее маленькое черное платье перевернуло все в мире моды XX века.

Она любила творить, изобретать, шокировать. Она первой сделала короткую мальчишескую стрижку, ввела моду на загар и отобрала у мужчин почти весь их немудреный гардероб. Она ввела в моду образ «*la garçonne*». Она жила так, как хотела.

«Париж начала XX века – это ли не лучший подиум, на котором развернется парад стиля «шанель»? Этот город уже начал утрачивать неторопливое буржуазное достоинство, причудливую декоративность облика, отходили в прошлое затейливые чепцы и фижмы дам, бархатные обивки лож и кабриолетов, призрачный свет фонарей. Автомобиль и аэроплан, ровное сияние электрических шаров, плавное движение лифта, наконец, дребезжащий звонок телефона, который зазвучал в богатых особняках и о котором Дега отозвался с презрением: «Он звонит, и к нему бегут» [3, 44]. Этими подробностями обильно оснащалась парижская жизнь, изменяя людей, их внешний облик.

Но та, которой предстояло стать одним из символов Парижа, жила не в Париже, а в маленьком провинциальном городке. Когда в 1903 году двадцатилетняя Габриэль поступила в Мулене на службу в трикотажную лавку, она не мечтала о карьере модельера. Юная красавица грезилась сценой. Однако, несмотря на прекрасные внешние данные, больших успехов на подмостках варьете она не достигла. Лишь прозвище Коко, по названию песенки, которую она исполняла, осталось с ней навсегда. Поняв, что сценическая карьера не удастся, она принимает предложение молодого офицера Этьена Бальсана поселиться в горах в его родовом поместье. Попав в аристократический круг, она быстро привлекает к себе всеобщее внимание не только поразительной красотой и грацией, но и непривычной, вызывающей манерой одеваться. «Вкус феи, глаза и голос женщины, а фигура подростка», – говорили о ней [3, 45].

Окруженная многочисленными поклонниками, Шанель бесцеремонно пользовалась их гардеробом – белая мужская сорочка, галстук, брюки-галифе. В таком наряде она совершает конные прогулки, изредка для знакомых делает шляпки, придумывает необычные костюмы, а в 1908 году открывает небольшой шляпный магазин. Вскоре Шанель получает заказы на платье. В основном они шьются из синего трикотажа или черного бархата с воротниками из белоснежного органди – впоследствии этот наряд станет ее фирменным знаком. К Шанель шли, чтобы одеться подобно ей самой: в блайзеры из фланели, длинные трикотажные джемперы, свободные жакеты. Главным критерием становится удобство и практичность, а лучшим материалом – трикотаж, считавшийся до сих пор «бедным», пригодным только для белья. Шанель объявила, что нашла ткань, которая завоюет весь мир, – джерси. В

1914 году она скажет: «Один мир кончился, другой только зарождался. Я была ровесницей века, и он требовал, чтобы я стала выразителем его потребностей в одежде» [2, 142].

Вступив в новую эпоху, Шанель отрезает копну роскошных черных волос и одной из первых начинает носить короткую стрижку. Шанель разгуливает по пляжам Биаррица без зонтика, подставив лицо палящим лучам солнца, – золотистый загар становится предметом культа всех женщин. Высокая, легкая, подвижная Коко являла образ новой женщины.

Коко старались подражать самые красивые женщины Парижа. Они делали короткие стрижки, покупали ярко-красную помаду и черным подводили глаза. Они курили сигареты в длинных мундштуках и ездили загорать в Канн или Ниццу, облачившись в «дорогие пижамы» [1, 19].

Ее внешность свободно сочеталась с понятиями, неизвестными ранее: с яхтой, автомобилем, пишущей машинкой, угловатым абрисом телефона. В те времена, когда начинала Шанель, в парижской моде царствовал Пуаре. Эстет, доводивший до абстракции свою приверженность определенным формам, он бредил Востоком, изысканными линиями восточного костюма, насыщенным цветом богатого декора, затейливым рисунком восточных ковров и набоек. Пуаре снял с женщины корсет, освободив ее тело от жестких костяшек для вольного движения. Однако у него не хватило смелости довериться природе целиком, и он не смог отказаться от стремления сделать женщину выразителем своих концептуальных устремлений. Надо ли говорить, что предложения худенькой черноглазой модисточки, более известной пока что неотразимым очарованием, приковывающим к ней многочисленных поклонников, предложения, не имеющие ничего общего с привычным декоративным способом моделирования, не могли вызвать восторга у знаменитого кутюрье. Нет, он ничего не имел против тенденции нового века выразить одной линией всю полноту ощущений, он тонко чувствовал лапидарность грядущих форм, но укротить свое воображение, подчинить свою фантазию практической реальности – это было оскорблением его эстетизму. И все же Пуаре был вынужден потесниться. После окончания войны Габриэль Шанель, по прозвищу Коко, стала проповедовать простоту, испугав самого модного портного Пуаре, подобно тому как архитектор Малле-Стевенс своими кубистическими постройками так же перепугал Перре, излюбленного архитектора французской буржуазии.

Стиль «шанель» быстро завоевывал Париж. Первой его приняла французская богема. Современники вспоминают, что возлюбленная Аполлинера художница Мари Лорансен имела облик подростка и одевалась в свободной, несколько экстравагантной манере «шанель». Кисти Лорансен принадлежит меланхоличный портрет Коко, в котором, правда, трудно угадать победный путь модели, завоевавшей следом за художественной богемой аристократию и ставшей, в конце концов, символом респектабельности, яркой представительницей нового стиля Арт Деко.

В начале двадцатых годов любимой одеждой парижанок становится длинная рубаша, подпоясанная «а la moujik». Это явное влияние русского национального костюма не без оснований относят к роману Шанель с великим князем Дмитрием Павловичем, племянником Николая II. К этому времени относится и увлечение славянской вышивкой: вышивальной мастерской у Шанель руководит великая княгиня Мария Павловна. В коллекциях Дома Шанель появляется изобилие меховых шуб и манто, причем для их демонстрации приглашаются манекенщицы только русского происхождения. Они необычайно хороши собой и обладают изысканными манерами, ведь представляют лучшие фамилии России. Связь Шанель с великим князем была недолгой, по интерес к России не прошел бесследно. В доме Шанель находили приют эмигранты. В нее был влюблен Игорь Стравинский. На ее средства был по-

хорошен знаменитый русский антрепренер, инициатор покоривших парижан «Русских сезонов» Сергей Дягилев.

1921 год был, пожалуй, самым удачным для Шанель. Именно тогда она выпустила свои знаменитые духи «Chanel № 5». Возможно, свое влияние на это событие оказал и князь Дмитрий, ведь на протяжении веков нигде так не ценились духи, как при царских дворах. Именно Дмитрий устроил Коко встречу с парфюмером Эрнестом Бо, отец которого работал когда-то на императорскую семью. Собственные духи – такого не было еще ни у одного Дома мод, и Шанель решилась на смелый эксперимент. По ее заказу парфюмер разработал две серии образцов смешанных цветочных ароматов. Шанель выбрала образец № 5. «5» – счастливое число Коко Шанель. Она изменила дизайн флакона. В то время в моде были необыкновенно вычурные флаконы — из цветного или матового стекла, с рельефными узорами от Lalique. Но Шанель заказала прозрачный хрустальный параллелепипед без единого украшения, чем-то похожий по форме на русский водочный штоф. Вызывающе простой флакончик с белой этикеткой и черными буквами Chanel произвел фурор. «Chanel № 5» и сегодня, пожалуй, самые знаменитые духи за всю историю модной индустрии. В середине 1920-х годов, точнее, в 1926 году рождается любимое детище Шанель – маленькое черное платье, которое до сих пор остается абсолютным эталоном элегантности. Такое платье, по мнению Шанель, должно исключить соседство любого другого наряда, в котором женщина казалась бы безвкусно «разодетой». Это идеальная мода для деловой женщины, которая выглядит в такой одежде соблазнительной, оригинальной и женственной. Она мечтала сделать его дневной и вечерней униформой. «Скучную» простоту компенсировали идеальные пропорции и крой, изысканные ткани: тончайшие шелка, кружева, тюль.

Рис. 2. Коко на отдыхе. 30-е годы

В 1925 году – новый роман, а с ним и «английский» период. На сей раз руку и сердце предлагает второй по знатности и богатству человек в Англии – граф Вест-

минстерский. Полосатая тельняшка, широкие матросские штаны, берет – в таком наряде запечатлена на фотографии тех лет улыбающаяся Шанель. Это не маскарад. Она путешествует на яхтах и смело вводит в моду полосатые джемперы, грубые твиды и «мужские» клетчатые ткани. Жаннет Фланнер, корреспондентка «New Yorker», отмечала: «Шанель ввела стиль бедных – трикотаж, сделала элегантными воротники и манжеты горничных, косынки землекопов и одела принцесс в комбинезоны механиков» [2, 46]. Но Шанель, кажется, не смущают нападки репортеров, ведь она сознательно творила моду из антимоды. К своим весьма прозаическим нарядам она надевала роскошные бусы из жемчуга, тяжелые «византийские» украшения, массивные кольца из цветных камней. Золото или простой металл, натуральные камни или подделки, – главное, шокирующий контраст со строгим костюмом. Это нововведение не могло не вызвать возмущения чопорных англичан, и все же новая мода прочно входила в жизнь. Покидая Англию, Шанель бросила графу Вестминстерскому: «Пэров много. Шанель одна» [3, 45].

В 1928 году Дом моды Шанель расположился в Париже на улице Комбон, 31. Это пик ее успеха.

Рис. 3. Модели Коко Шанель в 20-х годов

Режиссер и драматург Жан Кокто заказывает величайшему кутюрье костюмы для своих постановок: «Антигона» в декорациях Пикассо, «Орфей», «Рыцари круглого стола». Великий князь Дмитрий Павлович знакомит Шанель с королем Голливуда Сэмом Голдвином. Его планы колоссальны – лучшим стимулом для посещения кинематографа станет возможность увидеть «последний крик» моды, а значит именно Шанель должна создавать костюмы ко всем голливудским фильмам. Но этого мало. Одежда голливудских звезд претенциозна и безвкусна, – считает Сэм Гол-

двин, – отныне не только на экране, но и в жизни они должны носить туалеты «от Шанель».

30–50-е годы – расцвет стиля Арт Деко. В конце 30-х годов в мире моды идет жестокое соперничество. На небосклоне парижской моды появляется новое имя. Итальянка Эльза Скиапарелли поражает Париж эксцентричной театральностью своих коллекций. Каждый показ становится взрывом, сенсацией. «Что ж, надо пожинать плоды, – считает Кокто, – даже Шанель вынуждена повернуться лицом к этим безумным фантазиям... Хотя было бы неверно считать, что барство Шанель завершилось» [4, 115].

Безусловно, нет! В ответ на знаменитый «gose choking» Скиапарелли Шанель создает коллекцию ослепительных «цыганских» платьев. Успех колоссален. Шанель вновь одерживает победу. Вечерние туалеты становятся более романтичными – изобилие кружев, тюля, шелка, в противовес повседневной одежде, почти полностью заимствованной из мужского гардероба.

«Быть гусеницей днем и бабочкой вечером. Нет ничего комфортнее гусеницы, так же как нет ничего более созданного для любви, чем бабочка», – такова формула Шанель [3, 45].

1939 год. Вторая мировая война уже началась. Шанель закрывает свой Дом моды и покидает Францию. Она уезжает в Швейцарию и проводит там четырнадцать лет почти в полном уединении. За это время французы забыли о ней. Их думами владел создатель роскошного стиля «нью лук» Кристиан Диор. Измученные годами лишений и тяжелого физического труда, женщины хотели блистать, мало думали о практичности, свободе движений. Единственное, чего хотелось, – вернуть утраченную женственность: затянуться в корсет, встать на высокие каблуки, надеть платье с большим декольте. Шанель не спешила возвращаться во Францию. Может быть, сработала интуиция – сейчас не время.

Рис. 4. Модели Коко Шанель 50-х годов

Но в 1953 году она вновь доказывает, что умеет предельно точно выбрать момент. «Нью лук» успел надоесть, женщины освобождаются от строгого диктата. «Если эти господа объявляют, что в этом году голова будет маленькой, а у меня большая, должна ли я бросаться в Сену? ...Диор? Это досужие вымыслы на бумаге... Верх платья так же легко сделать, как написать первый акт пьесы. Искусство – завершить ее. Я единственная, кто умеет делать юбку. Мода стала абсурдной, модельеры забыли, что внутри платья женщина. Большинство женщин одеваются ради мужчин, желая им понравиться. Но они должны иметь возможность свободно двигаться, садиться в машину, не порвав при этом одежду. Одежда должна иметь естественную форму», – считает самоуверенная мадемуазель Шанель [3, 46].

5 февраля 1954 года Шанель открывает вновь двери своего Дома на улице Комбон. Зал переполнен. Все ждут откровений, нового, доселе невиданного. Однако она представляет хорошо знакомые костюмы из твида, фланели и, конечно, маленькие черные платья. Пресса в ужасе от нелепой выходки. В газетах мелькают заголовки: «Меланхоличная ретроспектива», «Фиаско»... [1, 12]. Но вопреки ожиданиям, коллекция распродается мгновенно. А после представления второй коллекции журнал «Лайф» сообщает читателям: «Ее влияние распространяется на все, и в свои семьдесят лет Шанель творит не просто моду, а революцию». В действительности никакой революции не произошло. В каждой коллекции непременно присутствовали черные, синие платья с белыми манжетами и воротниками. Традиционный костюм украшался галунами и контрастными кантами, кожаными и металлическими пуговицами с львиной головой. Массивный золотой пояс-цепь слегка спущен на бедра. К сумочке прикрепляется ремешок или цепочка, и носится она теперь на плече. Ведь это так удобно! На голове любимая шляпка-канотье или маленький беретик. В 60-е годы Шанель открывает для себя цвет – твиды теряют классическую серо-бежевую гамму и приобретают нежные пастельные тона. Во время роковой поездки в Даллас в ноябре 1963 года Жаклин Кеннеди была в нежно-розовом костюме «от Шанель».

Рис. 5. Коко Шанель перед показом моделей

Показ моделей Шанель проходил без музыки, без традиционных цветов на подиуме, а в огромном демонстрационном зале с зеркальными стенами и потолком. Она никогда не пользовалась тем, что ее коллеги называли «поэзией моды»: никаких лирических предисловий, никаких разъяснений, платья не имеют завлекательных названий, а манекенщицы не пританцовывают и не улыбаются. У каждой в руке лишь табличка с номером модели.

Элегантность стиля, созданного Шанель, основывается на принципах, на первый взгляд, противоречащих элегантности, – удобстве и практичности. Она и работала прямо па манекенщицах, заставляя их делать резкие движения, добиваясь идеального расположения материала. Красивые, но неприятные на ощупь ткани категорически отвергались. «Юбка сделана для того, чтобы закидывать ногу на ногу, а пройма – чтобы скрестить руки на груди. Мода имеет две цели – комфорт и любовь. Красота – это когда обе цели достигнуты» [1, 16].

Эстетика Шанель органично сформирована ее жизнью. Крестьянка по происхождению, она провела юность в монастыре, и, может быть, генезис ее творчества следует искать здесь: отсюда почтительное отношение к черному цвету, восхищение возможностями белоснежного воротника, изысканная простота, восходящая к аскетизму монастырского ритуала. Однако эти изначальные эстетические константы обогащались впечатлениями богатой приключениями, романтической жизни женщины, вознесенной обстоятельствами на вершину светского Олимпа, – и это делает обманчивым кажущийся демократизм стиля «шанель». В пижаме, в тельняшке, в матросских брюках больше вызова, эпатажа, экстравагантности, чем желания демократизировать моду, ибо «пижама» у молодой Шанель сочетается с жемчугами и бриллиантами. «Маленькое черное платье» кажется простым лишь для непосвященного взгляда. В нем скрыта важнейшая пружина искусства XX века – технология. Шанель одна из первых оценила будущее этого понятия. Она работала с дорогими материалами и пользовалась приемами дорогой технологии, не останавливаясь перед затратами. Сверкание камней на простом платье, роскошь и аскетизм стали особенностью ее стиля. Это стиль шуршащих по гравию черных лимузинов и ухоженных изумрудных газонов. Это стиль безупречных линий и идеальных пропорций, комфортабельного дизайна Ле Корбюзье и геометрического стиля известного ювелира Раймона Тамплие. Подражать Шанель невозможно – в простом нельзя повториться.

Рис. 6. Справа – портрет Коко Шанель работы Жана Кокто и самые знаменитые в мире духи. Слева – модель летнего наряда с рю Комбон и неизменные аксессуары от Шанель

Раздраженные соперники говорили про Шанель, что она создала одну модель и всю жизнь ее эксплуатировала. Однако Дом Шанель процветает, и время не тревожит ее славы. Триумф «шанель» продолжается. Шанель – это не только одежда, это образ и стиль жизни. Его придерживаются те женщины, которые любят мужчин, хотят быть самими собой и дают волю страстям, это образ и стиль свободных женщин.

Литература

1. Весе Сесиль. Безумная Коко. // Лилит № 2 (5), 1994. С. 18–19. № 3 (6), 1994. С. 12–16.
2. Гидель А. Коко Шанель, или Маленькое черное платье. М., 2002.
3. Михайловская О. Коко Шанель: личность, стиль, время. // Декоративное искусство. 1991. № 1. С. 44–47.
4. Моженок Т.Э. Женщина и искусство Art Deco. // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. / Под ред. Н.Н. Калитиной. СПб, 1996. Вып. 5. С. 112.
5. Стерноу Сюзанна А. Арт Деко. Полеты художественной фантазии. Белфакс, 1997. С. 4, 71.
6. Козлова Т.В., Ильичева Е.В. Стиль в костюме XX века. М., 2003. С. 27–28.
7. Иллюстрации: Chanel. Text by Francois Baudot Thames and Hupson. Paris. 1996.

«СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА» П.А.СОРОКИНА И УГРОЗА ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Е.В. Касьянова

Социолог П.А. Сорокин является одним из приверженцев «волновых теорий» развития истории. С работами социолога перекликаются концепции «вызова-ответа» А.Тойнби, «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, «третьей волны» А. Тоффлера и др. Согласно представлениям П.А. Сорокина, история развивается в ритме колебаний, флуктуаций, и одна политическая, культурная система циклично сменяет другую. Довольно интересным представляется вопрос, какое место культура тоталитарных обществ XX в. занимает в философской и культурологической системе П.А. Сорокина, и неизбежно ли история от либерализма переходит к тоталитаризму и террору.

Спорным также является вопрос, к какому типу следует отнести культуру, существовавшую при режиме фашизма. С одной стороны, в культуре подобного типа многое определялось идеологией. Но эта идеология не была направлена на духовные стороны жизни, а защищала интересы малограмотных представителей среднего класса или даже уголовных кругов¹.

П.А.Сорокин: классификация культур

Напомним основные положения культурологической теории П.А. Сорокина. Социолог рассматривает культуру как сложную, самоорганизующуюся систему. Изменения, колебания, происходящие внутри культуры, он назвал флуктуациями. История напоминает маятник, совершающий колебания от демократии к тоталитаризму, движущийся от состояния подъема к кризису, упадку, потом к новому подъему. Ценности, на которых строится жизнь, также меняются. В них разочаровываются, отказываются от них, возникают новые ценности. Колебания (флуктуации) совершаются от одной крайности к другой.

П.А.Сорокин обнаруживает в мировой истории два типа культуры – идеациональный и сенситивный (чувственный).

П.А. Сорокин писал на английском, и термин «идеациональный» является труднопереводимым. По смыслу «идеациональный» почти тождествен «идеологическому». К идеациональным культурам могут быть отнесены, например, культуры с доминирующей религиозной системой ценностей. Эта культура сосредоточена не на настоящем, а на будущем. Поэтому привлекательным считается путь спасения души, религиозного фанатизма, жертвования настоящим ради будущего. Он видит подобные тенденции в брахманизме, буддизме, христианстве и даже в марксизме.

Идеациональное оказывает влияние на все стороны жизни: мораль, экономику, политику, архитектуру. В искусстве преобладает академический стиль.

Постепенно власть идеациональных ценностей ослабевает, общество и культура склоняются к ценностям чувственным. Народные чаяния начинают выражаться в высказываниях: «Рай – немедленно», «Жизнь – здесь и сейчас». Идеалами становятся гедонизм и телесность. Мысли о будущей жизни, будущем потомков становятся непопулярными. Постепенно эти тенденции приводят культуру к пределу вседозволенности. Общество начинает накладывать ограничения на «жизнь ради удовольствия».

Между упомянутыми двумя культурными типами находится смешанный, который социолог назвал идеалистическим. В культуре идеалистического типа ограниченность

¹ В составе штурмовых отрядов «Национал-социалистической рабочей партии Германии» было большое количество уголовных преступников.

наслаждений вызвана внешними обстоятельствами, бедность сочетается с интеллектуальным богатством, развития духовность – с материальной ограниченностью.

Место фашизма и национал-социализма в культурологической системе П.А. Сорокина

XX век был веком мировых войн, веком тоталитарных режимов – нацистского в Германии, фашистского в Италии и др. Можно ли отнести культуру этих стран периода господства тоталитарных режимов к идеациональному типу? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Для этого необходимо разобраться в идеологии партий, этот режим установивших.

Термин «фашизм» употребляется сегодня в трех главных значениях: 1) для обозначения одного из видов праворадикального движения и присущей ему идеологии; 2) для обозначения конкретной формы такого движения и идеологии в Италии; 3) как название одного из основных типов тоталитарного политического режима. В разное время давались разные определения фашизма. Например, основываясь на марксистской методологии, Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна определил фашизм как «открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных кругов финансовой олигархии». Итальянские фашисты активно использовали политическую символику Римской империи, в том числе и «ликторский знак», т.е. изображение связки прутьев с выглядывающим из нее топором. С точки зрения фашистской идеологии, человек по своей природе – существо иррациональное, ничем не отличающееся от животных. Поэтому общественное развитие объяснялось фашистами с позиций социал-дарвинизма, обосновывался культ силы, войны, презрения к слабым. Невозможность равенства объяснялась врожденным неравенством между отдельными индивидами, нациями и расами.

Фашизм во всех своих разновидностях отрицал демократию и стремился к утверждению тоталитарной модели политического устройства. Важнейшим принципом фашистской идеологии и политической практики был культ вождя, который должен был обладать абсолютной властью и непосредственно руководить нацией, минуя парламентские механизмы, через массовые митинги и демонстрации. Фашистской идеологии был присущ сильный антикапиталистический заряд. По мнению фашистов, капиталистическая конкуренция раскалывает нацию, а свобода международной торговли способствует ее подчинению внешним плутократическим силам. Социальной базой фашистского движения 20–30-х гг. был низший слой среднего класса, обладавший невысоким уровнем образования, обремененный различными суевериями и предрассудками, одинаково ненавидевший крупный капитал и марксистское рабочее движение.

Национал-социализм, или нацизм, считается германской разновидностью фашизма. В отличие от Италии, в Германии фашизм имел более глубокие идеологические и политические корни. Марксистскому социализму пытались противопоставить какой-то немецкий, националистический эквивалент. Только покоров соседние, находящиеся на более низкой ступени развития народы и перепоручив им всю грязную и тяжелую работу, немецкий рабочий перестанет быть пролетарием и тем самым осуществит конечные цели социализма. Важнейшей задачей «консервативной революции» А. Меллер ван ден Брук, теоретик нацистской партии, считал уничтожение либерализма. Либерализм рассматривался как идеология национального упадка и предательства, убивающая религию и разрушающая родину. Должен быть уничтожен важнейший институт либерализма – парламентаризм, все политические партии должны быть распущены, а вместо них следует создать одну, принципиально новую партию, которая преодолет различия между левыми и правыми, будет одновременно и национальной, и социальной.

«Левое» крыло нацистов во главе с Г. Штрассером увлеклось социальной демагогией, антикапиталистической риторикой. Особый акцент делался на термине «социа-

лизм», обозначенном и в названии партии. При этом «социализм», исходя из национал-консервативной традиции, понимался как такая форма организации общества, при которой государству принадлежат важнейшие функции во всех сферах – от политики, экономики и культуры до частной жизни граждан.

П.А. Сорокин пишет, что идеациональная культура основана на добровольной минимизации большинства физических потребностей, причем в максимальной степени, вплоть до полного отказа от них [5, с.48]. Причем социолог различает два типа идеационализма – аскетический и активный. Носители последнего «не бегут от мира иллюзий» и не растворяют целиком его и собственные свои души в последней реальности, но и стремятся приблизиться к Богу, спасти не только свои души, но и души других людей.

Само понятие идеациональной культуры логически предполагает, что если не мешают какие-то внешние обстоятельства, то властью, а также интеллектуально-нравственным и общественным авторитетом в такого рода культурах обладают те личности и группы (а их можно назвать «аристократией»), которые воплощают в себе идеациональные ценности или, по крайней мере, предполагаются таковыми. Самый высокий престиж и авторитет, а значит, и политический вес в такого рода обществах должны принадлежать теократии – будь то сословие жрецов или вообще священнослужителей, каста брахманов, ламы, шаманы, «старейшины» или какая-либо другая группа людей, которые, согласно верованиям, находятся в самом тесном контакте с потусторонней силой и потусторонними ценностями, являясь в чувственно воспринимаемом мире его доверенными представителями.

Вышесказанное трудно отнести к вождям национал-социализма. Поэтому национал-социализм трудно втиснуть в рамки идеационального типа культуры. Конечно, национал-социализм пытался подвести идеологическое основание под свои устремления. Но это была идеология, которую можно назвать бюргерской и чуждой высокой духовности.

Ассоциация идеационального типа культуры с нацизмом и фашизмом представляется ошибочной. Идеациональный тип культуры является аскетичным, проповедует отказ от материальных ценностей, а национал-социализм был идеологией обывателей, малообразованных представителей «среднего класса». «Фашизм, подчеркивают коммунисты, был и остается политической надстройкой, которую монополистическая буржуазия использует в периоды острейших социальных потрясений, ставящих под вопрос само существование капиталистического строя», – пишет В.Г. Иванов [1, с.258]. Изначально террор по отношению к жителям других государств осуществлялся германскими нацистами с целью поручить жителям поработанных стран самую тяжелую работу, тем самым прекратив существование пролетариата в Германии [3].

В чувственной культуре, с ее неверием в идеациональную реальность и идеациональные ценности, лидерами и правителями могут быть представители только тех групп, которые являются носителями, создателями и блюстителями наиболее значимых чувственных ценностей. Они – всемогущие гаранты безопасности и стабильности, обеспечивающие материальное благосостояние данного общества. Аристократией в таком обществе должно быть, следовательно, либо военное сословие, либо сословие богачей, либо же различные диктаторы со своими приспешниками, ловкие политиканы и махинаторы, организаторы новых экономических и прочих империй, ученые и изобретатели, имеющие дело с «материальными силами природы» и открывающие новые источники материального благополучия людей, наконец – разного рода жулики и «боссы», вплоть до всемогущих руководителей преступных банд [5, с. 50].

Думается, культуру нацистской Германии и фашистской Италии, используя терминологию П.А. Сорокина, можно отнести к чувственным культурам, в которых политическая власть часто принадлежит диктаторам.

Системе П.А. Сорокина созвучны и мысли Аристотеля, который в своем учении о трех видах идеального государственного устройства считал таковыми монархию, аристократию и полицию, а среди противоположных им трех видов ошибочного и откля-

нящегося государственного устройства и правления называл тиранию, олигархию и власть толпы. Причем для трех первых видов правления характерны идеалистические мотивы, тогда как в трех последних идеалистические ценности отсутствуют.

«В настоящее время большинство правительств и подавляющая часть влиятельных слоев общества не ссылаются на Бога или на какой-нибудь сверхчувственный авторитет для того, чтобы «освятить» свою власть. Идеационального источника нет и в помине. Вместо него роль источника власти выполняют «воля народа», «нации», «класса пролетариев» или какой-нибудь другой группы», – делает вывод П.А. Сорокин. Во главе социального руководства и аристократии стоит так называемое общество, т.е. группа финансовых воротил или «пролетариев», или «фашистские», «нацистские», «социалистические», «либеральные» фракции с вкраплением чувственной аристократии предшествующих режимов и разного рода интеллектуалов, носителей чувственных ценностей. Они основывают свой авторитет на самом обладании власти и не собираются искать никакую идеациональную причину или ценность для ее «освящения».

Французские структуралисты и фашизм

Любопытно, что во Франции накануне второй мировой войны некоторые интеллектуалы «заигрывают» с идеями фашизма и национал-социализма, равно как и с коммунистическими идеями. Это было связано с тем, что часть французской интеллигенции была недовольна существовавшим во Франции социальным и государственным устройством. Добавим, что Ж. Батай, как и многие другие, писавшие о фашизме, непосредственно столкнувшись с ним, изменил мнение о нем в худшую сторону.

Во второй половине 30-х годов во Франции действовал довольно интересный культурологический проект – Коллеж социологии, объединивший нескольких интеллектуалов, в том числе и Ж. Батая. Лекторы коллежа много говорили о возвращении порядка, большое число авангардистских групп того времени вращалось вокруг этой темы. И в самом деле, порядок перестает быть консервативной ценностью и начинает ассоциироваться с ценностями творчества и возрождения. Новый порядок (совсем не обязательно фашистский) противопоставляется возрастной энтропии.

Пьер Прево в своих воспоминаниях много раз возвращается к выступлению Ж. Батая «Гитлер и Тевтонский орден» [2]. Настойчивое влечение Батая и Кайуа к тевтонским рыцарям во многом обязано слухам, согласно которым гитлеровцы сформировали «более или менее консервативную часть своих кадров, руководствуясь их методами. Для этого они воспользовались старыми резиденциями командоров и замками, которые принадлежат ордену». Поездка в Германию убедила Поля де Кура, автора статьи «В поисках потерянного ордена: Храм и традиции» в том, что потрясающее преобразование Германии при Гитлере имело своей причиной восстановление того очага духовной энергии, каким был орден тевтонских рыцарей. Французы, утверждает он, являются наследниками ордена Храма, который был современным Тевтонскому ордену. Следовательно, Франции надо опереться на орден Храма как на духовную силу, которой ей недостает.

Писатель-интеллектуал П.Д. ла Рошель пытается объединить фашизм и социализм: «Я глубоко убежден в том, что сталинизм – это полуфашизм, а фашизм – это полусоциализм... Таким образом, мой социализм был не пролетарским социализмом коммунистов, но, очевидно, фашистским, реформистским социализмом» [4, с. 230]. Он считал фашизм здоровой реакцией на растворение мужского начала в европейской культуре. В итоге он приходит к следующему: «Со всей строгостью подвергая анализу идею диктатуры и националистическую идею, я, тем не менее, вовсе не запрещаю себе расценивать фашизм как неминуемую стадию общественной эволюции» [4, с. 233]. Последнее представляется спорным. Переход от идеациональных ценностей к чувственным совершался по-разному в разные исторические эпохи, носил отпечаток конкретной

культурной и политической ситуации. Поэтому вряд ли стоит опасаться возвращения фашизма образца 1939–1945 годов. «Фашизм 80-х не представляет для человечества такую же угрозу, как полвека назад: слишком многое изменилось в нашем мире после мая 45-го, чтобы коричневая опасность в любом из своих видов или в их совокупности могла бы выступать в масштабах былой угрозы», – пишет В.Г. Иванов [1, с. 253].

Сам П.Д. ла Рошель признается в несерьезности своих симпатий к фашизму, равно как и к социализму: «Мои попытки вступления в партию часто совпадали с моментами депрессии. Удивительно, что моими друзьями всегда были левые... Забавно, что эволюция моей идеологической жизни, кажется, следует за извивами материальных успехов. Когда я склонялся к правым, у меня были деньги, когда я склонялся к левым, у меня их как не бывало»[4, с. 239].

Фашизм и контркультура

Выражают симпатии к фашизму и представители современной контркультуры. Глава группировки байкеров «Ангелы ада» заявляет, что увлечение байкеров фашистской символикой – в большей степени маскарадный момент, но добавляет, что фашизм как политическая система его устраивает по двум причинам: при фашизме был порядок и отсутствовала либеральная болтовня. Неофашизм выступает не только как нарочитая оппозиция общепринятой культуре, но и как террористическое движение. Некоторые из неофашистских группировок имеют международный характер. К таким относится, например, так называемая «Европейская рабочая партия», активист которой убил лидера шведских социал-демократов, премьер-министра Швеции Улафа Пальме.

Таким образом, несмотря на господство тоталитарной идеологии в культурах, например, нацистской Германии или фашистской Италии, эти культуры нельзя отнести к идеациональному типу. Путь спасения души, декларируемый идеациональными культурами, по меньшей мере, нехарактерен для идеологии национал-социализма. Вместе с тем, в ней есть много черт, позволяющих отнести культуру, в которой она доминировала, к чувственному типу. Например, стремление построить «рай немедленно» для немецкого пролетариата, прибегая к террору по отношению к другим нациям.

Проанализировав публикации французских интеллектуалов о фашизме, сделанные накануне второй мировой войны, мы обнаружили, что последних привлекает культ мужественности, якобы привносимый фашизмом в европейскую культуру. При более близком знакомстве с фашизмом они поняли, что никакая нация не может признать себя исключительной, ущемляя другие нации. В настоящее время фашизм трансформировался в неофашизм. Возрождение фашизма в его прежних формах вряд ли возможно в силу исторических факторов. Представителей современной контркультуры привлекает балаганная, эпатажная сторона фашизма, члены же неофашистских организаций настроены более радикально, иногда прибегая к террористическим актам, ощущая себя увереннее в разорванном конфликтами мире и заявляя о «планах установления мирового порядка, совместимого с ценностями Запада» [1, с. 293].

Литература

1. Иванов В.Г. Зондеркоманда на завтра. Из секретного досье неофашизма. М., 1986.
2. Коллеж социологии. СПб, 2004.
3. Ланцов С.А. Террор и террористы: Словарь. СПб, 2004.
4. Рошель ла П.Д. Фашистский социализм. СПб, 2001.
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб, 2000.
6. Томпсон Хантер С. Ангелы ада. М., 2003.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

А.А. Толстикова

В настоящее время проблема межэтнической толерантности стала одной из приоритетных в деятельности международных государственных и общественных организаций (ООН, ЮНЕСКО). Ключевым документом является Декларация принципов терпимости (ЮНЕСКО, 1995 г.) [3], в которой толерантность определяется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности» (ст. 1.1.). Правительством России в 2001 году была принята Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в Российском обществе (2001–2005 гг.)».

Одной из черт современного нам общества является так называемый «этнический парадокс». Он обозначает явление, когда параллельно с развитием процессов глобализации все больше фиксируется всплеск этнического самосознания. Общество находится в ситуации сильных противоречий. Во-первых, это противоречие между глобальным характером современной цивилизации и этнокультурным миром, а во-вторых, противоречие между тенденцией к универсализации способа жизнедеятельности в мировом масштабе и сохранением этнической идентичности. В связи с этим проблема этнической толерантности представляется особо актуальной.

Толерантность – это не то же, что терпение или терпеливость. Если терпение выражает, прежде всего, чувство или действие формы негативного воздействия, то терпимость заключает в себе уважение или признание равенства других и отказ от доминирования и насилия. «Терпимость – это свойство открытости и свободного мышления. Это – личностная или общественная характеристика, которая предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу» [1, 313].

Этническая толерантность как вид социальной толерантности понимается в общественных науках как уважительное отношение и признание права на существование этнического Другого. Она представляет собой способ мирного взаимодействия между представителями разных этнических групп.

С точки зрения социальной психологии, этническая толерантность понимается как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, точнее, наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной [2]. С философской точки зрения, толерантность определяется как нравственное качество, характеризующее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной дистанции, религиозной конфессии, как равно достойной личности.

Толерантность как научная категория имеет много значений. Этот термин был позаимствован из западных социальных наук. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в переводе Декларации принципов терпимости (подписана государствами-членами ЮНЕСКО в ноябре 1995 года в Париже) на русский язык используется слово «терпимость». Однако толерантность не сводится к простой терпимости, а подчеркивает право личности на сохранение автономии. В Декларации «толерантность» толкуется как «активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека».

Обратная сторона толерантности – нетерпимость – «заключается в отрицании и подавлении различий между отдельными людьми и культурами. Возведенная на уровень коллективной и даже государственной позиции, нетерпимость подрывает принци-

пы демократии и приводит к нарушению индивидуальных и коллективных прав человека» [1, 312].

В трактовке понятия «толерантность» многие авторы выделяют две традиции: западноевропейскую и российскую [4–6]. Впервые понятие толерантности появляется в латинском языке, в котором имеется два слова с подобным значением: «patientia» и «tolerantia». Первое обозначало смирение и терпение. Второе трактовалось не просто как смиренное терпение, а как устойчивая активная позиция человека, добровольное перенесение страданий и зла. В период Средневековья термин «tolerantia» получает специальное социальное значение: допущение существования Другого как в религиозном, так и в культурном смыслах. Идея толерантности возникает как идея религиозной терпимости в рамках философии либерализма. Как философская категория толерантность формулируется в связи с проблемой религиозной нетерпимости и первоначально воспринимается как осмысление итогов Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Считается, что основы теории толерантности были заложены Дж. Локком в работе «Послание о веротерпимости». В философии он первым признал право на инаковость за другим человеком.

В русской традиции термин «толерантность» стал употребляться сравнительно недавно. В истории русской философии среди работ таких авторов, как Н.С. Трубецкой, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, можно обнаружить религиозно-философский и светский подходы. Особое внимание к проблеме терпимости проявил В.С. Соловьев. В своем труде «Оправдание добра» он разграничил понятия «терпимость» и «терпеливость». Под последним он понимал страдательную сторону такого душевного качества, как «великодушие». Понятие «терпимость» определялось близко к понятию «невозмутимость». Использовать дословный перевод термина «толерантность» в русском языке не стоит. В противном случае толерантность придется понимать как пассивное принятие окружающей действительности. Она предлагает перевести толерантность в виде целого словосочетания: «уважение–понимание–принятие», т.е. в терминах официального определения в Декларации принципов терпимости.

Исследователи Научного межрегионального института общественных наук Уральского университета М.Б. Хомяков и А.В. Перцев определяют толерантность как «способ утверждения какой-либо ценности – свободы, равенства, справедливости» [5, 50]. Важно то, что они говорят о невозможности существования единой универсальной теории толерантности. Новая теория толерантности «должна основываться на плюральности парадигм ее обоснования» [5, 50]. Перцев [7] использует понятие «ментальная толерантность» для утверждения того, что толерантность в различных культурах понимается по-разному. Терпимость как практика осуществляется, по его мнению, в зависимости от культурного контекста.

Этническая толерантность – это вид отношения между субъектом и объектом толерантности по признаку этничности. Поэтому изучение должно быть сфокусировано не на самой толерантности, а на акторах этого взаимодействия, на том, как они будут вести себя, что делать. О толерантности можно судить по практикам, по выстраиваемым сетям взаимодействия, установлениям контактов. О толерантности, в конце концов, можно судить по результату взаимодействия (например, по лингвистическим взаимозависимостям, по установлению родственных и дружественных связей).

Социальными и социально-психологическими условиями формирования всех видов толерантности (экономической, межэтнической, религиозной, межличностной, политической), по мнению исследователя, выступают следующие:

- высокий уровень благосостояния общества: только самодостаточный (в том числе экономически независимый) человек с нормальным позитивным проявлением идентичности способен к толерантному отношению к другим;

- возможность сохранения этнической культуры субъекта толерантности, что позволяет ему с уважением относиться к чужой культуре;
- нормальная социальная и этническая идентичность, которые способствуют повышению уровня толерантности всех видов;
- открытость общества, возможность межкультурного контакта, приобретение опыта общения с представителями других культур;
- возможность регуляции межкультурного взаимодействия на правовой основе, т.е. необходимость построения правового государства;
- создание общества социального доверия.

На уровень этнической толерантности влияет ряд социально-демографических характеристик. К этим факторам относятся: пол и возраст. В отдельную группу можно выделить факторы, влияющие на формирование толерантности в ходе социализации: семья является значимым фактором в формировании этнической толерантности подростков (высокий положительный уровень толерантности показывают только школьники из полных семей); школьное и вузовское воспитание; тип учебного заведения [4]. К социально-политическим факторам [8], влияющим на степень толерантного восприятия Другого, относят политическую волю и особые интересы центральной и региональной элит; степень правовой и политической культуры граждан; наличие соответствующего законодательства и эффективного его соблюдения; эффективность деятельности правоохранительной системы; исторические традиции; ментальность разных слоев народа; позиция представителей интеллигенции. Международные социально-политические события (в особенности, террористические акты) [4] приводят к снижению толерантного отношения к обеим сторонам конфликта. Как показало исследование, после террористического акта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке информанты (студенты гуманитарных вузов) изменили свою положительную толерантность к американцам и арабам на интолерантность. Это объясняется работой механизма психологической защиты этнокультурной общности.

По мнению Н.М. Лебедевой, О.В. Луневой, Т.Г. Стефаненко, на проявление этнической толерантности в сфере межгруппового взаимодействия влияют следующие универсальные социально-психологические факторы [4]: позитивность/негативность этнической идентичности; четкость/неопределенность этнической идентичности; величина культурной дистанции с этноконтактными группами; длительность совместного проживания; степень этнокультурной компетентности; значимость этнической идентичности для субъекта толерантности; субъективный статус этнической группы субъекта и объекта толерантности; величина социальной дистанции с этноконтактными группами; психологическая готовность к межкультурному и межконфессиональному диалогу; опыт и навыки межкультурного взаимодействия. К этому необходимо добавить наличие в прошлом опыта этнической дискриминации, уровень воспринимаемой дискриминации, выраженность установок на агрессию, степень сходства культурных ценностей, установки на внутриэтническую консолидацию.

Немаловажную роль играют также социально-экономические факторы: социально-экономическая ситуация в стране проживания субъекта толерантности; место проживания субъекта (крупный город/провинция); социальный статус субъекта (положение мигранта/туземца; род профессиональной деятельности); уровень дохода.

В социально-политическом аспекте толерантность выступает необходимым условием демократического развития общества. Основными признаками такого общества являются [9]: равноправие – равный доступ к социальным благам, к управленческим, образовательным и экономическим возможностям для всех людей, независимо от их принадлежности к какой-либо группе (в том числе, к этнической); взаимоуважение членов общества; сохранение и развитие культурной самобытности и языков этнических меньшинств; возможность следовать своим традициям и свобода вероисповеда-

ния, если это не ущемляет права и возможности других членов общества; сотрудничество и солидарность при решении общественных проблем; позитивная лексика в наиболее уязвимых сферах межэтнического взаимодействия.

Подводя итог, перечислим функции, которые выполняет этническая толерантность.

- Мирообеспечивающая функция: обеспечение мирного сосуществования людей.
- Регулирующая функция:
 - конструктивное регулирование конфликтов;
 - регулирование взаимодействий людей;
 - средство обеспечения прав человека;
 - сдерживание неприязни (в том числе этнической).
- Функция поддержания системы:
 - поддержание самоорганизации общества;
 - поддержание социального воспроизводства.
- Культуросохраняющая функция:
 - поддержание культурного многообразия общества;
 - развитие культур за счет взаимозаимствований.
- Интегрирующая функция: объединение членов общества для достижения цели.
- Психологическая функция:
 - нормализация психологической атмосферы в обществе (создание условий для общества доверия, уважения, понимания);
 - формирование позитивной индивидуальной идентичности (в том числе этнической);
 - снижение уровня чувствительности к ситуациям неопределенности фрустрации.
- Воспитательная функция: успешная передача культурного и социального опыта в процессе социализации и инкультурации.
- Коммуникативная функция: готовность к общению; конструктивное взаимодействие.
- Креативная функция: создание и обеспечение условий для творческой активности.
- Фелицитологическая функция: обеспечение счастья от общения с Другими и получения признания группой и миром в целом.

Социальная роль этнической толерантности в поддержании мирного сосуществования людей очевидна. Этническая толерантность как один из видов социальной толерантности определяет многомерность культурной среды; обеспечивает гармоничное мирное сосуществование представителей, отличающихся друг от друга по этническим признакам. Она служит общественным гарантом неприкосновенности и ненасилия по отношению к различного рода меньшинствам и обеспечивает их положение с помощью закона.

Литература

1. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003
2. Лебедева Н.М. Социальная психология этнической миграции. М., 1993
3. Декларация принципов терпимости. Париж, 1995
4. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: / Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005
5. Хомяков М.Б. Толерантность: парадоксальная ценность / Пределы толерантности в современном обществе: Материалы международной научно-практической конференции «Пределы толерантности в современном обществе – 2003» / Под ред. И.Л. Первой, В.В. Козловского. Изд-во СПбГУ, 2003

6. Forrat N. Toleration: Western and Eastern Variants of Consideration .NY, 2001
7. Перцев А.В. Ментальная толерантность // Толерантность: исследования, переводы, информация о книгах. Вестник Уральского межрегионального института общественных наук. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. №1. С.50–70.
8. Толерантность. / Под ред. Мчедлова, М.: «Республика», 2004.
9. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Тренинг: учимся толерантности. / На пути к толерантному сознанию. Отв. ред. А.Г. Асмолов. М., 2000.

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА
УЧАЩИХСЯ К ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ****С.Л. Волкова**

Трудно переоценить роль иностранного языка в современном обществе. Значимость практического изучения данного учебного предмета возрастает совместно с потребностью в языке как средстве общения. Поэтому нам представляется важным выявлять заинтересованность обучаемых в том или ином языке, а также находить выход в реальную коммуникацию и возможные языковые контакты в своей стране и за рубежом. На практике иноязычное общение может быть успешно осуществлено в случае оформленности у учащихся знаний, умений и навыков, владение которыми позволит им приобщиться к социокультурным ценностям страны изучаемого языка в условиях межкультурной коммуникации и будет способствовать формированию надлежащей коммуникативной компетентности.

Необходимо добиваться максимальной эффективности обучения иностранному языку. Для этого преподавателю недостаточно просто излагать учебную информацию; нужно вызвать у учащихся интерес к данной области знаний и учения вообще, так как управлять обучением и всей учебно-познавательной деятельностью обучаемых целесообразно с позиции их интересов. Познавательный интерес в качестве носителя внешних и внутренних ресурсов объективных и субъективных сторон совместной учебной деятельности является (по Г.И. Щукиной) важнейшим фактором совершенствования обучения. Особую значимость познавательный интерес имеет в школьные и студенческие годы, когда учение становится фундаментальной основой жизни, и к системообразующему познанию ребенка, подростка, юноши привлечены специальные учреждения и педагогически подготовленные кадры. Одним из важнейших периодов развития познавательных интересов, в том числе и к иностранному языку, является старший подростковый (или ранний юношеский) возраст – с 14–15 до 17–18 лет.

Формирование и развитие познавательных интересов в раннем юношеском возрасте связано с тем, что юность считается завершающим этапом первоначальной социализации. Большинство юношей и девушек в данный период еще являются учащимися, но деятельность и ролевая структура личности на этом этапе уже приобретают ряд новых качеств, присущих взрослым. Главная социальная задача этого возраста – выбор профессии. Общее образование дополняется специальным, профессиональным. Выбор профессии и типа учебного заведения предопределяет жизненные пути юношей и девушек. Социальное и личностное самоопределение в этот период предполагает как автономность от старших, так и четкую ориентировку и определение своего места во взрослой жизни. Наряду с дифференциацией умственных способностей и интересов, без которой затруднителен выбор профессии, это требует развитие механизмов самосознания, выработки мировоззрения и жизненной позиции.

Мотивы учения в раннем юношеском возрасте связаны с перспективами будущей профессии учащихся. Для студентов характерны также выраженные мотивы самообразования (интерес к способам работы со словарями, со справочниками, к способам конспектирования и реферирования литературы и другие). Познавательные интересы юношей и девушек старшего подросткового периода лежат в основе их профессионального самоопределения. Современному человеку необходимо знание иностранного языка

(особенно английского, являющегося в наши дни универсальным средством международного общения), поэтому нам представляется очень важным развитие у учащихся познавательного интереса именно к данному учебному предмету.

Учитывая специфику преподавания иностранного языка, мы считаем наиболее целесообразным использование лингвострановедческого аспекта для развития познавательных интересов учащихся. Применение лингвострановедческого аспекта при обучении иностранному языку подразумевает (по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову) соединение в учебном процессе собственно языкового материала и сведений из сферы национальной культуры. Такое сочетание элементов страноведения с языковыми явлениями, выступающими не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления с новой действительностью, является необходимым для практического овладения иностранным языком, которое неразрывно связано с наличием реального выхода на иную культуру и ее представителей.

Выделяют следующие формы культуры: этническая, соционормативная, художественная и мировоззренческая. Это выделение форм культуры может быть положено в основу классификации сфер культуры для ее преподавания студентам при обучении английскому языку, который, в свою очередь, является одним из основных компонентов культуры и служит для ее объяснения или выражения. Понимание мыслей, чувств, поведения и привычек людей, чей язык изучают студенты, создает важный контекст для того, чтобы правильно говорить на изучаемом языке и для более эффективного взаимодействия с носителями данного языка, тем самым способствуя развитию познавательного интереса обучаемых к иностранному языку.

Успех обучения иностранным языкам во многом определяется умственной работоспособностью обучаемого, которая находится под влиянием таких факторов, как мотивация, наличие цели и интерес. Эти факторы делают процесс познания увлекательным, интересным и лично значимым для учащихся, повышают темпы и объем усвоения материала, снимают или уменьшают учебные нагрузки. Поэтому важно использовать средства, которые будут способствовать развитию познавательных интересов учащихся при обучении иностранным языкам. Одним из таких средств, по нашему мнению, является лингвострановедческий аспект изучения языка.

Студенты первых курсов неязыковых вузов, изучающие иностранный язык, имеют лингвострановедческие знания разного уровня.

1. Нулевой уровень – знания о стране изучаемого языка отсутствуют или представлены в виде результатов неточного воображения.
2. Первый уровень – знания представлены в виде информации о названии страны, учащиеся осознают, что ее жители используют для общения другой язык и их образ жизни отличается от жизни обучаемых.
3. Второй уровень – имеется информация об образе жизни зарубежных сверстников и особенностях жизни в их стране, учащиеся умеют самостоятельно выделить отличие в жизни двух стран и двух культур.
4. На третьем уровне продолжается процесс накопления знаний о культуре своей и другой стран; учащиеся умеют использовать эти знания в продуктивной речи.
5. Четвертый уровень – учащиеся могут выделять не только отличительные, но и объединяющие признаки культур (процесс накопления знаний продолжается как на этом, так и на всех последующих уровнях).
6. Пятый уровень характеризуется умением сравнивать две изучаемые культуры на уровне продуктивной речи.

В результате проведенных исследований нами было установлено, что применение лингвострановедческого аспекта при изучении иностранного языка способствует развитию познавательных интересов учащихся. В процессе обучения иностранным языкам большое значение имеет моделирование у учащихся базовых фоновых знаний о

стране изучаемого языка. Отбор страноведческого материала производится с учетом целей и задач обучения, определяемых коммуникативно-познавательными потребностями студентов. Лингвострановедческий аспект при изучении иностранного языка следует учитывать как в коллективных, групповых, так и в индивидуальных формах работы по развитию познавательного интереса к данному учебному предмету.

Для развития познавательного интереса к иностранному языку у студентов неязыкового вуза нами применялся комплекс средств педагогического руководства по двум направлениям: эмоционально-познавательному и творческому (Т.Л. Бухарина, Е.А. Иванова). Для первого направления – эмоционально-познавательного – были использованы: лекции по страноведческой тематике, практические занятия, встречи и беседы со специалистами, владеющими иностранным языком в рамках профессионально-ориентированной деятельности, беседы в учебных группах о роли иностранного языка в обучении и развитии личности. Практические занятия оставались основной формой обучения, благодаря которой студенты приобретали знания, умения и навыки во всех видах иноязычной речевой коммуникативной деятельности и совершенствовали самостоятельную работу.

Второе, творческое, направление включало подготовку, написание и защиту рефератов по страноведению, выступления с сообщениями и докладами по профессиональной тематике в учебных группах и на конференциях студенческого научного общества, тематические викторины и лингвистические олимпиады, участие в лекторской группе, конкурсы на лучший перевод.

Формы работы по активизации интереса к иностранному языку носили различный характер (коллективный, групповой, индивидуальный) в зависимости от конкретных учебных целей и задач на разных этапах обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Разная степень сформированности интереса к иностранному языку у студентов создавала необходимость дифференцированного подхода к проводимой работе. Обучение иностранному языку студентов с наличием интереса к данному учебному предмету опиралась на более углубленную и самостоятельную работу по изучению иностранного языка и на расширение практической деятельности по его использованию. Со студентами, у которых интерес к иностранному языку отсутствовал, работа начиналась с ликвидации пробелов в знаниях, включающая работу с учебником, словарем, методическими разработками для самостоятельной работы, дополнительную работу на консультациях. В проведении этой работы нам оказывали помощь студенты с наличием познавательного интереса к иностранному языку, которых мы привлекали к осуществлению взаимоконтроля и оказания взаимопомощи своим сокурсникам в группе. Особенность работы по формированию и развитию познавательного интереса к иностранному языку у студентов неязыкового вуза состояла в том, что обязательно учитывалась интеграция данной учебной дисциплины с предметами профессионального цикла.

Обычно учащиеся относятся к иностранному языку, как и к любому другому учебному предмету, и это отношение может быть положительным, отрицательным или нейтральным. Введение лингвострановедческого компонента в процессе обучения иностранному языку студентов привело к следующим результатам: изменились мотивы изучения иностранного языка, повысился интерес к изучению иностранных языков, что выразилось в повышении успеваемости и качества знаний по данной дисциплине, а также в более активном участии обучаемых во внеклассной и внеаудиторной работе по данному учебному предмету. Значительно повысилось желание учащихся изучать иностранный язык; также в процессе исследования было отмечено повышение уровня лингвистических знаний учащихся. Положительное влияние лингвострановедческого аспекта на процесс изучения иностранных языков выразилось в повышении познавательного интереса и к другим учебным предметам, что привело к общему повышению успеваемости и качества знаний.

Опросы, проведенные нами среди студентов неязыковых вузов, показывают, что развитие познавательного интереса к иностранному языку с опорой на лингвострановедческий аспект изучения данного предмета не ослабевает за годы обучения в вузах, что выражается в стремлении выпускников изучать другие языки, и является необходимой предпосылкой для полноценного участия в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бухарина Т.Л. Формы и методы развития профессионального интереса при выборе профессии. / Дисс...канд. пед.наук. М., 1983.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2000.
4. Иванова Е.А. Комплекс средств педагогического руководства по формированию и развитию у студентов познавательного интереса к иностранному языку: / Автореф. канд. дисс. СПб, 1997.
5. Щукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. М., 1988.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕРМИНА КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЗНАНИЯ

О.Г. Козловская

Развитие когнитивного подхода к явлениям языка способствовало рассмотрению языковых форм как производных концептуализации мира человеческим сознанием, а их значений – как определенных структур знания, концептов, схваченных языковыми знаками (Кубрякова, 1997). Как отмечает один из ведущих отечественных терминологов С.В. Гринев, «когнитивные штудии» являются одним из наиболее перспективных направлений терминоведческих исследований наряду с типологическим, а также традиционными формальным и семантическим анализом.

Когнитивное терминоведение, развитие которого важно не только для изучения особенностей развития научного познания, особенностей национальной психологии, отражаемых в различиях лексических систем даже близкородственных языков, а также общих черт ассоциативного человеческого мышления, но и для изучения путей развития человеческой культуры и цивилизации в целом, несомненно, будет одним из ведущих направлений науки о терминах, по крайней мере в первой половине XXI века. Рассматривая правомерность изучения терминов и терминологии с позиций когнитивной лингвистики, мы разделяем точку зрения В.Ф. Новодрановой о том, что терминология, являясь результатом порождения научных знаний и инструментом их развития, самым тесным образом связана с когнитивными науками, прежде всего с теорией информации и когнитивной психологией. Термин сам становится инструментом познания, закрепляя полученную информацию в своем содержании. Он дает возможность обобщать научные знания, умножать знания и передавать их следующим поколениям ученых.

Изучение терминологии в рамках когнитивной лингвистики предполагает построение концептуальной модели данной области знания и определения взаимосвязи между структурами знания и языковыми формами. В.З. Демьянков отмечает, что когнитивной теорией считается та, которая стремится учесть степень близости исследуемого феномена к сознанию, но в данном случае исследуемый феномен изучается не просто по степени близости его к сознанию, а по тем реальным связям и корреляциям, которые могут быть выявлены между структурами сознания и объективирующими их языковыми формами. В терминопроизводстве участвуют терминологические элементы, несущие минимальную информацию о мыслительных операциях, и терминологические модели, способные воссоздать в языковой форме логико-понятийные категории данной области знания. Таким образом, перед учеными стоит задача рассмотрения и исследования данных моделей и категорий.

В течение длительного периода времени в традиционной ономастологии ведущим являлся подход от слова, номинативной единицы к мысли, концепту. Он осуществлялся на основе выделения базовых понятий ономастологической структуры и категории. В настоящее время в рамках когнитивизма, когда когнитивные механизмы человеческого сознания исследуются через языковые явления, принципы исследования базируются на интегрировании первого подхода с противоположным – от мысли, концепта, к слову, номинативной единице. О данном объединении говорят ученые в связи с изучением внутренней психологической организации процесса порождения речи. Е.С. Кубрякова демонстрирует эту интеграцию на примере «челночной операции» взаимодействия концептуальной и языковой картины мира.

При исследовании особенностей производных слов и производных терминов в частности, а также специфики их номинации необходимо остановиться на тех исследовательских принципах, которые для этого используются, а также являются общими методологическими принципами для современной лингвистики в целом, и когнитивной

теории в частности: экспансионизм, антропоцентризм, экспланаторность и функционализм. Выделим наиболее важные для настоящего исследования.

Экспансионизм. Данный принцип определяется как вторжение в лингвистическую отрасль знаний других наук. Данный принцип безусловно характерен для когнитивной лингвистики. Экспансионизм – это противопоставление господствующему в глоссематике стремлению к изоляции лингвистики от других наук, кроме семиотики и математики. Когнитивная наука сама по себе является направлением в исследованиях междисциплинарного характера. Когнитивная лингвистика является частью когнитивной науки и активно пользуется достижениями разноплановых наук: биологии, психологии, логики, теории искусственного интеллекта и т.д. Сегодня без экспансионизма в виде интеграции лингвистики и других отраслей знания невозможна никакая новая лингвистическая теория.

Следующим исследовательским принципом современной лингвистики является *антропоцентризм*. Его основными свойствами являются важность современных научных исследований для человека и трактовка их с позиций человека. В настоящее время сформулированы две глобальные проблемы исследования человеческого фактора в языке. Одна из них формулировалась как круг вопросов о том, какое воздействие оказывает сложившийся естественный язык на поведение и мышление человека и что дает в этом отношении существование у человека определенной картины мира. Другая же формулировалась как круг вопросов о том, как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от «человеческого фактора» (дейксис, модальность, экспрессивные аспекты языка, словообразование и т.п.).

Человек, выросший в той или иной языковой среде, воспринимает последнюю как часть самой природы вещей, всегда остающихся на уровне фоновых явлений. Такой антропоцентризм языка исходит из самого языка и тем самым является обобщенным, абстрактным, будь то влияние культурного кода или языковых стереотипов. По всей видимости, антропоцентризм языка следует выводить не только из языка или его продуктов, но и из наличия субъектов – пользователей языком, их ментального или физического состояния. Касательно терминов следует отметить, что термины – непосредственное творение человеческой мысли, результат ословливания предметов и понятий, результат мыслительной креативной деятельности субъекта-человека.

Следующим принципом современных исследований является *ментализм*. Нет сомнений, что данный принцип может считаться основополагающим для всей когнитивной науки. Ментализм возник в противовес тезису дескриптивизма об антиментализме, исходящего из бихевиоризма, и вопреки объективизму основоположника трансформационного подхода Харриса в рамках генеративной модели Н. Хомского, его последователей и оппонентов. Ментализм исследует то, как люди получают информацию о мире, как эта информация хранится в памяти и преобразуется в знания, как эти знания влияют на наше внимание и поведение. Необходимость введения принципа ментализма обусловлена уже самим определением когнитивной науки, в центре внимания которой находится проблема получения знания о знании и сопутствующие вопросы, связанные с получением, переработкой, накоплением, оперированием и систематизацией знания. Применение принципа ментализма в когнитивной лингвистике, а также когнитивной ономазиологии, в данном исследовании, в частности, предусматривает:

1) моделирование ментальных структур, репрезентирующих обозначаемое и служащих базой для выбора ономазиологической структуры и категории;

2) когнитивную интерпретацию номинативного механизма в языке и речи, ментально-психологических операций, предшествующих формированию той или иной ономазиологической структуры.

Еще одним принципом, важным, на наш взгляд, при исследовании терминов, является принцип исследования, порожденный функционализмом как методологией – это принцип *аксиологичности*. Данный принцип направлен на объяснение рефлексов в ономаσιологической структуре человеческой оценочности зоны модуса концепта, а также репрезентации оценочно-идеологических характеристик языкового кода и текстовых миров в макрознаке. Нужно отметить, что данный принцип является как бы встроенным в принципы антропоцентризма и ментализма. Оценочный момент играет большую роль в процессе создания слова. В номинативных единицах фокусируются эмоции, оценки, опосредующие интериоризацию человеческим сознанием мира и себя в этом мире. Применительно, например, к юридическим терминам мы можем говорить об интеллектуально-логической и морально-этической оценке (хорошо – плохо, желательно – нежелательно). Оценочная сетка накладывается на концептуальную картину мира, и мы можем говорить о маркированности того или иного термина знаками «+» или «-» по принципу законно – противозаконно.

Таким образом, при исследовании терминов в когнитивном аспекте следует основываться на принципах, являющихся общими методологическими принципами, актуальными для современной лингвистики в целом, а именно: *экспансионизм* (мера разумного вторжения когнитивной психологии, теории информации и других наук в лингвистические исследования), *антропоцентризм* (рассмотрение терминологической номинативной подсистемы языка как фиксированного хранилища человеческих знаний, опыта и культуры), *ментализм* (имеющий дело с ментальными структурами и их воплощением в языке), а также *аксиологичность* (данный принцип связан со структурой человеческой оценочности). Данные принципы могут составить единый интегрированный методологический подход к исследованию терминов и внести свой вклад в становление новой научной дисциплины «когнитивное терминоведение».

Литература

1. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.
2. Демьянков В.З. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Наука, 1998.
3. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
4. Новодранова В.Ф. К вопросу о специфике термина. М.: ИЯ РАН, 1999.
5. Селиванова Э.Б. Роль образного мышления в формировании общенаучных знаний, навыков и умений. / Дисс. канд. пед. наук. Л., 1979.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОМУ ЧТЕНИЮ НА МЛАДШИХ КУРСАХ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Л.П. Маркушевская

Чтение – вид речевой деятельности, необходимый студентам как в профессиональной сфере, так и для расширения кругозора, приобретения фоновых знаний, целенаправлен на понимание с различной степенью глубины и точности содержащейся в тексте информации. Лингвистам известно более 50 видов чтения, для неязыкового вуза основными являются 4 (ознакомительное, изучающее, поисковое и просмотровое), использование одного из которых или нескольких параллельно, с гибким переходом от одного вида к другому на материале одного текста, зависит от конкретных коммуникативных задач, необходимости максимальной полноты извлекаемой информации и применения в той или иной ситуации усвоенных умений. Такое параллельное обучение студентов различным видам чтения целесообразно, так как ряд навыков и умений является общим для всех видов чтения, и отработка их при обучении одному виду чтения способствует более быстрому освоению других видов чтения. Так, выработка автоматизации узнавания языкового материала при ознакомительном чтении является важнейшей необходимостью для любого из вышеперечисленных.

Необходимость овладения чтением как средством оперативного получения информации ставит перед обучающимся следующие задачи:

- конкретизировать цели обучения ознакомительному чтению, уточнить программные требования к этому виду чтения;
- выявить объекты работы над развитием навыков ознакомительного чтения;
- определить общие направления работы и разработать рациональные приемы обучения чтению.

Многолетнее анкетирование студентов и аспирантов на кафедре иностранных языков подтверждает, что из всех видов чтения наиболее популярным является ознакомительное, затем следуют поисковое, просмотровое, изучающее.

С какой же целью, согласно анкетированию, используются виды быстрого чтения? (Данные представлены в соответствии с ответами обучающихся).

- Ознакомление с основными публикациями по интересующим проблемам.
- Выяснение основных тенденций и направлений в зарубежных исследованиях.
- Подбор материала для научных статей, рефератов, докладов.
- Составление библиографии по интересующему вопросу.

Как уже было отмечено, наиболее часто используются журнальные статьи. При ознакомительном чтении информация как бы принимается к сведению, без ее дальнейшей перекодировки. Основное требование – адекватность понимания, при высокой скорости чтения. Задача читающего – определить, какие проблемы (вопросы) рассматриваются в тексте, оценить, представляют ли они профессиональный интерес.

Для ознакомительного чтения обязательна точность понимания основной информации и в неискаженном виде – второстепенной. Та информация, которая может быть не понята или понята приблизительно (25–30% содержащейся в тексте информации) заключена в предложениях низкого порядка и содержит второстепенные факты. Глубина понимания оценивается посредством интерпретации читаемой информации.

Оценка информации состоит в следующем:

- целостность получаемой информации;
- возможность (невозможности) ее применения для конкретных целей;
- перспективность, актуальность информации.

Читающий должен владеть следующими способами преобразования получаемой информации:

- выделением основной мысли читаемого;
- пониманием общего смысла читаемого;
- прогнозированием возможного смыслового продолжения;
- оценкой прочитанного.

Ознакомительное чтение, являясь самым распространенным чтением без словаря, отвечает на вопрос, каким же должен быть лексический запас читающего, чтобы обеспечить понимание текстового материала. На сегодняшний день существуют различные точки зрения по этому вопросу, но большинство лингвистов сходятся во мнении, что знание 2500–3000 лексических единиц соответствует пониманию 80–85% любого текста. Ознакомительное чтение характеризуется следующими показателями:

- пониманием 70–75% фактического содержания текста, включая всю основную информацию;
- дифференциальным отношением к воспринимаемым фактам;
- точностью понимания основной и неискаженностью понимания второстепенной информации.

Процесс понимания читаемого материала с делением на главную и второстепенную информацию основывается на сокращении текста, укрупнении семантических блоков, воспринимаемых читающим, отсечением, компрессией второстепенной информации. Сами умения, связанные с переработкой текстового материала, можно разделить на 2 группы:

- умения на уровне значения (понимания того, что дальнейшая информация не воспринимается как сугубо фиксированная, оценка информации);
- умения на уровне текста (обработка и интерпретация информации, переделка на уровне смысла, перекодировка символов в значимые единицы).

Чтобы развить гибкость чтения при переходе от одного вида к другому, необходимо довести до автоматизма сами навыки чтения. Скорость чтения типична и характерна для трех из четырех видов чтения (кроме обучающего). Ознакомительное чтение предполагает скоростное чтение текста с пониманием основного содержания, но без установки на запоминание содержания, развивает целостное восприятие текста. Для зрелого чтеца предполагаемая скорость чтения про себя: английский и французский языки – 180–190 слов/мин, немецкий язык – 100 слов/мин.

Скорость чтения про себя у большинства студентов первого курса составляет 50–70 слов/мин. на английском языке. Эксперимент, проводимый на кафедре иностранных языков, показал, что при регулярном использовании на занятиях определенного вида упражнений (требующих от 5–10 мин. аудиторного времени) за 2 семестра скорость чтения можно повысить на 75–80%. Для увеличения скорости чтения про себя подбирались соответствующие технические тексты, содержащие в среднем приблизительно 600–800 п.зн. и включающие в себя не менее 3–5% незнакомой лексики, расположенной в различных частях текста, не связанные с передачей основной информации, например:

Radioactivity

It was found that the property of emitting penetrating radiations is not confined to uranium and its compounds. These strange happenings attracted the attention of Marie Curie (1867-1934), the wife of a well-known French scientist Pierre Curie (1859-1906). She thought that the radioactivity inside uranium was caused by some other chemical element. She obtained large quantities of pitchblende and after much patient work she produced a very small amount (a few milligrams) of a mysterious element. This substance gave out a bluish glow at the bottom of a test tube, and because it shone like this, the Curies called it "radium". It was found to be a million times more radioactive than uranium, but gave out alpha, beta and gamma radiations like uranium. The Curies and other scientists discovered that since beta particles were fast electrons, and since they were much smaller than atoms, the atoms inside radium were breaking up.

Проверка скорости чтения проводимого по формуле $60N / t$ слов/мин., где N – количество слов в минуту, t – индивидуальное время (с точностью до 10 секунд). Проверка понимания прочитанного осуществляется при помощи диагностического теста, включающего в себя 3–4 вопроса (возможно, с альтернативами) по основной информации текста.

Следует отметить, что одновременно с обучением ознакомительному чтению необходимо развивать навыки изучающего чтения, направленного на 100%-ное понимание как первостепенной, так и второстепенной информации, точности при дальнейшей его переработке с возможным воспроизведением. Тексты, предназначенные для отработки навыков изучающего чтения, могут быть большими по объему и содержать до 10–12% незнакомой лексики, расположенной в любом месте.

Умения, необходимые для овладения навыками ознакомительного чтения, состоят в следующем:

- уметь понимать языковой материал при чтении, устанавливать связи между отдельными языковыми единицами, объединять их в смысловое целое.
- уметь понять фактическое содержание прочитанного (понять отдельные факты, установить связь между ними, объединить в смысловой блок).
- уметь интерпретировать прочитанное.

Для выработки вышеперечисленных умений рекомендуется регулярно использовать на занятиях следующие виды упражнений для развития навыков ознакомительного чтения.

I. Упражнения для развития умений, связанных с пониманием языкового материала при чтении

1) быстрое узнавание слов или частей слова в любой грамматической форме (задания типа: найдите в каждом ряду прилагательные в превосходной степени, слова с отрицательными суффиксами или приставками).

Например: Укажите, какое из приведенных однокоренных слов является существительным: consider, considerable, considerably, consideration.

2) определение значения незнакомых слов:

по составу (переведите следующие слова, опираясь на знакомые части этих слов)

Например: development, designer и т.д.;

по контексту (выберите соответствующий русский эквивалент подчеркнутому в данном предложении слову).

Например: The long-time **negotiations** proved to be a real failure.

- а) переговоры
- б) разговоры
- в) дискуссия

3) понимание слов, выражающих связи между структурными элементами текста (предложения начинающиеся словами “that’s why”, “for example”, “so”, “finally”);

4) понимание структуры предложений, грамматических форм и конструкций.

- а) укажите слово, которое является подлежащим (сказуемым) в предложении.
- б) подберите точный перевод выделенных слов:

Например:

Both **kinds** of conductivity could **occur** in semiconductors.

в) к какому времени (настоящему, прошедшему, будущему) относится данное действие.

Например:

Plasma physics is growing rapidly.

5) Объединение знаний отдельных слов в смысловые группы:

- а) выберите правильный перевод каждого из следующих словосочетаний.

Например:

□ to make use of microwave amplifier, to study molecular structure of a material, to make the process more easy, to determine quantitative characteristics, to construct an operable laser, to select the relevant optical frequency, to determine a distance by means of a radar, to propose a new concept, to use molecular beams in microwave spectroscopy.

□ выбрать нужную оптическую частоту, определить количественные характеристики, использовать молекулярный пучок в микроволновой спектроскопии, создать готовый к работе лазер, воспользоваться микроволновыми усилителями, предложить новую концепцию, изучать молекулярную структуру материала, сделать процесс более легким, определить расстояние с помощью радара.

б) заполните пропуски в следующих предложениях с соответствующими предлогами, артиклями и союзами.

Например:

We don't forget the names ... the scientists who had contributed ... R&D.

II. Упражнения для развития умений, связанных с пониманием содержания текста.

1). Выделение в тексте смысловых вех (упражнения на понимание фактического содержания). Например: укажите номера тех выделенных в абзацах слов, которые несут основную смысловую нагрузку.

Например:

The number of *organic compounds* (1) known today is well over 4 million, and more are being *discovered* (2) *each year* (3). How are we to *begin* (4) the study of such a vast number of compounds?

Certain *similarities* (5) in the *behaviour* (6) of *organic substances* (7) were noticed and this was explained by the presence *within* (8) the molecules of the same groups of atoms. This was important for two reasons:

1. It led *eventually* (9) to the principle we accept today that the *properties* (10) of an organic compound may be regarded as the *sum* (11) of the properties of the *individual groups* (12) within its molecule.

2). Точное понимание определенной информации.

Например: а) укажите, какая из приведенных альтернатив выражает основную мысль абзаца.

б) закончите предложение в соответствии с приведенной в тексте информацией.

Например:

1) Valence is ...

2) The laser period opens with ...

в) подберите две близких по содержанию альтернативы и укажите их отличия.

1. It was desktop-sized personal computers replaced the minicomputer trend.

1-a. It was room-sized mainframe that re-computers that replaced the minicomputer trend.

2. One of these computers was called Apple was announced in 1975.

2-a. One of these computers was and it called Altair and it was announced in 1975.

3. Those who wanted could have now their own computer for business purposes at home.

3-a. Those who wanted could have now their own computer to play at home.

3). Выявление смысловых отношений между элементами текста.

а) Расположите данные предложения в логической последовательности.

Например:

1. But its current name the company took only in 1924.

2. It used a punch-card technology and electrical circuit to advance the mechanical counter.

3. These successful investments brought enormous profits for IBM.

4. The next machine to be introduced into the market was Model 650 initializing punch-card technology.
5. This invention became the foundation on which IBM was built.
6. The digital electromechanical computer Mark I was one of the first to be financed by IBM in 1943.
7. A new tabulating machine invented by Herman Hollerith was used for the US Census of 1890.
8. Later on, IBM made heavy investments in producing peripheral equipment, printers, terminals, key-punch machines and card sorters.

б) прочитайте текст и перечислите факты, на основании которых автор делает свои выводы.

4). Определение логических смысловых блоков:

а) прочитайте текст, определите, на сколько частей его можно разделить, и подберите соответствующий заголовок к каждой части.

б) прочитайте текст и выделите предложения (абзацы), которые можно изъять, не нарушая информационную целостность прочитанного.

в) используйте метод компрессии текста, сохранив его основное содержание.

5). Прогнозирование возможного продолжения прочитанного:

а) из предложенных абзацев выберите тот, который может служить логическим продолжением прочитанного текста.

б) заполните пропуски словами или предложениями из приведенных вариантов, которые подходят по смыслу.

в) подчеркните в абзаце те слова, которые передают основную мысль автора.

III. Упражнения для развития навыков интерпретации прочитанного.

1. Оценка прочитанного:

а) прочитайте текст и укажите, с какими из изложенных фактов вы согласны, а с какими нет (True-False Technique).

б) реорганизация изложенных фактов.

(Найдите в тексте факты, указывающие на историческое прошлое исследуемой проблемы, ее значение на современном этапе и возможные (прогнозируемые) варианты ее дальнейшей разработки).

в) понимание общего смысла прочитанного.

(Выберите из всего текста предложения, которые лучше всего отражают основную идею текста, сформулируйте на иностранном языке основную мысль автора, придумайте подзаголовки к прочитанному).

IV. Упражнения, предназначенные для развития навыков определения значения незнакомых слов.

а) определите контекстуальные значения уже известных слов, производных от них, имеющих общий корень в родном и иностранном языке.

Например: (courage, encourage, discourage, courageous etc.)

Аудиторную работу для автоматизации навыков как ознакомительного, так и обучающего чтения, увеличения скорости чтения как про себя, так и вслух, рекомендуется проводить на предтекстовых упражнениях разделов «Word-Study», «Increase your vocabulary», представленных в учебниках и учебных пособиях по данному курсу.

Литература

1. J. Gude Diagnostic Test. Oxford University Press, 2002.
2. Language Teaching: Methods and Approaches. Longman, 2002.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Э.Р. Хусайнова

В немецком языке словосложение является ведущим способом словообразования. Значительная часть словарного состава немецкого языка – сложные слова. Особенно продуктивно словосложение как способ образования слов, обозначающих предметы и явления, т.е. существительных. Подавляющее большинство немецких сложных существительных составляют определительные сложные существительные, где первый компонент относится ко второму как определяющий к определяемому. В качестве первого компонента может выступать основа любой части речи, но наиболее распространены сложные существительные с субстантивным первым компонентом.

Специфика немецких сложных существительных состоит в том, что они не только являются средством номинации предметов и явлений (Schreibtisch, Teekanne, Vorderrad и др.), но и способны выражать отношения, передаваемые свободным словосочетанием. Таким образом, сложное существительное в немецком языке является как бы двуприродным образованием, выполняя как лексические, так и синтаксические функции. Синтаксический характер сложных существительных проявляется, в частности, в легкости и простоте образования их в процессе речи для выражения самых разнообразных смысловых отношений, причем характер этих отношений формально не выражается и в одних случаях ясен из семантики непосредственных составляющих (НС), т.е. компонентов сложных существительных, их внутреннего контекста, например, Sommernacht, Balkontür, Begleitmusik, Fluchtversuch и т.п., в других случаях для правильной семантизации сложных существительных необходим внешний контекст.

Возможность образовывать сложные существительные в процессе речи ограничивается в немецком языке практически лишь возможным многообразием связей между предметами и явлениями и необходимостью выразить эти связи; теоретически же она безгранична, поскольку безгранична способность немецких существительных вступать в соединение с другими основами в форме сложного слова, что составляет специфическую черту строя немецкого языка.

Словари немецкого языка, а тем более немецко-русские, не могут охватить все многообразие немецких сложных существительных, количество которых просто не может быть определено и учтено, поскольку они возникают постоянно и на уровне языка в процессе номинации, и на уровне речи в процессе индивидуального речевого творчества. Поэтому перевод немецких сложных существительных является часто сложной переводческой проблемой, которую приходится решать индивидуально, в процессе работы над текстовым материалом.

При переводе определительных сложных существительных следует помнить, что основным компонентом таких существительных является последнее слово, обозначающее основное понятие или явление. Остальная часть сложных существительных (стоящая перед основным компонентом) выполняет функцию определения к основному понятию, например:

der Maschinen**bau** (die Maschine + der Bau) – машиностроение;

die Baum**maschine** (der Bau + die Maschine) – строительная машина;

der Stahl**bau** (der Stahl + der Bau) – строительство с применением стальных конструкций;

der Baust**ahl** (der bau + der Stahl) – сталь, применяемая в строительстве;

die Bau**industrie** (der Bau + die Industrie) – строительная промышленность;

der Industrieb**au** (die Industrie + der Bau) – промышленное строительство.

Существует несколько словообразовательных моделей сложных существительных, которые могут состоять из двух и более слов (основ). Перечислим общие закономерностью для всех упомянутых моделей.

1) Обязательное наличие в структуре сложного слова определяющего и основного компонентов.

2) Правило перевода сложного слова, исходя из функций составляющих его компонентов.

3) Наличие следующих вариантов перевода определяющих компонентов на русский язык:

а) прилагательным, например: *der Baustoff* – строительный материал;

б) существительным в родительном падеже, например: *die Bauweise* – метод строительства;

в) существительным в творительном падеже, например: *die Ziegelverkleidung* – облицовка кирпичом;

г) существительным с предлогом, например: *die Zugfestigkeit* – прочность на растяжение;

д) словосочетанием, в состав которого может входить обособленный причастный оборот или придаточные определительные предложения, например: *die Biegezugfestigkeit* – предел прочности на растяжение при изгибе;

die Stahbetonfertigkeit – сборный железобетонный элемент заводского изготовления (предварительно изготовленный в заводских условиях);

е) компонентом сложного слова, например: *der Portlandzement* – портландцемент.

Умение выводить значение сложного существительного из значений непосредственно составляющих его компонентов с учетом выполняемой ими функции (основное понятие или определение к нему) приобретает особое значение при чтении литературы по специальности, поскольку далеко не все встречающиеся там сложные существительные представлены в словарях. Однако при переводе сложного существительного следует иметь в виду и то обстоятельство, что иногда могут встретиться такие, значения которых трудно или нельзя вывести из значения отдельных компонентов. Такие существительные переводятся на русский язык одним словом, обозначающим это понятие, и этот перевод, как правило, имеется в соответствующих словарях, например:

Das Bauwerk – сооружение, *das Hochwasser* – паводок, *die Spannungsoptik* – фотопругость.

В немецком языке можно выделить несколько словообразовательных моделей определительного словосложения. Обозначив любую из этих моделей знаком m , можно выделить 4 словообразовательные модели m_1 , m_2 , m_3 и m_4 , являющихся наиболее частотными для научно-технической литературы. Используя для обозначения составных частей (слов) этих моделей буквы латинского алфавита (a, b, c etc.) мы можем представить структуру каждой из этих моделей в виде соответствующей формулы. Рассмотрим эти модели подробнее.

Модель $m_1=a+b$. Примером такой модели является сложное существительное *der Baustoff*, в котором *der Bau* = a и *der Stoff* = b. При этом компонент **b**, являясь последним и основным, выражает понятие «материал», а компонент **a** является определением к нему – «строительный». Таким образом, формула этой модели приобретает вид $m_1=a+b$. Например: *das Stadtzentrum* – городской центр; *die Zimmertemperatur* – комнатная температура; *die Plasmachemie* – химия плазмы.

Основной и определяющий компоненты могут соединяться друг с другом непосредственно и при помощи соединительных элементов (**e**s, **e**r, e). Наиболее частотным является (**e**)s, например: *der Delegationsleiter* – руководитель делегации; *die Versuchsreihe* – серия (ряд) опытов.

Чаще всего соединительный элемент **s** встречается после существительных женского рода, особенно с суффиксами **-heit, -keit, -tion, -tät, -schaft, -ung** и др., например: die Reibungskraft – сила трения; die Wirtschaftsreform – экономическая реформа; die Effektivitätssteigerung – повышение эффективности. Как и при чтении, соединительный элемент всегда относится к первому компоненту.

Большинство ошибок при анализе структуры сложного слова приходится обычно на сложные слова с соединительным элементом **e(s)** в том случае, когда следующее существительное начинается с **гласной**, например: die Spannungseinheit (Spannung +s+ Einheit) – единица напряжения.

Понимание структуры словообразовательной модели, имеющей формулу **m₁=a+b**, способность видеть смысловые связи входящих в нее компонентов и выводить на основе такого анализа значение всего сложного существительного являются условием правильного понимания и сложных существительных, образованных по другим моделям. Это объясняется тем, что принцип деления на определяющий и основной компоненты и возможность выведения на этой основе значения всего существительного распространяются на все последующие словообразовательные модели, в которые модель **m₁** входит в качестве одного из компонентов.

Процесс выведения значения сложного существительного, словообразовательная модель которого имеет формулу **m₁=a+b**, можно представить как строгую последовательность следующих операций:

1. выделение последнего и основного компонента, выражающего основное понятие;
2. нахождение первого компонента, выполняющего функцию определения к основному понятию;
3. перевод основного понятия существительным;
4. выбор варианта перевода определяющего компонента;
5. подбор более точного русского эквивалента, например: die Zusammenarbeit – совместная работа – сотрудничество;
6. обращение к словарю в случае невыводимости значения слова с опорой на словообразовательную модель.

Модель m₂= m₁+c. Как видно из формулы, одним из составных компонентов этой модели является уже рассмотренная выше модель **m₁=a+b**, выполняющая теперь функцию определения к компоненту **c**, обозначающему основное понятие. Например:

die Baustoffchemie, где основное понятие «химия», а определение к этому понятию Baustoff – «строительный материал», в результате чего выводим значение всего существительного – «химия строительных материалов»;

die Baustoffindustrie – промышленность строительных материалов;

Выведение значения сложного существительного по данной словообразовательной модели можно осуществить с помощью следующего алгоритма:

1. выделить последний компонент **c**, выражающего основное понятие.
2. найти определяющий компонент (**m₁=a+c**)
3. перевести основное понятие (**c**) существительным.
4. выбрать вариант перевода определяющего компонента (**m₁**).
5. подобрать более точный русский эквивалент.
6. обратиться к словарю в случае невыводимости значения слова.

Модель m₃=c+m₁. В данной модели **m₁** выполняет функцию основного компонента, выражающего понятия. Например:

das Atomkraftwerk: основное понятие Kraftwerk (электростанция), а определение – «атомная» (Atom), в результате получаем – «атомная электростанция».

die Montagebauweise – монтажный метод строительства.

Алгоритм выведения значения сложного существительного по модели **m₃=c+m₁**:

1. Выделить последний компонент **m₁=a+b**, выражающего основное понятие.

2. Найти определяющий компонент **c**.
3. Выбрать вариант перевода основного компонента (**m₁**).
4. Перевести определяющий компонент **c**.
5. Выделить значение всего сложного существительного.
6. Подобрать более точный русский эквивалент.
7. Обратиться к словарю в случае невыводимости значения слова.

Модель $m_4 = m_1 + m_1$. Из данной формулы видно, что рассматриваемая модель представляет собой результат сложения двух моделей **m₁** (**a₁+b₁**) + (**a₂+b₂**), из которых последняя (**a₂+b₂**) обозначает основное понятие, а другая (**a₁+b₁**) является определением к основному понятию. Пример:

die Niederdruckwasserheizung – водяное отопление низкого давления;

(**a₁+b₁**) (**a₂+b₂**)

der Körperschalldämmstoff – изоляционный материал от шумов,

(**a₁+b₁**) (**a₂+b₂**) передаваемых через конструкции.

Алгоритм выведения значения сложного существительного по модели **m₄=m₁ + m₁**:

1. Выделить последний компонент (**a₂+b₂**), выражающего основное понятие.
2. Найти определяющий компонент (**a₁+b₁**).
3. Выбрать вариант перевода основного понятия.
4. Выбрать вариант перевода определяющего компонента.
5. Вывести значение всего сложного существительного.
6. Подобрать более точный русский эквивалент.
7. Обратиться к словарю в случае невыводимости значения слова.

Модель **m₄** встречается значительно реже по сравнению с тремя предыдущими и относится, как правило, к технической терминологии, далеко не всегда представленной в словарях.

Подводя итог рассмотрению моделей определительного словосложения существительных, следует сказать, что наиболее частотной является модель **m₁**. Навык узнавания этой модели и выведения значения этого типа существительных приобретает особое значение и по ряду следующих причин.

1. Принцип двухкомпонентности сложных существительных и четкого распределения между компонентами функций обозначения основного понятия или определения к этому понятию распространяется практически на все возможные модели определительного словосложения.

2. Навык узнавания и понимания смысловых связей модели **m₁** является также предпосылкой узнавания и выведения значений других моделей (**m₂, m₃, m₄**), одним из компонентов которых всегда является **m₁**.

Литература

1. Гильченко Н.Л. Практикум по переводу с немецкого на русский. СПб, 2005.
2. Лутовинова А.А. Грамматика немецкого языка для чтения научно-технической литературы. / Уч. пос. М., 2005.
3. Хаит Ф.С. Пособие по переводу текстов с немецкого языка на русский. М., 2002.
4. Schade G. Einführung in die deutsche Sprache der Wissenschaften. Berlin, 2003.

МЕТОД ПРОЕКТОВ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕГО ПРИНЦИПОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Т.К. Чарская

В современных социально-экономических условиях владение иностранным языком как средством межкультурной коммуникации становится необходимой составной частью профессиональной компетенции специалиста. Знание языков выступает в качестве важного показателя современного образования, а владение английским языком является столь же обязательной предпосылкой успешной карьеры, как и умение пользоваться компьютером.

Ввиду того, что значимость прагматических аспектов изучения языка возрастает вместе с потребностью в этом языке как средстве общения, то даже при изучении иностранного языка в неязыковом вузе важно находить выход в реальную коммуникацию. (Глухова Ю.Н., 2005) В связи с этим особую актуальность приобретает поиск способов организации эффективного коммуникативно-ориентированного обучения и разработка методов формирования профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, т.е. комплекса знаний и умений для выработки стратегии и тактики профессионального общения на иностранном языке. Следует отметить, что в последние годы именно прагматический аспект преподавания и изучения иностранных языков является предметом пристального внимания и интереса психологов, лингвистов, лингводидактов и методистов.

В настоящее время в процесс обучения иностранным языкам все активнее входят интерактивные формы обучения, позволяющие приблизить процесс обучения к реальной ситуации общения в атмосфере сотрудничества и речевого партнерства. Наиболее эффективной и перспективной формой реализации коммуникативно-интерактивного подхода представляется метод проектов, сутью которого является организация коммуникативно-познавательной иноязычной деятельности в рамках группового сотрудничества. Как отмечает О.А. Артемьева (Артемьева О.А., 2005) в основе рассматриваемого метода лежит концепция развивающего обучения, т.е. совершенствование в процессе обучения стиля умственной творческой деятельности будущих специалистов через формирование проектной культуры.

Важной характеристикой обучения с использованием проектного подхода является абсолютно самостоятельная творческая деятельность студентов на всех этапах проекта: выбор и формулировка темы, сбор информации, изложение результатов в письменной форме, защита проекта. В результате происходит оптимизация учебного процесса за счет возрастания удельного веса и статуса самостоятельной работы, которая, наряду с практическими занятиями, становится полноценным и обязательным видом учебно-познавательной деятельности студентов.

Проект – это способ обучения, который учит непосредственно самому процессу говорения и письма. В процессе речевой деятельности язык выступает в ней средством, а не целью. Именно в процессе речевой деятельности, а не при заучивании и запоминании законов языка, лучше и быстрее усваивается язык, потому что тут он выступает в своей естественной функции – в функции средства общения. (Бадмаев Б.Ц., Малышев А.А., 1999).

Проект – это работа, которая позволяет проводить контроль сформированности умений в творческой письменной и устной речи студентов, в частности, умения генерировать новые идеи и осуществлять коммуникацию, используя языковые и речевые средства.

Сегодняшняя образовательная политика направлена на уменьшение роли репродуктивной учебной деятельности и отмену авторитарной позиции преподавателя, на построение личностно-ориентированной образовательной системы, где одним из клю-

чевых положений является продуктивный характер учебной деятельности и активная позиция учащегося как субъекта учебного процесса. Поэтому все меньше места занимают в учебном процессе такие учебные речевые действия, которые не характеризуются хотя бы условной коммуникативностью, например, чтение всеми студентами одного и того же текста и пересказ его друг другу. Все больше используются групповые работы над разными текстами. Такая работа готовит студентов к реальной жизни, обмену информацией с теми, кто читал другие тексты, к оценочным суждениям по поводу прочитанного и услышанного от других.

Необходимость поставить студента в центр учебного процесса, сделать его активным субъектом деятельности учения, организовать его взаимоотношения с другими студентами, придать учебному процессу практическую направленность заставляет отдавать предпочтение таким технологиям, как обучение в сотрудничестве и метод проектов. С помощью этих форм обучения реализуются дидактические и методические принципы обучения языкам, создаются оптимальные условия для развития личности студента и формирования у него учебно-познавательной и интерактивной компетенции, наиболее востребованных в современном мире. (Волкова А.Н., 2004)

Названные достоинства проективного подхода, казалось бы, говорят в пользу того, чтобы его быстрее внедряли в практику обучения. Известно, однако, что прямой перенос экспериментальных методик в массовое обучение имеет ряд принципиальных ограничений и поэтому редко приносит тот же эффект. В реальной ситуации обучения на передний план часто выходят различные отвлекающие обстоятельства, от которых в экспериментальном обучении сознательно абстрагируются. Отсюда закономерное расхождение между возможностями экспериментальных методик и реальной эффективностью их практического применения.

Что касается возможных выходов проективной методики в практическое обучение, то, не вдаваясь в детали разработки данной методики и не затрагивая сугубо специальных вопросов лежащей в их основе психологических концепций, можно сформулировать некоторые проблемы, с которыми встречаются преподаватели, пытаясь организовать работу в учебных группах по принципам интерактивного общения.

Во-первых, все публикации по проективной методике и экспериментальные методические разработки, сделанные на ее основе и применяемые в обучении, носят или сугубо теоретический, или узкоспециальный характер.

Во-вторых, в психолого-педагогической литературе слабо отражены факторы и приемы, способствующие эффективному управлению работой в группе.

В-третьих, особенности контроля сформированности языковых умений и навыков, вопросы определения критериев оценки разговорных навыков и деятельности студентов в экспериментальной технологии подготовки специалистов получили значительно меньшее освещение в методической литературе по сравнению с другими проблемами.

Таким образом, внедрение группового обучения в учебный процесс является сложной и трудоемкой задачей. Методисты и психологи, занимающиеся исследованием интерактивных форм обучения, подчеркивают необходимость большой предварительной подготовки, как со стороны преподавателя, так и со стороны студентов. Отсутствие у обучаемых умения работать в команде, страх вступать в дискуссию и выступать публично, социальное иждивенчество могут стать причинами, препятствующими эффективной работе в группах. Для успешной реализации проектного подхода важна не только психологическая, но и языковая подготовка студентов, владение технологиями построения устного выступления, составления плана, тезисов и написания текста выступления.

В целях оптимизации процесса обучения на кафедре иностранных языков ГУИТМО исследуются возможности применения интерактивного, в частности, проектного подхода в учебном процессе. На основе известной в отечественной психологии и

получившей международное признание теории поэтапного формирования умственных действий профессора П.Я. Гальперина разрабатывается экспериментальная методика обучения устному профессионально-ориентированному общению. Данная методика, учитывающая основные принципы интерактивного подхода, а также требования к уровню владения иностранными языками, сформулированными Советом Европы в рамках новой концепции европейского образования, представляет собой следующий набор элементов:

- а) создание учебно-методических средств;
- б) организация действий студентов в процессе занятий и самостоятельной работы.

Для обеспечения эффективного управления работой в группах мы использовали приемы, предложенные Paulette Dale and James C. Wolf и Johnson D., Johnson R. and Smith K.

В настоящее время проходит экспериментальную проверку модуль общего курса «Язык делового общения». Курс опирается на языковую базу, сформированную за время обучения в средней школе с углубленным изучением английского языка. В качестве конечной цели ставится овладение рациональным подходом к составлению выступления (доклада, презентации) и, главное, логически стройному, доказательному изложению речи перед аудиторией.

Предлагаемый модуль по курсу обучения устному профессионально-ориентированному английскому языку выполнен как дополнение к лекционным и практическим занятиям и ни в коей мере не заменяет их.

Поскольку коммуникативная компетенция - не столько сумма знаний, сколько совокупность умений и навыков, учебный курс заканчивается защитой проектов, избранной как форма итогового контроля. Защита проекта происходит следующим образом.

1. Цель: формирование практических умений выступать перед аудиторией, отвечать на вопросы. Студенты получают практику анализа устного выступления. Отрабатывается умение правильно ставить вопросы.

2. На выступление отводится 10 минут. Один цикл (прослушивание, вопросы и ответы, разбор выступления) занимает 20–25 минут. За два учебных часа можно прослушать и разобрать 4 выступления.

3. Студенты разбиваются на три–четыре группы: выступающих с докладами (три–четыре человека); оппонентов, готовых задавать вопросы выступающему (5–6 человек); остальные участники – в роли рецензентов, которые будут разбирать выступления. Непосредственно в ходе защиты:

- выступающий излагает подготовленную тему;
- оппоненты задают 2-4 вопроса;
- выступающий отвечает на вопросы;
- рецензенты оценивают выступление;
- преподаватель /или жюри/ делает заключение, подводит итоги.

Примерные критерии оценки выступления:

- План и композиция. Расчет времени. Вступление и заключение.
- Доказательность и убедительность изложения. Доходчивость.
- Контакт с аудиторией. Манера держаться. Пользование конспектом.
- Ответы на вопросы слушателей.

В заключение следует отметить, что представленные здесь критерии оценки выступления ориентирует студентов на сознательное восприятие поставленных задач, тем самым одновременно обеспечивается формирование адекватных мотивов учения, а также продуктивного в учебном отношении поведения на практических занятиях.

Таким образом, проектный подход, строящийся на активной основе, через целенаправленную автономную деятельность студентов, соотносясь с их опытом и личными интересами, что создает оптимальные условия для развития личности студента и фор-

мирования у него учебно-познавательной и интерактивной компетенции, является формой обучения, с помощью которой реализуются общедидактические и методические принципы обучения иностранным языкам.

Литература

1. Артемьева О.А. Обучение профессионально-ориентированному английскому языку на основе современных методов. / Лингвистика и методика обучения иностранным языкам. Сборник научных трудов. СПб, 2005. Вып. 2. С.9–17.
2. Бадмаев Б.Ц., Малышев А.А. Психология обучения речевому мастерству. М.: Владос, 1999.
3. Волкова А.Н. Проектный подход как средство повышения эффективности обучения иностранным языкам студентов./ Актуальные вопросы современного университетского образования. СПб, 2004. С. 202–203.
4. Глухова Ю Н. К вопросу о формировании иноязычной коммуникативной компетенции в рамках интеграционных образовательных процессов в Европе. / Лингвистика и методика обучения иностранным языкам. Сборник научных трудов. СПб, 2005. Вып. 2. С.34–41.
5. Johnson D., Johnson R. and Smith K. Active Learning Cooperation in the College Classroom. Edina, NM: Interactive Book Co, 1991.
6. Paulette Dale and James C. Wolf. Speech Communication FOR International Students. New Jersey, 1988.

ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭКОНОМИКУ

В.И. Подлесных

«Новая экономика». В последние несколько лет предпринимаются попытки сформулировать главные особенности влияния Интернет-технологий на экономику.

Современное или достаточно скоро ожидаемое состояние экономики обозначается различными терминами: новая экономика, сетевая экономика, высокотехнологичная экономика, цифровая экономика. Наиболее часто используется термин «новая экономика». Термин «новая экономика» наиболее точно характеризует анализируемые социально-экономические явления.

Суть толкования феномена «новой экономики» пока не раскрыта. Наиболее распространенный подход – рассмотрение «новой экономики» как непосредственной основы информационной эпохи. Конкретизируя эту мысль, следует отметить, что основополагающим элементом или материальной базой информационного общества является новая информационная экономика. Другими словами, по этой версии к «новой экономике» – электронному рынку относятся отрасли народного хозяйства, где производятся компьютерное и коммуникационное оборудование и их программное обеспечение, а также вся система формирования, хранения, распространения и получения информации, в значительной мере построенная на сети Интернет. При таком подходе к «новой экономике» отнесена также вся предпринимательская деятельность, в той или иной степени использующая современные электронные информационные и коммуникационные технологии.

Существует и другая концепция «новой экономики», представленная, в частности, советом экономических консультантов при Президенте США. Согласно этой концепции, американская экономика последнего десятилетия XX века целиком характеризуется как «новая экономика» из-за экстраординарного прироста ее показателей, включая быстрый экономический рост, увеличение доходов, низкую безработицу и умеренную инфляцию, что стало результатом комбинированного эффекта от взаимодействия достижений в технологии, деловой практике и экономической политике.

Какие бы толкования «новой экономики» не появлялись в научных работах, бесспорно одно: сегодня все большее распространение получает концепция информационного общества. Характерными особенностями информационного общества являются:

- разработка и использование научно-технической и иной информации – главный источник развития общества;
- капитал и труд как основа индустриального общества уступают место знанию и информации в информационном обществе.

На основе синтеза телевидения, компьютеризации и энергетики постепенно разрабатывается и реализуется проект «глобальной электронной цивилизации». Информационно-технологическая революция уже сейчас приводит к замене традиционной печати электронными учебниками и книгами, изменяет науку, образование, духовные ценности, культуру и т.п. При этом в корне меняются механизмы человеческого общения и взаимодействия. Например, в процессе обучения уже сегодня резко сокращается прямой контакт преподаватель – студент, а многократно возрастает их общение и взаимодействие через компьютер в рамках сетевой электронной системы. Аналогичные процессы протекают и в других областях человеческой деятельности. Следовательно, формирование го-

сударственной политики в любой стране по отношению к «новой экономике» так или иначе будет затрагивать все социально-экономические процессы в стране.

Информационно-технологическая революция. В настоящее время внедрение информационных технологий, и в первую очередь глобальной сети Интернет, во все сферы предпринимательской деятельности приводят к преобразованию существующих рыночных структур и созданию абсолютно новых видов рынков. Эта тенденция распространяется на самые разные рынки – товаров и услуг, предметов потребления, капитала, услуг здравоохранения, образования и квалифицированной рабочей силы. В связи с этим можно говорить об образовании новой экономики.

Новая экономика – среда, в которой любая компания или индивид, находящиеся в любой точке экономической системы, могут контактировать легко и с минимальными затратами с любой другой компанией или индивидом по поводу совместной работы, для торговли, для обмена идеями и ноу-хау или просто для удовольствия.

Новая экономика представляет собой сетевую системно организованную пространственную структуру взаимоотношений между экономическими субъектами, включающую в себя индустрию создания и использования новых информационных технологий и продуктов, телекоммуникационные услуги, электронный бизнес, электронную коммерцию, электронные рынки, телебанкинг и другие составляющие компоненты. Существование сетевой экономики связано не с внедрением сколь угодно большого количества компьютерной техники, а с коммуникацией этих компьютеров. Объединенные в единое целое, многочисленные компьютеры образуют специфическую сеть, функционирующую на основе принципов, которые значительно отличаются от принципов, характерных для традиционной экономики.

В рамках новой экономики предпринимаются попытки сформулировать главные особенности влияния Интернет-технологий на экономику. Появилась концепция электронного предпринимательства (электронного бизнеса) и электронной коммерции. В настоящее время под термином «электронный бизнес» принято понимать интеграцию систем, процессов, организаций, каналов обмена информации, рынков, в которых использование Интернета и связанных с ним телекоммуникационных сетей, информационных технологий и методологий играет ключевую роль в одной или нескольких стадиях предпринимательской деятельности. В большинстве экономически развитых стран зафиксирован процесс экспоненциальной тенденции к росту всех сфер электронного предпринимательства и, в частности, электронной коммерции.

Эксперты Международного валютного фонда (МВФ) пришли к выводу, что сейчас мир переживает информационно-технологическую революцию (ИТ-революцию), которая во многом отличается от предыдущей технологической революции по масштабам распространения в странах мира и глубине воздействия на все сферы жизни, а не только на экономику. Правда, специалисты МВФ непосредственно к ИТ-революции относят лишь компьютеры, их программное обеспечение и телекоммуникационное оборудование.

По подсчетам авторов очередного обзора состояния и перспектив развития мировой экономики, подготовленного исследовательским отделом МВФ, фактически во всех обследованных странах, включая США, доля расходов в ВВП на ИТ-революцию с 1992 по 1999 годы существенно выросла и в среднем составляет от 3 до 5%. А некоторые страны, можно сказать, фактически переориентировали свою экономику на производство компонентов ИТ-революции. Так, в ВВП Сингапура их доля превысила 30%, Малайзии – чуть менее 30%, а в Ирландии, Республике Корея, на Филиппинах, Тайване, в Таиланде эта доля колеблется от 7 до 14%. Около 5% ВВП падает на производство ИТ-изделий в Финляндии и Швеции¹. Конечно, по абсолютным показателям лидерство и в затратах на ИТ-революцию, и в производстве ее компонентов сохраняют США и

¹ “World Economic Outlook”. IMF, October 2001

Япония, чей ВВП намного превосходит ВВП других стран. Но главное в этом процессе состоит в том, что в мировом сообществе наступление XXI века совпало с преодолением той точки траектории цивилизованного процесса, когда уже без ИТ-революции невозможно никакое движение вперед, невозможно решение проблем как отдельных стран, так и всего человечества. И, как показал анализ, государство не сторонится этого процесса, а выступает его активным и нередко ведущим участником.

Рассмотренные выше перемены означают настоящую «тихую революцию» организационно-управленческого мышления. Организационно-управленческая революция требует:

- увеличения объемов производства при сокращении используемых ресурсов;
- активного участия в процессе труда всех сотрудников организации;
- отношения к переменам как к естественному состоянию внешней среды;
- создания благоприятствующей совместному труду организационной культуры.

Современный подход к организации и менеджменту значительно отличается от традиционных представлений о процессах организации и управления (разделение труда и специализация, жесткий контроль сверху донизу). Глобализация, обострение конкурентной борьбы, новая экономика изменяют как саму природу работы менеджера, так и маршруты его продвижения по иерархической лестнице. Новые парадигмы требуют от менеджеров развития организационных способностей к обучению.

В современных условиях развития социально-экономических систем на первый план выходит проблема неустойчивой нелинейной динамики, связанной с неравновесием системы, с движением ее скачками, хаотично. Однако менеджеры продолжают обучать восприятию мира как системы, находящейся в равновесном состоянии. Определяющей парадигмой XX века была вера в равновесие, в то, что во всем мире возможны устойчивость и целесообразность. Новый подход к видению мира, новая парадигма базируется на умозрительном восприятии, которое весьма далеко от представлений о равновесии. Отсутствие равновесия означает, что в хаотичном мире ничто не является устойчивым, и поэтому новая парадигма предполагает поиск приемлемого состояния системы в процессе непрерывных изменений, а это уже новый взгляд на мир, на течение процессов, на деятельность организации и систему управления.

Ускоренные темпы процесса изменений, все большее сокращение длительности производственного цикла влекут за собой существенные сдвиги в мировоззрении по отношению к внешней и внутренней среде организации, в формировании новой идеологии организации и управления. Сформировались новые основные ценности и новая идеология организации и управления:

1. проблемы решаются в условиях постоянных изменений и неопределенности;
2. технологии из механистических превратились в электронные;
3. иерархия становится все более «приплюснутой»;
4. власть и контроль все чаще передаются на нижние уровни организации;
5. люди стремятся к карьере, которая открывает пути для индивидуального роста и обретения мастерства в решении сложных задач, которые решаются скорее командами, чем индивидами.

Новый мир характеризуется заинтересованностью в глобальных рынках и поставщиках, ориентацией не столько на прибыли, сколько на удовлетворение потребностей, подходом к информации как к основному ресурсу, отношением к наивысшему качеству как к норме. Осознание изменения парадигмы – процесс длительный и трудный, он побуждает многие фирмы к коренной реорганизации в плане пересмотра стратегии развития, общего видения главной цели и предназначения, новых способов организации и планирования, децентрализации управления, появления новых горизонтальных

структур, ориентации на команды и системы, доступности информации всем работникам, карьеры в горизонтальной плоскости.

Литература

1. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991. 240 с.
2. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 2003. 864 с.

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

А.А. Гусева, С.Б. Смирнов

Рост объемов и разнообразия мирохозяйственных связей, сопровождающийся усилением экономической взаимозависимости стран мира – суть процесса, который принято именовать глобализацией мировой экономики. В результате формируется относительно целостная экономическая система, которая практически охватывает территорию всей планеты и диктует собственные правила игры национальным хозяйствам. Феномен глобализации, несомненно, играет определяющую роль в мировом развитии, а также способствует формированию новой системы международных экономических и политических отношений.

Намечая долгосрочную стратегию России, необходимо по-новому осознать место и роль внешней политики в ее реализации. В свою очередь, контуры этой политики определяются на базе реальных процессов реструктуризации мировой системы.

Степень и характер включения той или иной страны в мирохозяйственные отношения, прежде всего в международную торговлю, определяются, как известно, рядом экономических факторов. К наиболее значимым из них обычно относят величину экономического потенциала, стадию технико-экономического развития и обеспеченность природными ресурсами. Упомянутые факторы не в последнюю очередь определяют масштабы и характер присутствия России на мировых рынках.

Материально-техническая база народного хозяйства страны в последние годы не обновляется. Степень износа оборудования в промышленности достигает почти 70%, а его средний возраст – 16 лет (вдвое больше, чем нормальный по мировым меркам срок службы оборудования). Ежегодно в промышленности выбывает 3–5% производственных мощностей. Seriously ухудшилась техническая оснащенность аграрного сектора, выбытие машин покрывается вводом лишь на 10–15%. Производительность труда в отечественной промышленности составляет 52% среднемирового уровня. Объем капиталовложений в последние годы постоянно снижается и составляет уже менее четверти уровня 1990 года.

При наличии таких структурных перекосов в экономике и устаревшего производственного аппарата Россия использует во взаимодействии с внешним миром узкий спектр имеющихся у нее конкурентных преимуществ. Важнейшее из них – обеспеченность страны основными видами минерально-сырьевых ресурсов. Общая стоимость балансовых запасов полезных ископаемых в стране сравнительно велика и оценивается в 28.6 трлн. долл., но прогнозируемая часть запасов больше балансовой в 3–4 раза.

Следующим по значению конкурентным преимуществом, на которое опирается Россия во внешнеторговом обмене, является наличие в стране значительных по объему основных фондов, сосредоточенных в обрабатывающих отраслях и, прежде всего, осуществляющих первичную переработку сырья – металлургии, химии, деревообработке. Крупные перерабатывающие мощности позволяют стране удерживать позиции экспортера простой химической продукции, главным образом удобрений, несложных видов проката и лесоматериалов. В середине 90-х годов прошлого века Россия вышла на 2-е место в мире среди экспортеров продукции черных металлов, стала лидером по экспорту алюминия (25% мирового экспорта), никеля (20%), меди (11%).

В целом обрабатывающие отрасли приносят стране примерно половину валютных поступлений. В то же время уровень конкурентоспособности российской обрабатывающей промышленности в целом невысок. По некоторым оценкам, только около 6% ее продукции могут конкурировать на мировых рынках. Доля России на мировых рынках высокотехнологичной продукции крайне мала – лишь несколько десятых долей процента.

Вместе с тем отечественные обрабатывающие отрасли располагают весьма важным в современных условиях конкурентным преимуществом – наличием уникальных передовых технологий, которые опираются на достижения отечественной фундаментальной и прикладной науки и традицию российской научно-технической мысли. Они воплощены в изделиях, по многим параметрам не уступающим мировым аналогам. Такими технологиями располагают, прежде всего, аэрокосмическая и атомная промышленность, судостроение, производство лазерной техники и средств информатики, разработка программного обеспечения. Во многом благодаря оборонной продукции Россия поддерживает удельный вес продукции машиностроения в экспорте на уровне 10%. При этом страна за последние годы является четвертым по значению мировым экспортером вооружений (после США, Великобритании и Франции). Дальнейшее освоение экспортного потенциала оборонных и других наукоемких отраслей предполагает решение непростой задачи адаптации воплощенных в их продукции технологий к требованиям, предъявляемым мировым рынком к эффективности производства. Нужно прежде всего уменьшить производственные затраты до уровня ниже цен мирового рынка.

Сохранение ослабленного за последние годы и все еще сокращающегося научно-технического потенциала является первоочередной задачей. По-прежнему снижается инновационная активность предприятий. Лишь около 5% из них занимаются технологическими инновациями – ведут исследования, разработки, испытания и подготовку нового производства, закупают новое оборудование. Среди этих предприятий всего 2/5 – машиностроительные. Уровень новизны инновационной продукции, определяемый долей принципиально новых и существенно усовершенствованных изделий, не превышает 12% общего производства даже инновационно-активных предприятий. Только каждое двадцатое предприятие может выпускать продукцию, соответствующую требованиям современного рынка. Отечественные научно-технические заделы постепенно тают: распространенной стала такая практика сотрудничества с иностранными фирмами, когда за рубеж уходят за бесценок невостребованные у нас идеи, ноу-хау и результаты НИОКР. Уменьшение числа предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) уже привело к массовой внутренней миграции научных кадров из оборонных НИИ и КБ. Зарубежные компании готовятся к внешней их миграции и формируют картотеки специалистов из России, у которых истекают сроки подписки о неразглашении государственной тайны. С учетом того, что российская фундаментальная наука в результате утечки мозгов уже утратила около 40% своих лучших исследователей, кадровое ослабление научных учреждений оборонных отраслей может оказаться невосполнимым. Путь России на верхние этажи глобального рынка – рынка наукоемкой продукции, который не без оснований связывается большинством отечественных специалистов с возможностями ВПК, представляется достаточно сложным.

Еще одно конкурентное преимущество России – трудовые ресурсы. По оценке швейцарского института Бери, ежегодно проводящего исследования качества рабочей силы в разных странах, Россия находится в середине второй десятки из обследуемых институтом 49 стран по уровню квалификации рабочих, имея 53 балла из 100 возможных. Это благоприятный ресурс в борьбе за место на международных рынках. Правда, вопреки распространенному мнению о дешевизне российской рабочей силы, соотношение заработной платы и производительности труда наших рабочих проигрывает аналогичному показателю во многих странах, составляя 1/5 максимального уровня. Трудовая дисциплина оценивается в 1/3 максимального уровня. Основная масса российской рабочей силы, за исключением работников ВПК, может широко использоваться главным образом в производстве несложных трудоемких видов продукции.

Таким образом, Россия интегрируется в мировую экономику, имея деформированную структуру народного хозяйства, стремительно стареющий производственный аппарат и основанные на природных ресурсных факторах конкурентные преимущества.

Невысокий уровень технико-экономического развития, низкая конкурентоспособность большинства отраслей отечественной промышленности и наличие излишков добываемых природных ископаемых в условиях экономического спада – вот основные причины того, что Россия участвует в международном разделении труда в незавидном качестве поставщика сырья и потребителя готовой продукции. Структура отечественной внешней торговли, вопреки укоренившемуся и широко распространенному убеждению, полностью соответствует нынешнему жалкому состоянию производственного потенциала страны.

В начале нового века ожидается дальнейшее усиление взаимосвязей и взаимозависимостей между национальными хозяйствами стран мира. Весьма высокими темпами будет и впредь расти международный обмен товарами, услугами и капиталом. Необходимость адаптации отечественного народного хозяйства к этим тенденциям, очевидно, требует такой стратегии взаимодействия с внешним миром, которая позволяла бы постепенно улучшать позиции России и минимизировать неблагоприятные внешние воздействия.

Наряду с повышением конкурентоспособности, интеграции России в мировую экономику способствовало бы также совершенствование механизма государственного регулирования внешнеэкономических связей с учетом задач структурной перестройки и повышения эффективности народного хозяйства. Этот механизм следовало бы построить так, чтобы, с одной стороны, не возникали дополнительные препятствия для экспорта и импорта товаров и услуг, а с другой – усиливалась бы выборочная поддержка отдельных секторов отечественного производства и внутреннего рынка с помощью общепринятых инструментов. Определенное усиление защиты этих секторов необходимо для того, чтобы помочь встать на ноги предприятиям, секторам и отраслям, потенциально способным выдерживать конкуренцию. Это особенно важно в период, предшествующий официальному вступлению России во Всемирную торговую организацию и переходу к свободной торговле в рамках форума азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества.

Литература

1. Оболенский В. Глобализация мировой экономики и Россия. // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №5. М.: Наука, МАИК «Наука / Интерпериодика». 128 с.
2. Кочетов Э. Осознание глобального мира. // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №3. М.: Наука, МАИК «Наука/ Интерпериодика». 128 с.

РОЛЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РАЗВИТИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

Л.В. Тюленев

Одной из особенностей современного этапа развития страны является повышение роли и совершенствование инфраструктуры.

Как известно, в самом обобщенном виде инфраструктура представляет собой совокупность отраслей народного хозяйства, создающих условия для нормальной жизнедеятельности общества. При становлении любого типа экономики главенствующую роль, как правило, выделяют производству, которое является основой для развития общества. Это определяет первоначальное значение именно производственной инфраструктуры.

В начале своего развития, до наступления машинного способа производства, инфраструктура не выделялась в особую сферу деятельности. В общей неразвитости производства удельный вес инфраструктуры незначителен.

Процесс формирования инфраструктуры в качестве относительно самостоятельной сферы общественного производства прошел ряд этапов, определяемых крупными вехами в общественном разделении труда. Первоначально отделение ремесла от земледелия вызвало появление городов, объективно способствуя усилению продуктообмена между городом и деревней, что вело к развитию инфраструктуры. Отделение торговли от земледелия и промышленности привело к дальнейшему росту продуктообмена за счет вовлечения в хозяйственный оборот новых территорий, что, в свою очередь, с необходимостью потребовало расширения инфраструктурной сферы.

В основе развития инфраструктуры лежит введение машинного способа производства, который вызвал разделение деятельности по производству продуктов на отдельные обособленные виды труда, т.е. происходит общественное разделение труда, в связи с чем происходит развитие инфраструктуры из-за увеличения потребностей отдельных видов деятельности.

Таким образом, производственная инфраструктура приобрела свое качество, заключающееся в том, что она превратилась в развивающиеся отрасли и виды деятельности. Такими отраслями являются отрасли транспорта и связи. Функцией транспортной отрасли явилось осуществление процесса перевозки товаров, готовых к потреблению и необходимых для процесса производства. В самостоятельную отрасль выделилась также и отрасль по передаче сообщений, т.е. связь.

Впервые термин *инфраструктура* был использован в экономическом анализе для обозначения объектов и сооружений, обеспечивающих нормальную деятельность вооруженных сил (начало XX в.). Он произошел от латинских слов «*infra*» - ниже, под; «*struktura*» - строение, расположение. Несмотря на широкое использование, существуют различные трактовки этого понятия.

Одна группа авторов определяет инфраструктуру как систему обслуживания, видя функцию инфраструктуры в представлении услуг производству и населению, в обслуживании производства и населения.

Другие понимают под инфраструктурой только систему производственного обслуживания в виде ее назначения в создании общих условий производства, в обеспечении деятельности основного производства.

В современной экономической теории анализ инфраструктуры – неизменно актуальная тема. Впервые понятие «инфраструктура» появилось в буржуазной политэкономии в конце 40-х годов нашего столетия, в России в 70-е годы. Причины, побудившие рассматривать ее как самостоятельный элемент в экономической системе, были обусловлены: с одной стороны, процессами углубления общественного разделения труда; с другой стороны, невозможностью полноценного развития инфраструктуры только че-

рез рыночный механизм. Это позволило сформировать два основных подхода к исследованию проблем инфраструктуры. Первый подход предполагает анализ инфраструктуры с точки зрения углубленного общественного разделения труда, а второй – с точки зрения хозяйственной практики и необходимости увеличения роли государства в регулировании развития инфраструктуры.

Изучение вопросов организации экономических систем способствовало появлению множества направлений, в основе разнообразия которых лежат различные определения понятия инфраструктуры.

В отечественной экономической литературе, также как и в зарубежной, относительно понятия инфраструктуры нет единого мнения. Наиболее обобщенным определением инфраструктуры в отечественной экономической науке можно считать следующее: «Инфраструктура – это совокупность вспомогательных отраслей (подотраслей) производственной и непроизводственной (социальной) сферы».

Сегодня выделяют *производственную инфраструктуру*, обслуживающую производство (транспорт, связь, оптовая торговля и т.д.), *социальную инфраструктуру* – совокупность объектов отраслей сфер обслуживания (транспорта и связей по обслуживанию населения, образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.д.), деятельность которых направлена на удовлетворение личных потребностей, обеспечение жизнедеятельности и интеллектуального развития населения, а также *инфраструктуру рынка*.

При рассмотрении вопроса о производственной инфраструктуре важно выделить то, что она не производит какой-либо продукт, лишь создает необходимые условия для его производства. Инфраструктурные элементы экономики являются лишь следствием своеобразных функций, возложенных экономикой на инфраструктуру. Эти функции с течением времени изменяются и все более обособляются от функций основного производства. Поэтому в определении производственной инфраструктуры первичным признаком выступают ее функции, состоящие в обеспечении производства.

Для исследования сущности производственной инфраструктуры целесообразно рассмотреть ее природу и специфику организации. Природа появления производственной инфраструктуры заложена во взаимодействии факторов производства. «Кроме вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, – подчеркивал К. Маркс, – в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совсем невозможен, или может происходить в несовершенном виде».

Общей причиной, способствующей обособлению производственной инфраструктуры в самостоятельную сферу экономики, явилось общественное разделение труда. Зарождение производственной инфраструктуры можно наблюдать уже в трудовом процессе, в котором происходит разделение на основные и вспомогательные действия, хотя в этом случае она еще не относится непосредственно к продукту. Отношения в данном случае складываются внутри деятельности одного производителя. С развитием кооперации и появлением различных форм предприятий происходит отделение вспомогательных функций, которые затем персонифицируются. В этом случае можно рассматривать не сами действия, а деятельность по отношению к продукту. Дальнейшее развитие рынка, расширение границ товарно-денежных отношений привело к выделению производства вспомогательных услуг из рамок компаний-потребителей в специализированные формы. Таким образом, образовалась внешняя и внутренняя производственная инфраструктура. Первая состоит из независимых специализированных предприятий, а вторая – из производителей вспомогательных услуг в рамках основного производства.

Характеризуя сущность внутренней инфраструктуры, можно сказать, что в этом смысле понимается совокупность организационно-обособленных структурных подразделений, призванных осуществлять обслуживание и обеспечение функционирования основного производства для создания материальных ценностей и их реализации по времени, месту и количеству. Выполняемые ими функции можно разделить на две группы:

- производственное обслуживание – ремонтное, транспортное, складское, технический контроль качества продукции;
- производственное обеспечение – инструментальное, энергетическое, информационное, служебно-производственными помещениями.

Производственная инфраструктура характеризуется тем, что она оказывает материальные и нематериальные производственные услуги, которые носят вспомогательный характер. Указанные услуги, так же как и услуги материально-технического снабжения, косвенно или непосредственно влияют на конечный продукт основного производства. Особенностью многих производственных услуг является, как правило, совпадение места и времени их производства и потребления.

Рыночная экономика предъявляет особые требования к производству услуг производственной инфраструктуры, поскольку от этого непосредственно зависит экономическая деятельность самих предприятий и организаций, а косвенным образом – и уровень жизни населения. Для нормально функционирующей рыночной экономики необходимы резервы всех видов ресурсов, и инфраструктурные мощности тоже не являются исключением. Согласно мнению многих специалистов, резерв мощностей производственной инфраструктуры должен находиться на уровне 30–35% от потребляемой мощности, в противном случае нарушаются взаимодействия субъектов воспроизводственного процесса, ритмичность снабжения предприятий, срываются сроки поставок грузов по контрактам, затрудняется исполнение хозяйственных договоров.

Развитие рыночных видов производственной инфраструктуры не совпадает во времени. Это обусловлено степенью развития основного производства, формами его организации и этапами научно-технического прогресса в отраслях инфраструктуры и материального сектора экономики. Усовершенствование способа производства в одной сфере общественного производства обуславливает переворот в других сферах.

Литература

1. Коттс Д. Управление инфраструктурой организации. / Пер. с англ. М.: Типография «Новости», 2001.
2. Инфраструктура и интенсификация производства. М: Наука, 1980.
3. Шарипов А.Ю. Производственная инфраструктура в концепции ускорения. Новосибирск, 1990.
4. Краснопольский Х.Б. Инфраструктура в системе регионального народнохозяйственного комплекса. М., 1990.

БАЗОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОМЫШЛЕННОГО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

И.Н. Янушевич

Исходя из того, что стратегия развития как метасистема представляет собой последовательную совокупность локальных стратегий, принципиальным условием ее разработки и реализации представляется научно обоснованный выбор того стратегического решения, которое максимально согласовано с объективными условиями функционирования научно-производственного промышленного предприятия на данном промежутке времени. Такой выбор может быть обеспечен на основе сравнения различных вариантов базовых стратегий, реализация каждого из которых предполагает определенные действия по организационному реформированию предприятия с целью создания эффективной системы управления. Базовую стратегию можно определить как обобщенную модель поведения предприятия в заданных (прогнозируемых) условиях хозяйствования, основанную на определенных стратегических принципах и включающую обоснование адекватных стратегических целей и эффективных методов их достижения.

Исходя из того, что наиболее общими принципами стратегического поведения предприятия являются принцип экспансии и принцип концентрации, необходимо различать такие типы базовых стратегий, как стратегия экспансии и стратегия концентрации. Сущность стратегии экспансии в наиболее общем понимании состоит в том, что поведение предприятия ориентируется на увеличение разнообразия его взаимодействия с внешней средой, и, как необходимое следствие, увеличивается разнообразие внутренней среды, в то время как стратегия концентрации определяет поведение предприятия, основанное на уменьшении разнообразия внешних взаимодействий и снижении внутреннего разнообразия. Для повышения прикладной значимости понятий «стратегия экспансии» и «стратегия концентрации» необходимо учесть, что стратегическое поведение предприятия может основываться на приоритетах различных аспектов его деятельности, в качестве наиболее общих из которых следует выделить производство конечного продукта и его сбыт, к которым могут быть применены и принцип экспансии и принцип концентрации. Согласно этому подходу, выделяются такие типы стратегий, как производственная, выражающая собой общий подход к формированию и развитию продуктового ряда предприятия, и рыночная (конкурентная), отражающая методы поведения предприятия в рыночном пространстве.

С этих позиций стратегия производственной концентрации научно-производственного промышленного предприятия представляет собой форму стратегического поведения, ориентированного на снижение или стабилизацию разнообразия продуктового ряда конечной продукции на основе сужения или локализации области исследований и разработок. В рамках стратегии производственной концентрации, согласно теории стратегического менеджмента, возможна реализация двух ее разновидностей – стратегии узкой специализации и стратегии вертикальной интеграции.

Стратегия узкой специализации состоит в строгом ограничении продуктовой сферы, т.е. в определении достаточно узкого сегмента потребительского рынка и в ориентации научно-производственного процесса на создание ограниченного числа видов конечной продукции. Эта разновидность стратегии, по мнению автора, оправдывает себя в условиях относительно небольших по объему деятельности и охвату территориальных рынков научно-производственных промышленных предприятий и, как правило, по мере экономического роста предприятия исчерпывает себя, поскольку входит в противоречие с теми изменениями, которые активно происходят не только на рынке конечной продукции и в той части внешней среды, которая определяет его научно-технические возможности, но и в его внутренней среде. Модификацией стратегии узкой специализации представляется *стратегия вертикальной интеграции*, широко рас-

пространенная в сырьевых отраслях промышленности, но недостаточно используемая в обрабатывающих. Сущность этой разновидности стратегии производственной концентрации состоит в том, что научно-производственное промышленное предприятие, сохраняя состав конечной продукции, развивается в направлении освоения производства исходных продуктов (компонентов конечной продукции) – как материальных, так и, что особенно важно, интеллектуальных. С позиции стратегии развития переход к вертикальной интеграции необходим тогда, когда темпы роста критериальных показателей, обеспечиваемых узкой специализацией, существенно замедляются или становятся отрицательными, а его возможность определяется объемом располагаемых ресурсов, поскольку требует значительного роста затрат на освоение новых видов производства.

Стратегия производственной экспансии научно-производственного промышленного предприятия выражает форму стратегического поведения, направленного на увеличение разнообразия продуктового ряда конечной продукции на основе расширения области исследований и разработок. При этом, в зависимости от сущности решения, принятого по поводу отмеченного разнообразия, различают такие разновидности данного вида стратегии, как стратегии профильной и непрофильной диверсификации. Теория стратегического управления определяет *профильную диверсификацию* как развитие организации в направлении освоения сфер деятельности, которые обладают определенным стратегическим соответствием (стратегическим синергизмом) тем, которые были освоены ранее. При этом стратегический синергизм рассматривается в качестве особого вида потенциала организации, использование которого может обеспечивать экономический рост, опережающий рост объема вновь привлекаемых ресурсов (формировать синергетический эффект). С точки зрения формирования стратегии развития, фактором экономического роста научно-производственного промышленного предприятия на основе синергетического эффекта, определяющим, по мнению автора, целесообразность перехода к стратегии профильной диверсификации, являются, прежде всего, возможности использования (адаптации) применяемых интеллектуальных продуктов для разработки и производства новых видов конечной продукции. *Стратегия непрофильной диверсификации* научно-производственного промышленного предприятия состоит в освоении производства таких видов конечной продукции, которые не обладают стратегическим синергизмом с производившимися ранее и требуют формирования нового научно-производственного процесса в полном объеме по всем его составляющим. Эта разновидность стратегии производственной экспансии является наиболее ресурсоемкой, и при обосновании ее выбора необходимо оценивать возможные последствия для научно-производственного промышленного предприятия по многим дополнительным, помимо дохода и прибыли, критериям.

Конкурентная стратегия концентрации научно-производственного промышленного предприятия представляет собой форму стратегического поведения, направленного на обеспечение конкурентных преимуществ за счет рыночного предложения конечной продукции, существенно отличающейся по потребительским качествам и превосходящей по своему научно-техническому уровню ту, которая предлагается другими производителями. При этом экономические параметры конечной продукции рассматриваются как вторичные по отношению к эксплуатационным, что характерно для всех разновидностей данного вида стратегии. В составе конкурентной стратегии концентрации в качестве ее разновидностей следует рассматривать стратегию продуктовой концентрации и стратегию инновационной концентрации. *Стратегия продуктовой концентрации* научно-производственного промышленного предприятия направлена на получение конкурентных преимуществ путем формирования достаточно узкого ряда конечной продукции, каждый из элементов которого обладает специфическими потребительскими качествами, значительно отличающимися его от альтернативных предложений: конечные продукты предназначены для реализации в ограниченном сегменте рын-

ка, который предъявляет высокие требования, прежде всего, к их научно-техническому уровню. Применение стратегии продуктовой концентрации как элемента стратегии развития позволяет обеспечить экономический рост предприятия в ситуации высокой конкуренции за счет перехода в относительно неконкурентный сектор рынка и формирования стабильного состава потребителей. При этом возникает объективная возможность установления цен, компенсирующих высокие издержки, связанные с относительно небольшими объемами производства каждого из конечных продуктов, которые становятся ведущим фактором повышения доходов (прибыли) предприятия. Сущность *стратегии инновационной концентрации* научно-производственного промышленного предприятия состоит в разработке конечного продукта, обладающего существенной новизной, определяющей возможность удовлетворять вновь возникающие потребности или предложить радикально более высокий уровень удовлетворения уже существующих. Рассматривая данную стратегию в контексте концепции стратегического развития, необходимо отметить, что она способна обеспечить исключительно высокий уровень и темпы экономического роста в том случае, если в результате объективно необходимых масштабных исследований и разработок удастся создать продукт, новизна которого соответствует реальным требованиям рынка. В то же время, если в оценке этих требований и в прогнозировании результатов научно-технической подготовки производства допущена ошибка, предприятие неизбежно попадает в ситуацию резкого падения дохода и прибыли. Данное положение определяет возможность перехода к стратегии инновационной концентрации только тогда, когда в рамках научно-производственного процесса получены достаточно надежные результаты в области прогнозирования спроса и обеспечена достаточно высокая вероятность получения интеллектуального продукта (или их совокупности), являющего основой разработки и производства новой конечной продукции.

Конкурентная стратегия экспансии научно-производственного промышленного предприятия выражается формой стратегического поведения, ориентированного на достижение конкурентных преимуществ за счет рыночного предложения конечной продукции, соответствующей по своим потребительским качествам и по своему научно-техническому уровню и превосходящей по экономическим характеристикам ту, которая предлагается другими производителями. В отличие от стратегии рыночной концентрации, данный вид конкурентной стратегии отдает приоритет экономическим параметрам конечной продукции над эксплуатационными, что позволяет в ее рамках выделить стратегии низких и оптимальных издержек. *Стратегия низких издержек* состоит в ориентации научно-производственного предприятия на расширение доли рынка путем ценовой конкуренции, основанной на регулярном снижении затрат на производство и реализацию продукции. Сущность данной разновидности рыночной стратегии предполагает, что предприятие способно предложить конечную продукцию, которая по качеству соответствует средним требованиям рынка, но цены на нее устанавливаются на более низком, чем у конкурентов, уровне. С точки зрения стратегии развития данная разновидность рыночной стратегии представляется рациональной в том случае, если научно-производственное промышленное предприятие достигло значительного уровня экономических показателей и является достаточно крупным для того, чтобы ориентировать свое производство на массовый выпуск продукции, позволяющий распределить капитальные затраты и постоянную часть текущих между большим числом объектов производства. В основу *стратегии оптимальных издержек* положен принцип предоставления потребителям конечной продукции научно-производственного предприятия возможности достаточно полного удовлетворения потребности с меньшими, чем при потреблении альтернативного товара, затратами. При этом формируется предложение продукта, который обладает более высоким, чем у конкурентов, качеством, и по более высоким ценам, однако предполагается, что увеличение первого показателя для потре-

бителя более значимо, чем второго. Реализация данной разновидности конкурентной стратегии с точки зрения стратегии развития обеспечивает экономический рост научно-производственного промышленного предприятия в том случае, если предприятие способно создать конечную продукцию, одновременно удовлетворяющую двум требованиям. Во-первых, такая продукция должна обеспечить снижение собственных издержек относительно роста общих экономических показателей, т.е. объективно возникающее при увеличении качества увеличение издержек по всем этапам научно-производственного процесса должно быть ниже, чем прирост дохода и прибыли, обусловленный повышением цен. Второе требование состоит в том, что конечная продукция предприятия должна создавать у потребителя достаточно высокий эффект, природа которого состоит в абсолютном росте результатов ее эксплуатации, которые опережают увеличение издержек потребления, главным фактором которого является увеличение цены.

Содержание и характеристика базовых стратегий научно-производственного предприятия, приведенных выше, позволяют, как полагает автор, рассматривать их в качестве методической основы принятия решений о структуре стратегии развития научно-производственного промышленного предприятия, окончательный вариант которого необходимо определять с учетом особенностей конкретного предприятия и его готовности к реализации той или иной их разновидности.

Литература

1. Голубев А.А. Стратегическое управление корпорацией в условиях переходной экономики. СПб: «Нестор», 2002.
2. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. М.: «Банки и биржи», 2003.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСК И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Л.В. Попова

Одна из проблем российской экономики – низкая инвестиционная привлекательность. Иностранные компании присваивают экономике страны достаточно высокие показатели риска, и для инвесторов, решающих вопрос о размещении капитала в какой-либо стране, перспектива политической стабильности, способствующей экономическому росту, может стать решающим фактором принятия инвестиционного решения. Политический риск определяется политической ситуацией в стране и деятельностью государства. К нему можно отнести:

- невозможность ведения производственной деятельности по причине военных действий, революций, обострения внутривнутриполитической ситуации и т.п.;
- введение моратория на внешние платежи на определенный срок ввиду наступления чрезвычайных обстоятельств;
- неблагоприятные нововведения в системе налогообложения страны;
- запрет или ограничение конверсии национальной валюты в валюту платежа.

Как известно, специфика деятельности предприятия предполагает специфический набор рисков, сопутствующих его деятельности. Тем не менее, политическая ситуация – элемент макроэкономической среды бизнеса, влияние которого на эффективность работы организации исключить нельзя. Анализируя характер политической ситуации в стране, необходимо выделить отдельные группы факторов и их составляющие согласно схеме, приведенной на рис. 1.

Рис. 1. Классификационная схема факторов политического риска

Первая группа факторов – *факторы прямого воздействия* – это те условия функционирования субъектов экономики, которые непосредственно определяют возможность эффективного развития предпринимательства. Например, во всех развитых странах законодательство устанавливает предельные ставки налогов на доходы предприятий: в США они составляют 34%, в Англии – 35%, в Японии – 42%, во Франции – 42%, в Швеции – 52%, в Германии – 53%. Общая сумма налогов для российских предприятий составляет, по различным оценкам, 70–90% от доходов. Последствия подобной налоговой политики – падение интереса к развитию производства, дисбаланс развития различных отраслей экономики (недостаточный рост промышленного производства, перелив капитала в сферу торговли и посредничества), постоянный рост процента укрытых от государства налоговых платежей (в настоящий момент зафиксирована величина 30–40% всех налогов).

Большое количество налогов – тяжелое бремя для любого предпринимателя, которое усугубляется, кроме того, общей нестабильностью налоговой политики: постоянные изменения, дополнения и поправки требуют постоянного мониторинга налогового законодательства со стороны предпринимателей. Другими словами, уровень предпринимательского риска увеличивают не только высокие налоги, но и нестабильность законодательства. В условиях рыночной экономики государство – это важный элемент, регулирующий взаимодействие покупателей и продавцов. С другой стороны, законодательство характеризуется подвижностью, а иногда и неопределенностью, что проявляется в форме неожиданного изменения условий хозяйствования, создающих для предприятий определенную среду. Причем политические события не всегда означают для предприятий увеличение риска, часто нововведения в законодательстве – это дополнительный стимул для развития бизнеса. Это означает, что при измерении политического риска необходимо учитывать как негативные, так и положительные изменения. Тогда в финансовом анализе базовый риск является нейтральным, предполагающим положительные и отрицательные отклонения.

Факторы косвенного воздействия обычно незаметно влияют на уровень риска, но их влияние может быть существенным, и предпринимателю необходимо учитывать это в процессе деятельности.

Таким образом, политические факторы несут в себе потенциальную угрозу экономической стабильности развития России: долгосрочные инвестиции, являющиеся необходимым условием экономического подъема, становятся затруднительными из-за высокого уровня риска, генерируемого политической средой. Особенно остро эта проблема стоит перед предприятиями малого бизнеса. В средствах массовой информации постоянно звучит вопрос о необходимости развития малого и среднего бизнеса, тем не менее, проблема роста малого предпринимательства по существу не решена. К числу административных барьеров, увеличивающих политический риск и препятствующих развитию предприятий, можно отнести:

- *систему бухгалтерского учета*; для сравнения, зарубежные представители малого бизнеса имеют право все реальные издержки автоматически относить на затраты, для российских предприятий существует сложная инструкция о перечне затрат; иностранная компания на этапе развития может не платить налогов на прибыль, в случае с нашей фирмой – упрощенная система налогообложения подходит в основном для торговых предприятий, инновационным организациям и производственным фирмам она практически недоступна;

- *документацию, необходимую для регистрации и начала ведения хозяйственной деятельности*; часто процедура регистрации фирмы занимает около девяти месяцев, причем существуют значительные различия в зависимости не только региона, где происходит регистрация предприятия, но и в зависимости от района города. Вследствие

неорганизованности этого процесса происходит дублирование документов, соответственно, увеличивается временной интервал, необходимый для регистрации;

- *противоречия в законодательстве*; противоречивость действующего законодательства и неоднозначность его толкования способны создавать непреодолимые трудности для осуществления хозяйственной деятельности;

- *проверки*; налоговые и прочие проверки могут практически парализовать функционирование компании, потому что сотрудники вместо выполнения своих текущих заданий вынуждены полностью переключаться на работу с сотрудниками проверяющей организации;

- *коррупцию*, которая, повышая затраты предпринимателя в непредсказуемой степени, делает бизнес нерентабельным.

Опрос, проведенный компанией Mail.ru (количество проголосовавших – 6940 человек), позволяет оценить, какие административные барьеры являются наиболее серьезными с точки зрения развития малого предпринимательства.

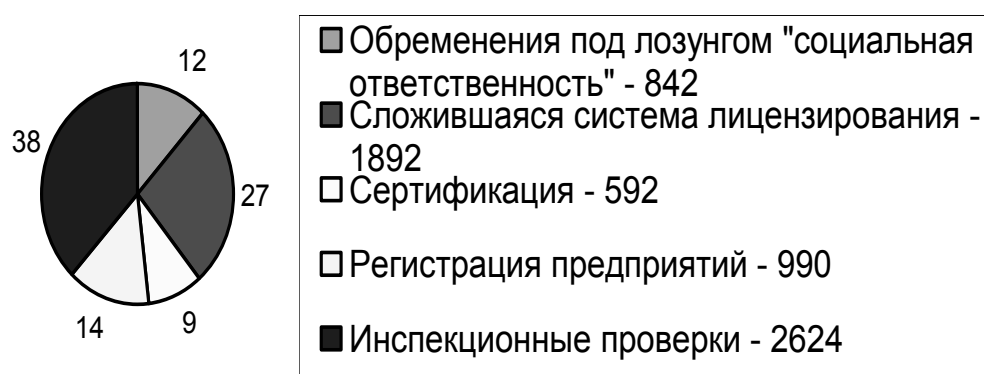

Рис. 2. Административные барьеры: данные опроса компании Mail.ru

Эти и некоторые другие барьеры дестабилизируют развитие предпринимательства и определяют высокую степень рискованности вложений иностранного капитала в развитие российской экономики. Инвестор, работающий в стране с нестабильной политико-экономической системой, потребует дополнительную премию за политический риск, увеличивая ставку дохода (процента), поэтому многие наукоемкие отрасли экономики, способные повлиять на рост внутреннего, валового продукта, не получают необходимой поддержки в виде «дешевых» инвестиций.

Литература

1. Райс Т., Колли Б. Финансовые инвестиции и риск. Киев: Торгово-издательское бюро ВНВ, 1995.
2. Теплова Т.В. Финансовые решения: стратегия и тактика. / Учебное пособие. М.: Магистр, 1998.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАДЕЖНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ

П.А. Масленников

В настоящее время в рыночной экономике, когда в условиях жесточайшей конкуренции большое количество предприятий ставят своей целью простое выживание, все более актуальными становятся вопросы надежности. Надежность при таких условиях является основополагающим параметром и необходимым условием существования организации (в первую очередь имеются в виду организации, которые ставят своей целью долгосрочное существование с дальнейшим развитием). Проблема эффективности практически всегда являлась главной в деятельности любой организации. В нынешних, все более усложняющихся экономических отношениях, когда в большинстве случаев приходится действовать в условиях неопределенности и серьезнейшей конкуренции, без эффективности деятельности предприятия оно просто не сможет существовать. Взаимосвязь двух этих параметров в производственных системах (ПС) мало изучена, и целью данной работы является раскрытие сущности и значения параметров, нахождения взаимосвязей и зависимостей между ними.

По литературным источникам, понятию надежности производственных систем, так как последние состоят из: социальных, технических и экономико-организационной подсистем, дается разное толкование.

В работе [1] под надежностью понимается свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях применения, технического обслуживания, ремонтов, хранения и транспортировки. Расширение условий эксплуатации, повышение ответственности выполняемых функций, их усложнение приводит к повышению требований к надежности изделий.

Отличающееся понимание данной категории дано в учебнике для вузов [2, с.73]: «Надежность системы (например, организации) характеризуется а) бесперебойностью функционирования системы при выходе из строя одного из компонентов; б) сохраняемостью проектных значений параметров системы в течение запланированного периода времени; в) устойчивостью финансового состояния организации; г) перспективностью экономической, технической, социальной политики, обоснованностью миссии организации... Надежность социобиологических систем (человека) определяется наследственностью, темпераментом, характером, воспитанностью, интеллигентностью, состоянием здоровья, параметрами внешней среды. Очевидно, что большинство факторов надежности системы субъективны, поскольку управляются системы специалистами и менеджерами». Из вышеприведенных определений следует, что в них недостаточно установлена взаимосвязь между надежностью и объективными или субъективными оценками ее эффективности относительно всей ПС. На это же указывает приведенная в [3, с. 16] трактовка принципа внешнего дополнения, который формулируется так: «... ни один план не в состоянии предусмотреть всех возможных отклонений, возникающих в процессе его реализации, поэтому для локализации возмущений обязательно наличие в производственной системе необходимых и достаточных резервов, так как только избыточная система является надежной, а значит, и эффективной» [3, с. 16].

Эффективность – это степень удовлетворения поставленной цели, т.е. для определения понятия эффективность нужно четко сформулировать цель и критерий ее достижения, в рамках системного анализа определить критерий достижения цели настолько четко, чтобы его можно было перевести на язык математики и представить в форме числа. С этой задачей справились в наиболее полной мере специалисты, занимающиеся разработкой технических и информационных систем.[1, 6]. Чаще всего они определяют эффективность как степень достижения поставленного критерия (цели). Здесь эффективность рассматривается для случая, когда критерий один, но что делать, когда их несколько и все они важны?

Первым способом является сведение критериев к одному, где для каждого критерия проставляются коэффициенты важности. Важность каждого критерия определяется с помощью экспертов или логическим анализом. Недостаток состоит в сложности определения коэффициентов важности, порой они бывают несоизмеримыми, например, потери людей, затраты, остродефицитные материалы. Второй способ состоит в превращении части критериев в ограничения. Третий предполагает ранжирование критериев [1].

Эффективность также определяют как степень использования потенциальных возможностей [4], но вся проблема состоит в их определении из-за постоянных изменений и выделении «чистого» эффекта для той или иной цели. Эффективным будет считаться тот процесс, в котором наиболее полно используются потенциальные возможности, тот результат, который можно максимально достигнуть при использовании ограниченных ресурсов. Максимальная эффективность в достижении главной цели в объективной оценке может быть достигнута только в том случае, если ей будут соответствовать цели более низкого уровня с их субъективными оценками. Чтобы понять, как надежность влияет на получение конечного экономического эффекта, который перераспределяется по разноуровневым подцелям при определении эффективности разнонадежных подразделений, необходимо понять, как эти, в общем, вероятностные оценки эффективности формируются у конкретных участников производственных процессов.

По нашему мнению, в связи с этим в учебном пособии Вильяма Дж. Стивенсона предлагается подход к определению эффективной надежности системы или продукта, где вероятность используется в двух значениях:

1. вероятность того, что продукт или система будет функционировать при каждом рабочем запуске;
2. вероятность того, что продукт или система будет функционировать в заданном интервале времени.

Вероятность в первом значении относится к одному событию во времени и часто используется тогда, когда система должна функционировать один раз или относительно небольшое число раз. Второе фокусируется на продолжительности услуги. Разница между этими значениями становится понятней, когда каждая из систем рассматривается более детально. Вероятность того, что система или продукция будет функционировать, как запланировано – это очень важное понятие в проектировании системы или изделия. Определение такой вероятности, когда продукт или система состоит из нескольких независимых компонентов, требует использования правил вероятностей для независимых событий. Вероятностные оценки в данном случае используются как критерии, определяющие достаточность надежности подсистем [5, с. 200].

Далее, как показала теория и практика управления надежными производственными системами, ее экономико-организационная подсистема должна обеспечивать бесперебойное, устойчивое выполнение производственного плана. В терминах кибернетики это означает выполнение плановых сроков с вероятностью, равной единице. Но допускается и вероятность выполнения планового задания в интервале от 0 до 1. Однако для планово-диспетчерского персонала, например, неясно, что такое выполнение плана с вероятностью 0,8? Проведенные работы в области теории управления позволяют переформулировать вероятностный подход к оценке надежности условий выполнения плана. Так, применительно к данному случаю можно утверждать, что такие-то внешние и внутренние условия позволяют выполнить план, оцененный вероятностью 0,8, только при 20%-ном резервировании по таким-то элементам, что все вместе определяет эффективность надежной ПС.

Здесь необходимо остановиться на принципиальных вопросах резервирования производственной мощности подразделений (например участков). Модель M_n номинального значения данной мощности можно представить в виде зависимости

$$M_n = F(R_p, R_c, R_o),$$

где R_p – объем работ по номенклатуре и количеству, заданных планом и проверенных

на удовлетворению условию $R_p < P_p$ (P_p – располагаемые ресурсы); R_c – структурные резервы, во-первых, имеющиеся из-за разности в структурах R_p и P_p в каждом плановом периоде и, во-вторых, выступающие в виде перерывов в загрузке рабочих мест гибкого участка деталями из данного задания R_p как результат наложения на статику процесса его динамики и планово-организационных ограничений; R_o – оперативные резервы-ресурсы, необходимые для удержания участка в устойчивом состоянии (в смысле выполнения плана) при воздействии внутренних и внешних возмущений, т.е. сбоев из-за появления «узких мест» и недостаточной гибкости производственной структуры [3, с. 128–129].

В работе [5, с. 704] утверждается, что «...повысить гибкость производства и удержать «пробки» можно множеством способов. Вот некоторые из них.

1. Уменьшить время простоя при переходе от одного процесса к другому, сократив срок подготовки оборудования.
2. Использовать профилактическое техобслуживание на ключевом оборудовании, чтобы сократить поломки и простои.
3. Обучать рабочих смежным специальностям, чтобы они могли оказывать помощь там, где в производстве возникают заторы, или заменять отсутствующих рабочих.
4. Использовать много небольших производственных единиц. Много небольших элементов позволяют легче изменять объем производства.
5. Использовать резервы. Хранить редко используемые резервные запасы подальше от производственной зоны, чтобы не загромождать ее.
6. Создавать резервные мощности для самых важных заказчиков».

Таким образом, надежность и эффективность должны быть основополагающими параметрами производственных систем с социальными, техническими и экономико-организационными подсистемами. Рациональность распределения ресурсов между ними, для достижения успеха – главная задача любого руководителя. При создании систем необходимо правильно распределить ресурсы по стадиям производства. Необходимо учитывать большое количество факторов при проектировании, создании и функционировании системы, которые влияют на надежность и эффективность. Уровень надежности должен соответствовать значимости установленных целей. Резервы и избыточность, в необходимых и достаточных объемах, в нынешней обстановке позволяют системам работать стабильно, надежно, эффективно. Только надежные системы могут быть эффективными, в то же время «эффективными» в смысле максимально получаемой прибыли они могут быть лишь до первого сбоя или кризиса. При создании ПС одним из главных является создание цели, наиболее полно оценивающей внешние и внутренние факторы, например: достижение максимальной экономической эффективности при условии выполнения требований по надежности. Лишь такая постановка цели и правильное ее достижение позволяют предприятиям работать эффективно.

Литература

1. Надежность и эффективность в технике: Справочник. В 10 т./ Ред. совет: В.С. Авдусевский (пред.) и др. М.: Машиностроение, 1998.
2. Фатхутдинов Р.А. Управленческие решения: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2001. 283 с. (Серия «Высшее образование»)
3. Планирование гибких производственных систем. / В.А. Петров, А.Н. Масленников, Л.А. Осипов. Л.: Машиностроение, Ленингр.отд-ние, 1985. 182 с.,ил.
4. Брудник С.С. Экономические основы надежности АСУП. М.: Машиностроение, 1975.
5. Стивенсон В. Дж. Управление производством. / Пер. с англ. М.: БИНОМ; Лаборатория Базовых Знаний, 2002. 928 с.: ил.
6. Использование избыточности в информационных системах. Л., 1970. 364 с.

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ

Т.Н. Батова, Н.В. Катунькина

На современном этапе развития российской экономики выявление неблагоприятных тенденций в деятельности предприятий, предсказание банкротства приобретают первостепенное значение. За последние годы многие предприятия различных форм собственности оказались на грани банкротства. В первую очередь это связано с реформированием российской экономики и развитием рыночных отношений.

Поэтому в настоящее время является актуальным исследование методов и методик, прогнозирования банкротства предприятий. Однако, как отмечают многие авторы, выбрать методику, позволяющую с достаточной степенью достоверности прогнозировать неблагоприятный исход, очень сложно [4]. Немногие из существующих методов составлены корректно, не все дают адекватные результаты и поэтому не могут применяться в условиях российской экономики. Одно и то же предприятие одновременно может быть признано безнадежным банкротом, устойчиво развивающимся хозяйствующим субъектом и предприятием, находящимся в предкризисном состоянии – все определяет выбранная модель прогнозирования возможного банкротства. Многие методики трудно использовать из-за ограниченности данных, а также редко применяются качественные методы.

Предсказание банкротства стало необходимым в развитых странах (и в первую очередь, в США) сразу после окончания второй мировой войны. Этому способствовал рост числа банкротств в связи с резким сокращением военных заказов, неравномерностью развития предприятий, процветанием одних и разорением других. Естественно, возникла задача априорного определения условий, ведущих к банкротству. Вначале этот вопрос решался на эмпирическом уровне, что приводило к существенным ошибкам. Первые серьезные попытки разработать эффективную методику прогнозирования банкротства относятся к 60-м гг. и связаны с развитием компьютерной техники.

Прежде чем рассматривать методики прогнозирования банкротства, необходимо определить, что понимается под банкротством. Часто встречается мнение, что банкротство и кризис на предприятии – понятия-синонимы. В действительности предприятие подвержено различным видам кризисов (экономическим, финансовым, управленческим), и банкротство – лишь один из них [4]. Поэтому под банкротством следует понимать финансовый кризис, т.е. неспособность фирмы выполнять свои текущие обязательства. Финансовые трудности – достаточно распространенное явление, однако часто причиной их возникновения, прямо или косвенно, являются действия руководства. Ошибочные решения, связанные с производственным процессом, приводят к финансовым осложнениям, а иногда и к банкротству предприятия. Редко финансовые проблемы являются результатом принятия одного неверного решения. Обычно это целый комплекс ошибок, последствия которых обнаруживаются не сразу, а спустя какое-то время. Самые первые симптомы возникновения финансовых трудностей можно распознать до того, как они проявятся в полном объеме, по некоторым признакам и изменениям определенных финансовых и аналитических показателей. Кредиторы, инвесторы или владельцы акций могут предпринять действия с целью оздоровления или корректировки ситуации прежде, чем будет объявлено банкротство либо конкурсное управление.

Помимо этого, предприятие может испытывать экономический кризис (ситуация, когда материальные ресурсы компании используются неэффективно) и кризис управления (неэффективное использование человеческих ресурсов, что часто означает также низкую компетентность руководства и, следовательно, неадекватность управленческих решений требованиям окружающей среды). Соответственно, различные методики прогнозирования банкротства на самом деле предсказывают различные виды кризисов.

Именно поэтому оценки, получаемые при их помощи, нередко сильно различаются. В то же время любой из обозначенных видов кризисов может привести к ликвидации предприятия.

Таким образом, ни одна из существующих методик прогнозирования банкротства не может претендовать на использование в качестве универсальной именно по причине «специализации» на каком-либо одном виде кризиса. Поэтому целесообразным является отслеживание динамики изменения результирующих показателей одновременно по нескольким из них. Выбор конкретных методик должен диктоваться особенностями отрасли, в которой работает предприятие. Более того, даже сами методики могут и должны подвергаться корректировке с учетом специфики отрасли и особенностей развития российской экономики.

Существуют два основных подхода к предсказанию банкротства. Первый базируется на финансовых данных и включает оперирование некоторыми коэффициентами. Второй основывается на данных по обанкротившимся предприятиям и сравнении их с соответствующими данными исследуемого предприятия.

К методам прогнозирования банкротства, основанным на первом подходе, относятся следующие.

1. Использование индекса кредитоспособности Альтмана, являющегося одним из наиболее распространенных методов. Этот индекс был построен с помощью аппарата мультипликативного дескриминантного анализа. Индекс Альтмана (Z -счет) представляет собой функцию пяти показателей, характеризующих экономический потенциал предприятия и результаты его работы:

- оборотный капитал/сумма активов;
- нераспределенная прибыль/сумма активов;
- операционная прибыль/сумма активов;
- рыночная стоимость акций/задолженность;
- выручка/сумма активов.

Результаты многочисленных расчетов показали, что индекс Альтмана (Z -счет) может принимать значения в пределах $[-14 \leq Z \leq +22]$, при этом предприятия, для которых $Z > 2,99$, попадают в число финансово устойчивых, предприятия, для которых $Z < 1,81$, являются несостоятельными, а интервал $[1,81 \leq Z \leq 2,99]$ составляет зону неопределенности.

К недостаткам данного метода можно отнести:

- возможность использования лишь в отношении крупных компаний, котирующих свои акции на биржах, так как только для них можно получить объективную рыночную оценку собственного капитала;
- показатель оборотного капитала связан с кризисом управления, рыночная стоимость акций характеризует наступление финансового кризиса, в то время как остальные – экономического, т.е. имеет место противоречивость самого индекса с точки зрения системного подхода;
- сопоставление данных, полученных для ряда стран, показывает, что веса показателей сильно отличаются не только от страны к стране, но и от года к году в рамках одной страны, т.е. индекс Альтмана не обладает устойчивостью к вариациям в исходных данных;
- сложность применения для российских условий, так как в настоящий момент в Российской Федерации отсутствует информация о рыночной стоимости акций большинства предприятий, к тому же в условиях неразвитости вторичного рынка российских ценных бумаг у большинства предприятий данный показатель теряет свой смысл [3].

Таким образом, следует отметить, что различия в специфике экономической ситуации и в организации бизнеса между Россией и развитыми рыночными экономиками

оказывают влияние не только на веса, но и на сам набор финансовых показателей, используемых в модели Альтмана. Поэтому существуют предложения руководствоваться Z-счетом без его четвертой составляющей (рыночная стоимость акций/задолженность) или заменить числитель этого показателя на стоимость основных фондов и нематериальных активов [3].

2. Модель R-прогнозирования вероятности банкротства, разработанная учеными Иркутской государственной экономической академии. В ее основе – четырехфакторная модель прогноза риска банкротства, учитывающая такие показатели, как:

- оборотный капитал/актив;
- чистая прибыль/собственный капитал;
- выручка от реализации/актив;
- чистая прибыль/интегральные затраты.

К очевидным достоинствам данной модели можно отнести то, что механизм ее построения и все основные этапы расчетов достаточно подробно разработаны. Недостатком является то, что результаты, полученные с помощью других методов и моделей, не коррелируют с результатами R-модели [2]. Возможно, R-модель можно использовать для прогнозирования кризисной ситуации, когда уже заметны очевидные ее признаки, а не заранее, еще до появления таковых.

3. Методика прогнозирования банкротства по показателю Аргенти (А-счета) предполагает, что:

- идет процесс, ведущий к банкротству;
- процесс этот для своего завершения требует нескольких лет;
- процесс может быть разделен на три стадии, характеризующиеся недостатками, ошибками и симптомами.

Недостатки. Предприятия, скатывающиеся к банкротству, годами демонстрируют ряд недостатков, очевидных задолго до фактического банкротства.

Ошибки. Вследствие накопления этих недостатков предприятие может совершить ошибку, ведущую к банкротству (предприятия, не имеющие недостатков, не совершают ошибок, ведущих к банкротству).

Симптомы. Совершенные предприятием ошибки выявляют симптомы приближающейся неплатежеспособности. Эти симптомы проявляются в последние два или три года процесса, ведущего к банкротству, который часто растягивается на срок от пяти до десяти лет.

При расчете А-счета конкретного предприятия показателям, характеризующим недостатки, ошибки и симптомы, присваивают определенное количество баллов: либо согласно Аргенти, либо нуль; промежуточные значения не допускаются. На основе проставленных баллов рассчитывают агрегированный показатель – А-счет. Если сумма баллов больше 25, то предприятие может обанкротиться в течение ближайших пяти лет. Чем больше А-счет, тем скорее это может произойти (максимально возможный А-счет равен 100 баллам).

К методам прогнозирования банкротства, основанным на данных по обанкротившимся предприятиям, относятся следующие.

- Рейтинговая оценка финансового состояния предприятия, учитывающая важнейшие параметры финансово-хозяйственной и производственной деятельности [5]. При ее расчете используются данные о производственном потенциале предприятия, рентабельности продукции, состоянии и размещении средств, их источниках и другие показатели. Система показателей базируется на данных официальной отчетности предприятий. Исходные показатели для рейтинговой оценки объединены в четыре группы
- показатели оценки прибыльности хозяйственной деятельности;
- показатели оценки эффективности управления;
- показатели оценки деловой активности;

- показатели оценки ликвидности и финансовой устойчивости.

В основе расчета итогового показателя рейтинговой оценки лежит сравнение предприятий по каждому показателю финансового состояния, рентабельности и деловой активности с условным эталонным предприятием, имеющим наилучшие результаты по всем сравниваемым показателям. Эталоном сравнения может быть конкурент, у которого все показатели наилучшие. Предприятия ранжируются в порядке возрастания рейтинговой оценки.

Преимущества данной методики:

- методика базируется на комплексном, многомерном подходе к оценке такого сложного явления, как финансовое состояние предприятия;
- рейтинговая оценка финансовой деятельности осуществляется на основе данных официальной отчетности предприятия по важнейшим показателям финансовой деятельности;
- рейтинговая оценка – сравнительная, учитывающая реальные достижения конкурентов.

Таким образом, группа методов, относящихся к первому подходу, бесспорно эффективна при прогнозировании банкротства, но имеет три общих существенных недостатка. Во-первых, предприятия, испытывающие трудности, всячески задерживают публикацию своих отчетов, и, таким образом, конкретные данные могут годами оставаться недоступными. Во-вторых, даже если данные и сообщаются, они могут оказаться «творчески обработанными» [3]. Требуется особое умение, чтобы выделить массивы подправленных данных и оценить степень завуалированности. Третья трудность заключается в том, что некоторые соотношения, выведенные по данным деятельности предприятия, могут свидетельствовать о неплатежеспособности в то время как другие – давать основания для заключения о стабильности или даже некотором улучшении. В таких условиях трудно судить о реальном состоянии дел.

Методы, относящиеся ко второму подходу, основаны на сравнении признаков уже обанкротившихся компаний с такими же признаками исследуемого предприятия. Общим недостатком этого подхода является наличие большого количества неупорядоченной информации, трудно поддающейся обработке.

В заключение можно отметить, что многочисленные попытки применения иностранных моделей прогнозирования банкротства в отечественных условиях не принесли достаточно точных результатов. И хотя многие специалисты предлагают различные способы адаптации иностранных моделей к российским условиям, их корректность также вызывает сомнения у специалистов. В сложившейся ситуации представляется более целесообразным использование зарубежного опыта для разработки новых моделей, отражающих специфику развития российской экономики.

Литература

1. Давыдова Г.В., Беликов А.Ю. Методика количественной оценки риска банкротства предприятий. // Управление риском. 1999. № 3.
2. Новый комплексный показатель оценки финансового состояния предприятия. // Вопросы анализа риска. 1999. №2–3.
3. Семеней А. Проблемы прогнозирования банкротства на отечественных предприятиях. // Люди дела. 2003. № 36.
4. Эйтингтон В.Н. Прогнозирование банкротства: основные методики и проблемы. М.: ИНФРА-М, 2002.
5. [http:// ecobashedu.narod.ru/metod/glava5.htm](http://ecobashedu.narod.ru/metod/glava5.htm)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЯ: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ

Б.А. Варламов

В современной теории управления многие проблемы, связанные с использованием инновационного потенциала предприятия, недостаточно изучены.

Понятие потенциала предприятия – это сложная категория. В целом его можно определить следующим образом: *потенциал* – это совокупность средств, источников, возможностей и способностей, использование которых может быть направлено для решения каких-либо задач в определенной сфере деятельности предприятия.

Понятие потенциала введено в практику исследования с целью разрешения неопределенности, связанной с отсутствием какой-либо информации об условиях функционирования в будущем. Это попытка определить некоторый предел возможностей при благоприятных условиях функционирования. Само понятие «максимальные возможности» отнюдь не тривиально. Любое предприятие обладает бесчисленным их количеством. Поэтому понятие «потенциал» имеет смысл, когда четко указано, какие возможности имеются в виду. Они проявляются и могут быть оценены только в определенных условиях функционирования предприятия, следовательно, потенциал – это относительная характеристика.

Чтобы сформулировать понятие инновационного потенциала, прежде целесообразно определить, что подразумевается под термином «*инновация*». Как видно из табл. 1, наблюдаются существенные различия в трактовках таких понятий, как «*инновация*», «*нововведение*», «*новшество*».

В переводе с английского *инновация* означает нововведение, ввод новшества. Следовательно, нецелесообразно разделять понятия «*инновация*» и «*нововведение*», что подтверждается многими авторами. Однако единый подход к определению данного термина отсутствует. Другая очевидная проблема – это объединение некоторыми исследователями значений понятий «*новшество*» и «*инновация*».

Можно предположить, что *нововведение (инновация)* – это изменения, характеризующиеся внедрением и использованием новшеств в виде новых технических, технологических, организационно-управленческих, информационных, социальных решений производственного, финансового или иного характера. Новшества могут быть представлены в виде: открытий, изобретений, патентов, товарных знаков, рационализаторских предложений, документации на новый или усовершенствованный продукт, технологию и т. д.

Тот факт, что изменения являются последствием внедрения новшеств и последующего их использования в виде нововведений, нашел свое отражение в трудах Й. Шумпетера, который выделил пять типичных изменений, задающих форму и содержание экономического развития промышленности [10]: 1) использование новой техники, новых технологических процессов; 2) внедрение нового метода производства, в основе которого лежит новое научное открытие; 3) освоение нового рынка сбыта; 4) получение нового источника сырья или полуфабрикатов; 5) проведение соответствующей реорганизации, например изменение в организации производства, его материально-технического обеспечения. Позднее Й. Шумпетер ввел понятие инновации, трактуя его как изменение с целью внедрения и использования новых потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности.

Рассмотрим, что понимается под «*инновационным потенциалом предприятия*». В наиболее распространенном определении данного понятия предусматривается, что инновационным потенциалом предприятия является совокупность его финансовых, кадровых, информационных и материально-технических ресурсов, обслуживаемая соответствующей инфраструктурой, связанных с осуществлением нововведений.

Автор	Трактовка термина
Валдайцев С. В.	Инновация (новшества) подразумевают освоение новой продуктовой линии (т.е. совокупности контрактов на сбыт продукта и снабжение покупными ресурсами, а также необходимых материальных и нематериальных активов), основанной на специально разработанной оригинальной технологии, которая способна вывести на рынок продукт, удовлетворяющий не обеспеченные существующим предложением потребности [1, С. 163]
Гвишиани Д. М., Громека В. И.	Нововведение – процесс доведения технического изобретения или открытия до стадии практического использования, когда оно начинает давать экономический эффект, или конечный результат этого процесса [2, С. 31]
Друкер П.	Нововведение – это особый инструмент предпринимателей, средство, с помощью которого они используют изменение как шанс для разного рода бизнеса или услуг [3, С. 48–49]
Завлин П. Н., Казанцев А. К., Миндели Л. Э.	Инновация – это использование в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленных на совершенствование процесса деятельности или его результатов [4, С. 4]
Морозов Ю. П.	Инновация – это прибыльное использование новаций в виде новых технологий, видов продукции, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого или иного характера [5, С. 24]
Пригожин А. И.	Нововведение сводится к развитию технологии, технике, управления на стадиях их зарождения, диффузии на других объектах... Нововведение – целенаправленное изменение, которое вносит в среду внедрения новые относительно стабильные элементы... Нововведения выступают как форма управляемого развития [6, С. 68]
Румянцева З. П., Соломатин Н. А.	Под инновациями в широком смысле слова понимается прибыльное (рентабельное) использование новшеств в виде технологий, видов продукции и услуг, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового, административного или иного характера [7, С. 159]
Соколов Д. В., Титов А. Б., Шабанова М. М.	Инновация (нововведение) – итоговый результат создания и освоения (внедрения) принципиально нового или модифицированного средства (новшества), удовлетворяющий конкретные общественные потребности и дающий ряд эффектов (экономический, научно-технический, социальный) [8, С. 68]
Гвосс Б.	Нововведение – применение, т. е. процесс, в котором изобретения или идея приобретает экономическое содержание [9, С. 52]

Таблица 1. Определение понятий инновация, новшество, нововведение

Можно предположить, что инновационный потенциал определяется готовностью и способностью предприятия к использованию инновационных возможностей. *Инновационные возможности* – это возможности предприятия, реализация которых позволяет обеспечить планомерное и поступательное развитие предприятия посредством целенаправленного преобразования новшеств в нововведения. Именно инновационные возмож-

ности составляют основное содержание инновационного потенциала. Источники инновационных возможностей заключаются, прежде всего, в различного рода изменениях.

Можно выделить два вида изменений: изменения как результат внедрения новшества и изменения как источник инновационных возможностей. Изменения как источники инновационных возможностей определяются совокупностью всех изменений во внутренней и внешней среде предприятия.

Можно выделить три основные черты инновационного потенциала предприятия.

1. Инновационный потенциал предприятия определяется его реальными инновационными возможностями.

2. Инновационные возможности предприятия во многом зависят от имеющихся у него ресурсов, поэтому инновационный потенциал предприятия характеризуется также и определенным объемом ресурсов, как вовлеченных, так и не вовлеченных в производство, но подготовленных к использованию в нем.

3. Инновационный потенциал предприятия определяется не только и не столько имеющимися у него инновационными возможностями, но также готовностью и способностью к их использованию с целью воплощения новшеств в нововведения.

Можно выделить следующие *составляющие инновационного потенциала предприятия*: 1) потенциал организации и технологии управления, 2) потенциал исследований и разработок, 3) потенциал маркетинга, 4) потенциал технологии и производства, 5) потенциал персонала, 6) потенциал финансовой базы, 7) потенциал информационной базы.

На основании групп потенциалов, составляющих инновационный потенциал и характеризующихся совокупностью инновационных возможностей, формируется портфель новшеств предприятия. Портфель новшеств может состоять из новшеств покупных и собственной разработки, подлежащих продаже либо накоплению и дальнейшему внедрению на предприятии. Новшества могут затрагивать любые сферы деятельности предприятия. Следует подчеркнуть, что устаревшие новшества исключаются из портфеля и именуется в дальнейшем инновационной возможностью. В последующем новшества, находящиеся в портфеле новшеств, оцениваются, и наиболее перспективные формируют портфель нововведений.

Портфель нововведений, в свою очередь, представляет комплексно обоснованный перечень новшеств – покупных и собственной разработки, подлежащих внедрению и дальнейшему использованию на предприятии. По сути своей портфель нововведений есть стратегический план внедрения новшеств. С точки зрения трактовки инновационного потенциала, портфель новшеств характеризует готовность предприятия к использованию инновационных возможностей.

Портфель нововведений подчеркивает способность предприятия использовать инновационные возможности, представленные в виде новшеств, подлежащих реализации.

В сумме портфель новшеств и портфель нововведений дают совокупную готовность и способность предприятия к осуществлению инновационной деятельности. В сбалансированности всех указанных составляющих инновационного потенциала находится ключ к повышению конкурентоспособности предприятия.

Литература

1. Валдайцев С.В. Оценка бизнеса и инноваций. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1997. 334 с.
2. Инновационный менеджмент. Учебник для вузов / С.Д. Ильенкова, Л.М. Гохберг, С.Ю. Ягудин и др. Под ред. С.Д. Ильенковой. М.: Банки и биржи. ЮНИТИ, 1997. 327 с.
3. Друкер П.Ф. Рынок: Как выйти в лидеры. М.: Москва, 1992. 61 с.

4. Инновационный менеджмент / Под ред. П.Н. Завлина, А.К. Казанцева, Л. Е Миндели. М.: Наука, 1997. 560 с.
5. Морозов Ю.П. Инновационный менеджмент: Учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во ИНГУ, 1997. 310 с.
6. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социально-экономические проблемы инноватики). М.: Политиздат, 1989. 29 с.
7. Менеджмент организации / Ред. Румянцева З.П., Соломатин Н.А. М.: ИНФРА-М, 1997. 432 с.
8. Соколов Д.В., Титов А.Б., Шабанова М.М. Предпосылки анализа и формирования инновационной политики. СПб: ГУЭФ, 1997. 155 с.
9. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М.: Экономика, 1989. 36 с.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 164 с.

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

А.А. Бакиева

В рыночных условиях проблемы реструктуризации экономики трансформируется в проблемы, связанные с поиском адекватных механизмов привлечения инвестиций с учетом неравномерности развития регионов, в которых находится объект получения инвестиций. Деятельность по повышению привлекательности региональных условий для инвесторов является приоритетной задачей как властей, так и предпринимателей. Актуальность оценки инвестиционной привлекательности региона обусловлена следующими факторами:

- усиливающейся конкуренцией субъектов РФ по привлечению инвестиций;
- потребностью создания стимулирующего механизма, направленного на повышение конкурентных преимуществ территорий;
- необходимостью совершенствования управления инвестиционным процессом на региональном и федеральном уровнях;
- отсутствием единого подхода к исследованию инвестиционной привлекательности регионов, необходимостью совершенствования методов ее определения и практики реализации.

В научно-экономической литературе существует три основных подхода к оценке инвестиционной привлекательности регионов: суженный, факторный и рисковый.

Суженный подход предполагает, что оценка осуществляется на основе только статистических показателей путем сопоставления некоего нормативного и реального уровня капитальных вложений. В качестве основных показателей оценки инвестиционной привлекательности региона предлагается принять уровень ВВП, национального дохода и объемов производства, накоплений населения и потребления, состояния законодательного регулирования инвестиционной деятельности и т.д. [1, С. 12]. Примером применения этого подхода является методика оценки инвестиционного климата регионов России, выполненная международным коллективом ученых «Taxis» (1996).

С.Е. Сухинова в статье «Региональная специфика инвестиционного климата» [2, С. 23] выделяет то, что «...данный подход привлекателен простотой анализа и расчетов, универсальностью, его можно использовать при исследовании инвестиционной привлекательности в хозяйствующих системах разного уровня, в нем достаточно детально учитывается отраслевая структура производства в регионе. В нем учтена главная цель предпринимательской деятельности каждого инвестора: получение прибыли и возврат вложенных средств через определенный промежуток времени. Тем не менее, суженный подход не отражает баланс интересов инвесторов и инвестируемой социально-экономической системы, а также игнорирует объективные связи фактора инвестиций с другими ресурсными факторами развития хозяйствующих систем».

А.С. Кузнецов в работе «Оценка инвестиционного климата региона» отмечает существенные недостатки данного подхода:

- фактический показатель объема капитальных вложений не может служить основой для оценки инвестиционной привлекательности региона, так как инвестиционный климат региона испытывает на себе все последствия инвестиционного кризиса, глубина которого различна по районам, поэтому этот показатель значительно занижает инвестиционный климат России и ее регионов;
- вызывает сомнение отождествление различных по содержанию показателей основных фондов и капитальных вложений [3, С. 16–17].

На наш взгляд, рассмотрение отраслевого аспекта инвестиционной привлекательности на общероссийском уровне имеет лишь ограниченный смысл, вследствие высокой региональной дифференциации экономических условий. Так, многие регионы рез-

ко повысили показатели своего инвестиционного климата именно за счет значительных капиталовложений в предприятия малоперспективных в общероссийском масштабе, но необходимых в регионе отраслей. К недостаткам суженного подхода можно отнести и то, что при оценке инвестиционной привлекательности региона не учитывается его инновационный тип развития и экономическая устойчивость.

Суть факторного подхода заключается в составлении укрупненных групп из близких по смыслу показателей, называемых факторами. Дальнейшая работа ведется не с каждым показателем, а с укрупненным групповым фактором, влияющим на инвестиционный климат региона [4, С. 11]. С.Е. Сухинова отмечает [2, С. 23], что «...отличительными особенностями многофакторного подхода являются противоположность категорий инвестиционный потенциал и инвестиционный риск, упор инвестиционного климата региона на объективный характер и его связь с инвестициями в основной капитал».

Именно данный подход соответствует большинству методологических требований оценки инвестиционного климата региона, в котором инвестиционное пространство страны рассматривается в координатах «инвестиционная привлекательность регионов – инвестиционная активность в регионах». К его преимуществам можно отнести учет взаимодействия многих факторов-ресурсов, использование статистических данных, нивелирующих субъективизм экспертных оценок, дифференцированный подход к различным регионам при определении инвестиционной привлекательности региона, стремление к обеспечению максимального эффективного использования всех возможных источников инвестиций.

Факторный подход лежит в основе большинства исследований по оценке инвестиционного климата российских регионов, таких как методика института экономики РАН, методика института перспективных исследований, методика авторского коллектива Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития РФ и РАН и т.д. [5, С. 4]. Но существующие методики ориентированы на анализ разнообразных групп факторов, и их принципы агрегирования недостаточно обоснованы. Ряду исследований присуща эпизодичность проведения оценки, а в некоторых разработках она производится не по всем российским регионам. Целесообразно обратить внимание и на то, что практически во всех методиках отсутствует учет регионального законодательства.

Третий подход – рисковый. Сторонники данного подхода в качестве составляющих инвестиционной привлекательности региона рассматривают его инвестиционный потенциал и инвестиционные риски. Примером применения рискового подхода является методика журнала «Эксперт-РА», называемая «Рейтинг инвестиционной привлекательности российских регионов», который публикуется ежегодно, начиная с 1996 г. [6]. В общем виде составление рейтинга включает: выбор и обоснование набора показателей, которые наиболее обстоятельно, по мнению экспертов или аналитиков, отражают состояние оцениваемого с позиции инвестиционной привлекательности инвестиционного комплекса; присвоение каждому показателю или группе однородных показателей весового коэффициента, соответствующего их вкладу в инвестиционную привлекательность изучаемого объекта; расчет интегральной оценки инвестиционной привлекательности для каждой единицы комплекса.

На наш взгляд, оценка инвестиционной привлекательности региона по методике журнала «Эксперт-РА» наиболее объективна, так как она использует сочетание статистического и экспертного подходов, что позволяет учесть как количественные, так и качественные показатели региона; постоянно совершенствоваться как в методическом, так и в содержательном отношении. С помощью данного подхода можно проводить оценку инвестиционной привлекательности регионов относительно развития отдельных отраслей хозяйства и применительно к интересам конкретных инвесторов.

К недостаткам рискового подхода можно отнести следующее:

- невозможность получения адекватных результатов из-за отсутствия объективного критерия достоверности оценки параметров;
- отсутствие взаимосвязи между составляющими инвестиционной привлекательности региона и результатом ее реализации.

Отсюда следует, что приоритетным направлением совершенствования методологии оценки инвестиционной привлекательности региона является ее разработка для разных типов инвесторов.

В заключение необходимо отметить, что при всех существующих подходах оценки инвестиционной привлекательности российских регионов приоритетным должен стать системный подход, учитывающий преимущества и недостатки каждого из них.

Литература

1. Дерябина Я. Сравнительный анализ подходов к оценке инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности. // Инвестиции в России. 2003. №8. С. 9–20.
2. Сухинова С.Е. Региональная специфика инвестиционного климата. Волгоград: Издательство Волгу, 2004. 79 с.
3. Кузнецов А.С. Оценка инвестиционного климата региона. СПб: ИРЭ, 2002. 29 с.
4. Белокрылова О.С. Инвестиционный климат региона: критерий рациональности и институциональная структура. Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 2003. 142 с.
5. Ройзман И.И., Гришина И.В., Шахназаров А.Г. Типология инвестиционного климата регионов на новом развитии российской экономики. // Инвестиции в России. 2003. №3. С. 3–14.
6. www.expert.ru.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРЕМЫ БАЙЕСА В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

М.К. Санин

Традиционно в исследованиях по изучению технологий отбора персонала важное место отводится итоговым решениям организации, непосредственно нанимающей сотрудников. Однако в последнее время все чаще дискутируется вопрос, насколько важным является решение самих кандидатов, дающих согласие занять ту или иную должность. Как свидетельствуют исследования Международного института глобальных социологических процессов, в последнее время в мире, а особенно в развитых экономически странах, наметилась тенденция к общему снижению качества подготовленности высококвалифицированных кадров, и в целом снизилось количество таковых. Данные процессы заставляют крупные компании больше внимания уделять собственно процессу рекрутинга, а именно создания привлекательности своей компании для кандидатов в момент обращения последнего в службу персонала компании, приятной атмосферы собеседования, повышения качества работы службы персонала. Рассмотрим данную проблему с точки зрения ее актуальности.

В процессе отбора претендентам приходится выбирать, насколько приемлемы для них особенности предлагаемой работы, стоит ли продолжать участие в отборе или сойти с «дистанции», если сделано предложение о работе, то нужно ли его принять.

Есть много специальной литературы, объясняющей мотивы принятия решений кандидатами, гораздо реже обсуждается проблема, почему они меняют свое решение в процессе отбора. Анализ подобных изменений и их вероятный прогноз можно сделать, используя теорему Байеса. Вполне естественно, что у претендентов формируется первоначальное впечатление о предлагаемой работе и организации, оно неоднократно пересматривается ими благодаря той информации, которую они получают в процессе отбора.

Каждый кандидат должен для себя первоначально решить, приемлема для него предлагаемая работа или нет. Это позволяет кандидату принять решение, необходимо ли ему проходить все этапы отбора (тестирование, интервьюирование и т. д.). Те, кто остается в отборочном процессе, впоследствии либо удаляются в ходе конкуренции, либо остаются активными до принятия предложения о работе (или о том, что смогут рассчитывать на нее в будущем).

У претендентов еще на стадии поиска работы формируется первоначальное впечатление об особенностях компании, ее корпоративной культуре, заработной плате, поощрениях и т.д. Сильное воздействие на них может оказать «портрет» компании, который дается в рекламных материалах и в объявлениях о найме. Плохо информированные претенденты, прежде всего, обращают внимание на личные характеристики рекрутеров и интервьюеров, с которыми они непосредственно взаимодействуют, т.е. уже ранние отборочные испытания интерпретируются кандидатами как сигналы определенных характеристик организации, которая предлагает им работу.

Как уже отмечалось выше, очень мало известно о мотивах индивидуальных решений претендентов, которые выходят из процесса отбора задолго до его заключительной стадии. Часто решение кандидатов о выходе из отборочного процесса связано с их реакцией на существенное замедление этой процедуры, а также с получением негативной информации в ходе отбора и т. д. Эти реакции могут быть обусловлены расовой принадлежностью, квалификацией претендентов и т. п. Если при тестировании кандидат чувствует, что ему не хватает времени для выполнения тестов, то это становится для него одной из решающих причин при принятии решения о выходе из процесса отбора (на действия «слабых» кандидатов это влияет в большей степени), а высококвалифицированные претенденты более чувствительно реагируют на негативную информацию.

Наконец, на заключительном этапе принятия предложения о работе кандидат сравнивает и выбирает возможные альтернативные варианты. В специальной литературе существует понятие соответствия личности и организации: для потенциальных претендентов более привлекательны не столько предложения о предоставлении работы сами по себе, сколько те организации, чей «рабочий» уровень соответствует их собственному.

Во многом на принятие предложения о работе влияет поведение рекрутеров и интервьюеров, контактирующих с кандидатами еще на начальных стадиях отбора. Теплый прием, притягательность и компетентность рекрутеров и интервьюеров могут оказывать сильное воздействие на решения кандидатов принять предложение о работе. Безусловно, важен и их настрой. Претенденты с менее благоприятным отношением к процессу отбора не желают видеть привлекательность организации, заранее отвергают предложения о работе или будущие перспективы.

Как уже отмечалось выше, в ходе поиска желаемой работы люди уже имеют некоторые убеждения или мнения, которые непрерывно пересматриваются ими в процессе отбора.

Среди всевозможных статистических оценочных методов наиболее оптимальными являются байесовские модели. Они могут использоваться для определения оптимального пути принятия решения кандидатом на работу, позволяют идентифицировать возможные бреши в стратегиях организации, нанимающей персонал, а также выявлять обстоятельства, в силу которых претенденты стремятся к принятию нежелательных для компании решений, т.е. байесовские модели носят скорее рекомендательный, чем просто описательный характер.

В идеальной форме потенциальный кандидат на работу получает всю необходимую информацию о компании на ее сайте и уже на основе полученных сведений планирует свои дальнейшие действия. Если информация удовлетворяет его, он идет на собеседование, общается с интервьюером, получает при этом теплый прием и покидает компанию с хорошим мнением о ней. Через какое-то время кандидат успешно проходит серию тестов и получает предложение о работе с жалованьем, страховкой и т. д. Несомненно, что при таком раскладе претендент, скорее всего, примет решение о своем согласии на работу. В действительности же, что, собственно, и описывают байесовские модели, кандидат стартует с первоначально сложившимся впечатлением об организации, которое в течение отбора может пересматриваться им несколько раз. Эти мнения являются определяющими при принятии решения о выходе или продолжении участия в процессе отбора.

Для иллюстрации байесовского подхода имеет смысл рассматривать интервью как важный фактор, влияющий на принятие кандидатом окончательного решения. Следует сразу отметить, что основной интерес к построению байесовских моделей связан с появлением у кандидата новой информации и пересмотром своих предшествующих мнений. При этом любая байесовская модель строится на основе теоремы Байеса, английского математика, жившего в XVIII веке.

Теорема Байеса имеет следующий вид:

$$P(H|O) = P(O|H) \times P(H) / P(O),$$

где $P(H|O)$ – апостериорная («после опыта») вероятность гипотезы H при условии, что фактически наблюдалось событие O ; $P(O|H)$ – вероятность события O при условии, что событие H произошло; $P(H)$ – априорная («до опыта») вероятность гипотезы H ; $P(O)$ – наблюдаемая вероятность O .

Проиллюстрируем применение теоремы Байеса на конкретном примере. С учетом того, что кандидаты желают найти хорошую работу и прилагают для этого определенные усилия (используют газетные объявления, Интернет, слушают рекомендации знакомых и т. д.), у них формируется некоторое мнение об организации (гипотеза H). В

случае высокого первоначального впечатления о компании вероятность гипотезы H вполне может составить $P(H) = 0,60$, или 60% уверенности в том, что организация-работодатель – именно то, что надо кандидату.

Чтобы понять, как может в дальнейшем меняться первоначальное мнение кандидата, необходимо оценить позитивность интервью. Предположим, что в нашем случае претендентам оказывается радушный и компетентный прием в 7 случаях из 10 (7 высокопрофессиональных интервьюеров), тогда вероятность позитивного интервью может составить $P(0) = 0,70$.

Далее определяется уровень, желаемый кандидатом, – это условная вероятность $P(0|H) = 0,725$, причем $P(0|H)$ развивается в зависимости от $P(0)$. С учетом того, что первичная ожидаемая вероятность благоприятного впечатления об организации и работе составила $P(H) = 0,60$, фактическая вероятность (мнение с учетом пересмотра) даже при условии очень позитивного интервью $P(0) = 0,70$ изменится незначительно и составит $P(H|0) = 0,62$. Таким образом, полученное вероятностное значение более достоверно, чем при оценке фиксированными баллами.

На практике следует учитывать не только воздействие на кандидата интервью, но и характер самого процесса отбора, взаимодействие с потенциальными коллегами, т.е. все то, что может послужить источником новой информации для претендента. И все же, несмотря на видимую эффективность, применение байесовского статистического анализа сдерживается изменчивостью предшествующей информации, степенью взаимодействия новой и предшествующей информации.

В качестве иллюстрации этого примера рассмотрим двух потенциальных кандидатов на работу, М. и О. М. умеренно интересуется будущей работой и твердо уверен в своем первичном впечатлении об организации, куда он пытается попасть. О. сильнее привлекает работа, но она менее склонна доверять своему первоначально сложившемуся впечатлению о компании. На языке байесовской статистики вероятность $P(H)$ уверенности М. близка к 0,50 и изменяется мало. У О. предшествующее мнение значительно выше и может существенно варьироваться. Остается ответить на вопрос: как меняется первоначальное впечатление этих двух претендентов в зависимости от получения ими новых данных об организации?

В первом случае, когда изменчивость предшествующего мнения (уверенность в риске) невысока, как в случае М., новая информация, независимо от того, позитивна она, или негативна, может повлиять на существенные различия в конечной оценке организации. Во втором случае, когда изменчивость предшествующей информации может быть относительно высокой, новая информация способствует пересмотру первоначального мнения, но при этом возможны некоторые различия. В нашем случае О. стартует с благоприятным впечатлением об организации. Далее, если последующая информация в ходе отбора позитивна, первоначальное мнение О. по отношению к организации может сильно не меняться. Однако в случае негативной информации (например, по результатам тестирования) впечатление об организации изменится существенно.

Вполне естественно, что те, кто стартуют с позитивным впечатлением об организации, слышат о ней позитивные отзывы от рекрутеров и интервьюеров и в результате обратной связи получают быстрые и положительные результаты тестов и оценок, делают положительные выводы о компании и более предрасположены к принятию предложений о работе. Эти выводы чаще всего верны, но не всегда. Положительная информация, воспринимаемая кандидатом, может вообще не относиться непосредственно к делу. Например, независимо от того, какова организация на самом деле, интервьюеров и рекрутеров обучают доброжелательному взаимодействию с клиентами. И такое поведение скорее говорит о рыночной конъюнктуре в этой сфере деятельности, чем об особенностях организации, которую они представляют. Поэтому возникает вопрос, достоверна ли получаемая информация и есть ли возможность ее диагностирования?

Как мы заметили в нашем обзоре, претенденты чаще всего считают, что их восприятие новой информации достоверно. Основным принципом диагностики информации при этом служит ее прототипичность (т.е. сходную информацию претенденты уже встречали). Кандидаты с большим опытом работы рынка рекрутинга, более взвешенно относящиеся к информации, менее управляемы в процессе отбора. В случае недостатка информации опытные претенденты могут надеяться на какие-нибудь отличительные особенности организации или на свой сходный опыт.

Следовательно, согласно байесовской модели, в действительности важны не позитивность или негативность интервью, теста или отборочной процедуры, а наличие или отсутствие у кандидата позитивного или негативного опыта и возможность привлечения этого опыта для определения привлекательности работы. С учетом сказанного необходимо различать вероятность $P(0)$ и условную вероятность $P(0|H)$. Очень важно, чтобы теплое и положительное интервью было сделано как прелюдия к действительно хорошей работе $P(0|H)$. Большие различия между этими двумя вероятностями и определяют, примет ли кандидат рабочее предложение. Причем роль положительного интервью важна только для определенных ситуаций и, например, невысока в случае, когда претендент выбирает между организациями. Кроме того, возможно игнорирование негативной информации. Таким образом, на решение кандидатов, помимо преимуществ предлагаемой работы, возможных поощрений и других конкретных предложений работодателя, влияет иногда, казалось бы, вообще не относящаяся к делу информация. Это различные позитивные и негативные сигналы об организации (благоприятное взаимодействие с интервьюерами, промедление в процессе отбора и т. д.).

Байесовские модели показывают, что опытные кандидаты стремятся принимать адекватные решения на основе информации, получаемой ими во время поиска работы и процесса отбора. Они менее чувствительны, чем новички, к позитивным или негативным аспектам процесса отбора, а их действия менее предсказуемы и помогают определить уровень новой информации и обстоятельства, в которых специфическая информация определяет, принимает ли кандидат предложение о работе.

Литература

1. Друкер П. Труд и управление в современном мире. М.: Инфра–М, 1999.
2. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и математическую статистику. М.: Наука, 1994.
3. Модели и методы управления персоналом: российско-британское учебное пособие. / Под. ред. Моргунова Е.Б. М.: Интел-Синтез, 2002.

ПЛАНИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

А.Г. Бабяк

Система обеспечения предприятия материально-техническими ресурсами представляет собой процесс движения сырья, материалов, комплектующих и запасных частей с рынка закупок до складов предприятия. Для функционирования системы снабжения необходимо знать, какие именно материальные ресурсы необходимы для обеспечения производства, составить план закупок. Планирование потребности в материально-технических ресурсах является неотъемлемой частью системы снабжения, оно продиктовано стремлением минимизировать складские запасы, не снижая эффективности производственной и сбытовой деятельности предприятия, и обеспечить бесперебойный выпуск продукции. С этой целью в процессе планирования потребности в ресурсах должны решаться следующие задачи:

- определение состава необходимых ресурсов;
- определение количественного выражения потребности каждого вида ресурсов;
- определение размера несоответствия между требующимися и имеющимися на предприятии ресурсами;
- установление обоснованных сроков закупки требуемых ресурсов.

Процесс планирования закупок начинается с обнаружения производственной необходимости и потребности в материально-технических ресурсах, которая может быть удовлетворена посредством приобретения комплектующих. Необходимость закупок может быть выявлена в результате следующих факторов:

- исходя из производственного плана на месяц и анализа складских запасов, рассчитывается потребность в комплектующих, которая может и должна быть удовлетворена посредством закупок;
- компания решает начать разработку нового вида продукции, а, значит, появляется необходимость приобретения новых материалов и комплектующих для ее производства;
- требуется ремонт или реновация оборудования, а необходимых для этого запчастей нет на складе;
- необходимо ресурсное обеспечение вспомогательных видов деятельности;
- требуется создание или пополнение запасов.

Внешние побудительные мотивы для закупок могут возникать при посещении выставок, получении коммерческих предложений и знакомстве с торговыми представителями, предлагающими продукцию более высокого качества, по более низким ценам или с более короткими сроками поставок по сравнению с уже имеющимися поставщиками.

После осознания потребности в закупках наступает этап составления непосредственно плана закупок, который должен заключать в себе такую информацию, как наименование и обозначение закупаемых товарно-материальных ценностей, необходимые количества, а также требуемые даты их поступления на склад компании. В случаях закупки технически сложной продукции, для определения ее характеристик необходимо привлечь компетентный персонал организации, непосредственных пользователей.

Изучив рынок, специалисты по закупкам устанавливают потребность предприятия в конкретных поставках. Существует множество методик определения того, сколько необходимо закупить материалов для производства продукции и с какой периодичностью они должны поступать от поставщиков. Тремя наиболее распространенными из них являются:

- детерминированный (расчет потребности в ресурсах происходит на основе планов производства и нормативов расходования);
- стохастический (на основе вероятностного прогноза с учетом потребностей прошлых периодов);
- оценочный (на основе опытно-статической оценки).

При использовании детерминированного метода потребность в материалах определяется путем умножения запланированного объема производства в учетных единицах измерения на удельную норму расхода материала в натуральных единицах измерения:

$$M_{плi} = H_{mi} \times Q_{пл},$$

где $M_{плi}$ – плановая потребность в материалах i -го вида (ед. изм.); H_{mi} – норма расхода i -го материала на 1 изделие (ед. изм.); $Q_{пл}$ – плановый объем производства (ед. изм.).

Суммарная потребность во всех материалах, необходимых для выпуска одного изделия, рассчитывается по формуле

$$M_{пл} = \sum_{i=1}^n H_{mi} \times Q_{пл},$$

где n – количество наименований закупаемых материалов.

Если потребности в материально-технических ресурсах не могут быть определены на основе информации о плане производства или применение этого метода нецелесообразно, то используют стохастический или оценочный метод определения потребности. Выбор метода расчета обуславливается особенностями самих ресурсов, условиями их потребления и наличием данных, необходимых для выполнения соответствующих расчетов.

Потребность в материалах можно рассчитать, рассматривая определенную программу производства конечного продукта – используя метод планирования потребности в материалах, который имеет своей целью создание оптимальных условий для реализации производственного плана выпуска продукции. Основная идея данного метода состоит в том, что любая учетная единица материалов, необходимая для производства изделия, должна быть в наличии в нужное время и в нужном количестве.

Основными данными, необходимыми для работы системы планирования потребности, являются: основной производственный план-график, спецификация, информация о состоянии запасов.

Основной производственный план, как правило, формируется для пополнения запаса готовой продукции или удовлетворения заказов потребителей. На практике разработка основного производственного плана представляется петлей планирования, т.е. первоначально формируется черновой вариант для оценки возможности обеспечения реализации по материальным ресурсам и мощностям, затем осуществляется детализация плана в разрезе материальных составляющих, и в случае отсутствия возможности для удовлетворения потребностей производства в материально-технических ресурсах основной производственный план должен быть соответствующим образом скорректирован. После проведения необходимых итераций план производства утверждается как действующий, и на его основе осуществляется запуск производственных заказов. Спецификация представляет собой номенклатурный перечень материалов и их количеств для производства некоторого конечного изделия.

Методика расчета заключается в следующем:

- на основе плана производства и спецификации материалов определяется суммарная потребность в материально-технических ресурсах;
- путем вычитания из суммарной потребности количества, имеющегося в наличии, количества, предназначенного для предыдущей серии производства и заказанного количества со сроком поставки, отвечающем плану производства, определяется чистая потребность;

- с учетом срока выполнения заказа планируется время размещения заказа так, чтобы удовлетворить чистую потребность к планируемой дате начала производства.

В общем виде описанный выше метод планирования потребности в материалах можно представить рис. 1.

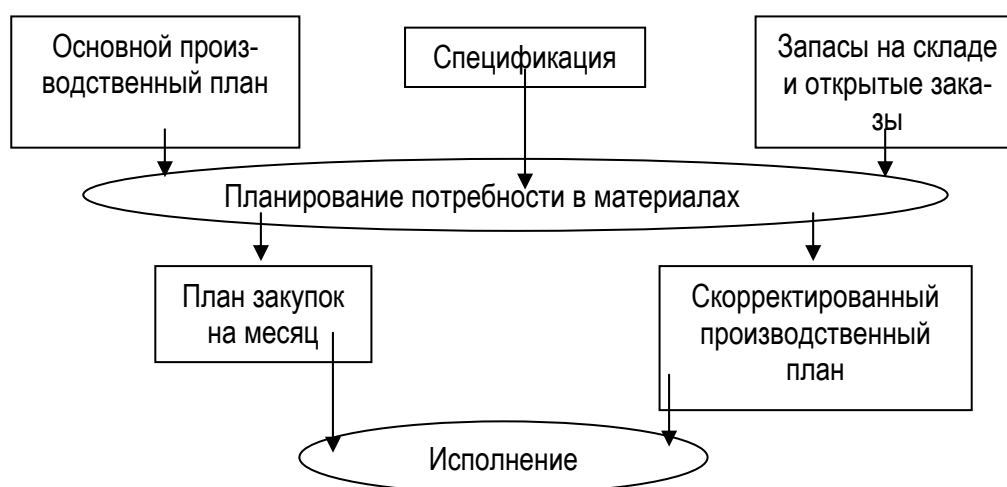

Рис. 1. Система планирования потребности в материалах

Существует еще такой метод расчета величины заказа, как модель с постоянной периодичностью заказа. Заказ повторяется через равные промежутки времени. В момент заказа проверяется наличие запаса на складе, размер заказа равен разности между фиксированным необходимым (максимальным) запасом и его фактическим размером, т.е. величина заказа является переменной. В данной модели определению подлежит уровень максимального запаса и период времени между двумя смежными поставками. Применение данного метода расчета целесообразно при установлении регулярных сроков поставки и возможности запасать продукции в любом количестве. Достоинством системы является то, что при ней не нужно вести ежедневный учет наличия запасов на складе, а проводить его лишь к моменту, когда приходит время заказа, что сокращает трудоемкость учета.

Все рассмотренные методы определения количества, сроков и периодичности закупок имеют свои достоинства и недостатки с точки зрения точности, затрат времени, стоимости услуг или определения потребностей в материалах. Их выбор зависит от профиля предприятия, возможностей заказчика, типа изделий, наличия и вида складов, системы контроля за состоянием запасов.

Определив состав необходимых материально-технических ресурсов и их количество, целесообразно составить план закупок на месяц, отражающий планируемые сроки поставки ресурсов на склад компании, удовлетворяющие требованиям производства. Информация из плана в дальнейшем может быть использована для согласования с поставщиком (в вопросах количества и сроков поставки), а также для отслеживания работы поставщиков (в части соблюдения ими условий поставки).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ

Т.Н. Батова

Оборотные средства являются важнейшим ресурсом в обеспечении текущей деятельности предприятий. Вопрос об экономической сущности оборотных средств многие годы обсуждался в экономической литературе. Однако и в настоящее время встречаются определения оборотных средств, не полностью отражающие их содержание и функции в производственном механизме [2, 4, 5].

Воспроизводство в обществе, где действует закон стоимости и товарно-денежные отношения, представляет собой единство движения стоимости и потребительной стоимости. Со стадии производства и до реализации товара оба процесса совпадают: потребительная стоимость и стоимость движутся вместе, создание потребительной стоимости есть в то же время создание стоимости.

Реализация является пределом единого движения. С этого момента происходит как бы раздвоение движения товара: движение продукта в его материально-вещественной форме и движение продукта в форме стоимости. Оба процесса становятся относительно самостоятельными. Как материальная ценность любой продукт поступает из производства либо в сферу потребления (в производственную или непроизводственную), либо на прирост товарных запасов. Будучи потребленным, этот продукт заканчивает свое движение как потребительная стоимость. Как стоимость, продукт продельвывает более сложное движение. Реализованная стоимость распадается на части, одна из которых возмещает авансированные средства производства – основные фонды (в той мере, в какой они перенесли свою стоимость на готовую продукцию) и оборотные средства, а другая образует доходы. В последней стадии движение стоимости в процессе воспроизводства получает относительную самостоятельность, которая заключается в том, что после реализации продукта она принимает денежную форму и противостоит материальным ценностям.

Ускорение или замедление движения стоимости, большую часть которой составляют оборотные средства, прямо влияет на итоги хозяйственной деятельности.

На практике, а зачастую и в теории отождествляют два понятия: *оборотные фонды и оборотные средства*. По нашему мнению – это две самостоятельные экономические категории. Каждое производственное предприятие для нормального хода производства использует производственные фонды – основные и оборотные, а также фонды обращения. В отличие от них, оборотные средства являются следствием хозрасчетной организации хозяйственной деятельности. Они являются формой движения стоимости в условиях хозрасчетных отношений. При нехозрасчетной организации деятельности эта специфическая форма движения стоимости не образуется. В этом случае текущие расходы производятся из средств, поступающих в соответствии со сметой от финансирующей организации, и, соответственно, выручка поступает от этой же организации. Экономическая ответственность проявляется здесь в пунктуальном выполнении сметы расходов и поступлений, самофинансирование отсутствует. Поэтому нет объективных оснований для появления такой формы движения стоимости, какой являются оборотные средства.

Далее, оборотные фонды расходуются на производство продукции, потребляются в производстве, переносят на нее свою стоимость, в то время как оборотные средства не потребляются в производстве (как и в обращении), а лишь авансируются. На отличие авансирования от затрат стоимости указывал К.Маркс в «Капитале»: «Капитальная стоимость вообще авансируется, а не затрачивается, так как эта стоимость, пройдя различные фазы своего кругооборота, опять возвращается к своему исходному пункту... Это характеризует ее как авансированную стоимость» [1]. Оборотные средства аванси-

руются в денежной форме и после реализации продукции возвращаются к исходному пункту авансирования в этой же форме, чтобы вновь повторить кругооборот.

Сырье, материалы, топливо и т.п. в форме стоимости представляют собой оборотные фонды. Здесь стоимость овеществлена в известного рода материальных ценностях, неразрывна с ними. Напротив, оборотные средства представляют собой стоимость в денежной форме, в форме всеобщего эквивалента этих ценностей. Оборотные средства предприятия образуют денежный фонд, предназначенный для создания запасов материальных ценностей. Оборотные фонды и представляют собой эти запасы. Различно, таким образом, назначение и функции, выполняемые оборотными фондами и оборотными средствами.

В отличие от оборотных фондов, непосредственно участвующих в формировании издержек производства предприятия, оборотные средства прямого участия в этом процессе не принимают. Если бы стоимость оборотных средств прямо и непосредственно переносилась на изготавливаемый продукт, то она с каждым оборотом должна была бы закономерно уменьшаться и, следовательно, после завершения очередного кругооборота их каждый раз приходилось бы пополнять, чего в действительности не происходит.

Отсюда, оборотные фонды представляют стоимость, неразрывно связанную с ее потребительской формой, с вещественной оболочкой предметов труда. В отличие от них, оборотные средства есть только стоимость в денежной форме.

Любое предприятие выступает в системе национального хозяйства как покупатель товаров (услуг) и как продавец своей продукции. Оно создает необходимые для нормальной работы запасы путем покупки сырья, материалов, энергии и уменьшает запасы, переработанные в готовую продукцию, путем продажи. Вовлечение и высвобождение оборотных средств в процессе кругооборота происходит путем платежей: в первом случае – путем покупки товаров и оплаты услуг, во втором – продажи. Функция оборотных средств состоит в оплате поступающих на предприятия материальных ценностей и оказанных услуг из авансированной на эти цели денежной суммы. Другими словами, функция оборотных средств состоит в платежно-расчетном обслуживании кругооборота стоимости на предприятии. В платежах и поступлениях денежных средств в каждый момент и проявляется движение оборотных средств предприятия. Однако движение материальных ценностей отражается в движении оборотных средств не точно, не зеркально, а именно как динамика платежей и поступлений денег, как результат продаж и покупок. Следовательно, движение производственных фондов в каждый момент времени отражает оборот материальных факторов воспроизводства, а движение оборотных средств – оборот денег, платежей. Хотя последний процесс и есть результат движения материальных ценностей, они могут не совпадать. При нормальных условиях работы предприятий необходимые оборотные средства соответствуют оборотным фондам и фондам обращения. Если же возникают существенные отклонения от нормальных требований материально-технического снабжения производства, сбыта продукции, банковских расчетов, это соответствие нарушается. При замедлении движения фондов, например, когда материальных ресурсов больше, чем требуется, или готовая продукция не отгружена в срок, оборотных фондов и фондов обращения больше, чем нужно, а оборотных средств не хватает. И наоборот, оборотных средств может быть больше, чем оборотных фондов, если план производства перевыполнен свыше нормативных запасов.

Таким образом, оборотные средства есть особая форма движения стоимости, ее кругооборота. Они авансируются в виде денег для создания запасов сырья, материалов, полуфабрикатов, готовой продукции, инструмента, инвентаря и других быстроизнашивающихся материальных ценностей. Их функция заключается в платежно-расчетном обслуживании кругооборота ценностей. Путем платежей именно оборотные средства регулируют объем и темпы этого кругооборота. Именно в этом и заключается экономи-

ческая сущность оборотных средств. По сути, они представляют собой некий финансовый рычаг управления текущей производственно-хозяйственной деятельностью предприятия.

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 23.
2. Зайцев Н.Л. Экономика промышленного предприятия: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1996.
3. Экономика предприятия / Под ред Е.Л. Кантора. СПб: Питер, 2003.
4. Экономика радиотехнической промышленности: Учебник для вузов / Под ред. В.К. Беклешова. М.: Высш. шк., 1987.
5. Экономика: Энциклопедический словарь / В.Г. Золотоголов. 2-е изд., стереотип. Мн.: Книжный Дом, 2004.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ МЕНЕДЖЕРУ О КАЧЕСТВЕ

Ю.К. Прохоров

В условиях развитых рыночных отношений, когда качество продукции является главным фактором конкурентоспособности и успешности фирмы, профессиональный менеджер должен обладать необходимым минимумом знаний как о самом понятии «качество», так и о способах обеспечения требуемого его уровня.

Что такое качество? В философском смысле под качеством понимается существенная определенность каждого предмета, явления или процесса, выражающаяся в закономерной связи составляющих его частей и присущих ему свойств (Энциклопедический словарь, т. 1, 1963 г.). Это понятие присуще всему окружающему нас материальному миру и изучалось многими философами с древних времен (Аристотель, Г. Гегель, Ф. Энгельс и др.)

Понятие «качество» не является абстрактной категорией, оно не может существовать само по себе, без привязки к конкретным сущностям. Ф. Энгельс отмечал, что существуют «не качества, а только вещи, обладающие качеством, и притом бесконечно многими качествами».

Результатом производственной деятельности предприятий и организаций является определенная продукция (работы, услуги), предназначенная для удовлетворения соответствующих потребностей людей и общества. Поэтому менеджеру важно иметь представление о практических аспектах понятия «качество» применительно к выпускаемой продукции.

В практическом смысле качество – «степень соответствия присущих характеристик требованиям» (ГОСТ Р ИСО 9000-2001). Каждому предмету присущи свои характеристики (отличительные свойства), обусловленные назначением предмета. Эти характеристики в совокупности характеризуют предмет в целом. Требования, степенью соответствия которым определяется качество, обозначены в вышеуказанном стандарте как «потребность или ожидание, которое установлено, обычно предполагается или является обязательным». Таким образом, оценка качества продукции предполагает следующие действия:

- установление состава характеристик, определяющих качество конкретной продукции;
- определение значений этих характеристик;
- установление требований к характеристикам продукции;
- сопоставление значений характеристик продукции с установленными требованиями и определение степени их соответствия.

Для осуществления этих действий используются соответствующие методы и создаваемые на их основе методики.

Научная область, рассматривающая методы количественной оценки качества продукции, называется квалиметрией. Квалиметрия изучает и разрабатывает как общие методологию и методику решения вопросов регламентации и оценки уровня качества продукции, так и вопросы практической их реализации применительно к конкретной продукции.

Одна из задач квалиметрии – установление состава характеристик, определяющих качество конкретных видов продукции и способов их оценки. Характеристики (свойства) продукции оцениваются соответствующими показателями, которые должны иметь количественный измеритель и могут выражаться в различных единицах, в баллах или быть безразмерными. Простые свойства оцениваются одним показателем, сложные свойства (например, надежность) могут оцениваться несколькими показателями. Соответственно, различают единичные (характеризуют одно свойство) и комплексные (характеризуют несколько свойств) показатели.

Номенклатура показателей качества конкретных видов продукции регламентируется ГОСТами, объединенными в серию «Система показателей качества продукции». Использование этих стандартов обеспечивает единообразие в оценке уровня качества продукции при решении задач управления качеством, сертификации продукции, разработки стандартов и технических условий на продукцию и др.

Важным для оценки качества продукции является определение значений показателей качества. Объективность и достоверность этих значений зависят от условий и методов их определения. Методы определения значений показателей качества продукции различаются по способам и источникам получения информации и подразделяются на измерительный, регистрационный, расчетный, органолептический, экспертный. Применение того или иного метода зависит от характера оцениваемого показателя, вида продукции и имеющихся возможностей.

Требования к характеристикам продукции обычно отражаются в соответствующих плановых или нормативных документах. К нормативным документам, содержащим требования к продукции, относятся технические регламенты, стандарты (ГОСТы, стандарты организаций), технические условия. Стандарты и технические условия на продукцию могут содержать требования к показателям качества продукции в форме ограничений или нормированных значений.

Для количественной оценки степени соответствия продукции установленным требованиям и ее качества используется относительная характеристика, основанная на сравнении совокупности показателей качества оцениваемой продукции с соответствующей совокупностью базовых показателей, называемая *уровнем качества продукции*.

В роли базовых значений показателей качества используются либо регламентированные значения, установленные в соответствующих нормативных или плановых документах, либо значения показателей качества аналогичных образцов продукции.

В зависимости от типа сравниваемых показателей различают методы оценки уровня качества продукции: дифференцированный (сравниваются единичные показатели), комплексный (сравниваются комплексные показатели), смешанный (сравниваются единичные и комплексные показатели качества). Результатом сравнения обычно является определение *обобщенного показателя качества*, для значений которого устанавливается градация уровней качества продукции (например: отличное, хорошее, среднее, плохое качество). При расчете обобщенного показателя качества могут учитываться так называемые «коэффициенты весомости» показателей качества, учитывающие степень важности отражаемого данным показателем свойства для уровня качества оцениваемой продукции.

Критерием оптимальности уровня качества продукции с точки зрения его эффективности может служить комплексный *интегральный показатель качества продукции*, отражающий соотношение суммарного полезного эффекта от использования продукции за определенное время к суммарным затратам на ее создание и использование или эксплуатацию. При наибольшем значении интегрального показателя качества продукции обеспечивается наивысший полезный эффект, получаемый на каждый рубль затрат, т.е. максимальная эффективность для общества.

Понятие «качество» сопровождает продукцию на всем протяжении ее жизненного цикла. И на каждом этапе этого цикла (исследование, проектирование, разработка, изготовление, эксплуатация, утилизация) необходимо предпринимать определенные меры по обеспечению требуемого уровня качества продукции, т.е. им необходимо управлять. Понятие «управление качеством» получило распространение с начала 50-х годов XX в., когда в промышленно развитых странах фирмы стали интенсивно заниматься решением вопросов повышения и обеспечения качества продукции с позиций системного подхода. Результатом этих усилий стало создание на многих предприятиях и в ор-

ганизациях *систем управления качеством* (в зарубежных фирмах – систем менеджмента качества, систем качества).

Первым крупным шагом в этом направлении в нашей стране было создание в 1955 году саратовской системы бездефектного изготовления продукции и сдачи ее с первого предъявления (система БИП). В последующие годы системные методы управления качеством развивались и проходили практическую проверку на предприятиях многих городов страны (системы: КАНАРСПИ – качество, надежность, ресурс с первых изделий; НОРМ – научная организация работ по увеличению моторесурса; СБТ – система бездефектного труда; НОТПУ – научная организация труда, производства и управления и др.). Обобщение опыта и развитие системных методов управления качеством привело к разработке в начале 70-х годов основных положений комплексной системы управления качеством продукции (КС УКП), соединившей все лучшее и прогрессивное, что было свойственно предшествующим системам. В основе КС УКП лежали общие организационные принципы и единая методология организации работ по управлению качеством на предприятиях и в организациях. Организационно-методической основой КС УКП являлись стандарты предприятий, а по основным положениям, принципам разработки и функционирования этих систем были разработаны ГОСТы. КС УКП органически входила в систему управления предприятием и являлась ее функциональной подсистемой.

Дальнейшее развитие систем управления качеством шло в составе систем управления более высокого уровня: отраслевых и территориальных вплоть до государственной – Единой системы государственного управления качеством продукции (ЕС ГУКП).

Опыт создания и функционирования систем управления качеством на предприятиях многих стран был обобщен в комплексе международных стандартов ИСО серии 9000 «Системы менеджмента качества», которые приняты в качестве национальных практически во всех развитых странах мира, в том числе и в России. У нас эти стандарты приняты в качестве ГОСТов.

Первая редакция этой серии стандартов, опубликованная в 1987 году, включала пять стандартов. В последующем эти стандарты совершенствовались, а их количество расширялось. Затем эти стандарты были коренным образом переработаны. Действующая сегодня версия семейства стандартов с общим названием «Системы менеджмента качества», вышедшая в 2000 году, включает стандарты: ИСО 9000-2000 (ГОСТ Р ИСО 9000-2001); ИСО 9001-2000 (ГОСТ Р ИСО 9001-2001); ИСО 9004-2000 (ГОСТ Р ИСО 9004-2001); ИСО 19011-2002 (ГОСТ Р ИСО 19011-2003) [6– 9]. В скобках указаны номера российских ГОСТов, представляющих собой аутентичные тексты соответствующих международных стандартов.

В дополнение к указанному семейству стандартов разработаны стандарты ИСО серии 10000, содержащие руководящие указания по различным аспектам менеджмента качества: по разработке программ качества, обеспечению качества измерительного оборудования, управлению процессом измерений, непрерывному обучению и подготовке кадров, по экономическим аспектам качества и др.

В данном комплексе стандартов декларируется системный подход к менеджменту качества и указывается, что система менеджмента качества является частью системы менеджмента организации и в соответствии с политикой и целями в области качества направлена на удовлетворение потребностей, ожиданий и требований потребителей и других заинтересованных сторон. В соответствии с этим менеджмент качества должен базироваться на следующих восьми принципах: ориентация на потребителя; лидерство руководителя; вовлечение работников; процессный подход; системный подход к менеджменту; постоянное улучшение; принятие решений, основанное на фактах; взаимовыгодные отношения с поставщиками.

Стандарты основаны на процессном подходе к построению системы менеджмента качества. В них предписывается, что эта система должна делать, чтобы достигались цели в области качества, и не указывается, из каких элементов система должна строиться. Это связано с тем, что система менеджмента качества является частью системы менеджмента организации, и их элементное построение одинаково.

Важным видом деятельности по управлению качеством продукции являются действия по подтверждению соответствия продукции установленным требованиям. Эта деятельность осуществляется в соответствии с Федеральным законом о техническом регулировании [4], который привел ее в соответствие с международной практикой. «Подтверждение соответствия – документальное удостоверение соответствия продукции или иных объектов, процессов ..., выполнения работ или оказания услуг требованиям технических регламентов, положениям стандартов или условиям договоров» (ФЗ).

Подтверждение соответствия может осуществляться в форме *сертификации* (обязательной или добровольной) либо в форме *декларирования соответствия* (имеющего обязательный характер). Целью обязательного подтверждения соответствия является создание уверенности у изготовителя и потребителя в том, что заявленная продукция безопасна для потребления. Добровольная сертификация осуществляется с целью обеспечения конкурентоспособности продукции, конкурентного преимущества на рынке. Соответствие продукции (и других объектов) установленным требованиям подтверждается выдачей документа – сертификата соответствия. Деятельность по подтверждению соответствия осуществляется по определенным правилам и процедурам.

Для организации и осуществления рассматриваемой деятельности в соответствии с международными правилами создана национальная система – Российская система сертификации (РОСС), возглавляемая национальным органом по сертификации – Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Госстандартом России). В структуру РОСС входят системы обязательной и добровольной сертификации по видам продукции и процессов, центральные и региональные органы по сертификации, испытательные лаборатории и центры.

Особо следует сказать о *сертификации систем качества и производств*. Сертификация систем качества и производств подтверждает, что изготовитель способен стабильно обеспечивать заявленное им качество в реальных условиях своего производства и что свойства выпускаемой продукции не ухудшаются в течение срока действия сертификата (обеспечивается стабильность качества).

Сертификация систем качества и производств осуществляется: при сертификации продукции, если это предусмотрено выбранной схемой сертификации этой продукции; при заключении договоров, если этого требует заказчик; на добровольной основе, если это продиктовано интересами заявителя. Сертификация систем качества осуществляется на соответствие их требованиям международного стандарта ИСО 9001-2000 (ГОСТ Р ИСО 9001-2001).

Нормативно-методической основой сертификации систем качества и производств являются государственные стандарты: ГОСТ Р 40.002-2000; ГОСТ Р 40.003-2000; ГОСТ Р 40.005-2000; ГОСТ Р ИСО/МЭК 62-2000[10, 11, 12, 13].

Особенностью сертификации производств является то, что для проверяемого предприятия органом, проводящим сертификацию, составляется методика сертификации, учитывающая специфику производства и регламентирующая объекты и процедуры проверки производства и правила принятия решения.

Менеджер должен также знать об ответственности изготовителя и продавца, предусмотренной Законом о защите прав потребителей [5], за выпуск и продажу продукции, не соответствующей требованиям и причинившей ущерб потребителю или пользователю.

Литература

1. Окрепилов В.В. Управление качеством: Учебник для ВУЗов/ 2-е изд., доп. и перераб. М.: ОАО «Издательство «Экономика»», 1998.
2. Фомин В.Н. Квалиметрия. Управление качеством. Сертификация. Курс лекций. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство «ЭКМОС», 2000.
3. Управление качеством продукции. Справочник. М: Издательство стандартов, 1985.
4. Федеральный закон о техническом регулировании от 27.12.2002 № 184–ФЗ.
5. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей». Официальный текст по состоянию на 20 января 2000 года. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000.
6. ГОСТ Р ИСО 9000-2001 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.
7. ГОСТ Р ИСО 9001-2001 Системы менеджмента качества. Требования.
8. ГОСТ Р ИСО 9004-2001 Рекомендации по улучшению деятельности.
9. ГОСТ Р ИСО 19011-2003 Руководящие указания по аудиту систем менеджмента качества и/или систем экологического менеджмента.
10. ГОСТ Р 40.002-2000 Системы сертификации ГОСТ Р. Регистр систем качества. Основные положения.
11. ГОСТ Р 40.003-2000 Система сертификации ГОСТ Р. Регистр систем качества. Порядок проведения сертификации систем качества и производств.
12. ГОСТ Р 40.005-2000 Система сертификации ГОСТ Р. Регистр систем качества. Инспекционный контроль за сертифицированными системами качества и производствами.
13. ГОСТ Р ИСО/МЭК 62-2000 Общие требования к органам, осуществляющим оценку и сертификацию систем качества.

УПРАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ В АСПЕКТЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

К.А. Буханов

В настоящее время, в условиях жесткой конкуренции, российские предприятия осваивают международный опыт управления издержками. Привлечение крупных инвесторов и, как следствие, развитие отечественного промышленного производства является важной задачей национальной экономики. Ввиду того, что мировой капитал в настоящее время начинает внедряться в развивающиеся рынки, российскому промышленному сектору необходимо обеспечить привлекательность с точки зрения его финансирования. Одно из требований инвесторов – внедрение международных принципов управления. Это касается не только стандартной финансовой отчетности, но и управленческой, причем, поскольку в структуре затрат большинства российских промышленных компаний доля сырья и полуфабрикатов достигает 85–90 %, управленческий учет и собственно управление материальными активами становится приоритетной задачей.

Период времени, охватывающий 1992–2003 годы, знаменуется немалыми и весьма существенными сдвигами в постановке, содержании и в методах решения проблем организации производства на промышленных предприятиях США, Японии, Китая, ЕС. В самом общем виде эти сдвиги связаны со следующими, быстро прогрессирующими в последние годы тенденциями:

- все более широкое развитие системного подхода к вопросам организации и управления производством и производственными запасами;
- применение математической статистики и прикладной математики в сочетании с быстро совершенствующимися автоматизированными системами управления, базирующимися на компьютерных технологиях;
- постепенное внедрение новой техники и новых прогрессивных форм организации производства на промышленных предприятиях.

В результате этого многие высшие менеджеры промышленных предприятий, не пренебрегая традиционными методами, стали уделять все большее внимание количественным аспектам решаемых ими проблем. Они стали пользоваться, особенно в больших концернах, абстрактными моделями, выраженными математическими или иными условными терминами и, используя различные математические инструменты, изыскивать пути оптимизации решений. Применяя этот подход, менеджер предприятия и сотрудники его служб получают возможность эффективного управления движением материальных ресурсов – процессами снабжения и сбыта, запасами и оборотными средствами, вложенными в эти запасы: своевременно предупреждать о наличии и появлении дефицитных позиций по товарно-материальным ценностям, которые грозят нарушить бесперебойность организации процесса производства, выявлять излишние запасы материальных ресурсов. Современное промышленное производство требует активной работы по управлению запасами, которая включает множество разнообразных функций, таких как определение и дифференциация ритмов производства и потребления хранимых номенклатур и обеспечение независимости потребления от производства во времени, превращение производственного ассортимента в потребительский, перемещение ресурсов во времени и пространстве, оптимальное оперативное управление запасами и т.д.

Цель управления многономенклатурными запасами (управляемый объект) состоит в минимизации совокупных издержек по содержанию запасов (управляемый параметр) на единицу производимых товаров, работ, услуг. При этом управляемый параметр должен отражать способность управляемого объекта функционировать независимо от количественных значений параметра возмущающих воздействий, управляющим

параметром может служить только заказ на поставку, а управляющим субъектом будет являться работник предприятия, действующий с использованием АСУ.

На процесс принятия управляющим объектом в ходе работы решений влияют регулярные (системные) и ситуационные (факторы влияния) возмущения внешней среды. К системным факторам относится изменение спроса потребителей на группу товаров, а к числу ситуационных следует отнести нарушение поставщиками договорных обязательств, хищения, порчу, форс-мажор и некоторые другие.

Для того чтобы эффективно управлять производством и запасами, необходимо хорошо понимать главные силы, влияющие на них. Среди этих сил наиболее рельефно выступает **влияние замыслов и политики администрации**, куда относятся устное и письменное выражение мыслей и общих идей администрации и ее реакции на изменения текущей ситуации. Принципы ведения дела в том виде, как они интерпретируются администрацией применительно к текущей ситуации, оказывают большее влияние на управление производством и складскими запасами, чем любые другие средства, разработанные до настоящего времени. Сбалансированные программы продаж, финансовые и производственные программы и являющиеся итогом этой работы распоряжения или заявления о политике фирмы, независимо от того, что они могут носить неофициальный характер, представляют собой реальную основу управления производством и материальными запасами. Это, в особенности, относится к решениям администрации относительно краткосрочных прогнозов, например, таких, как квартальная программа, где необходима точная корректировка их позиций в соответствии с фактическим текущим уровнем выполнения годового плана. Для эффективной работы предприятия важно, чтобы его высшая администрация дала указание о политике в отношении таких вопросов, как цены на поставку взаимозаменяемых, конкурирующих продуктов, объем разовых отгрузок готовой продукции потребителям и материалов поставщиков, вложения в материальные запасы и их окупаемость, а также степень стабильности или текучесть работников. В свете этих основных положений задачей отдела планирования и управления производством является определение надлежащего уровня производства и запасов товарно-материальных ценностей, ассортимента продукции, движения незавершенного производства и уровня занятости и отношения этих параметров с текущим или намечаемым уровнем реализации. Хотя установление политики предприятия в этой области входит в число важнейших функций высшей администрации, обязанностью отдела производственного планирования и управления является рекомендовать соответствующий курс действий для осуществления этой политики на практике. Рекомендации руководителей отдела производственного планирования оказывают все большее влияние на политику предприятия, и все большее число самих этих руководителей рассматривается как часть высшей администрации.

Вторым важным фактором, влияющим на руководство производством и на уровень материальных запасов, является **время производственного цикла**, поскольку основой всех расчетов по материальным запасам являются данные о длительности цикла, которая определяется временем между выдачей заказа производству и отгрузкой законченного продукта. Называемый потребителю срок отгрузки должен включать время производственного цикла плюс время, необходимое для обработки заказа в отделах сбыта и производственного планирования и управления вплоть до выдачи его в цеха. Цикл всегда охватывает будущий период, но его длительность оценивается исходя из прошлого опыта и текущей обстановки. Для того чтобы стать реальной величиной, длительность цикла должна представлять собой трезвую оценку кратчайшего срока, необходимого для отгрузки продукта, считая с момента получения заказа. В этот срок необходимо включить небольшой запас времени для покрытия обычных задержек, но его не следует растягивать, включая задержки форс-мажорного характера. Периодическая критическая оценка длительности циклов снабжения и производства и называемых

заказчикам сроков отгрузки продукта совершенно необходима для упорядоченного хода производства продукта и его отгрузки в обещанный срок.

Третьим фактором эффективности управления материальными запасами являются объективно обоснованные **нормы расхода материалов за время цикла**. Управление запасами представляет собой, в основном, задачу удовлетворения потребностей производства путем своевременного и в нужных количествах пополнения запасов, и для поддержания необходимого уровня материальных запасов нельзя откладывать заказ на их пополнение до момента полного исчерпания: необходимо пополнять запасы заблаговременно. Дату израсходования запасов устанавливают путем деления наличного запаса на норму расхода за неделю или за месяц. До момента поставки материалов по пополняющему заказу проходит время цикла, описанное выше. Расход за время цикла снабжения представляет собой количество материалов или полуфабрикатов, образующих запасы, израсходованное за время цикла пополняющего заказа при существующей норме расхода. Очевидно, что, если размер запасов меньше, чем будет израсходовано за время цикла пополняющего заказа, весь запас будет израсходован до пополнения запаса.

Практически все методы управления запасами включают в качестве одного из основных факторов **расход материалов за время цикла пополняющего заказа**. Сам по себе расход за время цикла пополняющего заказа не относится к числу главных факторов, определяющих управление запасами, но правильное установление нормы расхода за этот период является ключом к успешному управлению запасами, а именно к созданию такого положения, когда к моменту пополнения запас еще не израсходован и вместе с тем не является чрезмерным. Некоторые исходные данные для оценки расхода за время цикла пополнения представляют собой простое усреднение расхода за последние несколько месяцев: среднюю величину за прошлый период с поправкой на уровень текущего спроса или с учетом последней информации об уровне продаж или статистическую среднюю, рассчитанную по наличным заказам на текущий и ближайшие один–два месяца, если эти заказы достаточно надежны.

Литература

1. Скоун Т. Управленческий учет. М.: Аудит, ЮНИТИ, 1997.
2. Слуцкий М.Л. Управленческий анализ. СПб: Питер, 2002.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТАХ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Н.П. Гаврилов, К.В. Санин

Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО, IAS – International Accounting Standards) – это общепризнанные международные стандарты бухгалтерского учета. Они обеспечивают сопоставимость бухгалтерских документов в общемировом масштабе, а также являются условием понимания отчетной информации для внешних пользователей. Международные стандарты характеризуются относительно меньшей сложностью (по сравнению, например, со стандартами ГААП, GAAP – General Accepted Accounting Principles) и, следовательно, требуют меньших затрат, связанных с их внедрением и использованием.

В мировом бизнесе МСФО как базовая модель бухгалтерского учета начала складываться в начале 70-х годов прошлого века, создавая универсальный язык бизнеса для транснациональных корпораций, мировых фондовых бирж и крупных банковских центров. Разработкой МСФО занимается Комитет по Международным Стандартам Финансовой Отчетности (КМСФО, IASC – International Accounting Standard Committee), основанный в 1973 году. Сегодня в этот Комитет входит более 100 стран.

Тщательное изучение интересов потребителей финансовой отчетности, прежде всего инвесторов и акционеров, позволило КМСФО на основе существующих бухгалтерских концепций разработать основополагающие принципы и стандарты учета и отчетности. Главная задача КМСФО состоит в создании условий для составления и публикации прозрачной, общепонятной и полной финансовой отчетности, стабилизирующей рыночные отношения. На настоящий момент действует более тридцати международных стандарта финансовой отчетности. Считается, что международные стандарты финансовой отчетности являются наиболее разработанными и продвинутыми бухгалтерскими стандартами в мире.

О необходимости применения МСФО в российских организациях начали говорить еще в начале 90-х годов прошлого века в связи с либерализацией внешней торговли и появлением крупных акционерных обществ в результате приватизации государственной собственности. Составление отчетности по МСФО или по ГААП США для таких организаций было вынужденной мерой, поскольку иначе они не могли выйти со своими ценными бумагами на мировые фондовые рынки.

Поэтапный переход на МСФО в Российской Федерации начался с 1 января 2004 года в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 января 2003 года «О плане мероприятий на 2003 год по подготовке экономики к переходу на международные стандарты финансовой отчетности». Концепция развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу, утвержденная Приказом Минфина № 180 от 01.07.2004 года, предусматривает активизацию применения МСФО в России, включая создание инфраструктуры применения МСФО и существенное повышение квалификации специалистов в области МСФО. В первую очередь на МСФО переводится сводная отчетность крупных эмитентов, чьи акции котируются на биржах, а также других организаций, предоставляющих консолидированную отчетность. Кроме того, в соответствии с международными стандартами будет приведена отчетность коммерческих банков и профессиональных участников рынка ценных бумаг. Авторы концепции отмечают, что «...сложившаяся система бухгалтерского учета и отчетности не обеспечивает в полной мере надлежащее качество и надежность формируемой в ней информации, а также существенно ограничивает возможности полезного использования этой информации». Авторы отмечают далее, что в настоящее время складываются благоприятные условия для дальнейшего развития бухгалтерского учета

и отчетности в Российской Федерации и возможности перехода к работе на основе МСФО.

Следующий важный элемент Концепции – параллельное использование двух систем стандартов финансовой отчетности – международной и российской. Согласно Концепции, при подготовке консолидированной отчетности будут использоваться исключительно МСФО, при составлении индивидуальной бухгалтерской отчетности (юридических лиц) – национальные стандарты. На первом этапе консолидированную отчетность по международным стандартам будут составлять компании, акции которых обращаются на фондовом рынке. В дальнейшем, постепенно, к 2010 году вся консолидированная отчетность будет переведена на международные стандарты. Индивидуальная бухгалтерская отчетность будет продолжать готовиться на основе национальных стандартов отчетности. Они будут максимально приближаться к МСФО и строиться таким образом, чтобы на их основе можно было путем незначительных трансформаций подготовить отчетность по международным стандартам.

Наличие информации, которая позволяет оценить реальное состояние дел в компании, совершенно необходимо, когда речь заходит о привлечении инвестиций. Потому в МСФО многие видят эффективное средство для привлечения иностранных финансов в отечественную экономику. Зачастую иностранные инвесторы просто не понимают российской отчетности, которая, по их мнению, не отражает реального положения дел. Главная претензия – составляемая большинством российских организаций отчетность непрозрачна. Специалисты также отмечают, что система МСФО актуальна для крупных производственных и торговых компаний. Для малого же и в значительной степени для среднего бизнеса переход на международные стандарты отчетности не является приоритетной задачей. К тому же достаточного числа специалистов, разбирающихся в МСФО, сегодня просто нет, а за переобучение одного бухгалтера компания должна заплатить более тысячи долларов США.

В Российской Федерации вопрос о применении МСФО при составлении отчетности был впервые поставлен в 1992 году. Среди первых компаний, применивших МСФО, были АвтоВАЗ, крупные нефтяные компании. Аналогичные процессы шли в банковском секторе, где сотрудничество с западными финансовыми институтами стало невозможным без составления отчетности по международным стандартам. Сегодня все крупнейшие российские банки составляют финансовую отчетность по МСФО. Необходимо отметить, что применение МСФО требует совершенно новых знаний и навыков работы. МСФО не являются сводом строгих, детальных правил, это, скорее, набор принципов и требований. Подход к их реализации определяется организацией самостоятельно, исходя из конкретной экономической ситуации. В системе МСФО нет обязательных для российской бухгалтерии плана счетов, бухгалтерских записей, форм первичных документов и учетных регистров. МСФО – это стандарты отчетности, т.е. заключительного этапа бухгалтерской работы.

Уже сейчас очевидно, что сближение национального бухгалтерского учета с МСФО сопряжено с рядом трудностей. Например, МСФО требуют проведения оценки основных средств по так называемой «справедливой» (fair) стоимости, а не по первоначальной стоимости. С одной стороны, использование принципа «справедливой», т.е. рыночной, стоимости позволяет более точно учесть важнейшую составляющую имущества. Однако применение в нашей стране этого принципа может привести к серьезным проблемам. Например, в этом случае ожидается существенное увеличение стоимости основных средств в таких отраслях, как жилищно-коммунальная сфера. Это повлечет рост амортизационных отчислений, увеличится соответственно себестоимость. За этим последует рост тарифов, цен и так далее.

подавляющая часть практикующих бухгалтеров относится к новой системе без особого энтузиазма. Они уверены, что МСФО «нагрянет» на них в один прекрасный

день в приказном порядке: перевести бухгалтерский учет всех российских организаций на МСФО в течение квартала. Внедрение МСФО приведет к тому, что предприятия будут составлять уже четыре вида отчетности: налоговую, бухгалтерскую, международную и управленческую.

Кроме того, по мнению многих трезво мыслящих специалистов, невнятность отечественной бухгалтерской отчетности отражает не отсутствие западных стандартов, а недостаточное соблюдение российских правил составления отчетности, что вызвано, в первую очередь, нежеланием руководителей и менеджеров показывать подлинную картину деятельности управляемых ими предприятий. Такое нежелание имеет свои причины и, прежде всего, это связано с возможным увеличением налогового бремени конкретного предприятия при сохранении правил игры.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 23 января 2003 г. «О плане мероприятий на 2003 год по подготовке экономики к переходу на международные стандарты финансовой отчетности».

РАЗВИТИЕ СЕТИ ОПЕРАТОРА КАК СРЕДСТВО РЫНОЧНОЙ ЭКСПАНСИИ

А.Ю. Анисимов

Учитывая далеко не исчерпанные возможности России, операторы сотовой связи, как правило, придерживаются стратегии рыночной экспансии, поскольку перед каждой компанией-оператором встает проблема развития своей сети в других регионах, например, для того, чтобы обеспечить абонентам своего региона расширение внутрисетевого роуминга. Для реализации стратегии рыночной экспансии имеются две основные стратегии развития сотовой связи в регионах: покупка действующих операторов либо создание сети «с нуля» («greenfield»).

Каждая из этих двух стратегий имеет как свои достоинства, так и недостатки. Достоинство покупки действующего регионального оператора в том, что ускоряется возврат вложенных инвестиций за счет использования уже действующей абонентской базы. Недостаток этой стратегии состоит в том, что могут возникнуть технические проблемы с совместимостью оборудования сетей компании-покупателя и регионального оператора, а также существует опасность резкого оттока нелояльных клиентов оператора к конкурентам. В стратегии «greenfield» технические проблемы такого рода исключаются заранее, так как создается единая инфраструктура с материнской компанией, но в то же время увеличиваются сроки создания такой инфраструктуры, набор и обучение персонала, рекламные расходы на продвижение новой торговой марки и т.д.

В последнее время наметилась тенденция комбинирования двух этих стратегий. По-видимому, такое поведение зависит не от приверженности оператора, а от конкретных особенностей того или иного региона. И если раньше стратегию «greenfield» использовала компания «Вымпелком», а «Мобильные ТелеСистемы» скупали региональных операторов, то сейчас они почти что одновременно перешли к применению смешанной стратегии на практике.

Скорее всего, выбор той или иной разновидности стратегии рыночной экспансии конкретного оператора зависит от количества операторов в данном регионе, т.е. от уровня конкуренции. Если в регионе уже существует несколько игроков, то нет никакой смысла создавать еще одного конкурента, тем самым снижая расценки на услуги и получая дополнительные потери средств. Гораздо выгоднее купить одного из существующих операторов и сразу же начать предлагать те же услуги, но уже под своей торговой маркой, и развивать сеть дальше. Если же на рынке присутствует только один или два оператора, то имеет смысл создать еще одного, так как существует достаточное количество потенциальных абонентов, которых можно привлечь к себе более низкими ценами, услугами, новыми для данного региона, и т.д.

Отдельно необходимо сказать о таком общероссийском GSM-операторе, как «МегаФон». При создании единой сети он не пошел ни одним из выше перечисленных путей. Компания «МегаФон» была образована в мае 2002 года в результате переименования и изменения организационно-правовой формы ЗАО «Северо-Западный GSM» и объединения с ЗАО «СоникДуо», ЗАО «Мобиком-Кавказ», ЗАО «Мобиком-Центр», ЗАО «Мобиком-Новосибирск», ЗАО «Мобиком-Хабаровск», ЗАО «Мобиком-Киров», ОАО «МСС-Поволжье», ЗАО «Волжский GSM» и ЗАО «Уральский Джи Эс Эм». Тем самым, ОАО «МегаФон» применило третье направление в развитии сети – объединение региональных операторов. Такая стратегия может оказаться эффективнее двух, описанных выше, она за меньшее время дает гораздо больший результат. Каждую из марок, входящую в единую сеть, хорошо знают жители регионов, где уже работает оператор, и можно сразу же заняться продвижением и развитием сети в других регионах, где она еще не работает. Но у компании «МегаФон» существует другая проблема: при выбранной ею стратегии развитие тормозит неизвестность марки. Особенно это чувствуется в таких регионах, как Москва, где его сеть начала работать сравнительно

но недавно. Кроме того, сказываются и технические проблемы, такие как невозможность сразу же наладить бесперебойную работы всех систем и хорошее покрытие сети. Сразу же появляются большие расходы, связанные с рекламными кампаниями. В этом он уступает лидерам. Но есть и существенный плюс – относительно слабая загруженность его сети.

В табл. 1 приведены основные статистические показатели двух регионов – Московского и Северо-западного, а также федеральных округов, в которых они расположены, где наблюдается наибольшее развитие сотовой связи в России.

Ситуация с сетями МТС, «БиЛайн» и «Мегафон» в двух столицах обстоит совершенно по-разному. Если в Москве торговые марки «БиЛайн» и МТС широко известны, то в Санкт-Петербурге они начали работать только 2 года назад. До этого времени лидером в этом регионе являлся «Северо-Западный GSM» (ныне Северо-западный филиал ОАО «Мегафон»). Этот стратегически важный для двух наиболее крупных операторов регион долгое время оставался не охваченным из-за отсутствия лицензий. Только в 2002 году такая возможность появилась у этих операторов. ОАО «Мобильные ТелеСистемы» приобрело компанию «Телеком-XXI» и стало предоставлять услуги сотовой связи под торговой маркой МТС, а затем и ОАО «Вымпелком» ввело в эксплуатацию сеть, принадлежащую своей дочерней компании «Вымпелком-Регион», впоследствии поглощенной ОАО «Вымпелком».

Похожая ситуация произошла и на московском рынке сотовой связи. Первоначально на нем было два оператора стандарта GSM – ОАО «Мобильные ТелеСистемы» и ЗАО «КБ Импульс» (дочерняя компания ОАО «ВымпелКом», впоследствии поглощенная им). Они же по сей день считаются крупнейшими общероссийскими операторами с наибольшими территориями покрытия их сетями. В 2002 году вследствие получения лицензии на право предоставления услуг сотовой связи в московском регионе появилось ЗАО «Соник Дуо», дочерняя компания ОАО «МегаФон».

Перед новыми компаниями как в Санкт-Петербурге, так в Москве стояла непростая задача – в короткий срок привлечь как можно большее число абонентов. Сделать это можно было, лишь обеспечив приемлемую территорию покрытия, и существенно более низкими ценами, чем у конкурентов. Для этого было необходимо проведение рекламных кампаний, крупные вложения средств в развитие сети в конкретном регионе, предложением новых услуг и т.д. Отдельно необходимо сказать о стимулировании потенциальных клиентов к внутрисетевым вызовам; на них операторы в начале своей работы дают обычно высокие скидки.

	ЦФО	Москва + Московская область	СЗФО	Санкт-Петербург + Ленинградская область
Население	37991	10358 + 6627	13986	4669 + 1671
Среднедушевые доходы населения в месяц (руб.)	5314	13672 + 3405	3849	4497 + 2390
Площадь (тыс. кв. км)	650,7	47,0	1677,9	85,9
Количество абонентов подвижной связи (тыс. аб.)	нет данных	7184,3 (только Москва)	нет данных	2205 (только Санкт-Петербург)

Таблица 1. Статистические показатели регионов

Литература

1. Ефремов В. С. Стратегия бизнеса. Концепции и методы планирования. М.: Финпресс, 1998.
2. Кэмпбел Д., Стоунхаус Дж., Хьюстон Б. Стратегический менеджмент. М.: Изд-во «Проспект», 2003.

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ

М.С. Телегин

Важным условием эффективности реализации инвестиционного проекта является учет отраслевых особенностей объекта инвестирования, которые особенно сильно влияют на принятие инвестиционных решений в высокотехнологических отраслях, к которым относится сфера телекоммуникаций. К числу таких особенностей следует отнести следующие.

Сильное регулирование отрасли со стороны государства, которое характерно практически для всех национальных экономик. Так, например, Министерство внутренних дел Индии в 2001 году направило в Департамент по телекоммуникациям предписание об ограничении доли иностранных капиталов в пакетах акций телекоммуникационных компаний, поскольку считает ее увеличением рискованным для экономики. Китайские власти жестко ограничили участие иностранного капитала в китайских телекоммуникационных компаниях и, наоборот, всячески поддерживают работу китайских операторов связи по всему миру. На данный момент рынок телекоммуникаций России контролируется 4 организациями, каждая из которых выполняет определенную роль. Министерство информационных технологий и связи РФ является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий, электросвязи и почтовой связи, в том числе в области использования информационных технологий при формировании государственных информационных ресурсов и обеспечения доступа к ним, развития систем телевизионного вещания и радиовещания, использования и конверсии радиочастотного спектра. Федеральная служба по надзору в сфере связи осуществляет такие функции, как госнадзор и контроль в области связи, в том числе за соблюдением требований к построению сетей электросвязи и почтовой связи, требований по проектированию, строительству, реконструкции и эксплуатации сетей и сооружений связи; за соблюдением операторами связи требований к пропуску трафика и его маршрутизации; за соблюдением порядка распределения ресурса нумерации единой сети электросвязи РФ; за излучением радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств (радиоконтроль). Также федеральная служба по надзору в сфере связи занимается лицензированием деятельности в области оказания услуг связи и регистрирует радиоэлектронные средства и высокочастотные устройства гражданского назначения. Федеральное агентство по информационным технологиям является федеральным органом исполнительной власти, реализующим функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере информационных технологий, в том числе в части использования информационных технологий для формирования государственных информационных ресурсов и обеспечения доступа к ним. Агентство является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в области использования электронной цифровой подписи. Федеральное агентство связи является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг, по управлению государственным имуществом и правоприменительные функции в области связи и информатизации. Для возмездного оказания практически любой из услуг связи компания должна обладать соответствующими лицензиями. В этом свете критической представляется ситуация в конце 2004 года, когда из-за того, что не были вовремя разработаны многие документы, в течение нескольких месяцев не выдавались никакие лицензии. Для того чтобы начать работу на новом региональном рынке, компаниям приходилось покупать готовые фирмы с действующими лицензиями на услуги связи.

После выхода в свет нового Федерального закона о связи в марте 2005 года рынку фиксированной телефонной связи предстоят большие изменения. До сих пор все междугородние/международные звонки компании были вынуждены отправлять компании-монополисту «Ростелеком» или пропускать по VoIP-телефонии (Voice-Over-IP – технология передачи голоса по каналам передачи данных, по каналам сети Интернет). Следует заметить, что ранее в законе вообще не значился термин VoIP-телефония. С введением же нового закона IP-телефония фактически ставится вне закона, и все операторы телефонной связи делятся на 3 категории: операторы местной связи (обязаны иметь точки подключения в каждом муниципальном округе района), операторы внутризоновой связи (обязаны иметь точки подсоединения в каждом районе и крупном населенном пункте региона) и операторы дальней связи (обязаны иметь точки присоединения в каждом регионе РФ). Изменится также и порядок межоператорских расчетов. Если раньше оператор сам устанавливал конечную стоимость для абонента, исходя из себестоимости минуты соединения и нормы прибыли, то теперь счета конечным пользователям будет выставлять непосредственно оператор дальней связи, а оператору местной и внутризоновой связи будет возвращаться комиссия за пропуск трафика. При этом считается, что большим плюсом для пользователя является возможность выбора пользователем оператора дальней связи для каждого звонка исходя из соотношения цена/качество. Ожидается усиление конкуренции на рынке дальней связи и, следовательно, снижение расценок на междугородние/международные звонки.

На данный момент ни одна компания не выполнила требований министерства и не получила лицензии на дальнюю связь (за исключением Ростелекома). Ожидается, что через полгода у компании «Ростелеком» будет 3–5 конкурентов.

Существенные перемены происходят и на рынке мобильной связи. Минсвязи РФ утвердило процедуру перехода от оператора к оператору с сохранением телефонного номера, также с 1 января меняется порядок оплаты входящего звонка с городской телефонной сети. Теперь звонок полностью оплачивает вызывающий абонент. Это обстоятельство может несколько снизить прибыльность операторов сотовой связи и повысить прибыльность местных телефонных сетей.

Динамика предложения на рынке. При разработке инвестиционного проекта необходимо учитывать, что рынок связи отличается крайне высокой динамикой изменения объема и структуры телекоммуникационных услуг. Появляются новые услуги и изменяют свой вид существующие. Так, например, 20 лет назад не существовало Интернета, 10 лет назад – IP-телефонии, 5 лет назад казалось неприемлемым по экономическим соображениям иметь выделенный домашний канал к сети Интернет. Сейчас все эти технологии плотно вошли в нашу жизнь, и их уже начинают теснить новые, более совершенные (как пример можно привести ожидающееся появление оборудования WiMax, которое существенно подвинет не только технологию передачи данных по радиоканалу Wi-Fi, но и все остальные технологии беспроводного доступа к сети). К тому же с каждым годом стоимость этих услуг падает. Например, несколько лет назад при работе на выделенном канале стоимость трафика составляла порядка 120–150 USD за 1 Гб, сегодня эта цифра колеблется в пределах 40–60 USD. Предполагается, что через 5–10 лет стоимость 1 Гб трафика составит 1–3 USD.

Именно поэтому при подготовке инвестиционного проекта необходимо попытаться проанализировать и спрогнозировать динамику развития услуги или технологии и понять, будут ли у проекта надежные перспективы. В телекоммуникациях достаточно примеров, когда люди вкладывали средства в развитие неперспективной технологии (продукта), например, технология беспроводного доступа к сети Интернет, уже получившая значительное развитие в Европе, никак не может завоевать российский рынок. Это обусловлено такими причинами, как низкий процент населения, нуждающегося в быстром мобильном канале Интернет, узкое распространение переносных компьютеров

с поддержкой Wi-Fi, высокая стоимость услуги для конечного пользователя (от 100 руб/час) и некоторыми другими. В настоящее время несколько компаний, такие как московская фирма «Таском», питерские «Петерстар» и «Квантум», занимаются продвижением услуги доступа к сети Интернет по технологии Wi-Fi, однако при планируемом в ближайшее время появлении на рынке оборудования WiMax Wi-Fi станет неконкурентоспособным, так как позволяет организовывать только локальные сети внутри зданий.

Перспективы структурных изменений отрасли связи. В начале 2005 года консалтинговая группа Deloitte Touch Tohmatsu опубликовала прогноз развития рынка услуг фиксированной связи, в соответствии с которым в 2005 году традиционная проводная связь будет обеспечивать большую часть телефонных разговоров. Высокая надежность (99.999% успешных соединений) и качество связи все еще позволяют коммерческим операторам традиционной связи противостоять укреплению позиции мобильных операторов и IP-телефонии. Но растущая конкуренция на рынке подтолкнет операторов PSTN к пересмотру моделей и качества предоставляемых услуг. В ответ на давление со стороны IP-телефонии операторы фиксированной телефонной связи будут стремиться предложить широкий спектр услуг и понизить их цену. Вместе с тем, такой выбор будет разрушительным для бизнеса. IP-телефония может эффективно конкурировать с PSTN в области цен, не опасаясь сокращения прибыли. Поэтому основным преимуществом коммутируемой связи должно оставаться высокое качество. Важным фактором, ограничивающим возможности и качество услуг PSTN, остается низкий уровень функциональности стационарных телефонов, которые не могут обеспечить такие виды услуг, как передача SMS, телеконференции, напоминание входящих и исходящих звонков. Многие эксперты считают, что мобильная связь станет основной технологией для передачи голоса, а стационарные телефоны скоро исчезнут. Но вероятность такого развития отрасли в ближайшем будущем практически равна нулю. Прогнозируется, скорее, появление гибридных сетей, использующих фиксированные и мобильные технологии. Вместе с тем, такие сети не получают большого распространения из-за технических сложностей.

Высокая рентабельность деятельности в отрасли. Телекоммуникационные услуги занимают второе место в России по прибыльности, уступая только предприятиям топливно-энергетического комплекса, что обеспечивает низкие сроки окупаемости проектов, высокий уровень всех их финансовых показателей и приемлемые характеристики инвестиционного риска.

Телекоммуникационный рынок имеет достаточно много особенностей, поэтому, прежде чем принимать решение о вложении в инвестиционный проект в этой отрасли, необходимо объективно определить, не станет ли одна из особенностей препятствием к эффективному развитию проекта и обеспечения его на прибыльности.

Литература

1. Федеральный Закон о связи. Введен в действие 14 марта 2005 г.
2. Гитман Л. Дж., Джонк М. Д. Основы инвестирования. М.: Дело, 1997.
3. Суров С. Ю., Сурова М.Ю. Инвестиционный менеджмент. М.: Приор-издат, 2004.

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Н.П. Гаврилов, К.В. Санин

В целях развития местного самоуправления в России государство передало много полномочий органам местного самоуправления. В настоящее время список предметов ведения муниципальных образований является весьма внушительным. Для некоторых муниципальных образований соответствующие субъекты Федерации передают дополнительные полномочия, которые закреплены за государственными органами. По мере развития местного самоуправления список этих полномочий постоянно расширяется.

Для реализации этих полномочий необходимы финансовые ресурсы. Государство определяет перечень доходов муниципальных образований. Среди них наиболее весомую часть составляют местные налоги и сборы. Список этих налогов был всегда невелик, кроме того, этот список постоянно меняется. С одной стороны, это можно рассматривать как естественный процесс, но, с другой стороны, муниципальные образования не имеют стабильных источников доходов. В результате отмены одних местных налогов и введения других некоторые муниципальные образования из дотационных превращаются в профицитные, а другие – наоборот. В качестве примеров можно привести налог на продажу водки и пива, налог на рекламу.

Важное значение в плане сбора местных налогов имеет взаимодействие органов местного самоуправления с государственной налоговой службой. Налоговая служба занимается контролем сбора налоговых платежей, но эта информация носит конфиденциальный характер и недоступна депутатам муниципального Совета. Информация предоставляется только в виде сумм по видам налогов. Отсутствует информация об эффективности сбора налогов, количестве и составе неплательщиков, неизвестны причины возникающих задолженностей, и т.д. Могут возникать парадоксальные ситуации, когда местные органы власти чествуют и награждают злостных неплательщиков налогов из-за отсутствия соответствующей информации.

Кроме этого, на территории муниципального образования могут функционировать различные предприятия, которые в определенной степени нарушают экологическую обстановку, мешают отдыху населения, плохо отражаются на воспитании подрастающего поколения. Проблемы такого рода совершенно не затрагивают налоговые органы, а у местных органов не хватает законодательной и исполнительной власти. Органы местного самоуправления должны иметь возможность эффективно влиять фискальным путем на такие ситуации.

Следует отметить, что многие муниципальные образования являются дотационными. В соответствии с минимальной бюджетной обеспеченностью бюджет муниципального образования часто значительно превышает собственные налоговые поступления. В этом случае муниципальное образование получает из бюджета субъекта Федерации дотации на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности. Величина этих дотаций может составлять до двух третей от бюджета муниципального образования. В то же время величина фонда финансовой поддержки муниципальных образований в бюджете субъекта Федерации часто составляет весьма незначительную величину.

С одной стороны, дотационный бюджет муниципального образования – это плохо, но с другой – субъект Федерации в этом случае может оказывать эффективное воздействие на муниципальное образование. Сильные муниципальные образования зачастую не нужны соответствующему субъекту Федерации. Возможно, по этой причине и происходит «перетасовка» местных налогов. Соответственно, в такой ситуации муниципальные образования не заинтересованы в увеличении собственных доходов. Заинтересованность в увеличении собственных доходов у муниципальных образований возникает только в том случае, если местные налоги закреплены на достаточно длитель-

ный период и, самое главное, они покрывают не менее 85% минимальной бюджетной обеспеченности. В этих условиях имеет смысл уделить должное внимание сбору налогов, чтобы получить экономическую самостоятельность.

Налог на рекламу в свое время составлял в некоторых муниципальных образованиях до трех четвертей бюджета. При этом полностью покрывалась минимальная бюджетная обеспеченность, т.е. бюджет становился бездотационным. Для других муниципальных образований величина этого налога в общей доле налоговых поступлений была не столь значительна.

Сейчас наиболее весомым с точки зрения доходов муниципального образования является земельный налог. Этот налог и ранее включался в список местных налогов, но только частично. Включение земельного налога в полном объеме в состав местных налогов экономически оправдано. Для некоторых муниципальных образований земельный налог сейчас приносит до трех четвертей всех налоговых поступлений. Однако по этому налогу имеются многочисленные государственные льготы, которые теперь, по сути дела, предоставляются за счет местного бюджета. Эти льготы должны компенсироваться государством.

Кроме этого, земельный налог должен учитывать категорию муниципального образования. Например, в Санкт-Петербурге имеется 111 муниципальных образований, которые сильно отличаются друг от друга. Нельзя с одной меркой подходить к муниципальным образованиям, расположенным в центре города и в его окрестностях. В первом случае это сравнительно небольшая густонаселенная территория, а в другом – большая, но с малой численностью населения. Эти территории требуют не только разных затрат на ее содержание, но и разных налогов с дифференцированными ставками. При установлении местных налогов необходимо муниципальные образования разбить на категории, для которых установить свой перечень местных налогов, а также нормативы минимальной бюджетной обеспеченности, которые должны учитывать как численность населения, так и размер территории.

Следует отметить, что нормативы эти должны устанавливаться на длительную перспективу, а не меняться каждый год. В нынешних условиях совершенно невозможно осуществлять не только планирование, но и уверенное прогнозирование наполнения бюджета муниципального образования на несколько лет вперед. По этой причине невозможно осуществлять и планирование расходов, т.е. выполнение адресных программ.

Другим важным местным налогом является налог на имущество с физических лиц. Однако, как и земельный налог, он имеет льготы для многих категорий граждан. Кроме этого, в разных муниципальных образованиях пополнение бюджета за счет этого налога может значительно отличаться. В целом налог на имущество с физических лиц в доходах муниципального образования составляет от семи до двадцати процентов.

При обсуждении роли местных налогов на формирование бюджета муниципальных образований следует обратить внимание еще на один факт. Нормативные документы по местным налогам должны быть понятными и прозрачными для каждого жителя муниципального образования, т.е. доступны для понимания рядового гражданина, так как от этих налогов существенным образом зависит качество жизни на территории данного муниципального образования.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. М.: «Статут», 2005.

РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В КОНЦЕПЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЖКХ

А.И. Жданов, И.А. Жданов

Основной идеей экономической модели реформы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) является, на начальном этапе, передача права распоряжения всеми бюджетными ресурсами, выделяемыми на дотирование сектора, от коммунальных предприятий непосредственно к гражданам – субъектам и, в дальнейшем, поэтапный переход от бюджетных дотаций на 100%-ную оплату населением всех коммунальных услуг. С 2006 года гражданам России придется полностью оплачивать жилье и коммунальные услуги. Это следует из правительственного постановления №541, которым устанавливаются федеральные стандарты оплаты жилого помещения и коммунальных услуг. До начала реформы за счет платежей населения покрывалось только 2–3 % затрат жилищно-коммунальной сферы на производство и реализацию услуг.

Главными участниками экономических отношений в секторе жилищно-коммунального хозяйства станут жилищно-коммунальные предприятия и непосредственные получатели их услуг – граждане, а функции бюджета будут полностью переориентированы на выплату единой жилищно-коммунальной субсидии непосредственно малоимущим гражданам. Воздействие федеральной власти на процесс реформирования ЖКХ должен осуществляться с помощью трех механизмов. Во-первых, это законодательное сопровождение реформ, позволяющее сформировать механизм рыночных отношений; во-вторых, финансирование федеральных обязательств по льготникам. И, наконец, третий механизм – это разработка современных методов финансирования инициатив муниципальных образований по успешной реализации реформы ЖКХ. Но, пожалуй, самым основным является установление долгосрочных правил взаимодействия всех участников этого процесса. Для создания рыночных условий в секторе ЖКХ необходимо обеспечить развитие все составляющих: покупателей услуг, производителей (поставщиков) этих услуг и нормально функционирующей конкурентной среды.

В настоящее время население не может контролировать объем и качество предоставляемых услуг, влиять на цену и отказаться от их потребления, если цена и качество их не устраивают. Неудачи реформирования ЖКХ на протяжении последних 10 лет в том именно и состоят, что на этом рынке не был сформирован и подготовлен покупатель, нет механизмов формирования спроса и предложения ЖКУ. Именно здесь кроется причина того, что ЖКХ не удалось превратить в рыночный сектор экономики, и там доминируют административные методы управления.

Трансформация потребителя в покупателя сопряжена с рядом проблем. В ходе проведенной в стране приватизации не было четко определено отношение и ответственность собственников жилых помещений к общему имуществу многоквартирного дома, т.е. к той части, которая является неотъемлемой его составляющей, а также не была достигнута главная цель – передача многоквартирных домов и принадлежащих земельных участков в целом в реальное управление собственникам. Более 80% населения России проживает в многоквартирных домах, но при этом не существует организационной и юридической основы для того, чтобы отдельные домохозяйства вступали в прямые и равноправные договорные отношения со снабжающими предприятиями. Основной проблемой в реформировании отношений между отдельными собственниками и поставщиками услуг является отсутствие культуры взаимодействия между собственниками в многоквартирных домах и опыта принятия совместных решений по управлению ими. В качестве первых шагов необходимо создание, например, органов территориального общественного самоуправления, в том числе домовых комитетов, управдомов.

Рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги должен быть ограничен. Платежи за ЖКУ должны составлять примерно 25% от совокупного дохода россиян. Макси-

мальная способность и готовность населения платить за ЖКУ достигается при предельной (для малообеспеченных) доле расходов на ЖКУ в сумме доходов, равной 10–15% и при средней доле расходов на ЖКУ, равной 6% от среднего дохода населения (по данным высокоразвитых зарубежных стран). Эти оценки порогов справедливы при требовании к достижению уровня собираемости 95%.

В России платежеспособный спрос на услуги ЖКХ определяет не уровень их потребления, а уровень собираемости платежей. Именно снижение платежной дисциплины при повышении цен (при прочих равных условиях) свидетельствует о наличии отрицательной ценовой эластичности. Ключевым фактором дисциплины платежей являются не просто тарифы, а соотношение «тарифы/доход».

Главной причиной непомерно высоких издержек на ЖКУ и огромных финансовых обязательств государства в сфере жилищно-коммунального хозяйства является его низкая энергоэффективность. Более 85% стоимости ЖКУ, предоставляемых населению, прямо или косвенно связаны с финансированием тепло-, электро-, газо-, водоснабжения, а также текущего ремонта инженерных сетей зданий и их конструктивных элементов в целях повышения теплозащиты (ремонт кровель, межпанельных швов, входных дверей, оконных конструкций и др.). Практически повсеместно эти издержки при целенаправленной работе могут быть сокращены на 25–50%.

Население должно со временем оплачивать полностью коммунальные услуги в соответствии с муниципальными стандартами эффективности, а не с фактическими уровнями бесхозяйственности. Нельзя перекладывать на потребителя оплату сверхнормативных потерь топлива, энергии и воды при их производстве, транспортировке и распределении. Одним из направлений превращения потребителя в покупателя является установка приборов учета и средств регулирования. Однако даже с этим, для многих очевидным, тезисом не все просто. Для начала нужно решить, что же получает покупатель ЖКУ: ресурсы (Гкал, литры, м³, кВт-ч) или удовлетворенную потребность в комфорте. Конечной услугой, для которой нам нужен ресурс, является именно комфорт. Для этого нужна компания, которая обслуживает жилой дом: по домовым приборам учета покупает у снабжающих организаций ресурсы и, используя свои технологии, преобразует их в комфорт, который и продает населению. Эту функцию могут выполнять самые различные коммерческие организации. Такая схема кардинально меняет не только определение, но и способы измерения поставленной коммунальной услуги. Параметры комфорта измеряются совсем другими средствами – датчиками температуры и влажности, методами определения качества воды и ее давления в водоразборных приборах, параметрами освещенности, надежности и, наконец, степенью удовлетворенности населения дома.

В случае формирования индивидуального покупателя нужно ставить домовые и квартирные приборы учета воды и тепла. Однако сегодня практически отсутствуют исследования уровней потребления в зависимости от:

- организации самих потребителей;
- качества предоставляемых ЖКУ и затрат на компенсацию их низкого качества;
- оформления системы договорных отношений и структуры тарифа (тариф на производство и транспорт тепла, тариф на обслуживание внутридомовых систем отопления);
- организации учета потребления (средний по городу норматив, прибор учета на группу домов, прибор учета на один жилой дом, прибор учета на квартиру);
- способа выставления счетов и их оплаты по домовым приборам учета (пропорционально жилой площади и количеству прописанных, пропорционально косвенно измеренному количеству потребленного ресурса);
- жесткости применения и пределов работоспособности мер по работе с задолжниками за ЖКУ.

Инженерные системы в многоквартирных жилых зданиях построены таким образом, что переход к индивидуальному измерению и оплате за тепло и воду требует очень больших затрат и не решает всех проблем. Остается проблема оплаты коммунальных услуг, используемых в местах общего пользования жилого дома. Для отопления это 30–50% всего потребления. В условиях жестких финансовых ограничений эффективным решением является сбалансированное сочетание коллективных (на уровне здания) средств учета потребления ресурсов и индивидуальных (на уровне квартиры) средств измерения параметров комфорта или потребления ресурсов, а также организация соответствующих схем выставления счетов.

На каждом уровне управления ЖКХ есть функции заказчика (управления) по отношению к одним агентам рынка и функции подрядчика (исполнителя) по отношению к другим. Особую популярность сегодня приобрела версия делегированного управления и управляющих компаний. Весь мир использует прагматичные подходы: управление реформируется в зависимости от задач, которые нужно решать в данном конкретном месте, а не по заранее подготовленным моделям. Следует отметить, что институциональные схемы не экспортируются, они должны адаптироваться.

Если все функции управления делегируются только одной компании, то возникает вопрос о возможности организации конкуренции на рынке ЖКХ. Ведь частная управляющая компания не обязана проводить конкурсы при распределении работ между подрядчиками. Она может дальше делегировать функции управления своим подрядчикам уже от своего имени.

Конкуренция в ЖКХ означает, что покупатель может выбрать поставщика. Вопрос не только в наличии выбора, но и в том, кто, собственно, покупатель и кто будет выбирать. Сейчас поставщика в лучшем случае выбирает муниципалитет. Если появляется коллективный покупатель, то выбор должен остаться за ним. К настоящему времени реформа ЖКХ мало что сделала в формировании нормальной структуры рынка ЖКУ, поэтому говорить о возможности применения рыночных методов управления явно преждевременно.

Литература

1. Закон Рязанской области «О территориальном общественном самоуправлении в Рязанской области». // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2002. №4. Часть I. С. 41–48.
2. Башмаков И. Энергоэффективность, издержки и реформа ЖКХ. // Новости тепло-снабжения. 2003. №5. С. 6–12.

ПРОЦЕСС, МЕТОДЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕ

Ф.Ю. Игошин

Разработка принципиального подхода к определению реальной цены на товар является одной из важнейших стратегических маркетинговых задач, однако его сущность должна учитывать отраслевые особенности предприятия. В книжной торговле определенная специфика присуща как издательским организациям (исходным продавцам), так и книготорговым организациям (промежуточным продавцам) и магазинам (конечным продавцам), что требует согласования их интересов при формировании принципов ценообразования. Поскольку информация о ценах на книги указывается в различных документах (прайс-листах, тематических планах, каталогах), то представляется необходимым определить несколько основных понятий, которые будут использованы при анализе процесса ценообразования.

Прайс-лист издательства – это перечень изданных книг, составленный в определенном порядке с указанием рубрик, в котором указываются заглавие книги, фамилия автора или ответственного редактора, стандарт упаковки, число страниц, обложка или переплет, год издания, ISBN, оригинальный код книги, который присваивается для более удобного поиска в электронной базе данных и заказа книг. Цена, которую издатель указывает в прайс-листе после выхода книги в свет, называется *издательской ценой*.

Прайс-лист книготорговой фирмы отличается от прайс-листа издательства тем, что в нем всегда указываются только книги, имеющиеся в наличии; соответственно цена в книготорговом прайс-листе называется *оптовой ценой*.

Книготорговцы стремятся продавать книги по издательским ценам, иногда они даже указывают это в своих информационных материалах. В этом заложено определенное рекламное воздействие на клиентов. Таким образом, издательская цена и оптовая цена – это не синонимы, но сходные понятия, поскольку оптовые цены книготорговцев всегда приближены или соответствуют издательским ценам.

Розничная цена – цена, по которой книгу покупает конечный потребитель, как правило, в розничном книготорговом звене, чаще всего в магазине.

Скидка – фактическое снижение цены. Является средством (инструментом) взаимодействия между издателем и цепочкой книготорговцев.

Отпускная цена – это фактическая цена сделки. Она равна издательской, оптовой или розничной цене со скидкой или без таковой.

Исходной в общем процессе ценообразования является издательская цена, на формирование которой влияют такие факторы, как себестоимость издания, предполагаемые сроки продаж и инфляция, конкуренция, и требования книжной торговли. *Себестоимость издания (издательские затраты)* является главным фактором при формировании издательской цены и состоит из авторского гонорара или агентского вознаграждения за покупку авторских прав, затрат на редакционно-издательскую подготовку (создание оригинал-макета книги, включая работу редактора, художника, дизайнера, переводчика, корректора, верстальщика), типографских расходов (затрат на бумагу и иные полиграфические материалы и услуги по размножению) и общих издательских расходов (затраты на управление, аренду, коммунальные услуги). Реклама книг и затраты на их продвижение, как правило, закладываются отдельной статьей.

На себестоимость издания влияют: тираж книги (как правило, чем выше тираж, тем ниже себестоимость); формат книги и доля листа; объем книги в страницах; качество бумаги, вид оформления, тип переплета. В своей деятельности издатель постоянно манипулирует компонентами себестоимости, рассматривая процесс ее снижения как главный фактор формирования цены. Отметим, что в сложившейся в России практике большую долю себестоимости составляют полиграфические затраты (от 40% до 70%).

Сроки продаж и инфляция как факторы формирования издательской цены представляются достаточно неопределенными, поскольку чаще всего точный срок реализации конкретного тиража книги неизвестен. Мы можем лишь говорить, что средний срок продаваемости книг становится длиннее и составляет у разных издателей от 6 месяцев до 1 года. Это обусловлено ежегодным выпуском нескольких тысяч наименований (около 70 000 в год). При этом общая товарная масса по разным оценкам составляет не менее 150 тыс. наименований, образуемых за счет тиражей предыдущих лет, и на практике не менее 10% цены представляет собой поправку на инфляцию.

Влияние конкуренции на издательскую цену постоянно возрастает, и при формировании цены издатель все чаще применяет маркетинговый принцип, руководствуясь, прежде всего, спросом на данную книгу, а не ее себестоимостью. Необходимо отметить, что современный книжный рынок весьма насыщен, и уровень конкуренции на нем высок, а ее сущность состоит в том, что издатели выпускают книги похожего содержания, порой с одинаковыми названиями (например, в секторе учебного книгоиздания), а книготорговцы располагают свои сбытовые структуры в одной местности. Все это приводит к тому, что позиционирование книги часто происходит именно по цене, т.е. на книгу схожего жанра и объема издатель стремится установить цену ниже, чем у конкурентов.

Влияние фактора книжной торговли состоит в том, что при установлении цены на книгу издатель учитывает, что книготорговля также должна получить доход от продажи его книги. На практике это означает, что издательская цена является ориентировочной, и чаще всего издатель предоставляет книготорговле значительные скидки. Неизбежное снижение издательской цены позволяет издателю запускать книги в товаропроводящие сети, а книготорговцу декларировать, что он продает книги по издательским ценам.

Ценовая стратегия издательства зависит также от длины сбытовой цепочки издатель – конечный потребитель и от количества операций купли-продажи в этой цепочке: если эта цепочка короткая (прямые продажи издательства), то уровень цены будет определяться, как правило, величиной средств, которые согласен заплатить за товар покупатель, а если цепочка состоит из нескольких звеньев, то уровень цены во многом определяется посредниками в условиях конкуренции. Однако в обоих случаях необходимо учитывать, что книги являются специфическим товаром, поэтому, сколько бы посредников ни участвовало в процессе, цена всегда будет определяться прежде всего готовностью покупателя ее заплатить. Иными словами, именно потребительский спрос является основополагающим фактором при установлении цены на данный вид товара.

Необходимо выделить два основных способа, путем которых осуществляется продажа издателем своей продукции через посредников: непосредственная продажа оптовику или розничному торговцу, когда издатель сразу «избавляется» от своего товара (в этом случае он имеет возможность избежать риска недореализации тиража, однако он теряет при этом часть возможной прибыли, поскольку цена в таком случае обычно невысока, а также не имеет возможности проследить дальнейшее движение товара и, следовательно, не имеет достаточной информации о реальном спросе на свою продукцию), и поставка продукции под реализацию в розничную сеть на основе договора при сохранении права собственности на нее (тогда, напротив, прибыль от продажи каждой единицы продукции получается выше за счет необходимой торговой наценки, однако появляется риск неполной реализации тиража).

Анализ факторов, воздействующих на процесс формирования цены в книготорговой структуре, показывает, что в структуре затрат книготорговца основными являются накладные расходы, поскольку для оптового книготорговца этим показателем становится количество отгруженных книг, а для розничного продавца – количество проданных книг с одного квадратного метра магазина. При этом у оптового книготорговца

только начальные вложения в ремонт и оборудование составляют сотни тысяч рублей, и к этому добавляются затраты на аренду помещений и транспортные расходы, создание и поддержание транспортной и складской логистики, содержание высокотехнического распространительского склада, информационной системы, которые в совокупности они составляют 5–6% от цены книги. Для розничного книготорговца также характерны транспортные затраты, затраты на содержание магазина (аренда и оборудование), поддержание высокого уровня услуг, предпродажная подготовка, которая составляет 5% от цены книги.

Базовыми методами ценообразования в книготорговле являются: метод затратного калькулирования, метод формирования цен, ориентированный на спрос, и метод конкурентного определения цен. *Метод затратного калькулирования* построен на учете собственных издержек издательства плюс прибыль на уровне ожидаемой рентабельности данного проекта и используется для определения нижнего уровня цены. *Метод формирования цен, ориентированный на спрос*, применяется, как правило, для определения верхнего уровня цены и наиболее целесообразен при небольшом количестве покупателей и возможности достоверно изучить тенденции изменения спроса. *Метод конкурентного уровня цены* в книжной торговле, т.е. в условиях жесткой конкуренции, основан на принятии за основу среднего уровня цен на рынке. Таким образом, налицо несложный процесс комбинирования изложенных методов: т.е. установление приблизительно среднерыночной цены в рамках нижнего и верхнего уровней. Далее борьба с конкурентами ведется путем дополнительного снижения цен и предоставления скидок, а также с помощью использования различных маркетинговых инструментов.

Основные стратегические принципы ценообразования выработаны практикой и в отношении издательской цены состоят в том, что она должна быть выше себестоимости, обеспечивать конкурентоспособность и учитывать сроки продаж и интересы книготорговли. При установлении цены издатель отталкивается, прежде всего, от себестоимости, но он также учитывает и все рассмотренные выше факторы. Ценовая ситуация в книготорговле определяется, прежде всего, тем, что ценообразование требует учета торговой наценки. Розничная торговая наценка составляет примерно 50% к издательской цене, но это не значит, что розничное звено получает эти деньги. Чаще всего между издателем и магазином существует оптовый посредник, наличие которого необходимо, поскольку он берет на себя контакты с издательствами, концентрирует на своих складах большой ассортимент и выполняет важные сервисные функции. Если магазин выполняет для оптовика определенный набор сервисных услуг, например предпродажную подготовку, то фактически они делят между собой розничную наценку, но следует учитывать, что, с одной стороны, оптовики крайне редко приобретают книги у издателя по издательской цене (чаще со скидками), а с другой, прежде чем книга попадет на прилавок, она может пройти 3–4 цепочки оптовиков. С учетом сказанного можно с определенной долей вероятности говорить о том, что издательства работают с рентабельностью 25%, оптовики – 12%, магазины – 15%, хотя надо иметь в виду, что это усредненные цифры.

Исходя из практики книжной торговли, можно утверждать, что главным стратегическим показателем, влияющим на доходность и устойчивость книготоргового предприятия или издательства, является оборачиваемость товара. Вполне естественным может быть предположение, что повышение цены дает экономию в плане необходимого объема выпускаемой и реализуемой продукции и, таким образом, минимизацию затрат. Однако в книжном бизнесе соблазн завышения цен обычно себя не оправдывает, – напротив, именно стремление к максимальному увеличению скорости товарооборота при среднерыночной цене является залогом успеха.

Не менее важным в аспекте стратегии ценообразования является вопрос о применении торговых скидок или наценок в оптовой и розничной книжной торговле. *Фиксированная договорная скидка* позволяет контрагентам книжной торговли осуществлять контроль за оптовой и розничной ценой, дает возможность устанавливать выгодные для торговли дифференцированные скидки по регионам, воздействовать на равномерность цен и расширение рынка, ограничивает возможность монополизации в книжном бизнесе. *Свободная наценка*, напротив, исключает возможность контроля со стороны издателя и оптовика за размерами прибыли торговли, создает предпосылки для снижения емкости рынка из-за установления неоправданно высокой цены, создает возможность ущемления интересов издателей и оптовиков.

На начальной стадии перехода России к рынку в определенной мере оправданным было тяготение к работе со свободными наценками в целях освоения рынка, расширения ассортимента, получения необходимых оборотных средств. Теперь становится все более целесообразным рассматривать возможность постепенного перехода к фиксированным оптовым и розничным ценам и системе торговых скидок, размеры которых могут устанавливаться по договоренности между поставщиками, оптовыми и розничными книготорговыми предприятиями. Такой подход к торговле книгами позволит сделать рынок корпоративным, более эффективным и обеспечить выход во всемирный книжный рынок.

Литература

1. Майсурадзе Ю., Мильчина А., Маковеев Н. Энциклопедия книжного дела. М., 2004.
2. Брагин Л., Данько Т. Организация и управление торговым предприятием М., 2005.
3. Привалов А. Процесс ценообразования в книгоиздании и книготорговле. М., 2004.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А.А. Голубев, Л.Г. Мишура

Современный этап развития высшего профессионального образования в России характеризуется рядом стратегических проблем, наиболее важными из которых представляются состояние материально-технической базы вузов, их кадрового потенциала, развитие платной (внебюджетной) системы обучения, уровень качества образования (качество подготовки специалистов) и уровень инноваций в сфере образовательных услуг.

Материально-техническая база высшего профессионального образования Российской Федерации за последние 8–10 лет практически не обновлялась: если в 1990 году на оборудование и инвентарь в высшей школе на эти цели направлялось до 11 процентов текущих расходов, то в настоящее время в структуре расходов, осуществляемых из бюджетов, лишь примерно 1% выделяется на приобретение предметов длительного пользования. Согласно представлениям авторов, проблема полноценного материально-технического обеспечения высшего профессионального образования может быть во многом решена путем организационного реформирования за счет интеграции вузов с научными организациями и субъектами хозяйствования, заинтересованными в получении квалифицированных кадров, предоставляющими в распоряжение высшей школы современное оборудование, площади или финансирующими их приобретение.

Полноценному развитию высшего профессионального образования в России также препятствует недостаточно высокий для решения задач ее формирования **кадровый потенциал вузов**. В 2004 году основной персонал преподавателей государственного сектора высшей школы составил 304,0 тыс. человек, среди них – 34,2 тысяч докторов наук, 142,2 тысяч кандидатов наук (т.е. 58% имеют ученую степень), 31,5 тысяч профессоров, 97,5 тысяч доцентов (т.е. 42% имеют научное звание). Однако к учебному процессу в вузах недостаточно привлекаются высококвалифицированные специалисты, работающие на предприятиях или в научных организациях: внештатными совместителями в высшей школе в 2004 году работало лишь 26,6 тысяч человек, что составляет 2% от основного состава преподавателей, причем большая часть из них являлась профессиональными педагогами и лишь незначительная часть (доли процента) – специалистами-теоретиками и практиками. Несмотря на то, что в большинстве ведущих вузов страны в составе персонала имеются научные работники, их численность за последние годы значительно сократилась: общее количество работающих в научных подразделениях вузов только в период 2003–2004 г.г. уменьшилось на 6000 человек. Сокращение научно-исследовательского сектора является крайне негативным фактором состояния высшего профессионального образования, поскольку свидетельствует об углублении разрыва между наукой и образованием и, таким образом, лишает преподавателей возможности постоянного роста их научной квалификации. Формирование эффективного кадрового потенциала высшего профессионального образования может быть обеспечено на основе организационного объединения вузов с теми организациями и предприятиями различных регионов, которые имеют в составе своего персонала высококвалифицированных специалистов соответствующего профиля, способных принимать участие в учебном процессе в форме преподавания части дисциплин образовательных программ, консультаций, руководства научно-исследовательской работой студентов и аспирантов.

Серьезные проблемы в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации формируются в ходе **развития платной (внебюджетной) системы обучения**. Внебюджетное образование в настоящее время стало важной составной ча-

стью отечественного высшего образования, оказывая положительное влияние на ее состояние и развитие. В России подготовка специалистов высшей квалификации ведется преимущественно государственными вузами, однако в общем объеме рынка высших образовательных услуг государственные сегменты составляют 62 %, а негосударственные – 38%, что определяется, с одной стороны, развитием платного обучения в государственных образовательных учреждениях и, с другой – интенсивным созданием негосударственного институционального сектора. Негосударственный сектор системы высшего профессионального образования позволяет в принципе эффективно решать разнообразные социальные задачи современного российского общества, однако на практике общим ограничением развития внебюджетного высшего профессионального образования представляется несоответствие уровня личных доходов граждан уровню затрат вуза, которые необходимо компенсировать за их счет. При этом следует учитывать, что, во-первых, удовлетворенность потребности в образовательных услугах тех слоев населения, доходы которых позволяют их приобретать, практически достигнута, а темпы роста доходов остальной части граждан существенно отстают от темпов роста затрат вузов и не позволяют рассматривать их как стабильный источник финансирования в перспективе. По мнению авторов, одной из форм организационной интеграции высшего профессионального образования может являться формирование долгосрочных связей с научными организациями и предприятиями, основанными на формировании последними заказа на специалистов, обладающих необходимыми им знаниями, умениями и навыками, и выполнении этого заказа вузами на основе компенсации затрат на обучение в форме прямого (оплаты обучения) или косвенного (принятия на себя части материальных затрат) финансирования.

Важнейшим и во многом проблемным аспектом функционирования системы высшего профессионального образования России является **качество образования (качество подготовки специалистов)**, которое следует понимать как сбалансированное соответствие всех его аспектов установленным целям, потребностям, требованиям, нормам и стандартам. Основной задачей высшего профессионального образования является формирование специалистов, не только способных разрабатывать и использовать методы и средства труда в определенных областях деятельности, но и людей, умеющих действовать и применять полученные и создавать новые знания в сложных условиях конкурентного рынка труда. Качество специалиста связано с его свойствами, относящимися к способности удовлетворять имеющиеся или предполагаемые потребности социально-экономической системы при том, что законы конкуренции требуют высокой адаптивности к требованиям рынка и непрерывного совершенствования человека во всех областях деятельности в разрезе идей и принципов всеобщего (полного) качества. Концептуально-методическая основа для оценки качества образования выпускников должна включать такие основные направления, как фундаментальность образования, позволяющая выпускникам иметь широту кругозора в соответствующих сферах знаний; целевая специализация образования, позволяющая быстро адаптироваться и успешно осуществлять конкретные обязанности; наличие творческих навыков и способности к усвоению и генерации нововведений; умение и способности реализации знаний и инновационно-инвестиционных проектов в производственной и социальной сферах; общественно-нравственные качества выпускников и уровень образования в социально-политической и гуманитарной сфере. Изучение рынка труда специалистов с инженерным образованием показало, что, по результатам опроса работодателей, российским вузам удастся полностью обеспечить соответствие качества подготовки специалистов с инженерным образованием сегодняшним требованиям рынка интеллектуального труда в 25,5% случаев, частично – в 59,1%, а не удастся – в 10,9% (4,5% опрошенных затруднились ответить). Решение проблемы обеспечения соответствия качества подготовки специалистов в системе высшего профессионального образования, адек-

ватного требованиям новой экономики, согласно представлениям авторов, во многом может быть достигнуто в рамках реализации идеи организационной интеграции вузов, научных организаций и предприятий на основе совместной разработки объективных нормативных требований к уровню качества образования и формирования единого процесса, включающего в эффективном сочетании образовательную, научную и производственную составляющие.

В современном высшем профессиональном образовании на первый план выходят **инновации в сфере образовательных услуг** (образовательные инновации), представляющие собой одну из наименее разработанных областей теории инновационных процессов в новой экономике. Различают инновации-продукты и инновации-процессы, причем в сфере высшего профессионального образования инновация-продукт – это новая образовательная программа, выведенная на рынок и обеспеченная процессом оказания услуги, при этом образовательный продукт, разработка которого завершена, но который еще не используется потребителем, не может считаться инновацией. Инновацию-процесс можно рассматривать как усовершенствование, повышающее качество и (или) уменьшающее стоимость образовательной услуги. Соответствие сферы образования требованиям новой экономики определяется, как полагают авторы, рациональным сочетанием инноваций-продуктов и инноваций-процессов, что может быть обеспечено только при условии формирования и функционирования адекватной организационной структуры вуза. Придание высшему профессиональному образованию в России четко выраженного инновационного характера требует существенных организационных преобразований, главным направлением которых следует признать интеграцию высшей школы и потребителей квалифицированных кадров. Реализация этой концепции позволит точно ориентировать вузы на конкретные продуктовые и процессные инновации как средство наиболее полного и адекватного удовлетворения потребностей организаций и предприятий в персонале, достичь эффективного сочетания архитектурных, революционных, нишеобразующих и регулярных образовательных инноваций и обеспечить имманентность инновационного процесса всей деятельности учреждений высшего профессионального образования.

Литература

1. Голубев А.А. Стратегическое управление корпорацией в условиях переходной экономики. СПб: Изд-во «Нестор», 2002.
2. Голубев А.А., Гусева А.А. Инвестиционный процесс организации высшего профессионального образования. СПб.: изд-во «Нестор», 2004.
3. Российский статистический ежегодник-2004. М.: «Роскомстат», 2004.

ВЫБОР ОРГАНИЗАЦИОННО-ИНТЕГРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Л.Г. Мишура

Процедура выбора организационно-интеграционной стратегии (ОИС) учреждения высшего профессионального образования (УВПО) может быть представлена в виде последовательной реализации следующих этапов, сочетающих содержательный и вычислительный характер:

- оценка и анализ критериальных показателей качества образования;
- определение организационно-интеграционных стратегических альтернатив УВПО;
- ранжирование показателей качества образования;
- выбор типа и определение целей организационно-интеграционной стратегии;
- определение целей каждого структурного элемента организационно-интеграционной стратегии;
- формулирование организационно-интеграционной стратегии;
- контроль и оценка показателей качества образования в условиях вновь образованной организационной структуры интегрированного комплекса.

Определяющими в этом процессе представляются первые три этапа, поскольку именно их реализация позволяет объективно установить целесообразные формы и способы организационной интеграции УВПО.

Понятие «качество образования» применительно к нашему объекту исследования необходимо рассматривать как совокупность характеристик, относящихся к способности удовлетворять определенные (установленные и предполагаемые) потребности в образовательных услугах, а оценивая качество, определять степень удовлетворения соответствующей индивидуальной или общественной потребности. Исходя из того, что потребителями образования (образовательных услуг) являются различные индивидуумы (студенты) и социальные группы (семьи, предприятия, организации, учреждения науки, другие учреждения образования), каждому из которых объективно присущи различные представления о качественном образовании, необходимо различать следующие объективные ключевые критерии (критериальные характеристики), характеризующие общее качество ВПО:

- *качество специалиста* (K_1), характеризующееся индивидуализированным, академическим, производственным и общественным качеством специалиста;
- *качество содержания образования* (K_2), включая целостность, научность и актуальность образовательных программ;
- *качество материально-технической базы* (K_3) в разрезе обеспеченности УВПО учебно-лабораторной, компьютерной, инструментальной и учебно-методической базой;
- *качество профессорско-преподавательского состава* (K_4), которое определяется квалификационным уровнем и перспективностью (способностью адаптации к меняющимся условиям преподавания) этой части персонала УВПО;
- *качество общего менеджмента вуза* (K_5), в целом отражаемое конкурентоспособностью УВПО на рынке образовательных услуг, уровнем его финансовой устойчивости и риска как субъекта хозяйствования со специфической внешней и внутренней средой.

Каждая из отмеченных критериальных характеристик качества ВПО представляет собой результат взаимодействия определенного набора факторов, который определяется содержательной спецификой деятельности каждого конкретного учреждения, а соот-

ветствующие им показатели качества образования являются атрибутивными признаками. Это означает, что в результате оценки составляющих факторов им можно дать качественную оценку, выраженную смысловым понятием: значительный, умеренный, незначительный уровень показателя.

В качестве исходной позиции оценки и анализа качества ВПО следует признать, что основной (результатирующей) критериальной характеристикой деятельности вуза из перечисленных выше является показатель качества специалиста, в то время как показатели K_2 , K_3 , K_4 и K_5 являются характеристиками процесса образования, т.е. факторными. Исходя из данного положения, при формировании организационно-интеграционной стратегии УВПО первоначально необходимо оценить качество специалиста, а потом, определив остальные показатели качества, выявить стратегические проблемы исследуемого вуза и определить возможность их решения путем интеграции вуза с теми или иными организациями и предприятиями.

Для получения объективной оценки показателя качества специалиста необходимо отдельно проанализировать все его составляющие. Так, при оценке индивидуальных качеств специалиста целесообразно провести, например, анализ результатов государственных экзаменов и защит выпускных квалификационных работ, доли студентов, получивших диплом с отличием, и других показателей. Оценивая академическое качество специалиста как его соответствие мировым стандартам ВПО (требованиям, предъявляемым ведущими вузами мира к своим выпускникам), можно определять, например, долю выпускников вуза, работающих в наиболее значимых иностранных организациях по специальности, или использовать другие экспертные оценки. При выявлении проблем на уровне производственного качества специалиста целесообразно, в частности, рассмотреть степень соответствия профессиональных качеств выпускника требованиям, текущим и перспективным, предъявляемым со стороны работодателей. Для определения уровня общественного качества специалиста представляется целесообразным оценить соответствие качеств знаний, умений и навыков выпускников текущим и перспективным потребностям экономики России.

В том случае, когда все перечисленные оценки качества специалиста признаны значимыми, следует констатировать, что проблема организационной интеграции для данного ВПО не является в рассматриваемый период времени актуальной. Незначительный уровень хотя бы одной составляющей качества специалиста влечет за собой необходимость анализа причин такого положения с помощью оценки факторных характеристик, выявления возможности изменения их действия путем организационной интеграции на основе реализации определенной ОИС.

Если в результате факторного анализа наиболее существенной проблемой УВПО признано неудовлетворительное качество содержания образования (показатель K_2 оценивается как незначительный), т.е. качество образовательных программ не удовлетворяет потребителей, то следует исследовать возможность интеграции данного вуза с другими образовательными учреждениями, которые имеют более современные, актуальные, целостные, научные и разнообразные образовательные программы, адаптированные к условиям современного общества и изменяющегося рынка труда. В результате установления позитивного воздействия такого решения на качество содержания образования необходимо сформулировать сущность локальной образовательной ОИС.

Если как незначительный оценивается показатель K_3 , т.е. качество материально-технической базы УВПО не соответствует современным требованиям к образовательному процессу, то можно предположить необходимость интеграции с учреждениями науки, предприятиями или учреждениями образования, если указанные участники интеграции в состоянии улучшить материально-техническое обеспечение исследуемого вуза. При этом необходимо сначала самостоятельно произвести отбор тех учреждений, материально-техническая база которых в наибольшей степени соответствует требова-

ниям образовательных программ вуза, а затем наладить контакты с предполагаемыми участниками интеграции, заинтересовав их в сотрудничестве. Положительный результат переговоров будет способствовать выбору локальной *технической* ОИС.

Если профессионализм и перспективность профессорско-преподавательского состава УВПО признаны существенной проблемой обеспечения необходимого качества специалиста (как незначительный оценивается показатель K_4), то следует рассмотреть возможности ее решения на основе интеграции с различными научными и образовательными организациями с целью использования их потенциала для повышения квалификации кадров или привлечения их работников к учебному процессу и сформулировать основные положения локальной *кадровой* ОИС.

В том случае, если по результатам анализа установлено, что качество общего менеджмента вуза не соответствует требованиям к качеству подготовки специалистов (показатель K_5 оценен как незначительный), необходимо пересмотреть цели и функции структурных элементов системы управления вузом и исследовать возможности организационной интеграции в аспекте использования управленческого опыта различных организаций и предприятий вплоть до передачи им отдельных операционных функций управления, например, маркетинга, финансового менеджмента и других. Такое исследование позволит выработать локальную *управленческую* ОИС.

Отмеченные локальные ОИС представляют собой совокупность содержательных стратегических альтернатив УВПО, т.е. таких решений о направлении организационного развития вуза, которые могут быть реализованы либо изолировано, либо в различных сочетаниях. При этом стратегические альтернативы должны уточняться в зависимости от того, какие виды организаций предполагается включить в интеграционный процесс и какие локальные стратегии трансформировать в обобщенные, например, в научно-техническую, если совершенствование материально-технической базы вуза будет обеспечено за счет потенциала научных организаций, образовательно-управленческую при использовании управленческих возможностей других УВПО, и др.

После анализа качества образования может возникнуть необходимость выбора из обобщенных стратегий конкретной ОИС, целью которого является использование наиболее эффективного способа повышения уровня качества образования. Для этого показатели качества образования необходимо ранжировать по уровню их значимости, присвоив каждому показателю качества образования вес, отражающий относительную значимость данного показателя. Для разных учреждения ВПО следует использовать разные веса в соответствии с типом вуза, особенностью потребителей его услуг, степени их удовлетворенности, особенностью финансово-хозяйственной деятельности вуза. Сумма всех весов должна составлять 1,0, а максимальный вес получает тот показатель, который в наибольшей степени способствует достижению стратегической цели вуза. Далее оценивается рейтинг показателей, например, по пятибалльной системе, исходя из того, что чем более значимым для формирования качества образования является данный показатель, тем выше его рейтинг, и рассчитывается взвешенный рейтинг показателя путем умножения оценки веса на оценку рейтинга. При выборе наиболее эффективной ОИС следует руководствоваться тем показателем, который имеет максимальное значение взвешенного рейтинга. Для оценки рейтинга и веса каждого показателя должна быть создана экспертная комиссия, для эффективной деятельности которой необходима достоверная информация о внешней и внутренней среде деятельности вуза, без которой анализ показателей качества и выбор ОИС теряет смысл.

Литература

1. Авербух Р.Н. Концепция и основные методические положения разработки стратегии развития учебного заведения профессиональной школы. СПб: Изд-во ЛОПИ, 1995.
2. Севрук А.Н. Качество в образовании. Проблемы, модели, технологии. Пермь, 2000.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ И МЕНЕДЖМЕНТ-ОБРАЗОВАНИЕ

В.П. Кустарев

Во всех развитых странах мира успешное развитие экономики связывают с эффективным менеджментом организации.

Менеджмент организации – это многоплановая деятельность по управлению происходящими в организации процессами, связанными как с ее внутренней жизнью, так и с ее интегрированием во внешнюю окружающую среду. И в самом менеджменте происходят большие изменения: расширяются информационные и технические возможности, повышается значение профессионализма и знаний, увеличивается количество альтернатив решаемых в процессе менеджмента проблем, проявляются новые требования к менеджерам – требования научного, логического и нестандартного мышления при принятии управленческих решений.

Какие бы проблемы ни возникали в организации в процессе ее социально-экономического развития, решение их зависит от качества управления.

Качество управления отражается множеством его различных характеристик, важнейшей из них является профессионализм управления. Основными признаками профессионализма в системе управления являются: наличие персонала управления, обладающего необходимым комплексом знаний, позволяющих распознать возникающие проблемы и решить их. При этом главную роль играют не столько объем знаний, сколько умение их практически применять в неадекватных ситуациях.

Важной составляющей профессионального менеджмента является также сочетание опыта, индивидуальных качеств менеджера, искусства управления, интуиции, используемых в специфической деятельности по выработке и реализации управленческих решений. Профессионализм управления не является чем-то автономным, он возникает и развивается в соответствующей среде менеджмента, в динамике деятельности организации и ее окружающей среды, кроме того, он находится в развитии и характеризует динамику системы управления в целом.

Оценить профессионализм управления не просто, но необходимо. Оценка должна отслеживать и регулировать тенденции управления. К ним можно отнести:

1. информатизацию и использование информационных технологий управления, требующих высоких профессиональных знаний по теории управления и использованию техники, математики в управлении;
2. необходимость рассматривать управление как управление людьми, а через него – управление всеми другими процессами;
3. рынок, конкуренция, которые накладывают отпечаток на менеджмент организации;
4. потребность еще большего учета человеческого фактора в управлении и новых видов мотивации;
5. социальную направленность менеджмента.

Повышение уровня управления организацией возможно только при соответствующем профессиональном уровне менеджеров организации, а это повышает требования к качеству менеджмент-образования. На качество менеджмент-образования влияет много факторов, но главным из них являются цель и потенциал (возможность достижения цели) с точки зрения ресурсов и объективных условий.

Кратко сформулированная цель менеджмент-образования – интеллектуальная и социальная свобода личности при эффективной профессиональной деятельности.

Потенциал менеджмент-образования включает:

- преподавательский состав;
- материально-техническую базу;
- научный потенциал вуза;

- методологию образования (совокупность подходов, методов и средств, концепцию образования и пр.);
- технологию образования (последовательность формирования профессионального образования);
- педагогику;
- систему специальностей и специализаций;
- систему управления образованием.

Организационно-правовое обеспечение менеджмент-образования осуществляется посредством Закона об образовании, государственного стандарта, нормативных документов Министерства образования и науки. Стандарт – это гарантия достаточного качества образования, это возможность согласования и сопряжения образовательных программ различных учреждений по критерию минимально необходимого качества.

Образовательная программа – это комплекс организационных положений, обеспечивающих интеграцию всех элементов образовательного процесса (от цели до аттестации выпускника) в единый процесс формирования компетентностей профессионального осознания, готовности его к самостоятельной профессиональной деятельности и социальной жизни. Образовательная программа включает: учебный план; материально-техническое обеспечение; информационное и методическое обеспечение; обеспечение ППС; контрольно-измерительные материалы итоговой аттестации выпускника.

Сегодня требования реформирования образования наиболее важны в развитии экономического образования, в том числе менеджмент-образования, которое питает экономические преобразования идеями, наукой, кадрами. Главным из них является переход от прежней схемы предметно-информационного образования к образованию профессионально-деловому и перспективному.

В типологии образования заметное место занимает *креативное образование* – образование, ориентированное на развитие творческих способностей человека и закрепление в его профессиональном сознании установок на поиск инноваций, анализ проблем и вариантов решений, мотивирующее самостоятельное осмысление управленческой ситуации, превращение знаний в потенциал мышления и развития. Креативное образование является альтернативой образованию репродуктивному, преимущественно прагматическому, образованию «знания опыта», нормативному (исполнительскому).

Все большее значение сегодня завоевывает компьютерное обучение, которое имеет явные преимущества.

- Компьютерные программы позволяют увидеть и понять логику построения курса, последовательного углубления материала, построения концепции.
- Компьютерная программа учит четкости выражения мысли, определению категорий, логике мышления.
- Компьютеризированные деловые игры позволяют максимально обеспечить информацией процесс принятия управленческих решений.
- Мотивирование и развитие системного решения – также одна из особенностей компьютерных программ.
- Компьютерные учебники обеспечивают эффективность самостоятельной работы обучающегося.
- Компьютерное тестирование повышает оперативность и эффективность контроля знаний обучающихся.

В управлении менеджмент-образованием главное внимание должно быть уделено развитию технологий и качества образования. В настоящее время много говорится об этих задачах, но не отработана эффективная система мотивации их практической реализации. Важное значение в них занимает подготовка учебников, пособий по экономическим и управленческим дисциплинам. Многие выпускаемые учебники очень похожи друг на друга, дублируют материал, ориентированы на устаревшие технологии образо-

вательных процессов: чтение и запоминание, беспроблемность, стандартность решений. Необходимы специальные меры по мотивированию разработки учебников, методических материалов нового поколения. Их главными особенностями должны быть проблемность, конструктивность, творческий подход, визуализация, ситуационность, сопровождение компьютерными программами обучения, концептуальность (логика), конструктивная психология восприятия.

Развитие менеджмент-образования в университете должно осуществляться на основе специальной программы, рассчитанной на 5 ближайших лет.

Литература

1. Коротков Э.М. Управление качеством образования: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект: Мир, 2005.
2. Шадриков В.Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентный подход. // Высшее образование сегодня. 2004. №8.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УНИВЕРСИТЕТА

О.Г. Тихомирова

Актуальность проблемы формирования и развития корпоративной культуры. Современная экономическая, политическая ситуации в России и за рубежом характеризуются интеграцией общественной, коммерческой, образовательной, научной и других сфер деятельности человека. С целью воспитания современного гражданина, способного адекватно реагировать на изменения внешней среды, могущего принести реальную пользу государству, обучения специалиста, который будет востребован на рынке, необходимо тесным образом связывать обучение в высшем учебном заведении с научной и практической работой.

Одно из направлений в развитии современной социокультурной системы, которое позволит обеспечить успешную конкуренцию российским образовательным и научным учреждениям на мировом рынке, – интеграция теории и практики, науки и образования, позволяющая создать качественный продукт – специалиста, обладающего глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками. Однако успешное создание подобной корпорации и ее эффективное функционирование невозможно без формирования и развития корпоративной культуры. Это связано с тем, что корпоративная культура позволяет в современных условиях решить ряд проблем, возникающих в корпорации, и оказывает существенное непосредственное влияние на ее деятельность.

Культура присуща любой корпорации, поэтому в интересах руководства целенаправленно формировать корпоративную культуру и управлять ею, чтобы она способствовала развитию и эффективной деятельности организации. Руководителям вновь создающихся организаций следует иметь в виду, что корпоративная культура возникает в любом случае, даже без желания руководства, с момента создания самой организации. Такая неконтролируемая культура может оказаться фактором, препятствующим нормальному функционированию и развитию корпорации.

Корпоративная культура позволяет повысить конкурентоспособность организации на рынке, улучшить показатели ее деятельности (финансовые, коммерческие, производственные и др.), повысить доверие работников к организации, улучшить социально-психологический климат. Эффективная корпоративная культура способствует повышению инициативности работников, ориентирует на проведение научных разработок и внедрение инноваций.

Управление формированием и развитием корпоративной культуры позволяет сформировать новое деловое сообщество, ориентированное на образование, научную деятельность. Университету требуется новая идеология управления, новый характер связей и отношений с внешней и внутренней средой, то есть, новая корпоративная культура, более соответствующая сложившимся условиям функционирования учебного заведения.

Однако, прежде чем формировать корпоративную культуру, необходимо определить само понятие корпоративной культуры.

Понятие и содержание корпоративной культуры. Корпоративизм – дух сотрудничества, единства, объединяющий людей, членов корпорации. Корпоративизм способствует реализации принципов сотрудничества и солидарности на основе комплекса ценностей, целей, правил и норм, представлений и понятий, разделяемых всеми членами корпорации.

Под *корпоративной культурой* понимается система взглядов, идей, выражающих основные ценности корпорации и направленных на повышение ее трудового потенциала.

Таким образом, корпоративная культура – это обобщенная система взглядов, связанных с управлением корпорацией, стратегией ее развития, способами и методами достижения целей, с деловой этикой корпорации (т.е. с моральными принципами, нормами, правилами, связанными с ее поведением, отношениями с деловыми партнерами, потребителями, обществом и т.п.). Корпоративная культура проявляется в специфике управления, миссии и целях корпорации; она оказывает существенное влияние на отношение работников к корпорации и корпорации к своему персоналу (условия труда, социальные гарантии и др.), на основные принципы деятельности корпорации и ее членов, на совокупность позиций корпорации относительно общества, деловых партнеров, потребителей и т.п.

Главной целью корпоративной культуры является повышение трудового потенциала корпорации, обеспечение ее самоорганизации за счет персонала.

Основными *критериями* достижения главной цели корпоративной культуры университета являются:

- повышение количества исследований, разработок, осуществляемых сотрудниками университета, а также количества патентов, лицензий, авторских прав и т.п.;
- рост производительности труда;
- повышение количества специалистов, защитивших кандидатские и докторские диссертации;
- снижение текучести кадров;
- рост доходов сотрудников университета;
- повышение качества подготовки молодых специалистов;
- востребованность выпускников университета на рынке.

Структурными составляющими корпоративной культуры являются: ценности и знания корпорации, внутренние и внешние коммуникации и связи, цели корпорации, культура трудового процесса.

Процесс формирования корпоративной культуры должен опираться на системный подход. Вначале следует определить функции, которые выполняет корпоративная культура, затем очертить круг необходимых финансовых, материальных, информационных и др. ресурсов, а затем – сформировать механизм реализации функций корпоративной культуры.

Перечислим основные *функции* корпоративной культуры.

- Формирование, накопление, передача, хранение ценностей корпорации (например, этических норм, правил поведения, наличие определенных значимых дат, событий, отношение к партнерам, клиентам, к своей деятельности).
- Формирование системы знаний корпорации, т.е. повышение профессионализма и образования каждого сотрудника, разработка собственных технологий, продукции, создание предметов интеллектуальной собственности корпорации, проведение разработок и научных исследований и т.п.
- Формирование системы внутренних коммуникаций (способов и форм общения) и связей в корпорации, т.е. наличие системы открытого диалога с руководством, разработка кодексов поведения персонала, содержащих правила поведения, требований к внешнему виду персонала, оформлению помещений и офисов и т.п., обучение работников деловому и светскому этикету, разработка и запись всевозможных обычаев, ритуалов, традиций корпорации; а также создание памятных дат, исторических лиц-героев, легенд и т.п.
- Формирование системы внешних коммуникаций и связей корпорации, что предусматривает осуществление связи с общественностью, с деловыми партнерами, формирование положительной репутации и привлекательного имиджа корпорации, разработку фирменного стиля и реализацию социальной миссии корпорации.
- Целеполагание, т.е. постановка целей корпорации и ее элементов.

- Формирование культуры труда работников, культуры трудового процесса (например, разработка требований к организации рабочего места (чистота, аккуратность, цветовая гамма)) и т.п.

Рассмотрим, каким образом формируется корпоративная культура университета.

Формирование корпоративной культуры университета. Для успешной деятельности необходимо создать единую корпоративную культуру для всех работников и студентов университета. В соответствии с вышеуказанными функциями и структурными составляющими корпоративной культуры это означает:

- создание единых ценностей;
- формирование эффективных внутренних связей, обеспечивающих взаимодействие и взаимосвязь работников (профессорско-преподавательского состава, администрации, служащих и т.п.), студентов.
- формирование связей университета с внешней средой, особенно связей с общественностью, с потенциальными студентами, научными работниками;
- постановку единых целей для всех работников и студентов;
- формирование культуры образовательного, научно-исследовательского, творческого и т.п. процессов.

Базовые *ценности* должны опираться на историю развития университета, которому есть чем гордиться (достижения в области научных исследований и разработок, победы на студенческих олимпиадах и конкурсах и др.).

Для формирования эффективных *внутренних коммуникаций* следует, прежде всего, также обратиться к истории университета, ведь за время его существования сложились определенные традиции, здесь работали и работают ученые с мировым именем, которые могут стать примером для подражания.

Внешние связи следует совершенствовать в рамках улучшения связей с общественностью для создания благоприятного имиджа университета в глазах общественного мнения, повышения узнаваемости университета. Как можно больше людей должны иметь положительную информацию об университете. Обязательно нужно целенаправленно создавать и управлять фирменным стилем (логотипы, названия, фирменные цвета, шрифты). Также следует подчеркнуть социальную важность и значимость университета не только как учебного заведения, но и как очага научного и технического прогресса.

Цели, которые ставит перед собой университет, должны быть разделяемы всеми сотрудниками и студентами. Единой целью университета может служить создание сильной конкурентоспособной структуры, отвечающей требованиям современного рынка и, главное, потребностям современной России в научных деятелях и практиках.

Формирование культуры образовательного, научно-исследовательского и т.п. *процессов* заключается, прежде всего, в создании благоприятных условий труда для профессорско-преподавательского состава, обучения для студентов, проведения исследований и разработок для научных работников.

Конечно, каждая из рассмотренных функций корпоративной культуры требует большего раскрытия и дополнения. Здесь были обозначены лишь основные направления, связанные с реализацией ее функций.

Определение ресурсов, необходимых для формирования и развития корпоративной культуры. Следующий этап формирования и развития корпоративной культуры – определение круга необходимых для ее успешного функционирования ресурсов. Прежде всего, это материальные и финансовые ресурсы, позволяющие сотрудникам, зданиям и сооружениям корпорации выглядеть достойно, обеспечивающие необходимым оборудованием для научных исследований и процесса обучения и т.п. Необходимы также информационные ресурсы, способные обеспечить студентов, преподавателей, ученых необходимыми справочными материалами. Особо следует отметить важность

человеческих ресурсов, ведь помимо специалистов, которые будут заниматься вопросами формирования и развития корпоративной культуры, необходимо, чтобы каждый работник, студент отвечал требованиям корпоративной культуры и сам способствовал ее развитию и распространению.

Механизм реализации функций корпоративной культуры. Последний этап формирования и развития корпоративной культуры – создание структурного подразделения, ответственного за реализацию функций культуры. В университете целесообразно выделить отдельного специалиста по связям с общественностью, специалиста по управлению персоналом и специалиста по корпоративной культуре. Таким образом, достаточно трех человек, причем они могут быть привлечены из собственных сотрудников, что позволит формировать культуру «изнутри», а это означает большую заинтересованность и эффективность в процессе создания культуры.

Рассмотрим теперь, как развитая корпоративная культура способна повлиять на эффективность деятельности университета.

Эффективность корпоративной культуры. Во-первых, корпоративная культура оказывает непосредственное влияние на *конкурентоспособность* университета. Оно проявляется в формировании положительной репутации и привлекательного имиджа самого университета и его выпускников среди деловых партнеров, общественности.

Во-вторых, корпоративная культура, ориентированная на инновации, повышая трудовой потенциал работников, формирует интеллектуальную собственность университета, чем усиливает его конкурентоспособность за счет наличия уникальных разработок, технологий, продукции.

Учитывая специфику рассматриваемой организации (университета), показателями повышения конкурентоспособности может служить, например, увеличение числа абитуриентов, рост количества школьников, желающих поступить именно в данное высшее учебное заведение. В свою очередь, привлечение большего числа студентов, абитуриентов означает и дополнительное привлечение финансовых ресурсов.

Корпоративная культура может обеспечить привлечение молодых ученых, так как у выпускников сформируется желание остаться и работать в родном университете.

Рост трудового потенциала в процессе формирования эффективной корпоративной культуры повлечет за собой и увеличение числа проводимых исследований, разработок, что для научного и учебного заведения является одним из важнейших показателей эффективности деятельности.

Особенности формирования корпоративной культуры во многом обуславливаются видом деятельности организации. Так, говоря об университете, важно учитывать специфику его работников – ученых, профессорско-преподавательский состав, а также специфику их труда – творческого, ненормированного, требующего свободного времени, огромного количества информации и т.п. В связи с этим отличительной особенностью университета является управление на основе самоорганизации членов корпорации, т.е. функционирование и развитие университета осуществляется за счет трудового потенциала. Таким образом, рост трудового потенциала путем формирования и развития корпоративной культуры будет непосредственно воздействовать на эффективность управления университетом.

Формируя культуру образовательного процесса, важно понимать и четко сформулировать, каких специалистов вуз хочет воспитать, куда они пойдут работать после окончания университета.

Корпоративная культура, воздействуя на все аспекты деятельности университета, позволяет сделать его выпускников востребованными на рынке, а это значит, что учеба и работа в университете будет желанной и привлекательной, что, в свою очередь, упрочит положение университета, сделает его одним из наиболее значимых научно-образовательных центров России.

Литература

- 1 Менеджмент. Учебное пособие для вузов. / Под ред. Подлесных В.И. 3 изд. СПб: Издательский дом «Бизнес-пресса», 2003.
- 2 Подлесных В.И. Теория организации. Учебное пособие для вузов. СПб: Издательский дом «Бизнес-пресса», 2003.
- 3 Тихомирова О.Г. Методические основы оценки эффективности инвестиций и формирования организационной культуры на предприятии. // Научно-технический вестник СПб ГУ ИТМО. 2003.

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

О.А. Леонтьева

Российская экономика находится в переходном состоянии, в условиях радикальной перестройки самих оснований человеческой деятельности. Образование должно сыграть в этом процессе особую роль. Между тем само оно переживает тяжелейший кризис. Этот кризис проявляется в несоответствии содержания образования современному уровню развития науки, в разрыве между реальными возможностями сложившейся системы и развивающимися потребностями общества, в углубляющемся социальном неравенстве в области образования, в растущем дисбалансе между сферой образования и рынком труда, неспособности обеспечить соответствие квалификации трудовых ресурсов потребностям рынка труда и высокотехнологичного производства. Российские работодатели уверены, что знания, полученные в высшем учебном заведении, составляют только 45 % от необходимых для успешной трудовой деятельности [1]. Эти тенденции характерны в целом и для мировой системы образования. Но в России возникшие проблемы обостряются системным кризисом, охватившим все стороны жизни общества.

Кардинальные преобразования в экономике и обществе не сопровождались адекватными изменениями в системе управления образованием, а принятые в этой сфере нововведения не способствовали ее подъему. Снижение качества образования, начавшееся в 90-е годы, продолжается и сейчас, но с еще большим ускорением.

Поиски причин негативных процессов в платном и негосударственном секторе образования представляются односторонними и чрезмерно субъективными. В условиях, когда все должны учиться, неизбежно открытие всех каналов финансирования образовательных учреждений. Ни одно государство мира не способно обеспечить финансирование разрастающейся системы образования. Дело не в платности как таковой, а в системе, при которой не качество, а платность становится самоцелью. Причина не в том, что в России в последнее десятилетие стало много вузов и студентов. Само по себе это благо. Зло заключается в том, что колоссальный рост числа студентов происходил при свертывании ресурсного обеспечения вузов и создании множества псевдовузовских учреждений. Платность при отсутствии мотивации к качеству привела к чрезвычайной перегрузке и без того небогатой инфраструктуры вузов, нарушению всех лицензионных нормативов, т.е. действительно имела своим следствием ухудшение качества. Такие нарушения особенно характерны для государственных вузов, где сейчас сняты всякие ограничения на пути расширения платного образования. Все платное образование, пределы которого теперь не ограничены, осуществляется на тех же учебных площадях, в которых вузы испытывали острейший дефицит и в доперестроечный период, т.е. когда платного образования не было.

Причина всех бед – не в негосударственном секторе образования как таковом. Во всем мире негосударственный вуз используется как привлекательная форма частных инвестиций и как инструмент организации элитарного образования. Существующая система управления образованием, как и прежняя советская, характеризуется высокой степенью централизации, единообразным устройством учебных заведений, их концентрацией в руках государства, отсутствием у вузов внутренних стимулов развития.

Наиболее серьезные изъяны существующей системы управления образованием – следующие:

- монополизм и отсутствие реальной автономии высшей школы;
- технократический и административно-манипулятивный подходы к развитию высшего образования.

Командно-административная система, от которой отказались в процессе реформирования экономики, до сих пор сохранена в сфере образования. Напротив, команд-

ные функции органов управления образованием в последние годы существенно возросли, вертикаль власти здесь также усиливается. А нововведения, казалось бы, рыночного характера – лицензирование, аттестация и аккредитация – сосредоточены в руках одного ведомства, осуществляющего одновременно функции собственника-монополиста. Барьером на пути к правильному определению роли государства в сфере образования является распространенное в академической среде представление о том, что образование не может быть товаром, услугой. Оно не согласуется с аксиоматическим положением о рабочей силе как товаре и квалификации, полученной работником в процессе обучения, как основной составляющей рабочей силы. А если эта квалификация приобретает работником на возмездной основе, то она становится предметом купли-продажи на рынке не только труда, но и образовательных услуг.

Однако рынок существует не только около и вокруг вуза, он пронизывает его деятельность изнутри. При существующих масштабах платного образования нельзя не видеть, что рынок образовательных услуг состоялся и является определяющим фактором в жизнедеятельности высшей школы. Другой вопрос, насколько цивилизованным он является.

Признание образования одной из сфер экономической деятельности и его рыночного характера должно повлечь за собой существенные изменения в системе управления.

Рыночные отношения основываются на свободной цивилизованной конкуренции и исключают монополизм. Но реальность такова, что государство вывело рынок образовательных услуг из-под действия антимонопольного законодательства и само стало проводником монополистической деятельности. Функции лицензирования, аттестации и аккредитации, финансирования и распределения госзаказов, нормативного регулирования и государственного контроля осуществляет фактически генеральный агент государственной монополии – Министерство образования и науки. Функции управления и собственника совмещены в деятельности этого министерства, что недопустимо в условиях рынка. Идея создания независимой службы аттестации, содержавшаяся в законодательстве, оказалась нереализованной, а затем и отвергнутой.

Рынок образовательных услуг весьма специфичен. Значимость и особая роль образования определяют необходимость государственного протекционизма. Государство не может отдать образование на откуп свободному рынку, но пределы государственного вмешательства должны быть четко обозначены с учетом рыночного характера и интеллектуальной сути отношений в сфере образования. Роль государства должна быть ограничена рамками стратегического макроэкономического управления, нормативного определения основных качественных параметров вузовской деятельности и соответствующего контроля. К сожалению, государство отказалось от стратегического макроэкономического управления как процессами, так и ресурсами. Сохранившаяся с советских времен система бюджетного финансирования ни в коей мере не ориентирована на достижение качества и нужных обществу результатов. Серьезный экономический анализ и долгосрочная экономическая стратегия отсутствуют. Отношение к образованию как к экономической деятельности еще не стало значимой частью сознания управленческого персонала и самих вузов. Отсюда в обществе распространено представление о возможности ресурсного обеспечения вуза на базе только бюджетного финансирования, о высоком качестве российского образования, функционирующего при нищенском уровне финансирования.

Ресурсная поддержка государственного сектора минимальна, а негосударственный сектор функционирует вообще без таковой. Необходимость ресурсной поддержки государством высшей школы, в том числе негосударственной, обусловлена тем, что она не является распорядителем и продавцом конечной продукции – квалификации, полученной ее выпускником. И те, кто добивается высокого качества посредством наращи-

вания вложений в подготовку специалистов, не могут рассчитывать не только на предстоящие прибыли, но даже и на компенсацию произведенных затрат. В такой ситуации происходит присвоение обществом некомпенсированных затрат системы образования, неоплаченного труда профессорско-преподавательского состава, интенсификация которого позволяет поддерживать какой-то уровень качества.

Между тем государство эту особенность рынка образовательных услуг не учитывает. В то же время наиболее отчетливо прослеживается только одно – ужесточение государственного контроля. Министерство образования и науки сейчас начало настоящие боевые действия против созданных по его же вине всевозможных филиалов и негосударственных вузов. При этом оно само (а не закон) определяет нормативы деятельности вузов, осуществляет функции собственника, потребителя и контролера, решает вопросы открытия и закрытия вузов. Права вузов не защищены от неизбежного в такой ситуации административного произвола.

Реформу в образовании следует начинать с реформы государственного управления в направлении его подчинения и служения институтам гражданского общества, каковым является и система образования [2].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что одна из основных проблем, с которыми столкнулась система образования России, – это качество. Если рассматривать образование как товар, который покупается на рынке образовательных услуг и продается на рынке труда, то становится очевидным, что несоответствие подготовки специалистов требованиям работодателей приведет к тому, что высшее образование в России при непрекращающихся разговорах о введении платы за него может оказаться неконкурентоспособным на мировом уровне. Качество образования является основным конкурентным преимуществом и ключевым фактором на любом этапе социально-экономического развития общества. Необходимость повышения эффективности вузовской подготовки специалистов в современных условиях выдвигает новые требования к управлению системой высшего профессионального образования, которую необходимо совершенствовать с целью позиционирования качества как основного ориентира дальнейшего развития.

Литература

1. Левшина В. В. Развитие методологии создания системы менеджмента качества вуза. // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 2(25). С. 60–63.
2. Адлер Ю.П., Кочетов А.И. и др. МИСиС: повышение качества подготовки специалистов. // Стандарты и качество. 2000. № 2. С. 68–72.

ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ

Т.Н. Батова, Е.А. Павлова

За последние 15 лет произошли существенные изменения в сфере образования и, в частности, подготовки специалистов высшей квалификации в Российской Федерации. Одно из существенных изменений касается структуры выпускников вузов различных специальностей. В этот период произошел значительный уклон в сторону гуманитарных специальностей и, прежде всего, менеджерских, экономических и юридических. Отчасти эти изменения следует считать объективными в связи с развитием рыночных отношений в нашей стране, законодательно закреплённой юридической и экономической самостоятельностью предприятий, обострением национальной и международной конкуренции. Все это привело к «перепроизводству» специалистов в указанных сферах и к острой нехватке инженеров.

Современная предпринимательская практика показывает, что в условиях наметившейся стабилизации национальной экономики становится выгодным развивать ее реальный сектор, т.е. производство. Для этого необходимы технически грамотные специалисты в различных областях народного хозяйства. Однако для успешной деятельности в рыночных условиях руководство предприятия и его инженерный корпус должны принимать экономически грамотные решения, которые необходимо продумывать еще на этапе формирования технической (инженерной) идеи.

Таким образом, на современном этапе развития национальной экономики Российской Федерации перед сферой высшего образования встают новые проблемы. Необходимо восстановить потенциал инженерного корпуса, но не прежнего, а обладающего, в том числе, и современными знаниями в области экономики, менеджмента, юриспруденции. Наиболее эффективным путем решения данной проблемы является не только усиление гуманитарного цикла (по указанным дисциплинам) в учебных планах подготовки специалистов по техническим специальностям, но и предоставление им возможности получить второе высшее (например, экономическое) образование параллельно с основным (инженерным). Такой выпускник вуза, безусловно, будет конкурентоспособным и как разносторонне развитый специалист, и как высокоэффективный работник, и как личность, имеющая высокий потенциал к карьерному росту.

Потребность в получении второго высшего экономического образования для студентов технических специальностей СПбГУ ИТМО существует уже давно. Однако до недавнего времени она не была реализована. Это побуждало наиболее активных студентов искать возможность получения второго образования, в первую очередь, экономического и юридического, в других учебных заведениях Санкт-Петербурга.

Начиная с 2005 года, получить второе высшее экономическое образование можно и в нашем университете одновременно с обучением по основной технической специальности. На кафедре прикладной экономики и маркетинга гуманитарного факультета подготовлен учебный план и сформирована группа по направлению 080100 «Экономика» для получения второго высшего образования (квалификационная степень – бакалавр) по сокращенной образовательной программе. Кафедра прикладной экономики и маркетинга готовит бакалавров по этому направлению уже 10 лет. Ряд наших выпускников-бакалавров продолжили свое обучение в учебных заведениях Финляндии, Германии, Голландии.

Получить второе высшее экономическое образование и степень бакалавра экономики могут как лица, уже имеющие высшее образование, так и студенты нашего университета, обучающиеся по основной образовательной программе.

Обучение осуществляется в сокращенные сроки. Для студентов технических специальностей вуза срок обучения составляет 2,5 года. Прием студентов на сокращенную образовательную программу осуществляется при условии хорошей успеваемости по основной программе за два курса обучения.

Мы считаем, что получение второго высшего экономического образования одновременно с техническим – это перспективное направление, так как, во-первых, оно сокращает длительность получения образования за счет одновременного обучения на 2,5 года, во-вторых, дает возможность поступить в аспирантуру по экономическим направлениям и специальностям, в-третьих, увеличивает вероятность карьерного роста за счет сочетания технического и экономического образования, в-четвертых, повышает социальную защищенность и конкурентоспособность выпускников СПбГУ ИТМО на рынке трудовых ресурсов.

Литература

1. Приказ Министерства образования Российской Федерации (Минобрнаука России) № 1725 от 13.05.2002 «Об утверждении Условий освоения основных образовательных программ высшего профессионального образования в сокращенные сроки». Зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 18.08.2002, регистрационный номер 3693.
2. Положение о платной деятельности в области образования в ИТМО. Утвержденно приказом ректора ИТМО № 100-од от 22.07.1997.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.А. Платонова, Е.В. Зефирова

Системный анализ работ, посвященных различным аспектам воспитания молодежи в сфере физической культуры и спорта, позволяет сгруппировать их по нескольким направлениям.

Первое – воспитание в спорте. Данное направление в педагогическом плане разработано наиболее широко. Оно затрагивает такие проблемы, как нравственное, патриотическое и этическое воспитание молодежи, занимающейся спортивной деятельностью, а также особенности воспитательной работы со спортсменами

В литературе эффективность воспитания и социализации спортсмена как личности определяется четырьмя факторами: патриотической направленностью, соревновательной надежностью, высоким сознанием общественного долга, коллективизмом и товарищеской взаимопомощью. Именно эти факторы, по мнению авторов, обеспечивают всестороннее и гармоничное воспитание личности в спорте.

В контексте проблемы нашего исследования представляют значительный интерес данные, полученные по третьему и четвертому факторам. Так, сравнение результатов социально-психологических измерений, характеризующих взаимоотношения между членами студенческих спортивных команд, показало, что:

- коэффициент приемлемости командой игрока и игроком членов команды по деловым (спортивно-профессиональным) признакам выше коэффициента приемлемости их по эмоциональным признакам в 2 раза;
- с повышением масштаба, ответственности, экстремальности соревнований сплоченность спортивного коллектива возрастает;
- показатели психологической атмосферы, эмоциональных взаимоотношений между членами спортивных команд в студенческих клубных командах выше, чем в сборной команде; выше в более юных (по возрасту) командах, чем в более взрослых; выше они и в период наиболее ответственных соревнований.

На основании полученных результатов авторы утверждают, что социально-психологическими компонентами успешности выступлений студенческих спортивных коллективов следует считать (по степени значимости):

- сплоченность команды, базирующуюся на деловых, спортивно-профессиональных взаимоотношениях ее членов;
- психологическую атмосферу в команде, основанную на устойчивых эмоциональных взаимоотношениях членов команд;
- положительное отношение каждого спортсмена к своему товарищу по команде по неформальным признакам.

Второе направление касается разработки социально-психологических проблем физической культуры и спорта. В рамках этого направления рассматриваются:

- социальные функции физической культуры и спорта;
- социально-психологические аспекты воспитания личности спортсмена;
- социально-психологические и педагогические проблемы воспитания в процессе совместной физкультурно-спортивной деятельности.

Третье направление объединяет работы, в которых исследуются пути и условия использования средств физической культуры и спорта в воспитании

учебных, производственных и других коллективов.

Следует отметить, что как в теоретическом, так и в экспериментальном обосновании третье направление заметно отстает от остальных. Здесь просматривается явная недооценка возможностей физической культуры в решении задач воспитания личности, малых групп и коллективов. Особенно не соответствуют современным требованиям, на наш взгляд, педагогические аспекты научного обоснования данной проблемы. Несмотря на имеющиеся в литературе ссылки, свидетельствующие о положительной роли физической культуры и спорта в воспитании и сплочении первичных учебных коллективов, нам практически не удалось встретить педагогических работ, в которых на основе широких комплексных исследований были бы определены закономерности, условия и последовательность эффективного использования средств и методов физической культуры в этой области. Не попала в поле нашего зрения и научно-обоснованная психолого-педагогическая концепция, на базе которой можно было бы активно внедрять в практику результаты имеющихся экспериментальных исследований.

Учитывая направленность настоящей работы, представляется целесообразным более детально рассмотреть теоретические и методические аспекты воспитания студенческой молодежи с использованием средств физической культуры и спорта.

Управление воспитанием личности в коллективе и через коллектив является ведущим принципом педагогического воздействия на молодежь. Процесс отношений «личность – коллектив – личность» является закономерным, и от того, насколько успешно будет формироваться, развиваться и сплавиваться коллектив, зависит его воспитывающее значение.

Литература

1. Бальсевич В.К., Лубышева Л.И. Физическая культура: молодежь и современность. // Теор. и практ. физ. культ. 1995. № 4. С. 2–8.
2. Давиденко Д.Н., Щеголев В.А., Щедрин Ю.Н. Биологические и педагогические основы физического воспитания и валеологии в вузах: Учебное пособие. СПб: ГУИТМО, 2004. С. 113–152.
3. Давиденко Д.Н., Щеголев В.А., Щедрин Ю.Н. Здоровье и образ жизни студентов: Учебное пособие. СПб.: ГУИТМО, 2005. С. 46–61
4. Лубышева Л.И. Концепция формирования физической культуры человека. М: ГЦОЛИФК, 1992.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

В.А. Щеголев, Ю.Н. Щедрин

В педагогической теории воспитание личности в коллективе рассматривается как сложный процесс, характеризующийся несколькими этапами и уровнями развития. Содержание этого процесса охватывает многие стороны внутриколлективной жизни, однако основу его составляют усвоение и активное осуществление целей деятельности студенческого коллектива каждым его членом.

На первом этапе студенческий коллектив только формируется, оформляется его официальная структура, которая определяется предназначением этого коллектива и регламентируется соответствующими документами. Цели деятельности воспринимаются его членами лишь в общем виде, без ярко выраженного к ним отношения, и не являются собственными мотивами их социальной активности. Главные усилия в управлении воспитанием на данном этапе направляются на подбор, подготовку и расстановку специалистов и актива учебных групп. Таким образом, возникают предпосылки для оформления отношений «студент – учебная группа», «личность – общественная организация». Данный этап может рассматриваться как исходная, нулевая точка отсчета в развитии и упрочении студенческого коллектива.

Созданием официальной структуры не заканчивается процесс формирования учебного коллектива. Это необходимый, но только начальный этап в воспитании студенческой молодежи. Дело в том, что наряду с организационными основами и структурой коллектива в нем одновременно формируются неофициальные подструктуры, в которых возникают отношения «личность – личность», «личность – группа», «группа – группа», «группа – коллектив». Данный процесс вполне закономерен и является неотъемлемой частью становления любого коллектива, ибо с момента вступления студентов во взаимные контакты между ними возникают определенные связи, носящие зачастую устойчивый характер.

Поэтому особо важную роль в воспитании студентов на правильной основе играет профессорско-преподавательский состав, его отношение к каждому студенту и коллективу в целом, личный пример, педагогическое искусство. Очевидно, использование педагогических средств обучения и воспитания, в том числе и средств физической культуры, на данном этапе должно быть направлено на ускорение адаптации студентов как к специфическим нагрузкам и условиям учебной деятельности, так и к межличностному общению.

Опираясь на результаты некоторых экспериментальных исследований, можно утверждать, что применение средств и методов физического воспитания в интересах укрепления учебного коллектива на начальном этапе его становления дает существенный эффект. Специально направленная система занятий по физической культуре весьма успешно решила задачи социально-психологического воспитания молодых студентов. Она способствовала более быстрому формированию межличностных отношений, повышению группового социометрического статуса, укрепляла социально-психологическую позицию членов студенческого коллектива.

В ряде исследований установлено, что, если регулярно занимающиеся физической культурой и спортом не представляют в коллективе большинство, то их воздействие на коллектив минимизируется. Если же спортсмены, включая и руководителя, представляют собой актив коллектива, то их влияние распространяется на все сферы общественно-трудовой деятельности коллектива и межличностных отношений. В этом случае в коллективе формируется определенный тип психологической атмосферы, отлича-

тельными чертами которого являются взаимопомощь, здоровый дух соперничества, сознательная дисциплина, добросовестность, честность, взаимоуважение, терпимое отношение к человеческим недостаткам.

Отмечено, что у не занимающихся физической культурой и спортом наблюдается более выраженная амбивалентность их психических реакций на стресс, более повышенная комформность на групповое давление, стремление к самоизоляции при неудачах в общении с более активными партнерами. Важным в данном случае является психотерапевтический эффект влияния спортсменов на взаимоотношения в коллективе, особенно на начальном этапе его формирования.

Как показали исследования, лица, активно занимающиеся спортом, своим поведением и более динамичным стилем общения лучше способствуют разрядке возникших напряжений и конфликтов в межличностной сфере.

Следовательно, можно констатировать, что важными показателями эффективности управления воспитательным процессом в коллективе на начальном этапе его формирования являются межличностная адаптированность и согласованность взаимодействий студенческой молодежи. Правильно организованное физическое воспитание студентов в этот период представляет собой важный фактор их развития и самосовершенствования.

Формирование межличностных отношений – своего рода начало в воспитании студентов. На следующем этапе развития студенческого коллектива главной задачей является формирование отношений, обеспечивающих эффективную реализацию задач учебной деятельности. Эти отношения представляют собой систему операционных, коммуникативных и других связей, направленных на изменение отдельных параметров и характеристик совместного учебного труда. Такие отношения, в отличие от сугубо межличностных, можно назвать отношениями деятельности. Именно совместная учебная деятельность является системообразующим фактором, определяющим целостность студенческого коллектива.

В отечественной педагогической литературе понятие «деятельность» характеризует, по крайней мере, две функции учебного коллектива. Первая представляет коллектив как элемент общей социальной системы; вторая открывает путь для изучения внутренних механизмов существования и развития самого студенческого коллектива. Таким образом, механизмы формирования общей цели составляют главное содержание работы по воспитанию студенческого коллектива на очередном этапе его развития.

Какое же место среди многообразия педагогических средств и методов занимает физическое воспитание и какова его роль в формировании целевого единства группы?

Полный, исчерпывающий ответ на данный вопрос пока дать нельзя. Специальных исследований по этой проблеме не проводилось. Объяснить такое обстоятельство можно отсутствием должного научного обоснования социально-психологических аспектов физической культуры студентов. Незавершенность концептуальных схем использования средств и методов физического воспитания в интересах группового взаимодействия и сплочения студенческих коллективов объясняется отсутствием необходимых и систематизированных данных.

Это, однако, еще не дает нам оснований для того, чтобы сделать вывод о незначительном вкладе, который может внести рациональное использование средств и методов физической культуры в воспитание студенческого коллектива на этапе формирования его целевого единства. Если в начальной стадии воспитательного воздействия на студентов, характеризующейся эмоциональной и внутригрупповой преемственностью, основные задачи физической культуры сводились к нейтрализации отрицательного влияния адаптационного периода за счет повышения уровня физической подготовленности студентов, а также к ускорению их межличностного общения, то на этапе воспитания целевого единства коллектива эти задачи расширяются и углубляются.

Прежде всего, повышается значимость физической культуры в овладении студентами своей специальностью, что является первоочередным условием формирования целевого единства коллектива. В этой связи необходимо остановиться на второй стороне коллективной деятельности – дифференциации студентов, предполагающей их специализацию по различным профессиям. Известно, что современный уровень развития технологий привел к резкому разделению труда как по характеру приемов и действий, так и по условиям их выполнения.

Следует указать, что результаты многочисленных исследований подтверждают положение об эффективности применения специальных средств физической культуры для повышения качества освоения профессиональных навыков и умений.

Главная задача профессионально-прикладной физической культуры состоит в обеспечении ее положительного влияния на качество и эффективность овладения избранной специальностью. Для этого необходимы не только набор средств и методов физической культуры, но и своевременная их реализация в процессе профессионального становления специалистов.

Представляется, что в решении этой задачи целесообразно руководствоваться принципом опережающего педагогического воздействия, который в своей основе отражает важность развития и формирования у студентов необходимых физических, психических и других качеств, обеспечивающих им успешную адаптацию к различным режимам и условиям профессионального обучения. Учитывая, что в процессе социально-личностного управления воспитанием студенческого коллектива его члены пройдут несколько этапов своего профессионального становления, цель и задачи физической культуры, естественно, будут меняться в соответствии с их характером и содержанием.

Так, на этапе начального обучения овладение профессиональными навыками и умениями будет достигаться путем опережающего развития профессионально важных физических качеств и двигательных навыков.

На этапе закрепления профессиональных навыков и умений, прежде всего, необходимо создавать условия для эффективного выполнения учебных заданий при оптимальных физических нагрузках. При этом задачами физического воспитания станут развитие специальной выносливости и обеспечение физиологической базы учебно-профессиональной работоспособности.

На этапе совершенствования профессионального мастерства, который характеризует конечную стадию формирования целевого единства студенческого коллектива, главная задача физической культуры состоит в обеспечении готовности студентов к их профессиональной деятельности в реальных условиях.

Литература

1. Бальсевич В.К., Лубышева Л.И. Физическая культура: молодежь и современность. // Теор. и практ. физ. культ. 1995. № 4. С. 4–8.
2. Гогунев Е.Н., Мартьянов Б.И. Психология физического воспитания и спорта: Учебное пособие. М.: Академия, 2000. С. 5–11, 98–110.
3. Давиденко Д.Н., Щеголев В.А., Щедрин Ю.Н. Биологические и педагогические основы физического воспитания и валеологии в вузах: Учебное пособие. СПб: ГУИТМО, 2004. С. 5–18.
4. Давиденко Д.Н., Щеголев В.А., Щедрин Ю.Н. Здоровье и образ жизни студентов: Учебное пособие. СПб: ГУИТМО, 2005. С. 80–85.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПРОЦЕССА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЦЕЛЕВОГО ЕДИНСТВА СТУДЕНЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Ю.А. Суворов, Ю.Н. Щедрин

Задачи процесса физического воспитания при формировании целевого единства студенческого коллектива не ограничиваются его профессионально-прикладной направленностью. Физическая культура должна решать задачи и по воспитанию студентов. Здесь, прежде всего, надо учитывать, что общение студентов в процессе их совместной учебной деятельности приводит к образованию различных микрогрупп. Побуждение к длительным контактам, в том числе объединение в микрогруппы, может осуществляться на основе: землячества, одного возраста, пола, одинаковых увлечений и т.д.

Преподаватели часто встречаются с двумя основными разновидностями микрогрупп: положительно и отрицательно направленными. Микрогруппы с положительной направленностью, вступая во взаимные контакты, обогащают духовную жизнь коллектива, делают ее многообразнее, интереснее. Они способствуют укреплению положительных социально-психологических связей между студентами, формируют атмосферу доброжелательности, взаимопомощи, тесного сотрудничества в учебном коллективе.

Отрицательно направленные микрогруппы студентов возникают, как правило, на основе стремлений их членов поставить себя вне коллективных моральных норм и требований. Лидеры этих групп самоутверждаются путем различного рода отступлений от своих обязанностей, норм и правил поведения. В социально-психологическом плане такие микрогруппы создают неблагоприятную атмосферу напряженности, нездорового соперничества и неудовлетворенности в данном коллективе. Такой коллектив трудно управляем, отличается постоянными нарушениями дисциплины и не способен эффективно решать свои учебно-воспитательные задачи.

Физическая культура, как показывают результаты отдельных исследований, может выступать как профилактическое средство предупреждения образования негативно направленных группировок студентов, а также нейтрализации их влияния на студенческий коллектив. Правильная организация учебно-спортивной деятельности студентов существенно повышает уровень их связей друг с другом, особенно если при этом усилия педагогов будут сосредоточены не столько на интенсивности общения, сколько на изменении ранее сложившихся негативных мотивов общения между студентами. Важное значение в формировании положительного психологического климата в студенческом коллективе имеют спортивные соревнования. В ряде исследований отмечено, что в соревнующихся командах взаимное уважение членов этих команд было выше, чем в коллективах, не принимающих участия в соревнованиях. Кроме того, в успешно выступающих студенческих спортивных коллективах участники его испытывают большее уважение и дружелюбие к членам других команд. Даже в неуспешно выступающих спортивно-игровых командах отношения в коллективе складываются лучше, чем в коллективах студентов, не принимавших участия в состязаниях.

В педагогических исследованиях показано, что у лиц, занимающихся физической культурой и спортом, более развиты адаптационные механизмы в социальном общении, более активна и позитивна мотивация труда, сильнее развита групповая направленность, черты коллективизма, менее выражены эгоцентрические тенденции личности. Физическая культура и спорт вырабатывают у студентов черты лидерства, что благоприятно влияет на психологический климат в коллективе, способствуют совершенствованию и взаимодополнению процессов лидерства и руководства.

Анализируя социально-психологические механизмы воспитания студенческой молодежи, необходимо указать на то, что формированием целевого единства не заканчивается процесс сплочения студентов. На следующем этапе управление воспитанием студентов затрагивает наиболее глубокий слой – ядро коллектива. Именно этот

слой образует совокупность групповых характеристик, определяемых не только целевыми, но и ценностными ориентациями студентов вузов.

Формирование ценностной стороны коллективной деятельности есть необходимое условие процесса воспитания студентов. Именно ценностное единство коллектива характеризует наиболее глубокий уровень интегрированности отношений между его членами. Ценностное единство студенческого коллектива – не случайное совпадение индивидуальных ценностных устремлений, а закономерное поддержание самой социально обусловленной деятельности. Будучи объективным показателем групповой сплоченности, ценностное единство является важнейшим фактором включения группы в деятельность всей социальной системы, мерой действительной коллективности данной социальной общности.

Процесс управления формированием ценностного единства студенческого коллектива включает в себя два аспекта. Первый – воспитание у студенческой молодежи единого представления о характере профессиональной деятельности; второй – формирование у членов студенческого коллектива единства ценностных критериев по отношению к конкретному объекту деятельности. Вторым аспектом является основополагающим в воспитании ценностного единства коллектива.

Физическая культура и спорт при правильной организации могут стать эффективным средством формирования ценностного единства студенческого коллектива, основным содержанием которого является высокий уровень развития у студентов социально значимых качеств, самосознания и гражданской зрелости. Навыки совместной ориентации на достижение поставленных задач, приобретенные в процессе спортивно-коллективной деятельности благодаря совпадению одних и тех же эмоциональных реакций способствуют усилению общей сплоченности.

Проведенный анализ социально-психологических механизмов управления воспитанием студентов и студенческих коллективов позволяет выделить в этом процессе три этапа. Первый – воспитание согласованности внутриколлективного взаимодействия студентов, ускорения их социальной адаптации к обучению в вузе. Вторым – формирование целевого единства студенческого коллектива. Третьим – формирование ценностно-ориентационного единства студенческого коллектива. Согласованность внутриколлективного взаимодействия характеризует процессуальную, а целевое и ценностное единство – содержательно-предметную сторону совместной учебной деятельности.

Данный подход позволяет ставить перед физической культурой последовательные задачи в решении проблем социально-личностного управления воспитанием студентов и определить конкретные направления их педагогического обоснования.

Литература

1. Виленский М.Я., Карповский Г.К. Мотивационно-ценностное отношение студентов к физической культуре и пути его направленного формирования. // Теор. и практ. физ. культ. 1984. № 10. С. 39–42.
2. Давиденко Д.Н., Щеголев В.А., Щедрин Ю.Н. Биологические и педагогические основы физического воспитания и валеологии в вузах: Учебное пособие. СПб: ГУИТМО, 2004. С. 113–134.
3. Давиденко Д.Н., Щеголев В.А., Щедрин Ю.Н. Здоровье и образ жизни студентов: Учебное пособие. СПб: ГУИТМО, 2005. С. 42–46
4. Лубышева Л.И. Концепция формирования физической культуры человека. М: ГЦОЛИФК, 1992.
5. Стопникова Ф.В. Социально-философский анализ ценностного отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности: Автореф. канд. дис. Нижний Новгород, 1992.

ОРГАНИЗАТОРСКИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ИНТЕГРАТИВНОМ ПОДХОДЕ К СПОРТИВНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ СТУДЕНТОВ

Ю.А. Суворов, В.З. Рекин, В.А. Платонова

Как показывают многолетние исследования, существующая система физкультурно-спортивной работы в вузах не позволяет решить основные задачи, возлагаемые на эту систему, не обеспечивает должного уровня здоровья и физического развития студентов, не формирует у них потребности в здоровом образе жизни и физическом совершенствовании, интереса к физкультурно-спортивной деятельности, не позволяет в полной мере реализовать огромный гуманистический, культурный потенциал этой деятельности. Более того, многие факты свидетельствуют о все возрастающей девальвации духовно-нравственных ценностей в сфере детско-юношеского, в том числе студенческого, спорта, как и спорта вообще. Многих молодых людей спорт привлекает вовсе не как сфера проявления эстетики, нравственности, культуры, средство гармоничного развития, а, прежде всего, потому, что здесь можно заработать деньги, наблюдать и проявить жестокость, агрессивность, грубую физическую силу. Среди молодых спортсменов все чаще наблюдается стремление добиться победы любой ценой, даже за счет здоровья, нарушения нравственных норм, применения допинга и т.д.

В разное время и в разных странах были проведены педагогические и социологические исследования с целью выяснения влияния занятий спортом, спортивных (в том числе олимпийских) соревнований на нравственное поведение детей и молодежи. Все они приводят к одному общему выводу: активные и регулярные занятия спортом, спортивные (в том числе олимпийские) соревнования, как правило, не повышают, а снижают ориентацию на нравственное поведение в спорте. Те, кто не участвует регулярно в спортивных соревнованиях, проявляют гораздо больше желания выступать за соблюдение кодекса честной игры, чем постоянные участники состязаний, и спортсмены высокой квалификации по сравнению со своими коллегами «более низкого класса» демонстрируют все меньшую склонность связывать себя этим кодексом.

С учетом этой ситуации, а также новых условий социально-экономического и культурного развития нашей страны в вузах ведется интенсивный поиск новых направлений физкультурно-спортивной работы, отвечающих требованиям сегодняшнего дня и способных решить весь комплекс социально-педагогических задач, стоящих перед системой высшего образования и физкультурно-спортивным движением России в настоящее время.

К числу таких направлений относится *спортивно-гуманистическое воспитание студентов* - педагогическая деятельность по формированию у студентов когнитивного, эмоционально-ценностного и нормативно-поведенческого отношения к спорту, соответствующего идеалам и ценностям гуманизма. Конкретными показателями такого отношения являются:

- понимание социокультурного значения спортивной деятельности, знание тех гуманистических идеалов и ценностей, связанных с нормами здорового образа жизни, нравственной, эстетической, физической культуры, которые могут быть реализованы в спорте и посредством спорта;
- декларативная (провозглашаемая) и реальная (в поведении) ориентации на эти идеалы и ценности (интерес к ним, стремление их реализовать, адекватные эмоциональные реакции и т.п.).

В определенных формах и с определенной степенью активности спортивно-гуманистическое воспитание всегда проводилось и проводится в вузах. Но в последнее

время активность в этом направлении резко упала. В связи с острой критикой существовавшей ранее жестко идеологизированной системы планирования духовной жизни народа и плановой «воспитательной работы с массами» наблюдается пренебрежительное отношение к воспитательной работе и воспитателям вообще. Даже там, где проводится работа по спортивно-гуманистическому воспитанию студентов, она, как правило, не приносит желаемых результатов.

На низкую эффективность этой педагогической деятельности влияет ряд факторов. К числу наиболее существенных относятся недостатки в ее организации. Довольно часто задачи спортивно-гуманистического воспитания студентов сводят лишь к формированию у них определенных знаний – прежде всего знаний об Олимпийских играх и олимпийском движении. Ограничен набор средств спортивно-гуманистического воспитания. Чаще всего ограничиваются информационно-разъяснительной и пропагандистской работой. Как правило, проводятся разрозненные, не связанные между собой акции, имеющие целью сформировать у студентов гуманистическое отношение к спорту. В результате этого не достигаются многие важные цели и задачи спортивно-гуманистического воспитания студентов – в первую очередь, формирование у них устойчивой ориентации на связанные со спортом духовно-нравственные ценности. Поэтому актуален вопрос более полного, интегративного, комплексного подхода к организации спортивно-гуманистического воспитания студенческой молодежи.

Такой подход – не просто субъективное пожелание. Его необходимость обусловлена рядом факторов. Прежде всего, надо учитывать сложный и разноплановый характер задач, которые должны быть решены для формирования у студентов гуманистического отношения к спорту. Проведенный нами анализ результатов социологических исследований ГУ ИТМО показывает необходимость педагогической коррекции у студентов всех компонентов этого отношения: знаний, интересов, потребностей, ценностных ориентаций, эмоциональных реакций, а главное – их поведения в спорте. Причем сами эти знания и элементы мотивационной системы весьма разнородны. Они относятся к нравственной, эстетической, коммуникационной и другим компонентам культуры. Таким образом, уже вследствие сложного и разнопланового характера задач, стоящих перед спортивно-гуманистическим воспитанием студентов, оно должно быть по сути своей интегративной, комплексной педагогической деятельностью.

Не менее важно и то, что указанные выше задачи спортивно-гуманистического воспитания студентов нельзя решить с помощью лишь одного метода или совокупности однотипных методов (например, относящихся только к сфере информационной, разъяснительной работы). Необходим комплекс разнородных средств и методов, т.е. также интегративный подход. Кроме того, важно учитывать, что спортивно-гуманистическое воспитание студенческой молодежи может выступать в разных формах в зависимости от того, на какие гуманистические идеалы и ценности оно ориентировано, каким образом эти идеалы и ценности интерпретируются, а также какие средства для их реализации в спорте используются.

В теории и практике спортивно-гуманистического воспитания студентов наиболее широко распространена та его разновидность, которую чаще всего называют «олимпийским образованием». В качестве основных средств спортивно-гуманистического воспитания здесь используются различные формы информационной деятельности по разъяснению и пропаганде идей олимпизма, а также спорт в его олимпийской интерпретации – олимпийские соревнования, ритуалы и традиции.

Вторая разновидность спортивно-гуманистического воспитания студентов основана на идеях гуманистического проекта «СпАрт» (В.И. Столяров, 2000). В основе этого варианта спортивно-гуманистического воспитания лежит положение о том, что

путем лишь просветительской работы, с помощью одних только лозунгов и призывов, а также на основе олимпийской модели организации спортивных соревнований невозможно решить проблему приобщения подрастающего поколения к гуманистическим идеалам и ценностям. В первую очередь, необходимо существенно изменить сам подход к организации спортивных соревнований, к спорту вообще, сделать его более гуманным, гуманистичным, «человечным». Спартианское воспитание как разновидность спортивно-гуманистического воспитания как раз и основано на использовании новой, более гуманной и «мягкой», модели спорта, которая отличается от других моделей, в том числе олимпийской, программой и составом участников соревнований, системой определения победителей и т.д.

Как показывает анализ, олимпийский и спартанский варианты спортивно-гуманистического воспитания студентов не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Следовательно, и в этом отношении необходим интегративный подход к этой воспитательной работе. Такой подход предусматривает:

- решение комплекса взаимосвязанных задач по педагогической коррекции не только знаний, но и эмоционально-ценностных и нормативно-поведенческих компонент отношения студентов к спорту применительно к нравственному, эстетическому и всем другим аспектам культуры личности;
- использование комплекса методов, связанных не только с информационно-разъяснительной работой, но и с организацией спортивных соревнований, подготовкой к ним и т.д.;
- комплексное, взаимодополняющее использование форм, средств и методов олимпийского образования студентов и их спартанского воспитания.

Возможны различные варианты педагогической технологии для практической реализации указанной выше теоретической концепции интегративного подхода к спортивно-гуманистическому воспитанию студентов с учетом условий и возможностей вуза (Ольхова Т.Г., 2000), особенности того контингента, в педагогической работе с которым она используется, а также общей ситуации в современном спорте, системе образования и обществе в целом.

Мы предлагаем один из вариантов этой технологии, предполагающий организацию спортивно-гуманистического воспитания студентов в три этапа. На первом этапе с помощью педагогических наблюдений и опроса студентов на основе специально разработанных анкет и интервью определяются те показатели их спортивно-гуманистической образованности и ориентации, которые нуждаются в педагогической коррекции.

На втором этапе с учетом результатов, полученных на предыдущем этапе, осуществляется педагогическое воздействие на студентов. При этом используется комплекс форм, средств и методов.

Первый блок этих средств – спецкурс «Спорт как социально-культурное явление и его гуманистическая ценность», а также учебно-методическое обеспечение спецкурса. Цель его – повышение уровня спортивно-гуманистической образованности студентов. С учетом требований к уровню спортивно-гуманистической образованности студентов рекомендуются следующие разделы программы спецкурса.

- Введение.
- Спорт как социальное явление и его культурная гуманистическая ценность.
- Современное олимпийское движение, его социальная природа, цели и задачи (специальный раздел этой темы целесообразно посвятить проблемам олимпийского образования).
- Спартианское движение.

При разработке программы спецкурса должны учитываться те пробелы в спортивно-гуманистической образованности студентов, которые выявляются в ходе их

опроса. С целью оказания студентам помощи в овладении материалом спецкурса целесообразно подготовить и рекомендовать им для изучения специальное методическое пособие.

Второй блок – конструирование и проведение студенческих спортивно-творческих праздников как разновидности Спартианских игр. Этот блок средств преследует решение как минимум двух задач. Первая из них – погружение студентов в такую искусственно сконструированную культурную среду, которая на основе активного участия в гуманистически ориентированных соревнованиях позволяет им приобщиться к ценностям не только спортивной, но и других форм культуры. Вторая задача – формирование у студентов духовно-нравственной ориентации и такого ее важнейшего элемента, как интеллигентность в том ее понимании, которого придерживался академик Лихачев. По его мнению, интеллигентность – это прежде всего «способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям». Исходя из этого, при разработке программы спортивно-творческих праздников акцент должен быть сделан на развитии у студентов творческих способностей в ходе занятий спортом, а также гуманного отношения к лицам с ограниченными возможностями (инвалидам) как равным партнерам по соревнованию.

Третий блок средств программы спортивно-гуманистического воспитания студентов – организация педагогических игр, включающих студентов в такие игровые ситуации, в которых они должны научиться оценивать поведение спортсменов и разрабатывать программу спортивно-творческих праздников.

Наконец, четвертый блок – организация самостоятельной работы студентов, которая характеризует проявление их творческого потенциала в необходимой и значимой для них деятельности.

Эта работа студентов в рамках программы их спортивно-гуманистического воспитания включает в себя некоторые традиционные формы и методы: изучение рекомендованной литературы и методического пособия; подготовка докладов для выступления на занятиях; написание рефератов по теме спецкурса; подготовка к ответу на разработанные для них контрольные вопросы. Вместе с тем для организации самостоятельной работы студентов в целях их спортивно-гуманистического воспитания целесообразно использовать и такие новые формы и методы, как, например, специально разработанная для них анкета. В нее, прежде всего, включаются вопросы, которые предназначаются для самооценки студентами знания и понимания принципов «Fair Play», а также отношения к ним. Кроме того, в анкете указываются те конкретные ситуации спортивного соревнования, которые ставят студента в ситуацию выбора по совести, т.е. требуют от него проявления нравственной позиции.

На третьем, заключительном, этапе на основе подведения итогов изучения студентами спецкурса, успешности решения ими педагогических задач, качества и результативности их самостоятельной работы, самооценки восприятия студентами участия в спортивно-творческих праздниках оценивается эффективность их спортивно-гуманистического воспитания. Заметим, что такая оценка сопряжена с определенными сложностями, вызванными не только известными трудностями «измерения» духовно-нравственных и эстетических параметров человеческой личности, но и длительным периодом времени, необходимым для того, чтобы в полной мере обнаружилось последствие воспитательного воздействия.

Литература

1. Бальсевич В.К., Лубышева Л.И. Физическая культура: молодежь и современность. // Теор. и практ. физ. культ. 1995. № 4. С. 2–8.

2. Вучева В.В. Научно-методические основы формирования гуманистически ориентированной физической культуры студенток педагогических специальностей. / Автореф. канд. дис. М.: 1998.
3. Лотоненко А.В., Стеблецов Е.А., Игнатъев А.С. Физическая культура студенческой молодежи: опыт, проблемы, перспективы. // Физическая культура; воспитания, образование, тренировка. 1996. № 3. С.7–10.
4. Ольхова Т.Г. Интегративный подход к спортивно-гуманистическому воспитанию студентов. / Автореф. канд. дис. М., 2000.
5. Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 6. Спорт и олимпизм в современной системе образования: Сборник. / Сост. и ред. В.В. Кузин, В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998.
6. Столяров В.И. Олимпийское образование и спартианская система воспитания. // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. 6. Сост. и ред. В.В. Кузин, В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков. М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998. С. 71–233.
7. Столяров В.И. Теоретическая концепция спортивно-гуманистического воспитания детей и молодежи. / Гуманистическая теория и практика спорта. Вып. 3. Сост. и ред.: В.И. Столяров, Е.В. Стопникова, Т.Г. Ольхова. М.–Сургут: МГИУ, 2000. С. 21–79.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОДЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СПОРТИВНЫХ ТУРИСТСКИХ ПОХОДОВ

А.А. Федотова, Ю.Н. Федотов

Одной из сложнейших задач, предшествующих началу подготовки к спортивному туристскому походу, является определение модельных характеристик спортивного похода. Основу этих характеристик составляют: вид туризма, протяженность маршрута в километрах, продолжительность маршрута в днях и техническая сложность пути – категория сложности. Интегральным показателем этих характеристик с точки зрения физической нагрузки на организм человека является энергоёмкость пути, которую можно выразить в килограммометрах работы или килокалориях (Q).

В общем виде Q зависит от протяженности пути (S), веса перемещаемого объекта (P), включая вес человека в одежде и вес рюкзака, характеристик пересеченной местности (i). Эту зависимость можно выразить функцией

$$Q = f(S, P, i).$$

Вид этой функции является моделью энергоёмкости пути. Очевидно, что вид этой функции будет зависеть от вида туризма.

В настоящее время имеется большое количество данных, характеризующих энергозатраты в зависимости от физических упражнений, включая ходьбу и бег с разной скоростью. Эти данные могут быть исходными для определения интересующей нас функциональной зависимости Q . Используя методы математической обработки, аппроксимации, интерполяции, экстраполяции и экспертных оценок, на основе анализа характеристик более ста туристских походов мы оценили энергоёмкость километра пути в пешеходном, горном и лыжном туризме, исходя из одной особенности преодоления естественных препятствий – скорость передвижения переменна, а энергоёмкость пути постоянна. Это значит, что независимо от интенсивности (мощности) работы, которую регулирует сам турист в зависимости от своего физического состояния, общий объем выполненной работы на преодоление определенного пути – величина постоянная.

Для пешеходного туризма энергоёмкость пути определяется формулой

$$Q_{\text{п}} = SP [0,2 (i - 1) + 1],$$

где $Q_{\text{п}}$ – энергоёмкость пути в пешеходном туризме, ккал; S – протяженность пути, км; P – вес человека с рюкзаком, кг; i – категория сложности похода. Для лыжного туризма энергоёмкость пути ($Q_{\text{л}}$) определяется формулой

$$Q_{\text{л}} = SP [0,228 (i - 1) + 1,214],$$

а для горного туризма энергоёмкость пути ($Q_{\text{г}}$) определяется формулой

$$Q_{\text{г}} = SP [0,29 (i - 1) + 1,57].$$

В данных формулах выражения в квадратных скобках имеют физический смысл удельных энергозатрат на перемещение одного килограмма массы на один километр пути определенной категории сложности в заданном виде туризма.

Использование данных функциональных зависимостей позволяет:

- планировать нагрузочный режим (объем и интенсивность) туристского маршрута по участкам пути;
- готовить участников в соответствии с планируемой нагрузкой;
- корректировать нагрузочный режим в условиях похода;
- проводить экспертную оценку качества различных походов (в условиях заочных соревнований) по объективным критериям;
- оценивать оздоровительную эффективность туристского похода.

Рассмотрим планирование нагрузочного режима, принимая в качестве исходных данных классифицированные требования для походов различных категорий сложности – пешеходных, лыжных и горных. Для примера используем два варианта расчетного веса туриста с рюкзаком – 70 и 100 кг, что практически означает большое количество

различных вариантов нагрузочного режима: от движения туриста налегке (без рюкзака) до использования рюкзака определенного веса. Например, при весе туриста 70 кг вес рюкзака может быть 30 кг, что является обычным вариантом для походов 4–6 категорий сложности. Расчетные данные сведем в табл. 1–3.

Нормативные характеристики похода			Энергоемкость (ккал)		Средние энергозатраты на один день пути (ккал/день)	
Категория сложности (i)	Протяженность (км)	Продолжительность (дн)	P = 70кг	P = 100кг	P = 70кг	P = 100кг
1	130	6	9100	13000	1520	2170
2	160	8	13440	19200	1680	2400
3	190	10	18620	26600	1860	2660
4	220	13	24640	35200	1890	2710
5	250	16	31500	45000	1970	2810
6	300	20	42000	60000	2100	3000

Табл. 1. Энергоемкость классифицированных туристских походов и энергозатрат на один день пути (пешеходный туризм)

Нормативные характеристики похода			Энергоемкость (ккал)		Средние энергозатраты на один день пути (ккал/день)	
Категория сложности (i)	Протяженность (км)	Продолжительность (дн)	P = 70кг	P = 100кг	P = 70кг	P = 100кг
1	130	6	11050	15780	1840	2630
2	160	8	16150	23070	2020	2880
3	200	10	23380	33400	2340	3340
4	250	13	33210	47440	2550	3650
5	300	16	44650	63780	2790	3970
6	300	20	49430	70620	2470	3530

Табл. 2. Энергоемкость классифицированных туристских походов и энергозатрат на один день пути (лыжный туризм)

Нормативные характеристики похода			Энергоемкость (ккал)		Средние энергозатраты на один день пути (ккал/день)	
Категория сложности (i)	Протяженность (км)	Продолжительность (дн)	P = 70кг	P = 100кг	P = 70кг	P = 100кг
1	100	6	10990	15700	1830	2620
2	120	8	15620	22310	1950	2790
3	140	10	21070	30100	2110	3010
4	150	13	28610	40900	2210	3150
5	160	16	37070	52960	2320	3310
6	160	20	43570	62240	2180	3110

Табл. 3. Энергоемкость классифицированных туристских походов и энергозатрат на один день пути (горный туризм)

Приведенная энергоёмкость пути в ккал на 1 кг веса может быть проиллюстрирована в виде графика зависимости приведенной энергоёмкости от протяженности пути определенной категории сложности в пешеходном туризме (рис. 1).

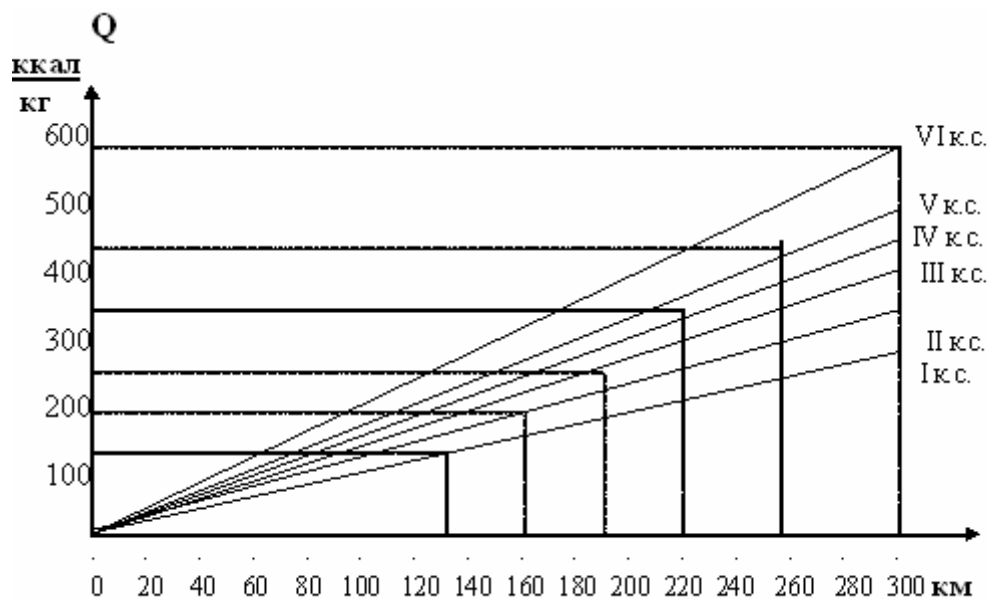

Рис. 1. Приведенная энергоёмкость пути в пешеходном туризме.

Приведенная энергоёмкость пути позволяет оценивать энергозатраты в любых вариантах планирования туристского похода – от коротких тренировочных с заданными характеристиками сложности пути и весом рюкзака до многодневных походов любой категории сложности с любыми весовыми характеристиками груза по дням похода.

Удельные энергозатраты являются показателями напряженности километра пути. Зависимость удельных энергозатрат в разных видах туризма от категории сложности пути можно иллюстрировать табл. 4.

Категория сложности (<i>i</i>)	Удельные энергозатраты, ккал/кг·км		
	Пешеходный туризм	Лыжный туризм	Горный туризм
1	1	1,214	1,57
2	1,2	1,442	1,86
3	1,4	1,67	2,15
4	1,6	1,898	2,44
5	1,8	2,126	2,73
6	2	2,354	3,02

Табл. 4. Удельные энергозатраты в разных видах туризма.

Анализируя данные таблиц 1–4, можно отметить интересную особенность. Наиболее высокую общую энергоёмкость пути имеют лыжные походы пятой категории сложности при том, что по удельным энергозатратам такие походы занимают среднее положение. Такая особенность имеет логическое объяснение. Лыжные походы пятой категории сложности практически в два раза протяженнее (по километрам пути), чем, например, горные походы той же категории сложности, имеющие большую напряженность километра пути. Аналогичная особенность выявляется при сравнении энергоза-

трат на один день пути в походах разных категорий сложности в различных видах туризма.

Именно поэтому основой управления нагрузочным режимом в любых туристских походах являются не удельные энергозатраты сами по себе, а распределение энергоёмкости пути по дням, прямо зависящее от весовых характеристик рюкзака и протяженности пути. Практически это означает необходимость дозированного снижения энергоёмкости пути в первые дни похода, увеличение энергоёмкости пути в середине маршрута и постепенное снижение к концу похода.

В общем случае изменения пройденного расстояния по дням пути влияет на величину энергоёмкости всего пути, которая определяется по формуле

$$Q = qP \sum_{i=1}^n S_i,$$

где Q – энергоёмкость пути, ккал; q – удельные энергозатраты, ккал/кг·км; i – порядковый номер дня пути; P – вес человека с рюкзаком, кг; S_i – протяженность пути в i -ый день похода, км. При этом S_i по дням определяется графиком пути. Функция дневного похода (в км) от времени (в днях) в большинстве туристских походов может быть описана в виде параболической функции

$$S_i = bt - at^2 + S_0,$$

где S_i – путь, пройденный за i -ый день похода, км; t – время в днях пути, $t = i - 1$; S_0 – путь, пройденный в первый день похода, км; a, b – коэффициенты, зависящие от графика пути. Например, в условиях стандартного горного похода первой категории сложности с графиком пути по дням 11, 16, 19, 20, 19, 16 км коэффициенты определяются методом выравнивания, и функция $S_i = 6t - t^2 + 11$, где $t = 0$ соответствует первому дню похода, а $t = 5$ – шестому дню похода, а коэффициенты a, b имеют значение 1 и 6, соответственно. В таком случае

$$Q = qP \sum_{i=1}^n S_i = qP \sum_{i=1}^n (6t - at^2 + S_0)_i.$$

В условиях стандартного горного похода первой категории сложности шесть последних слагаемых определяют распределение энергоёмкости пути по дням похода, которое можно иллюстрировать графиком (рис. 2).

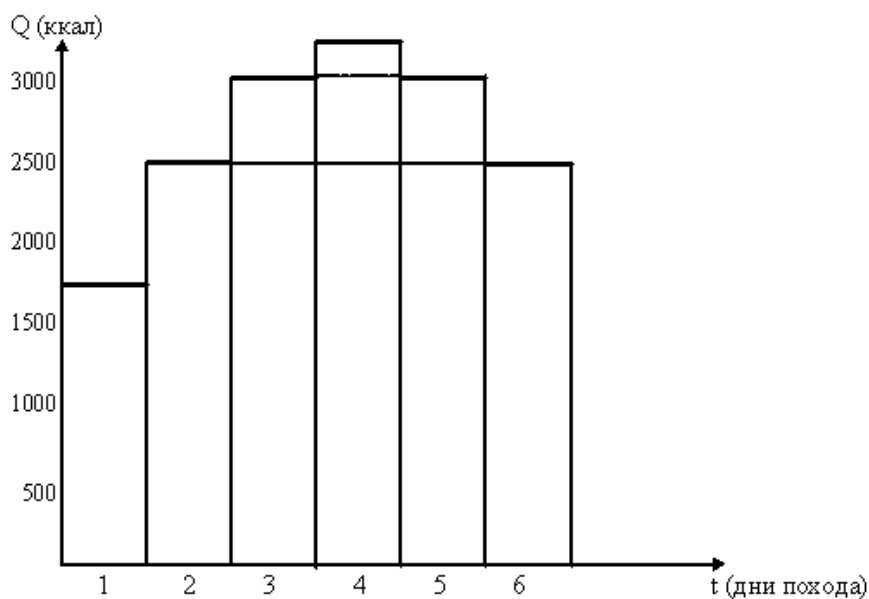

Рис. 2. Распределение энергоёмкости пути по дням стандартного горного похода первой категории сложности

Это распределение можно описать интегральной функцией

$$Q = qP \int_0^t (bt - at^2 + S_0) dt = qP \left(\frac{bt^2}{2} - \frac{at^3}{3} + S_0 t \right) = 1604 \text{ ккал.}$$

Разница в значениях Q , возникшая по причине замены дискретного распределения пути по дням похода на непрерывное функциональное изменение энергоёмкости пути, соответствует погрешности в 1%.

Распределение энергоёмкости по дневным переходам является необходимым, но не достаточным условием управления нагрузочным режимом, так как требуется в условиях дневного перехода изменять интенсивность нагрузочного режима (ИНР). ИНР находится в обратно пропорциональной зависимости от затрат времени на дневной переход. Дневной переход может занимать 5 часов ходового времени, а может быть в два раза больше. Соответственно, ИНР во втором случае будет в два раза меньше. Таким образом, энергоёмкость пути и затраты времени на его преодоление являются необходимыми и достаточными условиями оптимизации нагрузочного режима в туристском походе. Эти условия определяются модельными характеристиками спортивных туристских походов. В любом случае нагрузочный режим в туристском походе можно прогнозировать, им можно управлять и соответственно получать заранее заданные результаты.

Поход любой категории сложности может быть спланирован и осуществлен с энергозатратами, соответствующими физической подготовленности участников. С другой стороны, физическая подготовка участников может быть спланирована и осуществлена исходя из расчетной энергоёмкости пути на основе модельных характеристик похода.

Литература

1. Волович В.Г. Академия выживания. М., Томск, 1995.
2. Федотов Ю.Н., Востоков И.Е. Спортивно-оздоровительный туризм. М.: Советский спорт, 2003.
3. Михайлов Б.А., Федотов Ю.Н. Профессионально-прикладной туризм. СПб: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2002.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЕННЫХ КАФЕДР ПРИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Г. Удин

Создание нового полноценного государственного аппарата, органов управления армией и флотом, офицерского состава, построенного на принципах субординации, дифференциации, регламентирования, независимого от иностранных кадров, не могло произойти, если бы не была создана российская система образования.

Изначально в основу модернизационного процесса закладывалась технократическая идея подчинения человека государственным интересам, социальному и научно-техническому прогрессу. Модернизация России рассматривалась Петром I как «совершенствование» общества, проводимое без основного обязательного условия – свободного развития человека. Становление военно-морского и военного образования охватывает период с 1697 по 1725 годы, в течение которого в России была создана сеть светских учебных заведений, учебные программы и органы управления образованием. В этот же период в России была проведена первая реформа образования. Формирование системы светского образования началось с создания первых образовательных учреждений, которыми стали Навигацкая школа (1701 год) и Инженерная школа (1712 год). Система военно-морского образования создавалась как элемент модернизации страны, для решения задачи подготовки специалистов флота. Подготовка русских офицеров и матросов осуществлялась за границей и в России, а национальная система военно-морского образования формировалась с использованием иностранных специалистов. Для подготовки квалифицированных младших специалистов флота создавались «малые адмиралтейские школы».

В 1715 году в Санкт-Петербурге открывается Морская академия, которая готовила офицеров флота, геодезистов и картографов. В начале XVIII столетия с развитием мореплавания у берегов Восточной Сибири начинают создаваться навигацкие школы Сибири, занимающиеся подготовкой штурманов. В 1752 году указом Елизаветы Петровны академия преобразована в Морской шляхетский кадетский корпус, уравненный в правах с Сухопутным кадетским корпусом. В 1786 году организуется Морское артиллерийское училище, а в 1798 году императорским Указом создаются штурманские училища. В конце XVIII столетия офицеры составляли наиболее образованную часть русского общества. Значительная часть наших офицеров превосходила по общей подготовке западноевропейских офицеров.

К началу XIX столетия система русского военно-морского образования значительно совершенствуется. В условиях надвигающейся угрозы войны с Наполеоном и вторжения в Россию французской армии подготовка офицеров для армии становится одной из важных задач государства. В 1802 году учреждается Министерство народного просвещения, первым Министром которого становится П.В. Завадовский. Несмотря на то, что военно-учебные заведения не вошли в подчинение Министерству, при создании Главного управления училищ – главного совещательного органа Министерства народного просвещения – наряду с ближайшими друзьями Александра I – князем А.Е. Чарторыйским, графом П.А. Строгановым, Н.Н. Новосильцевым, занявшими посты товарищей (заместителей) Министра, в состав его был назначен генерал-майор Ф.И. Клингер, директор 1-го кадетского корпуса. Гимназии расширили спектр учебных заведений, в которых могли подготавливаться будущие офицеры, становясь трамплином в университет, обеспечивая в перспективе обер-офицерский чин. «Войсковые юнкера» зачислялись в полки после сдачи вступительного экзамена. После двухлетней службы и при наличии положительной аттестации они получали офицерский чин. Окончившие

университеты от экзаменов освобождались и имели шестимесячный срок выслуги для получения офицерского чина.

В начале XIX века появляются также в инициативном порядке первые военно-учебные заведения штабной службы. Если во флоте весь офицерский состав подготавливался в военно-морских учебных заведениях, то в армии только от 30 до 40 процентов офицеров получали образование в кадетских корпусах, а затем в военно-учебных заведениях. Основная часть офицеров армии получала образование в учебных заведениях Министерства народного просвещения. В гимназиях и училищах Министерства народного просвещения происходило формирование личности будущих офицеров армии.

В канун Первой мировой войны офицерские кадры для императорской армии готовили 17 общевоинских военных училищ, еще два училища были открыты в 1914 году. Так или иначе, но гражданские заведения никакого отношения к подготовке военных кадров не имели. Когда выпускник гражданского вуза шел исполнять воинскую повинность, первое офицерское звание – прапорщика (тождественное нынешнему младшему лейтенанту) он мог получить лишь после службы вольноопределяющимся, прохождения подготовки и сдачи экзаменов на офицерский чин. Как правило, в кадровом составе этих прапорщиков не оставляли. Военные же училища выпускали полноценных и грамотных (по меркам того времени) офицеров, подпоручиков (звание, аналогичное нынешнему лейтенантскому). Дальнейшее образование давали уже военные академии. Разумеется, во время войны правила соблюсти оказалось невозможно: армии срочно требовались офицеры взамен убитых и раненых, а программа училищ к тому времени уже была трехлетней. Потому и последовали ускоренные выпуски в училищах, а взводных командиров стали готовить школы прапорщиков.

К началу 1918 года практически вся система подготовки офицерских кадров оказалась разрушенной. Во время Гражданской войны никакой нормальной подготовки командного звена ни у одной из противоборствующих сторон быть не могло, хотя формально еще дышали на ладан и училища, и даже академии. Для РККА вопрос остро встал лишь через несколько лет после завершения Гражданской войны, когда пошла речь и о модернизации, и о строительстве относительно современных Вооруженных сил. Тут-то и сказалось все: и гибель огромного количества квалифицированных офицеров во время Первой мировой, и уход немалой части офицеров сначала в ряды белых, а затем и в эмиграцию, и чекистские репрессии, и, главное, политическое недоверие к носителям офицерских традиций императорской армии. Однако пока речь шла о подготовке командиров для кавалерийских, пехотных и артиллерийских частей для относительно небольшой армии середины 1920-х, особых проблем не было – с этим училища РККА справлялись, да и более половины тогдашних командиров имели за спиной немалый боевой опыт. Когда же возникла необходимость в специалистах по технике – авиаторах, танкистах, механиках, инженерах, связистах, железнодорожниках и т.п. – вот тут и пришлось Красной армии обратить свой взор на гражданские заведения: пока развертывались технические военные училища, технических специалистов брать было больше просто неоткуда.

Сначала обладателей нужных военных специальностей без затей призывали в армию, зачисляя в кадровый состав после короткой подготовки. Правда, существовал один источник подготовки начальствующего состава (так раньше назывался командный состав) – военные кафедры при гражданских учебных заведениях. Они появились в 1926 году и готовили офицеров запаса определенного профиля из числа студентов. А лицам, прошедшим военное обучение на них и пожелавшим продолжить учебу в военных училищах, предоставлялась значительная льгота – зачисление без вступительных экзаменов. Реально же система военных кафедр заработала на полную мощь уже после Великой Отечественной войны. И опять же ее основной задачей было подготовить

столько офицеров, чтобы наполнить ими огромную армию военного времени. Ведь планировалось на случай столкновения с США и их союзниками двинуть в бой сотни дивизий численностью 10–15 миллионов человек – никакого кадрового офицерского корпуса на это не хватило бы.

С 1930 года выпускникам гражданских вузов, прошедшим военное обучение, стали присваивать воинские звания среднего начальствующего состава запаса, и они могли поступать на действительную военную службу. А с 13 апреля 1944 года студентам, успешно сдавшим выпускной экзамен по военной подготовке и окончившим вуз, стали сразу присваивать воинское звание офицера запаса. Этот порядок с незначительными изменениями и дополнениями существует и поныне.

После войны потребность в офицерах запаса для комплектования армии в мирное время у нас практически отсутствовала до начала 60-х годов. Карибский кризис привел к резкому усилению гонки вооружений. В срочном порядке стали формироваться воинские части и соединения. В условиях жесткой командно-административной системы проблема их доукомплектования офицерами из запаса не составила особого труда. Определение их на военную службу проводилось в добровольном порядке, в основном в кадровый состав со сроком службы 25 лет, а также и предусматривалась служба в ВС СССР по призыву сроком в 2–3 года.

Во второй половине 80-х годов советская система подготовки офицеров запаса переживала трудные времена. Отмена отсрочки от призыва студентов на службу в Вооруженные силы, обязательность военной подготовки в вузах, низкий статус преподавателей военных кафедр и некоторые другие причины привели к кризису системы подготовки офицерского резерва. Положение обострилось студенческими выступлениями против сложившихся форм и методов военного обучения в высшей школе. Значительная часть профессорско-преподавательского состава университетов и институтов поддержала требование студентов провести срочные реформы. В ноябре 1989 года делегаты Всесоюзного студенческого форума поставили перед руководством страны серьезные вопросы, связанные с деятельностью военных кафедр вузов. Была принята развернутая резолюция форума «О перестройке в области военной подготовки студентов гражданских высших и средних специальных учебных заведений страны». В резолюции содержатся предложения о целесообразности перехода к добровольному военному обучению студентов, подготовке офицеров запаса с учетом их гражданских специальностей, коренном улучшении снабжения военных кафедр, обеспечении учебного процесса современной техникой и оборудованием, материальном стимулировании обучаемых, отмене политзанятий, формировании штата преподавателей на конкурсной основе и т. д.

Срочно были разработаны и введены в действие новые нормативные документы по подготовке офицеров запаса в высшей школе. В их основу заложены следующие принципы: добровольность обучения по программам офицеров запаса, сближение направленности военной подготовки студентов с основными специальностями вузов, развитие материально-технической базы военных кафедр в интересах компьютеризации учебного процесса и внедрения современных методов обучения, повышение качества воспитательной работы с молодежью, привлечение в гражданские вузы молодых офицеров, склонных к научно-педагогической деятельности, и др. Количество военных кафедр и факультетов военного обучения составляло: в 1987 году – 497, а в 1990 году – 441.

По мере стабилизации обстановки надобность в призыве офицеров из запаса вскоре вновь стала снижаться и к 1990 году практически отпала. Но 1993 год вновь изменил ситуацию. Распад СССР привел к тому, что определенная часть военно-учебных заведений оказалась в ближнем зарубежье. Оставшиеся военно-учебные заведения из-за снижения престижности офицерской профессии и уровня материального обеспече-

ния были не в состоянии оперативно удовлетворить потребность Вооруженных Сил в офицерском составе, особенно для замещения офицерских должностей низшего звена.

Кроме того, в условиях формирования в стране рыночной экономики и жесткого лимита средств, выделяемых на развитие системы военного образования, в течение 1993–1996 годов значительно увеличился общий процент (до 35%) отчисляемости курсантов из военно-учебных заведений. Такое положение с ежегодным пополнением армии и флота молодыми офицерами привело к тому, что Министерство обороны было вынуждено искать другие источники комплектования ВС. Но первая попытка комплектования в добровольном порядке на контрактной основе оказалась малоэффективной. И, начиная с 1994 года, реальным источником вновь стал призыв на военную службу на 2 года офицеров запаса из народного хозяйства и непосредственно после окончания гражданских высших учебных заведений.

Теперь призыв осуществляется в соответствии с указами Президента Российской Федерации, которые издаются 1 раз в 2–3 года, а ежегодная потребность определяется кадровыми органами ВС в зависимости от числа конкретных военно-учебных специальностей и, как правило, не превышает 10 процентов от общего количества офицеров запаса призывного возраста (до 27 лет).

С 1992 года по настоящее время численность Вооруженных Сил Российской Федерации сократилась в 2,5 раза, а количество военных образовательных учреждений – на 30%. Количество военных кафедр и факультетов военного обучения составляло: в 1992 году – 252, в 1993 году планировалось оставить 81, а на самом деле, при активном участии ректоров и ученых советов вузов, осталось 241, в 2000 году – 241, в 2001 году – 240. По состоянию на 1 июля 2005 года основными элементами системы военного образования Российской Федерации являются: 16 военных академий, 4 военных университета, 58 военных училищ, 229 военных факультетов и кафедр (проходит обучение 170 тысяч человек по 373 военно-учетным специальностям) образовательных учреждений высшего профессионального образования.

В настоящее время продолжается реформирование военных кафедр в государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. К 2008 году военные кафедры останутся только в 35 государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, в том числе и в Санкт-Петербургском государственном университете информационных технологий, механики и оптики. Кроме традиционных военных кафедр, в 33 государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования будут созданы военно-учебные центры.

Военная кафедра при Санкт-Петербургском государственном университете информационных технологий создана в 1930 году, а в 1996 году она преобразована в факультет военного обучения. За 75 лет своего существования факультет военного обучения подготовил по различным военно-учетным специальностям десятки тысяч квалифицированных офицеров запаса для Военно-морского флота, многие из них служили и продолжают служить на кораблях и в береговых частях Военно-морского флота. С 2003 года факультет военного обучения стал готовить офицеров запаса по различным военно-учетным специальностям и для других видов Вооруженных Сил Российской Федерации. Многие из его выпускников призываются на первичные должности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Выводы

1. Создание и функционирование системы обучения граждан по программам подготовки офицеров запаса в Российской Федерации охватывает по времени четыре периода: первый – с 1926 по 1939 годы; второй – с 1939 по 1944 годы; третий – с 1944 по 1990 годы; четвертый – с 1991 года по настоящее время.

2. Как показал 80-летний опыт, система обучения граждан по программам подготовки офицеров запаса использовалась для:

- подготовки мобилизационного ресурса страны;
- проведения патриотического воспитания студентов;
- подготовки специалистов для военно-промышленного комплекса страны.

3. Оценивая качество подготовки офицеров запаса, следует отметить:

- с конца 90-х годов профессиональный уровень выпускников гражданских вузов по специальностям инженерно-технического и гуманитарного профилей превышает уровень подготовки выпускников высших военно-учебных заведений, особенно при совпадении гражданской и военно-учетной специальностей. Это обусловлено обучением студентов по программам подготовки офицеров запаса (программы – 544-594 часов в зависимости от военно-учетных специальностей), базирующихся на более высоком интеллектуальном уровне студентов, программах высшего профессионального образования (более 7000–8000 часов) и квалификации дипломированного специалиста;
- профессиональный уровень выпускников высших военно-учебных заведений по специальностям командного профиля превышает уровень выпускников данного профиля гражданских вузов с 1926 года по настоящее время.

Литература

1. Быт русской армии XVIII – начала XX века. / Автор–составитель С.В. Карпущенко. М.: Воениздат, 1999.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.
3. Галушко Ю., Колесников А. Школа русского офицерства: Исторический справочник. М.: Инф.-изд. агенство «Русский мир», 1993.
4. Куроедов В.И., Овечкин А.Н. Военно-морская элита России: создание, проблемы и решения. // Кадровая политика. 2001. №2. Русский биографический институт.
5. Овечкин А.Н. Реформа военно-морского образования в условиях глобализации общества. // Морской сборник. 2002. №1.
6. Фильков С.М. Система военной подготовки в гражданских вузах: теория и практика функционирования и совершенствования. М., 2002.

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ РЕЗЕРВА Е.Г. Удин

Комплектование ВМС США офицерским составом для замещения первичных должностей осуществляется выпускниками сети образовательных учреждений трех видов: 20 % будущих офицеров ВМС получают образование в Военно-морском училище (г. Аннаполис); 40 % – на курсах вневойсковой подготовки при гражданских университетах и колледжах страны и 40 % – в кандидатских офицерских школах.

Прием на обучение юношей и девушек, не состоящих в браке, имеющих законченное 12-летнее среднее образование и начальную морскую подготовку в различных морских клубах, школах, союзах, в Военно-морское училище осуществляется в возрасте 17–22 лет. Как правило, в училище поступают выпускники средних школ из числа 20% лучших учеников. Следует отметить стремление государства улучшить общенаучную подготовку выпускников средних школ. Кандидаты на обучение отбираются с особой тщательностью. Например, каждый поступающий в Военно-морское училище должен иметь рекомендацию, подписанную президентом, вице-президентом, членом Конгресса, губернатором штата или другим ответственным должностным лицом, имеющим на это право. На одно вакантное место должностное лицо может дать рекомендации 10 желающим поступить в училище. Вице-президент и члены Конгресса США имеют право ежегодной рекомендации на пять вакантных мест, Президент США – на сто вакантных мест, причем по закону он может резервировать эти места по своему усмотрению для сыновей офицеров, старшинского и рядового состава, прослуживших в вооруженных силах не менее 8 лет, уволенных в отставку или умерших после увольнения. С 1989 года в училище принимаются около 220 человек из национальных меньшинств.

Ежегодно из этого училища выпускается 1000 офицеров, а набирается около 1300–1500 человек. Около 33 % из принятых на обучение отчисляются в основном из-за неуспеваемости и нарушения кодекса чести офицера. И это считается нормой. Общая численность обучающихся в училище на всех курсах составляет около 4500 человек. Срок обучения непосредственно в самом училище составляет четыре года. Цель обучения – подготовка профессиональных офицеров ВМС и морской пехоты.

Логическим завершением четырехгодичного обучения курсантов в училище перед назначением на должность является их практическая профессиональная подготовка в школах родов ВМС продолжительностью от 3–5 и до 15 месяцев в зависимости от специальности. По окончании училища выпускники, обучавшиеся по программе повышенной подготовки, получают высшее образование с присвоением академической степени «бакалавр». Отличительной особенностью образовательного процесса в училище является то, что курсанты (юноши и девушки) занимаются по единым образовательным программам независимо от будущей специальности и рода ВМС при дальнейшем прохождении службы (штурман, связист, инженер-механик, морской летчик, морской пехотинец и т.д.).

По оценке американских специалистов, выпускники училища получают широкое общенаучное образование, которое по качеству в основном соответствует образованию, получаемому бакалаврами в университетах страны. Военно-морское училище является элитным образовательным учреждением, а обучение в нем – престижным. Для выпускников Военно-морского училища наиболее характерными качествами являются высокие стандарты чести и воинское достоинство; высокое профессиональное мастерство; патриотический настрой; преданность флотским традициям.

С начала 90-х годов в Вооруженных силах США начался активный поиск оптимальных структур для сети военных образовательных учреждений и их связи с колледжами и университетами страны; содержательного наполнения военно-профессионального образования; оптимальных сроков обучения; способов финансирования обра-

зования и совершенствования социальной защиты офицеров. Как одно из возможных направлений развития системы военно-морского профессионального образования офицеров ВМС США рассматривается интеграция высшего военного и высшего гражданского образования, которая предусматривает два этапа получения высшего военного профессионального образования. На первом этапе претенденты на замещение офицерских должностей получают образование в гражданских колледжах или университетах с присвоением академической степени «бакалавр», на базе которой в дальнейшем обеспечивается освоение военной профессии и специальности. На втором этапе обучение продолжается в специально созданных военных колледжах со сроком обучения не менее одного года, где обучающиеся получают военные специальности.

Несмотря на происходящие изменения в высшем военно-морском профессиональном образовании, Военно-морскому училищу по-прежнему отводится ведущая роль в подготовке элиты офицерских кадров ВМС США. Программа обучения курсантов в училище включает четыре курса теоретической и практической подготовки. В итоге из четырех лет обучения курсанты один год полностью проводят в морских походах. В общей сложности на профессиональную подготовку отводится около 2000 часов. После окончания училища офицер обязан прослужить не менее пяти лет на действительной военной службе во флоте и не менее одного года – в запасе. Выпускники училища, как следует из многолетней практики, распределяются по родам сил флота следующим образом: корабли – 35–40 %, авиация – 30–35%, морская пехота – 10–15%, другие службы ВМС – 10–15%.

На курсы вневойсковой подготовки в университетах и колледжах зачисляются в добровольном порядке студенты (юноши и девушки), имеющие американское гражданство, годные по состоянию здоровья и морально-политическим качествам для службы в ВМС. Обучение на курсах вневойсковой подготовки организовано на постоянной основе при 60 колледжах и университетах США. Обучение построено таким образом, что занятия на курсах вневойсковой подготовки проводятся по двум различным четырехгодичным программам. Одна из этих программ предназначена для подготовки кадровых офицеров, другая – офицеров резерва. Лица, обучающиеся по программе «кадра», считаются курсантами, состоят на государственном обеспечении и получают ежемесячное денежное содержание. Они заключают контракт с Министерством ВМС, по которому обязуются до конца учебы не вступать в брак, полностью освоить программу обучения, в летнее время проходить практику продолжительностью восемь недель на кораблях и в частях ВМС и, если будет предложено, стать кадровыми офицерами флота или морской пехоты и прослужить не менее четырех лет.

Лица, занимающиеся по программе «резерва», относятся к студентам. Они обязаны в течение четырех лет изучить программу и в процессе обучения в один из летних периодов пройти практику на кораблях или в частях ВМС. Учебная программа составлена так, что на первом и втором курсах студенты должны работать над ее освоением ежедневно по три часа, а на третьем и четвертом курсах – по пять часов. В соответствии с контрактом студенты этих курсов обеспечиваются форменной одеждой и бесплатными учебными пособиями, а на третьем и четвертом курсах получают денежное содержание. При призыве на действительную военную службу такой офицер обязан прослужить не менее трех лет.

Курсанты и студенты, завершившие четырехгодичное обучение, получают академическую степень бакалавра. Выпуск по обеим программам составляет 1800 человек ежегодно. Как показывает опыт, около 1000 выпускников становятся кадровыми офицерами и около 800 – офицерами резерва. Условия позволяют в колледжах и университетах при необходимости значительно увеличивать количество обучающихся студентов и курсантов для ВМС США. Выпускники курсов вневойсковой подготовки перед назначением на должности, как и выпускники Военно-морского училища, обязаны пройти подготовку в школах родов сил в течение трех–пяти месяцев для освоения конкретных специальностей.

В кандидатские офицерские школы зачисляются выпускники вузов, имеющие академическую степень бакалавра, а также рядовой и старшинский состав ВМС, прослуживший на флоте от четырех до шести лет и имеющий среднее образование. Выпускники гражданских вузов, выразившие желание поступить в кандидатскую офицерскую школу, обязательно направляются на двухмесячные курсы начальной военной подготовки при школе. Обучение в школе проводится по специально разработанным программам применительно к составу обучающихся и уровню их образования. Выпускники кандидатских офицерских школ проходят трех- или пятимесячную специальную подготовку по профилю будущей офицерской профессии и специальности в школах родов сил ВМС, как и выпускники Военно-морского училища, а также колледжей и университетов, связавшие свою судьбу со службой в ВМС США. Выпускники кандидатских школ, получившие офицерские звания, обязаны по контракту служить в ВМС от четырех до шести лет. Кроме того, офицерские кандидатские школы являются основным поставщиком офицерского состава ВС США в период мобилизационного развертывания и ведения боевых действий. Подготовка офицеров флота осуществляется в офицерской кандидатской школе ВМС в г. Ньюпорт, штат Вирджиния, в офицерской кандидатской школе авиации ВМС в г. Пенсакола, штат Флорида, а также офицерской кандидатской школе морской пехоты в г. Квонтико, штат Вирджиния.

Для обеспечения продвижения офицеров по службе в ВМС США созданы школы усовершенствования офицерского состава, в которых обучаются офицеры ВМС, прослужившие на флоте после окончания училища пять–семь лет. После этого они назначаются на командные и инженерные должности на кораблях и в частях (типовая должность – командир боевой части и равная ей). Срок обучения в школе – 10 месяцев. По мере продвижения по службе перед назначением на последующие должности офицеры в этих же школах проходят обучение на краткосрочных специализированных курсах продолжительностью от двух недель до четырех месяцев. Это касается, прежде всего, должностей старших помощников и командиров кораблей, флагманских специалистов соединений и приравненных к ним.

Комплектование должностей руководящим составом в ВМС, других видах вооруженных сил, государственных учреждениях и департаментах страны осуществляется выпускниками Военно-морского колледжа США и Университета национальной обороны США. На обучение в указанные военные образовательные учреждения в общем случае принимаются офицеры ВМС, других видов вооруженных сил США в возрасте от 32 до 45 лет, прослужившие на офицерских должностях по окончании Военно-морского училища, колледжей и университетов от 10 до 23 лет в воинских званиях от капитана 3 ранга (майора) до капитана 1 ранга (полковника), а также адмирала (генерала). Кроме того, в этих вузах обучаются представители ряда гражданских ведомств, например Государственного департамента, ЦРУ и др.

Система образования офицерских кадров ВМС Великобритании осуществляется в единой системе с другими видами вооруженных сил. Оно тесно увязано с подготовкой молодежи на флоте и опирается на традиции английского флота. Система образования офицеров английского флота имеет много общего с американской. Учитывая это обстоятельство, рассмотрим наиболее характерные и поучительные стороны британской системы.

Подготовка молодежи к военно-морской службе, в том числе к обучению в военно-морских колледжах, не изменяется уже около ста лет. Морской кадетский корпус, который является основой такой подготовки, берет свое начало с Первой бригады морской лиги мальчиков, сформированной в 1899 году. В этом корпусе занимаются около 22 тыс. учащихся средних школ, а его постоянный состав включает около 1700 офицеров резерва, военных инструкторов и около 1100 гражданских инструкторов. Занятия проводятся 2 раза в конце недели: в первый год – по строевой и стрелковой подготовке, во второй год – по специальной подготовке с практикой на боевых кораблях и парусниках. Воспитанники Морского кадетского корпуса принимаются в военно-морские колледжи без экзаменов.

Обучение офицеров флота для замещения первичных должностей осуществляется в Военно-морском колледже, основанном в 1895 году (г. Дартмут), в Военно-морском инженерном колледже, основанном в 1920 году (г. Плимут), в Военно-научном колледже, Учебном центре на авиабазах авиации ВМС (г. Линтон, Портленд, Колдроз и др.), в Учебном центре морской пехоты (г. Лимисто), а также в системе вневойсковой подготовки в 12 университетах Великобритании. При этом около двух третей кадровых офицеров составляют выпускники военно-морских колледжей и около одной трети – выпускники университетов, пришедшие на флот по контракту.

Военно-морской колледж является основным образовательным учреждением ВМС Великобритании. На обучение в колледж принимаются юноши в возрасте 17–19,5 лет, имеющие английское подданство и среднее 13-летнее образование. В колледж также могут поступать студенты университетов и колледжей на старшие курсы. В течение первых двух лет в нем обучаются будущие офицеры всех специальностей. После окончания Военно-морского колледжа будущие флотские инженеры обучаются в Военно-морском инженерном колледже в течение трех лет по двум направлениям: инженеров-механиков и инженеров-электриков.

Военно-научный колледж среди рассмотренных ранее образовательных учреждений аналога не имеет. Обучение в нем осуществляется по трем направлениям: 1) полный курс обучения офицерского состава, 2) штабные курсы, 3) курсы усовершенствования. По первому направлению обучаются молодые офицеры, проявившие склонность к научной и инженерной деятельности. Срок обучения три года. Обучение организовано по университетским программам бакалавров технических и естественных наук. Большая часть учебного времени отводится на самостоятельные занятия. Конец первого и второго годов обучения завершается письменными экзаменами по изученным дисциплинам. В конце курса – защита дипломного проекта. Второе и третье направления в Военно-научном колледже касаются курсового образования офицерского состава по различным специальностям и служат для подготовки специалистов как по закупкам вооружения и военной техники, так и по ее эксплуатации в ВМС.

Лица, избравшие летные специальности в Военно-морском колледже в городе Дартмут, обучаются в течение трех лет по общим программам. После окончания данного колледжа для дальнейшего обучения и профессиональной подготовки они направляются в учебные центры авиабаз, в которых учеба продолжается в течение двух лет. Общий срок обучения по авиационным специальностям составляет пять лет.

Правила поступления в Учебный центр морской пехоты такие же, как и в Военно-морской колледж. Зачисленным курсантам сразу же присваивается воинское звание второго лейтенанта. Срок обучения в центре два с половиной года.

В отличие от американской системы, допуск к самостоятельному исполнению служебных обязанностей на конкретных должностях все офицеры ВМС Великобритании получают по окончании колледжей на кораблях, в частях и учреждениях. Для этого созданы специальные комиссии, которые принимают экзамены у офицеров. Выпускники Военно-морского колледжа направляются на боевые корабли и начинают службу с исполнения обязанностей вахтенного офицера, офицера суточного дежурства, командира группы какой-нибудь боевой части. При этом им вменяются различные административные обязанности. После сдачи экзаменов молодые офицеры получают удостоверение вахтенных офицеров или офицеров-штурманов, что дает им право на присвоение воинского звания лейтенанта. В дальнейшем эти офицеры служат на кораблях различных классов.

Для продвижения офицеров по службе и при назначении на новые должности создана сеть различных курсов, центров, школ, в том числе и при колледжах по практической профессиональной подготовке и переподготовке. Срок обучения на курсах составляет от нескольких недель до 12 месяцев. Молодые лейтенанты, проявившие себя на службе положительно, направляются на восьминедельные учебные сборы лейтенантов в Военно-морском колледже (г. Гринвич), затем на такой же срок в Военно-морской инженерный колледж. Основной курс эти офицеры проходят на учебном корабле

«Дриада» в течение 35 недель. Окончив эти курсы, офицеры назначаются на должности командиров боевых частей на фрегатах или вахтенных офицеров на более крупных кораблях. После присвоения воинского звания капитана 3 ранга и восьми лет службы в возрасте около 30 лет офицер может рассчитывать на получение должности командира или старшего помощника командира фрегата.

Систематическое образование морских офицеров Франции для замещения первичных должностей началась в 1830 году в Военно-морском училище (г. Брест). К настоящему времени во Франции сложилась своя система образования офицерского состава ВМС, которая только в общих чертах схожа с системами подготовки офицеров в США и Великобритании и включает, кроме названного училища, Офицерскую морскую школу (г. Брест), Техническую школу ВМС (г. Брест), Интендантскую школу (г. Тулон) и Административную школу (г. Шербур).

В Военно-морское училище принимаются юноши, получившие первоначальную военно-морскую подготовку в лицее и имеющее среднее 12-летнее образование. Училище и школы предназначены для обучения офицеров к замещению первичных должностей на флоте. Учеба в училище продолжается в течение четырех лет в два этапа: на первом этапе за два года изучается курс основных учебных дисциплин, а на втором этапе, также в течение двух лет, курсанты учатся в практической школе, размещенной на десантном вертолетоносце «Жанна д'Арк». Основное внимание в ходе учебного процесса сосредоточено на выполнении учащимися обязанностей вахтенного офицера и выработке навыков по применению различных видов оружия. Первокурсники называются кадетами, а второкурсники – гардемаринами. Двухлетний срок обучения завершается выпускным экзаменом с присвоением квалификации морского инженера и воинского звания младшего лейтенанта. После практической двухлетней школы на вертолетоносце «Жанна д'Арк» выпускники направляются на корабли для самостоятельной службы.

Обучение в школах и центрах усовершенствования осуществляется с целью повышения уровня профессиональной подготовки офицеров, обеспечивающего возможность их назначения на новые и более высокие должности. Срок обучения в школах и центрах в зависимости от специальностей составляет от 6 до 10 месяцев. Школы и центры, как правило, работают при высших военно-морских учебных заведениях ВМС.

Перспективные офицеры ВМС Франции, выдвигаемые на руководящую работу, получают образование в Высшей военно-морской школе (г. Париж), в Высшей инженерной школе ВМС и в Высшей технической школе (обе в г. Брест), а также в Институте высших исследований национальной обороны, в Центре высших военных исследований (г. Париж) и Центре высших исследований по вопросам вооружения.

Примечательным явлением для **системы профессионального образования офицерских кадров Германии** является фундаментализация общенаучного, общетехнического и общекультурного образования. Офицеры, получившие такое образование, по мнению руководства страны и вооруженных сил, способны более быстро и легко адаптироваться к социально-политическим, экономическим условиям, новым технологиям, применению современных систем вооружения и военной техники. Таких специалистов легче и дешевле готовить в короткие сроки, переориентировать на новые направления и специальности. Около 90% кадровых офицеров вооруженных сил Германии обучаются в собственных образовательных учреждениях Министерства обороны. Сроки обучения в военных вузах примерно на один–два года больше, чем в рассматриваемых ранее странах.

Военно-морское училище создано в 1956 году (г. Мюрвик). В него принимаются юноши, как правило, получившие начальную военно-морскую подготовку и окончившие лицей или гимназию со сроком обучения 13 лет. В Военно-морском училище обучение проводится по двум программам: полного срока обучения; сокращенного срока обучения. В 1985 году командованием бундсвера было принято решение об увеличении сроков обучения по полным программам с 5 до 6 лет 9 мес. для специалистов корабельной службы и с 5 до 5 лет 9 мес. – технической службы. В срок обучения включа-

ется и стажировка продолжительностью от 6 до 27 месяцев в зависимости от специальности. Выпускникам училища выдается диплом о высшем образовании по избранным специальностям и присваивается звание лейтенанта. Выпускники, получившие образование по программам полного срока обучения, составляют костяк кадрового корпуса, для них возраст предельной службы установлен в 60 лет. Офицеры, обучавшиеся по программам сокращенного срока, служат по контрактам от 4 до 12 лет. Этот контингент офицерского корпуса предназначен для комплектования основного поля первичных должностей в ВМС Германии. Офицеры имеют право на увольнение из вооруженных сил по истечении контракта или по достижении 41 года.

Учеба в военных вузах Германии предусматривает получение гражданских специальностей в интересах обеспечения социальной защиты офицеров по профилю их образования.

По программе сокращенного срока (в течение двух лет) военные специалисты готовятся для замещения должностей командира боевой части катера, командира группы корабля и командира взвода береговой службы.

В ВМС Германии хорошо развита система курсовой профессиональной подготовки военных специалистов различных уровней образования, включая и среднее военное профессиональное. Созданы фактически целые комбинаты, в которых готовят офицеров, старшин и рядовых специалистов. Сроки обучения – от нескольких месяцев до двух лет. К таким военным учебным заведениям относятся Техническая школа ВМС (г. Киль), Школа корабельных двигательных установок, Школа военно-морского оружия (города Эккерфельд, Элленберг), Школа связи ВМС (г. Фленсбург), Военно-морская радиотехническая школа (г. Бремерсхафен), Школа береговой службы (г. Гроссенброд), Школа тыла ВМС (о-в Зильт), Навигационная школа ВМС (г. Бремерсхафен). Назначение этих школ очевидно по их названиям.

Характерной особенностью **системы образования офицеров ВМС Италии** для замещения первичных должностей является совместное профессиональное обучение военных специалистов командного, инженерного и других профилей Военно-морского училища (г. Ливорно) и в университетах страны. В университетах, как правило, в течение трех месяцев осуществляется подготовка офицеров резерва. По ее завершении все офицеры резерва проходят действительную военно-морскую службу в течение 15 месяцев. Только после этой обязательной службы офицеры резерва имеют право заключать контракты с ВМС на продолжение службы. Как правило, контракты возобновляются через каждый год.

Военно-морское училище является основным центром образования офицеров ВМС Италии по всем необходимым флоту специальностям. Основано оно в 1881 году. В училище принимаются после тщательного отбора юноши, окончившие 12-летнюю среднюю школу. Принимается в среднем 16 человек из 100 подавших заявления. Из числа обучающихся около 20% являются иностранцами (в основном из стран Ближнего Востока и Северной Африки). Срок обучения в училище – четыре года.

Выпускники командного профиля Военно-морского училища по его окончании отправляются на корабли и берег, инженерного профиля – в университеты для подготовки и защиты дипломов по специальностям. После окончания учебы в университетах выпускники назначаются на инженерные должности на кораблях и в частях ВМС, а также военно-промышленного комплекса.

ВМС Италии имеет развитую систему курсовой профессиональной подготовки офицерского состава, который функционирует на базе Военно-морского училища и специально созданного учебного центра (г. Таранто). Подготовка и переподготовка офицерского состава проводится по всем специальностям со сроками обучения от нескольких месяцев до одного года.

ВМС Италии имеют собственную Военно-морскую академию (г. Ливорно). В ней получают образование перспективные офицеры, выдвинутые для замещения руководящих должностей на флоте. В академию принимаются лица, окончившие Военно-

морское училище, годовые курсы усовершенствования и имеющие большой опыт службы (около 17 лет).

Организация и содержание **профессионального образования японских морских офицеров** обусловлены постоянно возрастающей ролью флота в системе вооруженных сил страны с национальными традициями и особенностями послевоенного развития. По своей организованной структуре и содержанию военного образования японская система значительно отличается от системы образования офицерских кадров морских держав, рассмотренных ранее.

Основной замысел профессионального образования офицеров флота заключается в следующем: для обучения подобрать наиболее подходящих выпускников аспирантуры, университетов и других гражданских вузов, изъявивших желание служить в ВМС, а также главных старшин и мичманов с большим опытом службы. Дальнейшее профессиональное образование эти кандидаты получают в Кандидатской офицерской школе. Контингент обучающихся в этой школе составляют: 40% – выпускники Академии обороны, которая является обычным университетом с военным уклоном; 25% – выпускники гражданских вузов, кроме технических; 5% – выпускники технических вузов; 30% – главстаршины и мичманы.

Кандидатская офицерская школа расположена на о-ве Этадзима (префектура Хиросима) в бывшей императорской Военно-морской академии и в определенной мере является ее преемницей. Обучение здесь осуществляется на шести отделениях (факультетах). Срок обучения в зависимости от военных специальностей составляет от нескольких месяцев до одного года. Выпускники школы, за исключением женщин, проходят практику на кораблях, получают воинское звание лейтенанта, а лица, закончившие аспирантуру до поступления в Кандидатскую офицерскую школу, – старшего лейтенанта.

В ВМС Японии организована профессиональная практическая подготовка на курсах «лимитированной номенклатуры», где обучаются главные старшины и мичманы с большим опытом службы на флоте. Их готовят, как и выпускников шестого отделения, для замещения низовых офицерских должностей и старшими офицерами они никогда не становятся.

Морские летчики готовятся также из выпускников авиационных гражданских вузов и обучаются на курсах продолжительностью пять-шесть месяцев.

Собственной системы обучения руководящего офицерского состава ВМС Японии не имеют. В основном эта подготовка осуществляется в образовательных учреждениях ВМС США и Великобритании.

Литература

1. Гонтарев Б.А. Технический университет США. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
2. Ерёмин В.П., Загорин Н.Д., Кобзев В.П., Махров Н.В. Военно-морское образование в России. СПб: Наука, 2000.
3. Сборник статей по системе подготовки офицеров ВМС США и Англии. Пер. с англ. и нем. № 4598. М.: МО СССР, 1988.
4. Система подготовки офицерских кадров ВМС США, Японии и Италии. Вып. 1. Л.: ВМА, 1990.
5. Система подготовки офицерских кадров ВМС Великобритании, Франции и ФРГ. Вып. 2. Л.: ВМА, 1990.
6. Потворов В.Л. Некоторые вопросы организации обучения в Военно-морском колледже США. Вып. 16. СПб: ВМА, 1995.

**ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА
В ТОТАЛИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ - ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ (ИНСТИТУТ ЛИДЕРСТВА В ПЕРИОД 30-Х - 40-Х ГОДОВ
XX ВЕКА. И.В. СТАЛИН И А. ГИТЛЕР.)**

В.Ю. Лукьянов

Важнейшая проблема, стоящая перед современной политической наукой – изучение принципов внутреннего устройства тоталитарного государства, его природы. Несмотря на то, что сегодня, в начале XXI века, тоталитаризм, казалось бы, сошел с политической карты мира, актуальность проблемы остается. Связано это с тем, что в области как внутренней, так и внешней политики тоталитаризм усиливает свои позиции в разных странах мира.

Так, во внутренней политике ряда государств СНГ усиливаются тоталитарные тенденции – жесткая централизация власти, сворачивание политических прав и свобод граждан и т.д. С другой стороны, тоталитарные тенденции явно прослеживаются во внешней политике ряда западных государств. В первую очередь это относится к внешней политике США. События последних лет – вторжение войск США и их союзников в Ирак, бомбардировки Югославии, игнорирование роли и значения ООН – свидетельствуют об усилении позиций тоталитарного мышления.

Именно в силу указанных причин изучение проблемы тоталитаризма представляется важной и актуальной задачей. В свою очередь, при рассмотрении темы тоталитаризма, тоталитарной модели государственно-политического устройства, наиболее важным и значимым представляется анализ проблемы политического лидерства в тоталитарном государстве. Именно политический лидер, диктатор, является основой тоталитарной системы, ее главным звеном. Решение указанной задачи, т.е. рассмотрение проблемы политического лидерства в тоталитарном государстве, представляется наиболее перспективным и плодотворным на основе сравнительного анализа деятельности И.В. Сталина и А. Гитлера – двух крупнейших тоталитарных политических лидеров первой половины XX века.

Рассмотрение института политического лидерства в тоталитарном государстве начнем с краткого анализа общих положений. Общеизвестным является тот факт, что специфическим качеством, присущим лидеру именно тоталитарного государства, является универсальный характер его власти. Другими словами, власть лидера в тоталитарном государстве распространяется не только на традиционную, политическую сферу, но также на науку, культуру, спорт и т.д. В этом – его принципиальное отличие от лидера демократического государства, власть которого распространяется только на государственно-политическую сферу.

Другая важнейшая черта, присущая политическому лидеру тоталитарного государства – харизматический характер его власти. Харизматичность можно определить как «веру в богоизбранность или в исключительные качества конкретной личности. Харизма – способность увлекать за собой массы без помощи инструментов власти» [1]. Общество, народ наделяют политического лидера такими качествами, как гениальность, непогрешимость, мудрость и т.д. Важнейшим аспектом харизматического лидерства является то, что в его основе лежит иррациональное восприятие существующей власти. Подчинение харизматическому лидеру обусловлено не рациональным размыш-

лением, следуя которому, общество признает его опыт или профессиональные навыки, а достигается на основе слепой веры.

Нетрудно увидеть, что харизматичность, присущая лидеру тоталитарного государства, логически связана с предыдущим качеством – универсальностью и глобальностью власти тоталитарного лидера. В самом деле, сама возможность обосновать универсальный характер власти лидера тоталитарного государства, его право контролировать не только политическую, но вообще все сферы жизни общества появляется только в том случае, если эта власть харизматична. Именно признание гениальности лидера, его мудрости и непогрешимости предполагает «по определению», что он в равной степени компетентен как в политике, так и в науке, культуре и т.д.

Важно также отметить, что оба названных выше качества – универсальность и харизматичность власти политического лидера тоталитарного государства – логически вытекают из сущности тоталитарной идеологии. Остановимся на рассмотрении данного положения более подробно.

В первую очередь, необходимо кратко остановиться на самом понятии «идеология», на сути данного явления. Изучению проблем идеологии как политического фактора уделялось большое внимание в работах как отечественных, так и зарубежных ученых [2–4]. При всей существующей разнице в трактовках данного понятия, главным качеством идеологии признается ее способность быть своего рода политическим оружием, инструментом, используемым для формирования политической реальности. Главная задача идеологии заключается в том, чтобы путем постановки перед обществом некоей глобальной цели, задачи, решение которой возможно лишь в очень отдаленной перспективе, отмобилизовать ради ее достижения общество, в максимальной степени сплотить его ряды.

В политической системе тоталитарного государства идеология занимает особое, центральное место. Идеология в виде неких абстрактных идей глобального характера берется за основу при формировании политической и экономической модели тоталитаризма. Именно идеология при тоталитаризме, ставя перед обществом цели глобального масштаба, заставляет общество сплотиться, отмобилизоваться для достижения этих целей. Можно сказать, что идеология тоталитарного режима носит особый, «мобилизационный» характер. Вполне понятно, что оптимальной фигурой, центром, объединяющим общество, является именно политический лидер, универсальный характер власти которого как раз подходит для постановки перед обществом и государством глобальных задач.

С другой стороны, принцип иррациональности власти харизматического лидера, о котором говорилось выше, также как нельзя лучше соответствует принципам тоталитарной идеологии. Цели, которые ставит перед обществом идеология в тоталитарном государстве, трудно достижимы, а зачастую и просто утопичны. Критическое, рациональное восприятие этих целей обществом недопустимо, так как оно неизбежно приводит к осознанию их утопичности. Идеология требует от общества именно иррационального, бессознательного принятия поставленных целей. Для решения этой задачи как раз и необходима фигура харизматического лидера. С одной стороны, лидер олицетворяет поставленные идеологией цели, с другой – обожествление лидера обеспечивает некритическое, иррациональное восприятие этих целей обществом.

Общепризнанным фактом является то, что и И.В. Сталин, и А. Гитлер были ярко выраженными харизматическими лидерами. И тот, и другой сосредотачивали в своих руках практически неограниченную власть универсального характера, распространявшуюся на все сферы жизни общества. И в том, и в другом случае власть носила ярко выраженный иррациональный характер. Вера немецкого общества в А. Гитлера, так же как и вера советского – в И.В. Сталина была основана не на рациональной основе – признании их управленческого опыта или профессиональных навыков, а на подсозна-

тельной вере в их гениальность. Оба лидера наделялись такими качествами, как святость, мудрость, непогрешимость. При этом следует отметить, что и в случае с И.В. Сталиным, и в случае с А. Гитлером харизма была гипертрофированна, доведена до предельной формы, получившей название «культ личности». Таким образом, можно выделить два главных качества, присущих власти лидера тоталитарного государства – глобальность и харизматичность.

Логическим продолжением принципов глобальности и харизматичности власти лидера тоталитарного государства является эффект так называемого «тоталитарного прорыва». Рассмотрим данное понятие более подробно.

Теория «тоталитарного прорыва» была предложена американскими политологами З. Бжезинским и К. Фридрихом. Сущность понятия «тоталитарный прорыв» заключается в том, что лидер тоталитарного государства монополизирует право на власть не только в чисто внешнем проявлении, т.е. в виде занятия ключевого поста в системе государственной власти, но и в виде контроля над идеологией. Рано или поздно лидер тоталитарного государства узурпирует право на интерпретацию идеологии. Именно он единолично решает, в чем заключается суть идеологии государства и как ее следует трактовать [5].

Именно это произошло в СССР в конце 20-х – начале 30-х годов. После уничтожения политической оппозиции И.В. Сталин стал не только единоличным лидером государства, не только сосредоточил в своих руках контроль над правящим аппаратом, но и закрепил за собой право единоличной интерпретации марксизма - ленинизма, его "идеологической подгонки" под конкретную ситуацию. Равным образом и А. Гитлер, проводя чистку 1934 года, претендовал на единоличное лидерство в партии и государстве не только в чисто внешнем проявлении - в виде занятия ключевого поста. После уничтожения в 1934 году своих политических противников А. Гитлер стал единственным человеком в НСДАП, который имел право определять, в чем заключается суть идеологии национал - социализма [5].

Данная тенденция, т.е. тенденция к узурпации лидером тоталитарного государства не только власти, но и идеологии, логически вытекает из самой природы тоталитаризма. Как уже говорилось выше, в тоталитарном государстве именно идеология является фундаментом, на котором держится общество и государство практически во всех сферах – в экономике, политике, науке, искусстве. Поэтому претензии лидера тоталитарного государства на то, чтобы стать человеком, за которым закреплено право единоличной интерпретации идеологии, вполне объяснимы.

Следует остановиться на том, что три вышеназванных специфических качества власти лидера тоталитарного государства – глобальность власти, ее харизматичность и «тоталитарный прорыв», претензия лидера на идеологию – логически связаны друг с другом в единое целое. В самом деле, как право контролировать все сферы жизни общества (глобальность), так и обожествление лидера, наделение его выдающимися качествами и способностями (харизматичность) возможны только в том случае, если лидер монополизирует право на идеологию. Именно право лидера на определение идеологии, формулирование тех фундаментальных задач, которые стоят перед обществом и государством во всех сферах их жизни, дает основание для придания его власти глобального и харизматического характера.

Таким образом, можно констатировать, что роль и значение И.В. Сталина и А. Гитлера в государственно-политической системе СССР и Германии были в значительной мере схожи, подчинялись одним и тем же закономерностям и тенденциям развития. Вместе с тем, однако, в положении И.В. Сталина и А. Гитлера как политических лидеров существовало и серьезное отличие. Это отличие заключалось в том, что И.В. Сталин и А. Гитлер, занимая ключевой пост во властной системе тоталитаризма,

по-разному строили свои взаимоотношения с другим важнейшим институтом политической власти тоталитарного государства – правящей политической партией.

Принцип взаимоотношений между политическим лидером и правящей партией тоталитарного государства можно определить как своего рода «конфликтное взаимодействие». С одной стороны, вождь и партия связаны в единое и неразрывное целое. Оба властных института выполняют одну задачу – управление обществом и государством. С другой – между вождем и партией, точнее, высшим партийным аппаратом рано или поздно возникает фундаментальное противоречие, вызванное тем, что и вождь, и партия претендуют на определение политического курса государства. Указанное противоречие вытекает из того, что единственная (она же правящая) партия тоталитарного государства, являющаяся властным монополистом, предъявляет претензии на сосредоточение в своих руках всей полноты политической власти. Однако лидер тоталитарного государства, который в силу своего положения также является властным монополистом, предъявляет те же претензии – на сосредоточение в своих руках всей полноты политической власти в обществе и государстве. Указанное противоречие между лидером и партией является, вероятно основным противоречием тоталитаризма, главным «слабым звеном» всей тоталитарной системы.

Несколько выходя за рамки статьи, следует отметить, что указанное противоречие между харизматическим лидером и правящей партией является противоречием универсального характера, присущем любому тоталитарному режиму. Например, данное противоречие в полной мере проявило себя в СССР в период 50–80-х годов, после смерти И.В. Сталина. Однако в указанный период противоречие было решено в пользу партии (точнее, высшего партийного аппарата, партийной бюрократии). В послесталинском Советском Союзе фигуры политических лидеров – Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева – носят все более декоративный, зависимый характер. Реальная власть все в большей степени сосредотачивается в руках высшего партийного аппарата. Именно это, в конечном итоге, приводит советскую государственно-политическую систему к гибели.

Вернемся, однако, к основной теме статьи – рассмотрению фигур И.В. Сталина и А. Гитлера как политических лидеров. Общеизвестным является тот факт, что в СССР периода 30-х годов XX века И.В. Сталин инициировал практически непрерывные чистки, репрессии, направленные против руководящих кадров не только партии, но также вооруженных сил, промышленности, сельского хозяйства, науки. Связано это было с тем, что в тоталитарном государстве правящая партия является властным институтом, который, так же как и лидер, контролирует не только собственно политическую сферу, но и экономику, науку и т.д. В этих условиях репрессии 30-х годов, направленные против руководителей промышленности или вооруженных сил, были, в первую очередь, репрессиями против партийного руководства.

По иному сценарию развивались события в Германии 30-х годов. Весьма примечательным является тот факт, что в Германии 30-х годов репрессии, направленные против руководства национал-социалистической партии, государственного аппарата, вооруженных сил практически не проводились. Во всяком случае, масштаб репрессий в Германии не шел ни в какое сравнение с масштабом репрессий в СССР. Вместе с тем, существовавший в Германии национал-социалистический режим был внутренне не менее (а возможно даже и более) стабилен и эффективен по сравнению с режимом, существовавшим в СССР в тот же период.

Возникает вполне закономерный вопрос. Если деятельность И.В. Сталина и А. Гитлера как политических лидеров подчинялась одним и тем же закономерностям и если отношения между вождем и аппаратом в Германии и СССР базировались на одних и тех же принципах, то почему в таком случае гитлеровскому режиму удалось избежать чисток партийного аппарата, в то время как в СССР подобного рода чистки были мас-

совым и обыденным явлением? По мнению автора, ответ на этот вопрос следует искать в идеологической плоскости. Можно выделить следующие моменты.

Во-первых, принципиальное отличие национал-социализма и коммунизма лежало в области теоретических доктрин. В основе коммунистической идеологии лежали принципы классического марксизма, т.е. идеи, сформулированные и теоретически разработанные К. Марксом, Ф. Энгельсом, а впоследствии доработанные и в значительной степени переосмысленные В.И. Лениным. В основе теории классического марксизма, т.е. марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, лежали идеи равенства и справедливости, построения общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Что касается теоретического наследия В.И. Ленина, то оно также было достаточно неоднозначно и допускало различные варианты своей интерпретации. Например, особое место в наследии В.И. Ленина занимал принцип так называемого «демократического централизма», касающийся проблем внутреннего устройства партии. Принцип демократического централизма сводился к идее возможности и даже необходимости широкого обсуждения вопросов партийной жизни партийными организациями всех уровней. Любая партийная организация, любой рядовой член партии имеет право открыто обсуждать и даже критиковать решения партийного руководства (в том числе высшего звена – лидера партии и ее высших руководителей), пока эти решения находятся в стадии обсуждения и принятия решения. Обсуждения и критика должны прекратиться лишь после того, как решение принято и утверждено официально – указом, постановлением и т.д. Кроме того, демократический централизм предусматривал возможность и даже необходимость контроля за партийными функционерами всех уровней путем их назначения на какую либо должность и смещения с должности «снизу», т.е. коллективным решением.

На практике это означало, что И.В. Сталин, стремящийся к установлению после смерти В.И. Ленина единоличной власти, диктатуре, оказывался в достаточно сложной ситуации. Проблема заключалась в том, что шаги, предпринимаемые И.В. Сталиным в области конкретной, практической политики, явно противоречили марксистской теории. Так, усиление террора в конце 20-х – начале 30-х годов, свертывание в СССР демократических прав и свобод никак не совпадали с провозглашаемыми К. Марксом и Ф. Энгельсом идеями равенства, справедливости и гуманизма. Курс на внутреннее сплочение партии, подавление и запрет политической оппозиции противоречил ленинскому принципу демократического централизма. Ускоренная коллективизация и индустриализация противоречили проводимому при жизни В.И. Ленина НЭПу, и т.д.

Другим важным обстоятельством, препятствующим монополизации И.В. Сталиным в своих руках как политической власти, так и идеологии, было то, что марксистское учение исключало фигуру харизматического лидера, вождя. Согласно теории марксизма, главной политической силой, определяющей развитие общества, является пролетариат, а главным носителем политической власти – коллективные органы, выражающие интересы пролетариата, в первую очередь, пролетарская партия.

Суть положения лидера коммунистической партии согласно марксистской теории определялась принципом «вождь – функция». Теоретически лидер коммунистической партии выполнял подчиненную, вторичную функцию. Его задача заключалась в том, чтобы, руководствуясь марксистской идеологией, опираясь на пролетарскую партию, интегрировать усилия общества и государства ради защиты интересов пролетариата как наиболее передового и прогрессивного класса общества.

Отсюда следовало, что лидер – не более чем слуга народа и партии. Главная задача лидера – даже не выражение, а скорее озвучивание их воли. Согласно логике классического марксизма, лидер партии был не первым и даже не вторым, а третьим по значимости институтом политической власти. На первом месте стоял пролетариат как наиболее передовой класс общества, на втором – пролетарская партия как орган поли-

тической власти, наиболее полно и адекватно понимающий и защищающий интересы пролетариата, и только на третьем месте – ее лидер.

Именно по этой причине провозглашение И. В. Сталина «великим вождем и учителем» было трудно совместимо с марксистской теорией. Не было возможности, не вступая в противоречие с ней, обосновать идею абсолютной власти вождя.

На практике все это означало, что осуществление упомянутого выше тоталитарного прорыва, т.е. монополизации лидером тоталитарного государства, в данном случае И.В. Сталиным, права на единоличную трактовку идеологии было в значительной степени затруднено. Весьма показательным является тот факт, что процесс борьбы между И.В. Сталиным и противостоящей ему политической оппозицией в период 20–30-х годов носил ярко выраженный идеологический характер. Противостоящие стороны выдвигали друг против друга именно идеологические обвинения. Главным из них было обвинение в отходе от ленинских идей, искажении ленинского учения. «Все формы сопротивления бюрократическим тенденциям в партии и государстве, все фракции, ревизионизмы и уклоны в партии ссылались обычно на ту же самую идеологию, носителем которой выступала партия. Поэтому... всем должно было быть ясно, что никто не имеет право самостоятельно ссылаться ни на конкретные высказывания Маркса. Энгельса, Ленина, ни на внутреннее содержание этой теории. Это право – исключительная принадлежность вождя» [6]. Противостоящие друг другу стороны, таким образом, боролись за право интерпретации идеологии, в данном случае – теоретического наследия В.И. Ленина. Победивший в этой борьбе И.В. Сталин получил право на то, чтобы единолично определять смысл и суть марксистско-ленинской идеологии. Проигравшие квалифицировались именно как политические, идеологические противники, изменники делу марксизма-ленинизма.

После подавления явной политической оппозиции процесс шел по схожему сценарию. Теперь жертвами чисток становились уже в основном не политические противники И.В. Сталина, отстраненные от реальной власти еще в конце 20-х гг., а представители бюрократии, партийного аппарата. Однако логика проведения чисток была та же. Наряду с обвинениями в конкретных преступлениях – диверсиях или вредительстве, подсудимым предъявлялись обвинения чисто политического, идеологического характера – антисоветская агитация, попытки реставрации капитализма в СССР, искажение «линии партии» и т.д. С точки зрения автора все это – не что иное, как иллюстрация принципа «борьбы за идеологию» между вождем и партийно-бюрократическим аппаратом.

Принципиально иной была ситуация в Германии 30-х годов. Специфической чертой лежащей в основе государственно-политического устройства Германии идеологии национал-социализма была ее оторванность от какой-либо теоретической базы, несвязанность теоретическими схемами или ограничениями. Если, как уже говорилось выше, коммунистическая идеология базировалась на теоретических положениях классического марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, а также марксизме в его ленинской интерпретации, то национал-социализм был идеологией личностной, персональной. Понятие «идеология» применительно к национал-социализму целиком и полностью ассоциировалось с А. Гитлером. Именно он сформулировал и теоретически разработал главное положение национал-социалистической идеологии – идею превосходства германской расы, ее право на «завоевание жизненного пространства».

Остановимся на рассмотрении данного положения более подробно. Новизна идей национал-социализма, теоретически обоснованная А. Гитлером в его работе «Майн кампф» (Моя борьба), заключалась, разумеется, не в идее национального превосходства немцев, исключительности германской нации. Подобного рода идеи высказывались и ранее. Так, например, очень широко националистическая пропаганда использовалась в начале XX века – перед началом первой Мировой войны и в ее ходе. Однако в годы

первой Мировой войны термин «германская нация» носил всегерманскую и всенемецкую окраску [7]. Иными словами, понятие «германская нация» трактовалось исключительно как народонаселение германского государства, вне зависимости от расово-этнического происхождения той или иной народности, проживающей на ее территории.

А. Гитлер трансформировал понятие «нация» в расово-биологическую плоскость. Именно народ, понимаемый в расово-биологическом смысле этого слова, был главной движущей силой истории. «Теоретики НСДАП воспринимали народ вне всякого социального содержания, придавая этому термину биологический смысл, предпочитая говорить не столько о народе, сколько о народности, а еще лучше – о народной общности» [8]. В целом же «...германская нация превратилась в народ, понимаемый не как политическая, а всего лишь как этнически-расистская общность» [7]. Нация, таким образом, представляет собой не общность, основанную на политической солидарности, но некую особую расово-этническую элиту. При этом критерии принадлежности к названной расово-этнической элите были крайне неконкретны и лежали в некоей мистической, иррациональной области – «единства духа» и «общности крови». Следует особо отметить, что названный расово-этнический подход к определению понятия нация был переведен национал-социалистическим режимом в область государственного строительства. Так, 15 сентября 1935 года в Германии были приняты так называемые «Расовые законы», суть которых заключалась в том, что «немецкий народ был разделен на граждан рейха немецкой и близкой к нему крови» и ущемленных в правах «подданных государства» [7]. Вышеназванные законы официально закрепляли за немецким народом конституционно-правовой статус общности, основанной на расовом принципе.

Второй принципиально новый и важный момент, который содержался в идеях А. Гитлера и в идеологии национал-социализма – крайний экстремизм, нетерпимость, создание образа врага в лице других наций, все то, что можно определить как «воинствующий национализм». Расово-этническая трактовка понятия нация оторвала от избранной нации, нации элиты определенные группы населения внутри страны, провозглашая курс на лишение их политических прав и свобод или даже физическое уничтожение. В Германии такой группой стали в первую очередь евреи. Вне пределов Германии расово-этническая, элитная трактовка термина нация признавала достойными права на жизнь лишь этнических немцев, обрекая на физическое истребление другие, «неполноценные» нации.

Нетрудно заметить, что оба названных выше момента, сформулированные А. Гитлером в качестве основы национал-социализма, носили не научно-теоретический, а ярко выраженный идеологический характер. В самом деле, такие качества, как иррациональность, присущая расово-этническому толкованию термина «нация», и создание образа врага в лице «неполноценных» наций являлись характеристиками, присущими идеологии.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на такое качество национал-социализма, как умение увязывать в рамках одной доктрины абсолютно разные, зачастую просто противоречащие друг другу идеи. Даже само название гитлеровской партии – национал-социалистическая рабочая партия – весьма показательно. В единое целое увязывались идея национальной исключительности, избранности германской нации и социализм, ориентация на рабочий класс, трудящихся Германии. В теоретическом плане подобные идеи противоречат друг другу. Однако сила национал-социализма как раз и заключалась в том, что он был не теорией, а идеологией. Именно идеологический, спекулятивный подход к политике позволял ему совмещать несовместимые, казалось бы, вещи. На практике подобная беспринципность национал-социализма, эклектичность, ориентация сразу на все слои германского общества максимально расширяла его социальную базу, облегчала национал-социализму приход к власти.

В противоположность национал-социализму, классический марксизм был в первую очередь научной теорией, и только затем – идеологией. В его основе лежала теоретически обоснованная и разработанная в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина теория классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Эти теории по определению сужали социальную базу марксизма, ограничивая ее лишь пролетариатом и исключая при этом другие, «классово чуждые» пролетариату социальные слои – в первую очередь буржуазию, буржуазную интеллигенцию и т.д. Именно это обстоятельство создавало значительные проблемы для партии большевиков после их прихода к власти в 1917 году. Выше уже говорилось о том, что основанный на идеях диктатуры пролетариата и классовой борьбы подход к решению проблем бюрократии привел к резкому снижению эффективности работы бюрократического аппарата, сузил возможность сотрудничества с представителями старого бюрократического аппарата.

Важным было и то обстоятельство, что национал-социализм иначе трактовал роль и значение лидера партии. Если, как уже было сказано, классический марксизм при решении проблемы политического лидерства брал за основу принцип «вождь – функция» то национал-социализм – принцип «вождь – личность». Другими словами, национал-социализм отрицал зависимость лидера как от самой правящей партии, так и от народа.

Причина этого заключалась в самой сути идеологии национал-социализма. Коммунистическая идеология в основе своей содержала логическое, рациональное обоснование политического устройства государства и политического лидерства. Марксизм представлял собой достаточно аргументированную и логически убедительную философско-политическую теорию, в которой ход исторического развития обосновывался классовой борьбой и сменой общественно-политических формаций. Национал-социалистическая идеология провозглашала примат иррационального, мистического. Появление А. Гитлера в качестве политического лидера партии и государства объяснялась не объективными социально-экономическими или политическими факторами, но неким «божественным даром свыше», «избранностью фюрера» и т.д. В целом, «... нет ни фашистской философии, ни фашистской доктрины. Есть мифы, течения, притязания, достаточно разнородные и довольно плохо между собой связанные. Фашизм определенно утверждает примат иррационального и инстинктивного, тогда как коммунизм провозглашает верховенство разума и науки» [9]

На практике это означало, что партийно-бюрократический аппарат гитлеровской Германии имел гораздо меньшее количество оснований и возможностей для «бюрократического творчества», интерпретации идеологии национал-социализма, чем аналогичный аппарат в СССР. Именно по этой причине проблема «борьбы за идеологию» между вождем, А. Гитлером, и партийно-бюрократическим аппаратом национал-социалистической партии Германии никогда не принимала столь острых форм, как в СССР периода 20–30-х годов. Следствием этого стало то обстоятельство, что репрессии в Германии 30-х годов никогда не принимали такого размаха, как в тот же период в СССР. В сущности, единственной акцией подобного рода, которая по своим масштабам могла бы быть сопоставлена с чистками и репрессиями в СССР, стало уничтожение в 1934 году главы СА А. Рема и его ближайших соратников. Однако даже ликвидация Рема и верхушки СА не носила идеологического характера. Против Рема и его окружения не выдвигались обвинения в измене делу национал-социализма и не устраивался публичный политический процесс.

Таким образом, сопоставление роли и значения института политического лидерства в Германии и СССР периода 30-х годов позволяет сделать следующие выводы.

Свобода национал-социалистического режима от теоретических доктрин, и, самое главное, «авторский» характер идеологии национал-социализма, связанный с А. Гитлером, позволял укрепить связи политического лидера и партийного и государственного аппаратов, избегать массовых чисток. С другой стороны, зависимость совет-

ской государственно-политической системы от теорий классического марксизма и ленинизма создавала возможность для появления политической оппозиции, интерпретации марксистской идеологии как лидером государства, так и партийной бюрократией. Практическим следствием этого стало проведение И.В. Сталиным политики массовых чисток, репрессий, направленных против партийно-бюрократического аппарата.

В целом же, основное различие в положении А. Гитлера и И.В. Сталина как двух крупнейших тоталитарных лидеров первой половины XX века заключалось в том, что «культ Гитлера был гораздо более непосредственным. В культе Сталина в СССР не было спонтанности. Массированная и детально разработанная пропагандистская компания создавала культ вождя... окружение Гитлера, народ, верили в его провидческий дар, в то время как Сталина зачастую просто боялись» [10]. Иными словами, власть Гитлера над государством, партией и обществом в Германии периода 30-х годов была более прямой, непосредственной и более полной, чем власть И.В. Сталина над теми же политическими структурами в СССР.

Литература

1. Мухаев Р.Т. Политология. / Учебник для студентов вузов. М., 2003. С. 118
2. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003.
3. Ясперс. К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
4. Arendt H. The origins of totalitarianism. San-Diego, 1979.
5. Friedrich C.J. Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge, 1956. 295 р.
6. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов Н/Д, 1989. 238 с.
7. Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб, 2003. 267 с.
8. Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал - социализма и ее крах: идейно политические проблемы. Екатеринбург, 1998. 17 с.
9. Дюверже М. Политические партии. М., 2002.
10. Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон. 372 с.

ПОНЯТИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВОВ

А.С. Смирнов

Имущественные права, в первую очередь, право собственности и другие вещные права в предпринимательской деятельности производственных кооперативов – одни из основных, поэтому механизм их защиты – одно из условий нормальной деятельности производственных кооперативов как субъектов предпринимательской деятельности и развития предпринимательства в Российской Федерации в целом.

Механизм защиты права собственности приводится в действие при помощи конкретных методов правового регулирования, выбор которых зависит в каждом конкретном случае от цели защиты права собственности. Реализация стабильности гражданских прав и экономических интересов производственных кооперативов, участников коммерческого оборота, может быть гарантирована не только путем закрепления за ними соответствующей частной собственности на имущественные права, но и посредством предоставления дополнительных юридических возможностей, которые состоят в применении правоохранительных мер, направленных на принудительное исполнение обязанностей в случае уклонения обязанного субъекта от должного поведения. И если правовая охрана отношений производственных кооперативов в товарном обороте осуществляется с разной степенью интенсивности практически всеми отраслями права с применением норм, обеспечивающих нормальное и беспрепятственное развитие коммерческого оборота, то названные меры применяются в связи с совершением против этих отношений действий, называемых правонарушениями.

Данное обстоятельство применительно к охране отношений особо использовалось в советский период, когда существовал жесткий контроль государства над всеми отраслями экономики, признающий за ней универсальные качества одного из важнейших механизмов защиты права, понимаемой как направление правового воздействия, нацеленное на охрану господствующих общественных отношений и их неприкосновенность¹.

Это нашло свое отражение в ст. 5 ГК РСФСР 1964 г., согласно которой гражданские права охранялись законом, за исключением случаев, когда они осуществлялись в противоречии с назначением права. Названная норма была посвящена осуществлению гражданских прав, что являлось свидетельством того, что законодатель в ГК РСФСР 1964 г. использовал категорию охраны в широком значении.

С принятием Закона СССР «О кооперации в СССР»², с появлением первых признаков коммерции понятие охраны, используемое в отмеченных выше смыслах, трансформировалось в две относительно самостоятельные категории, получившие большое количество разнообразных интерпретаций. Это категории «охраны» и «защиты». Охранительная функция, так же как и другие, опирается на весь комплекс правовых норм и правовой деятельности, поскольку установление любого правила поведения содержит в себе требование к участникам общественных отношений действовать в соответствии с этими правилами. Исходя из этого, основное назначение охранительной функции – предотвращение правонарушений и других социальных отклонений (В.П. Казимирчук, С.В. Боботов)³ и даже вытеснение отношений, чуждых данному строю (В.И. Гойман,

¹ Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С.90; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 193; Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. М., 1981. Т.1. С. 191-193.

² ВВС СССР. 1988. №22. Ст.355.

³ Правовая система социализма. Кн.2 Функционирование и развитие / Отв. ред. А.М. Васильев. М., 1987. С.31.

Т.Н. Радько)⁴. В соответствии с таким подходом категорию охраны следует рассматривать в качестве универсального и пригодного механизма правового воздействия на общественные отношения как при отсутствии правонарушений, так и при нарушении чьих-либо прав и охраняемых законом интересов.

С переходом России к рыночным отношениям, принятием нового Гражданского кодекса в регулирующих те же правоотношения, что и в ст. 5 ГК РСФСР 1964 г., ст. 9 и 10 ГК РФ указание на охрану прав уже отсутствует. Охрана субъективных прав не упоминается и в других нормах ГК РФ. Это является свидетельством того, что законодателью в ГК РФ очевиднее стало понимание механизма защиты в виде процедуры, обеспечивающего восстановление нарушенного права.

Вместе с тем ряд ученых, признавая за категорией охраны качества универсального атрибута функционирования правовой системы в целом, при рассмотрении более узкого аспекта реализации правовых норм полагает, что под охраной в праве должно пониматься: регулирование прав вообще, с включением сюда и защиты прав, реализация категории «обеспечение», осуществляемая в формах превенции, охраны, защиты, ответственности, применяемых отдельно или в сочетании⁵.

Присутствие в ГК РФ норм, регулирующих обеспечительные обязательства, подтверждает то, что охрана и защита обладают набором очевидных и неоспоримых различий. Между тем характер различий не позволяет считать защиту самостоятельным правовым явлением по отношению к охране. В качестве превентивной меры охрана может предостерегать производственный кооператив как обязанное лицо от ненадлежащего поведения.

Хотя само понятие защиты известно отечественной гражданско-правовой доктрине достаточно давно, его детальное исследование в цивилистической науке до недавнего времени практически не предпринималось. Использование термина «защита гражданских прав» в правовой науке, юридической литературе и официальных документах осуществлялось без детального анализа сущности самой правовой категории «защиты» как термина общеупотребительного, но не имевшего специального материально-правового значения. Данная ситуация, безусловно, не способствовала правовой разработке механизма защиты гражданских прав, всестороннему анализу составляющих его элементов.

Вместе с тем осознание того, что «защита гражданских, в том числе коммерческих (торговых, хозяйственных, предпринимательских, экономических) прав является важнейшей предпосылкой нормального развития свободного рынка»⁶, должно стать основой будущего детального изучения и анализа данного правового института, определения его роли и места в системе науки гражданского права, разработке проблем сущности защиты и механизма ее реализации.

Для более правильного понимания сущности механизма защиты права собственности производственных кооперативов, прежде всего, необходимо попытаться сформулировать определение самой категории защиты. В научной и учебной литературе высказано несколько позиций по данному вопросу.

Отдельные ученые усматривают в защите общую функцию, осуществляемую путем применения компетентным органом любых гражданско-правовых санкций («теория функции»)⁷. Другие определяют защиту как предусмотренную законом для борьбы с

⁴ Общая теория права и государства: Учебник // Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 100.

⁵ Ойгензихт В.А. Формы обеспечения интересов субъектов гражданских правоотношений // Осуществление и защита гражданских и трудовых прав. Краснодар, 1989. С.20.

⁶ Вершинин А.П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб., 1997. С.8.

⁷ Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер, Свердловск, 1980. С.39.

правонарушениями систему мер («теория мер»)⁸. Третьи понимают под защитой деятельность управомоченного или компетентных органов по устранению препятствий на пути осуществления субъектами своих прав («теория деятельности»)⁹.

Последняя позиция является в настоящее время господствующей в юридической литературе. В обоснование ее преимуществ обычно ссылаются на то, что определение понятия «защита» через категорию «деятельность» «придает субъектам защиты характер активных действий по реализации права на защиту»¹⁰, дает возможность более точно установить основания и цели защиты, проанализировать отдельные виды действий по защите права собственности производственных кооперативов, а также выявить их взаимосвязь и единство.

Соглашаясь, в принципе, с подобными утверждениями, заметим, что сама «теория деятельности» основывается на некоей категориальной подмене – вместо понятия «защита» фактически анализируется понятие «реализация (осуществление) защиты». И хотя все существенные черты защиты права собственности производственных кооперативов проявляются только при ее осуществлении, а действительность защиты определяется именно возможностью ее реализации, определение правовой категории «защиты» требует ее анализа и в статическом состоянии. В этом плане более предпочтительной представляется «теория мер».

Таким образом, под защитой права собственности производственных кооперативов понимается опирающаяся на государственное принуждение система мер, предусмотренных законом, направленных на неприкосновенность права, его осуществимость и ликвидацию последствий его нарушения.

Очевидными особенностями обладает процедура принуждения производственного кооператива как обязанного лица к устранению последствий противоправного поведения. В случаях восстановления нарушенного права с использованием полномочий юрисдикционных органов осуществление защиты права собственности производственных кооперативов производится по строго регламентированным правилам. Оно подразделяется на два этапа, первый из которых включает установление обстоятельств правонарушения в отношении производственного кооператива и принятие решения о применении предложенного потерпевшей стороной способа защиты, второй заключается в принудительном исполнении вынесенного решения в пользу производственного кооператива с использованием властных полномочий государственных органов и применении мер принуждения.

Исследование категории «защиты права собственности производственных кооперативов» предполагает выяснение содержания ряда взаимосвязанных понятий, и в первую очередь, понятия «права на защиту производственного кооператива».

Последнее, в самом общем виде, можно определить как предоставленную производственному кооперативу, как управомоченному лицу, возможность применения мер правоохранительного характера для восстановления своего нарушенного (оспариваемого) права. Предпринимаемые меры, которые направляются на восстановление нарушенного (оспариваемого) права собственности производственного кооператива, несут в себе охранительную (защитную) функцию, а сама юридически обеспеченная возможность их применения производственным кооперативом является субъективным гражданским правом на защиту.

В самом общем виде субъективные права подразделяются на имущественные и

⁸ Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Указ. соч. С.3; Советское гражданское право: Учебник. Ч.1. Изд-е 2-е, исправленное и доп. / Под ред. В.Т. Смирнова, Ю.К. Толстого, А.К. Юрченко. Л., 1982. С.190.

⁹ Арефьев Г.П. Понятие защиты субъективных прав // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Калинин, 1982. С.19.

¹⁰ Крашенинников Е.А., Шевченко А.С. Охранительные правоотношения и защита гражданских прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. Владивосток, 1989. С.48.

неимущественные, т.е. деление проводится на основании связанности с производственным кооперативом и исходя из содержания общественного отношения. В зависимости от связи участников гражданского правоотношения – на абсолютные и относительные, в зависимости от особенностей осуществления – на вещные и обязательственные.

По признаку функциональной направленности гражданско-правового регулирования субъективные права подразделяются на регулятивные и охранительные¹¹.

Регулятивные субъективные права порождаются правомерными действиями и призваны опосредовать нормальное развертывание упорядочиваемых процессов. Поэтому ни одно из них не может быть реализовано помимо и против воли производственного кооператива как обязанного лица.

По мнению С.С. Алексеева, отношения, обеспеченные нормами, предусматривающими общие и конкретные субъективные юридические права и обязанности, являются регулятивными правоотношениями, в то время как охранительные правоотношения содержат нормы, выполняющие охранительную функцию. Охранительные нормы обеспечивают защиту субъективного права и предусматривают меры юридической ответственности¹². Такое суждение, фактически утверждающее, что осуществление защиты права происходит в охранительных правоотношениях и только на базе охранительных норм, разделяется не всеми учеными. В юридической литературе возможность защиты права исключительно в границах охранительных правоотношений ставится под сомнение. При этом высказывается мнение, что защита права может осуществляться в рамках охранительных правоотношений только тогда, когда к правонарушителю применяются меры ответственности, если же защита не связана с возникновением новых, по сравнению с регулятивными правоотношениями, прав и обязанностей, то защита нарушенного права происходит в сфере действия регулятивных правоотношений¹³.

В этой связи охранительное субъективное право производственных кооперативов – это вытекающая из охранительной правовой нормы возможность определенного поведения производственного кооператива в конфликтной ситуации, предоставленная ему в целях защиты регулятивного субъективного права и охраняемого законом интереса.

Какой-либо условный перечень видов субъективных прав при таких ситуациях определить невозможно, поскольку они обуславливаются многочисленными факторами, имеющими свои специфические черты и содержание.

Вместе с тем очевидно, что удельный вес абсолютных, а также охранительных гражданских правоотношений является преобладающим. Это обусловлено, прежде всего, тем, что большая часть отношений производственных кооперативов складывается в рамках деликтных обязательств.

Независимо от того, осуществляется ли право на защиту в добровольном или принудительном в отношении права собственности производственных кооперативов, как обязанного лица, порядке, опосредуется или непосредственно его осуществление деятельностью юрисдикционного органа, защита регулятивных субъективных прав производственных кооперативов всегда протекает в рамках охранительных гражданских правоотношений.

Являясь самостоятельным субъективным гражданским правом, право на защиту производственного кооператива не может выступать в роли составного элемента либо

¹¹ Такая дифференциация в цивилистической науке единодушно принята не была. Отмечалось, что и регулятивные охраняют, и охранительные регулируют. Подробнее об этом см.: Варул П.А. К проблеме охранительных гражданских правоотношений // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав. Сб. науч. трудов. Ярославль, 1988. С.35-38.

¹² Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 107-108.

¹³ Стоякин Г.Я. Понятие защиты гражданских прав // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 32-33; Варул П.А. К проблеме охранительных гражданских правоотношений. Ярославль, 1988. С.36.

особой стадии развития охраняемого им субъективного права. Так, например, vindикационное притязание производственного кооператива не может выступать в качестве составного элемента охраняемого им права, ибо то право возникает из различных юридических фактов, обладает различными юридическими свойствами.

Право на защиту в юридической литературе рассматривается как совокупность ряда возможностей управомоченного лица, включая возможность требовать определенного поведения обязанного лица и возможность обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием защиты нарушенного или оспариваемого права¹⁴.

Нет сомнений в том, что всякое право, а значит и право на защиту производственного кооператива, представляет собой меру возможного поведения его носителя. Между тем это лишь одна грань правоотношения, возникающего на основе защиты права собственности производственных кооперативов. Субъективное право производственных кооперативов не может возникать, осуществляться и прекращаться, если ему не противостоит конкретная обязанность производственного кооператива, появляющаяся одновременно с этим правом, сопровождающая его на протяжении всего периода существования права. Наличие обладателя права предполагает присутствие производственного кооператива как обязанного лица, при этом и управомоченное и обязанное лицо действуют в пределах, определенных законом. Производственный кооператив как субъект правоотношений, реализуя принадлежащее ему право, на практике вынужден конструировать линию своих поступков, не допуская злоупотребления правом и не выходя за рамки правомерного поведения.

Именно по этой причине восприятие защиты права собственности производственных кооперативов через призму возможностей, возникающих у потерпевшей стороны, представляется неполным. Оно отдает приоритет субъективной стороне исследуемого явления, упуская из виду другие, не менее значимые и проблемные аспекты темы такие как содержание и характер предмета защиты, ее временные и пространственные пределы, поведение других участников спорного правоотношения и его значение для разрешения конфликта. Помимо того, отождествление защиты права собственности производственных кооперативов как самостоятельного правового явления с правом на защиту фактически исключает дискуссию о квалификации возможности, появляющейся после нарушения права. Между тем вопрос о том, какова природа правомочий производственного кооператива как потерпевшей стороны, законодателем не разрешен и продолжает оставаться дискуссионным.

При применении охранительной нормы производственным кооперативом в конфликтной ситуации она всегда выступает нормой, обеспечивающей защиту права собственности производственных кооперативов. И наоборот, правовая норма, используемая правоприменительным органом для разрешения возникшего гражданского спора, не всегда включает санкцию, наличие которой, как считает С.С. Алексеев¹⁵, служит обязательным признаком охранительной нормы. В широком смысле востребование таких норм может рассматриваться и в качестве охраны, поскольку в конечном счете обеспечивается не только устранение последствий посягательства, но и возможность восстановления права, однако наличие своеобразия в возложении обязанности и сам ее характер делают необходимым разграничение рассматриваемых категорий.

Охрана не обязательно определяется поведением производственных кооперативов в гражданском обороте. Она может включать предупреждающее воздействие обязательных обязательств, появляющееся по воле производственного кооператива, как участника обязательства, а также независимые от нее усмотрения возможности принуждения к надлежащему исполнению и требования по восстановлению нарушенного права.

¹⁴ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 9.

¹⁵ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 67.

В последнее время вопрос о защите охраняемых законом интересов подвергается анализу с позиций разграничения субъективных прав на регулятивные и охранительные¹⁶.

Во многих случаях факт нарушения права приводит только к прекращению его существования. В таких случаях право не защищается, так как его нет. Но сама по себе защита не исключается, а значит всегда есть то, что защищается. В таких случаях закон имеет в виду защиту охраняемых законом интересов.

Стало быть, у защиты производственного кооператива существуют свои, специфические признаки, позволяющие выделить ее из числа других институтов гражданского права. Основных признаков, как следует из проведенного анализа – четыре.

Первый признак образует правоприменительная деятельность, проводимая юрисдикционными органами или самим производственным кооперативом, и особая процедура проведения мероприятий по пресечению посягательства на субъективное право производственного кооператива.

Второй заключается в той цели восстановления нарушенного или оспоренного права производственного кооператива, ради которой эта деятельность осуществляется.

В роли третьего признака выступает правонарушение, являющееся юридическим фактом, формирующим правоотношения по защите и обязанность устранения последствий посягательства на производственный кооператив.

Четвертый признак проявляется через обязательное присутствие конкретного субъекта правоотношения, допустившего посягательство в отношении собственности производственного кооператива, к которому обращена правоприменительная деятельность и для которого принимаемые юрисдикционные акты обладают обязательной силой.

Следовательно, охранительное субъективное гражданское право производственных кооперативов не может быть нарушено, так как выражает защиту производственных кооперативов, появившуюся в результате нарушения. Значит, нарушаются только регулятивные права производственных кооперативов.

При нарушении регулятивного права оно либо становится неспособным к реализации до своего восстановления, либо вообще прекращает свое существование. В этом случае регулятивное правоотношение перестает существовать как таковое, а значит объект защиты следует искать в сфере охранительного.

Как и любая другая правовая категория, защита субъективных гражданских прав производственных кооперативов имеет свое дальнейшее проявление. В теории и практике традиционно в этой связи используются и иногда без четкого разграничения такие понятия, как формы защиты, средства защиты и способы защиты производственных кооперативов. При этом оказываются задействованными различные, не всегда смежные институты и отрасли права, которые никоим образом структурно не соединены.

В целях единого юридического толкования следует определиться с указанными категориями.

Комплекс внутренних согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав, протекающих в рамках единого правового режима, представляет собой форму защиты¹⁷.

Исходя из деления субъективных прав на регулятивные и охранительные, право на защиту можно рассматривать и как самостоятельное субъективное право, обладающее специфическим содержанием¹⁸.

¹⁶ Вопросы теории охраняемых законом интересов. Ярославль, 1990. С.3,8-10; Проблемы защиты охраняемых законом интересов. Ярославль, 1990. С.13.

¹⁷ В.В.Бутнев. К понятию механизма защиты субъективных прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. Владивосток, 1989.

¹⁸ Гражданское право / Под ред. Е.А.Суханова. Т.1. М., 1993. С. 160.

Относительно степени самостоятельности категории субъективных прав на защиту существуют две господствующие группы юридических воззрений. В соответствии с первой из них право на защиту заложено в содержании самого субъективного права, понимаемого как единство трех возможностей (правомочий):

- правомочия требования, представляющего собой возможность требовать от обязанного субъекта исполнения возложенных на него обязанностей;
- правомочия на собственные действия, означающего возможность самостоятельного совершения субъектом фактических и юридически значимых действий;
- правомочия на защиту, выступающего в качестве возможности использования или требования использования государственно-принудительных мер в случае нарушения субъективного права¹⁹.

Последняя из возможностей и представляет собой определенную меру защиты субъективного права от нарушения.

Несколько иной точки зрения относительно субъективного права на защиту придерживается группа ученых, признающих данное право в качестве самостоятельной (не входящей в содержание любого субъективного права) категории, выступающей в виде правовой возможности, появляющейся у обладателя регулятивного гражданского права в момент нарушения или оспаривания последнего²⁰.

Исходя из вышесказанного, подход к содержанию возможностей производственного кооператива как управомоченного субъекта в процессе осуществления субъективного права на защиту можно определить комплексом норм гражданского материального и процессуального права, устанавливающих помимо содержания и оснований применения правоохранительной меры, круг субъектов, уполномоченных на ее применение, процессуальный и процедурный порядок ее применения, материально-правовые и процессуальные права субъектов, по отношению к которым производственный кооператив применяет данную меру.

Некоторые ученые считают, что право на защиту представляет собой самостоятельное охранительное субъективное гражданское право²¹. Это право появляется у обладателя регулятивного гражданского права в момент нарушения или оспаривания последнего и реализуется в рамках возникающего при этом охранительного гражданского правоотношения²².

В том смысле, в каком и «защита», и «охрана» при этом использованы – это всегда правовая процедура устранения последствий посягательства в отношении права собственности производственных кооперативов. В первом случае – на субъективное гражданское право, во втором – на законный интерес.

Наличие законного интереса объясняется многообразием потребностей субъектов гражданского оборота, уровнем экономических возможностей государства, не способного охватить и закрепить их юридически в качестве субъективных прав. Статус субъективных прав получают только наиболее существенные, общественно значимые, типичные законные интересы. Если бы право выражало и регламентировало все интересы личности в особых нормах, то оно представляло бы собой чрезвычайно сложную, не-

¹⁹ Гражданское право: Учебник В 2 т. / Отв. ред. проф. Е.А.Суханов. М., 1998. Т. 1. С. 92.

²⁰ Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1996. Ч.1. С. 241.

²¹ Крашенинников Е.А. Структура субъективного права и право на защиту. С.73-82; Варул П.А. О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987. С.21,24; Бутнев В.В. Понятие субъективного права // Философские проблемы субъективного права. Ярославль, 1990. С.11; Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Ч.1. С.241 (автор – А.П. Сергеев).

²² Варул П. А. К проблеме охранительных гражданских правоотношений // Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав. Ярославль, 1988. С.32-40.

обозримую и мало пригодную для практических целей систему²³.

Категорию «интерес» ГК РФ использует в различных словосочетаниях: «законный интерес» (ст. 1), «охраняемые законом интересы» (ст. 13, 152, 222), а также «защищать интересы» (ст. 36), «нарушает права и интересы» (ст. 293, 687), «общественные интересы» (ст. 566) и т.п. При этом ни одна из норм ГК РФ не раскрывает содержание интереса.

В цивилистической литературе встречается несколько различающихся между собой определений интереса. Одни ученые понимают интерес как желание получить определенный благоприятный результат от своих действий, а в условиях рынка – прибыль; интерес, по их мнению, является необходимой предпосылкой возникновения и осуществления гражданских прав²⁴.

Другие рассматривали охраняемый законом интерес как законный интерес, т.е. социальный интерес, получивший признание со стороны закона и вытекающий из материального регулятивного права²⁵. При этом указывается, что основным критерием юридически значимого интереса всегда выступает наличие материально-правовых отношений между юридическими лицами и одним из субъектов спорного правоотношения²⁶. В юридической литературе высказано также мнение, согласно которому систематическое признание судебной практикой законного интереса свидетельствует о процессе формирования соответствующего субъективного права в силу того, что этот законный интерес приобретает достаточно высокий уровень общезначимости.

В приведенных высказываниях особенно важны для понимания правовой природы законного интереса права собственности производственного кооператива суждения о его связи с материальным правом и о том, в какой мере наличие законного интереса у одного участника (производственного кооператива) оказывает воздействие на правовое поведение другого участника правоотношений.

Законный интерес производственного кооператива, будучи наделенным правовой формой, не может выступать в виде простого стремления, не обеспеченного требованиями по надлежащему поведению тех субъектов гражданского оборота, от которых может зависеть его реализация. Исследуя проблему законного интереса производственного кооператива, надо помнить, что в качестве предмета защиты законный интерес может функционировать только в пределах гражданских и гражданско-процессуальных правоотношений производственного кооператива. Учение же о гражданских правоотношениях не предусматривает в их содержании, помимо субъективных прав и обязанностей, такого компонента, как законный интерес.

Законный интерес производственного кооператива может стать элементом гражданских правоотношений только при условии, если он будет связан с субъективными правами производственного кооператива либо станет их составной частью. Не все законные интересы производственного кооператива могут быть удовлетворены из-за отсутствия экономических возможностей государства и самого производственного кооператива, как участника гражданского оборота, потому не всякий интерес рассматривается как субъективное право. В то же время экономически и организационно обеспеченные интересы приобретают свойство субъективных прав в случае совершения сделок производственным кооперативом.

Одновременно современное гражданское законодательство допускает существо-

²³ Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. №1. С.29.

²⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) / Под ред. О.Н. Садикова М., 1997. С.15.

²⁵ Крашенинников Е.А., Лисова Т.Н. Заметки об охраняемых законом интересах // Вопросы теории охраняемых законом интересов. Ярославль, 1990. С.3-5.

²⁶ Колобов В.Ю. О критериях юридической заинтересованности граждан и организаций, участвующих в процессе в качестве третьих лиц без самостоятельных требований на предмет спора // Спор о праве, регулятивные и охранительные нормы. Ярославль, 1983. С.111.

вание правоотношений, в которых законный интерес производственного кооператива может обуславливаться потребностью в субъективном праве и проявляться в форме устремлений к приобретению и обладанию правом. Намерение производственного кооператива стать обладателем субъективного права и сопровождающее его требование определенного поведения, адресованное другим субъектам гражданского оборота, находя воплощение в нормах объективного права, создают ситуацию, в которой потребность производственного кооператива в праве уже реализуется как юридически значимый интерес, подлежащий защите.

Защита законного интереса производственных кооперативов возможна с использованием не только регулятивных, но и охранительных норм. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что содержанием предмета защиты права собственности производственного кооператива выступает либо материальное право, либо право и законный интерес производственного кооператива, основанный на праве, а также неотчуждаемые права, свободы и другие нематериальные блага производственного кооператива.

Однако, как это следует из ст. 11 ГК РФ, защиту производственного кооператива законодатель увязал только с противодействием неправомерным действиям обязанного лица, которые уже совершены или могут быть совершены, и ими ущемлены либо поставлены под угрозу субъективные права и интересы производственного кооператива. Она содержит лишь те, предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание гражданских прав при их нарушении или оспаривании, и является более узким понятием, чем охрана. Такой подход во многом предопределен современными условиями, когда судебная форма защиты производственного кооператива стала универсальной для разрешения споров практически во всех сферах общественной жизни.

В результате правонарушения в отношении производственного кооператива у него возникает право на защиту как разновидность охранительного права, которое невозможно без наличия определенных, предусмотренных законом условий, совокупность которых образует состав гражданского правонарушения.

Российская наука гражданского права издавна изучает проблемы правонарушения. И хотя проводилось это изучение применительно к гражданским правонарушениям, его результаты с некоторыми уточнениями и дополнениями могут быть использованы в рамках общего учения о защите субъективного права. Г.Ф. Шершеневич определял правонарушение как недозволенное действие, нарушающее чужое субъективное право причинением имущественного вреда²⁷. Действующее гражданское законодательство не раскрывает содержание термина «правонарушение». Исследуя правонарушение, некоторые цивилисты, как и Г.Ф. Шершеневич, в качестве его основного признака выделяют категорию противоправного поведения²⁸.

В области отношений, возникающих при защите права собственности производственного кооператива, шире трактуется и сама категория противоправности поведения. При деликте для признания правонарушения необходимо, чтобы действия уже совершились. В рамках же защиты права собственности производственного кооператива признаками противоправности обладают не только произошедшие действия, но и любые действия, которые совершены или будут совершены. Посягательством такие действия делает потенциальная опасность для субъективного права, а для действий, которым еще предстоит свершиться – также реальность совершения и реальность исходящей от них опасности для производственного кооператива.

Для того чтобы действия контрагента считались противоправными, необходимо наличие предмета посягательства, в качестве которого в охранительных отношениях выступают регулятивные права производственного кооператива, его свободы и закон-

²⁷ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 282.

²⁸ Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М., 1986. С.24-31.

ные интересы, а также неотчуждаемые права и другие нематериальные блага. Факт существования права, свобод, интереса или блага производственного кооператива должен сопровождаться возможностями защиты права собственности производственного кооператива, закрепленными в законе, при наличии которых только и может возникнуть право на устранение последствий посягательства в отношении права собственности производственного кооператива. Всякое не основанное на законе ущемление права собственности производственного кооператива, независимо от того, подлежат устранению его последствия или нет, является противоправным.

Полный состав правонарушения, помимо противоправности, включает в себя такие условия, как вред, вину нарушителя, причинную связь между противоправным поведением и вредом.

Только с возникновением права на защиту производственный кооператив, как потерпевшая сторона, вправе избрать ту линию поведения, которая, по его мнению, обеспечит восстановление нарушенного права. Это положение, получив законодательное закрепление, дает бесспорное основание считать, что момент, с которого институт защиты может быть востребован в любой форме, представляет собой начало действий, посягающих на субъективное право производственного кооператива. Таково общее правило, однако законодатель предусмотрел и исключение из него, предоставив управомоченному лицу возможность предпринять необходимые меры для пресечения действий (бездействия), не только нарушающих право, но и создающих угрозу нарушения.

Судебная защита права собственности производственного кооператива, согласно ст. 46 Конституции РФ, является одной из гарантий их осуществления. ГК РФ развивает и детализирует этот способ защиты субъективных гражданских прав производственного кооператива.

Решение обозначенных проблем позволит создать в Российской Федерации эффективный механизм защиты права собственности производственных кооперативов. Реализация такого механизма позволит констатировать реализацию демократических принципов существования государства. Создание правовой базы повлечет снижение числа принимаемых неправомερных решений представителями органов государственной власти и позволит повысить качество и эффективность практической работы правоприменителей как судебных, так и внесудебных инстанций.

Защита законного интереса производственных кооперативов возможна с использованием как регулятивных, так и охранительных норм, и только с возникновением права на защиту производственный кооператив как потерпевшая сторона вправе избрать ту линию поведения, которая, по его мнению, обеспечит восстановление нарушенного права. Это положение, получив законодательное закрепление, дает бесспорное основание считать, что момент, с которого институт защиты может быть востребован в любой форме, представляет собой начало действий, посягающих на субъективное право производственного кооператива. Следовательно, когда закон предоставляет производственным кооперативам возможность обратиться за защитой нарушенных прав либо в Арбитражный суд, либо к государственному или иному органу, выбор способа защиты принадлежит участнику гражданского правоотношения.

Таким образом, под механизмом защиты права собственности производственных кооперативов понимается приводимая в действие при помощи конкретных методов правового регулирования, выбор которых зависит в каждом конкретном случае от цели защиты права собственности, опирающаяся на государственное принуждение система мер, предусмотренных законом, направленных на неприкосновенность права собственности, его осуществимость и ликвидацию последствий его нарушения.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВОВ

А.С. Смирнов

Первоначальный теоретический анализ кооперативной собственности был принят в начале двадцатых годов XX века, хотя производственные кооперативы существовали и в дореволюционной России. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года закрепил три формы собственности – государственную, кооперативную и частную (ст. 52 ГК), что нашло отражение и в цивилистической литературе¹.

Наиболее распространенной точкой зрения в юридической литературе являлось признание кооперативной собственности видом частной собственности. А поскольку кооперативные организации пользовались перечисленными в ст. 58 ГК 1922 года общими правомочиями собственника, этого оказалось достаточным для признания их частными собственниками². Надо отметить, что данная позиция имела основания, если вспомнить политическую ситуацию 20-х годов, когда декретом СНК от 26 июня 1921 года «О средствах кооперации» был произведен перевод кооперации на хозяйственный расчет с правом образования оборотных средств³.

В начале 30-х годов взгляд на природу кооперативную собственность и паевого фонда, в частности, изменился. Внимание к этому вопросу было вызвано не только необходимостью разработки формы собственности, применимой к создаваемым коллективным сельским хозяйствам, но и изменением основ кооперации и переводом ее на «социалистические рельсы».

Указанные события инициировали широкое освещение социалистической сущности права кооперативной собственности. Так, Г.Н. Амфитеатров отстаивал позицию, согласно которой советская кооперация обладает глубокой социалистической сущностью. Она сближает кооперативную и государственную формы собственности. Основание этого он видел в появлении разветвленного законодательства, относящегося в равной мере и к государственному, и к кооперативному хозяйству⁴. Однако одной лишь классовой природы права кооперативной собственности в СССР для обоснования его самостоятельным видом было недостаточно. Необходимо было изменить и представления о паевом фонде. Поэтому в научной литературе прозвучало: «Паевые и другие взносы, производимые членами промысловой кооперации, поступая в капиталы организации, становятся собственностью последней»⁵. А так как социалистическая природа советской кооперации под сомнение уже больше не ставилась, исчезли последние препятствия к признанию также кооперативной собственности социалистической во всех ее составных частях.

По нашему мнению, такое совпадение по времени с периодом сплошной коллективизации сельского хозяйства не является случайным. Оно представляет собой пример, когда юриспруденция становится подвластной политической конъюнктуре. Кроме того, впоследствии вопрос о социалистической сущности кооперативно-колхозной собственности был решен наукой окончательно. Конституция СССР 1936 года провозгласила существование в нашей стране: социалистической собственности в двух формах – государственной и кооперативно-колхозной, личной собственности колхозного двора и

¹ См.: Аскназий С.И. Очерки хозяйственного права СССР. Л., 1926. С. 40-41; Вавин И.Г. Право собственности. Комментарий к ст. 52-70 Гражданского кодекса. М., 1923. С. 3-5.

² См.: Терехов А. Советское кооперативное право. Харьков, 1924.

³ См.: Френкель З.Г. Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией. М.: Муниципальная власть, 1999. С. 244.

⁴ См.: Курс советского хозяйственного права / Под ред. Л.Я. Гинцбурга, Е.Б. Пашуканиса. Т. 1. С. 189.

⁵ Генкин Д.М. Законодательство о промысловой кооперации. М., 1930. С.184.

отдельного гражданина, собственности мелких частных хозяйств единоличных крестьян и кустарей (ст. 5, 7, 9 и 10), что сразу же нашло отражение в научных публикациях и учебных материалах⁶.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года воспроизвели перечень тех же видов собственности, которые фигурируют в Конституции СССР 1936 года, но разграничили три формы социалистической собственности, выделив в особую форму наряду с государственной и кооперативно-колхозной также собственность профсоюзов и других общественных организаций (ст. 20, 24), что нашло отражение и в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года. Однако уже в Конституции СССР 1977 года подчеркивается, что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности (ст. 10), хотя роль государственной собственности оставалась ведущей.

Это, отчасти, способствовало тому, что долгие годы развитие кооперативной собственности сводилось в научной и особенно учебной литературе к определению путей сближения кооперативной собственности на средства производства с государственной собственностью⁷. Это не могло не сказаться отрицательно на отношении к самой кооперативной собственности: в теории она рассматривалась во многих работах как низшая, менее развитая по сравнению с государственной формой собственности. На практике имело место ограничение возможностей развития кооперативов, административное свертывание кооперативной собственности и превращение ее в государственную.

Данное положение пытались исправить в 80-х годах прошлого века, когда в докладе «О роли кооперации в развитии экономики страны и проекте Закона о кооперации в СССР» на девятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва было отмечено, что стратегический курс партии на перестройку даст желаемый эффект лишь в том случае, «если на деле будет обеспечено наращивание производственного потенциала и тесное взаимодействие государственного и кооперативного секторов экономики»⁸. Кооперативные предприятия и организации наряду с государственными предприятиями (объединениями) должны были составить основные звенья единого социалистического народно-хозяйственного комплекса. Как в тех, так и в других имуществе обобществлено на социалистических принципах, применяется организация труда, исключая эксплуатацию людей. Однако кооперативная собственность имеет свои собственные только ей признаки. Основной из них – это уровень обобществления. Если государственная собственность является всенародным достоянием и составляет единый фонд, то собственником имущества кооператива является только коллектив его членов. Ввиду более ограниченной степени обобществления их право на имущество кооператива осуществляется более непосредственно, чем у рабочих и служащих на государственных предприятиях. Именно на это и был сделан основной акцент.

В 1985 г. в экономике нашей страны на первый план была выдвинута задача соотношения форм собственности и базирующихся на ней систем хозяйствования. Одним из первых был поставлен вопрос о возрождении кооперативного движения и формировании новой разновидности производственной кооперации в сфере производства и услуг.

Естественно, возникает вопрос: почему появление негосударственных форм хозяйствования началось именно с кооперативов. К 1985 г. стало ясно, что развитие экономики только в рамках государственного сектора зашло в тупик. Безусловно, не-

⁶ Гражданское право. М., 1938. Т. 1. С. 163-167.

⁷ См.: Марьяновский В.Л. Экономическое содержание кооперативной собственности и пути ее развития // Кооперативная собственность при социализме: возможности и перспективы развития: Сборник обзоров. М., 1989. С. 47.

⁸ См.: Правда. 1988. 25 мая.

обходимы были другие системы хозяйствования. Но на данном этапе невозможно было представить развитие производственной деятельности, в основе которой лежала бы не коллективная собственность. Поэтому выбор и пал на кооперацию, которая должна была использовать преимущества новых хозяйственных форм на рубеже смены административно-командной системы хозяйственным механизмом, основанным на рыночных отношениях. Перед кооперацией ставилась задача "...заложить основу введения многообразия хозяйственных форм, ускорить переход экономики к рынку, использовать инициативу работников в коллективных формах хозяйства и т.д."⁹.

Выступая на 4 Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г., М.С.Горбачев, в частности, отмечал: "Необходимо воссоздать кооперацию не в старых, зачастую весьма простых ее формах, а кооперацию современную, широко интегрированную как внутри себя, так и с государственными предприятиями и учреждениями. Кооперация способна оказать существенную помощь в увеличении выпуска товаров народного потребления, в расширении сферы обслуживания, в сочетании крупных, средних и небольших предприятий. Немаловажна и другая сторона – решение социальных вопросов. Организуя многопрофильные производства, рассчитанные на разный уровень квалификации, кооперативная деятельность позволяет повышать занятость всех слоев населения"¹⁰.

Именно эта идея и была выражена в Законе СССР "О кооперации в СССР", принятым 26 мая 1988 г.

Однако возрождение кооперации началось на данном этапе не с принятия данного Закона, а значительно раньше. В развитии кооперативного законодательства на данном этапе можно выделить три периода:

- первый – лето 1986 г.- май 1988 г.;
- второй – лето-осень 1988 г.;
- третий – осень 1988 - лето 1989 г.

Первый период характеризуется тем, что кооперация, правда, со значительными трудностями, развивалась в бытовом обслуживании, переработке вторичного сырья, общественном питании, производстве товаров народного потребления и т.д.

До принятия Закона о кооперации регулирование деятельности кооперативов осуществлялось путем издания Правительством нормативных актов, касающихся отдельных видов кооперативов.

Благодаря этому были созданы возможности для более четкого и целенаправленного урегулирования организации и деятельности кооперации, централизованного учета особенностей их отдельных видов (Постановление Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г., №160 «О создании кооперативов общественного питания»¹¹; Постановление Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г. № 161 «О создании кооперативов по бытовому обслуживанию населения»¹²; Постановление Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г. № 162 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления»¹³; Постановление Совета Министров СССР от 10 сентября 1987 г. № 1042 «О создании кооперативов по выработке кондитерских и хлебобулочных изделий»¹⁴; Постановление Совета Министров СССР от 14 августа 1986 г. № 988 «Об организации заготовки и переработки вторичного сырья на кооперативной основе»¹⁵; Постановление Совета Министров СССР от 7 марта 1988 г. № 307 «О создании кооперативов по разработке программных средств вычислительной техники, а также по

⁹ Кооперация и обновление общества. Научный доклад на Всесоюзной научной конференции. Владимир, 1990. С.67.

¹⁰ Выступление М.С. Горбачева на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г. М., 1988. С.13-14.

¹¹ СП СССР. 1987 г. Отд.1. N10. Ст.41.

¹² СП СССР. 1987. Отд.1. N11.Ст.43.

¹³ СП СССР. 1987. Отд.1. N10. Ст.42.

¹⁴ СП СССР. 1987. Отд.1. N44. Ст.148.

¹⁵ СП СССР. 1987. Отд.1. N11. Ст.44.

оказанию информационно-вычислительных и посреднических услуг в области информатики»¹⁶; Постановление Госснаба СССР от 17 февраля 1988 г. №14 «О создании при территориальных органах Госснаба СССР кооперативов по реализации неиспользованной продукции»¹⁷).

Нельзя обойти вниманием и Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 декабря 1987 г. № 1457 «Об обеспечении эффективной занятости населения, совершенствовании системы трудоустройства и усиление социальных гарантий для трудящихся»¹⁸, в котором была отражена общая целевая установка законодателя на приоритетное развитие кооперации на данном этапе и отмечалась социальная значимость кооперативного движения. В ст.5 этого Постановления говорилось: «Считать одним из важных направлений использования труда высвобождаемых с предприятий работников вовлечение их в кооперативы».

В Постановлении Совета Министров СССР от 14 марта 1988 г. № 326 «О некоторых вопросах кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности» также указывалось на то, чтобы «...принять меры к ускорению создания кооперативов в целях увеличения выпуска продукции, расширения ее ассортимента и т.д. Всемерно содействовать расширению кооперативного движения»¹⁹.

На это были направлены также Постановление Совета Министров СССР от 15 мая 1986 г. № 562 «О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества»²⁰; Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1988 г. №225 «О дополнительных мерах по расширению продажи населению, кооперативам и лицам, занимающимся индивидуально-трудовой деятельностью, отходов производства, некондиционных материалов и изделий»²¹; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 марта 1988 г. № 406 «О мерах по ускорению развития жилищной кооперации»²².

Кроме этого, на данном этапе принимается ряд законодательных актов, регулирующих различные стороны создания и функционирования кооперативов, в частности, в области ценообразования (Письмо Госкомцен СССР от 24 апреля 1987 г. №10-17/1096-12 «О порядке оплаты продукции и услуг кооперативами и гражданами, занимающимися индивидуально-трудовой деятельностью»²³; Письмо Госкомцен СССР от 13 июля 1987 г. №10-17/1875-12 «О порядке расчетов за продукцию, реализуемую кооперативам и гражданам, занимающимся индивидуально-трудовой деятельностью»²⁴; Письмо Управления вторичных ресурсов Госснаба СССР от 28 декабря 1987 г. №045-351 «О ценах на сырье и оборудование, реализуемых кооперативам по заготовке и переработке вторичного сырья»²⁵), в области материально-технического обслуживания кооперативной деятельности (Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1988 г. №225 «О дополнительных мерах по расширению продажи населению и кооперативам отходов производства, некондиционных материалов и изделий»²⁶ и утвержденный Постановлением Госснаба СССР от 22 июня 1987 г. «Порядок обеспечения

¹⁶ СП СССР. 1988. Отд.81. N14. Ст.37.

¹⁷ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1988. N6. Ст. 44-45.

¹⁸ Кооперативы в сфере производства и услуг. Сборник нормативных актов. М., 1989. Т.1. С.44.

¹⁹ СП СССР. 1988. Отд.1. N15. Ст.41; 1989. Отд.1. N6. Ст.18.

²⁰ СП СССР. 1986. Отд.1. N22. Ст. 122.

²¹ СП СССР. 1988. Отд. 1. N12. Ст. 31.

²² СП СССР. 1988. Отд. 1. N16. Ст. 43.

²³ Бюллетень нормативных актов.1987.N8.С.11.

²⁴ Кооперативы в сфере производства и услуг. Сборник нормативных актов. Т.2. М., 1989. С.11.

²⁵ Там же. С.13.

²⁶ СП СССР. 1988. Отд.1. N12. Ст.31.

кооперативов по заготовке и переработке вторичного сырья при территориальных органах Госнаба СССР материально-техническими ресурсами»²⁷.

Своеобразным результатом развития кооперативного законодательства и началом второго этапа (лето-осень 1988 г.) следует считать принятие 26 мая 1988 г. Закона СССР «О кооперации в СССР», который, по мнению профессора Т.Е. Абовой, «...стал первым законодательным актом, сделавшим реальный шаг к разгосударствлению экономики и перехода к рынку в период, к нему совсем не готовый»²⁸.

«Закон о кооперации в СССР – кодификационный нормативный акт – подчеркивает Н.И. Титова, – вобравший в себя не только принципы, идеи норм уже существующих отраслей права (гражданского, трудового, финансового и т.д.), но и имеющий первичные кооперативные нормы, придающие ему принципиальную юридическую новизну»²⁹.

По нашему мнению, принятие прогрессивного, допускающего ряд экономических свобод Закона о кооперации, ускорило становление и раскрытие возможностей кооперативного сектора, перемены же в государственном хозяйстве сильно задерживались. Сразу же сформировались серьезные различия между двумя секторами экономики и, прежде всего, в сфере распределения. В связи с этим и первая реакция законодателя: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1988 г. «О налогообложении личных доходов членов кооперативов», по которому прогрессивное налогообложение личных доходов членов кооперативов достигло 90%³⁰.

Третий период в развитии кооперации начался принятием Постановления Совета Министров СССР от 29 декабря 1988 г. №1468 «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом о кооперации в СССР»³¹.

Однако, принимая такое решение, Правительство вышло далеко за пределы своей компетенции и слишком ограничило возможности кооперативов. Кроме того, было нарушено и немало статей Закона, в частности, об исключительном праве на выбор контрагента по договору (п. 3 ст.17).

В общем, правильная идея о государственном контроле за отдельными видами деятельности кооперативов была реализована не теми средствами.

В настоящее время Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1988 г. – факт исторический, поскольку Верховный Совет СССР Законом СССР «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «О кооперации в СССР», принятым 6 июля 1990 г.»³², внес существенные изменения: установление запретов и ограничение на осуществление соответствующих видов деятельности кооперативами было отнесено к ведению Верховного Совета СССР и союзных республик.

Происходящее в стране реформирование важнейших социально-экономических сторон жизни общества требовало изменений в законодательстве. Важнейшими нормативными актами, закрепляющими основы деятельности кооперативной системы в начале 90-х годов, стали: Закон СССР «О собственности в СССР»³³, введенный в действие 1 июля 1990 г.; Закон СССР «О предприятиях в СССР»³⁴, введенный в действие с 1 января 1991 г.; Закон РСФСР «О собственности в РСФСР»³⁵, введенный в действие с 1 ян-

²⁷ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1987. N12. С.13-15.

²⁸ Абова Т.Е. Организация и деятельность кооперативов: правовой аспект. М., 1991. С.7.

²⁹ Титова Н.И. Кооперативное законодательство и право //Правовые проблемы развития сельскохозяйственной кооперации в свете решений XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1989. С.32.

³⁰ Кооперация и обновление общества. Владимир, 1990. С.69.

³¹ СП СССР. 1989. Отд. 1. N4. Ст. 12.

³² Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. N26. Ст.489.

³³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №11. Ст. 164.

³⁴ Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.

³⁵ Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 30. Ст. 416.

варя 1991 г.; Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»³⁶, также введенный в действие с 1 января 1991 г.

Закон СССР от 6 марта 1990 года № 1305-1 «О собственности в СССР» установил, что собственность в СССР выступает в форме собственности советских граждан, коллективной и государственной собственности (п. 1 ст. 4)³⁷. Указанный нормативный акт допускал объединение имущества, находящегося в собственности граждан, юридических лиц и государства, образование на этой основе смешанных форм собственности, в том числе собственности совместных предприятий с участием советских юридических лиц и иностранных юридических лиц и граждан. Более того, законодательными актами союзных и автономных республик могли устанавливаться иные, не предусмотренные законом, формы собственности (п. 3,4 ст. 4). Названный закон отнес собственность кооперативов к коллективной форме собственности, указав, что имущество кооператива образуется за счет денежных и других имущественных взносов его членов, произведенной им продукции, доходов, полученных от их реализации, и иной деятельности, предусмотренной уставом кооператива» (ст. 13).

Закон РСФСР от 24 декабря 1990 года «О собственности в РСФСР» установил, что имущество может находиться в частной, государственной, муниципальной собственности, а также в собственности общественных объединений (организаций) (п. 3 ст. 2)³⁸. Таким образом, кооперативная собственность не нашла места среди самостоятельных форм собственности, более того, в законе нет не единого упоминания о ней. Лишь только в ст. 15 устанавливается, что в имуществе, являющемся собственностью кооперативного предприятия, определяются вклады всех его работников. Это объяснялось тем, что законом, принятым уже на следующий день, т.е. законом РСФСР от 25 декабря 1990 года «О предприятиях и предпринимательской деятельности», кооперативы были исключены из перечня организационно-правовых форм юридических лиц, а в отношении имущества полного товарищества, смешанного (коммандитного) товарищества и товарищества с ограниченной ответственностью (акционерного общества закрытого типа) было установлено, что оно принадлежит их участникам на праве общей долевой собственности³⁹. Постановлением Правительства РСФСР от 29 декабря 1991 года «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» им предписано привести свой статус в соответствие с законом «О предприятиях и предпринимательской деятельности», а за всеми членами колхозов и работниками совхозов, в том числе ушедшими на пенсию, признано право на бесплатный земельный и имущественный пай в общей долевой собственности; пай может быть предоставлен и работникам социальной сферы на территории хозяйства⁴⁰.

В Конституцию РФ 1978 года 9 декабря 1992 года было внесено дополнение, состоящее в том, что коллективная собственность включает в себя общую совместную и общую долевую собственность (ст. 10). Само по себе отождествление коллективной (корпоративной) и общей собственности допускается в отношении собственности физических лиц, но вот отождествление общей собственности граждан с коллективной (корпоративной) собственностью юридических лиц и на данной основе лишение последних права собственности – это, как отмечают некоторые авторы, нечто неслыханное⁴¹. «Теоретической основой» смешения коллективной (корпоративной) собственности юридических лиц с личной или общей собственностью граждан явилась,

³⁶ Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. №30. Ст. 418.

³⁷ Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

³⁸ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416; 1992. № 34- Ст. 1966.

³⁹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418; 1992. № 34. Ст. 1966; 1993. № 32. Ст. 1256.

⁴⁰ СП РФ. 1992. № 1-2. Ст.9. См.: Вестник СГАП. 1997. № 1. С. 140-147.

⁴¹ Рыбаков В.А., Тархов ВА. Собственность и право собственности: Монография. Уфа: УЮИ МВД России, 2001. С. 76.

возможно, конструкция «общественно-индивидуального типа собственности»⁴². Гражданский кодекс РФ исключил данный парадокс, установив, что общей собственности на основной предмет деятельности юридических лиц быть не может, она возникает только в простых товариществах (ст. 1043 ГК).

Конституция РФ 1993 года провозгласила, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (п. 2 ст. 8 Конституции).

Гражданский кодекс РФ, кроме краткого воспроизведения в п. 1 ст. 212 процитированного уже пункта Конституции, не содержит слов «частная собственность», употребляя слово «собственность» без прилагательных. В Конституции объединения граждан упоминаются только в частной собственности на землю. Поэтому утверждение авторов учебников, что частная собственность делится на собственность граждан и юридических лиц⁴³, является их не подтверждаемым пока законом логическим выводом. Конечно, юридические лица могут быть частнособственническими, однако немало юридических лиц, основанных на государственной и муниципальной собственности, а также на собственности общественных и религиозных организаций⁴⁴.

Таким образом, основным кодифицированным актом, регулирующим деятельность производственных кооперативов в России, является Гражданский Кодекс РФ, где в ст. 107 дается определение производственного кооператива, а также рассматривается его гражданско-правовая ответственность.

Следующим Федеральным законом, регулирующим деятельность производственных кооперативов в России, является Федеральный закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (с послед. изм. от 21 марта 2002 г.)⁴⁵. Статья 1 указанного Закона почти дословно воспроизводит текст ст. 107 ГК РФ.

Закон «О производственных кооперативах» содержит нормы, обуславливающие требования, которым должны удовлетворять производственные кооперативы, правила лицензирования их деятельности, правила обеспечения устойчивости финансового положения, надзор за их деятельностью.

Еще один Федеральный закон, регулирующий деятельность производственных кооперативов в России – это Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. №193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (с послед. изм. от 11 июня 2003 г.)⁴⁶. Специфика указанного нормативного акта заключается в том, что он регулирует деятельность сельскохозяйственных производственных кооперативов.

Единственное, о чем с полной уверенностью можно говорить сейчас, что категория форм собственности остается реалией российского гражданского законодательства, причем перечень, указанный в ст. 212 ГК РФ, не является исчерпывающим, поскольку указывает на возможность существования «иных» форм, к которым мы относим, например, коллективную (корпоративную) кооперативную собственность. Также в настоящее время на законодательном уровне обсуждается вопрос о восстановлении права собственности казачьих общин, учреждения права собственности религиозных организаций⁴⁷.

Кроме Гражданского кодекса и указанных Законов, имеется довольно большое число и других федеральных законов, регулирующих деятельность производственных кооперативов.

⁴² См.: Бондарь Н.С. Указ. соч. С. 92-95

⁴³ См.: Гражданское право. 1996. С. 301.

⁴⁴ См.: Тархов ВЛ., Рыбаков ВЛ. Указ. соч. С. 44

⁴⁵ СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321; 2001. №21. Ст.2062; 2002. №12. Ст.1093.

⁴⁶ СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870; 1997. № 10. Ст. 1120; 1999. № 8. Ст. 973; 2002. №12. Ст.1093; 2003. №24. Ст.2248.

⁴⁷ См.: Колпакова А.В. Формы собственности и их соотношение // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Статут, 2000.. С. 135-137.

Основополагающим федеральным законом является Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с послед. изм. от 2 июля 2005 г.)⁴⁸, который регулирует отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией производственных кооперативов при их создании, реорганизации и ликвидации, при внесении изменений в их учредительные документы.

Следующим федеральным законом является Федеральный закон от 8 августа 2001 г. №128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с послед. изм. от 2 июля 2005 г.)⁴⁹, который в свою очередь регулирует отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности.

Федеральный закон от 23 сентября 1992 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (с послед. изм. от 24 дек. 2002 г.)⁵⁰ регулирует отношения, возникающие в связи с правовой охраной и использованием товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров.

Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22 марта 1991 г. (с послед. изм. от 7 марта 2005 г.)⁵¹ направлен на обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности на территории Российской Федерации и на создание условий для эффективного функционирования товарных рынков.

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с послед. изм. от 31 дек. 2005 г.)⁵² определяет необходимость проведения государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним как обязательное требование ко всем операциям, совершаемым с недвижимостью производственного кооператива. Введение такой системы преследует несколько целей: а) придать предельную открытость (прозрачность) правам на недвижимое имущество, а также информации об этих правах; б) ввести государственный контроль за совершением сделок с недвижимым имуществом (переходом прав на нее) и тем самым максимально защитить права и законные интересы производственного кооператива; в) внести единообразие в процедуру регистрации прав на недвижимость на всей территории России.

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с послед. изм. от 24 окт. 2005 г.)⁵³ устанавливает основания для признания производственного кооператива несостоятельным (банкротом), регулирует порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), по-

⁴⁸ СЗ РФ. 2001. №33. Часть I. Ст.3431; 2003. №26. Ст.2565; №50. Ст.4855; №52. Ст.5037; 2004. №45. Ст.4377; 2005. №27. Ст.2722.

⁴⁹ СЗ РФ. 2001. № 33. Ч.1. Ст. 3430; 2003. №52. Ст.5037; 2004. №45. Ст.4377; 2005. №13. Ст.1078; №27. Ст.2719.

⁵⁰ Ведомости РФ. 1992. № 42. Ст. 2322; 2001. №1 (Ч.1). Ст.2; №53 (Ч.1). Ст.5030; 2002. №50. Ст. 4927; №52 (Ч.1). Ст.5132.

⁵¹ Ведомости РФ. 1991. № 16. Ст. 499; 1992. № 32. Ст. 1882; № 34. Ст. 1966; СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1977; 1998. № 19. Ст. 2066; 2000. № 2. Ст. 124; 2001. №1 (Ч.1). Ст.2; 2002. №12. Ст.1093; №41. Ст.3969; 2005. №10. Ст.761.

⁵² СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594; 2001. №11. Ст.997; №16. Ст.1533; 2002. №15. Ст.1377; 2003. №24. Ст.2244; 2004. №30. Ст.3081; №27. Ст.2711; №35. Ст.3607; №45. Ст.4377; 2005. №1. Ст.22,43; 2006. №1. Ст.17.

⁵³ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2004. №35. Ст.367; 2005. №1. Ст.18, 46; №44. Ст.4471.

рядок и условия проведения процедур банкротства и иные отношения, возникающие при неспособности производственного кооператива удовлетворить в полном объеме требования кредиторов.

Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 1993 г. №5351-1 (с послед. изм. от 20 июля 2004 г.)⁵⁴ регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства (авторское право), фонограмм исполнений, постановок, передач организаций эфирного или кабельного вещания (смежные права) производственным кооперативом.

Патентный закон РФ от 23 сентября 1992 г. (с послед. изм. от 2 февр. 2006 г.)⁵⁵ регулируют отношения, возникающие в связи с правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей и промышленных образцов производственными кооперативами.

Федеральный закон «О рекламе» от 18 июля 1995 г. (с послед. изм. от 21 июля 2005 г.)⁵⁶ регулирует отношения, возникающие в процессе производства, размещения и распространения рекламы на рынках товаров, работ, услуг производственными кооперативами.

Федеральным законом от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете»⁵⁷ (далее – ФЗ о бухучете) определяются права и обязанности руководителя производственного кооператива и его главного бухгалтера в этой области. Закрепляется обязанность производственного кооператива хранить первичные учетные документы, регистры бухгалтерского учета и бухгалтерскую отчетность в течение сроков, устанавливаемых в соответствии с правилами организации государственного архивного дела, но не менее пяти лет.

Беря за основу комплексный характер законодательства, регулирующего деятельность производственных кооперативов, на наш взгляд, вряд ли допустимо ограничивать его состав лишь федеральными законами. Подзаконные нормативные акты составляют значительную группу источников правового регулирования рассматриваемых отношений. Поэтому в состав кооперативного законодательства также могут входить подзаконные нормативные акты, такие как указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные акты. Перечисленные акты образуют федеральный уровень регулирования кооперативного законодательства. Так, например, Указом Президента РФ от 27 июля 1993 г. № 1139 «О некоторых мерах по поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов»⁵⁸, Постановлением СМ РСФСР от 4 января 1991 г. № 9 «О поддержке развития крестьянских (фермерских) хозяйств, их ассоциаций, союзов и кооперативов»⁵⁹ регулируется деятельность производственных кооперативов.

Кроме того, важную роль в регулировании права собственности производственных кооперативов исполняют ведомственные нормативные акты, такие как Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации, утвержденным приказом Министерства финансов РФ от 29 июля 1998 г. № 34 н⁶⁰ (далее – Положение №34н).

⁵⁴ Ведомости РФ. 1993. № 32. Ст. 1242; 1995. № 30. Ст. 2866; 2004. №30. Ст.3090.

⁵⁵ Ведомости РФ. 1992. №42. Ст. 2319; 2001. №1 (Ч.1). Ст.2; №53 (Ч.1). Ст. 5030; 2002. №52 (Ч.1). Ст. 5132; 2003. №6. Ст.505; 2006. №6. Ст.636.

⁵⁶ СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2864; 1998. № 10. Ст. 1143; 2001. №26. Ст.2580; №51. Ст.4827; 2002. №1 (Ч.1). Ст.2; 2004. №34. Ст.3530; №35. Ст.3607; №45. Ст.4377; 2005. №19. Ст.1752; №30. Ст.3124.

⁵⁷ СЗ РФ. 1996. № 48. Ст. 3369; 2003. №27. Ст.2700.

⁵⁸ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. N 31. Ст. 2928.

⁵⁹ Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1991. N 7. Ст. 105.

⁶⁰ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 23; 2000. № 7-8; № 32.

Рассмотрев источники правового регулирования деятельности производственных кооперативов, мы пришли к выводу, что социально-экономические преобразования, проводимые в России, способствовали стремительному созреванию частного сектора в экономике. Возрождение производственных кооперативов, существовавших в России со второй половины XVII в., стало жизненно необходимым для народного хозяйства.

В действующем кооперативном законодательстве содержится большое количество спорных вопросов и пробелов в части формирования органов управления производственных кооперативов. В этой связи представляется важным изучение истории становления кооперативного законодательства как в России, так и за рубежом. Особенность нашей российской действительности состоит в том, что, если в зарубежных странах этот этап развития производственных кооперативов (этап массовых нарушений и злоупотреблений) был пройден лишь один раз, то мы его повторяем дважды (первый – до Октябрьской революции 1917 г., второй – с начала 90-х годов).

По нашему мнению основные проблемы современного кооперативного законодательства России связаны с несоответствием отдельных положений ГК РФ и положений ФЗ «О производственных кооперативах» и «О сельскохозяйственной кооперации», а также с необходимостью обеспечения единства законодательного регулирования и приведения положений ФЗ «О производственных кооперативах» и «О сельскохозяйственной кооперации» в соответствие с положениями других федеральных законов. Учитывая, что производственные кооперативы в коммерческом секторе экономики занимают первостепенное значение, мы считаем, что назрела необходимость постановки и законодательного решения проблемы правового обеспечения коммерческого сектора экономики. Для реализации этого требуется, чтобы законодательство России о производственных кооперативах смогло вобрать в себя все самое ценное, существовавшее в русском дореволюционном законодательстве, нормативных актах первых лет советской власти, правовых актах других стран.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеев Георгий Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии.

Аль-Ани Намир Махди – доктор философских наук, профессор кафедры философии.

Анисимов Александр Юрьевич – аспирант кафедры финансового менеджмента.

Антонова Ольга Аркадьевна – доктор философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета.

Бабяк Анастасия Геннадьевна – ассистент преподавателя кафедры менеджмента.

Баева Елена Петровна – старший преподаватель кафедры всемирной истории.

Бакиева Алия Абдрахмановна – ассистент кафедры прикладной экономики и маркетинга.

Бартошевич Станислав Владимирович – магистрант факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Батова Татьяна Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики и маркетинга.

Бойко Сергей Анатольевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Борисенок Андрей Леонидович – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Борисов Олег Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Брыкин Леонид Витальевич – заведующий кафедрой компьютерного моделирования Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Брылевская Анна Алексеевна – студентка V курса философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Буханов Константин Александрович – аспирант кафедры финансового менеджмента.

Быстрова Елена Адольфовна – аспирантка кафедры социологии.

Варламов Борис Александрович – кандидат экономических наук, ассистент кафедры менеджмента.

Веприк Олег Михайлович – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Волкова Светлана Леонидовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Гаврилов Николай Петрович – старший преподаватель кафедры финансового менеджмента.

Голубев Андрей Александрович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента.

Гусева Анна Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и бизнеса.

Дивисенко Ольга Сергеевна – аспирантка кафедры социологии.

Жданов Александр Иванович – кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента.

Жданов Игорь Александрович – студент 5 курса факультета компьютерных технологий и управления.

Зефирова Екатерина Витальевна – старший преподаватель кафедры физического воспитания и валеологии.

Иванова Наталья Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии.

Игнатенко Александр Алексеевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Игошин Филипп Юрьевич – аспирант кафедры финансового менеджмента.

Исакова Светлана Николаевна – студентка Санкт-Петербургского государственного университета.

Каменская Надежда Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории.

Касьянова Екатерина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Катунькина Наталья Владимировна – экономист.

Козловская Ольга Георгиевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков

Коротков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории.

Кузнецова Вера Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии.

Кузьмина Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всемирной истории.

Кустарев Валерий Павлович – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента

Леонтьева Ольга Александровна – ассистент кафедры экономической теории и бизнеса.

Лобачкова Мария Геннадьевна - аспирантка кафедры всеобщей истории Петрозаводского государственного университета.

Ломова Ирина Олеговна – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии.

Лукьянов Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии.

Маркушевская Лариса Петровна – кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков.

Масленников Павел Александрович – аспирант кафедры менеджмента.

Милославов Алексей Сергеевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Мишура Людмила Геннадиевна – ассистент кафедры финансового менеджмента.

Морозов Григорий Никитович – аспирант Северо-Западной Академии государственной службы при Президенте РФ.

Новолодская Татьяна Алексеевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Орлов Олег Игоревич – студент факультета массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения

Орлова Любовь Яковлевна - доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии.

Ошарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории.

Павлова Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики и маркетинга.

Платонова Валентина Александровна – доцент кафедры физического воспитания и валеологии.

Подлесных Виктор Иванович – кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента.

Попова Лидия Викторовна – аспирант кафедры финансового менеджмента.

Прохоров Юрий Константинович – кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента.

Рекин Владимир Захарович – старший преподаватель кафедры физического воспитания и валеологии.

Репин Александр Владимирович – студент 2 курса.

Роговой Юрий Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Садовников Валерий Николаевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии.

Санин Константин Васильевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента.

Санин Михаил Константинович – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента.

Свечникова Наталья Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Сергеева Ольга Владимировна – старший лаборант кафедры социологии.

Сиволап Татьяна Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Скопцов Владислав Владимирович – аспирант кафедры социологии.

Смирнов Сергей Борисович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и бизнеса.

Смирнов Александр Сергеевич – аспирант кафедры гражданского права РГПУ им. А.И. Герцена

Солоусов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории.

Суворов Юрий Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и валеологии.

Татаркина Любовь Александровна – аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Телегин Михаил Сергеевич – аспирант кафедры финансового менеджмента.

Тихомирова Ольга Геннадьевна – доцент кафедры менеджмента.

Толстикова Анна Александровна – студентка IV курса социологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Толстикова Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии.

Тюленев Леонид Васильевич – кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента.

Удин Евгений Геннадьевич – капитан I ранга, доцент, начальник военно-морской кафедры № 1 ФВО.

Федотов Юрий Николаевич – кандидат технических наук, профессор, заведующий кафедрой массовой физкультурно-оздоровительной работы и туризма. Государственного университета физической культуры им. П.Ф. Лесгафта

Федотова Анна Александровна – доцент кафедры физического воспитания и валеологии.

Филичева Надежда Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии.

Фомина Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии, директор Межвузовского центра по дистанционным технологиям в междисциплинарном образовании.

Хусаинова Эльвира Робертовна – преподаватель кафедры иностранных языков.

Чарская Тамара Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Щёголев Валерий Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания и валеологии.

Щедрин Юрий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания и валеологии.

Янушевич Игорь Николаевич – соискатель кафедры экономической теории и бизнеса.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ФИЛОСОФИЯ. ЛОГИКА	3
Аль-Ани Н.М. О «целевой причине» или о том, сможет ли «будущее» влиять на «настоящее»	3
Аль-Ани Н.М. Трансформация рациональности из средства освобождения человека в фактор его порабощения	9
Антонова О.А., Брылевская А.А. Философский анализ функции воображения в виртуальной реальности.....	12
Ломова И.О. Философия изобретения И.И. Лапшина.....	18
Милославов А.С. Математическое и нематематическое в информатике: философско-методологический аспект	22
Новолодская Т.А. К вопросу о возможности использовать метафоры в качестве аргумента в научном дискурсе.....	30
Садовников В.Н. «Мужество безвкусицы» или неумение читать	34
Роговой Ю.П. Особенности аргументации в процессах коммуникации	44
2. ИСТОРИЯ	48
Баева Е.П., Иванова Н.М. Благотворительные комитеты и Первая Мировая война	48
Бартошевич С.В. Миф о сверхоружии: советские танки 1941 года.....	53
Каменская Н.Е. Грузино-абхазский военный конфликт 1992–1993 г.г.: причины и последствия.....	58
Коротков С.Н. Прусское законодательство о французских эмигрантах: к проблеме влияния Французской революции XVIII в. на Германию.....	64
Кузьмина О.В. Особенности организации системы начального образования в пореформенной России (к вопросу об отношении государства, помещиков и крестьян к народным школам).....	76
Лобачкова М.Г. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина о политике Первого консула Франции (1802–1803 г.г.).....	84
Ошарин А.В. Рабочий вопрос в политике петербургских предпринимателей в 1905–1907 гг.....	91
Солоусов А.С. Национальный вопрос в России во второй половине XIX – начале XX в.в. в трудах консерваторов	102
Тропов И.А. Об учреждении волостных ведомств в России в 1917 году (на примере Петроградской губернии).....	108
3. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО	111
Алексеев Г.В. Политико-правовые основы экономической формации информационного общества	111
Морозов Г.Н., Алексеев Г.В. Правовые основы деятельности по отчуждению государственного имущества в Германии, США и других зарубежных странах... ..	117
Бойко С.А. Современная сеть российских кинотеатров нового поколения и прогнозы ее развития	123
Борисенок А.Л. Понятие организационной культуры как аналог корпоративной культуры	127

Веприк О.М. «Торговая марка», «бренд» и «товарный знак»	134
Дивисенко О.С. Определение термина «муниципальная элита»	136
Исакова С.Н. Театр как фактор межкультурной коммуникации в изучении иностранного языка	139
Игнатенко А.А. Магази́нная витрина как средство коммуникации: исторический опыт и современность	144
Кузнецова В.В. Особенности коммуникации в экстренных ситуациях	150
Татаркина Л.А. Средства реализации региональной экономической политики	152
Орлова Л.Я. О механизмах взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Санкт-Петербурге	155
Орлов О.И. Конституционно-правовые принципы муниципальной службы	162
Сергеев О.В. Использование социальной психологии в PR-деятельности	169
Скопцов В.В. Национальные проекты. Юридические аспекты реализации	174
Быстрова Е.А. Российская Федерация как социальное государство	180
Сиволап Т.Е. Проблема сохранения культурного населения	183
Брыкин Л.В. Управление качеством учебного процесса на кафедре высшего учебного заведения	189
4. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	191
Фомина Н.Н. Представление о русской культуре в отечественной культурологической мысли	191
Толстикова И.И. Архитектурная культурография конца XX века	196
Борисов О.С. Философско-психологические аспекты современного религиозного сознания (фрагменты монографии «Религиозное сознание»)	201
Репин А.В. Народ усобицы Рыса (Предисловие и научная редакция Н.О. Свечниковой)	213
Филичева Н.В. Образ и стиль. Мода Art Deco	221
Касьянова Е.В. «Социальная и культурная динамика» П.А. Сорокина и угроза тоталитарного общества	231
Толстикова А.А. К вопросу об этнической толерантности	236
5. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОМ МУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ	241
Волкова С.Л. Динамика развития познавательного интереса к иностранному языку	241
Козловская О.Г. Когнитивный подход к исследованию термина как инструмента познания	245
Маркушевская Л.П. Методика обучения ознакомительному чтению на младших курсах неязыкового вуза	248
Хусаинова Э.Р. Трудности перевода сложных существительных и их словообразовательные модели	253
Чарская Т.К. Метод проектов и использование его принципов в преподавании иностраных языков	257
6. МЕНЕДЖМЕНТ	261
Подлесных В.И. Главные особенности влияния Интернет-технологий на экономику	261

Гусева А.А., Смирнов С.Б. Конкурентные преимущества для интеграции России в мировую экономику	265
Тюленев Л.В. Роль производственной инфраструктуры в развитии рыночной экономики страны	268
Янушевич И.Н. Базовые стратегии промышленного научно-производственного предприятия.....	271
Попова Л.В. Политический риск и его влияние на развитие предпринимательства в России	275
Масленников П.А. Взаимосвязь надежности и эффективности в производственных системах.....	278
Батова Т.Н., Катунькина Н.В. Анализ методов прогнозирования банкротства....	281
предприятий	
Варламов Б.А. Инновационный потенциал предприятия: сущность понятия.....	285
Бакиева А.А. Анализ подходов к оценке инвестиционной привлекательности российских регионов	289
Санин М.К. Использование теоремы Байеса в управлении персоналом	292
Бабяк А.Г. Планирование обеспечения предприятия материально-техническими ресурсами.....	296
Батова Т.Н. Экономическая сущности оборотных средств	299
Прохоров Ю.К. Что нужно знать менеджеру о качестве	302
Буханов К.А. Управление материальными активами в аспекте управленческого учета промышленного предприятия.....	307
Гаврилов Н.П., Санин К.В. О международных стандартах финансовой отчетности	310
Анисимов А.Ю. Развитие сети оператора как средство рыночной экспансии.....	313
Телегин М.С. Особенности инвестирования в сфере телекоммуникаций.....	315
Гаврилов Н.П., Санин К.В. Проблемы финансирования местного самоуправления	318
Жданов А.И., Жданов И.А. Роль малого бизнеса в концепции реформирования ЖКХ	320
Игошин Ф.Ю. Процесс, методы и стратегические принципы ценообразования в книжной торговле.....	323
Голубев А.А., Мишура Л.Г. Стратегические проблемы развития организаций высшего профессионального образования в аспекте организационной интеграции.....	327
Мишура Л.Г. Выбор организационно-интегральной стратегии учреждения высшего профессионального образования на основании оценки качества образования	330
Кустарев В.П. Совершенствование управление организацией и менеджмент-образование.....	333
Тихомирова О.Г. Формирование и развитие корпоративной культуры университета.....	336
Леонтьева О.А. Проблема качества высшего образования в России.....	341
Батова Т.Н., Павлова Е.А. Второе высшее экономическое образование как фактор повышения конкурентоспособности выпускников.....	344

7. ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	346
Платонова В.А., Зефирова Е.В. Основные направления воспитания студентов в процессе физкультурно-спортивной деятельности.....	346
Щеголев В.А., Щедрин Ю.Н. Особенности воспитания студенческого коллектива на различных этапах его формирования с использованием средств физической культуры и спорта	348
Суворов Ю.А., Щедрин Ю.Н. Основные задачи процесса физического воспитания при формировании целевого единства студенческого коллектива	351
Суворов Ю.А., Рекин В.З., Платонова В.А. Организаторские и управленческие аспекты деятельности преподавателя в интегративном подходе к спортивно-гуманистическому воспитанию студентов.....	353
Федотова А.А., Федотов Ю.Н. Определение модельных характеристик спортивных туристских походов	358
Удин Е.Г. Исторический обзор возникновения военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования	363
Удин Е.Г. Опыт зарубежных стран по подготовке офицеров резерва	368
8. ПОЛИТОЛОГИЯ.....	375
Лукьянов В.Ю. Технология политического лидерства в тоталитарном государстве – идеологический аспект (институт лидерства в период 30-х - 40-х годов XX века. И.В. Сталин и А. Гитлер.)	375
Смирнов А.С. Понятие механизма защиты права собственности производственных кооперативов.....	384
Смирнов А.С. Становление и развитие законодательства, регулирующего право собственности производственных кооперативов	394
НАШИ АВТОРЫ.....	404

Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. Выпуск 24. Гуманитарные и экономические проблемы / Главный редактор д.т.н., проф. В.Н. Васильев. – СПб: СПбГУ ИТМО, 2006. 412 с.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК СПбГУ ИТМО
Выпуск 24

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Главный редактор
доктор технических наук, профессор
В.Н. Васильев

Дизайн обложки В.А. Петров, А.А. Колокольников
Редакционно-издательский отдел СПбГУ ИТМО
Зав. РИО Н.Ф. Гусарова

Лицензия ИД № 00408 от 05.11.99.

Подписано в печать 20.09.06.

Заказ 954. Тираж 100 экз.